РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

1.

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. О Чертковской библіотекѣ въ 1864 г.
2. Записки Голштинскаго Министра *графа Бассевича* (о Петрѣ великомъ) 1713 — 1725, въ переводѣ *И. Ѳ. Аммона*, съ примѣчаніями.
3. Баронъ Петръ Шафировъ (изъ *Гельбига*).
4. Изъ бумагъ кн. Потемкина Таврическаго 1783—1791 (Письма къ нему *В. С. Попова*. секретный рескриптъ *Екатерины II* о Польшѣ и пр.)
5. Нѣмецкій пасквиль на Ломоносова. 1754.
6. Княжна Тараканова, *М. Н. Лонгинова*.
7. Изъ воспоминаній о Пушкинѣ (1826—1837). *М. П. Погодина*.
8. Письмо *А. Ѳ. Мерзлякова* къ Ѳ. М. Вельяминову-Зернову о Москвѣ послѣ французскаго нашествія (сообщено *М. А. Дмитріевымъ*).
9. Свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1863 г. *Г. Н. Геннади*.

Для новыхъ подписчиковъ прилагается указатель къ «Русской Бесѣдѣ». 1856—1860 г.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп.

1865.

Въ Чертковской библіотекѣ можно получать слѣдующія книги:

Сочиненія А. Д. Черткова:

1. *Воспоминанія о Сициліи.* М. 1836—1837. 8°. 2 части, съ большимъ атласомъ, содержащимъ въ себѣ рисунки къ этому археологическому путешествію. Ц. 2. р.

2. *О переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай и къ намъ на Русь.* М. 1851. 8°. Цѣна 50 к.

3. *Ѳракійскія племена, жившія въ Малой Азіи.* М. 1852. 8°. Цѣна 50 к.

4. *Пелазго-Ѳракійскія племена, населявшія Италію.* М. 1853. 8°. Цѣна 50 к.

---

5. Каталогъ Чертковской библіотеки. Землеописаніе М. 1864. 8°. Цѣна 1 р.

Путешествіе въ св. землю священника *Лукьянова* при Петрѣ великомъ. М. 1864 г. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

Стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго. М. 1862. 6. 8°. Цѣна 2 р.

Разсказы изъ исторіи христіанской церкви. М. 1863. мал. 8°. 3 ч.: I, IV и 215 (первый вѣкъ); II, 264 (до начала IV вѣка); III (до X вѣка) 393 стр. Цѣна за три части 1 р. 60 к.

Библіографическія Записки 1858 и 1859 г. 2 бол. тома въ 4°, со снимками, портретами и съ полнымъ указателемъ къ Вѣстнику Европы, сост. *М. П. Полуденскимъ.* Цѣна каждому т. по 4 р. с. Указатель продается отдѣльно по 1 р. с.

Величко. Лѣтопись событій въ югозападной Россіи. Кіевъ. 1848—1855. 8°, 3 большіе тома. 3 р.

Гоголь. Ревизоръ. М. 1841. 8°. 1 р.

Дантъ. Адъ. Переводъ *Мина.* М. 1852. 2 р.

Сочиненія *Карамзина, Державина, Капниста, кн. И. М. Долгорукаго, Богдановича, Д. В. Давыдова, Нахимова, Милонова, Судовщикова, Нелединскаго, Дельвига и Измаилова* по 1 р. за каждый томъ.

Шеппингъ. Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ. М. 1862. 8°. 1 р.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1865

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ВЫПУСКАМИ

ПРИ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ

И

ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

ИЗУЧЕНІЮ РОССІИ

ВЪ XVIII И XIX СТОЛѢТІЯХЪ.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и К°.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

О ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ ВЪ 1864 ГОДУ.

Библіотека, собранная покойнымъ *Александромъ Дмитріевичемъ Чертковымъ* изъ книгъ и рукописей на разныхъ языкахъ, исключительно о нашемъ отечествѣ, принаровленная къ общественному пользованію и помѣщенная въ лѣвомъ крылѣ Чертковскаго дома на Мясницкой (первый подъѣздъ со стороны Лубянской площади), въ 1864 году была открыта для *безплатнаго* чтенія, по три раза въ недѣлю до половины Мая мѣсяца, по два раза въ теченіи лѣта, и ежедневно, отъ 10 до 3 часовъ утра, съ половины Августа.

Число посѣтителей въ 1864 году, среднимъ числомъ, не превышало 10 человѣкъ въ день. Изъ нихъ одни являлись только для обозрѣнія, другіе приходили за справками, третьи (наибольшее число) просиживали подолгу: это были преимущественно молодые люди, приготовлявшіеся къ поступленію въ университетъ или къ полученію кандидатства.

Честь учрежденія библіотеки въ настоящемъ ея видѣ и предоставленія ея сокровищъ пользованію общественному принадлежитъ нынѣшнему ея владѣльцу *Григорію Александровичу Черткову*. На его иждивеніи состоятъ при библіотекѣ: библіотекарь, двое его помощниковъ и двое служителей. Кромѣ того библіотека пополняется новыми покупками.

Изъ купленныхъ въ 1864 году книгъ слѣдуетъ особенно упомянуть и Сводѣ (новаго изданія) и о Полномъ собраніи законовъ (до 1839 г.).

Въ Чертковскую библіотеку въ 1864 г. поступило нѣсколько пожертвованій, за которыя здѣсь изъявляется признательность. *Императорская Академія наукъ*, вслѣдствіе Прошенія библіотекаря, переданнаго покойнымъ предсѣдателемъ Академіи, незабвеннымъ ревнителемъ Русскаго просвѣщенія гр. Д. Н. Блудовымъ, препроводила многія свои изданія, коихъ не доставало въ Чертковской библіотекѣ. *Кн. В. Ѳ. Одоевскій* доставилъ до 50 книгъ и брошюръ пре-

имущественно офиціальныхъ отчетовъ, не имѣющихся въ продажѣ; *Варвара Дмитріевна Арнольди* принесла въ даръ тетрадь рукописей М. Ю. Лермонтова; *кн. В. Н. Репнина* — портретъ Т. Г. Шевченки, имъ самимъ писанный (перомъ) въ 1843 г.; *Ю. Ѳ. Самаринъ* — собраніе неизданныхъ писемъ на Англійскомъ языкѣ А. С. Хомякова къ извѣстному богослову Пальмеру о соединеніи Англиканской церкви съ Православною; *П. Н. Батюшковъ* — атласъ Западной Россіи и рисунки православныхъ церквей, тамъ воздвигаемыхъ; *И. И. Бибиковъ* — двѣ старопечатныя книги. *М. Н. Лонгиновымъ* и *кн. Н. Н. Туркистановымъ* значительно пополненно имѣющееся въ библіотекѣ собраніе старинныхъ мѣсяцеслововъ. *М. Н. Лонгиновъ* доставилъ кромѣ того нѣсколько камней, черепъ и автографы А. В. Олсуфьева и А. П. Волынскаго. Отъ *М. А. Дмитріева* поступили изданныя въ разное время его сочиненія.

Въ Чертк. библіотекѣ къ I январю 1864 г. имѣлось 10312 сочиненій; къ I январю 1865 г. состоитъ 11157 соч.; слѣдовательно въ теченіи года прибыло 845 сочиненій.

Первыя два отдѣленія систематическаго каталога Чертковской библіотеки (съ примѣчаніями и выдержками), обнимающія собою спеціальныя сочиненія по исторіи и землеописанію Россіи, уже отпечатаны (3103 сочиненія). Остальныя отдѣленія тоже готовы къ печати. Кромѣ того посѣтители могутъ пользоваться каталогами азбучнымъ и инвентарнымъ (въ тетрадяхъ).

Болѣе подробныя свѣдѣнія о Чертковской библіотекѣ, а равно и объ ея собирателѣ, можно найти въ первой статьѣ Русскаго Архива 1864 года.

ЗАПИСКИ ГРАФА БАССЕВИЧА

СЛУЖАЩІЯ КЪ ПОЯСНЕНІЮ НѢКОТОРЫХЪ СОБЫТІЙ ИЗЪ ВРЕМЕНИ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(1713—1725).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Предисловіе къ Русскому переводу.

Любопытныя записки эти напечатаны въ IX томѣ извѣстнаго Магазина новой исторіи и географіи, собраннаго пасторомъ Бюшингомъ (стр. 283—380). Въ подлинникѣ они озаглавлены „Eclaircissemens sur plusieurs faits relatifs au regne de Pierre le Grand, extraits en l'an 1761, à la requisition d'un savant, des papiers du feu comte Henningue Frédéric de Bassewitz, conseiller privé de L. M. Impériales Romaine et Russienne, chevalier de S-t André“, т. е. „Поясненія многихъ событій, относящихся къ царствованію Петра Великаго, извлеченныя въ 1761 г., по желанію одного ученаго, изъ бумагъ покойнаго графа Геннинга Фридерика Бассевича, тайнаго совѣтника ихъ императорскихъ величествъ Римскаго и Россійскаго, Андреевскаго кавалера.“

Издавая эти записки въ свѣтъ въ 1775 году, Бюшингъ предпослалъ имъ слѣдующую замѣтку: „Большое вліяніе, которое въ продолженіи цѣлаго ряда годовъ имѣлъ графъ Геннингъ-Фридрихъ фонъ-Бассевичъ (род. 1680, ум. 1749) на политическія дѣла Сѣвера, давало ему возможность изобразить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ и сообщить ключъ къ объясненію придворныхъ тайнъ. Въ особенности онъ въ свое время былъ очень свѣдущъ во всемъ что̀ касалось Русскаго двора и государственныхъ дѣлъ Россіи; у него, слѣдовательно, можно надѣяться найдти весьма много анекдотовъ. Ихъ и найдетъ читатель въ напечатанномъ здѣсь французскомъ извлеченіи изъ оставшихся послѣ него бумагъ, писанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Оно дѣлаетъ много чести рукѣ, составлявшей его, хотя нѣкоторыя выраженія и могли бы быть болѣе французскими. Его необходимо сличить съ напечатанною in 4° въ 1774 году, въ Гамбургѣ (на заглавномъ листѣ выставлено: Франкфуртъ и Лейпцигъ) Geschichte des herzoglich-schleswig-holstein-gottorfischen Hofes, und dessen vornehmsten Staatsbedienten, unter Regierung Herzog Friderichs IV und dessen Sohnes Herzog Carl Friderichs, etç., потому что во многомъ его можно разсматривать какъ отвѣтъ на эту книгу, хотя оно и написано за много лѣтъ до ея появленія. Я знаю, кто авторъ этой исторіи, но по нѣкоторымъ причинамъ не могу назвать его, хотя и прошло уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ умеръ. Множество его анекдотовъ, для признанія за ними достовѣрности, должно еще быть подвергнуто тщательной критикѣ, и этому можетъ содѣйствовать извлеченіе изъ бумагъ графа Бассевича. Я напечаталъ это извлеченіе въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ его, измѣнивъ въ немъ толь-

ко одно выраженіе. Я, конечно, могъ бы по поводу его сдѣлать нѣсколько замѣчаній, но ограничусь двумя. На стр. 318 говорится, что царевичъ Алексѣй, сынъ Петра I отъ первой супруги его, Евдокіи, умеръ въ конвульсіяхъ отъ страха послѣ произнесенія надъ нимъ смертнаго приговора. Не сомнѣваюсь, что графъ Бассевичъ зналъ какъ умеръ царевичъ, и извиняю, что въ этомъ сочиненіи умолчано объ истинѣ; но я уже въ третьей части моего „Магазина", стр. 224, объявилъ, что царевичъ навѣрное былъ обезглавленъ, и теперь прибавлю еще, что родившійся въ Москвѣ и въ 1721 году умершій генералъ Адамъ Адамовичъ Вейде отрубилъ принцу голову топоромъ по повелѣнію его отца. На стрр. 371 и 372 умалчивается объ истинной причинѣ, по которой Петръ I велѣлъ отрубить голову первому каммергеру супруги своей Екатерины, Монсу или Моонсу, а причина эта слѣдующая. Монсъ былъ сынъ одного московскаго золотыхъ дѣлъ мастера и братъ дѣвицы Монсъ, которую царь Петръ I не могъ склонить сдѣлаться его наложницею, потому что она питала къ нему непреоборимое отвращеніе. Впослѣдствіи она вышла замужъ за генерала Балка и послѣ его смерти заняла мѣсто первой статсъ-дамы императрицы Екатерины, у которой стала довѣреннымъ лицомъ. Тогда короткія отношенія между ея братомъ, камергеромъ Монсомъ, и императрицею могли тѣмъ легче установиться. Однакожь императору было донесено объ этомъ въ 1724 году, слѣдовательно незадолго до его смерти, но уже послѣ коронованія его супруги, и онъ подвергъ описаннымъ у Бассевича наказаніямъ какъ брата, такъ и сестру, обвиненныхъ, впрочемъ, для виду въ другихъ преступленіяхъ. Когда знаешь это, тогда становится понятнымъ: во-первыхъ, почему императоръ велѣлъ такъ жестоко наказать сестру камергера Монса, и во-вторыхъ, зачѣмъ онъ на другой день послѣ казни каммергера проѣхалъ съ своею супругою въ открытомъ фаэтонѣ мимо эшафота, гдѣ голова казненнаго была выставлена вздѣтая на шестѣ, и тѣмъ какъ бы заставилъ ее смотрѣть на нее.—Впрочемъ, я увѣренъ, что извлеченіе изъ бумагъ графа Бассевича очень заинтересуетъ и займетъ читателя."

—

Записки Бассевича вводятъ насъ въ самую середину сѣверной войны, когда Карлъ XII бездѣйствовалъ въ Бендерахъ, а полководцы его терпѣли пораженія отъ Русскихъ. Перевѣсъ Россіи былъ уже явный, но вмѣсто рѣшительныхъ событій наступила неопредѣленная пора дипломатическихъ сближеній, обыкновенно столь благопріятствующая людямъ въ родѣ Герца, умѣющимъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Записки Бассевича именно тѣмъ преимущественно и важны, что излагаютъ передъ нами эту хитрую сѣть договоровъ и сдѣлокъ, которая разостлана была для уловленія Петра Великаго, въ сѣверной Германіи, трепетавшей его могущества. Какъ левъ встряхивалъ онъ головою и разрывалъ эти путы; тѣмъ не менѣе послѣдствія были чрезвычайно важныя и надолго опредѣлили ходъ Русской исторіи... И такъ да не посѣтуютъ читатели на то, что печатаемыя записки въ началѣ не представляютъ особеннаго интереса: мы не сочли себя вправѣ въ историческомъ документѣ такой важности исключать подробности, имѣющія къ Россіи лишь косвенное отношеніе. Приводимыя Бюшингомъ въ предисловіи извѣстія о кончинѣ царевича Алексѣя и объ отношеніяхъ Петра къ Монсамъ, по свидѣтельству нынѣ изданныхъ источниковъ, оказываются невѣрными. Болѣе точныя свѣдѣнія читатели могутъ найти въ превосходномъ трудѣ Устрялова. Что касается до самаго Бассевича, то изъ Цедлерова Универсальнаго лексикона узнаёмъ (1733 г., ч. III, стр. 631—632), что онъ происходилъ изъ старинныхъ и чиновныхъ дворянъ Нижней Саксоніи и родился въ 1680 г., 17 ноября, въ 1703 году женился на Аннѣ Клаузенгеймъ, отъ коей имѣлъ 6 дочерей и 5 сыновей, и въ 1726 г. возведенъ въ графское достоинство. Въ новѣйшихъ біографіяхъ годъ смерти егоозначаютъ 1749. П. Б.

Записки графа Бассевича.

I.

Знаменитый Стенбокъ [1], преслѣдуемый Датчанами и великимъ царемъ, не зналъ гдѣ укрыться съ своею обезсиленною арміею.... Христіанъ-Августъ, епископъ любскій, регентъ герцогствъ шлезвигскаго и голштинскаго въ малолѣтство герцога Карла Фридриха (котораго онъ былъ дядей съ отцовской стороны) отворилъ несчастному полководцу ворота крѣпости Тённингена [2]. Царь принялъ такой поступокъ за нарушеніе нейтралитета, дарованнаго владѣніямъ дома голштинскаго послѣ сраженія при Клиссовѣ, въ которомъ храбрый герцогъ Фридрихъ [3] былъ убитъ. Увѣренный, что опекунъ предполагаемаго наслѣдника Карла XII [4] не можетъ не быть преданнымъ Швеціи, царь, немедленно по вступленіи въ Голштинію, свидѣлся съ генераломъ Шольтеномъ и совѣтовалъ ему пуще всего остерегаться происковъ барона Герца, перваго министра и любимца епископа-регента, который до того находился подъ вліяніемъ этого человѣка, что и видѣлъ, и дѣйствовалъ только съ его помощью. Шольтенъ говорилъ, что его дворъ увѣренъ въ преданности Герца, царь — что искусный министръ скрываетъ въ груди шведское сердце. Убѣжище, данное Стенбоку, казалось, оправдывало мнѣніе монарха; но обѣ стороны ошибались. Герцъ искалъ только счастья и съ нимъ постоянно мѣнялъ партіи. Скучая въ тѣсной сферѣ, въ которую былъ поставленъ положеніемъ своего государя, и желая, во что бы то ни стало, играть важную роль въ дѣлахъ Европы, онъ безпрерывно переходилъ отъ одного двора къ другому, отъ одной арміи къ другой и старался вмѣшиваться во всѣ негоціаціи. Очень часто ему удавалось это; но онъ никогда не могъ создать ничего прочнаго. Его утонченной политикѣ хотѣлось имѣть успѣхъ вездѣ, между тѣмъ какъ его обширные планы, всегда имѣвшіе въ виду нѣсколько цѣлей, обыкновенно не достигали ни одной. Здѣсь будетъ нелишнимъ раскрыть тѣ побудительныя причины, которыя заставляли Герца дѣйствовать въ тённингенскомъ дѣлѣ.

Когда, въ 1709 году, онъ придворными интригами добился арестованія Веддеркоппа (президента тайнаго совѣта епископа-регента) нѣкоторые дворы начали съ жаромъ ходатайствовать объ освобожденіи этого министра, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ за свою честность [5]. Копенгагенскій даже вступился за

---

(1) Графъ Магнусъ Стенбокъ (род. 1664, ум. 1717 г.), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ генераловъ Карла XII.—Послѣ сдачи Тённингена его увезли въ Копенгагенъ, гдѣ содержали въ тѣсномъ заключеніи до самой его смерти. Украдкой и на клочкахъ бумаги составилъ онъ записку о своемъ жестокомъ заключеніи, которая случайно была найдена послѣ его кончины и напечатана уже въ 1773 году.

(2) Въ сѣверо западномъ углу Голштиніи

(3) Герцогъ Фридрихъ Голштинскій, отецъ Карла Фридриха (что впослѣдствіи женился на нашей царевнѣ Аннѣ Петровнѣ)былъ женатъ на старшей сестрѣ Карла XII, Гедвигѣ-Софіи, и убитъ 19 іюля 1702 года въ извѣстномъ сраженіи при Клиссовѣ, близь Кракова, гдѣ Шведы разбили на голову соединеныя Саксонско-польскія войска.

(4) Карлъ XII не былъ женатъ и не имѣлъ братьевъ; по-этому ближайшимъ наслѣдникомъ его престола считали племянника его, малолѣтняго голштинскаго герцога. Такимъ образомъ слабая и вдобавокъ ежеминутно угрожаемая Датчанами Голштинія получала въ будущемъ важное значеніе, и это обстоятельство открывало обширное поле для всякаго рода дипломатическихъ каверзъ. П. Б.

(5) Магнусъ фонъ Веддеркопъ, род. 1638, ум. 1721 былъ сверхъ того извѣстнымъ въ то время ученымъ юристомъ, профессоромъ и кураторомъ Кильскаго университета. Жизнеописаніе его помѣщено въ Цедлеровомъ универсальномъ

него какъ за своего вассала, котораго считалъ обязанностію защитить отъ притѣсненій готторпскаго министерства. Тогда Герцъ почувствовалъ необходимость привлечь на свою сторону этотъ разгнѣванный дворъ. Онъ склонилъ епископа въ концѣ 1710 года подписать конвенцію съ королемъ датскимъ, въ силу которой послѣднему уступались многія права, пріобрѣтенныя травендальскимъ трактатомъ (6). Но этого мало. Голштинское дворянство не могло быть подвергнуто никакому чрезвычайному налогу со стороны Датчанъ безъ содѣйствія герцогскаго регентства: Герцъ допустилъ тѣ чрезмѣрныя контрибуціи, которыя раззорили столько богатыхъ фамилій, и кромѣ того устроилъ такъ, что королю была отдана большая часть суммы, приходившейся на долю Готторпа. Эти деньги поставили Данію въ возможность продолжать военныя дѣйствія противъ Швеціи по силѣ договора, заключеннаго ею съ царемъ. За столько оказанныхъ услугъ несчастный Веддеркоппъ былъ забытъ. Онъ остался по прежнему въ темницахъ тённингенскихъ, а Герцъ во главѣ голштинскаго Совѣта. Когда король (7) выступилъ противъ Стенбока, епископъ, въ сопровожденіи Герца, посѣтилъ датскій лагерь, и никогда еще оба двора, казалось, не были въ бо̀льшей дружбѣ

Но побѣда, одержанная Шведами при Гадебушѣ (8), внезапно перемѣнила картину. Торжествующій Стенбокъ сталъ угрожать Ютландіи и двинулся по дорогѣ въ Голштинію. Герцъ поспѣшно отправилъ статскаго совѣтника Каллизена свидѣтельствовать у ногъ побѣдителя о приверженности готторпскаго двора къ Швеціи. Генералъ отвѣчалъ ему съ презрѣніемъ; однакожь подъ конецъ склонился на убѣжденія тайнаго совѣтника Банніера (или по крайней мѣрѣ показалъ видъ, что склоняется), чтобъ получить ту помощь, который надѣялся добиться отъ Герца. Необходимость заставила его требовать, на всякій случай, свободнаго отступленія къ Тённингену, и 21 января 1713 года, въ Гузумѣ, между нимъ и Герцомъ было заключено объ этомъ условіе, съ уговоромъ, что почтенный старикъ Веддеркоппъ (хотя въ пользу его ходатайствовалъ шведскій Сенатъ и самъ Карлъ XII удостоилъ написать письмо изъ Бендеръ), не будетъ освобожденъ. За недѣлю до этого условія, которое должно было оставаться тайною для сѣверныхъ союзниковъ, Герцъ послалъ въ Копенгагенъ графа Дерната съ увѣреніями, что дворъ готторпскій сохранитъ строгій нейтралитетъ и не впуститъ Шведовъ въ крѣпость. Можетъ быть, храбрость Стенбока и избавила бы ихъ отъ необходимости искать въ ней убѣжища, еслибъ не мудрыя распоряженія царя. Государь этотъ такъ искусно отрѣзалъ имъ всякій путь къ спасенію, что наконецъ надобно было прибѣгнуть къ послѣднему средству, предвидѣнному заранѣе, и броситься въ Тённингенъ. Коммендантъ Вольфъ не хотѣлъ впускать туда иностранныхъ войскъ, не смотря на приказаніе епископа-регента, и уступилъ только тогда, когда ему представили при-

---

лексиконѣ, 1747 г., ч. 53, стр. 1783 — 1786. Въ 1709 г., 31 дек, его заключили въ упомянутую выше голштинскую крѣпость Тённингенъ, и только по сдачѣ ея Датчанамъ въ 1714 г. онъ былъ освобожденъ. Многія послѣдующія интриги Герца объясняются опасеніемъ, чтобы не выпустили изъ заточенія Веддеркопа, который могъ отмстить ему, освободившись. П. Б.

(6) По травендальскому трактату, заключенному между Швеціею и Даніею 8 августа 1700 года, герцогу Голштинскому возвращены были его владѣнія, захваченныя Даніею при началѣ войны ея съ Швеціею.

(7) Датскій.

(8) 12 декабря 1712 года. Гадебушъ—небольшой городокъ въ Мекленбургіи, въ 4 миляхъ отъ Висмара.

казъ молодаго герцога (Карла-Фридриха) отъ іюля мѣсяца предшествовавшаго года. Баронъ Банніеръ и графъ Ревентлау составили этотъ подложный документъ, а кабинетъ-секретарь Штамке поддѣлалъ въ немъ подпись. Этотъ фактъ такъ достовѣренъ, что даже послѣ, когда Ревентлау женился на графинѣ Альтанъ и перешелъ въ службу императора (Австрійскаго), министръ герцога Карла-Фридриха, Бассевичъ, не побоялся въ Вѣнѣ открыто упрекнуть его въ томъ, и тотъ не осмѣлился оправдываться.

Предвидя грозу, готовую разразиться надъ владѣніями голштинскими, Гёрцъ хотѣлъ спасти отъ нея по крайней мѣрѣ себя самого и епископа-регента. Такъ какъ условіе его съ Стенбокомъ было заключено подъ покровомъ тайны, то онъ, черезъ посредство своего задушевнаго друга, графа Флемминга ([9]), выхлопоталъ у короля датскаго формальное обѣщаніе сохранить за епископомъ право опеки, не смотря на ненависть къ нему Швеціи, и всѣми силами защищать его, барона Гёрца, отъ преслѣдованій этой державы. Въ замѣнъ того, онъ съ своей стороны обѣщалъ обратить въ пользу его величества то, что̀ называлъ ошибкою гг. Банніера и Вольфа, сдѣланною безъ его участія, и склонить графа Стенбока сдаться военноплѣннымъ со всею его арміею. Предложеніе это было принято, и Флеммингъ, хоть и состоялъ въ службѣ короля Августа ([10]), получилъ отъ Фридриха IV ([11]) полномочіе постановить съ Гёрцомъ нужныя условія.

Главнокомандующіе союзниковъ собрались въ Гузумѣ ([12]) для переговоровъ съ начальствующимъ надъ шведскими войсками, который требовалъ свободнаго пропуска въ Померанію или Швецію. Гёрцъ, въ качествѣ посредника, безпрестанно сновалъ между Гузумомъ и Тённингеномъ. Датскому Совѣту онъ говорилъ, что Стенбокъ дѣйствительно дѣлаетъ нѣкоторыя затрудненія относительно сдачи, но что это только для формы, а князю Меншикову, что шведскіе генералы единодушно протестуютъ противъ обезоруженія ихъ войска, и что Стенбокъ, получивъ недавно весьма благопріятныя извѣстія съ востока, никогда не согласится на предлагаемыя ему условія. Князь передалъ это королю, король своимъ министрамъ, а министры, обрадовавшись возможности вести переговоры безъ содѣйствія голштинцевъ, придали такой мрачный колоритъ разногласнымъ представленіямъ Гёрца, что, не смотря на клятвенныя увѣренія послѣдняго, будто русскій князь не такъ понялъ дѣло, князь этотъ, снесясь съ королемъ, устранилъ его отъ конференцій и прислалъ ему паспортъ на выѣздъ въ Гамбургъ. Такимъ образомъ посредничество готторпскаго двора было отвергнуто, и его интересы, лишившись всякой подпоры, остались въ полной зависимости отъ Даніи, которая, съ согласія союзниковъ, наложила секвестръ на оба герцогства.

Царь не сталъ ждать окончанія блокады Тённингена, и возвратился въ свои владѣнія, чтобы приступить къ походу въ Финляндію. Онъ проѣхалъ черезъ Ганноверъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней. Гёрцъ, явившійся также туда, не могъ добиться у него публичной аудіенціи, но имѣлъ съ нимъ тайное свиданіе. Здѣсь этотъ министръ говорилъ, что регенство голштинское, имѣя въ виду большое преимущество оружія союзниковъ, давно изъискивало средства оказать имъ какую нибудь услугу, чтобы пріобрѣсть ихъ благоволеніе; что дозволивъ отступленіе

([9]) Графъ Яковъ-Генрихъ Флеммингъ (род. 1667, ум. 1728 г.), фельдмаршалъ, первый министръ и любимецъ курфюрста Саксонскаго и короля Польскаго Августа II.

([10]) Августа II, короля Польскаго.

([11]) Короля Датскаго.

([12]) Гузумѣ (Husum)—городокъ въ герцогствѣ Шлезвигскомъ.

шведскимъ войскамъ, оно сдѣлалось властелиномъ ихъ участи и распоряжалось ими на пользу союзниковъ; что, слѣдовательно, несправедливо и неблагоразумно, когда съ нимъ обращаются какъ съ непріятелемъ именно тѣ, которымъ оно служило съ такою пользою и могло бы служить еще лучше, еслибъ хоть сколько-нибудь терпѣли его наружное снисхожденіе къ Швеціи. Потомъ началъ выставлять важность своихъ связей въ шведскомъ Сенатѣ и легкость удаленія надменнаго Карла отъ престола, на который совѣтовалъ возвести молодого Карла Фридриха (обожаемаго старою королевою, его бабкою [13]), тѣмъ болѣе, что онъ всею душею преданъ Швеціи, мѣсту своего рожденія и воспитанія, мало расположенъ къ собственнымъ владѣніямъ, вовсе ему незнакомымъ, и слѣдовательно безъ труда рѣшится уступить часть ихъ (царю, который желалъ владѣть участкомъ въ Германіи) въ вознагражденіе за помощь, которая доставитъ ему скипетръ — цѣль его стремленій. Для осуществленія этого обширнаго замысла прежде всего предполагалось: отпустить осажденную армію въ Швецію и тѣмъ сдѣлать пріятное шведскои націи; возвратить епископу-регенту герцогства шлезвигское и голштинское, занятыя Датчанами, чтобы имѣть возможность отдать царю то, что ему будетъ уступлено, и наконецъ — объявить шведскія провинціи въ Германіи нейтральными, какъ это было уже постановлено трактатомъ, заключеннымъ въ Гаагѣ послѣ несчастія Карла подъ Полтавою. Говорятъ, что проектъ такого нейтралитета родился въ головѣ Гёрца; по крайней мѣрѣ онъ вполнѣ сочувствовалъ ему и постоянно носился съ нимъ, какъ съ любимою мечтою, до самаго возвращенія Карла въ Стральзундъ. Не смотря на всю странность свою, мысль эта нѣсколько разъ готова была осуществиться, и не имѣла успѣха только потому, что Карлъ съ упорствомъ отвергалъ ее.

Не довѣрялъ ли царь Гёрцу, или соображенія не позволяли ему охуждать дѣйствій Даніи, только онъ сурово отвѣчалъ этому министру, что тотъ разсказываетъ ему сказки, основанныя на измѣнѣ, или на химерѣ, и что вмѣсто того, чтобъ забавляться ими, лучше было бы придумать средство къ устраненію неудовольствій копенгагенскаго двора. Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, онъ вскорѣ послѣ того уѣхалъ въ Россію и оставилъ завѣдываніе дѣлами въ Германіи князю Меншикову, которому приказалъ слѣдовать за собою съ войсками, какъ скоро сдастся Стенбокъ.

Не смотря на происшедшее въ Гузумѣ, Гёрцъ не замедлилъ пріобрѣсти себѣ благоволеніе начальника русской арміи. Двѣ мысли — увеличивать могущество царя и обогащать самого себя — руководили всѣми дѣйствіями Меншикова. Гёрцъ прислалъ ему планъ прорытія черезъ Шлезвигъ канала, который бы соединялъ Балтійское море съ Нѣмецкимъ и открывалъ Россіи путь къ торговлѣ, избавляя въ то же время русскіе корабли отъ обязанности проходить черезъ каттегатскій проливъ. Князю предоставлялось привести въ исполненіе это предпріятіе и получить отъ него значительную прибыль. Такого рода проектъ не могъ не найдти въ немъ сочувствія. Чтобы свободнѣе обсудить его съ Гёрцомъ, онъ снова вызвалъ послѣдняго на гузумскія конференціи, которыя все еще по временамъ возобновлялись и на которыхъ шла рѣчь какъ относительно военныхъ дѣйствій, такъ и относительно предварительныхъ условій мира. Считая съ этой минуты тѣсный союзъ съ домомъ готторпскимъ полезнымъ своему государю, Меншиковъ вознамѣрил-

(13) Здѣсь, вѣроятно, разумѣется супруга короля шведскаго Карла XI и мать Карла XII, Гедвига-Элеонора, урожденная принцесса Датская.

ся утвердить его бракомъ молодаго герцога съ царевною Анною Петровною. Гёрцъ во всемъ соглашался съ княземъ и до того пріобрѣлъ его расположеніе, что тотъ часто называлъ его своимъ приближеннымъ тайнымъ совѣтникомъ (seinen Leibgeheimenrath).

Между тѣмъ, 20 мая, недостатокъ продовольствія заставилъ побѣдителя при Гадебушѣ ([14]) сдаться военноплѣннымъ со всею его арміею. Онъ согласился однакожь на это не прежде, какъ условившись съ королемъ датскимъ относительно возстановленія правъ дома готторпскаго, такъ что, еслибъ датчане не нарушили договора, достигъ бы своею сдачею цѣли, для которой Карлъ XII не задумался бы вести ожесточенную войну. Лишь только договоръ этотъ былъ подписанъ, какъ король потребовалъ отъ Меншикова, въ видѣ акта обезпеченія, чтобы, во вниманіе къ услугамъ, оказаннымъ въ этомъ случаѣ всей коалиціи посредничествомъ епископа-регента и усердіемъ его министра, русскія войска въ шестнадцать дней очистили голштинскія владѣнія. Князь со всею точностію исполнилъ это обязательство и сопровождаемый саксонскою арміей отступилъ къ окрестностямъ Гамбурга. Онъ съ гордостью воспротивился бомбардированію Тённингена, но не могъ отклонить короля отъ продолженія его осады, хотя тамъ и не было болѣе Шведовъ. Въ то же время, по его приказанію, черезъ русскіе аванпосты со стороны Дитмарсіи, туда доставленъ былъ значительный транспортъ съѣстныхъ припасовъ, который счастливо прошелъ въ крѣпость. Затѣмъ, отступая, онъ подписалъ декларацію, посланную къ барону Гёрцу, что ни въ какомъ случаѣ герцогскому дому не приписываетъ непріязненныхъ намѣреній противъ союзниковъ.

Царь справедливо полагалъ, что ему не дадутъ ничего завоевать въ Германіи и что двухъ армій, датской и саксонской, достаточно, чтобъ уничтожить остатки шведскихъ войскъ. Онъ искалъ успѣховъ въ Швеціи, чтобъ было изъ чего обильно оставить себѣ и возвратить назадъ, когда дѣло дойдетъ до мира; поэтому, не смотря на всю несправедливость поступковъ Даніи во владѣніяхъ принца малолѣтнаго, допускалъ эту державу запасаться тамъ деньгами и набирать рекрутъ, имѣя въ виду тѣмъ легче привести въ исполненіе свой планъ— совершенно ослабить Швецію сильною высадкою въ Сканіи. Меншиковъ, вмѣсто того, чтобъ согласоваться съ намѣреніями государя и отступить съ своею арміею, ослѣпленный расточаемыми ему подарками, безусловно подчинился видамъ Гёрца, который все еще мечталъ о своемъ проектѣ нейтралитета и старался внушать его всѣмъ дворамъ. Но чтобы возвысить свою заслугу и показаться въ глазахъ Швеціи спасителемъ ея германскимъ провинцій, надобно было поставить ихъ въ опасное положеніе, почему министръ этотъ на первый разъ просилъ союзныхъ генераловъ вступить въ Померанію и дѣйствовать тамъ враждебно. На вандсбекскихъ (Wandsbeck) ([15]) конференціяхъ положено было завладѣть всѣми укрѣпленными мѣстами Шведовъ въ Германіи. Гёрцъ, находившійся въ четверти-мили оттуда (отъ Вандсбека), въ Гамбургѣ, представилъ графу Веллингу, генералъ-губернатору герцогствъ Бременскаго и Померанскаго и уполномоченному короля шведскаго, что спасти эти мѣста можно не иначе, какъ сдавъ ихъ нейтральной державѣ, но не на столько могущественной, чтобъ бояться, что она завладѣетъ ими. Веллингъ, убѣжденный тѣми же доводами, уже прежде сдалъ

([14]) Т. е. Стенбока.

([15]) Вандсбекъ, прежде дворянское помѣстье, нынѣ мѣстечко на Эльбѣ, въ Голштиніи, въ округѣ Итцегоэ.

курфирсту ганноверскому Верденъ и Оттерсбергъ, желая спасти ихъ отъ Датчанъ, а потому безъ затрудненія согласился теперь на занятіе Висмара и Штеттина войсками голштинскими. Но войска эти были еще въ Брабантѣ на службѣ соединенныхъ штатовъ и оказывались недостаточными для обѣихъ крѣпостей, изъ которыхъ каждая требовала по четыре батальона. Поэтому было рѣшено, что епископъ-регентъ согласится, по собственному своему выбору, съ какою-либо нейтральною державою для полученія половины гарнизона, и что эти войска присягнутъ ему, равно какъ и оба шведскіе батальона, которые останутся до возвращенія въ упомянутыя крѣпости его собственныхъ войскъ, но съ тѣмъ, чтобъ предоставить имъ потомъ свободное отступленіе къ острову Рюгену и снабдить ихъ на дорогу продовольствіемъ. Всѣ издержки падали на Швецію, имѣвшую уже ту выгоду, что за нею оставались ея укрѣпленныя мѣста, за которыя отвѣчалъ епископъ. Этотъ правитель и Веллингъ съ одинаковымъ удовольствіемъ подписали свою конвенцію 10-го іюня. Одинъ думалъ, что обезпечитъ безопасность значительной части ввѣренной ему провинціи, другой — что будетъ имѣть вѣрное ручательство въ томъ, что Швеція не заключитъ мира безъ его возстановленія и вознагражденія. Гёрцъ, съ своей стороны, сохранялъ себѣ полную власть предоставить владѣніе двумя прекрасными, хорошо укрѣпленными городами той державѣ, которой удостоитъ благопріятствовать.

Выборъ его палъ на короля прусскаго, который не приставалъ еще ни къ какой сторонѣ въ смутахъ Сѣвера. Союзъ съ нимъ, слѣдовательно, могъ совершенно измѣнить положеніе дѣлъ. Но король этотъ только-что вступилъ на престолъ; роскошь отца истощила его казну; его наклонность къ экономіи требовала мира, и министръ Ильгенъ, пользовавшійся его довѣріемъ, былъ благоразуменъ, но робокъ. Гёрцъ, столь способный ко всякаго рода интригамъ, не могъ удалиться изъ Гамбурга и Вандсбека при такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Хотя въ числѣ его креатуръ и были люди, способные для самыхъ запутанныхъ негоціацій, однакожь въ этомъ дѣлѣ, гдѣ онъ не хотѣлъ быть проникнутымъ никѣмъ, ему нуженъ былъ человѣкъ новый, но тѣмъ не менѣе способный имѣть успѣхъ въ дѣлахъ. Тотъ самый Бассевичъ, о которомъ упомянуто выше, былъ старостой (grand bailli) въ Гузумѣ, именно въ то время, когда рѣшалась тамъ несчастная участь Стенбока. Должность эта доставляла ему случай сходиться съ генералами, участвовавшими въ гузумскихъ конференціяхъ, и всѣ они питали къ нему необыкновенное расположеніе. Даже король датскій, изъ особеннаго къ нему благоволенія, предлагалъ не только оставить ему управленіе старостствами Гузумскимъ и Швабштедтскимъ, но и присоединить къ нимъ еще Тундернское, самое доходное въ Шлезвигѣ. Но Бассевичъ не принялъ этого предложенія и отправился въ Гамбургъ къ епископу-регенту, сложивъ съ себя свою должность и вмѣстѣ съ тѣмъ отказавшись отъ данныхъ своимъ старостствамъ въ заемъ денегъ, которыя составляли почти все его имущество.

Гёрцъ призналъ за нужное воспользоваться его усердіемъ и способностью нравиться. Тогда епископъ назначилъ Бассевича своимъ посланникомъ при прусскомъ дворѣ, съ порученіемъ просить короля склонить Датчанъ къ возстановленію голштинскихъ владѣній и снятію осады Тённингена, а потомъ убѣдить его принять противъ Даніи и Россіи сторону Швеціи, которую заставятъ уступить ему, въ вознагражденіе, Штеттинъ съ округомъ. Министерство въ Берлинѣ приняло такое предложеніе за химеру и долго уклоня-

лось отъ переговоровъ о немъ, пока наконецъ король, у котораго Бассевичъ успѣлъ снискать къ себѣ уваженіе, не приказалъ приступить къ нимъ. Ильгенъ спросилъ, что̀ можетъ представить епископъ въ обезпеченіе своихъ обѣщаній? Посланникъ въ отвѣтъ представилъ ему только-что заключенную конвенцію съ Веллингомъ, и 22-го іюня подписана была другая, извѣстная подъ именемъ трактата между Пруссіею и Голштиніею, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: 1) Висларъ и Штеттинъ будутъ очищены Шведами и заняты одинаковымъ числомъ войскъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, подъ предводительствомъ двухъ равныхъ по чину офицеровъ, которымъ начальствовать тамъ по-очередно; 2) городовъ этихъ не уступать никакой другой державѣ, а Швеціи не возвращать иначе, какъ съ условіемъ уплаты за содержаніе гарнизоновъ; 3) король и епископъ займутъ Стральзундъ и островъ Рюгенъ своими войсками и будутъ защищать ихъ отъ всякаго посторонняго притязанія; 4) его величество король прусскій употребитъ всѣ свои усилія для замиренія Сѣвера; 5) онъ войдетъ въ сношенія съ Великобританіею, Генеральными Штатами и курфирстомъ Ганноверскимъ, чтобы положить конецъ непріязненнымъ дѣйствіямъ Даніи въ Шлезвигѣ и Голштиніи, и наконецъ 6) если эти державы слишкомъ замедлятъ своимъ согласіемъ, король приступитъ къ рѣшительному дѣйствію одинъ и употребитъ всѣ возможныя средства для возстановленія дома готторпскаго во всѣхъ его правахъ. Въ этотъ трактатъ, вскорѣ послѣ того обнародованный, включены были двѣ секретныя статьи, гласившія, первая: что епископъ убѣдитъ его величество короля шведскаго уступить въ полную собственность королю прусскому, въ видѣ вознагражденія за оказанныя имъ важныя услуги, Штеттинъ съ округомъ; вторая: что въ случаѣ, если Карлъ XII умретъ, не оставивъ потомства, король прусскій всѣми силами будетъ поддерживать права на престолъ шведскій герцога Карла-Фридриха, который въ такомъ случаѣ, кромѣ уступки Штеттина, откажется еще отъ мнимаго права короны шведской на обладаніе верхнею Помераніею и Новою Мархіею, равно какъ и отъ соединенныхъ съ ними преимуществъ.

По заключеніи этого договора, графъ Веллингъ послалъ приказаніе графу Мейерфельду, губернатору Помераніи, сдать обѣ крѣпости епископу-регенту. Мейерфельдъ не согласился, доказывая, что король (шведскій) ввѣрилъ ихъ его чести, и что онъ въ состояніи защитить и сохранить ихъ Такъ какъ царь отозвалъ свою армію, а у Датчанъ и Саксонцевъ не было осадной артиллеріи, то это препятствіе заставило Гёрца просить Меншикова и Флемминга отрядить свои войска въ Померанію для устрашенія Мейерфельда. Привыкнувъ слѣдовать его внушеніямъ, они выступили и расположились лагеремъ передъ Штеттиномъ. Чтобъ имѣть возможность управлять ихъ дѣйствіями, Гёрцъ переѣхалъ въ Берлинъ, получивъ неограниченное полномочіе отъ епископа-регента вести переговоры, заключать, по своему усмотрѣнію, трактаты и союзы отъ имени герцогскаго дома и даже передавать это полномочіе въ цѣлости или по частямъ, въ видѣ передовѣрія, кому заблагоразсудитъ. Бассевичъ получилъ приказаніе находиться въ лагерѣ генераловъ, и Гёрцъ вручилъ ему особую инструкцію для убѣжденія Мейерфельда. Ложные доводы, представлявшіе интересы Швеціи въ невѣрномъ свѣтѣ, угрозы разореніемъ и опустошеніемъ провинціи, обѣщанія подарковъ и покровительства — ничто не было въ ней забыто, но ничто не поколебало твердости и честности генерала.

Рѣшено было начать осаду, не смотря на всѣ препятствовавшія ей затрудненія.

Одно изъ важнѣйшихъ Гёрцъ устранилъ, открывъ князю Меншикову кредитъ въ прусскихъ владѣніяхъ для продовольствія его арміи. Недоставало только артиллеріи. Напрасно Гёрцъ употреблялъ всѣ уловки, чтобъ получить ее изъ Берлина: ни король, ни его министерство не хотѣли нарушить разъ признаннаго ими нейтралитета. Тогда, потерявъ надежду съ этой стороны, онъ 20-го августа заключилъ секретный договоръ съ фельдмаршаломъ Флеммингомъ, гдѣ между прочимъ сказано было: что такъ какъ Пруссія отказывается поддерживать мѣры, предпринятыя съ цѣлью заставить Мейерфельда согласиться на проектъ нейтралитета шведскихъ провинцій въ Германіи, то всѣ выгоды, обѣщанныя ей въ трактатѣ Бассевича, переходятъ къ Саксоніи, но съ тѣмъ условіемъ, что она рѣшительно приступитъ къ военнымъ дѣйствіямъ для покоренія всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ Помераніи, даже Стральзунда, и что доставитъ изъ Дрездена свою осадную артиллерію. Чтобъ облегчить исполненіе этого дѣла, епископъ-регентъ обязывался выплатить Саксоніи двѣсти тысячь талеровъ, которые падутъ потомъ на Швецію, и не позволятъ послѣдней высаживать въ Померанію новыхъ войскъ, — условіе необходимое, чтобы воспрепятствовать Шведамъ безпокоить Польшу съ этой стороны.

Незадолго передъ тѣмъ союзные генералы открыли въ Суэдѣ ([16]) конференціи о распоряженіяхъ, необходимыхъ въ провинціи, и о возстановленіи правъ Шлезвига и Голштиніи. Датскіе министры явились на эти конференціи точно такъ же, какъ и Гёрцъ и Бассевичъ. Меншиковъ съ жаромъ держалъ здѣсь сторону епископа-регента, не смотря на повелѣніе царя объявить всѣмъ дворамъ, что государь этотъ обнаружилъ къ Швеціи явное пристрастіе, которое оправдываетъ дѣйствія Даніи. Напрасно епископъ старался пріобрѣсти себѣ благоволеніе его царскаго величества приношеніемъ ему въ даръ великолѣпнаго готторпскаго глобуса: монархъ не хотѣлъ открыть глазъ на злоупотребленія своего союзника. Видя такую непреклонность, Меншиковъ вдругъ началъ опасаться, что слишкомъ большимъ угожденіемъ Гёрцу можетъ повредить себѣ, и сталъ внимать предложеніямъ, которыя ему сдѣланы были изъ Берлина.

Фридрихъ-Вильгельмъ не могъ смотрѣть равнодушно на осаду, готовую лишить его пункта, который онъ мысленно уже обезпечилъ себѣ. Онъ велѣлъ вручить голштинскимъ министрамъ декларацію, гдѣ сказано было, что не смотря на все желаніе его избавить Померанію отъ непріязненныхъ противъ нея дѣйствій и сохранить Висмаръ и Штеттинъ королю шведскому, желаніе, въ которомъ они сами когда-нибудь удостовѣрятся, — упорство Мейерфельда заставляетъ его, для обезпеченія своихъ границъ, приступить къ соглашенію съ союзниками. Послѣ того онъ приступилъ къ переговорамъ съ княземъ (Меншиковымъ) о секвестрѣ Помераніи и о занятіи Штеттина гарнизономъ на половину прусскимъ, на половину русскимъ. Ясно, что король готовъ былъ соединиться съ союзниками противъ Швеціи, еслибъ только обѣщали уступить ему этотъ городъ при заключеніи мира и не уклонялись отъ переговоровъ о томъ. Замѣтивъ такой опасный оборотъ дѣла, Гёрцъ въ концѣ августа уѣхалъ изъ Берлина въ Гамбургъ и предоставилъ Бассевичу одному заботиться объ участи Помераніи.

Бассевичъ былъ того мнѣнія, что выгоды молодаго герцога требуютъ, чтобы Штеттинъ перешелъ въ руки только Пруссіи и чтобъ послѣдняя была обязана имъ дому готторпскому. Но все противилось

([16]) Суэдъ, Шведтъ или Светъ — городокъ на Одерѣ, въ Пруссіи, въ нынѣшней провинціи Бранденбургъ, прежде принадлежавшій къ Шведской Помераніи.

этому: Флеммингъ разсчитывалъ на выгоды, обѣщанныя Гёрцомъ, а Меншиковъ хотѣлъ устранить упрекъ въ неисполненіи данныхъ ему приказаній и доказать царю пользу пребыванія его войскъ въ Германіи какимъ-нибудь блистательнымъ подвигомъ. Онъ съ ожесточеніемъ началъ бомбардированіе, не дождавшись даже возвращенія курьеровъ, отправившихся за послѣдними приказаніями епископа-регента и графа Веллинга. Бассевичъ собралъ всѣ свои силы, чтобы предупредить уничтоженіе трактата, который былъ его дѣломъ. Къ счастію, ему удалось найдти князя въ палаткѣ одного (большею частію его всегда окружали саксонскіе и датскіе шпіоны). Здѣсь онъ говорилъ такъ убѣдительно, что Меншиковъ, питавшій къ нему и безъ того безконечную дружбу и уваженіе, уступилъ, и что черезъ нѣсколько часовъ онъ увидѣлъ себя посредникомъ конвенціи между этимъ княземъ и королемъ прусскимъ, по которой, за 400,000 талеровъ и свободный пропускъ союзниковъ для нападенія на Стральзундъ, первый удовольствовался суетной славой—войдти побѣдителемъ въ Штеттинъ съ тѣмъ, чтобъ передать этотъ городъ и всю секвестрованную область въ руки короля и предоставить комменданту и гарнизону честное отступленіе въ Швецію. Епископъ-регентъ взялъ на себя обезпеченіе обѣщанной суммы, а король снова обязался допустить въ гарнизонъ половину голштинцевъ, содѣйствовать всѣми силами возстановленію и выгодамъ Фридриха ([17]), на основаніи трактата 22-го іюня, и прежде всего достигнуть снятія осады Тённингена. Когда все это было сдѣлано, Бассевичъ отправился доказывать Мейерфельду, что дальнѣйшее сопротивленіе произведетъ возмущеніе со стороны жителей, приведенныхъ въ отчаяніе разрушеніемъ ихъ города, и грозилъ ему участью Стенбока. 30-го сентября Мейерфельдъ вышелъ изъ Штеттина, и все уладилось сообразно съ конвенціей.

Вѣрный обѣщаніямъ, даннымъ дому готторпскому, король прусскій уже ходатайствовалъ въ его пользу въ Лондонѣ, Гаагѣ и Ганноверѣ. Королева Анна и курфирстъ Георгъ готовы были вступить въ переговоры относительно возстановленія (дома готторпскаго). Такая готовность послужила основаніемъ или по крайней мѣрѣ предлогомъ Гёрцу оставить ненадёжную негоціацію о Помераніи и отправиться въ Ганноверъ, гдѣ онъ пробылъ только восемь дней и потомъ уѣхалъ въ Готторпъ. Тамъ пребывалъ въ это время король датскій съ иностранными министрами, находившимися при его дворѣ, и забавлялся знаменитымъ планомъ пересадки (transplantation), по которому герцогскій домъ долженъ былъ уступить Даніи свои наслѣдственныя земли и получить за нихъ въ обмѣнъ герцогство Бременское и графства Ольденбургское и Дельменгорстское. Гёрцъ много смѣялся надъ этимъ планомъ и такъ прижалъ короля, что тотъ, актомъ, подписаннымъ въ Шлезвигѣ 30-го сентября, предложилъ возвратить Голштинію немедленно, а Шлезвигъ по окончаніи войны, снять осаду Тённингена и согласиться на занятіе этой крѣпости нейтральными войсками по выбору епископа. Видя себѣ поддержку со всѣхъ сторонъ, Гёрцъ съ гордостью отвѣчалъ: что по волѣ государя его ни одна деревня изъ его наслѣдственныхъ земель, тѣмъ менѣе герцогство Шлезвигское, не останется въ рукахъ Даніи, и что спасти Тённингенъ есть дѣло короля прусскаго. Поэтому вся сдѣлка между ними ограничилась условіемъ касательно снабженія Тённингена съѣстными припасами на восемь дней.— Въ этотъ промежутокъ времени получено было ходатайство королевы Анны въ пользу освобожденія несчастнаго Веддер-

([17]) Т. е. Карла-Фридриха, молодаго герцога Голштинскаго, владѣнія котораго находились подъ секвестромъ Даніи.

коппа. Гёрцъ, не смотря на то, что употребилъ большія суммы для обезпеченія себѣ помощи со стороны англійскаго флота и что ужъ почти получалъ ее, все-таки не задумался отвергнуть посредничество королевы, которая предлагала поставить гарнизонъ въ Тённингенъ; потомъ вдругъ самъ предложилъ оставить тамъ половину голштинскихъ войскъ, и тотчасъ же уѣхалъ изъ Готторпа, не дождавшись отвѣта на то Даніи. Въ оправданіе такого внезапнаго прекращенія переговоровъ онъ распустилъ слухъ, что въ Готторпѣ намѣревались его арестовать. Одно обстоятельство давало этому видъ правдоподобія: князь Долгорукій ([18]), посолъ царя, протестовалъ противъ допущенія Гёрца на Готторпскія конференціи, увѣряя, что Меншиковъ имѣетъ приказаніе помогать Даніи въ устраненіи всякой попытки лишить ее земель голштинскихъ. Чтобы ослабить противодѣйствіе этого министра, Гёрцъ старался ему внушить, что если домъ голштинскій непремѣнно обрекали на потери, то онъ можетъ рѣшиться и на добровольное лишеніе въ пользу истиннаго своего друга, короля шведскаго. Посолъ послѣ этого заподозрилъ Гёрца въ домогательствѣ отдѣльнаго мира между Швеціей и Даніей, и обнаружилъ столько энергіи для уничтоженія его интригъ, что можно было подумать, что онъ руководствовался въ этомъ дѣлѣ какими-нибудь сильными внушеніями, хотя и былъ любезнѣйшимъ и привѣтливѣйшимъ изъ русскихъ своего времени.

Гёрцъ возвратился въ Берлинъ 10-го октября и сильно упрашивалъ короля послать войско на помощь Тённингену. Но онъ зналъ медленность рѣшеній прусскаго министерства, исполненнаго предосторожностей, и военную организацію Пруссіи (теперь столь превосходную), вслѣдствіе которой она не могла тогда приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ по первому призыву; и потому, чтобы выиграть время и занять какъ-нибудь непріятеля, который тѣснилъ крѣпость, вступилъ въ тайные переговоры съ графомъ Альфельдомъ, датскимъ министромъ въ Берлинѣ, о предварительныхъ условіяхъ возстановленія (дома готторпскаго) и о снабженіи съѣстными припасами Тённингена черезъ каждые восемь дней, до окончанія брауншвейгскаго конгресса; притворился даже, что допускаетъ планъ пересадки, который, какъ мы видѣли, такъ презиралъ въ Готторпѣ. Альфельдъ понималъ слишкомъ хорошо интересы своего государя, чтобъ не шепнуть на ухо его прусскому величеству: что онъ можетъ поберечь свое ходатайство и не тратиться на чрезвычайное вооруженіе, потому что враждующія стороны готовы согласиться между собою. Король, затронутый за живое тѣмъ, что дѣло можетъ уладиться безъ его участія, рѣшился по этому поводу оставить безъ вниманія вопросъ о возстановленіи. Онъ совершенно лишилъ своего довѣрія Гёрца, и если Бассевичъ также не потерялъ его, то это только потому, что соглашеніе сдѣлано было безъ его вѣдома и что призванный изъ лагеря въ Берлинъ для подписанія акта, онъ уклонился отъ этого, говоря, что такое соглашеніе неумѣстно при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и что герцогскій домъ не найдетъ въ немъ для себя никакого обезпеченія. Такая смѣлость возмутила Гёрца, принявшаго ее за открытое сопротивленіе своей власти, и онъ устранилъ Бассевича отъ переговоровъ своихъ съ графомъ Флеммингомъ касательно вознагражденія издержекъ по перевозкѣ саксонской артиллеріи. Король прусскій уплатилъ въ число ихъ 400,000 талеровъ, и Флеммингъ одобрилъ секвестръ Штеттина.

([18]) Князь Василій Лукичъ, игравшій впослѣдствіи столь важную роль при возшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны и казненный въ Новгородѣ въ 1739 году.

Царь, извѣщенный посломъ Долгорукимъ, графомъ Головкинымъ, своимъ министромъ въ Берлинѣ, и жалобами короля датскаго о дѣйствіяхъ Меншикова въ пользу двора Готторпскаго, повторилъ приказаніе русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ объявить: что онъ будетъ считать своимъ непріятелемъ всякаго, кто вздумаетъ нападать на его союзника за секвестръ владѣній епископа-регента. Это было громовымъ ударомъ для приверженцевъ послѣдняго. Прусское министерство воспользовалось симъ случаемъ, чтобъ объявить Гёрцу, что такое обстоятельство ставитъ короля въ невозможность исполнить принятыя имъ на себя обязательства относительно возстановленія, и что онъ не можетъ мѣриться съ силами Россіи. Самъ король сказалъ Бассевичу, который былъ въ отчаяніи, что плоды его счастливыхъ переговоровъ ускользали отъ его государя, что онъ долженъ ѣхать въ Петербургъ и упросить царя объявить только, что голштинское дѣло до него не касается, и представить его величеству, что Фридрихъ-Вильгельмъ тотъ-часъ же готовъ спѣшить на помощь своимъ друзьямъ, но что онъ не можетъ противиться колоссу, который бы задавилъ его, еслибъ объявилъ ему войну.

Меншиковъ, въ силу штеттинскаго договора, вывелъ свои войска изъ Помераніи. Онъ выжалъ нѣсколько контрибуцій съ городовъ Гамбурга, Любека и Данцига, убѣдилъ Гёрца послать въ Петербургъ Бассевича, какъ единственнаго человѣка, способнаго внушить царю болѣе состраданія къ несчастному дому готторпскому, и отправился наконецъ въ Россію. Пріемъ, сдѣланный ему государемъ, былъ весьма немилостивый. Его упрекали, что онъ все дѣлалъ дурно. Онъ и оставался въ Помераніи, и уѣзжалъ оттуда всегда не во-время. Послѣ побѣды надъ Стенбокомъ, онъ долженъ былъ бы спѣшить пожинать лавры вмѣстѣ съ своимъ государемъ въ Финляндіи, но предпочелъ собирать ихъ одинъ въ Помераніи; почему же онъ не окончилъ жатвы и не продолжалъ своихъ завоеваній? Онъ уступаетъ ихъ другимъ за ничтожную сумму денегъ, недостойную обращать на себя вниманіе, и рискуетъ, по какому-то странному расположенію къ министрамъ голштинскимъ, потерять стариннаго и вѣрнаго союзника царя, не пріобрѣтая ему новаго въ лицѣ короля прусскаго, хотя и имѣлъ къ тому въ рукахъ всѣ средства. Въ защиту противъ столь важныхъ обвиненій, князь ничего не могъ представить, кромѣ пользы отъ проектовъ Гёрца. Но осуществленіе ихъ было такъ сомнительно, такъ отдаленно! Меншиковъ палъ бы непремѣнно, еслибъ великодушная супруга царя не вступилась за него, представляя разгнѣванному монарху, что среди столькихъ вельможъ, все еще привязанныхъ къ варварскимъ обычаямъ, которые онъ старается смягчать, ему нуженъ слуга способный и мужественный, получившій и знатность, и богатство только отъ него, обязанный, слѣдовательно, безусловно подчиняться его волѣ, однимъ словомъ такой, какъ князь Меншиковъ, которому онъ никогда не найдетъ равнаго, и прежнія заслуги котораго вполнѣ даютъ ему право на прощеніе его настоящей вины. Вслѣдствіе такихъ представленій фаворитъ на сей разъ отдѣлался только тѣмъ, что съ нимъ нѣсколько времени обращались съ холодностью, заставлявшею его бояться всего. Царь съ умысломъ показывалъ ее публично, чтобъ удовлетворить Датчанъ и заставить своихъ царедворцевъ трепетать за всякое уклоненіе отъ его воли, тѣмъ болѣе, что не прощаетъ проступковъ и человѣку, для него столь дорогому.

Разсудокъ говорилъ здѣсь въ пользу Меншикова устами Екатерины и давалъ всегда этой государынѣ то огромное вліяніе, которое она, въ виду всѣхъ, такъ часто имѣла на душу своего супруга.

Впрочемъ она имѣла также и власть надъ его чувствами, власть, которая производила почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхоліи, когда имъ овладѣвала мрачная мысль, что хотятъ посягнуть на его особу. Самые приближенные къ нему люди должны были трепетать тогда его гнѣва. Припадки эти были несчастнымъ слѣдствіемъ яда, которымъ хотѣла отравить его властолюбивая его сестра Софія. Появленіе ихъ узнавали у него по извѣстнымъ судорожнымъ движеніямъ рта. Императрицу немедлено извѣщали о томъ. Она начинала говорить съ нимъ, и звукъ ея голоса тотчасъ успокоивалъ его; потомъ сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. Это производил на него магическое дѣйствіе, и онъ засыпалъ въ нѣсколько минутъ. Чтобъ не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно впродолженіи двухъ или трехъ часовъ. Послѣ того онъ просыпался совершенно свѣжимъ и бодрымъ. Между тѣмъ, прежде нежели она нашла такой простой способъ успокоивать его, припадки эти были ужасомъ для его приближенныхъ, причинили, говорятъ, нѣсколько несчастій и всегда сопровождались страшною головною болью, которая продолжалась цѣлые дни. Извѣстно, что Екатерина Алексѣевна обязана всѣмъ не воспитанію, а душевнымъ своимъ качествамъ. Понявъ, что для нея достаточно исполнять важное свое назначеніе, она отвергла всякое другое образованіе, кромѣ основаннаго на опытѣ и размышленіи. Она никогда не училась писать. Принцесса Елизавета все подписывала за нее, когда она вступила на престолъ, даже подписала ея духовное завѣщаніе. При жизни царя она не приближала къ себѣ никого изъ своихъ родныхъ. Только послѣ его смерти явился въ Петербургѣ ея братъ, подъ именемъ графа Генрикова. Въ продолженіе двухъ послѣдовавшихъ царствованій онъ жилъ въ неизвѣстности. Императрица Елизавета сдѣлала его сына своимъ каммергеромъ. Одна изъ его дочерей вышла замужъ за канцлера графа Воронцова; оберъ-гофмейстеръ Чоглоковъ женился также на графинѣ Генриковой, племянницѣ императрицы. Графиня Воронцова пользуется извѣстностью какъ замѣчательная красавица и какъ женщина необыкновенно умная и очень образованная ([19]).

Но возвратимся къ Меншикову. Конвенція его съ прусскимъ дворомъ не была одобрена. Царь не только отказался отъ ратификаціи ея, но и приказалъ еще Головкину объявить берлинскому кабинету, что Голштинцы сами причиною своихъ несчастій, потому что съ гордостью отвергли предупредительность Даніи въ отношеніи къ Готторпу, и что его царское величество не потерпитъ, чтобъ покровительствовали такому упорству ихъ противъ его союзника. Послѣ двукратнаго посѣщенія прусскаго двора царю вполнѣ стало ясно робкое благоразуміе министра Ильгена. Чтобъ застращать его, онъ присоединилъ къ вышеупомянутой деклараціи гордыя жалобы, что въ трактатѣ 22 іюня въ пользу епископа-регента принято нѣсколько условій въ противность послѣдней конвенціи, заключенной съ княземъ Меншиковымъ, и объявилъ оскорбительное требованіе, чтобъ ихъ уничтожили. Гордясь такой поддержкой, Альфельдъ не посовѣстился сказать Ильгену: «Ну, такъ уничтожьте; Берлину „вѣдь не въ первый разъ нарушать трак„таты. Скажите въ оправданіе, что васъ „застали врасплохъ». Принимая къ сердцу, какъ и должно было, честь своего короля, отъ котораго требовали отказа,

([19]) Въ разсказѣ о родственникахъ Екатерины Бассевичь говоритъ по слухамъ и ошибается. Читатели Р. Архива найдутъ объ этомъ предметѣ точныя извѣстія въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ нашего изданія. П. Б.

и боясь въ то же время отважиться на смѣлый отвѣтъ царю, министръ, въ отчаяніи, не зналъ на что рѣшиться. Король, справедливо оскорбленный, очень охотно принялъ бы сторону Швеціи; но упорная твердость Карла XII не оставляла никакой надежды получить отъ него согласіе на какую-либо уступку въ пользу Пруссіи; притомъ же распространился неопредѣленный слухъ, что Шведы, утомленные слишкомъ воинственнымъ царствованіемъ, и подъ предлогомъ, что король покинулъ ихъ, рѣшились возвести на престолъ принцессу, сестру его.

Бассевичь только-что возвратился изъ Мекленбурга, какъ Гёрцъ поручилъ ему тайно хлопотать тамъ о заключеніи союзнаго трактата между герцогствами Шверинскимъ и Готторпскимъ, трактата, къ которому будутъ стараться привлечь королей шведскаго и прусскаго. Герцогство Шверинское должно было, на основаніи его, получить обратно Висмаръ за 100,000 талеровъ, которые оно выплатитъ Готторпскому въ видѣ замѣны обязательствъ его съ Пруссіею относительно этого города, а епископъ-регентъ предлагалъ свое посредничество для мирнаго разрѣшенія несогласій между герцогомъ Мекленбургскимъ и его владѣніями. Но Гёрцъ скоро сталъ опасаться, что Бассевичъ, изъ любви къ своей родинѣ и изъ уваженія къ отцу, стоявшему во главѣ мекленбургскаго дворянства, приложитъ слишкомъ много старанія въ пользу трактата, который увеличилъ бы герцогу средства притѣснять свои владѣнія; а потому велѣлъ ему возвратиться въ Берлинъ, и отправился самъ въ Шверинъ, гдѣ, вмѣсто достиженія предположенной цѣли, навелъ только герцога на мысль, что онъ съ бо̀льшею вѣрностью можетъ разсчитывать на полученіе предлагаемаго ему, если будетъ искать дружбы и покровительства царя.

Монархъ русскій принялъ очень благосклонно предложеніе, сдѣланное ему герцогомъ черезъ посредство Остермана, сына одного вестфальскаго пастора и брата знаменитаго Остермана, бывшаго тогда секретаремъ царя, а впослѣдствіи графомъ и канцлеромъ Россійской имперіи ([20]). Съ этого времени начались дружескія сношенія, которыя потомъ подкрѣпились еще бракомъ герцога съ племянницею царя Екатериною, дочерью царя Ивана, и открыли, для пользы русской торговли, новый путь въ замѣнъ затруднительнаго шлезвигскаго канала, тѣмъ болѣе, что плаваніе по Балтійскому морю къ Эльбѣ легко могло установиться при помощи нѣкоторыхъ мекленбургскихъ озеръ и рѣкъ. Проектъ такого сообщенія былъ задуманъ еще герцогомъ Валленштейномъ во времена его господства. Планъ его сохранялся въ герцогской камерѣ.

Замѣтивъ, что затрудненія для его негоціаціи въ Шверинѣ непреоборимы, Гёрцъ однакожь не остановился, а отправился въ Ганноверъ, откуда потомъ возвратился въ Берлинъ съ цѣлію смягчить Головкина, ободрить Ильгена и добиться, чтобъ Альфельдъ похлопоталъ о снабженіи припасами Тённингена, которое столько разъ обѣщалось и все откладывалось. Гарнизонъ его, томимый голодомъ, угрожалъ сдаться, и тогда Веддеркоппъ немедленно получилъ бы свободу. Чтобы предупредить такой случай, Гёрцъ написалъ собственноручно, отъ имени епископа, точный приказъ Вольфу, чтобы онъ, прежде нежели сдастъ крѣпость, отрубилъ Веддеркоппу голову въ самой темницѣ. Альфельдъ согласился наконецъ выдать принцу Виртембергскому, коман-

---

([20]) Іоганнъ-Христофоръ-Дитрихъ Остерманъ, старшій братъ знаменитаго графа Андрея Ивановича Остермана, былъ также сперва въ русской службѣ, но потомъ перешелъ въ службу герцога мекленбургскаго и былъ довольно долгое время его резидентомъ при росс. дворѣ.

довавшему блокадой, позволеніе своего двора снабдить припасами Тённингенъ; но Ильгена невозможно было склонить *показать зубы* Головкину, какъ выражался Гёрцъ, увѣряя, что его, Ильгена, тогда больше будутъ щадить. Оберъшенкъ Шлиппенбахъ былъ назначенъ для исходатайствованія у царя ратификаціи договора съ Меншиковымъ и для представленія достаточныхъ объясненій по поводу мнимыхъ недоразумѣній какъ этого договора, такъ и договора съ епископомъ-регентомъ. «Сдѣлайте мнѣ удо«вольствіе, пошлите Бассевича хлопо«тать о пользахъ вашего государя и под«держивать Шлиппенбаха», сказалъ король Гёрцу, «я вамъ отвѣчаю, что это «именно человѣкъ, какого нужно для «Петра Алексѣевича». Король судилъ очень вѣрно. Съ лицомъ весьма располагающимъ въ свою пользу и откровеннымъ, Бассевичъ соединялъ необыкновенную находчивость, которая помогала ему схватывать и понимать вещи съ перваго разу, твердость непоколебимую, рѣчь быструю, умную и простую, темпераментъ, способный, при случаѣ, выдержать 24-хъ часовой трудъ или разгулъ, большую щекотливость въ дѣлѣ чести, значительную долю прямизны и гуманности, горячности, но безъ злопамятности, много любви къ роскоши, къ женщинамъ, къ игрѣ, — и при всемъ этомъ не обнаруживалъ ни малѣйшей скупости. Иногда онъ бывалъ неостороженъ въ своихъ словахъ и выдавалъ какую нибудь маленькую тайну, но всегда сохранялъ тонъ откровенности, который внушалъ къ нему довѣріе и заставлялъ другихъ высказываться гораздо болѣе его самого. Ко всему этому у него присоединялось много огня, дѣятельности, отваги и всегдашней готовности разсѣчь узелъ, если не было средствъ распутать его.

Гёрцъ, во избѣжаніе увеличенія его кредита и самостоятельности, могущаго произойти при счастливыхъ переговорахъ съ царемъ, послалъ въ Петербургъ Негелейна, кабинетъ-секретаря епископа, ходатайствовать о благосклонной декларацiи, отъ которой зависѣла помощь Пруссіи. Негелейнъ однакожь, хоть и былъ человѣкъ способный, не сдѣлалъ тамъ ничего; не могъ даже найти доступа къ Меншикову иначе, какъ объявивъ себя предтечею Бассевича. Въ силу постановленій царя, при его дворѣ всѣ негоціаціи производились письменно. Негелейнъ получилъ приказаніе изложить на бумагѣ сущность того, что̀ предложитъ возвѣщенный имъ министръ. Тотъ повиновался и объявилъ: что министръ сдѣлаетъ предложеніе въ пользу замиренія Сѣвера и союза царя съ домомъ готторпскимъ, союза, могущаго доставить выгоды русской торговлѣ; что онъ будетъ стараться изъискивать возможныя мѣры относительно наслѣдованія шведскаго престола, и что станетъ разузнавать, можно ли надѣяться на бракъ, который бы соединилъ обѣ стороны неразрывными узами. Секретарь распространился о предметахъ столь интересныхъ въ надеждѣ склонить царя къ пощадѣ епископа, о которой имѣлъ порученіе ходатайствовать. Но ни монархъ, ни фаворитъ не удостоили его ни насколько своей откровенности; послѣдній не переставалъ просить чтобъ спѣшили пріѣздомъ посланника.

Гёрцъ рѣшился наконецъ отпустить Бассевича, и объявилъ ему объ этомъ. Но тотъ же самый человѣкъ, которой весело отвѣчалъ на просьбы Меншикова поскорѣе ѣхать вслѣдъ за нимъ, что отправится, какъ скоро согласятся на то Богъ и баронъ Гёрцъ, — теперь отказывался отъ трудной коммиссіи ѣхать упрашивать царя, и надменный Гёрцъ принужденъ былъ унизиться до самыхъ настойчивыхъ просьбъ, чтобъ убѣдить его не уклоняться отъ нея. Бассевичу каза-

лось, что дѣла приняли слишкомъ дурной оборотъ, чтобъ думать о возможности поправить ихъ, а можетъ быть онъ и предчувствовалъ, что его ожидаетъ измѣна. Когда онъ разставался съ Гёрцомъ, послѣднiй заключилъ свои прощанiя слѣдующими странными словами: «Подумайте обо мнѣ, люб. другъ, когда увидите соболей.»—(1714) Не пускаясь съ нимъ въ совѣщанiя насчетъ его инструкцiй, Гёрцъ велѣлъ вручить ихъ ему только тогда, когда тотъ садился уже въ карету. Вотъ, въ сущности, ихъ содержанiе:

1. Отклонить его царское величество отъ подозрѣнiя, что епископъ-регентъ пристрастенъ къ Швецiи. Нельзя, конечно, не допустить, чтобъ интересы этой державы не были ему дороги; но благоразумiе прежде всего требуетъ предпочтенiя собственной безопасности всякой чужой. Слѣдуя этому правилу, его свѣтлость принудилъ графа Стенбока сдаться; ясное доказательство, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренiя защищать или укрывать его, когда дозволилъ ему запереться въ Тённингенѣ.

2. Отклонить также его царское величество и отъ другаго подозрѣнiя, что будто бы готторпскiй дворъ старался о заключенiи отдѣльнаго мира между Швецiею и Данiей. Онъ отвергалъ планъ пересадки, хотя послѣднiй велъ прямо къ миру, который Данiя не поколебалась бы заключить, еслибъ только захотѣли принять ея условiя. Но не дай Богъ, чтобъ на нихъ когда нибудь согласились; развѣ вынудитъ къ тому непреклонность царя. Державамъ, которымъ выгодно препятствовать этому миру, стóитъ только возвратить дому готторпскому захваченныя его владѣнiя, и всѣ поводы стараться о немъ уничтожатся. Въ этомъ дѣлѣ ссылаются на судъ графа Флемминга, государственнаго человѣка столько же просвѣщеннаго, сколько и преданнаго своему королю.

3. Убѣдить царя не отказывать въ одобренiи благопрiятныхъ отзывовъ князя Меншикова и согласно съ тѣмъ приказать своимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ давать знать, что онъ не будетъ противиться возстановленiю (дома готторпскаго). Это главная цѣль посольства; но если чрезвычайный посланникъ найдетъ возможнымъ достигнуть ея путемъ болѣе легкимъ, предлагая стараться о мирѣ, или посредствомъ переговоровъ о наслѣдованiи шведскаго престола и бракѣ въ томъ смыслѣ какъ уже прежде было о томъ предложено, то ему предоставляется право договариваться относительно всѣхъ этихъ пунктовъ, и все будетъ одобрено и утверждено, лишь бы только вышеозначенные отзывы и все сопряженное съ ними служили основанiемъ и имѣли желаемое дѣйствiе.

Негелейнъ былъ еще въ Петербургѣ, и уѣхалъ оттуда только спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ имѣлъ то счастливое чувство, враждебное интригѣ, ту совѣсть однимъ словомъ, которую Гёрцъ называлъ обыкновенно болѣзнiю, излечиваемою только кровопусканiемъ. Хитрый министръ предпочелъ ему Криста, незнакомаго съ этою болѣзнiю, назначивъ послѣдняго секретаремъ посольства при Бассевичѣ. Этотъ человѣкъ догналъ посланника черезъ недѣлю послѣ его отъѣзда изъ Берлина и вручилъ ему добавочную инструкцiю, въ которой было сказано:

1. Что если вопросъ о бракѣ молодаго герцога съ царевною, предложенномъ прежде Меншиковымъ Гёрцу, будетъ снова поднятъ, то слѣдуетъ объяснить, что со стороны интереса, который всегда служитъ основанiемъ для браковъ царственныхъ лицъ, дѣло это уладится само собою.

2. Чтобъ говорить о наслѣдованiи престола Карла XII не иначе, какъ о такомъ предметѣ, котораго нельзя касаться съ непрiятелемъ Шведовъ, не оскорбляя ихъ.

Затрогивать вопросъ, о которомъ мнѣніе этого народа не одинаково, значило бы производить въ немъ пагубные раздоры, значило бы отчудить его отъ министерства голштинскаго. А кто же другой, кромѣ этого министерства, можетъ привести его, по желанію союзниковъ, къ заключенію мира властію Сената, въ отсутствіе и даже противъ воли короля? Такой причины достаточно, чтобъ переговоры о наслѣдованіи престола отложить до другаго времени.

3. Чтобъ внушить, что невозможно заключить скорый и прочный миръ съ Швеціею безъ содѣйствія Франціи и морскихъ державъ, и что слѣдовательно необходимо для конгресса выбрать мѣсто неотдаленное отъ нихъ. Брауншвейгскія конференціи по этому могутъ послужить не болѣе, какъ для устроенія голштинскихъ смутъ и назначенія приличнаго мѣста переговоровъ о замиреніи Сѣвера.

4. Посланникъ долженъ стараться внушить прусскому министру, чтобы онъ показывалъ благородную и гордую твердость, какъ въ померанскомъ, такъ и въ голштинскомъ дѣлѣ.

5. Надобно, чтобы онъ, не обнаруживая публично короткости и согласія съ барономъ Лоосомъ, министромъ короля Августа, сносился съ нимъ обо всемъ, кромѣ брака герцога съ дочерью царя; это дѣло должно быть разсматриваемо какъ глубочайшая тайна.

Бассевичъ горько жаловался на двусмысленность и несообразности этихъ инструкцій. Царь человѣкъ прямой и проницательный, русскіе безконечно подозрительны; въ какое же положеніе ставили его? Гёрцъ старался успокоить его обѣщаніями, что ему будутъ доставлять поясненія по мѣрѣ соображеній. Шлиппенбахъ, котораго онъ имѣлъ приказаніе дожидаться, соединился съ нимъ въ Данцигѣ. Они были представлены царю въ Ригѣ, гдѣ этотъ государь осматривалъ верфи, и скоро послѣдовали за нимъ въ новую столицу его имперіи. Тамъ они имѣли у него формальную аудіенцію.

Дворъ петербургскій не имѣлъ еще никакого внѣшняго блеска. Иностранные министры посѣщали его безъ особеннаго удовольствія. Не было никакого желанія сдѣлать имъ пріятное или оказать вѣжливость; доступъ къ царю былъ возможенъ только на кабинетныхъ конференціяхъ или во время разгульныхъ, грубыхъ увеселеній. Послѣднія представляли, впрочемъ, самый удобный случай говорить съ государемъ откровенно о дѣлахъ, и быть допущеннымъ въ число его собесѣдниковъ считалось отличіемъ. Бассевичъ не замедлилъ добиться этой чести, хотя царь и находилъ страннымъ, что маленькій готторпскій дворъ также старается вмѣшиваться въ дѣла большихъ державъ. Однажды онъ сказалъ посланнику: «Вашъ дворъ, руководимый обширными замыслами Гёрца, похожъ на ладью съ мачтою военнаго корабля; малѣйшій боковой вѣтеръ долженъ потопить ее.»

Бассевичъ, чтобы добиться благопріятнаго рѣшенія, изобразилъ самыми ненавистными красками недобросовѣстность Даніи послѣ сдачи Стенбока, и напротивъ расписалъ самыми блестящими славу и выгоду, которыя пріобрѣтетъ царь, если удостоитъ своей дружбы домъ готторпскій. Петръ Алексѣевичъ велѣлъ ему объяснить, на чемъ основываетъ этотъ домъ свое желаніе вступить въ союзъ съ Россіей, и потомъ составить записку для обсужденія этаго дѣла въ совѣтѣ. Ему хотѣлось имѣть въ рукахъ документъ, полезный для его видовъ, и привязать къ себѣ Данію, которой бы можно было показать, чѣмъ онъ ей жертвуетъ.

Стѣсняемый двусмысленостью своихъ инструкцій, Бассевичъ не зналъ что̀ сказать въ требуемой отъ него запискѣ. Напрасно обращался онъ съ вопросами о

томъ къ своему начальнику: тотъ избѣгалъ ясныхъ отвѣтовъ по этому щекотливому пункту. Видя наконецъ себя окруженнымъ западнями какъ со стороны своего собственнаго двора, такъ и того, съ которымъ велъ переговоры, онъ рѣшился всячески поддерживать Шлиппенбаха, въ надеждѣ, что успѣхи переговоровъ этого министра помогутъ счастливому окончанію его собственныхъ.

Царь принялъ благосклонно объясненіе Пруссіи и обѣщалъ согласиться на конвенцію между королемъ и княземъ Меншиковымъ, если его союзники, которымъ онъ разъ предоставилъ дѣло о Помераніи, будутъ относительно его согласны между собою. Онъ постоянно утверждалъ, что епископъ, впустивъ въ свою крѣпость Шведовъ, нарушилъ нейтралитетъ, и потому терпитъ справедливое наказаніе. На возраженія Бассевича, что ихъ точно впустили, но въ то же время и выдали, онъ отвѣчалъ, что нехорошо поступили, впуская ихъ, но еще хуже, измѣняя имъ, и что государямъ должно быть добросовѣстными. Бассевичъ передалъ эти слова Гёрцу, и вотъ что́ послѣдній отвѣчалъ на нихъ: «Вы говорите, что «царь напираетъ на добросовѣстность: «объясните ему, пожалуйста, что между «государями дружба есть ничто иное «какъ интересъ, и что если одинъ всячески увѣряетъ въ своей преданности «другому, этотъ другой, когда не видитъ «ясно пользы для себя отъ ихъ союза, «долженъ быть увѣренъ, что всѣ эти «увѣренія ложны и скрываютъ обманъ». Бассевичъ не побоялся обратиться съ такою рѣчью къ царю, хотя и могъ попасть за нее въ Сибирь.

Такъ какъ уже Негелейнъ предъявилъ пункты, которые Бассевичъ предложитъ монарху, то уловки его для избѣжанія прямаго объясненія и замедленіе отвѣта возбудили наконецъ подозрѣніе, что его облекли въ санъ посланника только для того, чтобъ безъ опасности быть шпіономъ короля шведскаго, съ которымъ его молодой государь находился въ столь близкихъ родственныхъ отношеніяхъ. Его короткость съ княземъ Меншиковымъ давала ему къ тому всѣ средства, тѣмъ болѣе, что князь былъ довѣреннымъ лицомъ царя и не отличался скромностью. На почтѣ стали вскрывать всѣ письма, присылавшіяся на имя Бассевича. Меншиковъ все еще былъ въ шаткомъ положеніи вельможи, котораго судятъ, взвѣшивая его заслуги и вины. Онъ сваливалъ всю настоящую свою вину на Флемминга, котораго совѣты вводили его въ Помераніи въ заблужденіе. Царь принялъ это оправданіе, чтобъ даровать ему прощеніе; но бояре вывели изъ того заключеніе, что князь неспособенъ къ дѣламъ. Оскорбленные тѣмъ, что во главѣ ихъ стоитъ сынъ простолюдина, они съ радостью готовы были бы подавить воскресавшее его могущество, еслибъ только могли доказать, что онъ своею нескромностью обнаруживаетъ государственныя тайны. Однакожь перехваченная ими корреспонденція Бассевича нисколько не послужила для ихъ цѣли; она открыла только, что между дворами берлинскимъ и готторпскимъ существуютъ какіе то переговоры относительно наслѣдованія шведскаго престола, и что ихъ тщательно скрываютъ отъ двора петербургскаго. Это послужило имъ поводомъ стараться внушить царю, что порученіе, данное агенту Гёрца, таитъ въ себѣ обманъ, и монархъ сказалъ однажды Меншикову: «Твой голштинскій другъ слишкомъ «уменъ, чтобъ серьозно думать, что его «пустыя слова заставятъ меня согласиться на что либо противное моимъ интересамъ; онъ вѣрно пріѣхалъ сюда съ »другимъ намѣреніемъ; если за тѣмъ, «чтобъ быть здѣсь шпіономъ, скажи ему, «чтобъ онъ бросилъ это дурное ремесло, «для котораго не рожденъ, и чтобъ выб-

«ралъ себѣ другого, получше»; а немного спустя и самому посланнику: «Вслѣдствіе «сообщеній, переданныхъ Негелейномъ «Меншикову, я сдѣлалъ шагъ, подозри«тельный моимъ союзникамъ,—я принялъ «васъ и обошелся съ вами хорошо; но «если вамъ не поручено того, о чемъ «онъ намъ говорилъ, — берегитесь». И, не дождавшись его отвѣта, царь удалился. Тогда Меншиковъ началъ заклинать своего друга представить записку съ изложеніемъ пунктовъ, составлявшихъ, какъ было объявлено, цѣль его посольства, и въ то же время объяснить дѣйствительность тѣхъ поводовъ, которые побудили его, Меншикова, склониться на сторону двора готторпскаго. Бассевичъ обѣщалъ ему это, и долженъ былъ приступить къ дѣлу, руководствуясь полученными имъ извѣстіями. Гёрцъ послѣдовательно сообщалъ ему: что генералъ Вольфъ, по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, принужденъ былъ сдаться на честную капитуляцію; что Датчане намѣреваются разрушить укрѣпленія Тённингена и замышляютъ произвести въ Швеціи революцію съ цѣлью возвесть тамъ на престолъ принцессу, сестру короля; что герцогъ Карлъ-Фридрихъ будетъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, чтобъ можно было дѣлать дѣйствительныя уступки; что кредитъ министерства готторпскаго упалъ въ Швеціи и едва ли когда опять возстановится, потому что гордость и самолюбіе націи противятся вмѣшательству иностранцевъ и не хотятъ ничѣмъ быть имъ обязанными; что такъ какъ двору готторпскому ничего болѣе не остается, какъ обратиться къ помощи царя, то—если только его величество захочетъ дѣйствовать прямо и открыто — необходимо рѣшиться на союзъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что робкая Пруссія никогда не предприметъ чего либо ему противнаго.

Послѣ того Бассевичъ и Меншиковъ составили планъ, долженствовавшій опредѣлить взаимные интересы обѣихъ сторонъ и понравиться царю. Они провели вмѣстѣ цѣлый день, стараясь облечь его въ приличную форму. Вечеромъ князь сообщилъ о немъ государю, который приказалъ, чтобы Бассевичъ изложилъ всѣ пункты на бумагѣ и на другой день утромъ явился къ Меншикову, гдѣ его величеству угодно будетъ самому присутствовать при ихъ конференціи. Вотъ вкратцѣ этотъ планъ, который Бассевичъ изъ предосторожности велѣлъ написать рукою Криста и не подписалъ:

1. Его царское величество ручается, что укрѣпленія Тённингена не будутъ разрушены; обѣщаетъ возстановить права дома готторпскаго въ четыре мѣсяца, употребить для этого всѣ зависящія отъ него средства и откажется поддерживать какимъ бы то ни было образомъ интересы Даніи.

2. Если король шведскій возвратится, и заключенъ будетъ общій миръ, царь обязывается предоставить молодому герцогу голштинскому тѣ изъ завоеванныхъ областей, которыхъ не будетъ въ состояніи оставить за собой и не захочетъ возвратить.

3. Если король шведскій умретъ, не оставивъ наслѣдниковъ, царь будетъ стараться всѣми мѣрами, чтобъ наслѣдникомъ былъ молодой герцогъ, и поддерживать присоединеніе наслѣдственныхъ его земель къ коронѣ шведской.

Епископъ-регентъ, взамѣнъ того, обѣщаетъ за себя и за малолѣтнаго герцога:

4. Заключить съ царемъ тѣсный союзъ и укрѣпить его бракомъ герцога съ царевною Анною Петровною, бракомъ, который долженъ состояться, если даже герцогъ и не получитъ ни трона, ни завоеванныхъ провинцій, лишь бы царь съ своей стороны всячески озаботился о доставленіи ему ихъ и о возстановленіи

его правъ. Само собою разумѣется, что его величество въ то же время не откажетъ въ надлежащемъ объясненіи относительно приданаго царевны, его дочери, и торговли между Россіею и владѣніями голштинскими. Соединеніе двухъ морей, какъ было предположено прежде, устроится легко.

5. Въ случаѣ наслѣдованія герцогомъ шведскаго престола, его царскому величеству предоставляется на выборъ — удержать за собою или Лифляндію и Эстляндію, или Ингрію и Карелію отъ Выборга до Нарвы. Герцогъ удовлетворитъ короля прусскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ не вмѣшивался въ настоящія предположенія, а подозрѣніе, которое пало бы на Россію вслѣдствіе присоединенія герцогствъ Шлезвигскаго и Голштинскаго къ коронѣ шведской, будетъ отстранено раздѣленіемъ герцогствъ Бременскаго и Верденскаго, которыя будутъ отданы епископу-регенту; городъ же Висмаръ возвратится герцогу мекленбургскому. Послѣдняго будутъ стараться склонить къ союзу съ царемъ посредствомъ брака его съ царевною Екатериною Ивановною, племянницею его величества.

6. Въ обезпеченіе настоящихъ обязательствъ будетъ допущено, чтобъ его царское величество занялъ Тённингенъ своими войсками подъ какимъ нибудь вымышленнымъ предлогомъ. Царь оставитъ за собою эту крѣпость, въ качествѣ залога, до тѣхъ поръ, пока герцогъ не достигнетъ совершеннолѣтія и не будетъ видно, какой оборотъ примутъ дѣла.

7. Царь и епископъ даютъ взаимное обѣщаніе хранить въ тайнѣ настоящее соглашеніе, обязывая тѣмъ же и своихъ министровъ.

Петръ Алексѣевичъ явился одинъ въ домъ Меншикова. Приказавъ изложить себѣ вѣроятность выгодъ каждаго пункта проекта, онъ взялъ его съ собою, чтобъ отдать Веселовскому ([21]) для перевода и потомъ хорошенько обдумать.

Между тѣмъ распространилось извѣстіе о скоромъ возвращеніи Карла XII, и это однимъ разомъ уничтожило всѣ происки въ Швеціи. Гёрцъ дрожалъ за послѣдствія переговоровъ, начатыхъ по его приказанію въ Петербургѣ. Онъ поспѣшилъ отправить къ Бассевичу запрещеніе представлять царю какіе бы то ни было проекты; но прошло уже двѣ недѣли какъ проектъ былъ поданъ, и саксонскій посланникъ, съ которымъ Бассевичъ долженъ былъ во всемъ сноситься, зналъ о томъ, хотя отъ него и скрывали бóльшую часть статей. Царь остался доволенъ сдѣланными ему предложеніями и написалъ королю датскому письмо, въ которомъ убѣждалъ не разрушать Тённингена.

Вольфъ сдалъ эту несчастную крѣпость, не исполнивъ кроваваго предписанія Гёрца относительно головы Веддеркоппа. Честность почтила здѣсь невинность и не побоялась навлечь на себя месть министра самовластнаго и жестокаго. Датчане нашли въ замкѣ крѣпости нѣсколько бумагъ, относившихся къ переговорамъ съ Стенбокомъ, которыя генералъ этотъ по небрежности забылъ взять съ собою. Царю немедленно сообщены были съ нихъ копіи, чтобы открыть ему стачку съ Шведами, въ которой не признавался епископъ-регентъ. Царь обсуживалъ проектъ Бассевича, когда дошли до него эти неопровержимыя свидѣтельства двуличности готторпскаго министерства. Онъ разсудилъ, что нельзя допустить, чтобы человѣкъ, уполномоченный дѣлать ему лживыя предложенія и чернить Данію, его союзницу, оставался долѣе при его дворѣ. Вслѣдствіе того

([21]) *Ѳедоръ Павловичъ Веселовскій,*—извѣстный дипломатъ Петрова времени. Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь названъ братъ его *Исаакъ* или еще другой—*Яковъ*, клевреты Менщикова.

Бассевичу велѣно было объявить, чтобы онъ немедленно удалился и въ короткое время выѣхалъ изъ Россіи. Бассевичъ представлялъ, черезъ посредство Меншикова, что это изгнаніе грозитъ его чести и имуществу, и что Гёрцъ, чтобъ свалить съ себя вину передъ епископомъ, припишетъ непремѣнно всю неудачу посольства неловкому поведенію его, Бассевича. Меншиковъ былъ въ это время сердитъ на Гёрца. Послѣдній разсказалъ датскому министру Ревентлау о суммахъ, которыми пріобрѣлъ себѣ расположеніе князя. Этимъ путемъ свѣденіе о нихъ дошло и до царя, и Меншиковъ чуть-чуть не впалъ въ сильную немилость. Потому-то онъ всячески протестовалъ противъ несправедливостей, которыя угрожали Бассевичу. Государь русскій былъ великодушенъ. „Ну, такъ выпроводимъ его „такимъ образомъ, сказалъ онъ, чтобы „дворъ его убѣдился, что вся вина не- „успѣха принадлежитъ самому двору“, и приказалъ составить отвѣтъ на проектъ. Вотъ въ чемъ онъ заключался:

1. Его царское величество просилъ его величество короля датскаго не разрушать Тённингена, но ни за что не отвѣчаетъ и никогда не откажется поддерживать своихъ союзниковъ. Еслибъ выгоды даже и не требовали этого, то святость обязательствъ предписываетъ поступать такъ, ибо кто теряетъ свой кредитъ, тотъ все теряетъ.

2. О доставленіи Финляндіи молодому герцогу будутъ стараться; но для этого нужно содѣйствіе епископа-регента.

3. Его царское величество не противится наслѣдованію герцогомъ шведскаго престола и не думаетъ, что воспротивятся и его союзники, хотя впрочемъ для этого необходимо предварительно знать мнѣніе короля прусскаго; но королю шведскому еще такъ немного лѣтъ, что въ настоящее время кажется неумѣстнымъ касаться этого предмета. По той же самой причинѣ его величество находитъ вопросъ о присоединеніи голштинскихъ владѣній къ Швеціи весьма щекотливымъ и основаннымъ на предположеніяхъ мало вѣроятныхъ.

Относительно обязательствъ епископа-регента,—

4. Его величество принимаетъ предложеніе о бракѣ; но здѣсь ничего не можетъ быть рѣшено прежде достиженія царевною узаконеннаго возраста. Царь хотя и отецъ ея, однакожъ необходимо ея согласіе. Распри между Даніею и Голштиніею могутъ быть устранены на Брауншвейскомъ конгрессѣ и ни въ чемъ не касаются до его царскаго величества, который скорѣе рѣшится быть оставленнымъ своими союзниками, чѣмъ самъ оставить ихъ; честь его слова дороже ему всего остальнаго.

5. Г. посланнику, вѣроятно, извѣстно, что на гузумскихъ конференціяхъ былъ составленъ планъ относительно завоеваній, который долженъ оставаться неизмѣннымъ. Ингрія и Карелія — нѣмецкія провинціи; генералъ Делагарди занялъ ихъ подъ предлогомъ защиты отъ Польши и покорилъ Швеціи. Если его царское величество оставитъ ихъ себѣ, а Лифляндію и Эстляндію уступитъ непріятелю, то послѣдній можетъ стѣснять плаваніе около ихъ береговъ, опираясь на крѣпость Ревель и Гельзингфорсъ и пользуясь незначительною шириною Финскаго залива. Если же царь уступитъ Ингрію, тогда всякое сообщеніе съ Россіею будетъ отрѣзано. Во всякомъ случаѣ, здѣсь одинаково стѣсняются какъ та, такъ и другая сторона. Для чего также стараться удовольствовать только короля прусскаго и отнимать у датскаго завоеванные имъ Бременъ и Верденъ, тогда какъ молодой герцогъ, сдѣлавшись королемъ шведскимъ, долженъ оставить за собой свои наслѣдственныя земли? Свѣтъ не увидитъ дурнаго обращенія царя съ

союзниками. Ясно, что хлопочутъ только о томъ, чтобъ разъединить его съ вѣрнымъ союзникомъ и заставить самого повредить тѣмъ важнѣйшимъ своимъ интересамъ.

6. Его царское величество не можетъ имѣть притязаній на Тённингенъ, потому что обязался не дѣлать какихъ бы то ни было пріобрѣтеній въ Германіи иначе какъ съ согласія своихъ союзниковъ.

7. Напрасно требуютъ тайны. Предложенія, сдѣланныя г. Бассевичемъ, были извѣстны задолго до его пріѣзда. Ни въ чемъ не видно здѣсь добраго и искренняго намѣренія. Доказательствомъ тому служитъ обращеніе съ Стенбокомъ и предписанія, данныя въ то время коммеданту Вольфу. Вотъ копіи съ нихъ для свѣденія г. Бассевича. Всего лучше будетъ положить этотъ товаръ опять въ тотъ ящикъ, откуда онъ вынутъ.

С. Петербургъ, 25-го марта 1714.

Вмѣстѣ съ этимъ документомъ царь приказалъ вручить Бассевичу отвѣтную грамоту къ епископу-регенту. Въ ней онъ говорилъ, что чрезвычайный посланникъ его свѣтлости былъ принятъ съ отличіемъ при царскомъ дворѣ, но что ни одно изъ его предложеній не представило хоть сколько-нибудь вѣрнаго ручательства для России и ея союзниковъ.

Ожиданіе возвращенія Карла XII заставляло царя спѣшить своими приготовленіями военныхъ дѣйствій противъ Швеціи. Онъ отправилъ въ Копенгагенъ каммергера Ягужинскаго просить объ ускореніи высадки въ Сканію и въ то же время освѣдомиться о дѣлавшихся тамъ приготовленіяхъ для этой экспедиціи. Король датскій велѣлъ отвѣчать, что для высадки въ Сканію двадцати пяти тысячъ войска онъ ждетъ только удостовѣренія отъ короля прусскаго, что не будетъ тревожимъ со стороны Шлезвига въ продолженіе кампаніи; что онъ проситъ царя доставить ему это удостовѣреніе и что рѣшается, для облегченія дѣла, возстановить Голштинію, возвратить Тённингенъ войскамъ нейтральнымъ и вступить въ переговоры относительно возстановленія Шлезвига и другихъ претензій герцогскаго дома. На возвратномъ пути изъ Копенгагена Ягужинскій проѣхалъ черезъ Берлинъ и сообщилъ эти предложенія тамошнему министерству. Они были найдены выгодными для епископа-регента; но святость договоровъ запрещала приступать къ какому-либо рѣшенію безъ его участія. Головкинъ убѣждалъ Гёрца согласиться на дѣлаемыя предложенія; но Гёрцъ не соглашался подъ предлогомъ, что Датчане не сдержатъ своего слова и стараются только усыпить Пруссію, которой боятся; ставилъ королю на видъ значеніе, какое онъ пріобрѣтетъ въ Европѣ, если будетъ твердо и неизмѣнно поддерживать первый договоръ своего царствованія; увѣрялъ его, что, судя по положенію дѣлъ, согласятся на полное возстановленіе, если онъ захочетъ рѣшительно требовать его; доказывалъ Головкину, что послѣднее будетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ заставить Данію серьезно дѣйствовать для общей цѣли союза, потому что чѣмъ менѣе она увидитъ возможности пріобрѣсти здѣсь, тѣмъ болѣе будетъ стараться вознаградить себя на счетъ Швеціи. Послѣ того онъ послалъ Бассевичу приказаніе сообщить все это и царю. Монархъ не получалъ еще въ это время роковыхъ копій съ бумагъ, найденныхъ въ Тённингенѣ, и однакожъ на конференціи, на которой лично присутствовалъ, возразилъ: «А если «Швеція купитъ дружбу Даніи уступкою Бременской области, дружбу Пруссіи уступкою Штеттина, и послѣ того «все обратится противъ меня, да еще при «посредствѣ васъ, голштинскихъ интри«гантовъ?» Не много спустя онъ закрылъ засѣданіе и сказалъ Бассевичу: «Причины

«ваши хороши, но у меня есть своя, «лучшая: было бы недостойно меня— «притѣснять союзника, который вступа- «етъ въ переговоры для исправленія сво- «ихъ ошибокъ.»

Переговоры о высадкѣ въ Сканію продолжались. Король датскій соглашался дать свой флотъ, но требовалъ для экипажа 300,000 рублей. Финансы царя не позволяли въ то время выдать такой суммы. Онъ самъ сознался въ этомъ, и король предложилъ ему пять большихъ кораблей, но съ тѣмъ, чтобъ онъ снарядилъ ихъ и спабдилъ матросами. Такъ какъ Пруссія не объявляла себя прямо въ пользу Датчанъ, то они заподозрили, что она замышляетъ рано или поздно соединиться съ Швеціею, и потому убѣждали царя предупредить ее и прервать съ нею сношенія. Но ничто не могло подвигнуть его на это. Онъ ласкалъ себя надеждою склонить это государство на сторону Даніи, увѣренный, что Карлъ откажется отъ союза съ нимъ. Однимъ словомъ, относительно высадки въ Сканію не послѣдовало надлежащаго соглашенія, и царь рѣшился обратить свои силы на Финляндію, съ тѣмъ, чтобъ проникнуть въ Ботнію.

Датчане однакожъ разрушили Тённингенъ, и никто не противился этому. Освобожденный ими Веддеркоппъ отправился прямо въ Копенгагенъ, а оттуда скоро и въ Стокгольмъ доказывать свою невинность и обнаруживать интриги Гёрца. Сенатъ зналъ уже о нихъ отъ шведскаго министра въ Берлинѣ и запретилъ всѣмъ прочимъ шведскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ сноситься съ голштинскими. Гёрцъ ловко съумѣлъ отклонить отъ себя большую часть обвиненій, взведенныхъ на него Даніею; но Веддеркоппъ заклеймилъ его несмываемыми пятнами.

Не смотря на то, что онъ всюду потерялъ къ себѣ довѣріе, его неистощимый умъ изобрѣлъ новую систему, противоположную той, которой онъ доселѣ слѣдовалъ. Его величію и счастію не оставалось инаго прибѣжища, какъ подъ крыломъ Карла XII; поэтому онъ сразу прекратилъ сношенія со всѣми дворами, такъ долго имъ щадимыми, и публично водрузилъ знамя этого героя. Голштинскія войска, отозванныя изъ Брабанта, прибыли въ Померанію: вмѣсто того, чтобъ послать ихъ для занятія Висмара и Штеттина, какъ слѣдовало по договору съ Пруссіею, онъ сдѣлалъ изъ нихъ наемниковъ Швеціи и заставилъ ихъ присягнуть этой державѣ. Не увѣдомивъ о томъ Бассевича, онъ льстилъ себя надеждою, что новость эта, начинавшая уже распространяться, застанетъ его еще въ Петербургѣ и заставилъ царя сослать къ соболямъ человѣка, который забавлялъ его мнимымъ исканіемъ союза и дружбы. Но гнѣвъ ослѣплялъ его — онъ разсчелъ невѣрно. Наскучивъ бродить по краю пропасти въ мѣстахъ, гдѣ, со времени приказа о выѣздѣ, оставался въ самомъ дѣлѣ только изъ терпимости, посланникъ былъ уже на обратномъ пути. Онъ приближался къ границѣ Россіи, когда дворъ петербургскій узналъ объ обязательствѣ, принятомъ голштинскими войсками. Посланные за нимъ въ погоню увидѣли его уже внѣ владѣній царя, да и имѣли приказаніе не ѣхать далѣе и вообще не слишкомъ усердно преслѣдовать его. Царь уважалъ Бассевича Онъ хотя и не допустилъ его болѣе къ себѣ на аудіенцію, однакожь удостоилъ прійдти на прощальный пиръ, данный въ честь его Меншиковымъ, и выразился, что желаетъ, чтобъ оказали справедливость его способностямъ, но что сомнѣвается въ томъ, потому что у Гёрца глаза слишкомъ хороши, а у епископа ихъ вовсе нѣтъ. Это однакожь несправедливо. Епископъ не лишенъ былъ проницательности, но Гёрцъ, силою своего ума, которому вскорѣ подчинился и Карлъ XII, умѣлъ ослѣплять его.

Хитрый этотъ министръ (т. е. Гёрцъ) все еще постоянно оставался въ Берлинѣ, и теперь отправилъ къ Бассевичу письмо, наполненное горькими упреками за то, что проектъ, представленный царю, уничтожаетъ кредитъ двора готторпскаго въ Швеціи. Кристъ ([22]) донесъ ему, что посланникъ очень обидѣлся этимъ и думаетъ просить епископа о позволеніи отправиться успокоивать Стокгольмъ, прежде нежели возвратится къ мѣсту своего назначенія. Измѣнникъ совѣтовалъ его превосходительству согласиться на такую просьбу, но въ то же время приказать посланнику отправить туда, нѣсколькими днями прежде, своего секретаря посольства, который бы могъ развѣдать обо всемъ нужномъ и помочь ему дѣйствовать. Кристъ обѣщалъ въ этомъ случаѣ непремѣнно устроить его погибель, а его превосходительство устранить отъ участія въ томъ, что могло бы не понравиться Сенату. Но Гёрцъ поступилъ иначе. Онъ предупредилъ просьбу посланника и увѣдомилъ его, что, для доставленія ему случая смягчить неудовольствіе на себя въ Швеціи, епископъ-регентъ назначаетъ его въ Стокгольмъ на мѣсто графа Дерната, говорилъ далѣе, что отъ души поздравляетъ его и совѣтуетъ ему отправиться прямо въ Гамбургъ, не заѣзжая въ Берлинъ, гдѣ его дурно бы приняли, потому что недовольны имъ, и что наконецъ, желая, для надлежащаго съ своей стороны распоряженія, знать въ точности какъ происходило дѣло въ Петербургѣ, проситъ сообщить обо всемъ въ подробности секретарю и прислать его въ Берлинъ для представленія ему, Гёрцу, своего донесенія. Кристу онъ сообщилъ копію съ своего коварнаго письма и, именемъ епископа, приказалъ при отъѣздѣ завладѣть, тайно отъ министра, всѣми бумагами, принадлежавшими къ посольству, въ особенности же письмами и инструкціями своими. Кромѣ того, такъ какъ Бассевичъ долженъ былъ проѣхать черезъ Померанію, гдѣ находились тогда голштинскіе полки, то въ то же время отправлено было секретное предписаніе арестовать его, когда онъ пріѣдетъ туда.

Среди стольких хлопотъ Гёрцъ забылъ только объ одномъ: отправить немедленно въ Кёнигсбергъ деньги, которыя посланникъ долженъ былъ получить тамъ на путевыя издержки. Этотъ случай заставилъ послѣдняго остановиться тамъ и ждать денегъ, но секретаря тѣмъ не менѣе отправить куда слѣдовало. Снабдивъ его надлежащими инструкціями, онъ потребовалъ отъ него шкатулку съ бумагами посольства. Кристъ самъ принесъ ее, и уѣхалъ. Это было рано утромъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Бассевичъ провелъ весь день въ слезахъ по отцѣ, о смерти котораго только что получилъ извѣстіе([23]). Томимый безсоницею, онъ вздумалъ начать писать мемуаръ въ оправданіе своего поведенія въ Россіи, и потому захотѣлъ открыть шкатулку, въ которой, въ предшествовавшую ночь, вмѣстѣ съ Кристомъ приводилъ все въ порядокъ. Но ключъ оказался не тотъ. Тогда подозрѣніе (вообще рѣдко проникавшее въ его душу) внезапно овладѣло имъ. Онъ велѣлъ разбудить слесаря, и увидѣлъ, что все похищено и что онъ преданъ въ руки враговъ, лишенный своего оружія. Не колеблясь ни минуты, онъ садится на лошадь, и скачетъ добрыхъ шестнадцать нѣмецкихъ миль съ такою быстротою, что нагоняетъ почту, уѣхавшую почти за 24 часа; съ пистолетомъ въ рукѣ останавливаетъ почтальона и принуждаетъ Криста выйдти изъ повозки и отправиться съ нимъ въ находившійся вблизи домъ. Тамъ, въ присутствіи свидѣтелей, откры-

([22]) Секретарь посольства при Бассевичѣ.

([23]) Отецъ Бассевича, Филиппъ Куно, мекленбургскій совѣтникъ умеръ 2 марта 1714 г. (Цедлеровъ лексиконъ, ч. III, стр. 632).

ли шкатулку измѣнника. Въ ней нашлось все, даже черновое письмо его къ Гёрцу и отвѣтъ на него, — двѣ бумаги, которыя обнаружили весь замыселъ. Въ этомъ мѣстѣ Бассевичъ оставилъ Криста, не сдѣлавъ ему, кромѣ упрековъ, никакого оскорбленія, и возвратился съ своимъ счастливымъ призомъ въ Кёнигсбергъ.

По пріѣздѣ туда онъ немедленно жаловался письменно епископу-регенту; но государь этотъ, не смотря на природное свое добродушіе, раздраженный обвиненіями Гёрца, разослалъ команды во всѣ окрестныя земли для арестованія Бассевича. Однакожь это не имѣло успѣха. Король прусскій принялъ благосклонно извиненія, которыя Бессевичъ принесъ въ Берлинѣ въ томъ, что сдѣлалъ насиліе королевской почтѣ; взялъ его подъ особое свое покровительство, воспрещалъ очень долго врагу его, Гёрцу, всякій доступъ къ своему двору, и наконецъ далъ ему рекомендательное письмо къ молодому герцогу Карлу-Фридриху, письмо, съ которымъ Бассевичъ и проѣхалъ въ Швецію. Тамъ оправданіе его показалось столь удовлетворительнымъ въ глазахъ сената, что графъ Дернатъ (который обвинялъ Бассевича отъ имени готторпскаго министерства) получилъ приказаніе выѣхать изъ королевства какъ человѣкъ, уполномоченный дѣлать ложное обвиненіе.

1715. Такой успѣхъ внушилъ Бассевичу смѣлость освободиться совершенно отъ зависимости Гёрца, и онъ объявилъ разъ навсегда, что на будущее время считаетъ себя обязаннымъ подчиняться единственно приказаніямъ своего молодаго государя, тѣмъ болѣе, что староства его ([24]), Бассевича, находятся въ Шлезвигѣ, гдѣ государь этотъ, по обычаю, усвоенному датскимъ королевскимъ домомъ, достигъ требуемаго совершеннолѣтія. Довольный такимъ предпочтеніемъ, герцогъ немедленно поручилъ ему отправиться въ Турцію съ тѣмъ, чтобъ склонить Карла XII (дядю Карла Фридриха) ходатайствовать въ Вѣнѣ объ императорскомъ разрѣшеніи на признаніе его совершеннолѣтнимъ и въ Голштиніи, какъ имперской провинціи, гдѣ срокъ опеки оканчивался только въ апрѣлѣ 1718 года.

Бассевичъ предувѣдомилъ короля объ этомъ дѣлѣ черезъ барона Георга Лёвена, бывшаго впослѣдствіи шведскимъ сенаторомъ. Онъ послалъ этого чиновника въ Демотику и поручилъ ему передать Карлу XII мемуаръ, въ которомъ излагалъ притѣсненіе со стороны Гёрца и обѣщалъ, основываясь на знаніи намѣреній король прусскаго, доставить союзъ послѣдняго угнетенному герою при помощи уступки Штеттина. Карлъ сдѣлалъ Лёвена своимъ генералъ-адъютантомъ; доказательство, что принятое имъ на себя порученіе не было непріятно его величеству. Ободренный такими счастливыми знаками, Бассевичъ отправился въ путь на встрѣчу королю. Онъ переѣхалъ черезъ море, находясь въ свиты королевы Лещинской ([25]), которая возвращалась изъ Швеціи къ своему супругу. Въ Прагѣ онъ нашелъ генерала Дальдорфа, ожидавшаго тамъ ежечасно прибытія Карла. Но въ этомъ ожиданіи прошло двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ узнали, что король уже въ Стральзундѣ. Епископъ и Гёрцъ поспѣшили къ нему туда. Бассевичъ, явившійся позже, не могъ добиться аудіенціи, хотя и былъ снабженъ вѣрительною грамотою племянника королевскаго; однакожь король возразилъ епископу, который требовалъ ареста Бассевича, что посланникъ племянника его не можетъ быть арестованъ. Генералъ Бассевичъ, столь уважаемый Карломъ, —

([24]) Т. е. Гузумское и Швабштедское, о которыхъ упоминается выше.

([25]) Супруга Станислава Лещинскаго, права котораго на Польскій престолъ, какъ извѣстно, поддерживалъ Карлъ XII.

тотъ самый, который впослѣдствіи былъ убитъ на островѣ Рюгенѣ и котораго Фридрихъ IV ([26]) велѣлъ искать между убитыми для почетнаго погребенія, — представилъ его величеству оправданіе своего родственника. Герой прочелъ его со вниманіемъ, но не сказалъ ни слова. Тоже самое сдѣлалъ онъ, когда ему поднесли оправданіе Веддеркоппа, къ которому всѣмъ извѣстно было его уваженіе. Дѣло въ томъ, что политика Гёрца, которую онъ считалъ для себя нужною, казалась ему тогда важнѣе всѣхъ требованій справедливости.

Вскорѣ гордый баронъ промѣнялъ титулъ голштинскаго тайнаго совѣтника на титулъ государственнаго министра короля шведскаго. Его возвышеніе было весьма несвоевременнымъ препятствіемъ для короля прусскаго, который обдумывалъ соглашеніе съ Карломъ, имѣвшее цѣлью сохранить послѣднему его нѣмецкія провинціи за уступку Штеттина. Еслибъ соглашеніе состоялось, Карлъ, усиленный въ Швеціи войсками изъ Помераніи, могъ бы остановить успѣхи непріятеля, проникавшаго въ его королевство. Но Гёрцъ, оскорбленный неудачею въ Берлинѣ, развернулъ передъ глазами шведскаго монарха цѣлую перспективу интригъ, важность которыхъ уничтожила значеніе дружбы Пруссіи. Карлъ любилъ обширные замыслы, и согласился съ мнѣніемъ Гёрца. Въ отвѣтъ на предложенія, сдѣланныя ему Фридрихомъ-Вильгельмомъ черезъ посредство генерала Шлиппенбаха, онъ объявилъ гордое требованіе о возвращеніи Штеттина. Требованіе это повторялось такъ часто, что наскучило наконецъ королю прусскому и склонило его къ союзу съ царемъ, союзу, который уже давно былъ предсказанъ этимъ дальновиднымъ монархомъ.

([26]) Король Датскій.

(Продолженіе впредь.)

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ ВЪ РОССІИ.

I. Петръ Шафировъ.

Изъ сочиненія Гельбига «Russische Günstlinge,» изданнаго въ Тюбингенѣ, въ 1809 году (*).

Еслибы Петръ I и не совершилъ такого безчисленнаго множества великихъ дѣлъ, какое было имъ исполнено, то все таки онъ заслужилъ бы удивленіе современниковъ и потомства тѣмъ, что имѣлъ тонкое искусство избирать изъ всѣхъ состояній, даже самыхъ низкихъ въ народѣ, умнѣйшихъ и способнѣйшихъ людей и давать имъ такія назначенія, въ которыхъ они могли быть чрезвычайно полезны. Но, чтобы изображеніе этого необыкновеннаго Государя было полно, біографы не должны забывать и его слабостей. Къ числу ихъ принадлежитъ особенно его торопливость. Отъ нея происходила иногда неблагодарность, — недостатокъ, который слишкомъ часто встрѣчается въ тѣхъ государяхъ, которые предаются

(*) Содержаніе этой книги см. въ Каталогѣ Чертков. библ. № 1240. Книга эта, по множеству важныхъ показаній, заслуживаетъ полнаго перевода. По мѣрѣ возможности, мы будемъ сообщать изъ нея читателямъ Р. Архива отдѣльныя біографіи. Примѣчанія къ этой статьѣ принадлежатъ многоуважаемому переводчику. П. Б.

первымъ порывамъ гнѣва. Когда они бываютъ въ такомъ раздраженномъ состояніи, ими овладѣваютъ зоркіе злодѣи, которые находятся между ихъ приближенными и очень ловко представляютъ имъ частные проступки какъ государственную измѣну. Такъ происходитъ то, что и лучшіе изъ государей, поддаваясь впечатлѣнію минуты, забываютъ благодарность, которою они обязаны вѣрнѣйшимъ слугамъ своимъ и омрачаютъ такимъ образомъ свою славу въ настоящемъ и будущемъ.

Петръ Шафировъ былъ происхожденіемъ Еврей. Мы не знаемъ точно его отечества. Однако можно съ вѣроятностію сказать, что онъ былъ родомъ изъ Голландіи, гдѣ Петръ I нашелъ его и привезъ оттуда въ Россію ([1]). Здѣсь былъ онъ окрещенъ въ Греческую вѣру; Государь былъ крестнымъ отцомъ при этомъ торжествѣ и далъ ему свое имя—Петръ. Вѣроятно при этомъже случаѣ, но неизвѣстно по какому обстоятельству, получилъ онъ и фамильное имя Шафирова.

Въ началѣ молодой новокрещенецъ получилъ сейчасъ же незначительное мѣсто въ Государственной Канцеляріи, куда опредѣлилъ его Государь, чтобы увидѣть, не ошибся ли онъ въ его способностяхъ. Успѣхъ превзошелъ ожиданія Петра: Шафировъ не долго оставался на этомъ мѣстѣ. Его вѣрный и проницательный взглядъ, сила разсудка и расторопность въ отправленіи возложенныхъ на него дѣлъ повели его къ высокимъ и почетнымъ мѣстамъ ([2]). Въ 1711 году занимался онъ въ Русскомъ министерствѣ дѣлами Германіи, къ которымъ Петръ I, самъ хотѣвшій сдѣлаться Имперскимъ принцемъ, оказывалъ величайшее вниманіе. Въ томъ же 1711 году былъ онъ съ Императоромъ на Прутѣ, какъ вице-канцлеръ. Послѣ того, какъ Екатерина, Шафировъ и Остерманъ согласились между собою о средствахъ спасенія изъ ужаснаго положенія, два великіе министра отправились въ турецкій лагерь къ великому визирю, поднесли ему богатѣйшіе подарки и довершили дѣло спасенія своимъ искусствомъ вести переговоры. За отказъ отъ города Азова Русская армія получила позволеніе отступить (**). Шафировъ долженъ былъ, въ качествѣ заложника, отправиться въ Константинополь, пока заключится трактатъ. Такъ какъ онъ очутился тамъ какъ бы въ плѣну и не имѣлъ никакихъ занятій, то онъ употребилъ тамъ время на усовершенствованіе свое въ Итальянскомъ языкѣ. Затѣмъ былъ онъ Русскимъ посланникомъ при Турецкомъ дворѣ, который оставилъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1714 года, чтобы возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь былъ онъ принятъ радостно, впрочемъ однимъ только Государемъ. Онъ произвелъ его въ томъ же году въ дѣйствительные тайные совѣтники и пожаловалъ ему Андреевскій орденъ ([3]).

([1]) Весьма вѣроятно, что Шафировъ былъ Еврейскаго происхожденія, чѣмъ и упрекалъ его Скорняковъ-Писаревъ въ 1722 году въ оффиціальныхъ бумагахъ по ссорѣ ихъ въ Сенатѣ. Но едва ли былъ онъ вывезенъ изъ Голландіи. По крайней мѣрѣ Петръ не могъ привезти его оттуда, потому что въ 1691 году, задолго до первой заграничной поѣздки царя, Шафировъ былъ уже переводчикомъ посольской канцеляріи и занимался тамъ въ 1696 году переводами съ Голландскаго языка, а въ 1697 поѣхалъ съ царемъ за границу. Голиковъ говоритъ, что Шафировъ былъ сидѣльцемъ въ одной Московской лавкѣ Евреинова, откуда и взятъ Петромъ на службу, потому что зналъ нѣсколько языковъ.

([2]) Шафировъ былъ съ 1704 года тайнымъ секретаремъ, съ 1706 управляющимъ посольскимъ приказомъ, въ 1710 пожалованъ въ бароны.

(**) Разсказы о критическомъ положеніи Петра Великаго подъ Прутомъ весьма преувеличены. Русскіе держали себя съ достоинствомъ, и вышли изъ бѣды, благодаря преимущественно своей твердой рѣшимости, а не бриліантамъ Екатерины 1-й, какъ разгласили европейцы. См. Каталогъ Чертк. библ. № 1098. *П. Б.*

([3]) Гельбигъ ошибается. Шафировъ получилъ Андреевскую ленту 30 Мая 1719 года, а въ дѣй-

Съ этого времени стоило ему величайшихъ трудовъ удержаться въ милости у Государя. Враги его, весьма многочисленные и въ числѣ которыхъ были люди чрезвычайно значительные, не могли погубить его, пока Государь былъ убѣжденъ въ его способностяхъ. Государь продолжалъ еще долго имѣть къ нему неизмѣнное довѣріе. Шафировъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые въ 1718 году подписали смертный приговоръ Царевича. Петръ поручалъ ему важнѣйшія, запутаннѣйшія и требующія величайшей зоркости дѣла. Такъ сдѣлалъ онъ его напр. генералъ почтдиректоромъ Русскаго государства, мѣсто котораго, по причинѣ необходимости введенія почтовыхъ учрежденій въ главныхъ областяхъ Россіи, было сопряжено съ обширными и трудными занятіями.

Немногіе Русскіе министры ознаменовали себя такими отличными заслугами государству и лицу государя, какъ Шафировъ. Петръ не долго оставался въ этомъ убѣжденіи. Въ томъ случаѣ, гдѣ бы онъ долженъ былъ болѣе всего оказать довѣрія барону Шафирову и защитить его отъ ударовъ враговъ, забылъ онъ благодарность, которою былъ обязанъ этому великому государственному человѣку. Главными причинами несчастія Шафирова были его личныя несогласія съ Меньшиковымъ. Они издавна были открытыми врагами и въ присутствіи многихъ говорили другъ другу самыя жесткія вещи. Въ этихъ спорахъ Шафировъ бывалъ всегда гораздо болѣе ѣдокъ, чѣмъ Меньшиковъ. Однажды вице-канцлеръ сказалъ князю, что еслибы зависть Меньшикова сдѣлалась горячкою, которою онъ могъ бы заражать другихъ, то конечно ни одинъ богатый Русскій не могъ бы жить. Такія сцены происходили почти ежедневно и довели въ Меньшиковѣ жажду мщенія до высшей степени. Наконецъ представился ему случай отомстить. Именно во время похода Петра I въ Персію, въ 1722 году, возникли между Шафировымъ и Меньшиковымъ ссоры по поводу правительственныхъ дѣлъ ([4]). По извѣстной благонамѣренности барона Шафирова должно предполагать, что въ этомъ раздорѣ правда была скорѣе на его сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ Меньшикова. Однако послѣдній умѣлъ своими хитрыми и злобными внушеніями, которыя Императрица поддерживала всѣмъ своимъ вліяніемъ, совершенно возстановить Государя противъ Шафирова. Послѣдствія этого были такъ страшны, что Петръ совсѣмъ забылся. Рѣдко видѣли его въ такой ярости, какъ въ этомъ случаѣ. Мнимыя обвиненія Екатерины и Меньшикова такъ сильно взволновали его, что онъ рѣшительно почелъ Шафирова виновнымъ Онъ приказалъ арестовать этого великаго государственнаго министра и отнять у него орденъ и шпагу. Тогда повели его передъ судилище и послѣ короткаго слѣдствія, которое съумѣлъ направить Меньшиковъ, его приговорили къ смерти. Шафировъ (такъ обвиняли его) похищалъ суммы, поддѣлывалъ подписи, пренебрегалъ почтами ([5]). Въ дрянныхъ саняхъ привезли его на лобное мѣсто, гдѣ ему должны были отрубить голову. Уже одна изъ первыхъ головъ государства лежала на плахѣ и го-

---

ствительные тайные совѣтники произведенъ еще позже, 17 Января 1722.

([4]) Меньшиковъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не столько лично, сколько черезъ правившаго должность генералъ-прокурора Скорнякова-Писарева, сенатскаго оберъ прокурора.

([5]) Пункты обвиненія были слѣдующіе: а) Присутствіе въ Сенатѣ во время слушанія собственнаго дѣла. б) Лживое толкованіе закона. в) Неблагопристойное поведеніе въ сенатѣ. г) Присвоеніе себѣ почтовыхъ денегъ и самовольное увеличеніе почтовой таксы. д) Неправильная выдача жалованья его брату и е) Необъявленіе о бѣглыхъ, найденныхъ въ его деревняхъ.

товилась, отдѣлившись отъ тѣла, быть изъятою изъ числа живыхъ, когда кабинетъ-секретарь Макаровъ провозгласилъ помилованіе и объявилъ несчастному, что онъ долженъ отправиться въ ссылку. Шафировъ, разъ уже ожидавшій смертнаго удара, не обрадовался этому помилованію и охотно предпочелъ бы смерть той горестной жизни, которая его ожидала ([6]).

Въ то время, когда барона Шафирова постигло это несчастіе, онъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, государственнымъ вице - канцлеромъ, генералъ - почтдиректоромъ и кавалеромъ Андреевскаго ордена.

Онъ имѣлъ репутацію человѣка съ проницательнымъ умомъ и большими государственными познаніями. Шафировъ былъ отличный вице-канцлеръ и хотя онъ и предавался иногда первымъ порывамъ гнѣва противъ своихъ подчиненныхъ и даже лицъ ему равныхъ, но вскорѣ внималъ основательнымъ представленіямъ. Онъ никогда не нарушалъ даннаго слова, говорилъ всегда правду, отчего иностранные министры любили совѣщаться съ нимъ болѣе, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было.

Меньшиковъ, послѣ смерти Петра I, не могъ помѣшать тому, чтобы Екатерина I, по настоятельнымъ просьбамъ герцога Карла Фридриха Гольштинскаго, не позволила Шафирову явиться изъ ссылки ко двору. Она возвратила ему баронское достоинство и подарила ему золотую шпагу Петра I, такъ какъ шпаги Шафирова не нашли въ магазинѣ конфискованныхъ имуществъ. Она предложила ему тоже взять опять себѣ его прекрасный домъ (*) на Петербургскомъ островѣ, который началъ строиться во время его отсутствія въ 1712 году; но онъ отказался отъ него, потому что, какъ говорилъ онъ, дурное состояніе его дѣлъ не позволяло ему жить въ такомъ великолѣпномъ дворцѣ. Однако въ послѣдствіи онъ взялъ этотъ домъ и жилъ въ немъ. Но вліяніе Меньшикова было такъ велико, что Екатерина не рѣшилась опредѣлить Шафирова къ важнымъ должностямъ. Именно въ то время учредила она кабинетный совѣтъ, въ которомъ онъ конечно былъ бы на своемъ мѣстѣ, однако онъ не былъ туда назначенъ. Она сдѣлала его только президентомъ коммерцъ-коллегіи. Вскорѣ послѣ того долженъ онъ былъ отправиться въ Архангельскъ по дѣламъ торговли, а именно чтобы дать болѣе выгодное направленіе китоловству,—порученіе, которое было ниже дарованій этого великаго человѣка ([7]). Онъ не получилъ никакой изъ своихъ прежнихъ почетныхъ должностей и даже своего ордена; по крайней мѣрѣ онъ не находится въ числѣ кавалеровъ въ одномъ указателѣ русскаго придворнаго штата временъ Петра II.

Годъ смерти барона Шафирова намъ неизвѣстенъ; но кажется, что онъ умеръ во времена императрицы Анны ([8]).

([6]) Это происходило 15 Февраля 1723. Мѣсто ссылки Шафирова было недалеко. Онъ жилъ въ Новгородѣ

(*) Вѣроятно тотъ самый, который былъ въ послѣдствіи отданъ Академіи Наукъ.

([7]) Дѣло это касалось семговаго промысла, сданнаго на четыре года на откупъ, именно съ 1727 по 1731 годъ

([8]) Въ началѣ 1730 года Шафировъ отправился съ генераломъ Левашовымъ посланникомъ въ Персію, гдѣ пробылъ почти два года, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ибо принятъ былъ вновь на службу Екатериною съ такимъ пониженіемъ чина и по возвращеніи изъ Персіи пожалованъ въ тайные совѣтники. Президентомъ коммерцъ-коллегіи и сенаторомъ назначенъ онъ уже въ 1733 году, а въ 1734 произведенъ опять въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ 1737 году ѣздилъ онъ первымъ уполномоченнымъ Россіи, съ Волынскимъ и Неплюевымъ на Немировскій конгресъ, для заключенія трактата между Россіею, Турціею и Австріею. Шафировъ умеръ въ Петербургѣ 1 Марта 1739.

Мы не знаемъ, кто была супруга Шафирова, но намъ извѣстно, что онъ оставилъ одного сына и пять дочерей.

Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ былъ помилованъ, получалъ и сынъ почетныя мѣста при дворѣ. Намъ неизвѣстно, оставилъ ли послѣдній мужскихъ потомковъ; впрочемъ мы не помнимъ, чтобы слышали, что какой нибудь Шафировъ былъ называемъ при дворѣ или въ арміи ([9]).

Одна изъ дочерей вышла за князя Гагарина ([10]), отецъ котораго былъ повѣшенъ. Она была мать графини Матюшкиной и княгини Голицыной. Графиня Матюшкина была статсъ-дамой императрицы Екатерины II и наконецъ оберъ-гофмейстериной двора императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги Павла I и матери Александра I. Она имѣла Екатерининскій орденъ и была жива еще въ 1799 году ([11]). Дочь ея, прежде нея умершая, вышла замужъ за польскаго графа Вьельгорскаго ([12]). Княгиня Голицына то же была статсъ-дамой императрицы Екатерины II и супругою фельдмаршала князя Голицына ([13]), который выказалъ себя со славою во время первой Турецкой войны, бывшей въ царствованіе этой государыни. Она была очень честолюбивая, но умная и живая женщина. Она говорила очень свободно обо всемъ, что̀ происходило при дворѣ и о своемъ семействѣ. Такъ разсказывала она, что ея мать, будучи еще очень молоденькою дѣвушкою, получила жестокую па̀мятку отъ Петра I за то, что не хотѣла пить изъ бокала, въ которомъ, кромѣ вина, было еще какое то отвратительное питье. Она очень забавно увѣряла, что въ ея семействѣ можно найти образцы всѣхъ тѣлесныхъ наказаній, которыя употребительны у просвѣщенныхъ народовъ; какъ то: повѣшеніе, отсѣченіе головы, колесованіе, сажаніе на колъ, сѣченіе кнутомъ и т. п.

Другая дочь барона Шафирова вышла замужъ за князя Хованскаго ([14]) и была, если не ошибаемся, матерью княгини Барятинской, супруги того князя Барятинскаго, который участвовалъ въ событіяхъ 1762 г. ([15])

Третья дочь была супругою одного графа Головина ([16]).

([9]) Сынъ Шафирова баронъ Исай Петровичъ былъ совѣтникомъ камеръ-коллегіи. Съ нимъ прекратился родъ Шафировыхъ въ мужескомъ колѣнѣ. Дочери его, Анна и Марѳа Исаевны съ 1752 г. были фрейльнами великой княгини, впослѣдствіи императрицы Екатерины. Онѣ были очень бѣдны.

([10]) Имя ея мнѣ неизвѣстно. Мужъ ея князь Алексѣй Матвѣевичь Гагаринъ, единственный сынъ князя Матвѣя Петровича, губернатора Сибирскаго, повѣшеннаго 17 Іюня 1721.

([11]) Графиня Анна Алексѣевна Матюшкина, род 1722, ум 3 Мая 1804, жена тайнаго совѣтника графа Дмитрія Михайловича, послѣдняго въ родѣ Матюшкиныхъ.

([12]) Графиня Софья Дмитріевна Віельгорская, род 2 Ноября 1755, ум 15 Марта 1796, жена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Юрія Михайловича, р. 1753, ум. 1808. Отъ этого брака родился извѣстный композиторъ, оберъ-шенкъ графъ Михаилъ Юрьевичъ, род. 31 Октября 1787, ум. 28 Августа 1856.

([13]) Княгиня Дарья Алексѣевна Голицына, род въ Январѣ 1724, ум. 18 Мая 1798, жена фельдмаршала князя Александра Михайловича, род. 17 Ноября 1718, ум. 8 Октября 1783, сына знаменитаго фельдмаршала князя Михаила Михайловича, род. 1 Ноября 1674, ум. 10 Декабря 1730, отъ втораго брака его съ родной племянницей царицы Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной, княжною Татьяною Борисовною Куракиной, род. 2 Января 1696, ум 7 Мая 1757.

([14]) Ее звали Екатериною Петровной; она была второю женою шталмейстера князя Василія Петровича Хованскаго, род. 22 Января 1694, ум. 9 Января 1746, внука боярина князя Ивана Андреевича, по прозвищу Тараруя, казненнаго 17 Сентября 1682 царевною Софіею, послѣ бунтовъ стрѣлецкихъ и раскольничьихъ.

([15]) Княжна Марья Васильевна Хованская, фрейлина Екатерины II, была первою сердечною привязанностію ея наслѣдника Павла Петровича, когда ему было 9 лѣтъ отъ роду. 27 Іюля 1769 года она, какъ говоритъ Гельбигъ, вышла за извѣстнаго князя Ѳедора Сергѣевича Барятинскаго, бывшаго долго оберъ-гофмаршаломъ Екатерины II, род. 5 Апрѣля 1742, ум. 4 Іюня 1814.

([16]) Ее звали Натальей Петровной, род. 1698, ум. 1728. Мужъ ея графъ Александръ Ѳедоровичъ Головинъ, капитанъ лейтенантъ, род. 1694,

Четвертая вышла за одного князя Долгорукова ([17]).

Мы не знаемъ судьбы пятой дочери барона Шафирова. Въ двадцатыхъ своихъ годахъ она еще не была за мужемъ ([18]).

Баронъ Шафировъ имѣлъ еще брата, котораго онъ выписалъ изъ Голландіи. Онъ никогда не былъ даже возведенъ въ дворянское достоинство и въ 1719 году былъ только тайнымъ секретаремъ въ государственной канцеляріи. Кажется, что у него не было никакихъ дарованій, потому что братъ его не довѣрилъ ему никакой болѣе значительной должности. Его нельзя считать въ числѣ временщиковъ ([19]).

Съ нѣмецкаго, *Михаилъ Лонгиновъ.*

Тула.
20 октября 1864

ум. 20 Іюля 1731 былъ второй сынъ знаменитаго графа Ѳедора Алексѣевича, боярина, фельдмаршала, генералъ-адмирала, президента посольскихъ дѣлъ и перваго Андреевскаго кавалера, род. 1750, ум. 20 Августа 1806. Замѣчательно, что графъ А. Ѳ. Головинъ, овдовѣвши, женился вторично на Аннѣ Петровнѣ Татищевой, которая, въ свою очередь овдовѣвши, въ 1731 году, вышла за капитана гвардіи князя Сергѣя Ивановича Барятинскаго, ум. 26 Апрѣля 1746, и отъ этого брака родился въ 1742 году князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, о которомъ говорится у Гельбига и въ предыдущемъ примѣчаніи, и который былъ женатъ на княжнѣ Марьѣ Васильевнѣ Хованской, родной племянницѣ первой жены перваго мужа его матери.

([17]) Ее звали Марѳой Петровной род. 22 іюня 1697, ум. 10 апрѣля 1762. Мужъ ея тайный совѣтникъ князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукій, родной племяникъ знаменитаго патріота князя Якова Ѳедоровича и родной дядя княжны Екатерины Алексѣевны, невѣсты Петра II. Онъ былъ обезглавленъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Иваномъ Григорьевичемъ, въ Новгородѣ 26 октября 1739.

([18]) N. N. Петровна была потомъ тоже за мужемъ. Она вышла за сенатора и президента камеръ-коллегіи Михаила Михайловича Салтыкова. Отъ этого брака родилось 5 сыновей и 5 дочерей. Старшій сынъ Александръ Михайловичъ женатъ былъ на Марьѣ Сергѣевнѣ Волчковой; у нихъ былъ сынъ Михаилъ Александровичъ (р. 1769 ум. 6 Апр. 1851), сенаторъ, извѣстный своею любовью къ литературѣ и членъ литературнаго общества „Арзамасъ“. Его мать Марья Сергѣевна, овдовѣвши послѣ Алекс. Михайловича Салтыкова, вышла за генералъ-аншефа Петра Богдановича Пассека (ум. 1804), столь извѣстнаго по событіямъ, происходившимъ во время восшествія на престолъ Екатерины II-й. Третій сынъ Михаила Михаиловича и Марьи Сергѣевны Солтыковыхъ, Борисъ Михайловичъ былъ посылаемъ Екатериною, въ началѣ ея царствованія; въ Ферней къ Вольтеру, съ которымъ бывалъ и въ перепискѣ. Изъ позднѣйшей переписки Екатерины II съ княземъ Михаиломъ Никитичемъ Волконскимъ видно, что она была очень недовольна дурнымъ поведеніемъ Бориса Михайловича и братьевъ его, которыхъ звали: Михаилъ, Алексѣй и Петръ Михайловичи.

([19]) Михаилъ Петровичъ Шафировъ служилъ при Петрѣ I совѣтникомъ, сперва ревизіонъ-коллегіи, а потомъ бергъ-коллегіи. Дѣло о выдачѣ ему жалованья за время пребыванія его въ отпуску, о чемъ хлопоталъ братъ его вице-канцлеръ, было ближайшимъ поводомъ къ не частію, постигшему послѣдняго.

ИЗЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО.

Нижеслѣдующія бумаги, равно какъ и нѣкоторыя другія, имѣющія появиться въ *Русскомъ Архивѣ*, обязательно доставлены намъ изъ Кіева профессоромъ *А. И. Ставровскимъ*, получившимъ ихъ отъ самаго владѣльца *В. А. Попова*, при разборѣ письменныхъ сокровищъ, находящихся въ мѣстечкѣ Рѣшетиловкѣ, Полтавской губерніи. Доселѣ тамошняя библіотека и хранящіяся въ ней рукописи извѣстны лишь по слухамъ и по объявленію о продажѣ ихъ, которое года 2 тому назадъ появлялось въ газетахъ. Намъ случилось видѣть краткій печатный каталогъ Рѣшетиловскаго собранія, вышедшій нынѣшнимъ лѣтомъ въ Петербургѣ на Французскомъ и Русскомъ языкахъ (Спб. 1864, въ тип. Веллинга, мал. 8° 42, 64 и 64 стр.). Судя по этому каталогу, нельзя не подивиться, какъ до сихъ поръ подобныя драгоцѣнности не обезпечиваются въ своей сохранности покупкою въ собственность общественную. Кажется, что ни одно изъ частныхъ рукописныхъ собраній по вѣкамъ XVIII и XIX-му не можетъ поспорить съ Рѣшетиловскимъ въ обиліи, важности и разнообразіи историческихъ бумагъ. И тутъ не одна Потемкинская канцелярія, коею завѣдывалъ первоначальный составитель Рѣшетиловскаго архива, извѣстный статсъ-секретарь *В. С. Поповъ*, но множество и другихъ бумагъ эпохи позднѣйшей: ибо тотъ же Поповъ занималъ до самой кончины своей важныя должности.

I.

Милостивый государь мой князь Григорій Александровичь. Приложенное ко мнѣ письмо Рязанскаго архіерея показалось мнѣ стоящимъ любопытства вашего, потому что грозитъ жаловаться синоду, естли не закажу народу пѣть, плясать и качаться въ праздники. То бы все еще ничего не значило, но въ Свѣтлое Воскресенье въ вечерню заплакалъ предъ народомъ, молилъ его, заклиналъ, чтобъ шли всѣ просить о сломкѣ качель, и чтобъ оныя сами сломали, естли сломать не велю. Все то было безъ меня, и безъ главныхъ товарищей моихъ, однако большой сансаціи не произвело; но какъ моглобъ произвести, естлибъ во отдаленности гдѣ было отъ резиденціи, и я бъ не былъ самъ православной въ глазахъ черни, не ѣвъ мяса во весь постъ, исповѣдавшись и причастясь въ приходской церкви, естлибъ не ставилъ карауловъ по праздникамъ, то и донесъ бы о томъ государынѣ! Признаюсь, что желалъ бы, чтобы насъ развели, считая нужнымъ показать народу, *что прямая власть не духовная*, а *свѣтская*. Архіерейскія рѣчи засвидѣтельствованы почти всѣми бывшими. Какъ онъ читаетъ газеты, то стращалъ, естьли не разломаютъ, таковымъ же несчастіемъ какъ въ Мессинѣ. Дайте намъ, естли можно, какого-нибудь свѣтскаго архіерея, помогите въ семъ выборѣ, а нынѣшней, естли не фанатикъ, такъ названія ему не знаю. Что бы сдѣлалъ онъ, естли бы я приглашалъ еще народъ къ забавамъ. Но я сокращу, называясь съ искреннимъ почтеніемъ вашей свѣтлости милостиваго государя моего всенижайшій слуга *Михайла Каменской*.

Апрѣля 18 дня 1783 г.
Рязань

М. Каменскій губернаторъ Рязанскій жалуется свѣтлѣйшему князю Потемкину на епископа Рязанскаго *Симона*, который вошелъ къ губернатору съ особою запискою, что церковь на основаніи соборныхъ постановленій запрещаетъ всякія уличныя забавы и веселья въ двунадесятые праздники и особенно въ Пасху.

Записка эта имѣется въ Рѣшетиловскомъ архивѣ подлинникомъ за подписью Симона. *А. С.*

II.

Донесеніе князя Потемкина императрицѣ Екатеринѣ (1).

Какъ узаконеніемъ о банкахъ проценты теперь уменьшены, то съ банка Екатеринославскаго, накопленнаго мною разными сбереженіями до трехъ сотъ сорока тысячь, — университета съ академіями художествъ и музыки, съ училищемъ хирургическимъ и народною схолою содержать не возможно. Благоволите, всемилостивѣйшая государыня, опредѣлить изъ доходовъ Екатеринославскаго намѣстничества на все сіе шестьдесятъ тысячь рублей (2).

По сосѣдству Польши, Греціи, земель Воложской, Молдавской, и народовъ Иллирическихъ, множество притечетъ юношества обучаться, которые возвратятся съ незагладимою благодарностію къ вашимъ благодѣяніямъ и привязанностію къ Россіи; капиталъ же банковой обратится въ капиталъ фабрикъ, столь для того мѣста пристойныхъ, по дешевизнѣ хлѣба, и столь нужныхъ для Россіи.

Полуденныя мѣста имперіи вашей изобилуютъ руноноснымъ скотомъ, почти больше нежели вся Европа вмѣстѣ; перемѣнивъ шерсть въ лучшую, чрезъ способы вѣрные и простые, превзойдетъ въ количествѣ суконъ всѣ прочія государства. Изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся лучшіе бараны, я выписалъ самцовъ, которыхъ и ожидаю на будущее лѣто; ма-

(1) Подано октября 8 дня 1786 года (отмѣтка рукою *В. Ст. Попова*), слѣдовательно за три мѣсяца до отъѣзда Екатерины въ ея славное Таврическое путешествіе. Печатается съ черноваго собственноручнаго подлинника.

(2) См. объ учрежденіи университета въ Екатеринославлѣ П. собр. законовъ 1784 г., № 16057.

стера же прибыли, и директоръ столь искусной, что и въ Голландіи былъ знаменитѣйшій. Франція много жертвовала денегъ для утвержденія у себя сей мануфактуры, вашему же величеству почти ничего не станетъ. Сверхъ дѣланія суконъ на сей фабрикѣ приниматься будутъ ученики отъ дворянъ, чрезъ что разойдется сіе ремесло по всему государству.

По всей Тавридѣ и степи Перекопской назначено разводить шелковицу, которой въ Крыму и дикой множество; прежде десяти лѣтъ конечно шолку будетъ, какъ пеньки. Для того шелковыя мануфактуры въ Екатеринославѣ полезны, которымъ и теперь довольно дѣла будетъ, обработывая шолкъ, изъ Брусы и Мореи привозимой, которой я уставилъ промѣнивать на соль, что̀ все равно какъ бы и на простой песокъ мѣняли.

Шелковыя фабрики въ Россіи безъ изъятія всѣ въ несовершенствѣ: ни красы довольной, ни крѣпости производимые на нихъ товары не имѣютъ, а особливо тѣ матеріи, гдѣ требуется равная поверхность. Лучше прочихъ работаютъ у Лазарева, но и ево матеріи не долго выдерживаютъ красоту. Выключая сію фабрику, прочія всѣ не въ надежномъ состояніи, покупая шелки въ долгъ въ термины большіе съ несносными процентами, а употребляя шелкъ наиболѣе Персидской, столь дурно размотанной, что почти всегда онаго третія часть пропадаетъ. По причинѣ такого отягощенія прибѣгаютъ къ разнымъ плутовствамъ, какъ дѣланіемъ основы тоншей, нежели должно, примѣшивая вычески въ уто́къ, гдѣ долженъ быть шолкъ хорошій; и тѣмъ дѣлаютъ, что матеріи имѣютъ видъ вѣтошекъ. Въ помощь и благодѣяніе симъ фабрикамъ, намѣренъ я завести въ Екатеринославѣ изъ шолку, остающагося за употребленіемъ тамошнихъ фабрикъ, магазеинъ крашеныхъ и хорошо размотанныхъ шелковъ, откуда отпускать заимообразно на шесть процентовъ. Симъ возставится дешевизна, и фабрики не будутъ нужды имѣть тростильныхъ размотовальныхъ мельницъ и красиленъ, которыя тѣмъ еще превосходнѣе, поелику въ климатѣ Екатеринославскомъ не будетъ нужды красить въ зимніе мѣсяцы, ибо шолкъ, высушиваной не на солнцѣ, далеко разнствуетъ въ красотѣ.

По высочайшему повелѣнію, данному мнѣ, пекусь о размноженіи доходовъ и искусствъ, я ничего не щажу соотвѣтствовать исполненіемъ: колоніи ремесленниковъ выписаны, фабриканты въ большомъ числѣ находятся у меня теперь въ Бѣлорусскихъ деревняхъ въ ожиданіи построенія жилищъ въ Екатеринославѣ, которыя къ будущей осени поспѣютъ, и они на судахъ Днѣпромъ съ инструментами доставятся въ свое мѣсто. Чтожъ касается до области Таврической, тамъ хлѣбопашество годъ отъ году усиливается. Виноградъ Венгерской далъ уже первой плодъ; вино дѣлаютъ лучше прежняго, водку Французскую гонятъ лучше настоящей, и чрезъ годъ конечно большое количество оной будетъ.

III.

Булгакову (*) въ Варшавѣ говорить должно однимъ со мною языкомъ: ваши же пословицы, что надлежитъ двери быть или запертой или отворенной, ни да ни нѣтъ, негодятся никогда, ибо они предполагаютъ робость; что̀ видя, враждующіе намъ

(*) Я. И. Булгаковъ находился посломъ въ Варшавѣ въ 1790—1793 годахъ. Читатели, знакомые съ превосходною книгою С. М. Соловьева о паденіи Польши, вполнѣ оцѣнятъ важность этихъ бумагъ. Впрочемъ онѣ одинаково достойны вниманія какъ по отношенію къ тогдашнимъ обстоятельствамъ Россіи (находившейся въ войнѣ съ Турціею, въ остудѣ съ Англіею и почти въ явномъ разрывѣ съ Пруссіею) такъ и вообще относительно русской политики Екатерининскаго вѣка. Эта бумага, очевидно, отрывокъ изъ письма Потемкина къ Екатеринѣ.

еще смѣлѣе пакостить намъ будутъ. Союзъ Прусской для Польши еще не бѣда, понеже то еще будущее; а нашъ уже довольно имъ бѣды надѣлалъ: то и слѣдуетъ старое смѣшать какъ дурную игру, а начать лучше новую.

Чтобы Польшу привязать къ себѣ, необходимо обѣщать ей должно Молдавію и тѣмъ обратить Поляковъ противъ Турокъ и Прусаковъ, и Турки, о семъ узнавши, скорѣе помирятся.

Въ какомъ мы противорѣчіи предъ Европою будемъ, обѣщавши Молдавію Польшѣ? Первое. Я Европы не знаю: Францiя съума сошла, Австрія труситъ, а протчія намъ враждуютъ. Завоеваніи зависятъ отъ насъ, пока мы не отреклись. Обѣщали мы прежде сію провинцію возвратить по собственному своему произволенію, Турки тогда не согласились, слѣдовательно и обѣщаніе изчезло. И что это, не смѣть распоряжать завоеваніями тогда, когда другіе сулятъ ваши владѣніи, Лифляндію, Кіевъ и Крымъ! Я вамъ говорю дерзновенно, и какъ должно обязанному вамъ всѣмъ, что теперь слѣдуетъ дѣйствоватъ смѣло въ политикѣ. Иначе не усядутся враги наши, и мы не выдеремся изъ грязи.

IV.

25 декабря 1787. Помѣта рукою князя Потемкина.

Въ приложенной при семъ копіи ваша свѣтлость усмотрите, какимъ образомъ Лондонскій дворъ отозвался по дошедшимъ до него слухамъ о стараніи Франціи съ нами сближаться. Мы положили продлить отвѣтомъ до возвращенія ожидаемыхъ на сихъ дняхъ нашихъ изъ Англіи курьеровъ; между тѣмъ Берлинскій дворъ чрезъ своего здѣсь посланника сдѣлалъ также внушеніе, но весьма дружественное, что онъ надѣется на нашу дружбу и удаленіе при случаѣ всякихъ обязательствъ отъ всего того, что̀ во вредъ ему обратиться можетъ, и что теперь по окончаніи дѣлъ голландскихъ готовъ онъ не только исполнить свои обязательства съ нами, но и всевозможное доброхотство и услуги намъ показать въ настоящихъ дѣлахъ нашихъ. Мы поспѣшимъ на сіе также ласковымъ образомъ отвѣтствовать, и о всѣмъ я не премину донести вашей свѣтлости.

Заемъ посредствомъ дома *Гопе* идетъ съ отличнымъ успѣхомъ: до прошедшей недѣли имѣли мы извѣстіе, что 6 милліоновъ уже наполнено и еще 3 ½ подписаны. Прилагаю при семъ письмо консула Тонуса, бывшаго въ Египтѣ.

Графъ Кобенцель боленъ и ожидаетъ курьера, такъ какъ и графъ Сегюръ на сихъ дняхъ.

Прилагаю при семъ докладъ о сержантѣ Золотухинѣ, приличившемся въ кражѣ вещей у Александра Матвеича. Ея величество желаетъ имѣть мнѣніе вашей свѣтлости, какъ подполковника гвардіи, и безъ того конфирмовать не намѣрена.

Бумага эта писана собственною рукою В. Ст. Попова. *А. С.*

V.

Милостивый государь! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ доносилъ я вашей свѣтлости о сдѣланномъ въ Англіи затрудненіи въ наймѣ транспортныхъ судовъ для флота нашего. Датской дворъ, свѣдавъ какъ о томъ такъ и что въ Голландіи по нынѣшней ея приверженности къ Англіи и Пруссіи равное же учинено препятствіе, приказалъ здѣсь обьявить чрезъ министра своего, что суда Датскихъ подданныхъ готовы на услуги наши, и въ слѣдствіе того коммисіонеры господина Сутерланда вступили уже въ наемъ оныхъ. Изъ прилагаемой при семъ копіи депеши графа Воронцова ваша свѣтлость усмотрите, что король Англійскій публиковалъ запрещеніе наниматься даже лоцманамъ, а

потому и должны мы и сихъ у Датскаго двора требовать.

По реляціи графа Павла Мартыновича([1]) ея величество указала ему дать знать, чтобъ назначаемыхъ королемъ Неаполитанскихъ офицеровъ по ихъ желанію препроводилъ онъ къ вашей свѣтлости и къ графу Петру Александровичу.

Вѣнскія письма, съ курьеромъ Австрійскимъ полученныя, при семъ подношу, ссылаясь касательно содержанія ихъ на особую записку, при семъ прилагаемую, по которой смѣю просить милостиваго вашего совѣта и наставленія.

Польской трактатъ на будущей недѣлѣ окончится и поправя сходно съ примѣчаніемъ вашимъ какъ къ послу доставленіемъ его поспѣшу такъ и къ вашей свѣтлости копіи доставить не премину; о ружьѣ же для Волынскихъ и другихъ Поляковъ копіи указа къ господину Кречетникову здѣсь влагаю, пребывая и пр.

14 апрѣля.
1788.

Писано собственноручно В. Ст. Поповымъ. *А. С.*

VI.

22 апрѣля 1788. Рукою В. Ст. Попова.
30 апрѣля 1788. Рукою свѣтл. князя.

Осторожности противъ Швеціи во всѣмъ сходно наставленію вашему распоряжены. Изъ церковниковъ же состоящіе въ губерніяхъ Рязанской, Тамбовской, Саратовской и Кавказской оставлены для тамошней линіи, для Астрахани и для другихъ въ томъ краю надобностей. Казанскіе, уфимскіе, синбирскіе, нижегородскіе и пензенскіе для Оренбурга, а прочіе кромѣ двухъ губерній вашихъ и Воронежской и кромѣ трехъ малороссійскихъ да прилегшихъ къ Сибири назначены для укомплектованія здѣшнихъ полковъ и сколько за тѣмъ можно гарнизоновъ. Отъ Датскаго двора требуемъ, чтобы онъ обѣщанное число вооружилъ судовъ, а съ Шведскимъ дружески изъясняться приказано уже графу Разумовскому, да и все прочее будемъ распоряжать сообразно вашему мнѣнію.

Ваша свѣтлость вопрошали меня, имѣются ли въ банкѣ деньги, коими бы можно было наполнить прежде для васъ назначенное число къ займу; но какъ всѣ суммы по оному вышли въ раздачу, то на сей разъ и остается употребить то средство, кое вы тутъ полагаете, чтобы деньги сіи оставить занятыми въ другихъ суммахъ тамошнихъ. По особому письму вашему къ ея величеству заготовлены будутъ и вмѣстѣ съ проектами трактата пошлются въ Варшаву рескриптъ къ послу и письмо государыни къ королю касательно охраненія вашихъ въ Польшѣ имѣній и удовлетворенія вашимъ исканіямъ. О переводѣ банковаго долгу на Польскія деревни я только жду присылки потребныхъ бумагъ.

Праздникъ вчерашній *) прошелъ безъ всякаго произвожденія. Поручая себя впрочемъ и проч.

Это письмо В. Ст. къ князю Потемкину изъ С. Петербурга. *А. С.*

VII.

Самымъ секретнымъ, но вѣрнымъ образомъ мы знаемъ, что король Прусскій писалъ къ своему министру здѣсь барону Келлеру по случаю пронесшагося изъ Варшавы слуха о намѣреніи собрать конфедерацію, что онъ долженъ на то обратить все свое вниманіе и что естьли сеймъ сконфедерованный имѣть будетъ мѣсто, онъ предполагаетъ смотрѣть, дабы тутъ не сдѣлано было какихъ-либо во вредъ его постановленій или же и внутреннихъ законовъ несогласныхъ кардинальнымъ правамъ, либо вредныхъ его торговлѣ: ибо онъ въ такомъ случаѣ принужден-

([1]) Скавронскаго.

*) Т. е. день рожденія государыни.

нымъ себя найдетъ силою опровергать подобныя вредныя положенія. Для того я полагаю, какъ скоро проектъ трактата готовъ будетъ, сдѣлать самое дружеское внушеніе Берлинскому двору, что здѣшній не намѣренъ допустить ни до какихъ постановленій противныхъ существующимъ между тремя сосѣдями Польши трактатамъ, кореннымъ сея республики законамъ и интересамъ его Прусскаго величества, и что желаніе наше есть сдѣлать союзъ оборонительный съ Польшею главнѣйше противъ Турокъ, а воспользовавшись ихъ пособіемъ, тѣмъ паче на будущія времена обезпечить миръ и спокойствіе съ той стороны. Естьли бы мое здоровье позволяло, я бы давно сію матерію кончилъ; но надѣюсь на первой недѣли послать къ вашей свѣтлости проектъ всей Варшавской экспедиціи на усмотрѣніе.

Я, помнится, писалъ къ вашей свѣтлости о негодованіяхъ короля Прусскаго на графа Румянцова (*); видно, что они его тамъ худо трактуютъ, что онъ съ приватнымъ человѣкомъ прислалъ ко мнѣ письмо къ вамъ, изъявляя желаніе свое быть при арміи вашей волонтеромъ. Еще прежде писалъ онъ и къ отцу о намѣреніи, но тотъ отвѣчалъ ему побраня и совѣтуя или остаться съ покоемъ въ Берлинѣ или уже проситься въ прямую службу подъ вашимъ предводительствомъ. Не смѣю я входить въ какія либо представленія касательно прозьбы сей, но то сказать долженъ, что переводъ его изъ Берлина былъ бы весьма полезенъ: ибо естьли нѣтъ ни нужды, ни намѣренія ссориться съ королемъ Прусскимъ, то министръ сей не очень удобенъ; вездѣ индѣ онъ бы еще способнѣе былъ кромѣ самыхъ большихъ дворовъ.

По тому же самому секретному каналу можемъ мы заключать, что естьли пріобрѣтенія наши на счетъ Турковъ не пойдутъ слишкомъ далеко, то король Прусской и со всѣмъ пассивнымъ останется. Ибо онъ говоритъ въ оной своей бумагѣ, что ежели оба императорскіе дворы слишкомъ далеко пойдутъ, а паче и настоять станутъ на изгнаніи Турковъ изъ Европы, то онъ не удовольствуется *Данцигомъ*, но надобно ему еще *Торунь* съ частію воеводства Познанскаго и Калишскаго.

О пріобрѣтеніяхъ, чѣмъ бы Поляковъ обнадежить при трактованіи можно, я представлю мысль свою при посылкѣ къ вамъ проекта, испрашивая вашей на то апробаціи.

Писано рукою В. Ст. Попова. *А. С.*

(*) Графа Сергѣя Петровича

VIII.

Вѣнскій дворъ въ депешѣ, къ послу своему присланной, повторяетъ во первыхъ прежнее его настояніе, чтобъ обнадежить его матеріальною декларацією, что въ случаѣ покушенія короля Прусскаго завладѣть чѣмъ либо изъ Польши, мы разумѣемъ тѣ же самыя постановленія въ полной силѣ, кои въ секретномъ артикулѣ нашего съ императоромъ договора учинены на случай диверсіи короля Прусскаго во время войны съ Турками, то есть что и тутъ составилъ общее съ ними дѣло.

Казалось бы, что послѣ весьма ясныхъ обнадеженій во многихъ случаяхъ повторенныхъ и наконецъ въ послѣднемъ рескриптѣ къ послу князю Голицыну точно внесенныхъ, не было бы нужды никакихъ новыхъ требовать; но по столь усильному настоянію нельзя имъ не дать отвѣта. А сей отвѣтъ и будетъ заключаться въ общихъ увѣреніяхъ, что ея императорское величество съ доброю вѣрою исполнитъ обязательства, въ трактатѣ постановленныя: что въ разсужденіи цѣлости настоящихъ польскихъ владѣній оная достаточнымъ образомъ обезпечи-

вается ручательствомъ обоихъ императорскихъ дворовъ, коихъ и будетъ общею должностію всякому *вооруженному или насильственному покушенію или предпріятію какой бы то державы ни было*, по всей возможности препятствовать и что въ подобномъ случаѣ каждый изъ нихъ употребитъ силы, какія можетъ обратить *за постановленіемъ въ безопасность собственныхъ своихъ предѣловъ и за приведеніемъ себя въ состояніе или кончить войну съ Турками полезнымъ и честнымъ миромъ или по крайней мѣрѣ продолжать войну оборонительную.*

Естьли бы паче чаянія оказалось ясно таковое намѣреніе короля Прусскаго, то съ нашей стороны поступить съ слѣдующею осторожностію: 1) буде онъ только негосировать станетъ безъ оказательствъ насилія, сего не токмо не принамать за поводъ въ нарушеніи мира и дружбы, но искренно съ нимъ изъясняться; 2) въ случаѣ приступленія его къ какимъ либо на счетъ Польши новымъ притязаніямъ безъ предварительнаго дружескаго съ нами сношенія, учинить ему прежде съ нашей стороны, не примѣшивая Австрійцовъ, миролюбивыя и ласковыя представленія, а потомъ въ случаѣ недѣйствія ихъ уже прибѣгнуть къ общимъ съ Вѣнскимъ дворомъ изъясненіямъ. Между тѣмъ отдалять всякой поводъ къ ссорѣ, да и Данцигское дѣло кончить, сколько можно менѣе оное затрудняя. При сообщеніи министру его о Польскомъ трактатѣ въ свое время болѣе откроются прямые его виды и разположенія.

Другое предписаніе князя Кауница касается союза съ Франціею.

Ваша свѣтлость и сами въ письмѣ своемъ ко мнѣ признали сей союзъ удобнымъ, тѣмъ болѣе, что они Англію изъ онаго исключаютъ.

По моему мнѣнію сіе дѣло слѣдующимъ порядкомъ вести можно.

1) Дождаться вскорѣ ожидаемаго отвѣта изъ Парижа на нашу отповѣдь, господину Симолину посланную.

2) Покуда флотъ нашъ придетъ въ Средиземное море, дать почувствовать Версальскому двору, что сколько нашъ союзъ ни будетъ посторонен для Англіи; но нельзя ей зазрить, естли она лишнее тутъ возъимѣетъ подозрѣніе, а потому согласуяся съ Франціею въ пользѣ нашего съ ней союза, ожидаемъ, что она сама признаетъ основательными тѣ уваженія, кои мы къ Англіи имѣть должны. Между тѣмъ время не будетъ потеряно, ибо мы употребимъ оное на разсмотрѣніе съ обѣихъ сторонъ взаимныхъ условій сея вновь полагаемыя системы.

3) Въ слѣдствіе того и сдѣлаемъ мы Вѣнскому двору на депешу князя Кауница примѣчаніе, что относительно Порты у насъ нѣтъ инаго желанія, какъ доставить себѣ удовлетвореніе обиды Портою причиненной, награжденіе убытковъ съ войною сопряженныхъ и обезпеченіе границъ, а чрезъ то и самаго сохраненія мира. И что въ случаѣ упорства Турковъ, есть ли бы необходимость доводила до продолженія войны и разпространенія желаній нашихъ, мы искренно съ Франціею изъясниться не отречемся. Вѣнскому двору дадимъ почувствовать, коль невмѣстна *исключительная медіація Франціи и ея гарантія для обезпеченія Порты*, а что отъ добрыхъ услугъ ея въ доставленіи намъ сходнаго мира мы не отрекаемся.

О купеческой навигаціи на Черномъ морѣ, когда въ Россійскіе порты всѣ флаги впускаются, мы конечно не станемъ препятствовать.

По соглашенію въ сихъ пунктахъ мы составимъ проектъ союзнаго договора оборонительнаго, исключая съ нашей стороны Англію, а съ ихъ Порту, изъ случая союза и основывая оный на общихъ пра-

вилахъ, какія имѣемъ въ трактатѣ съ императоромъ.

Польскія дѣла должны быть также чужды для Франціи, и ея гарантія или участіе всего менѣе тутъ вмѣстны. Но Вѣнскому двору ничто не мѣшаетъ теперь же сондировать отъ себя, до какой степени можно положиться на пособіе Франціи въ случаѣ войны съ королемъ Польскимъ.

Этотъ актъ писанъ также весь сполна собственною рукою В. Ст. Попова. *А. С.*

IX.

Проэктъ рескрипта секретнаго къ генералу фельдмаршалу кн. Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому (1791).

Что перемѣна правленія, въ Польшѣ случившаяся, естьли она въ силѣ и дѣйствіи своихъ утвердится, не можетъ быть полезна для сосѣдей, въ томъ ни мало нѣтъ сомнѣнія, и потому долгъ попеченія нашего о благѣ и тишинѣ имперіи нашей взыскиваетъ отъ насъ благовременныхъ мѣръ къ отвращенію вреда, каковаго опасаться можно отъ государства многими и обильными способами снабдѣннаго. Правда, что для надежнаго въ семъ успѣха всего прежде надлежало бы имѣть развязанныя руки прекращеніемъ войны съ Турками; но мы добрую надежду имѣемъ, что вы въ теченіи настоящей кампаніи, продолжая непрерывно сильныя военныя дѣйствія ввѣренными отъ насъ предводительству вашему сухопутными и мореходными ополченіями, предъуспѣете довести врага нашего до заключенія мира на условіяхъ нами предложенныхъ; а тогда и откроется полная удобность при настояніи случая возвращаться знатной, по крайней мѣрѣ, части войскъ нашихъ чрезъ Польшу, подкрѣпить недовольныхъ послѣднею конституціею, и планъ вами начертанный исполнить самымъ дѣломъ. Рѣшася на таковыя крайнія мѣры, имѣемъ мы незазорную совѣсть предъ свѣтомъ, когда Поляки наглымъ и оскорбительнымъ образомъ отвергли наше ручательство, торжественными договорами утвержденное, на прежнюю форму правленія и кардинальные законы ихъ; когда причинили намъ многочисленныя озлобленія и затрудненія по войнѣ нашей съ Турками; когда простерли неистовство ихъ до того, что во вредъ нашъ искали и ищутъ составить союзъ со врагомъ нашимъ и всего имени христіанскаго; и когда самъ ихъ король, рукою нашею на престолъ возведенный, учинился однимъ изъ главныхъ орудій къ произведенію въ дѣйство всей толико вредной перемѣны. Не ставимъ мы себѣ впрочемъ въ досаду, что они не сдѣлали намъ обвѣщенія о новомъ образѣ правительства, у нихъ введенномъ, каковое учинили они напротивъ того королю Прусскому; ибо симъ избавили насъ отъ заботы отвѣтствовать и прежде времени вселить въ нихъ подозрѣніе въ намѣреніи нашемъ стараться опровергнуть форму правленія, нагло и обманно зломышленными установленную, и возстановить прежнюю ихъ вольность.

Но какъ недовольные сею перемѣною артиллеріи генералъ *Потоцкій* и польный гетманъ *Ржевусскій*, не скрывая образа мыслей ихъ, намѣрены да и считаютъ необходимымъ открыть свои дѣйствія не теряя времени, дабы между тѣмъ зло въ отечество ихъ введенное не утвердилося; то при подобномъ воспріятіи со стороны ихъ дѣятельныхъ мѣръ нельзя уже будетъ и намъ отлагать далеко наше имъ пособіе. Надобно однакожъ, чтобъ сами они начали составленіемъ партіи вѣрной и значущей, и прибѣгнувъ къ намъ, яко ручательницѣ прежней ихъ вольной конституціи, формально требовали нашего заступленія и помощи. Между тѣмъ учинимъ мы предварительное сношеніе съ союзникомъ нашимъ императо-

ромъ Римскимъ, сообща ему въ самыхъ убѣдительныхъ израженіяхъ и доводахъ намѣреніе наше, самою необходимостію вынуждаемое, приступить неоткладывая къ дѣятельнымъ мѣрамъ и изъ за нихъ сдѣлать формальную декларацію, будучи впрочемъ готовы словà подкрѣплять дѣломъ; ибо инако былобы оное тщетно, и могло бы только подвергнуть достоинство наше предосужденію, патріотовъ же польскихъ сущей гибели. Отъ положенія въ какомъ мы на то время найдемся съ королемъ Прусскимъ будетъ зависѣть наше съ нимъ сношеніе; ибо и при семъ случаѣ благоразуміе конечно востребуетъ уважать дворъ Берлинскій, и колико можно отвращать принятіе имъ участія противнымъ намъ образомъ, по крайней мѣрѣ покуда наша партія укрѣпится въ числѣ людей и въ способахъ.

Трудно угадывать конецъ сихъ намѣреній; но естьли оныя, съ помощію Всевышняго, удачею на сторону нашу сопровождаемы будутъ, — двоякія пользы для насъ произойти могутъ: или мы предуспѣемъ опровергнуть настоящую форму правленія возставя прежнюю польскую вольность, а тѣмъ доставимъ имперіи нашей на времена грядущія совершенную безопасность; или же въ случаѣ оказательства непреодолимой въ королѣ Прусскомъ жадности, должны будемъ въ отвращеніе дальнѣйшихъ хлопотъ и безпокойствъ согласиться на новой раздѣлъ польскихъ земель въ пользу трехъ сосѣднихъ державъ. Тутъ уже та будетъ выгода, что расширяя границы государства нашего, по мѣрѣ онаго распространимъ и безопасность его, пріобрѣтая *новыхъ подданныхъ единаго закона и рода съ нашими*, которые давно на силу и помощь нашу полагали свое упованіе въ угнѣтеніяхъ ихъ; Польшу же въ такихъ поставимъ предѣлахъ, что какое ни было бы дѣятельное ея правленіе, не будетъ она уже составомъ своимъ опасна для сосѣдей, а станетъ служить токмо между ними *баръеромъ*.

Основався на семъ генеральномъ планѣ, дозволяемъ вамъ отвѣтствовать артиллеріи генералу Потоцкому, ободряя его въ добрыхъ расположеніяхъ и намѣреніяхъ его и ему единомысленныхъ, совѣтуя число оныхъ завременно распространять хотя подъ рукою. Что касается до образа правленія въ ихъ республикѣ, мы сіе оставляемъ на волѣ ихъ, федеративное ли правительство учредить, или же подъ обладаніемъ короля съ ограниченіемъ его власти и съ возстановленіемъ силы гетмановъ яко преграды могуществу королевскому; ибо сіе относиться будетъ до ихъ общаго соглашенія и соображенія съ разными обстоятельствами. Всего бы лучше было, естьли бы артиллеріи генералъ Потоцкій навѣстилъ васъ въ главной квартирѣ вашей, и самолично съ вами объяснился и условился *о подробностяхъ своего плана*, *о средствахъ*, у него подъ руками къ тому имѣющихся, о *людяхъ*, партію его составляющихъ, о *времени* къ тому назначаемомъ, и *образѣ произведенія сего* въ дѣйство. Сообщая ему взаимно ваши усмотрѣнія и мысли, поколику то съ положеніемъ и интересами нашими согласовать можно, вы не оставьте обнадежить его и съ нимъ единомысленныхъ, что при всевозможномъ со стороны нашей пособіи, естьли бы въ случаѣ усилія противныхъ, наипаче же королемъ Прусскимъ, необходимость заставила ихъ искать убѣжища въ границахъ нашихъ, оное мы охотно позволимъ, и ни подъ какимъ видомъ несогласимся на насильное ихъ удаленіе изъ оныхъ. Равное употребимъ ходатайство и у союзника нашего императора Римскаго. И хотя мы по полученіи отъ васъ извѣстій о вашихъ съ артиллеріи генераломъ Потоцкимъ соглашеніяхъ не оставимъ какъ здѣсь чрезъ посла графа Кобенцля, такъ и въ Вѣнѣ

чрезъ посла или министра нашихъ сообщить въ чемъ надлежитъ, и какъ выше сказано, мнѣніе и намѣреніе наши императору, тѣмъ не меньше однакожъ дозволяемъ вамъ чрезъ нихъ же или же хотя и чрезъ посылку нарочной особы, которая и вообще моглабы вести дѣло съ недовольными нынѣшнею польскою конституціею, учинить ваши сношенія съ княземъ Кауницомъ, донеся намъ какія вы препорученія вообще по сей матеріи дадите, такъ какъ и все до нея касающееся намъ же извѣщая въ подробности.

Для способствованія вамъ найлучшимъ образомъ распорядить дѣло съ сими польскими патріотами предлежащее, мы здѣсь сообщимъ къ руководству вашему наши усмотрѣнія по содержанію вопросовъ, означенныхъ при концѣ записки, къ вамъ присланной отъ генерала артиллеріи Потоцкаго ([1]).

На 1-е, по сіе время не извѣстно чтобъ кромѣ учиненныхъ двухъ или трехъ въ Варшавѣ протестацій, произведены были другія отъ пословъ земскихъ противу наслѣдства престола и наслѣдной монархіи, революціею 3-го мая введенной. Нужно конечно, чтобъ таковыя протестаціи учинены были колико можно въ большемъ числѣ, и чтобъ оныя послѣдуемы были манифестами въ самыхъ сильныхъ и убѣдительныхъ израженіяхъ вообще противу сей самовластной перемѣны.

На 2-е, ничто не мѣшаетъ, да и для дѣла полезно, чтобъ въ таковыхъ протестаціяхъ или манифестахъ упомянуто было о ручательствѣ нашемъ на вольность республики польской и на ея кардинальные законы; и что протестующіе въ слѣдствіе того прибѣгаютъ къ нашему заступленію и помощи, въ случаѣ личнаго гоненія со стороны короля и нынѣшняго правительства; мы уже уполномочили васъ рескриптомъ нашимъ отъ 16 маія сего года обнадежить ихъ нашимъ сильнымъ покровительствомъ, что̀ и выше вновь подтвердили.

На 3-е, 4-е и 5-е, установленіе конфедераціи вольныхъ, которая уже, представляя націю, могла бы объявить незаконнымъ все что̀ въ Варшавѣ было или будетъ сдѣлано, есть совершенно необходима; но тутъ и требуется уваженіе, прежде ли вступленія войскъ россійскихъ въ Польшу, или по дѣйствительномъ ихъ вступленіи сіе исполнить. Первое гораздо было бы приличнѣе и для насъ сходственнѣе, когда уже мы отъ знатнаго числа подвигшихся на защиту вольности ихъ ручательствомъ нашимъ обнадеженной, и составившаго, какъ выше сказано, корпусъ націи, приглашены будемъ подать имъ сильную нашу руку помощи; но трудно можетъ быть предуспѣть въ томъ при мѣрахъ настоящимъ правленіемъ воспріятыхъ и готовыхъ повсюду войскахъ, развѣ бы число недовольныхъ возрасло столько, что составило бы достаточный перевѣсъ королевской партіи, и особливо естьли бы изъ воинскихъ начальниковъ къ сторонѣ патріотской многіе прилѣпилися. Все сіе вы узнаете лучше на мѣстѣ и при вашихъ личныхъ съ артиллеріи генераломъ Потоцкимъ объясненіяхъ.

На 6-е, сказано уже выше, что мы не токмо въ имперіи нашей дадимъ убѣжище и защиту патріотамъ противу всякаго на нихъ гоненія, но и у союзника нашего употребимъ равное въ пользу ихъ ходатайство; а впрочемъ отъ собственнаго ихъ соображенія и отъ соглашенія съ вами зависѣть будетъ, остаться ли между тѣмъ главнымъ членамъ намѣреваемой конфедераціи въ областяхъ австрійскихъ, покуда дѣла лучше созрѣютъ и мы съ окончаніемъ хлопотъ нашихъ съ Турками найдемся въ состояніи сильно дѣйствовать въ пользу общаго дѣла.

На 7-е, какъ форма вольнаго правленія

([1]) Этой записки у насъ не имѣется.

республики Польской и ея кардинальные законы были обезпечены главнѣйше нашимъ ручательствомъ; то патріоты Польскіе по всей справедливости могутъ предварительно прибѣгнуть къ нашему заступленію, а посредствомъ уже нашимъ получить таковое и у союзника нашего императора; ничто однакожь не препятствуетъ имъ стараться завременно снискать себѣ доброхотство вѣнскаго двора и твердое обнадеживаніе содѣйствовать намъ въ возвращеніи вольности ихъ.

На 8-е, что касается до предполагаемой въ пользу конфедераціи вольныхъ патріотовъ Польскихъ деклараціи съ обѣщаніемъ имъ защиты и подпоры, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ скоро только та конфедерація въ существѣ своемъ окажется и какъ скоро мѣры съ нашей стороны такъ будутъ пріуготовлены, чтобъ слова подкрѣплять дѣломъ.

На 9-е, нашъ собственный интересъ требуетъ, чтобъ исполненіе сего не умедлилося, дабы зло учиненное настоящею перемѣною не распространило далеко корня своего; положеніе наше однакожъ заставляетъ насъ поступать въ томъ съ крайнею осмотрительностію для пользы общаго дѣла. Самый свойственный періодъ къ открытію нашихъ дѣйствій былъ бы тотъ, когда по заключеніи мира съ Турками насталъ бы часъ возвращенія войскъ нашихъ во свояси, и мы въ то время моглибы обратить знатную часть ихъ въ Польшу для исполненія вышесказаннаго: но естьли недовольные нынѣшнею формою правленія откроютъ на дѣлѣ конфедерацію, въ такомъ случаѣ не должно уже будетъ отлагать нашего дѣятельнаго имъ пособія.

Есть еще одинъ случай, при которомъ наши дѣйствія въ Польшѣ необходимо открыть надлежитъ. Мы разумѣемъ, ежели сосѣди ея и особливо король Прусскій окажутъ желаніе учинить новый раздѣлъ на щетъ Польши, и какъ выше въ семъ рескриптѣ нашемъ сказано, не останется инаго способа къ отвращенію дальнихъ хлопотъ и безпокойствъ.

Какъ скоро извѣстны будутъ точныя положенія Польскихъ патріотовъ, то по усмотренію основательности ихъ и сообраценію съ прочими обстоятельствами политическими, не трудно будетъ приняться тотчасъ рѣшительно за исполненіе намѣреній нашихъ, къ чему вы по прежде даннымъ отъ насъ повелѣніямъ снабдѣны достаточными способами. Мы и тутъ подтверждаемъ, что во всякомъ случаѣ планъ, вами начертанный и въ рескриптахъ нашихъ отъ 19-го апрѣля 1790 и 16 маія настоящаго годовъ предписанный, имѣетъ остаться въ своей полной силѣ къ исполненію въ свое время. Пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію всегда благосклонны. Данъ въ Царскомъ Селѣ іюля -го дня 1791-го года (²).

Въ Рѣшетиловскомъ Архивѣ по дѣламъ здѣсь опредѣляемымъ имѣются пять писемъ отъ Кауница къ Потемкину въ подлинникѣ т. е. за собственною подписью Кауница. Изъ этихъ писемъ видно, что Кауницъ понималъ тайные замыслы Потемкина и изъявлялъ готовность къ содѣйствію *А. С.*

X.

О Малороссійскомъ Казачествѣ во второй половинѣ XVIII вѣка *).

Полтавскаго казацкаго полку полковникъ Боуверъ рапортомъ прописываетъ,

---

(²) При самомъ предсмертномъ отъѣздѣ Потемкина въ армію.

*) Это подлинное показаніе извлечено изъ бумагъ *В. С. Попова*, бывшаго правителемъ канцеляріи у Потемкина. И такъ казачеству подъ конецъ *предпочиталось крѣпостное состояніе*. Напрасно Малороссіяне вопіютъ противъ Русскаго правительства за введеніе этой будто бы новой формы рабства въ Малороссіи. Существуютъ подлинные акты о горькой участи такъ называемыхъ *подсосѣдковъ*, терпѣвшихъ бѣду также отъ своихъ собратій. Слич. LXXVII-е

что онъ, по вступленіи въ командованіе онымъ, входя во всѣ о состоянія его подробности, нашелъ:

1-е. Что бѣдные казаки отъ начальниковъ своихъ столько раззорены, что многіе не имѣютъ у себя пропитанія, а чрезъ то и въ желаемой исправности службы отправлять; живучи болѣе безгласно, не имѣя никакого защищенія, немалымъ числомъ поступили въ крѣпостные стороннимъ помѣщикамъ, а нѣкоторые и чиновникамъ, какъ то имъ и узнато на полковомъ писарѣ *Яновичѣ*.

2-е. Въ прекращеніе отъ претерпѣваемыхъ ими раззореній и возстановленіе добраго порядка, да и чтобъ отвлечь всякое ко взяткамъ начальниковъ ихъ поползновеніе, кои, какъ прежде сего было, собирали съ нихъ слѣдуемыя и неслѣдуемыя подати подъ видомъ наложенія, учредилъ онъ всякаго роду и всякой сотни особенное ихъ собственное правленіе, съ предписаніемъ о точномъ соблюденіи оного, дабы чрезъ то привести ихъ въ лутчее состояніе; о касающихся же ихъ собственныхъ нуждахъ относились бы прямо къ нему. Но по сему увѣдомленъ онъ изъ Полтавы, что по повеленію губернской канцеляріи велѣно все то уничтожить и на прежнемъ положеніи тѣхъ казаковъ оставить.

3-е. Но когда уже таковое о пользѣ ввѣреннаго ему полку учрежденіе губернскою канцеляріею уничтожено, то земскіе комисары, входя до внутренности, да и къ чувствительному тѣхъ казаковъ раззоренію, не хотя уже относиться къ нему, насылаютъ прямо свои повелѣніи къ сотеннымъ правленіямъ, чѣмъ самымъ и власть уже его надъ онымъ безъ воли его свѣтлости *) уничтожена, а по таковымъ замѣшательствамъ сомнѣвается соблюсти надлежащій порядокъ службы, какъ уже ему впредь онымъ управлять и командовать поступать уже не смѣетъ, да и указу губернской канцеляріи спорить не можетъ, а что жь оная канцелярія воспослѣдовавшаго ему на то повелѣнія сама собою перемѣняетъ, почитая за сущую себѣ обиду, проситъ защищенія.

письмо Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву въ 3-мъ выпускѣ Р. Архива 1863; оказывается, что прикрѣпленіе къ землѣ Малороссійскаго населенія было настоятельною потребностью общегосударственнаго хозяйства.

*) Т. е. Потемкина. Не слѣдуетъ забывать, что въ Малороссіи правилъ тогда непріятель Потемкина гр. Румянцевъ Задунайскій.

НѢМЕЦКІЕ СТИХИ НА ЛОМОНОСОВА.

Печатаніе этихъ стиховъ, направленныхъ противъ Ломоносова, конечно не можетъ послужить къ омраченію дорогой и славной памяти великаго человѣка. Стихи эти скорѣе слѣдуетъ назвать пасквилемъ на Ломоносова. Сочинитель неизвѣстенъ; вѣроятно то былъ кто нибудь изъ враговъ Ломоносова, нѣмцевъ-академиковъ. Современный листокъ съ помѣтою: Im Juli 1754, былъ намъ обязательно сообщенъ *М. П. Погодинымъ.*

Bänckel-Sänger-Lied auf Lomonossoff.

In des Prof. Heinsius Melodie: „Ich bin der Arzt, ich bin der Mann.“

1.

Es war einst einer aus Kolmgorod,
Wo alle grosse Boven herkommen,
Der war als Bauer-Jung ums Brodt
Im Kloster aufgenommen.
Und da studirt er was Latein,
Noch stärker aber im Brantwein.
Tiral, tiral, tiral, tiral,
Das ist ihm wohl bekommen.

2.

Mit Knechten soff er sich herum,
Und prügelt alle Jungen,
Damit erwarb er sich den Ruhm,
Er hab' sich hochgeschwungen.
Drum ward er zum Student gemacht,
Da soff er Wotka Tag und Nacht.
Tiral, tiral...
Das ist ihm wohl gelungen.

3.

Zu Marburg auf der Hohen-Schul
Solt' er bey Wolff studieren,
Da fiel er in den Mist, Pfütz-Pfuhl
Und gieng poetisiren.
Er lag in eines Schneiders Haus,
Stieß seiner Tochter Hymen auß,
Tiral, tiral...
Da mußt' er echappiren.

4.

Die Preußchen Werber funden ihn,
Da wurd' er zum Recruten,
Sie führten ihn nach Wesel hin,
Da mußt' sein Bückel bluten.
Den Galgen wagt' er denn einmal,
Indem er sich von dannen stahl.
Tiral, tiral...
Das half ihm zu viel gutem

5.

Denn nunmehr hatt' er ausstudiert
Und kam ins Land zurücke,
Ward zum Adjunct gleich promovirt,
Und schimpft auf jedes Stücke
Was er nicht selber ausgedacht
Und Jemand schon vor ihm gemacht.
Tiral, tiral....
Das fördert ihm sein Glücke.

6.

Sumrakoff, der die Scansion
Auf deutsch wollt' hab' erfunden,
Hätt' er für seiner Kühnheit Lohn
Wie Marsius (*) gern geschunden.
Dem Euler, Leibnitz, Newton gar
Ließ er nun mehr kein ehrlich Haar,
Tiral, tiral...
Nun war ihr Ruhm verschwunden.

Переводъ Гулевая пѣсня про Ломоносова, съ напѣвомъ въ родѣ мелодіи: „Я врачь, я мужъ“.

1. Жилъ нѣкто родомъ изъ Холмогоръ, гдѣ водятся рослые быки; крестьянскимъ мальчикомъ приняли его въ монастырь изъ за куска хлѣба. Тамъ онъ выучился кое чему по латынѣ, но больше пить водку. Тираль тираль тираль! Это ему пришлось по нраву.

(*) Марсіасъ — миѳологическое существо, сатиръ и противникъ бога пѣнія, Аполлона, имъ побѣжденный.

2 Онъ пьянствовалъ съ прислугою и дрался съ ребятами; этимъ онъ прославился и превознесся. За то сдѣлали его студентомъ, и тогда онъ сталъ пить водку день и ночь. Тираль и пр. Въ этомъ онъ былъ удачливъ.

3. Въ Марбургѣ въ университетѣ учился онъ яко бы у Вольфа; тутъ попалъ онъ въ навозную топкую кучу и началъ заниматься поэзіей. Онъ стоялъ въ домѣ однаго портнаго, и съякшался съ его дочерью. Тираль и пр. Тогда пришлось ему улизнуть.

4. Прусскіе вербощики его нашли, и онъ сдѣлался рекрутомъ; они отвели его въ Везель и тамъ нагрѣли ему спину. Бѣжавъ оттуда, онъ рисковалъ попасть на висѣлицу. Тираль и пр. Это было очень ему выгодно.

5 Ибо теперь онъ кончилъ ученіе и возвратился на родину; тотчасъ возведенъ въ адъюнкты и ругаетъ все то, что не имъ придумано, а сдѣлано кѣмъ нибудь прежде него. Тираль и пр. Это ведетъ его къ счастію.

6. Подобно Марсіасу, онъ охотно опозорилъ бы Сумарокова въ награду за его смѣлое изобрѣтеніе просодіи по нѣмецкому образцу. Онъ не оставляетъ въ покоѣ и безчеститъ Эйлера, Лейбница и даже Ньютона. Тираль и пр. Слава ихъ нынѣ миновала!

ЗАМѢТКА О КНЯЖНѢ ТАРАКАНОВОЙ.

По поводу картины г. Флавицкаго.

На послѣдней выставкѣ въ залахъ императорской Академіи Художествъ вниманіе посѣтителей привлекала картина г. Флавицкаго *княжна Тараканова*. Мы не видали картины. По печатнымъ и словеснымъ сообщеніямъ она изображаетъ богато одѣтую женщину въ тюремномъ заключеніи: въ окно, съ желѣзною рѣшеткою, хлещетъ вода, уже наполняющая комнату, и заключенная, стоя на убогой кровати своей, съ отчаяніемъ видитъ приближающуюся гибель. Картина заслужила много похвалъ въ отношеніи художественномъ; но многіе посѣтители, какъ видно по печатнымъ отзывамъ, обвиняютъ художника въ невѣрности исторической.

Должно предполагать, что обвинители основываютъ свои порицанія на томъ, что г. Флавицкій избралъ сюжетомъ своей картины событіе недостовѣрное, а именно преданіе о томъ, будто Тараканова погибла въ казематѣ Петропавловской крѣпости, утонувши тамъ во время извѣстнаго страшнаго наводненія, бывшаго 10 сентября 1777 года. Если такова причина обвиненій, то должно сказать, что она совершенно справедлива.

Печатныя свѣдѣнія о Таракановой ограничиваются слѣдующими матеріялами: 1) Подлинными письмами графа А. Г. Орлова-Чесменскаго и другихъ лицъ, въ числѣ ихъ самой императрицы Екатерины II, по дѣлу о похищеніи ея изъ Ливорно и присылкѣ ея въ Петербургъ (Русская Бесѣда, 1859, кн. 4, Отд. I) 2) Статьей моею «Княжна Тараканова», въ которой я собралъ и разработалъ по возможности всѣ разнородныя о ней извѣстія (Русскій Вѣстникъ, 1859, Т. 24, № 24, стр. 716—736) и 3) Замѣтками П. И. Мельникова, заключающими въ себѣ нѣкоторыя дополненія къ указаннымъ выше извѣстіямъ (Сѣв. Пчела, 1860 года, №№ 39 и 53).

Ни въ одной изъ этихъ статей нѣтъ вполнѣ положительнаго свѣденія о смерти Таракановой, и до сихъ поръ публика не знаетъ истины по этому дѣлу, а потому и не мудрено, что г. Флавицкій введенъ былъ въ заблужденіе наиболѣе распространеннымъ преданіемъ о гибели Таракановой во время наводненія. Очень понятно также, что художникъ былъ увлеченъ предметомъ, представляющимъ столько ужаснаго и поэтическаго. Но, повторяю: событіе, имъ представленное, есть чистая выдумка. Я самъ упомянулъ о немъ въ статьѣ моей, вмѣстѣ съ другими слухами, относящимися къ тому же предмету, но выразилъ мысль, что смерть Таракановой покрыта такою же тайной, какъ и ея происхожденіе. Тайна эта разъяснилась для меня вскорѣ самымъ несомнѣннымъ образомъ.

Лѣтомъ 1860 года сообщилъ мнѣ достовѣрнѣйшія свѣдѣнія по этому дѣлу покойный графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, читавшій всѣ подлинныя современныя бумаги, касающіяся поимки Таракановой въ Италіи, пребыванія ея въ крѣпости и ея кончины и докладывавшій это дѣло, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, покойному Государю въ 1828 году. Такимъ образомъ я могу сообщить публикѣ истину, которую она услышитъ еще въ первый разъ, не будучи принуждена сомнѣваться въ чемъ либо: я тогда же записалъ разсказъ графа, который и передаю теперь читателямъ.

Свѣдѣнія о всѣхъ этихъ событіяхъ сохранились по счастію въ полнотѣ и притомъ письменныя, по слѣдующему обстоятельству. Они относятся къ 1775 году, который весь проведенъ былъ Екатериною въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, гдѣ начальствовалъ въ отсутствіи императрицы фельдмаршалъ князь А. М. Голицынъ. Поэтому всѣ донесенія, приказанія и т. п. дѣлались черезъ письменныя сношенія. Будь тогда Государыня въ Петербургѣ, многое кончалось бы ея словесными распоряженіями и изустными ей рапортами, и всѣ эти подробности были бы навсегда утрачены.

Тараканова была арестована Орловымъ въ Ливорнской гавани 12-го февраля 1775 года, привезена Грейгомъ въ Петербургъ въ началѣ мая того же года и заключена въ казематѣ Алексѣевскаго равелина Петропавловской крѣпости.

У ней уже тогда была чахотка въ довольно сильной степени, а къ зимѣ конецъ ея видимо приближался. Тараканова всегда слѣдовала обрядамъ римско-католической церкви и была даже въ Италіи въ связяхъ съ іезуитами, надѣясь на ихъ помощь. Но передъ смертію она захотѣла непремѣнно исповѣдаться и причаститься у православнаго священника. Вѣроятно, что такая странность происходила отъ непреодолимаго желанія убѣдить другихъ въ истинѣ происхожденія, которое она себѣ приписывала и показать, что она исполняла будто бы чуждые ей католическіе обряды только потому, что жила на чужбинѣ, гдѣ не было служителей церкви православной, въ лонѣ которой она будто бы родилась и была воспитана въ дѣтствѣ. Дѣло было затруднительное. Тараканова не знала русскаго языка, который тоже будто бы забыла, будучи увезена въ дѣтствѣ за границу. Она знала по-французски и по-нѣмецки. Послѣ разныхъ поисковъ нашли священника (имя его я забылъ и не записалъ) церкви на Невскомъ проспектѣ (на мѣстѣ, гдѣ теперь Казанскій соборъ), знавшаго нѣмецкій языкъ. На немъ исповѣдалъ онъ Тараканову 30-го ноября 1775 года и донесъ о томъ, что слышалъ отъ нея, по начальству. Она каялась во многихъ грѣхахъ, преимущественно любовныхъ; но твердо и постоянно стояла на томъ, что ея происхожденіе именно то, которое она себѣ всегда приписывала. Съ этимъ она и умерла 4-го декабря 1775 года, то

есть слишкомъ за два года до наводненія, во время котораго она будто бы погибла. Этимъ оканчивается разсказъ графа Блудова о заточеніи и смерти Таракановой.

Впрочемъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что преданіе о гибели Таракановой во время наводненія существовало издавна: извѣстный авантюристъ Винскій, котораго любопытныя записки были въ рукахъ покойнаго А. И. Тургенева, разсказываетъ въ нихъ, что вскорѣ послѣ наводненія 1777 года его посадили въ крѣпость за какія-то продѣлки, что онъ увидѣлъ на стѣнѣ своего каземата слова: «о, dio!...» и что сторожъ разсказалъ ему о заточеніи Таракановой, бывшей будто бы беременною, въ этомъ же казематѣ и о гибели ея во время наводненія. Хотя разсказъ этотъ и близокъ къ событію, но неопровержимые документы доказываютъ, что или сторожъ ошибся или солгалъ, или же что самъ Винскій выдумалъ для чего либо небывалый случай.

Г. З., хорошо знакомый съ мѣстностію, говорилъ мнѣ въ прошломъ году, что въ 1826 году, на небольшой площадкѣ, обращенной въ садикъ, близь Алексѣевскаго равелина, находилась насыпь, и старожилы крѣпости говорили ему, что это могила Таракановой.

Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что Тараканова, умершая въ 1775 году, была авантюристка, служившая орудіемъ князю Радзивилу и брошенная имъ по миновании въ ней надобности. Графъ Д. Н. Блудовъ полагалъ самою вѣрною догадкою ту, по которой полагаютъ ее дочерью какого то трактирщика въ Прагѣ. Но онъ же говорилъ, что дѣйствительно существовали братъ и сестра Таракановы, имѣвшіе то происхожденіе, которое приписывала себѣ умершая въ крѣпости искательница приключеній. Фамилія имъ была дана отъ слободы Таракановки, мѣста рожденія графа А. Г. Разумовскаго, отца ихъ. Сестра была послушницей и потомъ монахиней въ Вознесенскомъ монастырѣ Московскаго Кремля, и на ея то похороны, въ началѣ нынѣшняго вѣка, собрались, какъ извѣстно, всѣ жившіе въ Москвѣ члены и родственники фамиліи Разумовскихъ. Братъ ея жилъ въ какомъ-то монастырѣ, кажется, близь Переяславля-Залѣсскаго и въ первыхъ годахъ нашего вѣка горько жаловался на свою участь.

Вотъ истина на счетъ смерти Таракановой. Наша новѣйшая исторія такъ мало намъ извѣстна, что мы вдаемся въ безпрерывныя ошибки. Если бы она была намъ хорошо знакома, то нельзя было бы сказать, что художникъ имѣетъ «право полной свободы», въ случаѣ, подобномъ тому, который далъ мнѣ поводъ къ этой замѣткѣ и изображать не то, что было, а что могло быть. Тараканова лицо историческое и родъ смерти ея засвидѣтельствованъ, но не былъ извѣстенъ. Чтобы сказали, если бы Французъ, основываясь на какомъ-либо преданіи, написалъ напр. картину, изображающую смерть «Желѣзной маски» среди какихъ-нибудь небывалыхъ обстоятельствъ? Но повторяю: въ данномъ случаѣ ни въ чемъ не виноватъ г. Флавицкій, который выбралъ прекрасный сюжетъ для своей картины и не обязанъ былъ знать истины, скрытой почти отъ всѣхъ. Если бы она была ему достовѣрно извѣстна, то, конечно, онъ не изобразилъ бы ложнаго событія, какъ ни соблазнительно оно по своему предмету для художника.

Михаилъ Лонгиновъ.

31 Декабря 1864 г.
Тула.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПУШКИНѢ.

Получивъ эту статью отъ многоуважаемаго и неутомимаго дѣятеля русской мысли *М. П. Погодина,* заявляемъ нашу глубокую признательность за это дорогое вниманіе къ Русск. Архиву. Статья доставлена при слѣдующемъ письмѣ:

„Вы требуете у меня настоятельно записокъ о Пушкинѣ. Я обѣщалъ ихъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ П. В. Анненкову, котораго біографія доставила мнѣ тогда большее удовольствіе. Но что дѣлать, я не имѣлъ времени до сихъ поръ приняться за нихъ. У меня одна работа погоняетъ другую, и сколько я ни дѣлаю, а все остается больше и больше дѣла впереди. Вотъ и теперь: у меня на рукахъ біографія Карамзина, которой я преданъ всецѣло. Вслѣдъ за нею я долженъ начать печатаніе своей древней Русской Исторіи, съ большимъ атласомъ, по милости царской теперь обезпеченное. Между тѣмъ для Общества Любителей Русской Словесности необходимо написать воспоминаніе о Шевыревѣ. Эта послѣдняя обязанность даетъ мнѣ однакожъ возможность удовлетворить отчасти и васъ: одинъ эпизодъ изъ жизни Шевырева, какъ и моей, имѣетъ непосредственное отношеніе къ Пушкину, а именно—прибытіе Пушкина въ Москву въ 1826 году, чтеніе Бориса Годунова и основаніе Московскаго Вѣстника. Я обратился къ своимъ запискамъ и воспоминаніямъ, и посылаю вамъ этотъ отрывокъ, а вмѣстѣ съ нимъ еще два, кои попались мнѣ на глаза, при разборѣ бумагъ: мнѣніе объ исторіи Пугачевскаго бунта, и слова, сказанныя мною на лекціи при полученіи извѣстія о кончинѣ Пушкина. Вашъ *М. Погодинъ.*

Декабря 23. 1864."

I.

Чтеніе Бориса Годунова. Основаніе Московскаго Вѣстника въ 1826 году.

Успѣхъ *Ураніи.* (¹) ободрилъ насъ. Мы составили съ Дмитріемъ Веневитиновымъ планъ изданія другаго литературнаго сборника, посвященнаго переводамъ изъ класическихъ писателей, древнихъ и новыхъ, подъ заглавіемъ: *Гермесъ.* У меня цѣло оглавленіе, написанное Шевыревымъ, изъ какихъ авторовъ надо переводить отрывки для знакомства съ ними русской публики. Рожалинъ долженъ былъ перевести Шиллерова Мизантропа (²), Д. Веневитиновъ брался за Гетева Эгмонта (³), я за Геца фонъ-Берлихингена (⁴), Шевыревъ за Валленштейновъ Лагерь (⁵). Программы смѣнялись программами, и въ эту-то минуту, когда мы были, такъ сказать, въ попыхахъ, рвались работать, думали безпрестанно о журналѣ, является въ Москву Александръ Пушкинъ, возвращенный Государемъ изъ его псковскаго заточенія (⁶). Мы всѣ бросились къ нему на встрѣчу.

Представьте себѣ обаяніе его имени, живость впечатлѣнія отъ его первыхъ поэмъ, только что напечатанныхъ, Руслана и Людмилы, Кавказскаго Плѣнника, Бакчис. Фонтана и въ особенности мелкихъ стихотвореній, каковы: Празднество

(¹) Литературный Альманахъ на 1826 годъ.

(²) Напечатано въ Москвитянинѣ.

(³) Переведено и напечатано первое дѣйствіе.

(⁴) Переводъ мой напечатанъ особою книгою въ 1828 съ посвященіемъ (1826) Дмитрію Веневитинову.

(5) Отрывки напечатаны въ Московскомъ Вѣстникѣ. Вполнѣ долго не было цензурнаго разрѣшенія, и лишь гораздо позже онъ напечатанъ вполнѣ.

(⁶) Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву въ коляскѣ съ фельдъегеремъ и прямо во дворецъ—8 сентября 1826. Въ этотъ же день на балу у герцога Девонширскаго (въ Шепелевомъ домѣ за Яузскимъ мостомъ) Государь подозвалъ къ себѣ Блудова и сказалъ ему: „Знаешь, что я нынче долго говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи?" На вопросительное недоумѣніе Блудова, Николай Павловичь назвалъ Пушкина. Съ многолюднаго бала радостная вѣсть о пріѣздѣ Пушкина облетѣла всю Москву. П. Б.

Вакха, Деревня, къ Домовому, Къ морю,— которыя привели въ восторгъ всю читающую публику, особенно молодежь, молодежь нашу, архивную, университетскую. Пушкинъ представлялся намъ какимъ-то геніемъ, ниспосланнымъ оживить русскую словесность.

Семейство Пушкиныхъ было знакомо и, кажется, въ родствѣ съ Веневитиновыми. Чрезъ нихъ и чрезъ Вяземскаго познакомились и всѣ мы съ Александромъ Пушкинымъ.

Онъ обѣщалъ прочесть всему нашему кругу Бориса Годунова. Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали назначеннаго дня. Наконецъ наступило, послѣ разныхъ превратностей, это вожделѣнное число. Октября 12, поутру, спозаранку мы собрались всѣ къ Веневитинову (между Мясницкою и Покровкою на поворотѣ къ Армянскому переулку) (7), и съ трепещущимъ сердцемъ ожидали Пушкина. Въ 12 часовъ онъ является.

Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе, передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло почти 40 лѣтъ, кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Надо припомнить,—мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французскою декламаціей, которой мастеромъ считался Кокошкинъ, и послѣднимъ представителемъ былъ, въ наше время, графъ Блудовъ. Наконецъ надо представить себѣ самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрецъ высокаго искусства,—это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчикъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми быстрыми глазами, съ тихимъ, пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ темномъ жилетѣ, застегнутомъ на глухо, въ небрежно-подвязанномъ галстухѣ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы услышали простую, ясную, обыкновенную и между тѣмъ піитическую, увлекательную рѣчь!

(7) Нынѣ домъ Мейера П. Б.

Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена, мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ «да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной», мы просто всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ. То молчаніе, то взрывъ восклицаній, напримѣръ при стихахъ Самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго, и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія. Эванъ, эвое, дайте чаши!

Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ

на востроносой своей лодкѣ, предисловіе къ Руслану и Людмилѣ:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ и ночью котъ ученый
Тамъ ходитъ по цѣпи кругомъ,
Идетъ на право — пѣснь заводитъ,
На лѣво — сказку говоритъ. [8]

началъ разсказывать о планѣ для Димитрія Самозванца, о палачѣ, который шутитъ съ чернію, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ, сцену, которую написалъ онъ, гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ въ половину, о чемъ глубоко сожалѣлъ.

О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь. Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ.

На другой день было назначено чтеніе Ермака, только что конченнаго и привезеннаго Хомяковымъ изъ Парижа. Ни Хомякову читать, ни намъ слушать не хотѣлось, но этого требовалъ Пушкинъ. Хомяковъ чтеніемъ приносилъ жертву. Ермакъ, разумѣется, не могъ произвести никакого дѣйствія послѣ Бориса Годунова, и только нѣкоторыя лирическія мѣста вызвали хвалу. Мы почти его не слыхали. Всякой думалъ свое. Въ антрактѣ, мнѣ представился образъ Мареы Посадницы, о которой я давно думалъ, искавъ языка. Жуковскаго Орлеанская Дѣва дала мнѣ нѣкоторое понятіе объ искомомъ языкѣ, а Борисъ Годуновъ рѣшилъ его окончательно.

Пушкинъ знакомился съ нами со всѣми ближе и ближе. Мы видѣлись всѣ очень часто. Шевыреву выразилъ онъ свое удовольствіе за его *Я есмь* [9], и прочелъ наизусть нѣсколько стиховъ. Мнѣ сказалъ любезности за повѣсти, напечатанныя въ Ураніи. Толки о журналѣ, начатые еще въ 1824 или 1823 году, въ обществѣ Раича, усилились. Множество дѣятелей молодыхъ, ретивыхъ было, такъ сказать, на лицо, и сообщили ему общее желаніе. Онъ выразилъ полную готовность принять самое живое участіе. Послѣ многихъ переговоровъ, редакторомъ назначенъ былъ я. Главнымъ помощникомъ моимъ былъ Шевыревъ. Много толковъ было о заглавіи. Рѣшено: *Московскій Вѣстникъ*. Рожденіе его положено отпраздновать общимъ обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ. Мы собрались въ домѣ бывшемъ Хомякова (гдѣ нынѣ кондитерская Люке): Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновыхъ, два брата Хомяковыхъ, два брата Кирѣевскихъ, Шевыревъ, Титовъ, Мальцевъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, Оболенскій, Соболевскій.... И какъ подумаешь — изъ всего этого сборища осталось въ живыхъ только три-четыре человѣка, да и тѣ по разнымъ дорогамъ! Нечего описывать, какъ веселъ былъ этотъ обѣдъ. Сколько тутъ было шуму, смѣху, сколько разсказано анекдотовъ, плановъ, предположеній! Напомню одинъ, насмѣшившій все собраніе. Оболенскій, адъюнктъ греческой словесности, добрѣйшее существо, какое только можетъ быть, подпивъ за столомъ, подскочилъ послѣ обѣда къ Пушкину, и взъерошивая свой хохоликъ, любимая его привычка, воскликнулъ: Александръ Сергѣевичъ, Александръ Сергѣевичъ, я единица, единица, а посмотрю на васъ, и покажусь себѣ милліономъ. Вотъ вы кто! — Всѣ захохотали и закричали: милліонъ, милліонъ!

Въ Москвѣ наступило самое жаркое литературное время. Всякой день слы-

---

[8] Написано нѣсколько лѣтъ спустя послѣ самой поэмы и появилось лишь при второмъ ея изданіи. *П. Б.*

[9] Стихотвореніе, напечатанное въ Ураніи.

шалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы. Горе отъ ума Грибоѣдова только что начало распространяться. Пушкинъ прочелъ Пророка (который послѣ Бориса произвелъ наибольшее дѣйствіе) и познакомилъ насъ съ слѣдующими главами Онѣгина, котораго до тѣхъ поръ напечатана была только первая глава. Между тѣмъ на сценѣ представлялись водевили Писарева съ острыми его куплетами, и музыкою Верстовскаго. Шаховской ставилъ свои комедіи вмѣстѣ съ Кокошкинымъ, Щепкинъ работалъ надъ Мольеромъ, и Аксаковъ, тогда еще не старикъ, переводилъ ему Скупаго. Загоскинъ писалъ Юрія Милославскаго. Дмитріевъ выступилъ на поприще со своими переводами изъ Шиллера и Гете. Всѣ они составляли особый отъ нашего приходъ, который вскорѣ соединился съ нами, или вѣрнѣе, къ которому мы съ Шевыревымъ присоединились, потому что всѣ наши товарищи, оставаясь въ постоянныхъ впрочемъ сношеніяхъ съ нами, отправились въ Петербургъ. Оппозиція Полеваго въ Телеграфѣ, союзъ его съ Сѣверной Пчелой Булгарина, желчныя выходки Каченовскаго, къ которому явился вскорѣ на помощь Надоумко ([10]), давали новую пищу. А тамъ еще Дельвигъ съ Сѣверными Цвѣтами, Жуковскій съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ Иліадой, Раичъ съ Тассомъ, и Павловъ съ лекціями о натуральной философіи, гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ съ философскими статьями. Вечера, живые и веселые, слѣдовали одинъ за другимъ, у Елагиныхъ и Кирѣевскихъ за Красными воротами, у Веневитиновыхъ, у меня, у Соболевскаго въ домѣ на Дмитровкѣ, у княгини Волконской на Тверской. Въ Мицкевичѣ открылся даръ импровизаціи. Пріѣхалъ Глинка, связанный болѣе другихъ съ Мельгуновымъ, и присоединилась музыка.

Горько мнѣ сознаться, что я пропустилъ нѣсколько изъ этихъ драгоцѣнныхъ вечеровъ страха ради іудейска....

Для первой книжки Шевыревъ написалъ разговоръ о возможности найти единый законъ для изящнаго и шутливую статью о правилахъ критики.

Я началъ подробнымъ обозрѣніемъ книги Эверса о древнѣйшемъ правѣ Руси (тогда еще не переведенной), гдѣ выразилъ мои мысли о различіи удѣльной системы отъ феодальной. Тогда же началъ печатать свои афоризмы, доставившіе мнѣ много насмѣшекъ, особенно вслѣдствіе неудачнаго употребленія Ивана Великаго для сравненія высшихъ взглядовъ.

Мы были увѣрены въ громадномъ успѣхѣ; мы думали, что публика бросится за именемъ Пушкина, котораго лучшій отрывокъ, сцена лѣтописателя Пимена съ Григоріемъ, долженъ былъ начать первую книжку. Но увы, мы жестоко ошиблись въ своихъ разсчетахъ, и главной виною былъ я, не смотря на всѣ убѣжденія Шевырева. 1, я не хотѣлъ пускать, опасаясь лишнихъ издержекъ, болѣе 4 листовъ въ книжку, до тѣхъ поръ, пока не увеличится подписка, между тѣмъ какъ Телеграфъ выдавалъ книжки въ 10 и 12 листовъ. 2, я не хотѣлъ прилагать картинокъ модъ, которыя, по общимъ тогдашнимъ понятіямъ, служили первою поддержкою Телеграфа. Въ 3-хъ, я не употребилъ никакого старанія, чтобъ привлечь и обезпечить участіе князя Вяземскаго, который перешелъ окончательно къ Телеграфу, и на первыхъ порахъ своими остроумными статьями и любопытными матеріалами содѣйствовавъ боль-

([10]) Псевдонимъ Н. И. Надеждина. *П. Б.*

ше всѣхъ его успѣху, обратилъ читателей на его сторону. Наконецъ, 4, Московской Вѣстникъ все-таки былъ мой hors d'oeuvre. Я не отдавался ему весь, а продолжалъ заниматься Русскою Исторіей и лекціями о Всеобщей, которая была мнѣ поручена въ университетѣ. Съ Шевыревымъ споры доходили у насъ чуть не до слезъ, — и запивались, когда уже силъ не хватало у спорщиковъ и горло пересыхало, Кипрскимъ виномъ, котораго какъ-то случилось намъ запасти по случаю большую провизію. Вино играло роль на нашихъ вечерахъ, но не до излишковъ, а только въ мѣру, пока оно веселитъ сердце человѣческое. Пушкинъ не отказывался подъ веселой часъ выпить. Одинъ изъ товарищей былъ знаменитый знатокъ, и предъ началомъ Московскаго Вѣстника было у насъ въ модѣ алеатико, прославленное Державинымъ.

Весь 1827 годъ Шевыревъ работалъ неутомимо. Тогда кончилъ онъ переводъ Валленштейнова Лагеря, труднѣйшей вещи для перевода, и заслужилъ полное одобрѣніе всѣхъ насъ, начиная съ Пушкина.

Въ мартѣ весь нашъ кругъ былъ потрясенъ извѣстіемъ о внезапной кончинѣ въ Петербургѣ Дмитрія Веневитинова. Мы любили его всею душою. Это былъ юноша дивный,—но объ немъ послѣ, особо. .

II.

Нѣсколько словъ объ Исторіи Пугачевскаго бунта, А. С. Пушкина ([11]).

. . . Для Исторіи нѣтъ тайны, слѣдовательно эта Исторія, не распечатавшая пакета о Пугачевскомъ бунтѣ, должна называться повѣстью, или лучше военною реляціею, реляціею съ мѣста ([12]). Въ самомъ дѣлѣ, она имѣетъ гораздо больше достоинства литературнаго, чѣмъ историческаго, хотя богата и послѣднимъ.

Въ литературномъ отношеніи — это самое важное явленіе въ Русской словесности послѣдняго времени, и большой шагъ впередъ въ историческомъ искусствѣ. Простота слога, безъискуственность, вѣрность и какая-то мѣткость выраженій, — вотъ чѣмъ отличается особенно первый опытъ Пушкина на новомъ его поприщѣ. Пушкинъ, давшій въ Борисѣ Годуновѣ языкъ нашей трагедіи, Пугачевскимъ бунтомъ нанесъ рѣшительный ударъ ораторской Исторіи, въ коей Карамзинъ былъ у насъ первымъ и послѣднимъ мастеромъ. И въ самомъ дѣлѣ — можно ли послѣ Карамзина писать въ его родѣ? Онъ поставилъ свои Геркулесовы столбы и сказалъ: *не далье.* Пушкинъ пролагаетъ теперь новую дорогу.

Многіе читатели, привыкшіе къ риторикѣ, обманываются наружностію Исторіи Пугачевскаго бунта и не отдаютъ ей справедливости за мнимую простоту и легкость. О еслибъ они знали, какъ еще трудно и мудрено писать по-русски легко и просто, то они стали бы говорить иначе, и воздали бы хвалу автору, который овладѣлъ языкомъ до такой степени, что можетъ говорить имъ какъ хочетъ. Но Пушкинъ въ послѣднее время долженъ былъ привыкнуть къ несправедливостямъ и кривымъ толкованіямъ. Въ утѣшеніе мы можемъ прочесть ему его собственные стихи:

. . . Ты самъ — свой высшій судъ.
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

([11]) Было послано къ редактору Московскаго Наблюдателя при слѣдующей запискѣ: «Вы желали имѣть отъ меня рецензію Исторіи Пугачевскаго бунта. Ей-Богу, не имѣю времени, а вотъ вамъ нѣсколько словъ, которыя вы можете употребить, какъ и гдѣ угодно. *М. Погодинъ.*"

([12]) Какъ извѣстно, Пушкинъ не имѣлъ доступа къ подлинному дѣлу о Пугачевѣ, о чемъ самъ онъ говоритъ въ предисловіи. П. Б.

Доволенъ! Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Возвратимся къ Исторіи, такъ названной. Ее читаешь какъ повѣсть самую занимательную, и при всей сухости формы (25 числа Пугачевъ былъ тамъ-то, а 26 пошелъ туда-то) не оставляешь книги отъ начала до конца. Такъ было и съ тѣми, которые послѣ стали порицать ее. Вотъ сила таланта! Но когда вы прочте те ее, когда вниманіе, увлеченное разсказомъ, вступитъ во всѣ права свои, тогда возникнутъ у васъ въ головѣ вопросы, на которые вы не вспомните отвѣтовъ, а по справкѣ не всегда найдете цѣлые, полные, удовлетворительные, и останетесь въ недоумѣніи, напримѣръ:

Пугачевъ былъ только орудіемъ нѣкоторыхъ Яицкихъ казаковъ, находился подъ ихъ властію и дѣйствовалъ по ихъ указаніямъ (стр. 46. 84), но по чьей же мысли, съ какою цѣлію распускалъ онъ самъ первые слухи, подговаривая казаковъ бѣжать въ Турцію (14)? Кто приготовилъ ему въ Казани тройку, на которой онъ спасся бѣгствомъ?

Первые руководители его, зачинщики, были взяты въ плѣнъ послѣ сраженія при Татищевой, а онъ продолжалъ дѣйствовать безъ нихъ еще съ большею силою — какъ объяснить эго противорѣчіе?

Какую цѣль имѣли зачинщики и самъ Пугачевъ, начавъ возмущеніе?

Отъ чего собственно они имѣли такой быстрый успѣхъ? Въ чемъ именно состояли ошибки начальниковъ?

Ясно, что пожаръ сначала потушить было легко, но послѣ могли ли дѣла происходить иначе?

Происхожденіе бунта у казаковъ видно, но въ городахъ, деревняхъ?

Постепенное распространеніе заразы также не обозначено.

Съ чего Бибиковъ, окончивъ почти съ успѣхомъ возложенное порученіе, передъ смертію сожалѣлъ *обѣ отечествѣ*, какъ будто бъ оно подвергалось какой великой опасности?

Отъ чего Голицынъ, одержавъ прежде всѣхъ такую блистательную побѣду, ничего почти не сдѣлалъ послѣ?

Кто особенно далъ средство Пугачеву поправиться послѣ смерти Бибикова?

Какимъ образомъ, нѣсколько разъ разбиваемый на голову, онъ собирался тотчасъ съ новыми силами?

Что собственно сдѣлали Бибиковъ, Панинъ? Чѣмъ, напримѣръ, отличаются распоряженія Бибикова отъ Рейнсдорфовыхъ?

Отъ чего бунтъ показался столь опаснымъ, что сама императрица рѣшалась принять начальство надъ войскомъ?

Отъ чего сообщники Пугачева вздумали предать его, бывъ прежде еще въ тѣснѣйшихъ обстоятельствахъ, и умѣвъ выходить изъ нихъ? . . .

Отъ чего не рѣшились они разбѣжаться по одиначкѣ въ разныя стороны?

Какія дѣйствія принадлежатъ Михельсону лично? (Ни слова не сказано, чѣмъ онъ награжденъ, между тѣмъ какъ едва ли не онъ больше всѣхъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, и однакожь лишился команды надъ своимъ отрядомъ, когда все дѣло подходило къ концу).

Что значатъ слова на с. 137: «Должно сказать, что рѣдкій изъ тогдашнихъ начальниковъ былъ въ состояніи управиться съ Пугачевымъ или съ менѣе извѣстными его сообщниками» (NB. Оборотъ неправильный).

Какимъ образомъ произошла мысль о самозванствѣ? ([13]) — Надо замѣтить, что

([13]) Къ сожалѣнію вопросы, предложенные здѣсь 30 лѣтъ тому назадъ многоуважаемымъ историкомъ, доселѣ остаются вопросами. Такъ мало разработана у насъ наша исторія XVIII вѣка, хотя съ тѣхъ поръ по предмету пугачев-

въ тамошнихъ краяхъ съ древнихъ временъ ведется она по преданію.

Собраніе документовъ во 2-й части драгоцѣнное, но къ сожалѣнію мы не находимъ здѣсь подлинныхъ донесеній императрицѣ, писемъ Бибикова (хранящихся, я слышалъ, въ библіотекѣ гвардейскаго штаба) ([14]).

Извѣстите также читателей вашихъ, что мнѣ обѣщано подробное описаніе Пугачевскаго бунта, сдѣланное однимъ образованнымъ современникомъ, и до сихъ поръ бывшее неизвѣстнымъ. Получивъ, я доставлю свѣдѣніе объ немъ Наблюдателю, а можетъ быть и любопытные отрывки ([15]).

III.

Въ память о Пушкинѣ.

Въ началѣ нынѣшней лекціи мы должны помянуть нашего незабвеннаго поэта, изъявить нашу сердечную горесть объ его преждевременной кончинѣ. Имя Пушкина принадлежитъ Русской исторіи — это одна изъ лучезарныхъ звѣздъ отечественной славы, и я не считаю словъ моихъ неумѣстными на исторической лекціи: какъ сотвореніемъ Ломоносовымъ первой его оды основался настоящій нашъ языкъ, какъ жизнью Карамзина, этого добраго генія-хранителя нашего просвѣщенія, такъ и сочиненіями Пушкина начинается новая эпоха въ Русской литературѣ, эпоха національности. Другіе объяснятъ вамъ подробно, въ чемъ состоятъ его піитическія достоинства, — я долженъ смотрѣть только со стороны Исторіи. Онъ внесъ въ нее много новыхъ дорогихъ страницъ. Въ его Борисѣ Годуновѣ мы увидѣли въ первый разъ піитическую сторону русскихъ происшествій, и никто не понималъ такъ вѣрно нашихъ лѣтописателей, какъ онъ въ монахѣ Пименѣ; въ его Пугачевскомъ бунтѣ мы получили образецъ простоты, безыскусственности разсказа; въ его Онѣгинѣ и другихъ повѣстяхъ представились намъ русскіе люди съ ихъ физіономіями; отъ его сказокъ вѣетъ русскимъ духомъ. Въ послѣдніе годы онъ выдавалъ очень мало въ свѣтъ: гордому поэту низко было выходить на этотъ безславный рынокъ, этотъ шумный таборъ, который раскинутъ на полѣ Русской литературы незванными пришельцами. Ему не хотѣлось метать своего бисера передъ этой челядью, передъ этими смѣшными и отвратительными судьями, которые и не хотѣли и не умѣли понять его. Петръ Великій занималъ все его вниманіе. Съ усердіемъ перечиталъ онъ всѣ документы, относящіеся къ жизни великаго нашего преобразователя, всѣ сочиненія, о немъ писанныя. Не должно было, разумѣется, ожидать отъ Пушкина мелочныхъ изслѣдованій о неважныхъ происшествіяхъ; но можно было быть увѣрену, что зоркой его глазъ проникъ бы очень далеко, онъ увидѣлъ бы многое и представилъ бы главныя черты, главныя краски, живо, вѣрно, какъ представлялись бы онѣ въ его пылкомъ и сильномъ воображеніи. И все это погибло для насъ, погибло невозвратно! Оплачемъ преждевременную кончину нашего дорогаго поэта, и — горько, тяжело мнѣ это выговорить — да послужитъ она вамъ вмѣстѣ и поучительнымъ урокомъ.

щины обнародовано нѣсколько новыхъ важныхъ бумагъ. Особенное вниманіе изслѣдователя должны будутъ обратить на себя слова Екатерины въ письмѣ къ Москов. ген. губернатору кн. М. Н. Волхонскому отъ 29 августа 1774 г. о Голштинскомъ знамени Дельвигова драгунскаго полка, которое было отбито у Пугачева. *П. Б.* (П. собр. соч. Екатерины, Спб 1850, III, 289—290).

([14]) Нынѣ изданныхъ Я. К. Гротомъ. П. Б.

([15]) Кажется, эти слова относятся къ сочиненію Рычкова, которое я надѣялся получить.

Письмо Алексѣя Өедоровича Мерзлякова къ Өедору Михайловичу Вельяминову-Зернову, о Москвѣ послѣ пожара 1812 года.

Сердечную приношу благодарность, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Өедоръ Михайловичь, за то неизъяснимое удовольствіе, которое чувствовалъ я и чувствую еще, узнавъ о вашемъ мѣстопребываніи и добромъ здоровьѣ. Два письма ваши получилъ я почти въ одинъ день; и въ первомъ восторгѣ не думалъ отвѣчать на нихъ, потому что надѣялся скоро видѣть васъ и любезнѣйшее семейство ваше въ Москвѣ, или въ Жодочахъ, куда готовился скакать ежедневно; послѣ раздумавъ, рѣшился также подождать, боясь, что письмо мое не застанетъ уже васъ въ Корсунскомъ (*). Послѣднее письмо, полученное мною на прошедшей недѣлѣ, наконецъ приказываетъ мнѣ отказаться отъ удовольствія васъ такъ скоро видѣть. Что дѣлать! Ваши причины справедливы. Наслаждайтесь весною, столь пріятною весною послѣ осени и зимы самой отяготительной, наслаждайтесь въ деревнѣ, и по крайней мѣрѣ посреди безцѣнныхъ семейственныхъ радостей, которыми столь достойно обогатило васъ справедливое Провидѣніе; вспомните о бѣдныхъ Москвичахъ, которые въ пеплѣ и жупелѣ будутъ въ это время снѣдать хлѣбъ свой и смотрѣть вдаль на зеленые лѣса и долины, носящіе на себѣ и при весеннемъ радостномъ обновленіи печальные признаки варварскаго опустошенія.

Съ нами совершаются чудеса божественныя, которыхъ Москва была, такъ сказать, наслѣдница давнобытная.—Сколько разъ она горѣла? Сколько разъ была въ рукахъ непріятелей самыхъ лютѣйшихъ? Нѣтъ силы на земли, которая бы уничтожила Москву, любимѣйшій небомъ городъ, или, другими словами, нѣтъ силы столько враждебныя, которая бы могла охладить любовь Москвичей къ ихъ родной и *ветхой деньми* маминькѣ. Ни весь адъ съ милліонами Наполеоновъ не въ состояніи этого сдѣлать. По сю пору Москва, разрушенная, опустошенная, уже лучшій городъ въ Россіи. Уже все, что нужда, удобность, удовольствіе, самая роскошь можетъ требовать, находится въ ней съ изобиліемъ; никакой губернской городъ не можетъ и въ пятой долѣ замѣнить ее по выгодамъ жизни. Топоръ стучитъ въ тысячахъ рукъ, кровли наводятся; цѣлые опустошенные переулки становятся по прежнему застроенными; улицы застановлены обозами съ лѣсомъ и матеріалами; народу тьма; нигдѣ нѣтъ проѣзду, а особливо въ теперешнее время — дѣятельность неизъяснимая! Навѣрное полагаютъ, что къ веснѣ будетъ готово домовъ около тысячи отдѣланныхъ! Пусть же знаетъ вся глупая Европа, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло!

Возрожденной Англійскій клубъ противъ Страстнаго монастыря, въ домѣ Бенкендорфа, свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. — „А Благородное собраніе?“ (спроситъ Аписья Өедоровна, которая всегда не изволила жаловать Англійскаго клуба).— Благородное собраніе, милостивая государыня, также надѣется воскреснуть, и для того сбираетъ теперь съ гг. членовъ деньги вдругъ за два годовыхъ билета. — Хотите ли видѣть его въ настоящемъ его состояніи? Представьте старой, сожженной Петровской театръ, но

(*) Село Вельяминовыхъ-Зерновыхъ, въ Орловской губерніи. Жодочи—Подмосковная.

въ большей обширности: стѣны обгорѣлыя, безъ кровли; окна безъ стеколъ, задымленныя отъ исторгавшагося чрезъ нихъ пламени; трубы, на подобіе пирамидъ, возвышающіяся изъ средины зданія: свѣтится все насквозь. Между тѣмъ не думайте, чтобы домъ Благороднаго собранія былъ пустъ! Совсѣмъ нѣтъ.—Онъ всегда наполненъ; наприм. *Антре* теперь составляетъ половину желѣзной лавки, гдѣ торгуютъ замками и прочимъ мелочнымъ товаромъ; а въ другой половинѣ съ пристройкой продаются сбитень и калачи. Боже мой! Это тамъ, гдѣ прежде самыя стѣны умилялись отъ нѣжныхъ прощаній, отъ сладостныхъ обѣтовъ будущаго свиданія! Другой входъ замѣщенъ очень удобно *блиннею*; а тамъ, гдѣ былъ входъ въ контору, гдѣ часто удивлялся я уму и сановитости старшины, почтеннаго Черткова (*) — тамъ теперь представляется любопытному взору кадки съ капустой и нанизанные грибы гирляндами во славу именитаго общества старшинъ, и столики, обремененные мѣдными для размѣну деньгами; впрочемъ каждой простѣнокъ и вдавшаяся стѣна занята или табачною лавочкою, или мастеромъ, дѣлающимъ на бочки обручи, или калашникомъ, или — въ выгодныхъ мѣстахъ даже и продавцомъ пряниковъ. Такимъ образомъ мѣсто удовольствія, по милости добрыхъ французовъ, сдѣлалось мѣстомъ полезнымъ, или обителью пользы! Вы видите, Анисья Θедоровна, какъ мы живемъ смиренно и экономно!.. Но я уже заговорился съ вами о Благородномъ собраніи. — Мудрено ли? — когда и кто съ вами не заговорится?...

Между тѣмъ каждое воскресенье освящаются у насъ церкви. Въ Кремлѣ остается теперь неосвященнымъ Успенской Соборъ, который былъ конюшнею Наполеона, и гдѣ сей именитый мужъ при себѣ приказывалъ обдирать ризы съ образовъ, и также при себѣ перетапливалъ ихъ въ Вознесенскомъ монастырѣ — въ слитки. Правительство благонамѣренное и доброе не престаетъ теперь съ своей стороны помогать по возможности несчастнымъ жителямъ Москвы. Подали ли вы, Θедоръ Михайловичь, вѣдомость о сгорѣвшемъ вашемъ домѣ и пропажахъ? Здѣсь всѣ подаютъ. Если не подали, то надобно не пропускать времени. Государь назначилъ для этого сумму, и сверхъ того въ пользу обгорѣлыхъ открыты будутъ казенные лѣса, какъ то: Лосинный островъ, и пр. — Разумѣется, полнаго вознагражденія при нынѣшней войнѣ ожидать невозможно и даже грѣшно; но почему не ожидать значительной помощи и отвергать руку благодѣющую?.... Сверхъ того, здѣсь заводятся казенные кирпичные заводы, дабы доставить дешевле и удобнѣе матеріалъ строющимся.

Вы спросите, что слышно изъ за границы? — Наши пируютъ уже въ *Берлинѣ*. Ожидаютъ извѣстія о занятіи Дрездена. Прусаки заключили съ нами контрактъ, и выставляютъ около 100,000 человѣкъ, и притомъ устроется у нихъ всеобщее вооруженіе. Австрійской императоръ еще колеблется въ своемъ заблужденіи; но, кажется, дѣла идутъ къ лучшему. Неудовольствіе во всѣхъ частяхъ Германіи обнаруживается очень ясно. Бонапартъ старается заглушить всеобщіе вопли своими бюллетенями; но имъ перестали вѣрить, при появленіи русскихъ. Онъ заводитъ регентство, жалуетъ имъ свою супругу (дабы умаслить отца); коронуетъ сына; съ папой, своимъ плѣнникомъ, мирится: но все это — химеры, отъ которыхъ нельзя ожидать прочнаго. — Все истощено, и *другой великой арміи* не будетъ!!!..

Кто не проклинаетъ французовъ - злодѣ-

(*) Ивана Васильевича.

евъ, тотъ или глупъ, или злодѣй. Ахъ надобно слышать здѣсь тысячи анекдотовъ отъ оставшихся русскихъ, дабы знать, до какой степени простиралось ихъ скотство и неистовство! И при всемъ томъ есть еще люди полоумные, которые стараются извинить ихъ, и даже оправдать; есть люди, которые всѣ пожары приписываютъ русскимъ, тогда какъ самъ Наполеонъ въ Парижѣ всенародно ими хвалится! — О воспитаніе! Вы можете сказать Александру Ивановичу ([1]), что я потому только не хочу исполнить его просьбы, что онъ въ письмѣ своемъ употребилъ три слова французскихъ, которыхъ я не могу слышать терпѣливо!

Наконецъ, если не противно будетъ, то скажу вамъ нѣсколько словъ и о покорнѣйшимъ слугѣ вашемъ Мерзляковѣ. Я все еще членъ коммиссіи, которая приковываетъ меня къ Москвѣ, между тѣмъ какъ сердцемъ своимъ на крылахъ пламенныхъ, несусь я безпрестанно къ вамъ въ Корсунское. Болѣе двухъ недѣль, какъ я послалъ просьбу въ Петербургъ о своемъ увольненіи, еще нѣтъ отвѣту; боюсь потерять время: разольются рѣки и раздѣлятъ меня съ вами на долго. Это меня мучитъ. До сихъ поръ вмѣстѣ съ Семеномъ Смирновымъ ([2]) жилъ въ домѣ Кашкина, въ Кудринѣ, а теперь дали мнѣ казенную квартиру въ домѣ г-на Окулова, на валу, противъ Чистыхъ Прудовъ. Въ моихъ окнахъ — вся опустошенная Москва! Пріятное зрѣлище! Получаете ли вы газеты, журналы, бюллетени? Это бы сокращало сколько нибудь сельскіе дни ваши, сельскія вечернія занятія ваши! Но на что вамъ это? Вы въ самихъ себѣ вмѣщаете источникъ удовольствій неизсякаемыхъ!

([1]) *Реми*, учитель въ домѣ Вельяминовыхъ-Зерновыхъ

([2]) Семенъ Васильевичъ, на сестрѣ котораго послѣ Мерзляковъ женился.

Имѣю честь поздравить васъ съ радостію, которую получили вы изъ Петербурга въ разсужденіи Владиміра Ѳеодоровича (*). Я веселюсь сердечно, и желаю, чтобы васъ чаще утѣшали подобныя новости. Ахъ, если бы я получилъ на слѣдующей почтѣ свой отпускъ!! — какъ бы хорошо говѣть вмѣстѣ съ вами!

Милостивой государынѣ Катеринѣ Николаевнѣ (**) свидѣтельствую мое сердечное высокопочитаніе, и даю клятвенный обѣтъ, что впредь спорить и прекословить ни въ чемъ не буду, и во всемъ ей покаряюсь. Все мое философствованіе ничего не значитъ; ибо за ея слова и истины вступились самое время и опытъ, и оправдали ихъ самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ. Виноватъ и передъ Богомъ и передъ вами.

Милостивымъ государынямъ Анисьѣ Ѳедоровнѣ, Катеринѣ Ѳедоровнѣ, Аннѣ и Александрѣ Ѳедоровнамъ, приношу въ вѣчной плѣнъ мое московское сердце, столь же нѣжно умѣющее почитать ихъ милыя прелести, сколь много умѣло оно наслаждаться доселѣ ихъ пріятнѣйшимъ присутствіемъ и благосклонною снисходительностію! Здоровья, удовольствій и счастія! — Тассъ мой сохраненъ. Живучи въ уединеніи, однимъ только имъ отводилъ я душу. Знаете ли вы, сколько у меня переведено? 17 пѣсенъ! Осталось только три, которыя надѣюсь кончить нынѣшнею весною. Сердечно благодарю васъ за нѣжную вашу заботливость о моемъ другѣ Тассѣ! Онъ одинъ только раздѣлялъ со мною мое заключеніе. Впрочемъ очень много пропало у меня бумагъ, и чувствую,

(*) Старшій сынъ Вельяминова-Зернова, извѣстный юристъ, издавшій Россійское Гражданское Право, отецъ извѣстнаго оріенталиста.

(**) Урожденная Рагозина, супруга Ѳедора Михайловича, къ которому писано это письмо.

что должно прибѣгнуть опять къ благодѣтельному портфелю Анисьи Ѳеодоровны.

Ѳедору Ѳедоровичу поклонъ и математическихъ наслажденій (*).

Прощайте, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Ѳедоръ Михайловичь! — Дай Богъ вамъ наслаждаться весною для здравія и пользы! Дай Богъ забыть вамъ прошедшія ваши огорченія!

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю пребыть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Мерзляковъ.

14 Марта,
1813 года.

(*) Младшій сынъ, который былъ офицеромъ генеральнаго штаба и убитъ въ 1828 году подъ Варной.

(Сообщено *М. А. Дмитріевымъ*).

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ, УМЕРШИХЪ ВЪ 1863 ГОДУ.

(Изъ справочнаго словаря о русскихъ писателяхъ и ученыхъ) (*).

БА́РАНЪ, Самуилъ Петровичъ, учитель русскаго языка въ лѣсномъ институтѣ, авторъ филологическихъ статей, помѣщенныхъ въ Маякѣ и нѣсколькихъ игранныхъ на сценѣ театральныхъ пьесъ, ум. 19 дек. 1863, на 45 г. (См. Илл. Газета 1864, № 1). Въ рукописи остались послѣ него начертаніе грамматики русскаго языка и хрестоматія къ ней.

1) Стихіи человѣческой рѣчи. Спб. 1840.
2) Черепъ, повѣсть. 1845.
3) Первоначальная ариѳметика I. 1862. 8⁰.
5) Елка на новый годъ. 1863.

N. Спб. Вѣд. 1864, № 72 въ протоколѣ общества для пособія нужд. лит

БОЛЬШАКОВЪ, Тихонъ Ѳедоровичъ, московскій купецъ, книжникъ, знатокъ старинной русской письменности и усердный собиратель рукописей и старопечатныхъ книгъ, которыми торговалъ. Ум. 19 дек. 1863 г. 69 лѣтъ.

N. *П. Безсонова* въ Днѣ 1864 г. № 1.

ВСЕВОЛОДОВЪ, Всеволодъ Ивановичъ, заслуженный профессоръ (съ 1842 г.) и академикъ (съ 1844) спб. медико-хир. академіи, членъ медиц. совѣта, вольно-экон. общества и проч. — Сынъ дьячка нерехотскаго у., онъ р. въ 1790 г., учился въ костромской семинаріи и спб. медиц. академіи. Будучи лекаремъ, въ 1815 исправлялъ въ академіи должность прозектора зоотоміи, служилъ въ разныхъ вѣдомствахъ, былъ инспекторомъ псковской врач. управы (1824 — 1831) и профессоромъ по ветеринарной части въ академіи до увольненія въ 1847 г. 4 дек. — Скончн. 3 дек. 1863 г.

1) Сокращенная паталогія скотоврачебной науки. *А. Толная*, съ лат. Спб. 1817. 8⁰.
2) О разведеніи овецъ испанскаго племени, *Ластери*, съ нѣм. Спб. 1819.
3) Руководство къ распознаванію и лѣченію всѣхъ донынѣ извѣстныхъ заразит. болѣзней у домашнихъ животныхъ. *Роббе*, съ нѣм. Спб. 1824.
4) Наружной осмотръ (экстерьеръ) домаш-

(*) Извѣстія о писателяхъ умершихъ въ 1857 были сообщены въ Библіографич. Запискахъ т. I, (1858, № 12) — а за 1858 тамъ же т. II (1859 № 20) и за 1859 г. т. III (1861, № 4); за 1860—1862 г. въ Русскомъ Архивѣ 1864 г. № 5 и 6. — При указаніи статей Б значитъ *біографія*, N. *некрологъ*.

нихъ животныхъ. Спб. 1832 (на степень доктора.

5) Зоохирургія или рукодѣятельная ветеринарная наука. 3 ч. Спб. 1833—1836. 8°

6) Краткая патологія скотоврач. науки Спб. 1836. 8°.

7) Курсъ скотоводства. Спб. 1839.

8) Опытъ ученія о повальныхъ болѣзняхъ между домашними животными. 3 ч. Спб. 1840—1841 (изд. 2-е).

9) Анатомія домашнихъ животныхъ I. Дерматологія. Спб. 1846. II. Остеологія и хандрологія. Спб. 1847.

10) Азбучный указатель русс. поврем. словесности—съ 1735 по 1857. Спб. 1857. 8°.

N. Медиц Вѣстникъ 1863, № 52.

ГОМБОЕВЪ, Гальзангъ, лекторъ монгольскаго языка въ Спб. унив—тѣ Р. въ селенгинской степи въ 1822 г. ум., 11 іюня 1863. Онъ былъ членомъ Археологич. общества, въ Запискахъ коего есть его статьи: 1, О древнихъ монгольскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, описанныхъ у Плано-Карпини, т. XIII, 1859, или въ Трудахъ восточнаго отдѣленія ч. IV. 2) Алтанъ-Тобчи, монгольская лѣтопись, переводъ, т. XIV, 1858, или Труды восточн. отд. ч. VI. 3) Арджи-буджи, монгольская повѣсть, съ монгольскаго перев. Спб. 1856. 4° (изъ Общезанимат. Вѣстника № 1).—Статьи въ извѣстіяхъ Арх. общ. т. II и III. Нѣсколько трудовъ его были приготовлены къ печати въ 1862 году (см. Журналъ Мин. Н. Пр. Ч. CXVI, 1862, №11, смѣсь, стр. 149).

№ Мѣсяцословъ 1864, прил. 75.

ГЛИНКА, Авдотья Павловна, урожденная Голенищева-Кутузова, жена поэта Ѳедора Николаевича Глинки. Сконч въ Твери 26 іюля 1863 г. 68 л. (Моск. Вѣд. № 198).

1) Пѣснь о колоколѣ. Соч. Шиллера, перев. въ стихахъ М. 1832. 12°.

2) Гибель отъ пустаго чванства, повѣсть М. 1832. 8°.

3) Жизнь Пресвятыя Богородицы изъ книги Чети-минеи. М. 1840. 12°-е 2-е изд. М. 1842. 12°—3—М. 1844. 12°.—4-е М. 1850—12. 6-е Тверь 1861. 8°.

4) Графиня Полина. Повѣсть. Спб. 1856. 12°.

5) Леонидъ Степановичъ и Людмила Сергѣевна, повѣсть Спб. 1856. 12°.

6) Размышленія и чувства герцогини де-Дюра, перев. Спб. 1856. 16°.

7) Житіе великомученицы Анастасіи М. 1863. 12°.

8) Житіе великомученицы Анастасіи, проименованной узорѣшительницею. М. 1863. 12°.

О жизни и кончинѣ Авдотьи Павловны Глинки. Спб. Въ тип. Академіи наукъ. 1863. 8° 23 стр.

ГАЛЬБЕРГЪ, Иванъ Ивановичъ, профессоръ архитектуры въ академіи художествъ. Ум. 1-го янв. 1863. Спб. вѣдом. 1863 № 2 стр. 10).

ДАВЫДОВЪ, Иванъ Ивановичъ, т. с. сенаторъ, академикъ, заслуженный профессоръ русской словесности и почетный членъ Моск., Каз. и Дерптскаго унив-товъ, сынъ тверскаго дворянина, род. 15 Іюня 1794 г. и учился въ Моск. унив-тѣ и въ 1815 удостоинъ степени доктора словесныхъ наукъ за диссертацію: „О преобразованіи въ наукахъ, произведенномъ Бакономъ.“ Онъ былъ учителемъ (1814) и инспекторомъ (1815) въ унив. благ. пансіонѣ, адъюнктомъ Моск. унив-та по каѳедрѣ философіи (1817), экстра-орд. (1820) и ординарнымъ (1822) профессоромъ латинской словесности и философіи. Онъ преподавалъ нѣкоторое время высшую алгебру, а съ 1831 русскую словесность (послѣ Мерзлякова); кромѣ того служилъ деканомъ, инспекторомъ институтовъ александринскаго, сиротскаго и лазаревскаго. Въ 1847 вызванъ на службу въ Петербургъ и назначенъ директоромъ главнаго педагогич. института и членомъ главнаго правленія училищъ (1850). По закрытіи института въ 1858 онъ присутствовалъ въ 6 департаментѣ сената, въ Москвѣ. Онъ ум. 15 ноября 1863 г. (Спб. Вѣдом. № 250).

1) Commentatio de natura et indole philosophiae graecorum et romanorum (съ лат. перев. Чюриковъ). М. 1820. 4°.

2) Commentatio de studiis humaniorum. М. 1820.

3) Греческая грамматика, 1820. (Нач. правила греч. языка, изд. 2-е М. 1831. 8°).

4) Опытъ руководства къ исторіи философіи. М. 1820. 8°.

5) Воспоминаніе о Саларевѣ. М. 1821. 8°.

6) Рѣчи Цицерона, 1821.

7) Начальн. основанія логики. М. 1821. 8°.

8) Учебная книга рус. языка. М. 1821; 2-е 1823. 8°; 3-е М. 1829. 12°; 9-е изд. 1843.

9) Латинская хрестоматія М. 1822. 8°.

10) Высшая Алгебра, *Франкера*, М. 1824. 8°.

11) Интегральное и варіаціонное исчисленія и исчисленія разностей *Франкера*. М. 1825. 8°.

12) Учебная книга латинскаго языка. 1826.

13) О возможности философіи какъ науки (по Шеллингу). 1826. 8°. (Вступит. лекція).

14) О Гёте,—графа *С. Уварова*. Перев. съ фр. М. 1833. 8°.

15) О содѣйствіи Моск. у-та успѣхамъ отеч. словесности, рѣчь, 1836. 4°.

16) Чтенія о словесности 4 ч. М. 1837—18 38; 2-е изд. М. 1837—18 43. 8°.

17) Опытъ общесравнит. грамматики рус. языка. Спб. 1852.

18) Памяти графа С. Уварова. Спб. 1855. 8 (Изъ Ученыхъ Записокъ, II. и при Спб. Вѣдом. 1856, № 45; нѣм. переводъ въ St. Pet. Zeitung 1856, № 98 и 99).

19) Объ изученіи древнихъ языковъ и преимущественно латинскаго. Спб. 1856. 8°. (Изъ Журнала М. Н. Пр. № 8).

ДЕЛИЦЫНЪ, Петръ Спиридоновичъ, протоіерей, сынъ священника Зарина, р. 16 Іюня 1795, учился въ моск. и въ троицкой академіяхъ и въ послѣдней былъ профессоромъ математики съ 1822 и редакторомъ Твореній Св. Отцевъ, въ которыхъ помѣщено много его переводовъ съ греческаго, также въ Христ. Чтеніи. Ум. 30 ноября 1863.

N.—Прав. обозрѣніе 1863 г. дек. (изъ Дня). — Творенія Св. Отцевъ 1863, кн. 5 и 6. Некрологъ и воспоминанія о математич. его занятіяхъ, *Дм. Голубинскаго*.—*N. А Л.И Г.* День 1863, № 50.

ДУБЕНСКІЙ, Дмитрій Никитичъ, членъ Моск. общества любителей росс. словесности. Ум. въ Іюнѣ 1863 г. — Нѣсколько его изслѣдованій напечатано въ изданіяхъ Моск. общества ист. и др. (см. указатель), котораго онъ былъ членомъ и между прочимъ въ 3-й книгѣ Достопамятностей имъ объясненное: „Слово о полку Игоревѣ“. — Вѣроятно имъ же напечатаны указанныя въ каталогахъ подъ его именемъ: 1) Разсужденіе о водяныхъ сообщеніяхъ въ Россіи М. 1825 (роспись Смирдина № 4194). 2) Опытъ о народномъ русскомъ стихосложеніи. М. 1828. 8°. 3) Семисотлѣтній циклъ, служащій указателемъ дней седмичныхъ и пасхальныхъ съ 1 года по Р. Х. до 2100. М. 1841. (таблица).

ДЮБРЮКСЪ Александръ Густавовичъ, кол. асс. археологъ, членъ Одесс. общества ист. и др., былъ помощникомъ инспектора Ришельевскаго лицея въ 1855. Статьи его въ Запискахъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи.

ЕЛАГИНЪ Владиміръ Николаевичъ, сынъ тульскаго помѣщика, род. въ 1831, служилъ въ Тулѣ, въ 1856 въ Крыму, съ 1858 жилъ въ Екатеринославлѣ, потомъ съ 1861 больной въ Тулѣ, гдѣ ум. 2 Марта 1863. Его удачные и остроумные разсказы были помѣщены въ Современникѣ (Откупное дѣло, 1858. Губернскій Карнавалъ, 1860 и Подрядъ, 1862), въ Новоросс. Сборникѣ (Важное мертвое тѣло) и въ Рус. Словѣ (Фролъ Ивановичъ).

N. Спб Вѣдом. 1863, № 8. — Книжный Вѣстникъ т. IV (1863, № 6) стр. 111 —Энц. слов. отд. II, ч. I.

ЕНОХИНЪ, Иванъ Васильевичъ лейбъ-хирургъ. род. 1796 въ корочанскомъ у., сынъ священника, воспитанникъ Курской семинаріи и Кіевской дух. академіи, былъ учителемъ поэзіи въ Курской семинаріи. По пріѣздѣ въ Петербургъ и выслушаніи курса медико-хир. академіи (1817—1821) онъ служилъ по военно-медиц. вѣдомству, нѣсколько разъ сопровождалъ Государя въ его путешествіяхъ, во время польской компаніи состоялъ при гр. Паскевичѣ. Потомъ при особѣ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича; былъ главнымъ докторомъ военно-учебныхъ заведеній, президентомъ Спб. общ. рус. врачей.

Б. Справ. Энц. Словарь IV, 429.

ЖЕЛѢЗНОВЪ, Іоасафъ Игнатьевичь, сконч. 10 Іюля 1863, въ Нижне-уральскѣ.

Статьи его, преимущественно о бытѣ Уральскихъ казаковъ, печатались въ Москвитянинѣ, Отеч. Запискахъ, Рус. Вѣстникѣ и Библіотекѣ для чтенія и собраны въ книгѣ: Уральцы. 2 ч. М. 1858. 8°.

Мѣсяцословъ 1864 г. Прил. 76.

ЗАВАДСКІЙ, Эмерикъ Амвросіевичь, учитель латинскаго языка въ Воронежской гимназіи. Кромѣ нѣсколькихъ педагогич. статей напечаталъ: Пособія при первоначальномъ изученіи латинскаго языка. Ум. 9 янв. 1863.

N. Въ Воронеж. г Вѣд 1863. № 3.

ЛЕБЕДЕВЪ Василій Ивановичь, священникъ (съ 1856) московской Николо-заяицкой церкви, студентъ и преподаватель моск. дух. академіи (Р. 1825 ✝ 10 Ноября 1863). Онъ участвовалъ въ Душеполезномъ чтеніи съ 1860 и въ Твореніяхъ Св. Отцевъ, гдѣ помѣщена его Жизнь Іоанна Златоуста (ч. XIV—XVI).

N Свящ *Н. Нечаевъ* въ Душепол. Чтеніи 1863. ч. III Ноябрь, извѣстія, стр. 82 и тутъ же надгробная рѣчь свящ *Ключарева.*

ЛЮДЖЕРЪ Албертъ Албертовичь, капитанъ корпуса штурмановъ сотрудникъ Морскаго Сборника, ум. 27 Ноября 1863 въ Петербургѣ.

N. Морской Сборникъ т. 69, (1863 № 12), Совр. обозр. 89.

ОССОЛИГЪ, Ѳедоръ Мартыновичь, докторъ медиц. т. с. род. 8. Сентяб. 1798 въ эстляндскомъ г. Леалѣ, былъ студентомъ въ Каз. унив-тѣ, началъ службу врачемъ при медиц. деп-тѣ, въ коемъ съ 1842 былъ вице-директоромъ и кромѣ того состоялъ въ разныхъ коммиссіяхъ и комитетахъ, исправлялъ 11 разъ должность гражд. генералъ-штабъ-доктора, въ которой утвержденъ въ 1852 г. Его медиц. статьи находятся въ Журналѣ Мин. В. Д.—Ум. 9 Янв. 1863.

N. *Я. Чистовича* въ Протоколахъ Спб. обществ. рус. врачей, годъ 29-й (1863), стр. 229—236.

ПАВСКІЙ, Герасимъ Петровичь, протоіерей, филологъ, докторъ богословія и членъ рус. отд. академіи, сынъ священника Лугскаго у. Р. въ 1787 г., воспитанникъ Спб. дух. академіи. Онъ преподавалъ еврейскій языкъ въ Александро-Невской академіи (1814—1835), былъ профессоромъ богословія въ Спб. унив-тѣ съ основанія его въ 1819 до 1827, и законоучителемъ и. Александра въ 1826 году. Кромѣ богословскихъ статей его въ Христ. Чтеніи (1835—1841) и переводовъ изъ Вѣтхаго Завѣта въ Духѣ Христіанина, изданы отдѣльно: 1, Обозрѣніе книги псалмовъ Спб. 1814. 8°. 2, Краткая еврейская грамматика М. 1822 и 1855. 8°.— 3, Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка, 3 ч. Спб. 1841—42. 8°.—2-е изд. 3 ч. Спб. 1850. 8°. Сконч. 7 апрѣля 1863 г.

N. Странникъ 1863. № 5 — Дух. Христ. 1863, VI, 208—228. — Спб Вѣдом. 1863 № 13. (И *Чистовича*). См. также Правосл Обозрѣніе, Апр. 1863,— Дух. Вѣстникъ, апрѣль 1863, стр. 543 (изъ Соврем. Листка). — Мѣсяцесловъ 1864, прил. стр. 39. — N. въ отчетѣ по отдѣленію рус. языка и слов. академіи наукъ, *А. Никитенко* въ Запискахъ и. Академіи наукъ, т. V, 1864, стр. 87. — Біографич. очеркъ, сост. протоіереемъ А. *Орловымъ* въ Записвахъ и. Академіи наукъ т. IV, 1864, стр. 124—140.

ПОМЯЛОВСКІЙ, Николай Герасимовичь, изъ воспитанниковъ Спб. семинаріи. Его замѣчательныя повѣсти „Мѣщанское счастіе" и „Молотовъ" были помѣщены въ Современникѣ 1861 и 1862 г. и мѣткіе сатирическіе: „Очерки бурсы", имѣющіе автобіографическое значеніе — въ журналѣ Время и также въ Современникѣ.—Онъ умеръ 5 окт. 1863 на 29 году. Сочиненія его изданы въ 2 ч. въ Петербургѣ, въ 1864 г.

Некрологъ его въ Современникѣ ч. 98 (1863, № 9) и біографическая статья о немъ Н. *Благовѣщенскаго* тамъ же, 1864, № 3.

САБИНИНЪ, Стефанъ Карповичь, сынъ дьячка, воспитанникъ Воронежской семинаріи и Петерб. духовной академіи, служилъ съ 1823 г. священникомъ при нашей миссіи въ Копенгагенѣ, а съ 1837 г. въ Веймарѣ духовникомъ великой кн. Маріи Павловны. Сконч. 14 мая 1863 г. на 74 г. отъ роду. — Онъ занимался церковными и русскими древностями, напечаталъ въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. изслѣдованія: о словѣ бояринъ (т. 16), о Купалѣ (т. 31) и о Во-

ло́сѣ (т. 40), нѣсколько статей въ Христ. Чтеніи 1829—41 и въ изданіяхъ моск. общества исторіи и др. Вмѣстѣ съ Требстомъ перевелъ на нѣмецкій повѣсти Пушкина (Jena, 1840) и составилъ грамматику исландскаго языка. Спб. 1849. 8°.

САХАРОВЪ, Иванъ Петровичъ, археологъ и библіографъ, сынъ тульскаго священника, студентъ тульской семинаріи и моск. университета, лекарь, (1835) кол. сов., профессоръ палеографіи въ училищѣ правовѣденія, членъ обществъ географическаго и археологическаго. Скончь 24 авг. 1863 г.

1. Достопамятности Венева монастыря М. 1831. 8°.—2) Исторія общественнаго образованія Тульской губерніи. М. 1832. 8°. (Сборникъ историч. актовъ). 3) Медицинское италіанское ученіе о противовозбуждаемости. М. 1834 - 4) Сказанія русскаго народа 3 ч. Спб 1836—1837. 8°. Ч. I, 2-е изд. 1837; 3-е изд. т. I. (кн. 1 — 4, Спб. 1841.) 8°. 5) Путешествія русскихъ людей въ чужія земли 2. ч. Спб. 1837; 2-е изд. 1839. 8°. 6) Пѣсни русскаго народа 5 ч. Спб. 1838—39. 12°.—7) Писатели тульской губерніи, Спб. 1838. 8°—8) Славяно-русскія рукописи I. Спб. 1839. 8°.—9) Русскія народныя сказки. I. Спб. 1841. — 10) Записки русскихъ людей. Спб. 1841. 8°. — 11) Русскіе древніе памятники. Выпускъ I. 1842. 4°.—12) Изслѣдованія о русскомъ иконописаніи, 2 кн. Спб. 1849. 8°.—13) Записка для обозрѣнія русскихъ древностей. Спб. 1851. 8° (При 1-мъ томѣ Записокъ археологич. общ.).—14) Записки о русскихъ гербахъ I. Московскій гербъ. Спб. 1856. 8°. Съ рис.

Будучи секретаремъ русскаго отдѣленія Археологич. общества, онъ издалъ 1-й томъ его Записокъ, въ которомъ помѣстилъ нѣсколько археологическихъ статей; печаталъ въ Сѣв. Пчелѣ и Отеч. Запискахъ; трудился надъ составленіемъ списка старинныхъ русскихъ писателей, котораго отпечаталъ нѣсколько листовъ.

N. Илл. газета 1864, № 1 (съ портретомъ) — Воспоминаніе И. *Срезневскаго* въ Запискахъ Академіи наукъ т. IV, стр. 239—244.

СЕМЕНОВЪ, Викторъ Семеновичъ, членъ общества русс. врачей въ Москвѣ, лекарь (1858), ординаторъ при моск. тюремныхъ больницахъ. Ум. въ 1863 г. на 30 году.

N. *Н. Беркута*, въ Московск. медиц. газетѣ 1863, № 52, стр. 807.

СКВОРЦОВЪ, Иванъ Михайловичъ, уроженецъ г. Арзамаса (р. 1795), магистръ богословія спб. духовной академіи, профессоръ философіи, математики и физики въ кіевской семинаріи (съ 1817), потомъ баккалавръ и профессоръ философіи въ кіевской духовной академіи, докторъ богословскихъ наукъ, протоіерей Софійскаго собора, профессоръ богословія, логики и опытной философія въ унив—тѣ св. Владиміра съ 1834 г., редакторъ и основатель Воскреснаго Чтенія въ теченіи 25 лѣтъ и Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ которыхъ есть и его статьи. Двѣ философическія статьи его въ Журн. Мин. Нар. Пр. т. 17 и 57.

1) Слово въ день тезоименитства Императора. Кіевъ 1832. 8°. — 2) Слова. Кіевъ 1833. 8°. — 3) Краткое начертаніе исторіи церкви вѣтхо-завѣтной. Кіевъ 1838, 1840, 1842, 1845 и 1852. 8°—4) Краткое начертаніе исторіи церкви ново-завѣтной. Кіевъ 1842, 1845, 1846 и 1853. 8°.—5) О богослуженіи православной восточной церкви. Кіевъ 1845.—5 е изд. 1861.—6) Катехизическія поученія, говоренныя въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Кіевъ 1854. 8°. — 7) Записки по церковному законовѣденію. — Изд. 2-е. Кіевъ 1861 и 3-е 1861. 8°.

Исторія Кіевской дух. академіи по преобразованіи ея, *В. Аскоченскаго*. (Спб. 1863), стр 141 и 231.— Исторія университета св Владиміра, *А. Шульгина*, 1860, стр 108 —*Ив Малышевскаго*, въ Трудахъ Кіев дух. академіи 1863, августъ; тутъ же и надгробное ему слово, *Н. Ѳаворова*. — Б Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдом 1863, № 16—18.

СМАРАГДЪ, архіепископъ Рязанскій, бывшій ректоръ академіи Кіевской и С.-Петербургской. Сконч. 11 ноября 1863 г. на 69 году, въ Рязани (см. Моск. Вѣдом. № 253).

СТЕВЕНЪ, Христіанъ Христіановичъ, ботаникъ и садоводъ. Сынъ финляндскаго дворянина, род. въ Фридрихсгамѣ 19 января

1781 г. Онъ учился въ абосскомъ университетѣ, въ спб. сухопутномъ госпиталѣ и въ медико-хир. академіи и въ 1799 получилъ степень доктора медицины. Въ 1800 опредѣленъ инспекторомъ надъ шелководствомъ на Кавказѣ и въ Грузіи, 1806 помощникомъ главнаго инспектора надъ шелководствомъ на югѣ, барона Маршала фонъ-Биберштейна, по смерти котораго въ 1826 заступилъ его мѣсто и поселился въ Симферополѣ; кромѣ того онъ былъ директоромъ никитскаго ботаническаго сада.— Въ октябрѣ 1849 праздновали пятидесятилѣтній юбилей его службы (см. Одесскій Вѣстникъ 1850 г. № 3; Спб. Вѣдом. 1850, № 20 и St. Petersb. Zeitung № 20 и полнѣе *Ѳ. Базинера* въ Бюллетенѣ Моск. Общ. Испыт. природы т. 23.—Въ 1850 онъ былъ уволенъ отъ службы и умеръ 18 апр. 1863 г въ Симферополѣ. Статьи его въ изданіяхъ Моск. Общ. Испытателей природы.

1) Наставленіе о шелководствѣ Спб. 1808 и 1827. (Unterricht über den Seidenbau, 1808 и 1839). 2) Краткое наставленіе о разведеніи плодовыхъ деревьевъ въ Полуденной Россіи Спб. 1850. 8°. 3) Verzeichniss der auf der taurischen Halbinsel wildwachsenden Pflanzen. M. 1857. 8°.

N Тавр. Губ. Вѣдом. 1863 № 19 и 22.—Мѣсяцесловъ 1864 г. Прилож. стр 80.

ТУРЧАНИНОВЪ, Николай Степановичь, профессоръ ботаники въ харьковскомъ университетѣ. Сынъ воронежскаго помѣщика род. въ помѣстьи отца бирючинскаго уѣзда въ 1796 г., учился въ харьковскомъ унив-тѣ, служилъ въ Петербургѣ, потомъ съ 1828 г. въ Иркутскѣ, откуда дѣлалъ ботаническія поѣздки въ Даурію. Послѣ профессуры съ 1845 жилъ въ отставкѣ въ Таганрогѣ. Скончался 26 дек. 1863 г.

Онъ составилъ каталогъ харьковскаго гербарія и описаніе байкало-даурской флоры, за которую въ 1857 г. получилъ демидовскую премію. Въ изданіяхъ моск. общества испытателей природы напечатано много статей его (См. Rapport sur les travaux de la société des naturalistes M. 1855)

1. Flora baicalensi—dahurica. 2 v. 1838—1855. 8°. 2) Animadversiones in partem herbarii Turczaninowiani nunc Univers. C. Charkow. M. 1854. 8°. (Изъ Bulletin № 1 и 2). — Id. ad. II partem Ib. 1858.

Біографич. очеркъ *А. Бекетова* въ Вѣстникѣ Естеств. наукъ 1860, № 34 и 35 (съ его портретомъ).

ФАБРЪ, Андрей Яковлевичь, т. с. екатеринославскій гражданскій губернаторъ (съ 1847 по 1857 г.). Онъ былъ уроженецъ Крыма, гдѣ и служилъ съ 1804 г. Ум. въ Симферополѣ 25 Января 1863 г. на 73 г. жизни.

1) Арріана Периплъ Понта Евксинскаго. Переводъ. Одесса. 1836. 8°. — 2) Достопамятности древняго Крыма. Одесса. 1859. 8°.

N Таврич. Губ. Вѣдом. 1863, № 10.

ЧЕРНЫШЕВЪ, Иванъ Егоровичь, актеръ петерб. театра, ум. 16 ноября 1863 г. 30 лѣтъ. (См. Сѣв. Пчела № 306).

1. Не въ деньгахъ счастіе, ком. Спб. 1858 и 1859. 8° (Въ Драматич. Сборникѣ № 1).— 2) Женихъ изъ долговаго отдѣленія 1858. 12°. (Изъ Драматич. Сборника). — 3) Примадонна, Сцены. Спб. 1858. 8° (Собраніе театр. пьесъ).—4) Отецъ семейства, драма Спб. 1860. 8°. 5) Испорченная жизнь, ком. Спб. 1862.

ШВАБЕ, Карлъ Ивановичъ, корпуса корабельныхъ инженеровъ полковникъ, начальникъ адмиральтейскихъ ижорскихъ заводовъ, весьма свѣдущій въ корабельной архитектурѣ, которую преподавалъ въ морскомъ корпусѣ (1840—1845) и в. к. Констатину Николаевичу.

N. Морской сборникъ т 65, (1863, № 4) смѣсь, стр 39—46.

ЩЕПКИНЪ, Михаилъ Семеновичъ, извѣстный комическій актеръ московскаго театра, р. 6-го ноября 1788 г. въ селѣ Красномъ Обоянскаго уѣзда сыномъ двороваго у графа Волькенштейна. Онъ дебютировалъ на частномъ театрѣ въ Курскѣ въ 1805, а въ 1823 поступилъ на московскую сцену.

Отрывки изъ его автобіографическихъ записокъ были помѣщаемы въ періодическихъ изданіяхъ и собраны въ книгѣ: Записки и

письма Щепкина съ его портретомъ, факсимиле и статьею о сценическомъ талантѣ его писанною С. Т. Аксаковымъ. М. 1864. 8°. Онъ скончался въ Ялтѣ 11 авг. 1863 г.

Нѣсколько словъ о Щ—нѣ, *С. Аксакова* въ Моск. Вѣдом. 1855, № 143.—Описаніе его юбилея *М. Каткова*, въ Моск. Вѣдом. 1855, № 143 и въ Москвитянинѣ 1855, № 21 и 22.

N. Спб. Вѣдом. 1863, № 183; Моск. Вѣдом. № 178; Воскресный Досугъ, № 32; День, № 39; Библіотека Для Чтенія № 8.—Статья *Н. Кукольника* въ Голосѣ 1864, № 77 и 78 —Воспоминаніе о немъ *А. Аванасьева* въ Библіотекѣ Для Чтенія, 1864. № 2.—Къ воспоминаніямъ о Щ—нѣ *Θ Буслаева*, въ Совр Лѣтописи 1863 г. № 42 — О выкупѣ его изъ крѣпостнаго состоянія въ Антрактѣ 1864 г. № 156 и оттуда въ Голосѣ № 282.

Г. Геннади.

Въ слѣдующемъ выпускѣ Русскаго Архива будетъ помѣщенъ „Отрывокъ изъ Записокъ графа

А. Х. Бенкендорфа.

Евгеній. Словарь свѣтскихъ писателей. М. 1845. 2 ч. 3 р.

Посошковъ. Сочиненія. М. 1842—1863. 8°. 2 ч. Цѣна 3 р.

Погодинъ. Историко-критическіе отрывки. 1846. 1 р.

— О мѣстѣ погребенія кн. Пожарскаго. 1852. 50 к.

— Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. 7 ч. по 1 р. за томъ.

— Начертаніе Русской исторіи для гимназій. 75 к.

— — — — для уѣздныхъ училищъ. 25 к.

— Кн. Андрей Боголюбскій. 1856. 50 к.

— Похвальное слово Карамзину. 1845. 50 к.

— Норманскій періодъ Русской исторіи. М. 1859. 1 р.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. *М. П. Погодина.* М. 1863. 8°. 2 р. 50 к.

Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря. *Графа Алексѣя Уварова.* Спб. 1851—1856. 2°. Два выпуска, 184 стр. съ двумя тетрадями превосходно исполненныхъ рисунковъ. Цѣна 20 р. Лица, имѣющія первый выпускъ, могутъ получать второй по 10 р.

Рукописи *графа А. С. Уварова.* Памятники Словесности. Сочиненія *Кирилла Туровскаго,* съ предисловіемъ *М. И. Сухомлинова.* Спб. 1858. 4°. LXXII и 158 стр. Цѣна 2 р.

Дневникъ камеръ-юнкера *Берхгольца,* веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра великаго, съ 1721-го по 1725-й годъ. Перевелъ съ нѣмецкаго *И. Аммонъ.* М. 1859—1863. 8°. 4 ч.: I, 275; II, 357; III, 292; IV, 242 стр. Цѣна за всѣ 4 части — 6 р.

Письма *Екатерины II* къ А. В. Олсуфьеву 1762—1783. Съ примѣчаніями *М. Н. Лонгинова.* М. 1863. 16°. 114 стр. Цѣна 50 к.

Списки замѣчательныхъ лицъ Русскихъ, составленные *П. Ѳ. Карабановымъ.* М. 1860. 8°. 110 стр. Цѣна 50 к.

Московскій университетскій пансіонъ. Соч. *Н. В. Сушкова.* М. 1858. 4° съ портр. А. А. Прокоповича — Антонскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

Памятныя Записки *Храповицкаго.* Изданіе полное, съ примѣчаніями *Г. Н. Геннади.* М. 1862. 8°. 1 р. 50 к.

Подписная цѣна Русскаго Архива за 12 выпусковъ 5 р., съ пересылкою и доставкою 6 р. с. Подписка принимается *въ Москвѣ*, въ Чертковской библіотекѣ, въ конторахъ газеты «*День*» и въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова; *въ Петербургѣ* — на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной, въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова.

Тамъ же можно получать оставшіеся экземпляры Русскаго Архива 1864 года.

Русскаго Архива 1863 года не имѣется болѣе въ продажѣ (всего было 300 экз.)

Гг. сочинители и издатели книгъ, относящихся къ изученію нашего отечества, приглашаются доставлять свои сочиненія и изданія въ Чертковскую библіотеку (въ Москвѣ, на Мясницкой, № 7) открытую безплатно для общественнаго пользованія ежедневно отъ 10 до 3 часовъ утра; въ видѣ вознагражденія за таковое приношеніе, о каждой присланной книгѣ будетъ сдѣлана подробная публикація въ издаваемомъ при библіотекѣ Русскомъ Архивѣ.

Просимъ гг. издателей газетъ и журналовъ, доселѣ мѣнявшихся своими изданіями съ Русскимъ Архивомъ, продолжать обмѣнъ и въ 1865 году.

Издатели Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**
Николай Киселевъ.

Дозволено цензурою. Москва, 12 генваря 1865 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

2.

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Отрывокъ изъ Записокъ *гр. А. Х. Бенкендорфа* о путешествіи по Россіи императора Николая Павловича въ 1836 г., и о пребываніи его въ городѣ Чембарѣ, по случаю болѣзни.
2. Записки о Петрѣ Великомъ Голштинскаго министра *гр. Бассевича*. въ переводѣ съ (примѣчаніями) *И. Ѳ. Аммона*. Часть 2-я. съ возвращенія Карла XII изъ Турціи по Ништадскій миръ.
3. Случайные люди въ Россіи. II. Графъ Скавронскій (Изъ *Гельбига*) *М. Н. Лонгинова*.
4. Замѣтка о Гельбигѣ.
5. Изъ бумагъ Потемкинскаго секретаря *В. С. Попова*:

а) Письмо *Попова* къ В. В. Каховскому 1793 г.

б) Письмо и резолюція *Аракчеева*.

в) Докладъ *Попова* о публичной библіотекѣ 1796 г.

г) Записка *Попова* по доносу на него Кожина. 1799 г.

д) О памятникѣ Петру Великому въ Полтавѣ.

е) Замѣтка о финансахъ. 1810 г.

ж) Двѣ политическія записки о Польшѣ 1815 г.

з) Письмо гр. *Г. В. Орлова* о Екатеринѣ II. 1820 г.

6. Салтычиха. Эпизодъ изъ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. *П. Г. Кичеева*.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп

1865.

Въ Чертковской библіотекѣ можно получать слѣдующія книги:

Сочиненія А. Д. Черткова:

1. ***Воспоминанія о Сициліи.*** **М. 1836—1837. 8°. 2 части, съ большимъ атласомъ, содержащимъ въ себѣ рисунки къ этому археологическому путешествію. Ц. 2. р.**

2. ***О переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай и къ намъ на Русь.*** **М 1851. 8°. Цѣна 50 к.**

3. ***Ѳракійскія племена, жившія въ Малой Азіи.*** **М. 1852. 8°. Цѣна 50 к**

4. ***Пелазго-Ѳракійскія племена, населявшія Италію.*** **М. 1853. 8°. Цѣна 5 к.**

5. **Каталогъ Чертковской библіотеки. Землеописаніе М. 1864. 8°. Цѣна 1 р.**

Путешествіе въ св. землю священника ***Лукьянова*** при Петрѣ великомъ. М 1864 г. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

Стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго. М. 1862. 6 8°. Цѣна 2 р.

Гг. книгопродавцы могутъ получать изъ Чертковской библіотеки слѣд. книги:

Разсказы изъ исторіи христіанской церкви. **М. 1863. мал. 8°. 3 ч.: I, IV и 215 (первый вѣкъ); II, 264 (до начала IV вѣка); III (до X вѣка) 393 стр. Цѣна за три части 1 р. 60 к.**

Библіографическія Записки 1858 и 1859 г. 2 бол. тома въ 4°, со снимками, портретами и съ полнымъ указателемъ къ Вѣстнику Европы, сост. ***М. П. Полуденскимъ.*** Цѣна каждому т. по 4 р. с. Указатель продается отдѣльно по 1 р. с.

Величко. Лѣтопись событій въ югозападной Россіи. Кіевъ. 1848—1855. 8°. 3 большіе тома. 3 р.

Гоголь. Ревизоръ. М. 1841. 8°. 1 р.

Дантъ. Адъ. Переводъ ***Мина.*** М. 1852. 2 р.

Сочиненія ***Карамзина, Державина, Капниста, кн. И. М. Долгорукаго, Богдановича, Д. В. Давыдова, Нахимова, Милонова, Судовщикова, Нелединскаго, Дельвига и Измаилова*** по 1 р. за каждый томъ.

Шеппингъ. Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ. М. 1862. 8°. 1 р.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ ГРАФА А. Х. БЕНКЕНДОРФА.

Мы обязаны за эту статью благосклонности барона *Модеста Андреевича Корфа*. Статья доставлена при слѣдующемъ письмѣ:

„Милостивый государь Петръ Ивановичъ.

Прекрасный Вашъ „Русскій Архивъ“ продолжаетъ, по мѣрѣ того какъ публика ближе съ нимъ знакомится, все болѣе и болѣе обращать на себя общее вниманіе.

Охотно отвѣчая на призывъ Вашъ принести и мою лепту въ этотъ богатый сборникъ матеріаловъ для отечественной исторіи, я испросилъ Высочайшее соизволеніе Государя Императора передать Вамъ, для напечатанія въ „Архивѣ“, прилагаемый разсказъ о паденіи, которое въ 1836-мъ году постигло Императора Николая Павловича близь Чембара и имѣло послѣдствіемъ переломъ имъ ключицы. Этотъ разсказъ извлеченъ изъ Записокъ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, который, пользовавшись, какъ извѣстно, всею довѣренностію покойнаго Государя, неотлучно сопровождалъ его во всѣхъ поѣздкахъ по Россіи и заграницею и находился также и при этомъ роковомъ паденіи. Записки его, о существованіи которыхъ не только Императоръ Николай I, но и всѣ близкіе и даже родные графа узнали лишь послѣ его смерти, были ведены на французскомъ языкѣ и содержатъ въ себѣ множество такихъ подробностей, анекдотовъ и пр., которые иначе нигдѣ бы не сохранились. Нагляднымъ тому доказательствомъ служитъ и настоящій отрывокъ, при переводѣ котораго я старался столько же быть близкимъ къ подлиннику, сколько и удержать его духъ и колоритъ.

Примите, милостивый государь, свидѣтельство совершеннаго моего почтенія и преданности.

Баронъ М. Корфъ.

С. Петербургъ.
8 января 1865“.

(8-го августа 1836 года Императоръ Николай I выѣхалъ изъ Петербурга, въ сопровожденіи графа А. Х. Бенкендорфа, всегда сидѣвшаго въ одной съ нимъ коляскѣ, для одного изъ частыхъ своихъ объѣздовъ по разнымъ губерніямъ. Описавъ это путешествіе ихъ черезъ Москву и потомъ Владиміръ, Ковровъ, Вязники и Горбатовъ, на Нижегородскую ярмарку, а оттуда въ Казань, Симбирскъ и Пензу, графъ продолжаетъ):

Изъ Пензы мы поѣхали на Тамбовъ. Государь, располагая осмотрѣть еще войска въ Чугуевѣ и Ковнѣ и побывать въ Варшавѣ, всемѣрно ускорялъ нашу поѣздку и уже успѣлъ выиграть нѣсколько дней противъ маршрута. Мы мчались съ ужасающею быстротою, впрочемъ по хорошей дорогѣ и на славныхъ лошадяхъ. Ночная темнота, застигшая насъ по выѣздѣ изъ Пензы, нисколько не умалила скорости нашей ѣзды. Государь и я крѣпко спали въ коляскѣ, какъ вдругъ, въ часъ по полуночи, 26-го августа, насъ разбудилъ крикъ форейтора и кучера; лошади понесли, и почти въ ту же минуту коляска опрокинулась съ грохотомъ пушечнаго выстрѣла. «Это ничего»! вскричалъ Государь. Очутясь, самъ не знаю какъ, на ногахъ возлѣ опрокинутаго экипажа, я увидѣлъ кучера Государева Колчина и камердинера Малышева (сидѣвшаго также на козлахъ) лежащими безъ чувствъ; паденіе коляски и родъ небольшаго вала, на который свернули лошади, тотчасъ остановили ихъ стремительный бѣгъ. „Выходите“, закричалъ я Государю; но какъ онъ не отвѣтилъ, то я схватилъ его за воротникъ шинели и вытащилъ изъ коляски; тутъ, увидѣвъ, что ему сдѣлалось

дурно, я, поддерживая его, отвлекъ и посадилъ въ ровъ, окаймлявшій дорогу. Первыя его слова были: «Я чувствую, что у меня переломлено плечо; это хорошо: значитъ Богъ вразумляетъ, что не надо дѣлать никакихъ плановъ, не испросивъ Его помощи». Въ это время показался прохожій: то былъ старый отставной солдатъ, съ увѣшанною медалями грудью. Я подозвалъ его и давъ подержать факелъ, принесенный рейткнехтомъ, который прибѣжалъ въ испугѣ съ передовой телѣги, приказалъ остаться при Государѣ, пока я съ рейткнехтомъ посмотрю, какъ помочь кучеру и камердинеру; послѣдній, весь въ крови, стоналъ, а первый не давалъ никакого признака жизни. Тогда я послалъ рейткнехта, въ его телѣгѣ, за врачемъ и другимъ экипажемъ на ближайшую станцію — городокъ Чембаръ, до котораго намъ оставалось всего пять верстъ. Государь между тѣмъ разговаривалъ съ державшимъ факелъ солдатомъ и самъ, приподнявшись, чтобы пособить намъ ухаживать за камердинеромъ, замѣтилъ, что у меня ушибъ на лбу, чего я прежде сгоряча не почувствовалъ. Тутъ настигъ насъ слѣдовавшій всегда за государемъ фельдъегерь, котораго я тотчасъ отослалъ обратно, ускорить сколько можно прибытіе лейбъ-медика Арендта, ѣхавшаго въ одной коляскѣ съ генералъ-адъютантомъ Адлербергомъ и отставшаго въ пути. Покамѣстъ, я досталъ изъ кармана коляски хересу, которымъ обмылъ окровавленное лицо камердинера, принудивъ и Государя, у котораго всякую минуту дѣлалась дурнота, выпить нѣсколько глотковъ. Видя передъ собою, сидящимъ на голой землѣ, съ переломленнымъ плечомъ могущественнаго владыку шестой части вселенной, которому свѣтилъ старый инвалидъ и кромѣ меня никто не прислуживалъ, я былъ невольно пораженъ этою наглядною картиною суеты и ничтожества земнаго величія. Государю пришла та же самая мысль, и мы разговорились объ этомъ съ тѣмъ религіознымъ чувствомъ, которое невольно внушала подобная минута.

До возвращенія изъ города рейткнехта прошелъ добрый часъ. Государь велѣлъ прибывшему врачу заняться кучеромъ, который пришелъ между тѣмъ въ чувство, и камердинеромъ, и уложить ихъ въ привезенную коляску, а самъ, не допустивъ осмотрѣть своего перелома, сѣлъ въ нашу, поднятую пріѣхавшими людьми; но когда движеніе экипажа стало усиливать его страданія, то вышелъ изъ него и пошелъ дальше пѣшкомъ. Въ это время подскакали Арендтъ съ Адлербергомъ, и я побѣжалъ впередъ, чтобы похлопотать о какомъ нибудь помѣщеніи въ Чембарѣ. Тамъ все было погружено въ сонъ, и только разбуженный рейткнехтомъ городничій ждалъ у заставы. Отправясь, вмѣстѣ съ нимъ, къ уѣздному училищу, какъ единственному дому, въ которомъ, по его словамъ, представлялась возможность помѣстить нашего больнаго, я приказалъ на скоро очистить и освѣтить этотъ домъ и пустился назадъ на встрѣчу къ Государю. Онъ уже дошелъ покуда до города и чувствовалъ себя крайне утомленнымъ; но войдя въ импровизированную для него квартиру, сталъ шутить и, потребовавъ бумаги и карандашъ, написалъ Императрицѣ цѣлыхъ четыре страницы, въ такомъ юмористическомъ тонѣ, что, слушая это письмо, мы не могли удержаться отъ смѣха. Оно было тотчасъ отправлено съ нарочнымъ фельдъегеремъ; за тѣмъ Государь велѣлъ мнѣ дать знать во всѣ мѣста, чрезъ которыя лежалъ нашъ дальнѣйшій маршрутъ, чтобы его туда не ждали, а Адлербергу, завѣдывавшему въ пути военною частію, приказалъ разослать такія же извѣщенія князю Паскевичу, военному министру и начальникамъ собранныхъ на разныхъ пунктахъ

войскъ. Уже только послѣ всего этого, онъ, обратясь къ Арендту, сказалъ: «Ну, теперь твоя очередь, вотъ тебѣ моя рука: займись ею». Въ продолженіе всей перевязки онъ шутилъ съ нами и милостиво старался ободрить Чембарскаго эскулапа, сильно переконфуженнаго неожиданною честью ухаживать за своимъ Монархомъ.

У Государя, дѣйствительно, оказалась переломленною ключица.

Когда его уложили, я принялся за всѣ нужныя распоряженія для помѣщенія свиты и возвращенія передовой коляски, находившейся, съ прочими камердинерами государевыми, уже въ Тамбовѣ. Городокъ, въ которомъ мы принуждены были устроиться, одинъ изъ самыхъ ничтожныхъ въ цѣлой имперіи, не представлялъ никакихъ мѣстныхъ рессурсовъ; поэтому надо было тотчасъ позаботиться о снабженіи нашей кухни нужными припасами, добыть какую нибудь мебель, выписать изъ Москвы вина, образовать родъ пожарной команды на случай огня въ нашемъ деревянномъ домишкѣ, покрытомъ, въ большей его части, соломою; наконецъ устроить движеніе курьеровъ и дать повсемѣстно знать о новой резиденціи Государя. Все это обошлось безъ особенныхъ затрудненій. Безсрочно - отпускные изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ поспѣшили къ намъ со всѣхъ концовъ губерніи, съ просьбою употребить ихъ въ дѣло; первыхъ я опредѣлилъ въ комнатную прислугу, а вторыхъ въ составъ полицейской команды. Чембарскіе жители цѣлыми днями окружали наше скромное жилище въ грустномъ молчаніи, составляя такимъ образомъ постоянную царскую стражу и удаляя всякой шумъ: даже и между собою они шептались на ухо, какъ бы въ комнатѣ самого больнаго. Сосѣдніе помѣщики наслали фруктовъ и запасовъ всякаго рода, и кладовыя нашего дорожнаго метръ-дотеля Миллера вскорѣ обильно всѣмъ наполнились. Изъ окрестностей навезли даже цвѣтовъ и померанцовыхъ деревьевъ, для убранства оконъ и комнатъ. Дамы и люди богатые и бѣдные пріѣзжали за сто, за двѣсти верстъ, точно на богомолье, чтобы освѣдомляться о здоровьи Государя и въ надеждѣ какъ нибудь на него взглянуть. По мѣрѣ того, какъ слухъ о несчастномъ приключеніи долеталъ до сосѣднихъ губерній, стали являться посланные и отъ тамошнихъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, съ распросами о положеніи обожаемаго Монарха Ежедневно выходилъ бюллетень, за подписаніемъ Арендта и мѣстнаго врача, очень смышленаго молодаго человѣка, и этотъ бюллетень пересылался въ Москву, въ Петербургъ и по всѣмъ трактамъ, шедшимъ отъ Чембара. Я едва успѣвалъ отписываться на письма, которыя приходили ко мнѣ съ нарочными. Вся имперія была въ тревожномъ испугѣ, и Чембаръ сдѣлался средоточіемъ всѣхъ страховъ и всѣхъ надеждъ. Въ Петербургѣ, Императрица, съ тою твердостію, которою она умѣетъ вооружаться въ важныхъ случаяхъ, старалась умѣрять народныя опасенія, съ одной стороны часто показываясь передъ публикою на островахъ, а съ другой сообщая каждому, кто только имѣлъ къ ней доступъ, утѣшительныя извѣстія, ежедневно получавшіяся ею въ письмахъ Государя, столько же пространныхъ, сколько и написанныхъ всегда въ самомъ веселомъ тонѣ. Но въ сущности было не совсѣмъ то. Государь жестоко страдалъ. Въ началѣ нашего пребыванія въ Чембарѣ стояли тамъ страшные жары, и плохенькой домикъ нашъ, обратившійся во дворецъ повелителя Россіи, не представлялъ никакого пріюта отъ томительной духоты. Въ первую минуту врачи не замѣтили, что, кромѣ ключицы, было переломлено и верхнее ребро, отъ чего естественно усугублялись боли. Впрочемъ больной, если по временамъ и жаловался,

то и тутъ проявлялъ ту желѣзную твердость характера, которая ставила его такъ высоко надъ другими людьми, даже и при перенесеніи физическихъ страданій. Онъ продолжалъ заниматься дѣлами, какъ бы въ своемъ кабинетѣ въ Зимнемъ дворцѣ; курьеры привозили всѣ текущіе доклады министровъ, и все было имъ высылаемо обратно обыкновеннымъ порядкомъ. Въ свободныя минуты, Государь читалъ газеты и даже романы, но скучалъ этимъ чтеніемъ, въ постоянной тревогѣ о безпокойствѣ своей семьи и своего народа и о разстройствѣ, происшедшемъ въ его маршрутѣ. Онъ боялся, кромѣ того, чтобы Императрица не рѣшилась сама пріѣхать въ Чембаръ, что́ могло бы повредить ея здоровью и еще болѣе напугать всю Россію. Хотя онъ еще въ первомъ своемъ письмѣ именно запретилъ ей думать о такой поѣздкѣ, о чемъ написалъ и князю Волконскому (министру императорскаго двора) однако, зная нѣжную къ себѣ привязанность своей супруги, все продолжалъ опасаться, чтобы она не нарушила его запрещенія, и я, на этотъ случай, уже готовилъ для нея домъ присутственныхъ мѣстъ.

Врачи объявили, что надо пробыть въ Чембарѣ по крайней мѣрѣ три недѣли и потомъ дѣлать самые короткіе переѣзды. Эта перспектива еще болѣе волновала нетерпѣливый нравъ Государя и даже замедляла его выздоровленіе. Притомъ первая перевязка, которую сняли только черезъ трое сутокъ, такъ сдавила ему животъ, что къ прежнимъ страданіямъ прибавились еще желудочныя судороги, съ нестерпимыми болями. Бѣдный Арендтъ не зналъ что начать, особенно потому, что больной не соглашался принимать большую часть его лекарствъ, или сердился, когда они не доставляли ему облегченія. Разъ, ночью, Государь почувствовалъ себя такъ дурно, что даже потребовалъ священника, для напутствія къ смерти, и между тѣмъ все это, по точному и строгому его приказанію, должно было оставаться тайною и для Императрицы и для всѣхъ. Во мнѣ лично, такая таинственность, усиливая тяготѣвшую на мнѣ отвѣтственность, не могла не увеличивать еще болѣе тревожной заботы. Въ присутствіи больнаго, я всегда старался казаться спокойнымъ и веселымъ; но сердце мое было истерзано, и я вполнѣ обрисовывалъ себѣ весь ужасъ моего положенія въ отношеніи къ Императрицѣ, къ Наслѣднику престола и къ цѣлой имперіи. Дорожные мои спутники, Адлербергъ и Прусскій полковникъ Раухъ, въ особенности же Арендтъ, съ ранняго утра приходили изливаться передо мною въ жалобахъ и плакать, и мнѣ же еще доводилось утѣшать ихъ и ободрять унывавшаго лейбъ-медика. Утромъ до обѣда и потомъ опять послѣ стола я оставался у Государя по цѣлымъ часамъ, стараясь развлекать его разговорами; въ промежутки моего отсутствія, Адлербергъ поутру приносилъ ему бумаги по военному министерству, а вечеромъ что-нибудь читалъ. Кромѣ того въ Чембаръ были вызваны, съ докладами, командиръ черноморскаго флота Лазаревъ и начальникъ кавалерійскихъ военныхъ поселеній графъ Виттъ, которыхъ Государь, по прежнему машруту, думалъ видѣть въ Чугуевѣ; часто также наѣзжали разные другіе генералы, флигель-адъютанты и пр., что́ хотя нѣсколько разгоняло скуку нашей однообразной жизни. Иногда Государь прохаживался по двору своего дома, и тогда, счастливый какъ узникъ, вырвавшійся изъ своей тюрьмы, любилъ встрѣчаться и шутить съ нами. Но желудочныя боли, ежедневно возвращавшіяся, очень его безпокоили; пребываніе въ Чембарѣ становилось ему съ каждымъ часомъ нестерпимѣе, и желаніе скорѣе оставить этотъ несносный городъ все сильнѣе высказывалось, отражаясь и на

расположеніи его духа. Трехнедѣльный срокъ казался ему цѣлою вѣчностью. Арендтъ, котораго все болѣе и болѣе пугало и состояніе здоровья больнаго и его раздражительность, не могъ не видѣть, что потерялъ его довѣріе. Однажды бѣднякъ, изливая мнѣ, весь въ слезахъ, свое сокрушеніе, объявилъ, что единственнымъ средствомъ успокоить моральное раздраженіе Государя, считаетъ — отъѣздъ изъ Чембара, хотя съ другой стороны движеніе экипажа можетъ увеличить страданія отъ перелома. Я разсчелъ, что изъ двухъ бѣдъ послѣдняя — меньшая и, не смотря на то, что съ нашего приключенія не минуло еще и двухъ недѣль, мы порѣшили отправиться въ путь черезъ четверо сутокъ. Вѣсть о томъ неописуемо обрадовала Государя, и я тотчасъ занялся дорожными сборами. Но едва прошли первыя сутки, какъ государь вдругъ потребовалъ меня къ себѣ и, сидя на постели, съ сверкающими глазами съ суровымъ выраженіемъ лица, почти закричалъ мнѣ: «Я ѣду непремѣнно завтра утромъ въ 9 часовъ, и если вы не можете везти меня, то уйду пѣшкомъ». Никогда еще въ жизни онъ не выражался со мною такимъ повелительнымъ и рѣзкимъ тономъ. Видя его въ этомъ положеніи, я только спросилъ, переговорено ли уже объ этомъ съ докторами? «Это не ихъ дѣло» возразилъ онъ въ томъ же тонѣ. Тогда я отвѣчалъ, что сдѣлаю сейчасъ всѣ нужныя распоряженія, хотя не легко собраться въ какихъ нибудь двѣнадцать часовъ. Едва однако я принялся за дѣло, какъ меня снова позвали къ Государю. Выраженіе лица и голосъ его уже были опять обычные и, по докладу моему, что все будетъ готово къ назначенному времени, онъ тотчасъ развеселился и приказалъ мнѣ наградить всѣхъ прислуживавшихъ ему въ Чембарѣ, а также раздать значительныя суммы въ церковь, въ училище и на бѣдныхъ.

Въ слѣдующее утро Государь былъ одѣтъ уже съ семи часовъ и торопилъ всѣхъ къ отъѣзду. Поблагодаривъ городничаго, уѣзднаго предводителя дворянства, жандармскаго полковника и безсрочныхъ, прислуживавшихъ въ комнатахъ, онъ пошелъ пѣшкомъ въ церковь, въ которую втѣснилось все Чембарское населеніе. Послѣ краткаго молебствія, мы всѣ вмѣстѣ съ нимъ усѣлись въ выписанную мною нарочно изъ Пензы длинную, низкую и казавшуюся болѣе спокойною чѣмъ коляска, линейку и напутствуемые благословеніями толпы, пустились въ дорогу по прекраснѣйшей погодѣ.

Прожитыя нами въ Чембарѣ двѣ недѣли, съ 26-го августа по 9-е сентября, казались мнѣ цѣлымъ годомъ, и я не менѣе Государя радовался, что мы оставляемъ это скучное мѣсто. Первыя 20 верстъ все шло безподобно, и Государь шутилъ съ Арендтомъ надъ медициною вообще и надъ его невѣжествомъ въ частности. Но потомъ возобновились желудочныя судороги и, пересѣвъ въ свою коляску, уже одинъ, чтобы скрыть отъ насъ свои страданія, онъ пріѣхалъ на ночлегъ совсѣмъ разнемогшійся и въ дурномъ расположеніи духа. Городокъ Кирсановъ, въ которомъ мы ночевали, не могъ, къ несчастію, доставить больному большихъ удобствъ, и рано утромъ мы, по ужасному ненастью, тронулись далѣе, сильно встревоженные положеніемъ Государя.

Второй ночлегъ былъ въ Тамбовѣ, куда мы пріѣхали въ 2 часа по полудни. Встрѣчи Государю въ его путешествіяхъ по Россіи, вездѣ, особенно же въ губернскихъ городахъ, бывали всегда самыя шумныя; но здѣсь случилось совершенно противное: огромныя массы народа, въ экипажахъ и пѣшкомъ, правда, точно также тѣснились вокругъ государевой коляски, но въ совершенномъ молчаніи, боясь обезпокоить его малѣйшимъ шумомъ. Эта благоговѣйная тишина, плодъ такихъ

чистыхъ побужденій, говорила сердцу еще краснорѣчивѣе, чѣмъ всѣ восторженные клики, къ которымъ, въ продолженіе десяти лѣтъ, народная любовь пріучила Государя. Толпа цѣлый день не покидала площади передъ домомъ, гдѣ онъ остановился и, храня все тоже безмолвіе, не отрывала глазъ отъ временнаго жилища своего Монарха. Утромъ, при оставленіи нами Тамбова, дамы въ экипажахъ старались объѣхать государеву коляску, чтобы имѣть счастіе взглянуть на него; когда же мы выѣхали на широкую столбовую дорогу, то началась настоящая скачка: одни экипажи стремились опередить другіе, рискуя ежеминутно быть опрокинутыми, что̀ продолжалось нѣсколько верстъ. Эта живая панорама счастливыхъ и хорошенькихъ личекъ, безпрестанно мелькавшихъ передъ глазами Государя и ежеминутно смѣнявшихся новыми, очень его забавляла.

Слѣдующіе ночлеги были въ Козловѣ, Ряжскѣ, Рязани и Коломнѣ, и вездѣ насъ принимала также самая благоговѣйная тишина со стороны народныхъ массъ, какъ бы всѣ онѣ были связаны одною электрическою нитью. Здоровье нашего больнаго нисколько, однако же, не поправлялось и, вмѣстѣ съ безпокойствомъ Арендта, возрастали и наши страхи. По прибытіи въ Москву, государь прослѣдовалъ ее почти во всю длину, отъ Коломенской заставы до Орловской своей дачи, сидя въ коляскѣ одинъ, чтобы имѣть болѣе простора для своей руки. Мы, вдвоемъ съ Арендтомъ, пріѣхали получасомъ позже и нашли его крайне разгнѣваннымъ. Всѣмъ городскимъ властямъ заранѣе было запрещено встрѣчать или ожидать Государя; но никому не дано было предвидѣть, что у каждой изъ безчисленныхъ церквей, мимо которыхъ лежалъ его путь, будетъ выходить духовенство съ крестами и святою водою. Это заставляло его безпрестанно снимать фуражку и прикладываться къ крестамъ, тогда какъ онъ, для обереженія руки, былъ весь обложенъ подушками и вальками.

Государь обѣщалъ намъ отдохнуть въ Москвѣ нѣсколько времени и потомъ останавливаться въ дорогѣ на каждую ночь; но его нетерпѣніе взяло верхъ, и я получилъ приказаніе сготовиться къ отъѣзду не далѣе какъ на слѣдующій уже день. Утромъ, отслушавъ обѣдню въ домовой церкви и принявъ графа П. А. Толстаго (правившаго должность военнаго генералъ-губернатора) и князя С. М. Голицына (предсѣдателя опекунскаго совѣта, весьма любимаго императорскимъ домомъ), Государь сѣлъ въ коляску опять одинъ и, отъѣзжая, сказалъ мнѣ, что будетъ обѣдать на второй станціи отъ Москвы. Вмѣсто того, прибывъ на эту станцію, онъ немедленно потребовалъ лошадей и, нигдѣ не останавливаясь, примчался въ Царское Село такъ скоро, что, при всей прыти, мы поспѣли туда уже часомъ послѣ него. Императрица и вся царственная семья несказанно обрадовались внезапному появленію своего больнаго, а самъ онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, что отдѣлался отъ несноснаго Чембара и могъ снова обнять всѣхъ своихъ. Когда я пришелъ во дворецъ, всѣ уже сидѣли вмѣстѣ за столомъ. Меня тотчасъ позвали въ столовую, и Императорская чета поблагодарила меня отъ полноты сердца: Государь, за всѣ мои заботы о немъ въ продолженіе этого несчастнаго путешествія, а Императрица за то, что я привезъ ей ея супруга.

Государь провелъ въ Царскомъ Селѣ безвыѣздно двадцать дней. 8-го октября онъ съѣздилъ въ Петербургъ, но только на двое сутокъ и потомъ, вернувшись обратно въ осеннюю свою резиденцію, оставался тамъ до 7-го ноября, медленно оправляясь отъ послѣдствій своего паденія.........

Записки графа Бассевича.

II. (*)

(По возвращеніи Карла XII изъ Турціи.)

Карлъ XII скоро убѣдился, какъ много силы Пруссіи содѣйствовали могуществу направленной противъ него коалиціи. Король Прусскій, дружбою котораго онъ пренебрегалъ, и король Датскій, старинный его врагъ, не замедлили осадить его въ Стральзундѣ ([27]). Осада была дѣятельна, сопротивленіе отчаянно. Карлъ, всегда удивительный по своей неустрашимости, былъ на этотъ разъ снисходителенъ и кротокъ. Вотъ примѣръ въ подтвержденіе того: у него оставалось уже мало полковниковъ (большая часть была убита или ранена), и эти немногіе чередовались дежурствомъ на укрѣпленіяхъ. Одинъ изъ нихъ, баронъ Рейхель, истомленный бодрствованіемъ и усталостью, только-что бросился на скамейку, чтобъ немного заснуть, какъ его снова зовутъ на дежурство. Онъ отправляется, разражаясь проклятіями. Король, услышавъ это, подошелъ къ нему съ яснымъ лицомъ и сказалъ: «Вамъ не въ моготу, любезный „Рейхель, а я только-что отдохнулъ: ло„житесь на мой плащъ (который самъ „тутъ же разослалъ на землю) и спите. „Я подежурю за васъ и разбужу васъ, „когда будетъ нужно". Пристыженный полковникъ не соглашается, но надобно было повиноваться. Король завертываетъ его въ плащъ и отправляется на свой постъ. Послѣ краткаго отдохновенія полковникъ съ новыми силами, съ новымъ усердіемъ, спѣшилъ опять жертвовать собою на службѣ героя, столь человѣколюбиваго.

(1716). Чудеса храбрости Карла и его сподвижниковъ не могли спасти города: надобно было уступить и отдать его въ руки непріятеля со всею Помераніею. Король возвратился въ Швецію. Неустрашимость его все еще не ослабѣвала отъ ряда неудачъ, но добродѣтель его поколебалась: полезный обманъ уже не пугалъ его болѣе. Гёрцъ убѣдилъ его въ необходимости примириться съ однимъ изъ непріятелей, чтобы раздавить прочихъ, и этотъ одинъ долженъ былъ быть никто иной, какъ Петръ Алексѣевичъ. Онъ былъ могущественнѣе всѣхъ, былъ человѣкъ необыкновенный, единственный въ своемъ родѣ, какъ и Карлъ, слѣдовательно одинъ, достойный его предупредительности и пожертвованія провинцій, которыми надлежало купить его дружбу. Карлъ былъ вовсе безъ средствъ. Вслѣдствіе обѣщанія Гёрца собрать 10,000,000 талеровъ на военныя издержки и отторгнуть царя отъ Даніи, Саксоніи и Ганновера, онъ позволилъ ему дѣлать распоряженія, какія заблагоразсудитъ, внутри королевства и заключать какіе угодно трактаты внѣ его.

Царь, недовольный Датчанами, которые, недоброжелательствуя ему, заботились только о своихъ выгодахъ, и раздраженный противъ Англичанъ, которые противодѣйствовали его намѣренію пріобрѣсти себѣ по ту сторону Балтійскаго моря портъ, откуда можно было бы проходить въ океанъ, царь склонялся на сторону Гёрца, и Меншиковъ видѣлъ съ удовольствіемъ, что прежнія его старанія по голштинскому дѣлу готовы были осуществиться. Монархъ колебался, рѣшиться ли ему разомъ измѣнить образъ своихъ дѣйствій. Онъ имѣлъ множество поводовъ къ жалобамъ на своихъ союзниковъ и могъ бы составить длинный и основательный манифестъ. Не было сомнѣнія, что вліяніе его на берлинскій кабинетъ заставило бы Пруссію соединиться съ нимъ въ союзѣ съ Карломъ, а можетъ быть столь быстрый переворотъ по-

(*) См. Русскій Архивъ 1865, вып. I.

([27]) Главномъ городѣ Помераніи.

будилъ бы также Данію и Польшу немедленно согласиться на выгодный миръ. Но еслибъ переворотъ этотъ не произвелъ никакого дѣйствія и еслибъ пришлось продолжать войну, которая бы, конечно, сдѣлалась еще ожесточеннѣе, — откуда взять тогда средствъ вести ее? У Россіи было мало денегъ, у Швеціи еще меньше. И можно ли было положиться на Карла и на Гёрца? На Карла, который когда-то съ такимъ же ожесточеніемъ искалъ лишить престола Петра, какъ и Августа ([28]), и въ которомъ крайнія бѣдствія превратили надменную и открытую ненависть въ мрачное и жестокое коварство? На Гёрца, рожденнаго для двуличности, искуснѣйшаго изъ смертныхъ въ дѣлѣ притворства и не старавшагося даже по наружности казаться добросовѣстнымъ? Можно ли было забыть, что, когда начались его несогласія съ Бассевичемъ, онъ въ Стокгольмѣ и Регенсбургѣ хвалился, что обманывалъ Меншикова въ Гузумѣ и Суэдѣ, забавляя его обѣщаніями, которыхъ никогда и не думалъ исполнять, и что не успѣлъ обмануть также и царя только потому, что дѣло попало въ руки человѣка слишкомъ мало развязнаго и слишкомъ вѣтреннаго?

Эти сомнѣнія, краснорѣчиво выставленныя на видъ Остерманомъ и вицеканцлеромъ Шафировымъ, заставили царя рѣшиться не спѣшить, дать созрѣть проектамъ Гёрца, принимать ихъ не иначе, какъ по точномъ удостовѣреніи въ ихъ искренности и исполнимости, и щадить тѣмъ болѣе своихъ союзниковъ, что ему не хотѣлось оставить ихъ, не сохранивъ своей славы и не доказавъ ихъ вины. Гёрцъ, съ своей стороны, прежде нежели рѣшительно сблизиться съ царемъ, показывалъ видъ, что ищетъ для короля и другой какой либо опоры, дабы тѣмъ придать болѣе вѣсу своимъ условіямъ.

([28]) Августа II, короля Польскаго.

Такимъ образомъ, и съ той и съ другой стороны секретныя негоціаціи откладывались на неопредѣленное время, а между тѣмъ царь не пріостанавливалъ военныхъ дѣйствій. Заботясь, впрочемъ, о покоренныхъ своихъ владѣніяхъ болѣе, чѣмъ о наслѣдственныхъ, онъ обнаруживалъ твердое намѣреніе не выпускать первыхъ изъ рукъ Жители Нарвы, уведенные въ 1704 году въ Россію, были вновь вызваны для заселенія своего города, а вѣроятность скораго примиренія съ Швеціею, за которымъ послѣдовало бы и освобожденіе плѣнныхъ обѣихъ сторонъ, удвоила старанія монарха воспользоваться трудами многихъ тысячъ Шведовъ, бывшихъ въ его власти. Россія наполнена памятниками ихъ дѣятельности. Великолѣпное предмѣстье Петербурга, названное проспектомъ, было все вымощено ихъ руками, и они до самаго нейштадтскаго мира подвергались унизительной обязанности чистить его каждую субботу ([29]). Всѣхъ болѣе достоинъ былъ сожалѣнія графъ Пиперъ, прежде столь могущественный, но потомъ заключенный въ темницахъ шлюссельбургскихъ. Шведы взяли одну русскую галеру, шедшую въ Стокгольмъ съ нѣсколькими плѣнными, назначенными въ обмѣнъ, и Пипера, въ вознагражденіе за этотъ убытокъ, заставили подписать вексель въ 30,000 талеровъ. Онъ имѣлъ несмѣтныя богатства; но несмотря на то, жена его не хотѣла признать его подписи. Царь думалъ, что отказъ этотъ былъ сдѣланъ по настоянію самаго плѣнника, и потому велѣлъ держать его на хлѣбѣ и на водѣ до окончательной уплаты денегъ. Пиперъ, ослабленный семилѣтнимъ сидѣніемъ въ тюрьмѣ, не могъ выдержать столь жестокаго

([29]) Разумѣется, по всему вѣроятію, нынѣшній Невскій проспектъ: самый городъ, какъ извѣстно, первоначально былъ на правой сторонѣ Невы.

и постыднаго обращенія, которое и было причиною его смерти!

Карлъ XII воображалъ, что всякое предпріятіе, не выходящее изъ предѣловъ человѣческой возможности, не можетъ не удасться уму и хитрости Гёрца. „Съ тремя людьми, подобными ему, „сказалъ онъ однажды графу Ферзену, „я обманулъ бы весь міръ.“ Онъ не думалъ ни о чемъ, кромѣ войны, и Гёрцъ прибылъ въ Стокгольмъ властвовать его именемъ. Фаворитъ предоставилъ офицерамъ полную свободу насильно набирать рекрутъ, началъ ревизію всѣхъ коллегій съ цѣлью ознакомиться съ внутреннимъ устройствомъ Швеціи, установилъ собственною властію тяжкіе налоги и издалъ рядъ новыхъ законовъ. Графъ Дернатъ получилъ позволеніе возвратиться въ Швецію для оправданія себя въ глазахъ своего молодаго государя ([30]), отъ кото раго всѣ друзья Бассевича были удалены. Королевскимъ декретомъ 26 ноября 1715 года въ Стокгольмѣ, по просьбѣ епископа-регента, была уже назначена коммиссія для разсмотрѣнія неудовольствій герцога голштинскаго. Оба государя ([31]) объявили, что подчинятся ея рѣшенію, и прислали своихъ уполномоченныхъ. Пальмфельдъ, рекомендованный Карломъ, у котораго былъ военнымъ совѣтникомъ, явился туда отъ имени герцога. Оберъ-ландсратъ Лейонштетъ былъ предсѣдателемъ, но между членами не было ни одного сенатора. Коммиссія начала съ вызова всѣхъ, кто имѣлъ что нибудь противъ регентства голштинскаго. Само собою разумѣется, что никто не явился, потому что вызову предшествовала декларація отъ имени короля, что всякій, кто позволитъ себѣ непочтительно говорить объ этомъ регентствѣ, будетъ подверженъ преслѣдованію по закону, какъ преступникъ, и изгнанъ изъ королевства.

Утверждая постоянно, что Карлъ-Фридрихъ совершеннолѣтенъ въ отношеніи раздачи должностей въ Шлезвигѣ, Бассевичъ принялъ отъ него вѣрительныя грамоты къ императору ([32]) и королямъ шведскому и прусскому. Когда посольство его къ Карлу XII не состоялось по причинѣ отказа въ аудіенціи, онъ отправился въ Вѣну, чтобъ узнать мысли императорскаго двора касательно совершеннолѣтія своего государя какъ герцога голштинскаго. Готторпское министерство немедленно снарядило туда графа Ревентлау, зятя Гёрца, для обвиненія Бассевича въ неповиновеніи и бѣгствѣ, и съ требованіемъ задержать его самаго и бывшія съ нимъ бумаги. Ревентлау, не добившись послѣдняго, началъ противъ него процессъ въ придворномъ совѣтѣ (conseil aulique). Оправданіе Бассевича уничтожило всѣ направленныя противъ него обвиненія. Тогда Ревентлау объявилъ ему съ угрозой, чтобъ онъ возвратился въ Гамбургъ и отдалъ отчетъ въ своемъ посольствѣ въ Россію; но Бассевичъ представилъ императорскому министерству, что процессу даютъ противозаконное направленіе и позволяютъ себѣ насилія, которыя оскорбляютъ достоинство его императорскаго величества, какъ главы имперіи и какъ эрцгерцога, тѣмъ болѣе, что позывъ къ суду сдѣланъ ему, Бассевичу, въ австрійскихъ владѣніяхъ и безъ предварительнаго слѣдствія. Императоръ дѣйствительно былъ раздраженъ всѣмъ случившимся. Епископъ почувствовалъ, что поступилъ опрометчиво, сталъ

([30]) Т. е. наслѣдственнаго герцога Голштиніи, въ то время 15 лѣтняго Карла Фридриха, который съ малолѣтства жилъ и воспитывался въ Швеціи у бабки своей съ материнской стороны. Его владѣніями правилъ епископъ-регентъ, его дядя по отцу и родной дѣдъ нашей Екатерины II.

([31]) т. е. епископъ-регентъ и молодой герцогъ голштинскій Карлъ Фридрихъ.

([32]) Карлу VI.

извиняться и получилъ прощеніе. Процессъ былъ оставленъ, и Бассевичъ объявленъ невиннымъ. Принимая во вниманіе большую силу его враговъ, императоръ снабдилъ его охраннымъ листомъ для безопасности его самаго, его семейства и его имущества, въ чемъ бы оно ни состояло, на всемъ пространствѣ священной римской имперіи. Эта благосклонность сильно привязала Бассевича къ австрійскому дому, и онъ хорошо отплатилъ за нее, когда впослѣдствіи, будучи всемогущимъ въ Петербургѣ въ царствованіе императрицы Екатерины, убѣдилъ русскій дворъ предпочесть еще существовавшій союзъ съ императоромъ союзу съ Франціей, въ пользу которой просилъ его ходатайствовать король Станиславъ, глубоко имъ уважаемый.

Король шведскій, какъ казалось, желалъ прежде, чтобъ сестра его Ульрика оставалась незамужнею, а потому, если и рѣшился изъявить согласіе на бракъ ея съ наслѣднымъ принцемъ гессенъ-кассельскимъ (что и случилось въ апрѣлѣ 1715 года), то все-таки выразилъ свое неудовольствіе удаленіемъ генерала Ранка, далекарлійца, возвысившагося своими заслугами и, какъ говорили, устроившаго этотъ бракъ черезъ посредство одной изъ своихъ родственницъ, горничной принцессы. Ранкъ, по удаленіи своемъ, жилъ въ Гамбургѣ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и получая пенсію отъ кассельскаго дома, а принцъ, славившійся какъ хорошій солдатъ, очень скоро заслужилъ любовь Карла. Всѣхъ удивило, что Гёрцъ, кліентъ дома готторпскаго, помогъ ему получить въ февралѣ 1716 года командованіе гвардейскимъ отрядомъ и титулъ генералиссимуса шведской арміи. Все это было сдѣлано для того, чтобъ сдерживать и устрашать племянника королевскаго и имѣло успѣхъ. Карлъ-Фридрихъ дрожалъ при мысли, что можетъ лишиться наслѣдованія престола, и потому долженъ былъ сносить зависимость отъ фаворита. Его заставили предписать Бассевичу, чтобъ тотъ явился съ своими обвиненіями противъ министерства голштинскаго регентства въ слѣдственную коммиссію, учрежденную въ Стокгольмѣ. Бассевичъ отвѣчалъ, что его пугаютъ „*слѣды львинаго логовища*" и присовокупилъ, что шведская коммиссія, берущая на себя право оправдывать или осуждать владѣтельнаго имперскаго князя, какимъ былъ епископъ, и распоряжаться опекою надъ германскимъ принцемъ, верховнымъ опекуномъ котораго могъ быть только императоръ, кажется ему явленіемъ столько же опаснымъ, сколько и безпримѣрнымъ; что онъ, Бассевичъ, какъ природный вассалъ имперіи, уважающій священныя права своего августѣйшаго государя, не можетъ явиться въ такую коммиссію, а какъ ревностный слуга его свѣтлости, умоляетъ герцога щадить императорскій дворъ, покровительство котораго для него необходимо. Не одобряя и не охуждая этаго представленія, герцогъ холодно отвѣчалъ Бассевичу, что на будущее время избавляетъ его отъ труда завѣдывать его дѣлами какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ, и что уполномочитъ для этого другихъ лицъ. Совершенно побѣжденный обѣщаніемъ Гёрца — выхлопотать ему признаніе совершеннолѣтія и актъ, утверждающій за нимъ наслѣдованіе престола, если король не оставитъ потомства, онъ формально объявилъ, что, избавившись отъ ложныхъ предубѣжденій противъ епископа, своего дяди и его министерства, возвращаетъ любовь и довѣріе первому, и признаетъ невинность и добросовѣстность послѣдняго; считаетъ себя весьма обязаннымъ королевской коммиссіи тѣмъ, что она открыла ему глаза, и одобряетъ всѣ ея дѣйствія. Въ отплату за такую любезность, которая привела въ негодованіе всю Швецію, ко-

роль возвелъ въ дворянское достоинство Рёнсдорфа, любимца герцога; но относительно престолонаслѣдованія не было сдѣлано ничего, и только годъ спустя епископъ исходатайствовалъ у императора актъ на признаніе совершеннолѣтія, которое было объявлено лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до наступленія законнаго срока.

Гораздо труднѣе было управиться съ Сенатомъ, чѣмъ съ шестнадцатилѣтнимъ принцемъ. Гёрцъ потребовалъ отъ него точной деклараціи, что онъ доволенъ голштинскимъ министерствомъ и одобряетъ дѣйствія коммиссіи. Собранъ былъ секретнѣйшій совѣтъ, на которомъ не присутствовали даже секретари, составляющіе протоколы, и послѣдовалъ отвѣтъ: что королевскій сенатъ (тогда сенаторы, которые потомъ назывались государственными совѣтниками, носили названіе совѣтниковъ королевскихъ) не имѣлъ никакихъ сношеній съ голштинскими министрами и не бралъ на себя обсужденія ихъ поступковъ, если не обязывали его къ тому особыя повелѣнія его величества.

Царь, лишь слегка дѣйствовавшій въ это время противъ Швеціи, рѣшился отправиться въ Германію съ цѣлью ознакомиться ближе съ планами и намѣреніями какъ союзныхъ державъ, такъ и Гёрца. Давно предположенный бракъ Екатерины Ивановны, его племянницы, съ герцогомъ Карломъ-Леопольдомъ мекленбургскимъ([33]) былъ въ его присутствіи отпразднованъ въ Данцигѣ 16-го апрѣля 1816. Говорили, что царь вошелъ съ этимъ новымъ союзникомъ въ соглашеніе насчетъ обмѣна княжествъ Шверинскаго и Гюстровскаго на что нибудь равноцѣнное изъ земель, завоеванныхъ Русскими. Но кто только зналъ Карла-Леопольда, тотъ не могъ повѣрить этому. Дворянство и городскія власти главныхъ городовъ въ его владѣніяхъ сопротивлялись его насиліямъ и отстаивали свои привиллегіи, рискуя имуществомъ и жизнію; почему онъ, даже и за корону, никому на свѣтѣ не уступилъ бы надежды подчинить ихъ своему игу. Бракъ этотъ, впрочемъ, и безъ всякой мѣны былъ желателенъ для обѣихъ сторонъ. Мнѣніе о варварствѣ русскихъ было до сихъ поръ причиною, что за царскихъ принцессъ не сватались. Теперь же царевна Екатерина соединялась бракомъ съ значительнымъ германскимъ владѣтельнымъ княземъ, земли котораго, по своему географическому положенію, могли въ добавокъ съ выгодою служить для пользъ Россіи; а для герцога царская дочь, приносившая въ приданое Висмаръ, было все, что онъ только могъ желать. Очень красивый собою, умный, храбрый, онъ могъ бы составить счастіе супруги, которая была того достойна. Но вышло совершенно наоборотъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ вынесши все, что можетъ вывести изъ терпѣнія всякую простую мѣщанку, она вынуждена была наконецъ удалиться съ принцессою, своею дочерью (бывшею впослѣдствіи правительницею Россіи) въ Петербургъ, гдѣ и умерла вдали отъ мужа. За немного лѣтъ до этого брака онъ, неизвѣстно по какой причинѣ, развелся съ прекрасной принцессой нассауской.

Надежды на пріобрѣтеніе Висмара, которыми льстилъ себя герцогъ, и на тѣ выгоды, какія представлялись царю для торговли его имперіи, не сбылись. Генералы датскихъ и ганноверскихъ войскъ, осаждавшихъ этотъ городъ, объявили комменданту, что теперь они готовы согласиться на честную для него капитуляцію, но что если онъ дождется соединенія съ ними русскихъ, которые уже въ походѣ, то гарнизонъ будетъ взятъ не иначе, какъ военноплѣннымъ, и оставленъ на произволъ новыхъ пришельцевъ. Вслѣд-

([33]) Знаменитымъ представителемъ Германскаго деспотизма.

ствіе такой угрозы Датчане, въ маѣ 1716 года, заняли Висмаръ, который и разрушили вмѣстѣ съ крѣпостью, считавшеюся неприступною со стороны такъ называенаго *Китоваго острова* (isle de Walfisch ou Baleine) который служилъ ключемъ къ порту, одному изъ лучшихъ по всему берегу.

Послѣ свиданія въ Данцигѣ съ королемъ прусскимъ царь отправился въ Гамбургъ, чтобъ имѣть тамъ третье, съ королемъ датскимъ. Поѣздка въ Пирмонтъ, гдѣ онъ пилъ минеральныя воды, дала ему возможность узнавать о томъ, что̀ происходило въ Ганноверѣ и Брауншвейгѣ. По прибытіи въ Мекленбургію, онъ дѣлалъ смотръ своимъ галерамъ, находившимся въ Ростокѣ, а потомъ изъ Любека отплылъ въ Копенгагенъ вмѣстѣ съ супругою, всегдашнею своею спутницею. Тамъ онъ увидѣлъ себя во главѣ четырехъ флотовъ, русскаго, датскаго, англійскаго и голландскаго, соединившихся для конвоированія купеческихъ кораблей изъ націй, и чувствовалъ себя славнѣе чѣмъ въ своей собственной столицѣ ([34]).

Ничто, казалось, не препятствовало теперь высадкѣ въ Сканію. Столько собранныхъ вмѣстѣ морскихъ и сухопутныхъ силъ ручались за успѣхъ, и Данія настоятельно требовала ея; но царь, прежде самъ такъ горячо торопившій эту экспедицію, теперь вдругъ уклоняется отъ нея и, подъ предлогами довольно слабыми, откладываетъ все дѣло до будущаго года. Пламенное желаніе укротить упрямаго героя Швеціи какъ бы остываетъ въ немъ. До него доходятъ слухи, будто союзники его подозрѣваютъ, что онъ замышляетъ разрывъ съ ними, а онъ отвѣчаетъ на это съ презрѣніемъ, что если они по совѣсти сознаю́тъ, что заслужили того, то будутъ знать что̀ дѣлать, чтобъ удержать его отъ разрыва.

Возвратившись въ Мекленбургію, гдѣ зимовали его войска, онъ увидѣлъ Бассевича (который, послѣ отъѣзда изъ Вѣны, жилъ, удаленный отъ дѣлъ, въ своихъ помѣстьяхъ въ ожиданіи перемѣны счастія) и спросилъ его, какимъ бы способомъ заставить повиноваться своему государю тѣхъ, которыхъ его величеству угодно было назвать мекленбургскими бунтовщиками? „Справедливостью и милосердіемъ", отвѣчалъ Бассевичъ, — „и „безъ помощи солдатъ, выгоняющихъ насъ „изъ нашихъ владѣній или тюрьмою и голо„домъ заставляющихъ подписывать такіе „акты, отъ которыхъ мы откажемся, какъ „скоро будемъ избавлены отъ присутствія „угрожающихъ штыковъ." Событія не замедлили доказать истину этихъ словъ. Государственныя сословія, съ 1523 года соединенныя ненарушимымъ договоромъ о взаимномъ поддержаніи своихъ правъ, обратились въ Вѣну съ жалобами, которыя выслушаны были тамъ благосклонно, и прибѣгли къ покровительству охранителей Нижне-Саксонскаго округа ([35]). Ганноверскій дворъ сильно вступился за нихъ. Неудовольствія, возникшія вслѣдствіе того между имъ и царемъ, слишкомъ извѣстны, чтобъ говорить объ нихъ.

1717. Во время пребыванія царя въ Голландіи открытъ былъ знаменитый заговоръ Гёрца и Гиллембурга ([36]) противъ

([34]) Это происходило 16 августа 1716 г. Подъ начальствомъ Петра было 800 кораблей. См. у Бюлау, т.IX, 1858 г., стр. 363, въ біографіи гр. Остермана, гдѣ есть подробности о томъ, какъ Датчане боялись Петра.

([35]) Въ то время нѣмецкія государства, входившія въ составъ Германской Имперіи, раздѣлялись на отдѣльныя группы или округи, которые имѣли своихъ выборныхъ охранителей и директоровъ изъ владѣтельныхъ князей. Мекленбургія, Шлезвигъ и Голштинія причислялись къ Нижне-Саксонскому округу.

([36]) Это тотъ самый Гиллембургъ, который можетъ быть всѣхъ раньше, еще въ Гамбургѣ, обратилъ вниманіе на геніальныя способности Екатерины II, тогда еще дитяти. Въ 1744 г онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, и по его совѣту великая княжна занялась философіею и чтеніемъ классическихъ писателей. Сама Екатерина при-

Георга I. Изъ писемъ, откуда заимствуются настоящія „Записки“, не видно ничего особеннаго объ этомъ дѣлѣ, кромѣ того, что царь, какъ кажется, изъ снисхожденія къ королю шведскому, хотя и смотрѣлъ сквозь пальцы на эту интригу, однакожь самъ ни въ чемъ не содѣйствовалъ ей, и что онъ отвергъ предложеніе о бракѣ его дочери съ претендентомъ ([37]) по собственному побужденію, прежде нежели тутъ могло послѣдовать вмѣшательство Гёрца. Министръ этотъ, возвратившись изъ вторичной поѣздки своей въ Парижъ въ февралѣ 1717 года, имѣлъ съ царемъ совѣщаніе въ Гаагѣ. Вскорѣ послѣ того его величество и самъ отправился во Францію; но супруга его, которую онъ представлялъ столькимъ королямъ, не сопутствовала ему туда. Говорятъ, онъ не хотѣлъ подвергать ее возможности какихъ нибудь оскорбленій, которыхъ опасался по причинѣ темнаго ея происхожденія зная щепетильность французовъ. Въ Парижѣ ему оказаны были великія почести. Разсказываютъ однакожь, что когда онъ отдавалъ визитъ королю, который встрѣтилъ его при выходѣ изъ кареты, онъ замѣтилъ какъ этому юному монарху подали знакъ, чтобъ вверхъ по лѣстницѣ идти съ правой стороны; а потому тотчасъ же схватилъ его на руки и донесъ до самаго верху, цѣлуя его и говоря какъ бы съ восторгомъ: „Какой славный маленькій король!“ Если все это правда, то находчивость его нельзя не назвать удивительною.

1718. Въ отсутствіе Петра Алексѣевича въ государственное управленіе Россіи вкралось множество злоупотребленій. По возвращеніи своемъ онъ дѣлаетъ преобразованія, производитъ слѣдствія, наказываетъ, но наказываетъ не всѣхъ: такъ онъ прощаетъ наприм. Меншикова и другихъ первокласныхъ вельможъ, которыхъ считаетъ нужными для поддержки своего намѣренія устранить отъ престолонаслѣдствованія непокорнаго сына. Смерть послѣдняго и казнь тысячи другихъ виновныхъ еще болѣе утвердили его самодержавную власть и дали ему возможность доказать, что никакое злоумышленіе не можетъ укрыться отъ его проницательности. Но милуя знатныхъ преступниковъ, осуждаемыхъ законами, и осыпая ихъ новыми почестями, онъ тѣмъ самымъ заставлялъ ихъ не забывать, что они всѣмъ обязаны ему, и потому привязывалъ ихъ къ себѣ болѣе, чѣмъ когда нибудь.

*

Нѣкоторыя духовныя лица, ([38]) приверженныя къ старинному варварству, съ нетерпѣніемъ ждали воцаренія Алексѣя, въ которомъ надѣялись увидѣть возстановителя прежняго порядка вещей. Къ числу этихъ лицъ принадлежалъ епископъ ростовскій Досиѳей. Онъ говорилъ, будто св. Димитрій повѣдалъ ему, что въ опредѣленное время царь умретъ и что отверженная супруга его Евдокія Ѳедоровна оставитъ Покровскій Суздальскій монастырь, гдѣ ее постригли въ монахини съ именемъ Елены, снова явится на престолѣ и будетъ царствовать вмѣстѣ

знавала его своимъ учителемъ и образователемъ. Упомянутый заговоръ имѣлъ цѣлью возвести на Англійскій престолъ такъ называемаго претендента т. е. Стюарта. П. Б.

([37]) Стюартомъ.

([38]) «Этотъ и слѣдующій параграфы суть краткія извлеченія изъ очень рѣдкой рукописи (можетъ быть той самой, о которой говоритъ *Веберъ*, если меня не обманываетъ память, и которой онъ тщетно искалъ). Она содержитъ въ себѣ протоколы суздальскаго слѣдствія и копіи съ писемъ царицы и епископа. Оберъ-камергеръ Берхгольцъ, вывезшій ее изъ Россіи, согласился дать мнѣ ее на нѣсколько дней.» *Примѣч. составителя „Записокъ“*. Читатели припомнятъ, что печатаемыя нами Записки суть собственно извлеченія изъ бумагъ Бассевича, о которомъ потому не рѣдко и говорится въ третьемъ лицѣ.

съ своимъ сыномъ. Евдокія, въ надеждѣ на непреложность этого предсказанія, снимаетъ съ себя монашеское одѣяніе, приказываетъ въ монастырѣ не поминать на торжественныхъ эктеніяхъ имени императрицы Екатерины и замѣняетъ его своимъ. Народъ видитъ ее въ царскомъ одѣяніи и со всѣми знаками царскаго величія; она грозитъ мщеніемъ Алексѣя всѣмъ, кто вздумалъ бы доносить о ея дѣйствіяхъ. Марემьяна, казначея монастыря, пытается представить ей всю опасность ея поведенія; но та отвѣчаетъ, что царь съумѣлъ же наказать стрѣльцовъ за оскорбленія, которыя потерпѣла отъ нихъ мать его, и что Алексѣй ужъ вышелъ изъ пеленокъ. Около 1710 года въ Суздалѣ является Степанъ Глѣбовъ, и ему, занятому наборомъ рекрутъ, пришлось пробыть тамъ два года. При помощи наперсницы царицыной, монахини Капитолины, онъ нашелъ случай сблизиться съ Евдокіею, которая, желая въ лицѣ его пріобрѣсть новаго приверженца сыну, увлеклась къ нему чувствомъ ужъ слишкомъ нѣжнымъ. Мало по малу въ монастырѣ и въ городѣ стали распространяться слухи о видѣніяхъ Досиѳея. Послѣдній осмѣлился даже употреблять во зло легковѣріе царевны Маріи Алексѣевны, сестры царя, и она присоединилась къ тѣмъ, которые съ нетерпѣніемъ ждали смерти ея брата и замышляли произвести переговоръ. Между тѣмъ срокъ, назначенный епископомъ, проходитъ, а царь все здоровъ и продолжаетъ царствовать. Евдокія спрашиваетъ, когда же исполнится пророчество святаго? Досиѳей отвѣчаетъ ей, что исполненію препятствуютъ грѣхи отца ея Ѳедора Абрамовича Лопухина. Легковѣрная царица ежегодно тратитъ всѣ скопляемыя ею деньги на совершеніе безчисленнаго множества заупокойныхъ обѣденъ, а епископъ увѣряетъ ее, — одинъ разъ, что голова покойнаго уже вышла изъ чистилища, другой — что онъ вышелъ по поясъ, и наконецъ, что ему остается только высвободить оттуда ноги.

Между тѣмъ какъ все это происходило, царь, начавъ розыскъ по дѣлу объ участникахъ въ бѣгствѣ и другихъ замыслахъ царевича Алексѣя, приказалъ произвести слѣдствіе и въ Суздалѣ. Тогда все открылось. Въ комнатахъ царевны Маріи Алексѣевны найдено было письмо Досиѳея весьма неприличнаго содержанія, а у Степана Глѣбова, арестованнаго въ Москвѣ, отобрано девять писемъ Евдокіи, написанныхъ совершенно во вкусѣ старинной московской нѣжности. Царица диктовала ихъ Капитолинѣ изъ опасенія быть узнанной, еслибъ съ посланнымъ случилась какая нибудь бѣда. Чтобъ показать народу, на сколько Екатерина была достойнѣе престола, чѣмъ эта слабая раба предразсудковъ и суевѣрія, царь повелѣлъ прочесть эти письма въ полномъ собраніи Сената вмѣстѣ съ признаніемъ Евдокіи, что они писаны отъ нея и что получавшій ихъ пользовался ея любовью. Нарушеніе обѣта монашества подвергало ее смертной казни. Но царь удовольствовался только переведеніемъ ея въ другой монастырь, а царевну Марію приказалъ заключить въ Шлюссельбургскую крѣпость ([39]).

*

Не мало труда стоило многимъ другимъ лицамъ, мечтавшимъ о возстановленіи старинныхъ обычаевъ подъ скипетромъ Алексѣя, отдѣлаться также счастливо. Этотъ роковой замыселъ былъ въ Россіи причиною множества казней. Чтобъ искоренить его навсегда, царь не щадилъ

([39]) Евдокія, какъ извѣстно, впослѣдствіи до самаго восшествія на престолъ Петра II содержалась также въ Шлюссельбургской крѣпости. Царевна же Марія Алексѣевна, кажется, находилась тамъ недолго, потому что скончалась въ 1723 году въ Петербургѣ. — Тутъ оканчивается эта вставка въ Записки Бассевича.

крови и разъ проколовши нарывъ, хотѣлъ не полумѣрами, а радикально излечить его Алексѣй, не смотря на его высокое рожденіе, долженъ былъ подвергнуться суду по всей строгости законовъ, суду, составленному изъ 120 слишкомъ членовъ духовныхъ и свѣтскихъ, и выслушать страшный приговоръ, присуждавшій его къ смертной казни за злоумышленіе противъ своего отца и государя. Когда его привели обратно въ темницу, съ нимъ сдѣлались ужасныя судороги, отъ которыхъ онъ черезъ нѣсколько дней и умеръ. Нѣкоторые подозрѣвали, что царь ускорилъ его смерть посредствомъ яда, другіе говорили, что царевичъ умеръ отъ слишкомъ сильнаго кровопусканія, къ которому прибѣгли какъ бы для оказанія ему помощи ([40]). Но если все дѣло было только въ томъ, чтобъ безъ шума избавиться отъ него, то для чего весь этотъ правильный процессъ? И безъ такой обстановки, возмутительной и опасной, могли бы прибѣгнуть къ тайному убійству. Достовѣрно, впрочемъ, что царь не желалъ смерти царевича, а хотѣлъ только опозорить его смертнымъ приговоромъ и тѣмъ устранить отъ наслѣдованія престола, уже назначеннаго младшему царевичу Петру, который родился отъ обожаемой имъ супруги и въ которомъ онъ надѣялся увидѣть наслѣдника своего генія.

Замѣчательно (и это дѣлаетъ много чести императрицѣ Екатеринѣ) что въ продолженіе всего этого дѣла, столь щекотливаго, на нее не пало ни малѣйшаго подозрѣнія ни въ смерти несчастнаго Алексѣя, ни даже въ желаніи возстановлять противъ него отца. Впослѣдствіи царь говорилъ герцогу голштинскому, въ присутствіи его министра Бассевича, что она желала, чтобъ его величество удовольствовался постриженіемъ царевича въ монахи безъ объявленія ему смертнаго приговора, потому что пятно это отразилось бы и на его дѣтяхъ, одному изъ которыхъ, по видимому, предстояло поддержать современемъ славу россійскаго престола, такъ какъ слабое сложеніе Петра Петровича не обѣщало долговѣчной жизни. ([41])

Недавно какой-то безъименный историкъ возвѣстилъ, что вся Россія была убѣждена, будто Алексѣй умеръ отъ яда, приготовленнаго рукою его мачихи. Между тѣмъ люди, много лѣтъ прожившіе въ Россіи, никогда ничего не слыхали объ этомъ. Петра Великаго не щадили подозрѣніями въ отравленіи сына; слѣдовательно, если умалчивалось о томъ, о чемъ повѣствуетъ нашъ авторъ, то это, конечно, не изъ снисходительности къ Екатеринѣ, а скорѣе вслѣдствіе убѣжденія, что она неспособна была къ подобной жестокости. Если ради короны для своего семейства она не убоялась преступленія, то почему не избавилась также и отъ молодаго царевича ([42]), котораго на виду всѣхъ воспитывала съ такимъ тщаніемъ и съ такою любовью, и котораго готовила себѣ въ наслѣдники? Да и осмѣлилась ли бы она отравить Алексѣя противъ воли царя и, такъ сказать, передъ его глазами? Нашъ историкъ увѣряетъ, что никто никогда не умиралъ отъ страха послѣ выслушанія смертнаго себѣ приговора. Можетъ быть; но несомнѣнно и то, что многіе умирали внезапно пораженные апоплексическими конвульсіями. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего невѣроятнаго, если и царевичъ Алексѣй, хотя и русскій ([43]), былъ пораженъ ими именно въ день объявленія ему смертнаго приго-

([40]) Царевичъ Алексѣй былъ обезглавленъ. См. Томъ III. моего „Магазина“, стр 224. *Примѣч. Бюшинга.* См. также предисловіе къ нашему Русскому переводу.

([41]) Не слѣдуетъ забывать, что Бассевичъ — другъ Менщикова и Екатерины.

([42]) Впослѣдствіи Петра II-го.

([43]) Любопытная черта, показывающая, до какой закоренѣлости простиралось предъубѣжденіе иностранцевъ противъ русскихъ! П. Б.

вора, а не въ другой какой нибудь; даже такія конвульсіи скорѣе могли случиться въ этотъ день, потому что извѣстіе о присужденіи къ смерти должно было подѣйствовать съ особенною силою на организмъ царевича, ослабленный развратною жизнью и несчастіемъ.

Ходъ всего этого процесса, столь необыкновеннаго, не помѣшалъ царю слѣдить съ полнымъ вниманіемъ за его союзнымъ трактатомъ съ Карломъ XII. Въ маѣ 1718 года конференціи открылись на островѣ Аландѣ между тайнымъ совѣтникомъ Остерманомъ и барономъ Гёрцомъ, которымъ помогали, первому — графъ Брюсъ, послѣднему — графъ Гиллембургъ. Карлъ любилъ свою старшую сестру особенно и былъ сердечно привязанъ къ ея супругу; Гёрцъ, не получавшій еще увольненія отъ герцога голштинскаго, былъ покамѣстъ въ его службѣ. Не смотря на все это, на конференціяхъ уполномоченные едва касались вопроса о возстановленіи правъ герцога голштинскаго, а о другихъ его интересахъ даже вовсе и не упоминами. За то тѣмъ съ бо̀льшимъ жаромъ шла рѣчь о возвращеніи короля Станислава (44), и чтобы привлечь на его сторону Россію, царю предложена была Мекленбургія: герцогъ Карлъ-Леопольдъ долженъ былъ получить въ замѣнъ ея Курляндію или часть герцогской Пруссіи (45); изъ нея выдѣлялся участокъ и Фридриху Вильгельму, если онъ приступитъ къ союзу, въ вознагражденіе за Штеттинъ, съ которымъ Карлъ не хотѣлъ разстаться. Для Станислава было бы весьма выгодно возвратиться на потерянный престолъ при помощи этихъ раздѣловъ, а Георга (46) заставили бы тѣмъ такъ заботиться о цѣлости его владѣній, что онъ охотно купилъ бы свою безопасность уступкой Бремена и Вердена. Швеція вознаградила бы себя въ Норвегіи за земли, уступленныя ею Россіи, и когда такимъ образомъ всякому будетъ назначена его доля, тогда заключить миръ.

Петръ Алексѣевичъ, слишкомъ осторожный, чтобъ увлечься такими предположеніями, сопряженными съ множествомъ затрудненій, не спѣшилъ заключеніемъ трактата. Онъ сдѣлалъ удовольствіе Карлу, освободивъ фельдмаршала графа Реншильда, бывшаго въ плѣну съ полтавскаго сраженія, а Карлъ, съ своей стороны, возвратилъ ему въ обмѣнъ двухъ его генераловъ, князя Трубецкаго и графа Головина (47). Прежніе союзники его начали громко и оскорбительно обнаруживать свои подозрѣнія на счетъ его добросовѣстности; онъ отвѣчалъ съ умѣренностью и предоставилъ имъ накоплять оскорбленія, которыя впослѣдствіи могли дать ему право на отмщеніе.

Столько великихъ замысловъ, встревожившихъ столько кабинетовъ и державшихъ столько армій въ выжидательномъ положеніи, было внезапно уничтожено пушечнымъ ядромъ, пущеннымъ на удачу изъ-за стѣнъ Фридрихсгалла. Оно поразило Карла XII въ ту минуту, когда онъ осматривалъ осадныя работы. Адъютантъ его Сикье, преданный принцу гессенскому, предложилъ тѣмъ, которые первые узнали объ этомъ несчастіи, не разглашать о немъ. Онъ взялъ шляпу короля, на котораго надѣлъ свою вмѣстѣ съ своимъ парикомъ, и отправился съ печальнымъ извѣстіемъ къ принцу. Принцъ тотчасъ же отослалъ его къ своей супругѣ, которая шляпу героя оставила у себя, а доставившаго ее щедро одарила.

(44) Лещинскаго.

(45) Нынѣшней провинціи Прусской (Provinz Preussen).

(46) Короля Англійскаго и курфюрста Ганноверскаго.

(47) Князя Ивана Юрьевича Трубецкаго (отца извѣстнаго Ивана Ивановича Бецкаго) и Автонома Михайловича Головина, а не графа Головина.

Справедливость, конечно, требовала, чтобы преданность его была вознаграждена; между тѣмъ клевета не замедлила распространить слухъ, что Сикье поставилъ себѣ въ обязанность убить короля для предупрежденія намѣренія его утвердить корону за герцогомъ голштинскимъ, и что представилъ шляпу какъ доказательство своей удачи. Толпа, всегда злая и легковѣрная, долго вѣрила этому черному обвиненію, не показывая притомъ ни малѣйшей ненависти ни къ принцессѣ, ни къ Сикье:—до такой степени тяжелый деспотизмъ Карла помрачалъ блескъ его героизма!

Герцогъ былъ въ лагерѣ. Въ продолженіе всей этой тяжелой кампаніи король, чтобъ пріучить его къ войнѣ, держалъ его постоянно при себѣ. Узнавъ о смерти дяди, молодой этотъ принцъ, убитый горестью, заперся въ своей палаткѣ. Напрасно тѣ изъ генераловъ, которые были преданы ему, старались добиться возможности говорить съ нимъ. Дюкеръ умолялъ фаворита его Рёнсдорфа уговорить принца явиться передъ арміею, и увѣрялъ, что заставитъ немедленно провозгласить его королемъ. Ренсдорфъ входилъ къ своему государю, но вышелъ отъ него съ отвѣтомъ, что онъ неутѣшенъ и не можетъ ни съ кѣмъ говорить. „Въ такомъ случаѣ", сказалъ Дюкеръ, „пусть будетъ, что̀ будетъ". Льстецы, которые всегда обманываютъ государей и ихъ любимцевъ, увѣрили Карла-Фридриха и Рёнсдорфа, что шведскій народъ обожаетъ потомка Густавовъ, рожденнаго и воспитаннаго среди его. Въ этой увѣренности, неопытный принцъ не предпринималъ ничего, думая, что гораздо болѣе возьметъ горестью о потерѣ героя, чѣмъ желаніемъ скорѣе завладѣть его престоломъ. Такое промедленіе было спасеніемъ для шведской свободы. Иначе какъ осмѣлилась бы она поднять голову противъ монархической власти, въ виду короля, провозглашеннаго арміею и уже вступившаго во всѣ права своего предшественника?

Гёрцъ, по приказанію сенаторовъ, былъ арестованъ на пути съ Аландскихъ островов къ осаждаемому Фридрихсгаллу, куда ѣхалъ для совѣщанія съ королемъ, ничего не зная о его смерти. Не успѣла вѣсть объ этомъ арестованіи распространиться по сю сторону Балтійскаго моря, какъ Бассевичъ уже отплылъ въ Стокгольмъ. Онъ былъ принятъ тамъ со всевозможною предупредительностью. При его появленіи прежняя нѣжность къ нему пробудилась опять въ герцогѣ, который принялъ его въ свою службу, а народъ, жаждавшій уликъ противъ Гёрца и желавшій его казни, напередъ началъ разсчитывать на поддержку, которой ждала его ненависть отъ обвиненій врага. Но ожиданія эти были напрасны. Слѣдственная коммиссія вотще убѣждала Бассевича свидѣтельствовать противъ его гонителя. Онъ отозвался, что, по причинѣ ихъ вражды и несчастія Гёрца, показанія его, Бассевича, были бы подозрительны и вовсе не великодушны, а потому ограничился только опроверженіемъ того, что̀ непримиримая ненависть или, можетъ быть, необходимость при оправдываніи самаго себя заставляли Гёрца говорить противъ него. По мнѣнію Бассевича, этотъ политикъ безъ убѣжденій заслуживалъ смерти въ Голштиніи, а не въ Швеціи, гдѣ, для поправленія дѣлъ, онъ вступилъ на истинный путь, начавъ переговоры съ царемъ. Когда Гёрцъ проходилъ на эшафотъ мимо дома, занимаемаго Бассевичемъ, послѣдній ушелъ въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ, чтобы не слышать насмѣшекъ, которыми чернь преслѣдовала несчастнаго барона, и запретилъ своимъ людямъ идти смотрѣть на казнь.

Такъ какъ изъ бумагъ, отобранныхъ у Гёрца при его арестованіи, недостаточно выяснились его сношенія съ царемъ,

то сенатъ хотѣлъ захватить и юстиціи-совѣтника Штамке, состоявшаго секретаремъ при Гёрцѣ и оставленнаго послѣднимъ на островѣ Аландѣ. Но Штамке, узнавъ объ этомъ, перешелъ на русскую территорію и обратился къ царю съ просьбою о принятіи его подъ свое покровительство. Монархъ не хотѣлъ потомъ выдать его на томъ основаніи, что онъ состоялъ на службѣ Голштиніи, а не Швеціи. Сенатъ, съ своей стороны, не захотѣлъ въ этомъ дѣлѣ прибѣгать къ посредничеству герцога, и Штамке такимъ образомъ спасъ свою свободу, сдѣлавшись впослѣдствіи орудіемъ первыхъ непосредственныхъ сношеній между герцогомъ голштинскимъ и его покровителемъ.

Шведы надѣялись наслаждаться плодами своей независимости лишь по мѣрѣ удаленія отъ пути, начертаннаго ихъ деспотическимъ государемъ. Если онъ предпочелъ сойдтись съ царемъ, съ исключеніемъ другихъ своихъ непріятелей, то они теперь рѣшились примириться со всѣми, за исключеніемъ одного царя и оставили безъ вниманія аландскіе переговоры, приходившіе уже почти къ концу, чтобы начать со всѣхъ сторонъ новые. Бассевичъ, изустно и письменно, представлялъ сенаторамъ и лицамъ наиболѣе вліятельнымъ, что такъ какъ о возстановленіи Станислава не было болѣе рѣчи, то союзъ съ Россіею не могъ уже встрѣтить никакихъ затрудненій, и что Польша и Пруссія сами собою не замедлили бы приступить къ нему; что у царя, сдѣлавшагося слишкомъ могущественнымъ, никогда не отнимутъ завоеванныхъ имъ земель; но что при помощи союза съ нимъ можно бы было избѣжать необходимости жертвовать германскими провинціями; что шведская свобода нашла бы въ немъ вѣрнаго союзника, тѣмъ болѣе, что для него столько же выгодно поддерживать ее, сколько для другихъ державъ стараться подчинять Швецію игу государя самовластнаго, болѣе способнаго, при помощи своей неограниченной власти, противустоять страшному московскому могуществу, возрастаніе котораго ихъ такъ безпокоитъ. Но всѣ эти основательные доводы не могли пересилить всеобщаго, повальнаго стремленія отрѣшиться вполнѣ отъ прошедшаго царствованія, и къ союзу съ Франціею и Англіею приступлено было тѣмъ съ бóльшею еще поспѣшностію, что опасались, чтобъ царь, въ союзѣ съ Швеціею, не употребилъ своего вліянія для возведенія на престолъ шведскій герцога голштинскаго. Молодаго принца этого считали проникнутымъ любовію къ деспотизму; наслѣдственное право его на корону шведскую казалось опаснымъ для свободы, а онъ, не смотря на всю свою проницательность, избалованный въ дѣтствѣ старою королевою Гедвигою Элеонорою и потомъ разными темными фаворитами, не умѣлъ снискать той популярности, которою принцъ и принцесса гессенскіе привязывали къ себѣ сердцà.

Препятствія, затруднявшія ему путь къ престолу, увеличивались со дня на день, и Бассевичъ, боясь, чтобъ герцога навсегда не удалили отъ короны, предложилъ ему присоединиться къ партіи принцессы, съ тѣмъ, чтобъ она объявлена была королевою, а онъ ея наслѣдникомъ. Неувѣренная еще насчетъ своей собственной участи и чувствуя свойственное государямъ нерасположеніе къ ограниченію ихъ власти, принцесса была не прочь отъ такой комбинаціи, которая бы поставила ея права внѣ зависимости отъ рѣшенія государственныхъ сословій. Но другіе министры герцога, Банніеръ и Фрицъ, полагали, что онъ вовсе еще не въ такой крайности, чтобъ отказываться отъ притязаній, на которыя имѣлъ законное право. Нѣкоторые изъ приверженцевъ свободы съ умысломъ поддерживали ихъ мнѣніе, чтобы только воспрепятство-

вать соединенію, которое грозило опасностью новой формѣ правленія. Тогда принцесса, поставленная въ необходимость на что нибудь рѣшиться, отдала свои права на судъ націи, была единодушно избрана и согласилась на всѣ условія; послѣ чего 4-го марта 1719 года государственныя сословія присягнули ей, а 28 го числа того же мѣсяца совершилось ея коронованіе. Она принесла съ собою на престолъ непримиримую ненависть къ своему племяннику. Съ самаго ранняго дѣтства онъ внушилъ ей отвращеніе къ себѣ за шалости, которыми осмѣливался досаждать ей и за которыя вдовствующая королева ([49]), въ восторгѣ отъ игривости его ума, вовсе не думала его наказывать. Его первенство при дворѣ передъ принцемъ гессенскимъ, до возведенія послѣдняго покойнымъ королемъ въ генералиссимусы, еще болѣе увеличивало ея непріязнь, дошедшую наконецъ до послѣднихъ предѣловъ вслѣдствіе тѣхъ сопротивленій герцога, которыя принудили ее пожертвовать верховными правами своего дома.

Узнавъ объ избраніи королевы, царь поспѣшилъ, черезъ посредство Штамке, крѣпко увѣрить герцога, что приметъ его сторону, если онъ согласится пріѣхать въ Петербургъ. Имѣть въ своихъ рукахъ наслѣдника Карла XII — казалось ему самымъ дѣйствительнымъ средствомъ устрашать Швецію и принудить ее къ заключенію такого мира и къ согласію на такія уступки, какія онъ только пожелаетъ. Бассевичъ былъ того же мнѣнія и сообщалъ по секрету о тайныхъ предложеніяхъ царя всѣмъ желавшимъ знать о нихъ, въ надеждѣ, что для отклоненія государя его отъ принятія ихъ, за нимъ утвердятъ по-крайней мѣрѣ несомнѣнное право наслѣдованія королевѣ и не откажутъ ему въ сильномъ вспомоществованіи для возвращенія его наслѣдственныхъ владѣній. Но свобода усилила самоувѣренность Шведовъ, — они уже болѣе не боялись царя, а идолъ всей націи, графъ Арведъ Горнъ, знавшій и руководившій герцога съ самаго ранняго его дѣтства, показывалъ видъ, что нехотя жертвуетъ своею къ нему дружбою долгу патріота, и потихоньку говорилъ своимъ друзьямъ, что Карлъ-Фридрихъ на престолѣ былъ бы вторымъ Эрикомъ XIV ([50]). Слова эти скоро стали повторяться толпою, которая вѣрила имъ; но люди болѣе здравомыслящіе заподозрили Горна въ желаніи очернить законнаго наслѣдника Вазы и тѣмъ облегчить себѣ путь къ коронѣ, которую хотѣлъ утвердить за своимъ родомъ. Королева съ удовольствіемъ видѣла, что всѣ оставляли герцога; она назначала скипетръ своему супругу. Дворъ и сенатъ пренебрегали Карломъ-Фридрихомъ. Его заставляли терпѣть нужду во всемъ, не выдавали слѣдовавшей ему доли изъ доходовъ съ аллодіальныхъ имѣній королевскаго дома, не исполняли условій, заключенныхъ съ голштинскими полками, бывшими на жалованьи у Швеціи. Королева склонила герцога признать ее, обѣщавъ ему, черезъ Арведа Горна, титулъ королевскаго высочества, дарованный еще покойнымъ королемъ отцу его; но не сдержала слова, отказалась отъ своего обѣщанія и украсила этимъ титуломъ принца гессенскаго. Столько оскорбленій не могъ вынести племянникъ Карла XII. Кромѣ того, онъ былъ склоненъ къ подозрительности (а управлявшій имъ Рёнсдорфъ, человѣкъ боязливый, указывалъ ему на опасности, будто-бы угрожавшія его особѣ), и потому рѣшился оставить Швецію. Его министры представляли ему единодушно, что необходимо выждать окончанія переговоровъ,

([49]) Эдвига Элеонора.

([50]) Эрихъ XIV, король Шведскій († 1577) знаменитый деспотъ.

начатыхъ черезъ посредство Франціи съ Англіею и Даніею, и что онъ долженъ продолжать тревожить королеву своимъ присутствіемъ, чтобъ заставить ее честно раздѣлаться съ нимъ, а именно доставить ему или его владѣнія, или приличное за нихъ вознагражденіе, и назначить достаточную пенсію на содержаніе его двора. Но медлительность пугала Рёнсдорфа, и герцогъ остался при своемъ намѣреніи. Онъ объявилъ, что уѣзжаетъ. Обрадовавшись случаю отдѣлаться отъ него, королева немедленно повелѣла снарядить небольшую эскадру, на которой предоставляла ему переправиться куда угодно. Оберъ-церемоніймейстеръ Функъ сопровождалъ его и по порученію сената платилъ за всѣ путевыя издержки до самаго прибытія ихъ въ Германію. Герцогъ вышелъ на берегъ въ Ростокѣ 4-го іюня. Изъ его министровъ послѣдовалъ за нимъ только Бассевичъ; оба другіе, какъ шведы ([51]), просили, для заботы о его же интересахъ, оставить ихъ въ Стокгольмѣ; но въ сущности они только искали этимъ путемъ уклониться отъ тяжелой обязанности поддерживать въ иностранныхъ земляхъ достоинство государя безъ владѣній, безъ денегъ, безъ союзниковъ, и имѣть постоянно дѣло съ фаворитомъ, усерднымъ, но не далекимъ и робкимъ, какимъ былъ Рёнсдорфъ. Отдохнувъ, послѣ морскаго путешествія, нѣсколько дней въ Дальвицѣ, замкѣ, принадлежащемъ каммергеру Бассевичу, брату его министра, молодой герцогъ отправился покамѣстъ въ Гамбургъ, гдѣ онъ могъ быть вблизи отъ своего семейства ([52]), своихъ владѣній и отъ тѣхъ дворовъ, съ которыми ему предстояло вести переговоры относительно возстановленія его наслѣдственныхъ правъ на эти владѣнія. Тамъ онъ принялъ титулъ королевскаго высочества, который имѣлъ еще отецъ его, и о которомъ бо́льшая часть сосѣднихъ державъ не спорила, не смотря на возраженія Швеціи, Даніи и даже Англіи ([53]).

Между тѣмъ какъ внукъ Карла XI добровольно покидалъ королевство своихъ предковъ, великій царь горько оплакивалъ потерю своего сына Петра Петровича, котораго назначалъ себѣ въ наслѣдники; но, оставаясь вѣрнымъ обширнымъ планамъ для упроченія величія и славы Россіи, онъ въ то же время изгонялъ изъ своихъ владѣній іезуитовъ, заподозрѣнныхъ въ хитрыхъ проискахъ, клонившихся къ водворенію духовной власти (суприматіи) папы въ замѣнъ власти московскаго патріарха, уничтоженной уже много лѣтъ передъ тѣмъ. Князь Куракинъ, во время своего посольства въ Римъ въ 1707 году, намекнулъ на возможность такой попытки, но это только для того, чтобы отклонить Климента отъ признанія Станислава (Лещинскаго) королемъ польскимъ. Петръ Алексѣевичъ не хотѣлъ признавать главою своей

([51]) Вышеупомянутые Банніеръ и Фрицъ.

([52]) Собственно говоря, семейства у Карла Фридриха не было, такъ какъ онъ былъ круглымъ сиротою, не имѣлъ ни братьевъ, ни сестеръ. Но у дяди его, епископа-регента, Христіана Августа, было нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ коихъ одинъ сынъ Фридрихъ-Адольфъ впослѣдствіи возведенъ былъ ими. Елизаветою Петровною на Шведскій престолъ, а дочь, Анна-Елизавета была матерью Екатерины II. Такимъ образомъ отецъ Петра III и мать Екатерины II были между собою двоюродными. Мы надѣемся со временемъ изложить точнѣе родство и первоначальныя судьбы великой государыни. *П. Б.*

([53]) „Я чувствую, что въ настоящихъ Запискахъ слишкомъ много говорится о герцогѣ голштинскомъ; но подробности эти бросаютъ новый свѣтъ на глубокую политику царя, который такъ искусно воспользовался надеждами, притязаніями и бѣдствіями этого молодаго принца для подготовки себѣ славнаго мира съ Швеціею, подписаннаго въ Ништатѣ; — мира, могущаго показаться изумительнымъ всякому, кому неизвѣстно, какое вліяніе имѣло на заключеніе его пребываніе герцога въ Петербургѣ". *Примѣч. составителя „Записокъ"*.

церкви никого кромѣ самого себя. Отважиться на такое предпріятіе и съумѣть привести его въ исполненіе было конечно дѣломъ весьма не легкимъ и требовавшимъ большой смѣлости. Почести, оказываемыя въ прежнія времена патріарху, доходили почти до обожанія. Ежегодно, въ память вшествія Мессіи въ Іерусалимъ, онъ въ сопровожденіи всего духовенства торжественно проѣзжалъ по улицамъ Москвы на богато убранной лошади, смиренно ведомой самимъ царемъ, который передъ тѣмъ держалъ и стремя, когда патріархъ садился на нее.

Русскіе, еще грубые, способны были поддаваться внѣшнимъ впечатлѣніямъ гораздо болѣе, чѣмъ вліянію разсудка. Зная это, царь старался дѣлать смѣшнымъ то, къ чему хотѣлъ ослабить привязанность и уваженіе. По кончинѣ послѣдняго патріарха, онъ создалъ потѣшнаго патріарха, который, по вторникамъ на первой недѣли поста, обязанъ былъ съ своею свитою разъѣзжать, въ шутовской процессіи, верхомъ на волахъ и ослахъ, или сидя въ саняхъ, запряженныхъ медвѣдями, свиньями и козлàми, нарочно для того приспособленными. Патріарху этому онъ придалъ титулъ князя-папы и назначилъ штатъ изъ двѣнадцати пьяницъ-дворянъ, которыхъ называли кардиналами. Эта новая коллегія получила особый забавный статутъ, гдѣ прежде всего требовалось, чтобы никто изъ ея членовъ не ложился спать не напившись пьянымъ. Такимъ образомъ эксцентричность поведенія князя папы и всей его обстановки, выставляемая при всякаго рода празднествахъ на показъ народу, доставляя послѣднему случай позабавиться, пріучала его вмѣстѣ съ тѣмъ и соединять съ презрѣніемъ къ грязному разгулу презрѣніе къ предразсудкамъ. Чтобы не пострадали достоинство и священныя права религіи, царь не ограничился тѣмъ, что провозгласилъ себя верховнымъ главою церкви и въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполнялъ обязанности, сопряженныя съ этимъ саномъ: онъ уважалъ и обряды своего вѣроисповѣданія. Такъ напр. онъ обыкновенно становился передъ олтаремъ, съ непокрытою головою, въ ряды пѣвчихъ; даже часто, обладая сильнымъ голосомъ и вѣрнымъ слухомъ, самъ принималъ на себя управленіе ихъ хоромъ. Распоряженіе, сдѣланное имъ въ то же время о переводѣ Библіи на русскій языкъ, окончательно убѣдило, что онъ никогда не думалъ касаться самой религіи, а имѣлъ въ виду только чрезмѣрность богатства и власти духовенства, которое злоупотребляло какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ онъ оказывалъ даже нѣчто въ родѣ уваженія къ духовной юрисдикціи. Такъ, по его указу, приговоръ надъ епископомъ Досифеемъ состоялся тогда только, когда Синодъ лишилъ его духовнаго сана и отдалъ въ руки свѣтскаго правосудія подъ именемъ Демида.

Такъ какъ миръ съ Швеціею долженъ былъ опредѣлить форму и значеніе русской монархіи въ Европѣ, то царь съ удвоенными усиліями приступилъ къ вооруженіямъ и переговорамъ, чтобы какимъ-бы то ни было образомъ добиться такого именно мира, какого онъ желалъ. Онъ постоянно, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ этомъ государствѣ. Между тѣмъ какъ Лефортъ ([54]) отправлялся въ Стокгольмъ для поздравленія королевы съ восшествіемъ на престолъ, къ герцогу, ея племяннику, послано письмо, которое дошло до него въ Ростокѣ и заключало въ себѣ самое лестное приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ могъ бы найти поддержку и всѣ необходимыя удобства до тѣхъ поръ, пока Небо не воздастъ долж-

---

([54]) Генералъ-маіоръ Петръ Лефортъ, племянникъ знаменитаго Франца Яковлевича.

наго ему по правамъ его высокаго рожденія. Всѣ знали уже, что царь думалъ нанести окончательный ударъ Швеціи. Герцогъ боялся, чтобъ его интересы не послужили предлогомъ для готовившихся военныхъ дѣйствій и чтобъ его не заставили идти противъ отечества, которое онъ все-таки любилъ, не смотря на свои неудовольствія. Епископъ, его дядя, выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Бойценбургъ (по дорогѣ въ Гамбургъ) и умолялъ его не ѣздить въ Россію, страну варварскую неуважающую иностранцевъ, гдѣ однажны постигла уже плачевная участь одного изъ принцевъ Голштинскихъ ([55]). Однакожь предложенія царя могли со временемъ имѣть большую цѣну. Потому герцогъ, по тщательномъ совѣщаніи съ своимъ министромъ, отвѣчалъ его царскому величеству, «что чувстви-«тельный къ его милостямъ, онъ принима-«етъ съ благодарностію предложеніе его «высокаго покровительства и не преминетъ «со временемъ лично явиться для выра-«женія своей признательности у подно-«жія царскаго престола; но что, въ каче-«ствѣ имперскаго князя, ему необходимо «предварительно испросить согласіе на «то главы Имперіи и обратиться къ окру-«гу (нижне-саксонскому) за помощью «для возвращенія своихъ наслѣдствен-«ныхъ земель». Штамке получилъ приказаніе хлопотать о положительной деклараціи касательно того, чтò сдѣлаетъ царь для его королевскаго высочества, если послѣдній отдастъ свою участь въ его руки; но не могъ добиться ничего, кромѣ неопредѣленныхъ увѣреній въ томъ, что царь дружески и отечески будетъ заботиться объ интересахъ герцога. Благоразумный монархъ не хотѣлъ связывать себѣ руки, чтобы имѣть возможность дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

Шведскій генералъ Койетъ осмѣлился провести тайнаго совѣтника Остермана съ Аланда въ Стокгольмъ, не имѣвъ на то ни повелѣнія, ни согласія королевы. Министру этому поручено было предложить условія мира, далеко не столь тяжелыя, какъ тѣ, которыя сдѣланы были Швеціи черезъ два года послѣ того. Они не были приняты, и Койетъ за свою смѣлость навлекъ на себя ненависть двора, отъ которой впослѣдствіи претерпѣлъ много непріятностей. Тогда царь увидѣлъ, что осталось только одно средство — навести ужасъ на Сенатъ, и выступилъ въ море съ флотомъ, состоявшимъ изъ тридцати военныхъ кораблей, между тѣмъ какъ его великій адмиралъ Апраксинъ употребилъ 130 галеръ и 100 танспортныхъ судовъ для ужасной высадки, причинившей ущерба болѣе чѣмъ на двѣнадцать милліоновъ талеровъ. Объятые ужасомъ, Шведы уже готовы были купить миръ уступкою Эстоніи и Ингріи съ Ревелемъ и Нарвою; но въ это время сильная англійская эскарда подъ предводительствомъ адмирала Норриса явилась въ Балтійскомъ морѣ, и царь, не желая вступать въ борьбу съ учителями морскаго дѣла и рисковать славою своихъ едва установившихся морскихъ силъ, отдалъ приказаніе своему флоту возвратиться въ гавани.

Жестокости, какими сопровождалась эта высадка, страшно раздражили Шведовъ противъ царя и послужили къ тому, что аландскіе переговоры были совершенно прерваны. Министры и друзья герцога въ Швеціи начали представлять ему, что если онъ не хочетъ навсегда возбудить къ себѣ ненависть и самъ отдать корону принцу гессенскому, онъ долженъ избѣгать всякаго общенія съ Россіею и привязаться къ Англіи, соединеніе которой съ императоромъ и съ Франціею называлось въ то время великимъ союзомъ (la grande alliance). Истинный шведъ сердцемъ и душою, герцогъ поэтому немед-

([55]) При Борисѣ Годуновѣ (?).

ленно отозвалъ Штамке изъ С.-Петербурга и рѣшился ѣхать въ Вѣну.

1720. Когда онъ остановился на нѣсколько времени въ Ганноверѣ, гдѣ находился тогда король Георгъ, министерство курфирста совѣтовало ему возобновить въ Стокгольмѣ свои дѣйствія относительно престолонаслѣдованія, дабы его британское величество могъ поддержать ихъ и поставить послѣднее въ число условій мира. Но далеко не допуская объ этомъ никакой рѣчи, шведскій дворъ ставилъ еще въ преступленіе герцогу, что онъ принялъ титулъ королевскаго высочества безъ согласія Швеціи, и въ то же время, убаюкивая его надеждою вознагражденія за потерю дружбы царя, а именно увѣреніемъ не заключать никакого мира безъ возвращенія ему правъ на его герцогскія земли, подписалъ предварительныя условія съ Англіею и Пруссіею, гдѣ ни однимъ словомъ не было упомянуто о его лицѣ, а въ Копенгагенѣ только ради приличія заявилъ холодное предстательство за племянника королевы.

Надобно было прикрыть какъ нибудь столько жестокостей, и потому умышленно постарались распустить ложный слухъ о какихъ-то тайныхъ, вредныхъ для Швеціи сношеніяхъ между царемъ и герцогомъ. Виновникомъ ихъ называли Бассевича, имѣя въ виду лишить его уваженія націи и ослабить вліяніе тѣхъ внушеній, которыя онъ могъ дѣлать на предстоявшемъ сеймѣ. Министръ этотъ уговорилъ своего государя назначить бригадира Ранцау въ качествѣ чрезвычайнаго посланника при королевѣ и государственныхъ сословіяхъ Швеціи. Ему преимущественно вмѣнялось въ обязанность стараться изгладить столько невыгодныхъ для герцога впечатлѣній; но не успѣлъ онъ явиться, какъ королева приказала объявить ему, чтобъ онъ передалъ присланныя на ея имя депеши сенатору Кронгіельму, а съ остальными въ 24 часа выѣхалъ изъ ея владѣній. Сенаторъ, расположенный къ герцогу, оказываетъ кое какія вѣжливости посланнику; ему запрещаютъ входъ въ сенатъ и канцелярію впредь до повелѣнія. Ранцау, чтобъ умилостивить королеву, изъявляетъ готовность титуловать своего государя такъ, какъ ей угодно будетъ предписать ему, и не говорить ни слова о наслѣдованіи престола; тѣмъ не менѣе приказъ о его отъѣздѣ возобновляется. Такое нарушеніе правъ публичнаго сана встревоживаетъ иностранныхъ министровъ; но имъ говорятъ, что все это дѣло ничто иное какъ домашняя размолвка между королевою и ея племянникомъ, и въ то же время во всѣ портовые города королевства посылаются секретныя предписанія не впускать туда никакихъ эмиссаровъ герцога голштинскаго, который будто бы только и ищетъ какъ бы производить смятенія во время сейма.

Имѣя такимъ образомъ возможность дать полную свободу своему враждебному чувству, королева путемъ частныхъ переговоровъ поручила передать лорду Картерету ([56]), что для уступки Бремена и Вердена необходимо отказаться отъ интересовъ ея ненавистнаго племянника. Англичанамъ и Датчанамъ только это и было нужно. Правда, великодушіе короля Георга и доброе расположеніе Ганноверцевъ противились нѣсколько времени такому предложенію; но скоро политическія соображенія взяли верхъ надъ справедливостью и чувствомъ. Великобританія гарантировала Даніи Шлезвигъ въ 1715 году, и цѣною этаго были Бременъ и Верденъ. Датчане, задѣтые за живое, могли возвратиться къ дружбѣ страшнаго царя, которому Лондонъ хотѣлъ воспретить всякое господство на Балтійскомъ морѣ, дабы тѣмъ вѣрнѣе присвоить его себѣ. Такимъ образомъ

([56]) Англійскому посланнику въ Стокгольмѣ.

Англія, въ соединеніи съ Франціею, сдѣлалась посредницею мирнаго договора между Швеціею и Даніею, всѣ выгоды котораго были на стороны послѣдней.

Наслѣдникъ Вазы отправился къ королю прусскому. Министерство ганноверское долго отклоняло его отъ этого, подозрѣвая, что король все еще питаетъ нѣкоторое тайное расположеніе къ царю. Встрѣтивъ здѣсь герцога съ необыкновенными почестями и нѣжностію, его склонили къ принятію плана соглашенія, по которому принцъ гессенскій ([57]) долженствовалъ короноваться королемъ, а онъ, герцогъ, назначиться его наслѣдникомъ. Лордъ Картеретъ получилъ приказаніе отъ своего двора стараться склонить и принца въ пользу такого предположенія, представляя ему, что это было бы единственнымъ средствомъ добиться отъ герцога формальнаго отреченія отъ Шлезвига, возвести принца безъ неудовольствій на престолъ и расширить слишкомъ стѣсненную новыми законами королевскую власть, дабы Швеція могла съ успѣхомъ содѣйствовать къ ослабленію царя и оградить себя отъ неудобствъ въ случаяхъ, требующихъ тайны или быстроты дѣйствія. Предложеніе значительной суммы денегъ было присоединено къ этимъ доводамъ. Но герцогъ не поддался имъ, желая сохранить надежду передать скипетръ своимъ наслѣдникамъ.

Въ Вѣнѣ герцогъ былъ принятъ какъ королевскій принцъ. Императоръ взялъ его сторону и какъ глава Имперіи, и какъ охранитель мира Травендальскаго. Онъ отправилъ декретъ объ увѣщаніи къ королю датскому относительно возстановленія Голштиніи и декретъ объ экзекуціи къ деректорамъ нижне-саксонскаго округа.

Англійское министерство отправило въ Вѣну лорда Кадогана для склоненія его къ отмѣнѣ экзекуціи и къ принятію гарантіи Шлезвига въ пользу Даніи. Но далеко не соглашаясь на это, императоръ принялъ протестацію герцога противъ уступки и инвеституры, въ ущербъ ему, шведскихъ провинцій въ Германіи. Принцъ этотъ называлъ себя въ ней наслѣдникомъ королевы Христины, въ пользу которой, а равно и наслѣдниковъ ея, они уступлены были по Вестфальскому миру столько же, сколько и въ пользу короны Шведской. Такимъ образомъ Кадоганъ не имѣлъ успѣха; но въ замѣнъ того лорду Стенгопу въ Парижѣ удалось добиться отъ регента обѣщанія приступить къ жестокой гарантіи.

Сеймъ въ Стокгольмѣ былъ изъ самыхъ бурныхъ. Королева, поддерживаемая англійскою партіею и французскимъ резидентомъ г. Кампредономъ, требовала передачи короны своему супругу; сторонники дома готторпскаго хлопотали, чтобы требованіе это прошло не иначе какъ подъ условіемъ обезпеченія права наслѣдованія законному наслѣднику; а ревнители свободы отвергали и передачу и наслѣдованіе. По ихъ мнѣнію, королева должна была царствовать, потому что ее избрали; а послѣ ея смерти, говорили они, пусть будетъ избранъ тотъ, кого признаютъ способнымъ сдѣлать отечество счастливымъ. Среди этихъ несогласій королева узнала изъ письма отъ своего племянника, что царь предлагаетъ ратификацію штеттинскаго договора, заключеннаго княземъ Меньшиковымъ въ 1713 году и требующаго гарантіи въ возстановленіи Шлезвига. Герцогъ присовокуплялъ, что ему было бы пріятно быть обязаннымъ за эти выгоды только милостямъ королевы и доброму расположенію шведской націи, но что если и та и другая, при переговорахъ съ Даніею, забудутъ объ его интересахъ, онъ, не будучи въ состояніи жить лишенный своихъ владѣній, найдется вынужденнымъ при-

([57]) Супругъ королевы шведской.

бѣгнуть къ помощи упомянутой гарантіи. Королева смягчилась и спѣшила увѣрить его, что съ Даніею не будетъ заключено мира безъ признанія его возстановленія.

Принцу гессенскому, стремившемуся къ пріобрѣтенію короны, хотѣлось расположить въ свою пользу царя. Вдовствующая герцогиня мекленбургская, его сестра, очень уважаемая семействомъ ея супруга, сильно старалась употребить для этого вліяніе правительствующаго герцога (мекленбургскаго), своего деверя. Извѣщенный о положеніи дѣлъ въ Стокгольмѣ, царь поручилъ передать герцогу: что принцъ, стоя уже на послѣдней ступени трона, можетъ возсѣсть на него и не нуждаясь въ его мнѣніи; но что если онъ считаетъ его полезнымъ для упроченія за собою престола, то изъ этого можетъ образоваться одно изъ условій хорошаго мирнаго договора. Такой двусмысленный отвѣтъ усилилъ подозрѣніе, что царь замышляетъ отдать шведскій скипетръ въ руки герцога голштинскаго.

И онъ дѣйствительно имѣлъ эту мысль. Для приведенія ея въ исполненіе недоставало только бо̀льшей готовности со стороны герцога подчиниться безусловно его руководству. Ему наскучила наконецъ война; онъ видѣлъ родъ заговора въ стремленіи всѣхъ своихъ прежнихъ союзниковъ вознаграждать Швецію на его счетъ; наскучили и ея снисхожденія къ нимъ. Другой король ввелъ бы другую систему; а Бассевичъ, совѣтами котораго руководился герцогъ, всегда имѣлъ въ виду одно—соединить Россію и Швецію самымъ тѣснымъ союзомъ. Поэтому за предложеніемъ гарантіи о возстановленіи, заявленнымъ королевѣ, послѣдовали вскорѣ предложенія болѣе существенныя, которыя держались въ тайнѣ. Они переданы были герцогу генераломъ Вейсбахомъ, русскимъ министромъ въ Вѣнѣ, и состояли въ слѣдующемъ: его королевское высочество безъ промедленія пріѣдетъ въ Россію и отдастъ свою участь въ руки царя; онъ сочетается бракомъ съ одною изъ царевенъ; царь не заключитъ мира безъ дѣйствительнаго возстановленія Шлезвига и Голштиніи и уступитъ герцогу, какъ скоро онъ прибудетъ въ С. Петербургъ, Ливонію и Эстонію, созвавъ въ то же время сословія обѣихъ провинцій и предложивъ имъ избрать его своимъ государемъ. Шведы горѣли желаніемъ снова присоединить эти области къ своей коронѣ, а потому обезпеченіемъ для герцога ихъ обладанія ему открывался вѣрный путь къ престолу (шведскому). Но нужно непремѣнно, чтобы все это приведено было въ исполненіе, пока шведскій сеймъ еще не распущенъ и пока короны не присудили принцу гессенскому. Вейсбахъ не переставалъ упрашивать герцога ѣхать, и еслибъ ему удалось склонить его къ этому, — очень вѣроятно, что царь исполнилъ бы все, что̀ обѣщалъ, въ надеждѣ видѣть дочь свою королевой и имѣть въ Швеціи короля-союзника, съ помощію котораго онъ могъ бы отмстить Даніи, его оставлявшей, и сломить надменность Англіи, присвоивавшей себѣ господство на Сѣверѣ и стремившейся къ ослабленію русскаго могущества въ Европѣ, особенно же на Балтійскомъ морѣ (какъ вскорѣ послѣ того доказали статьи 11-я и 17-я ея трактата съ Швеціею, подписаннаго въ Стокгольмѣ 21 января 1720 года).

Все благопріятствовало мѣрамъ царя, принятымъ для сближенія съ герцогомъ. Король Прусскій былъ расположенъ содѣйствовать ему за пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ частныхъ для себя выгодъ, весьма неважныхъ для Россіи; императоръ, заключившій миръ съ Испаніею и избавленный отъ необходимости щадить Англичанъ, склонялся къ заявленію своего императорскаго авторитета въ голштин-

скомъ дѣлѣ; а Саксонія готова была принять на себя, вмѣсто Ганновера, экзекуцію противъ Даніи за извѣстное денежное вознагражденіе и за обѣщаніе, что дворы Вѣнскій и С. Петербургскій поддержатъ въ свое время виды курфюрста на Польскій престолъ.

Къ несчастію для герцога, въ министерствѣ его не было согласія. Бассевичъ, по пріѣздѣ въ Германію, прежде всего взялъ себѣ въ товарищи Альфельда, голштинскаго дворянина, человѣка умнаго и образованнаго, бывшаго каммергера при матери герцога, и оставилъ его въ Гамбургѣ, дабы онъ могъ не терять изъ виду сѣверныхъ дворовъ, Брауншвейгскаго конгресса и соглашеній относительно возстановленія, которыхъ ожидали. Англичане съумѣли убѣдить его, что для его государя нѣтъ другаго спасенія кромѣ совершенной покорности ихъ волѣ. Шведы, хлопотавшіе о разрывѣ рождающейся связи съ царемъ, и оба тайные совѣтника герцога въ Стокгольмѣ, оскорбленные тѣмъ, что имъ предпочитаютъ Бассевича, старались общими силами возстановить Альфельда противъ его друга и благодѣтеля. Одушевленный ошибочнымъ усердіемъ, онъ прямо написалъ къ герцогу: что Бассевичъ за свое пристрастіе къ царю сдѣлался ненавистнымъ Швеціи и Великобританіи, отъ которыхъ только и зависитъ счастіе его королевскаго высочества; что онъ, Альфельдъ, съ прискорбіемъ даетъ совѣтъ удалить его отъ дѣлъ; но что это необходимое зло, и что онъ на столько полагается на добросовѣстность Бассевича, чтобъ надѣяться, что тотъ самъ согласится съ нимъ. Знакомый очень хорошо съ частыми увѣреніями, съ которыми Бассевичъ обращался къ дворамъ Парижскому, Лондонскому и Стокгольмскому, что съ Россіею не будетъ заключено никакого обязательства, если они обѣщаютъ не постановлять между собою ничего такого, что́ лишало бы его королевское высочество его наслѣдственныхъ владѣній и его надеждъ, а также зная и двусмысленность отвѣтовъ этихъ дворовъ, онъ все таки полагалъ, что Швеція должна была покамѣсть щадить Англію, а эта послѣдняя Данію, но что пользуясь искусно ихъ благоволеніемъ и сдѣлавъ имъ удовольствіе удаленіемъ подозрительнаго министра, ихъ мало по малу удалось бы привести къ желаемой цѣли.— Герцогу слѣдовало избрать одно изъ двухъ: или положиться на умъ и рѣшительность Бассевича, который несомнѣнно привелъ бы его въ С. Петербургъ въ такое время, когда царь хотѣлъ отважиться на все для предупрежденія тѣхъ событій, какія потомъ совершились, или устранить его совершенно и схватиться за нить, которую предлагала ему осторожность Альфельда для выхода изъ лабиринта. Но по снисходительности своей и молодости онъ выбралъ средину, которая не вела его ни къ чему. Убѣжденный, что Бассевичъ, когда-то столь уважаемый въ Швеціи, возбуждаетъ тамъ неудовольствіе лишь своимъ усердіемъ къ поддержанію величія своего государя, онъ оставилъ его при себѣ и уволилъ Альфельда. Съ другой стороны, чтобъ отнять у Шведовъ всякій видимый предлогъ къ предпочтенію ему принца Гессенскаго, онъ отказался отъ поѣздки въ С. Петербургъ, а чтобъ въ то же время не сдѣлать непріятнаго царю, который оставался его послѣднимъ прибѣжищемъ, онъ отправилъ къ нему Штамке и Негелейна, снабженныхъ инструкціями—ознакомиться съ его намѣреніями, вести переговоры, но ни на чемъ не останавливаться окончательно.

Это посольство встревожило дворы Французскій и Шведскій. Оба они, желая отклонить герцога отъ формальнаго союза съ царемъ, поспѣшили обнадежить его, что съ своей стороны не упустятъ ниче-

го для доставленія ему обладанія Шлезвигомъ. Вскорѣ послѣ того принцъ Гессенскій очень обязательно извѣстилъ его о своемъ восшествіи на престолъ и пересталъ спѣшить готовымъ уже состояться актомъ объ отказѣ герцогу въ требованіи о признаніи его наслѣдникомъ королевы. Государственныя сословія, для поддержанія его надеждъ, отложили разсмотрѣніе этого дѣла до будущаго сейма, подъ тѣмъ предлогомъ, что настоящій приходитъ уже къ концу и что по случаю совершившагося избранія короля обстоятельства не соотвѣтствуютъ болѣе упомянутому требованію, для котораго необходимы уже другія основанія.

Между тѣмъ англійскій флотъ явился для прикрытія береговъ Швеціи. О назначеніи его заявлено было русскому двору только слѣдующимъ письмомъ лорда Стенгопа ([58]) къ царскому резиденту въ Лондонѣ, Веселовскому ([59]):

«Милостивый государь! Королю, моему «государю, угодно было повелѣть своему «адмиралу кавалеру Норрису отправиться «безъ промедленія въ Балтійское море съ «эскадрою военныхъ кораблей, которые, «въ качествѣ вспомогательныхъ коронѣ «шведской, на основаніи послѣдняго трак«тата, заключеннаго съ нею, имѣютъ при«соединиться къ ея морскимъ силамъ для «прикрытія ея владѣній и для споспѣше«ствованія заключенію справедливаго «мира между этою короною и его цар«скимъ величествомъ; а потому я имѣю «повелѣніе сообщить вамъ о вышеозна«ченныхъ распоряженіяхъ и повторить «отъ имени короля, моего государя, пред«ложеніе его посредничества и услугъ «для ускоренія мира, столь необходимаго «обѣимъ сторонамъ и столь желательна«го для всѣхъ націй, заинтересованныхъ «торговлею на моряхъ Сѣвера. Я прошу «васъ, милостивый государь, донести о «всемъ вышеписанномъ двору вашему. «Честь имѣю, и пр. Стенгопъ».

Это высокомѣрное посредничество не было принято въ С.-Петербургѣ, и тѣмъ рѣшительнѣе тамъ стали готовиться къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ, что Швеція намѣревалась отнять все завоеванное царемъ. Она не боялась болѣе внутреннихъ несогласій, еслибъ даже герцогъ Голштинскій сталъ во главѣ русской арміи. Франція, союзница дома Гессенскаго, вручила новому королю должныя Швеціи субсидіи и обѣщала уплачивать ихъ впредь въ опредѣленные сроки. Соглашеніе съ Пруссіею было покончено; формальный трактатъ съ Даніею ожидалъ только подписанія. Король Датскій отказывался въ немъ отъ всѣхъ обязательствъ по договору съ царемъ, а король Шведскій — отъ обязательствъ по союзу съ домомъ Готторпскимъ. Вотъ подлинныя слова статьи 6-й этого трактата:

«Равнымъ образомъ, такъ какъ его «свѣтлость герцогъ Шлезвигъ-Голштин«скій былъ вовлеченъ въ сѣверную вой«ну, и такъ какъ тѣсный кровный союзъ, «существующій между его свѣтлостью и «короною Шведскою, могъ бы показаться «препятствіемъ къ рѣшенію того, что̀ ка«сается герцогства Шлезвигскаго, то его «шведское величество, за себя и за ко«рону шведскую, симъ объявляетъ и обѣ«щаетъ, что не будетъ ни прямо, ни кос«венно противиться тому, что̀ имѣетъ «быть постановлено въ пользу короля «Датскаго относительно герцогства Шлез«вигскаго обѣими посредничествующими «державами, которыя содѣйствовали за«ключенію настоящаго трактата, а также «оказывать на дѣлѣ какую либо помощь «сказанному герцогу противъ короля «Датскаго, въ ущербъ вышеупомяну«тымъ постановленіямъ».

Такъ какъ Фридрихъ Гессенскій съумѣлъ утвердиться на престолѣ и при-

---

([58]) Тогдашній первый министръ въ Англіи.
([59]) Ѳедору Павловичу.

влечь къ себѣ націю своею щедростью и своими дипломатическими успѣхами, то царь не видѣлъ уже для себя такой пользы въ присутствіи герцога при русскомъ дворѣ, какъ во время предложеній, сдѣланныхъ Вейсбахомъ. Поэтому онъ холодно принялъ Штамке, который въ свою очередь не смѣлъ дѣйствовать рѣшительно, и переговоры шли вяло. Посланникъ требовалъ для своего государя обладанія Ливоніею и помощи какъ въ возвращеніи ему родовыхъ владѣній, такъ и въ притязаніяхъ его на наслѣдованіе шведскаго престола. Царь во всемъ подавалъ надежды, не дѣлая никакихъ положительныхъ обѣщаній, и хотѣлъ, чтобы герцогъ особымъ реверсомъ обязался возвратить ему Ливонію, когда сдѣлается королемъ Шведскимъ. Но принцъ этотъ, изъ опасенія черезъ-чуръ оскорбить шведовъ, отвергъ условіе, необходимое для видовъ монарха, предполагавшаго вступить, въ качествѣ государя этой провинціи, въ число членовъ имперіи, которой она когда-то была вассальнымъ владѣніемъ. Ему отказано было въ ея инвеституръ въ 1712 году подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не считался еще мирнымъ и признаннымъ ея обладателемъ, а потому онъ хотѣлъ имѣть въ рукахъ всѣ средства, чтобъ достигнуть когда-нибудь устраненія этого препятствія.

Герцогъ держалъ приличный дворъ, имѣлъ посланниковъ при всѣхъ королевскихъ дворахъ Европы, при многихъ дворахъ германскихъ, и наконецъ содержалъ большое число бѣдныхъ шведскихъ офицеровъ, которые называли себя и дѣйствительно могли быть его приверженцами. Средства для всего этого добивались искуствомъ его министра, который съумѣлъ получить черезъ Ло ([60]) 300,000 ливровъ отъ регента Франціи, небольшую сумму отъ Испаніи, и хлопоталъ о займѣ остальнаго отчасти на свой собственный кредитъ. Напрасно просилъ онъ о ссудѣ герцогу своего стараго друга Меньшикова, обладавшаго несмѣтными богатствами. Меньшиковъ обратился за обезпеченіемъ ея къ царю, а царь отвѣчалъ ему: «Пусть ихъ терпятъ недостатокъ, нужда приведетъ ихъ къ намъ». Объ этомъ узнали въ Лондонѣ, и лучшимъ способомъ для задержанія путешествія герцога въ Россію признано было пособить ему немного въ его стѣсненномъ положеніи. Вслѣдствіе чего министерство ганноверское, подъ видомъ ложной покорности волѣ императора, обратилось къ королю Датскому съ ходатайствомъ о возвращеніи Голштиніи. Король согласился, но довольно неохотно, объявивъ, что дѣлаетъ это изъ состраданія и что ничто не заставитъ его отказаться отъ Шлезвига.

Императоръ желалъ, чтобы вопросъ объ общемъ замиреніи Сѣвера былъ предложенъ на Брауншвейгскомъ конгрессѣ и рѣшенъ тамъ при его посредничествѣ. Конгрессъ этотъ, существовавшій уже столько времени, вотще ждалъ дѣлъ, которыя на немъ должны были рѣшаться и которыя никогда до него не дошли. Царь назначалъ туда министровъ для переговоровъ о своемъ мирѣ съ Швеціею и дѣлалъ много лестнаго императорскому двору тѣмъ, что дѣятельно обнаруживалъ намѣреніе обратиться къ его посредничеству. Онъ имѣлъ двѣ весьма важныя причины ласкать этотъ дворъ: вопервыхъ онъ искалъ для себя допущенія на имперскій сеймъ въ качествѣ герцога Ливонскаго, а вовторыхъ — думалъ заключить съ домомъ Австрійскимъ оборонительный союзъ противъ Турокъ. Ему очень хотѣлось привлечь къ послѣднему и Польшу, и такимъ образомъ оградить христіанство твердымъ оплотомъ; но графъ Флеммингъ отклонилъ короля Августа отъ этого союза. У царя однажды вырвалось

([60]) Знаменитаго французскаго банкира и финансиста.

слѣдующее замѣчаніе: «Флеммингъ нико-«му не довѣряетъ, потому что всѣхъ по-«литиковъ считаетъ такими же какъ онъ «самъ, а ему я никогда не довѣрюсь». Слова эти были переданы графу, который никогда не могъ забыть ихъ и усердно содѣйствовалъ отдѣльному миру, также наконецъ заключенному между Швеціею и Польшею.

Такъ какъ Вѣнскій дворъ сдѣлался для царя предметомъ особеннаго вниманія, то онъ отправилъ туда посланникомъ генерала Ягужинскаго, одного изъ самыхъ приближенныхъ своихъ фаворитовъ, который прежде былъ однимъ изъ наиболѣе угодныхъ его деньщиковъ. Деньщики — это нѣчто въ родѣ домашнихъ слугъ и провожатыхъ, какихъ имѣетъ всякій знатный русскій. Царь бралъ своихъ изъ русскаго юношества всѣхъ сословій, начиная съ знатнѣйшаго дворянства и нисходя до людей самаго низкаго происхожденія. Чтобы сдѣлаться его деньщикомъ, нужно было имѣть только физіономію, которая бы ему нравилась. Врагъ всякаго принужденія и этикета, онъ допускалъ къ себѣ своихъ дворянъ и каммергеровъ только при какихъ нибудь значительныхъ празднествахъ, тогда какъ деньщики окружали и сопровождали его всюду. Они могли свободно высказывать ему мысли, серьозныя или забавныя, какія имъ приходили въ голову. Случалось довольно часто, что онъ прерывалъ какой-нибудь важный разговоръ съ министромъ и обращался къ нимъ съ шутками. Онъ много полагался на ихъ преданность, и этотъ родъ службы, казалось, давалъ право на его особенное расположеніе. Лучшимъ способомъ найдти къ нему доступъ было сближеніе съ деньщиками. Сообразно своимъ способностямъ и уму они получали всякаго рода должноси и послѣ того всегда сохраняли въ отношеніяхъ къ своему государю ту короткость, которой лишены были другіе вельможи.

Ягужинскій былъ человѣкъ чрезвычайно талантливый и ловкій; однакожь онъ никакъ не могъ приспособиться къ той испанской важности, которая въ то время составляла отличительную черту австрійскихъ министровъ и придворныхъ. Онъ не исполнилъ въ Вѣнѣ того, чего хотѣлось царю, и такъ какъ очень скучалъ тамъ, то черезъ годъ добился позволенія возвратиться въ Россію. Между тѣмъ, какъ бы въ замѣнъ своихъ неудачъ, онъ вошелъ въ интересы герцога Голштинскаго и очень сблизился съ его министромъ Бассевичемъ, которому впослѣдствіи оказалъ немало полезныхъ услугъ.

Около 1720 года баронъ Гёпкенъ, шведскій резидентъ въ Вѣнѣ и братъ знаменитаго статсъ-секретаря этого имени, оставилъ безъ дозволенія свой постъ и съ поспѣшностью прибылъ въ Стокгольмъ. Въ оправданіе такого поступка онъ привелъ, что на то короткое время, какое думалъ пробыть въ отлучкѣ, въ Вѣнѣ совершенно достаточно присутствія посланника графа Бьельке, и что для очистки своей совѣсти онъ пріѣхалъ представить, что отечество подвергнется всевозможнымъ бѣдствіямъ, если наслѣдованіе престола не будетъ обезпечено герцогу Голштинскому и если послѣдняго не сдѣлаютъ посредникомъ для заключенія мира съ Россіею. За эту смѣлость онъ попалъ въ темницу; но слова его стали распространять другіе. Боялись, чтобъ они не сдѣлали слишкомъ сильнаго впечатлѣнія, а потому король старался успокоить умы и объявилъ: что если нація желаетъ мира, онъ доставитъ ей посредника съ бо́льшимъ вѣсомъ въ лицѣ регента Франціи, и что если она находитъ нужнымъ показать вниманіе къ положенію герцога Голштинскаго, онъ готовъ забыть необязательность поведенія этого принца (который не только не поздравилъ его съ восшествіемъ на престолъ, но и показывалъ намѣреніе какъ бы заподо-

зрить самое его избраніе, называя его, короля, наслѣднымъ принцемъ Кассельскимъ) и представить самыя ясныя доказательства своего королевскаго къ нему благоволенія. Эти доказательства состояли въ подаркѣ двадцати тысячъ талеровъ съ согласія сословій и въ неопредѣленномъ обѣщаніи повторять ежегодно эту щедрость, если онъ будетъ вести себя дружески въ отношеніи къ королю. Когда герцога извѣстили о томъ, онъ сказалъ: «Я не на столько глупъ и не на«столько голоденъ, чтобы промѣнять мое «право старшинства на блюдо чечевицы». Онъ не поздравилъ короля и отказался отъ денегъ. Нѣкоторые шведскіе офицеры пріѣзжали въ Бреславль и умоляли его не пренебрегать милостями короля, но услышали отъ него въ отвѣтъ: что принцъ Шведскій долженъ получить не подарокъ отъ принца Гессенскаго, а пенсію отъ королевства, какъ опредѣлено было рѣшеніемъ предшествовавшаго сейма.

Такая твердость возбудила въ Стокгольмѣ опасеніе, что царь, не смотря на легкость, съ которою онъ призналъ короля, готовилъ ему, въ пользу герцога, какой-нибудь ударъ, котораго должно ожидать съ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Поэтому тамъ только и думали какъ бы отклонить его. Графъ Спарръ употребилъ столько стараній въ Парижѣ, что герцогъ-регентъ рѣшился отправить г. Кампредона—того самаго, который такъ искусно содѣйствовалъ въ Швеціи заключенію мира съ Англіею и возведенію на престолъ короля—въ С.-Петербургъ для предложенія посредничества Франціи.

Царь при этомъ случаѣ счелъ за нужное показать свое доброе расположеніе двору, вліяніе котораго въ Диванѣ было ему извѣстно. Онъ объявилъ, что съ удовольствіемъ приметъ г. Кампредона и что не замедлитъ отправить гг. Остермана и Брюса, въ качествѣ уполномоченныхъ, въ Ништадтъ, въ Финляндіи, для переговоровъ о мирѣ съ тѣми, кого назначитъ его шведское величество. Французскій министръ явился, и русскій монархъ, откровенно высказалъ ему свое желаніе покончить войну, въ то же время развернулъ передъ нимъ свои средства для ея продолженія. Его морскія силы, назначавшіяся для дѣйствія на Балтійскомъ морѣ, состояли изъ 42 линейныхъ кораблей 6 большихъ плоскодонныхъ судовъ, 15 пловучихъ батарей (bateaux armés), 300 галеръ, 300 транспортныхъ судовъ для пѣхоты и 180 для кавалеріи, 20 бригантинъ, 4 бомбардъ (galiottes à bombes) и 6 госпитальныхъ кораблей.

Кампредонъ пробылъ въ Петербургѣ четыре недѣли. Кромѣ передачи предложеній о мирѣ ему еще поручено было тайно противодѣйствовать домогательствамъ герцога Голштинскаго и стараться расположить царя въ пользу предоставленія наслѣдованія шведскаго престола дому Гессенъ-Кассельскому. Это послѣднее предложеніе старался провести герцогъ Мекленбургскій. Хотѣли знать, какъ оно будетъ принято, прежде нежели Франція открыто вмѣшается въ это дѣло. Но царь далеко не былъ расположенъ внимать такого рода предложеніямъ. Столько необычайныхъ движеній, направленныхъ на отнятіе у герцога всѣхъ средствъ, заставили его думать, что король шведскій не вполнѣ былъ увѣренъ въ преданности своихъ народовъ, а поступокъ Гёпкена давалъ ему поводъ предполагать, что есть партія, втайнѣ приверженная къ послѣдней отрасли королевскаго дома. Онъ поэтому снова обратился къ приглашенію герцога не медлить пріѣздомъ въ Россію. Но герцогъ былъ обремененъ долгами, его вѣрный Бассевичъ также, а раззоренная Голштинія не давала еще покамѣсть ничего. Онъ просилъ о ссудѣ ему денегъ на путешествіе, и вотъ что поэтому поводу царь собственноручно написалъ Ягужинско-

му: «Передача денегъ для герцога не можетъ состояться по причинѣ большихъ «безпорядковъ, произведенныхъ въ тор«говлѣ военными дѣйствіями, безпоряд«ковъ, о которыхъ ты не можешь не «знать; но увѣрь его, что онъ не будетъ «имѣть недостатка ни въ деньгахъ, ни «въ чемъ бы то ни было, когда пріѣдетъ «къ намъ. Мы впрочемъ имѣемъ вѣрныя «извѣстія, что Шведы обмануты Англи«чанами и сами сознаются въ этомъ. Ве«ликобританія хотя и обѣщала оставить «имъ на всю зиму 8 военныхъ кораблей, «однакожь адмиралъ Норрисъ ушелъ со «всѣми своими кораблями, не оставивъ «имъ ни одной барки Мы поэтому надѣ«емся, съ Божіею помощью, имѣть гос«подство на морѣ будущимъ лѣтомъ. Къ «тому же меня увѣряютъ, что число при«верженцевъ герцога увеличивается въ «Швеціи, такъ что пріѣздъ его весною «будетъ необходимъ, и онъ можетъ мно«го потерять, если не пріѣдетъ.» Вслѣдстіе такого предложенія Ягужинскій не замедлилъ обратиться къ герцогу съ приглашеніемъ поспѣшить отъѣздомъ; но Бассевичъ, который хорошо зналъ царя, и который за годъ передъ тѣмъ готовъ былъ, подъ собственною отвѣтственностью, привезти своего государя въ С.-Петербургъ и тамъ доставить ему возможность восторжествовать надъ своими врагами, теперь смотрѣлъ на это дѣло какъ на сомнительное. Чтобъ не брать въ немъ на себя одного всей отвѣтственности, онъ представилъ императору мемуаръ съ изложеніемъ доводовъ за и противъ, умоляя его величество, по выслушаніи мнѣнія своего просвѣщеннаго министерства, не отказать герцогу въ отеческихъ совѣтахъ относительно того, что̀ ему слѣдуетъ предпринять. Объясненіемъ долго медлили. Наконецъ вицеканцлеръ графъ Цинцендорфъ сообщилъ въ отвѣтъ, что по зрѣломъ обсужденіи всего изложеннаго въ представленномъ мемуарѣ его императорское величество не находитъ никакихъ причинъ не одобрять желанія его королевскаго высочества ѣхать искать покровительства монарха столь могущественнаго и великодушнаго, какъ его царское величество.

Штамке предписано было представить, что для оправданія въ глазахъ Шведской націи предпріятія, къ которому готовился герцогъ, и для успокоенія его высочества на случай перемѣны обстоятельствъ, необходимо, чтобы его царское величество удостоилъ положительно обезпечить ему нѣкоторыя выгоды и въ особенности упрочить его лестныя надежды на бракъ съ царевною Анною Петровною. Царь продолжалъ оставаться при неопредѣленныхъ увѣреніяхъ, что приметъ къ сердцу интересы герцога какъ свои собственные, и что если его высочество можетъ понравиться царевнѣ, въ чемъ онъ не сомнѣвается, то будетъ очень радъ имѣть его своимъ зятемъ. Старались черезъ Ягужинскаго склонить монарха къ принятію формальнаго обязательства по крайней мѣрѣ относительно возвращенія Шлезвига и относительно наслѣдованія Шведскаго престола. Но не смотря на весь его кредитъ, тщательно употребленный въ дѣло, полученъ былъ только слѣдующій, написанный самимъ царемъ отвѣтъ, который Ягужинскій сообщилъ въ переводѣ: «Съ Швеціею не «будетъ заключено мира безъ признанія «его королевскаго высочества наслѣдни«комъ престола — вотъ что̀ мы можемъ «обѣщать положительно. Мы обѣщали бы «столько же и относительно возвращенія «Шлезвига, еслибъ не надлежало опа«саться, что Даніи это послужитъ пово«домъ къ тѣснѣйшему сближенію съ Ан«гліею, — обстоятельство, которое мог«ло бы сдѣлать намъ большое затрудне«ніе; тѣмъ болѣе, что она ищетъ того «же при всѣхъ дворахъ и будетъ искать «со временемъ. Но я обѣщаю изустно

«дать свое слово касательно этаго предмета министру герцога, какъ скоро онъ «будетъ здѣсь, а по заключеніи мира обязусь и письменно. Между тѣмъ старайся всячески при императорскомъ «дворѣ, чтобы возвращеніе это состоялось скоро; меня этимъ особенно обязали бы, потому что Англичане единственно при помощи вопроса о немъ «отторгли Датчанъ отъ нашего союза.»

Чѣмъ больше медлилъ герцогъ, тѣмъ меньше важности получало присутствіе его въ Петербургѣ. Однакожь Штамке продолжалъ увѣрять въ своихъ донесеніяхъ, что если онъ только хочетъ пріѣхать, можно еще будетъ все поправить, а знаменитый маршалъ графъ Шулембургъ ([61]), изъ великодушнаго участія въ бѣдственномъ положеніи принца столь знатнаго рода, устранилъ и послѣднее препятствіе къ его отъѣзду, предложивъ, по собственному побужденію, ссудить ему сто тысячъ талеровъ (écus) безъ всякихъ отяготительныхъ условій.

Послѣ этаго оставалось только позаботиться о безопасности пути. Множество Шведовъ постоянно окружало герцога, и были причины не довѣрять нѣкоторымъ изъ нихъ какъ извѣстнымъ креатурамъ короля. Сикье, на которомъ, по разсказамъ, лежало ужасное подозрѣніе ([62]), появился, безъ всякой видимой надобности, на дорогѣ изъ Польши въ Курляндію, и графъ Головкинъ, русскій министръ въ Берлинѣ, отъ имени царя совѣтовалъ Бассевичу озаботиться, чтобъ государь его проѣхалъ черезъ Польшу съ сохраненіемъ всевозможной тайны, такъ какъ дворъ Варшавскій находился въ несогласіи съ Петербургскимъ и благопріятствовалъ Стокгольмскому. Такимъ образомъ Карлъ-Фридрихъ и фаворитъ его Рёнсдорфъ, переодѣтые русскими офицерами и снабженные паспортомъ отъ Ягужинскаго, въ четыре дня совершили путь до Либавы, между тѣмъ какъ въ Бреславлѣ всѣ считали герцога больнымъ, и Бассевичъ показывалъ видъ, что ѣздитъ совѣщаться у его постели. Какъ скоро узнали, что онъ въ безопасности, отъѣздъ его былъ обнародованъ и затѣмъ предъявленъ дворамъ, съ которыми онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, также и Шведскому Сенату, которому снова предложили готовность его высочества содѣйствовать заключенію мира. — Герцогъ дождался въ Митавѣ своей свиты и съ нею отправился далѣе.

Весною 1721 года въ Ливонію прибыло множество отставныхъ шведскихъ офицеровъ, которые выдавали себя за желающихъ опредѣлиться въ службу царя. Распространился слухъ, что между ними было и нѣсколько шпіоновъ. Трудность различить ихъ вынудила царя издать указъ, которымъ предписывалось всякому Шведу военнаго званія, находившемуся въ этой провинціи подъ предлогомъ исканія службы, выѣхать оттуда въ опредѣленный срокъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала казнь князя Гагарина, намѣстника Сибирскаго ([63]). Заподозрѣнный и обвиненный въ обогащеніи себя въ ущербъ казнѣ своего государя, онъ уже около двухъ лѣтъ томился въ темницахъ адмиралтейства. Царь уважалъ его за многія прекрасныя качества. Всѣмъ извѣстно было, что онъ великодушно облегчилъ участь плѣнныхъ Шведовъ, сосланныхъ въ его обширную область,

([61]) Фельдмаршалъ графъ Матіасъ-Іоганнъ фонъ-деръ-Шуленбургъ (род. 1660, ум. 1747 г.) прославился какъ отличный генералъ, сперва въ Саксонской службѣ въ войну противъ Карла XII (1704), потомъ въ Венеціанской при защитѣ крѣпости Корфу противъ Турокъ (1715)

([62]) Подполковникъ Сикье (Siquier) французъ, находившійся въ Шведской службѣ, о которомъ говорили, что онъ убилъ короля Карла XII. См. о немъ подробнѣе въ Дневникѣ Берхгольца въ особенности часть II, стр. 33 и др.

([63]) Князя Матвѣя Петровича.

употребивъ въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ ихъ плѣна болѣе 15,000 руб. своихъ собственныхъ денегъ на удовлетвореніе ихъ нуждъ. Дочь его была замужемъ за сыномъ великаго канцлера Головкина, а сынъ былъ женатъ на дочери вице-канцлера Шафирова. Не желая подвергать его всей строгости законовъ, царь постоянно отсрочивалъ его казнь и для отмѣны ея не требовалъ отъ него ничего, кромѣ откровеннаго во всемъ сознанія. Подъ этимъ условіемъ, еще наканунѣ его смерти, онъ предлагалъ ему возвращеніе его имущества и должностей. Но несчастный князь, противъ котораго говорили показанія его собственнаго сына и который выдержалъ уже нѣсколько пытокъ кнутомъ, ни въ чемъ не сознавшись, поставилъ себѣ за честь явиться передъ висѣлицею съ гордымъ и нетрепетнымъ челомъ. Царь велѣлъ устроить ее передъ домомъ, въ которомъ собирался Сенатъ, полагая, что преступленія и упорство виновнаго должны подавить всякое къ нему сочувствіе въ душѣ людей ему близкихъ. Поэтому тѣ изъ сенаторовъ, которые были въ родствѣ съ княземъ, не осмѣлились уклониться отъ обязанности присутствовать при его смерти. Они должны были не только скрывать свои чувства при видѣ этого печальнаго зрѣлища, но даже обѣдать съ царемъ и весело пить по обыкновенію. Молодой Гагаринъ, который еще недавно путешествовалъ по Европѣ окруженный блескомъ и свитою, достойными владѣльнаго князя, былъ разжалованъ и опредѣленъ на службу простымъ матросомъ. Отеческая нѣжность побудила Шафирова обмануть довѣріе, которымъ облекъ его царь въ этомъ процессѣ, и утаить изъ конфискованнаго имущества преступника значительную сумму для сохраненія ея своему зятю. Впослѣдствіи это было причиною его несчастія.

На другой день послѣ этого трагическаго событія царь уѣхалъ въ Ригу, гдѣ желалъ встрѣтить герцога Голштинскаго. Его попеченіями городъ этотъ, совершенно раззоренный войною, снова приведенъ былъ въ цвѣтущее состояніе. Таможенный сборъ съ товаровъ, которые онъ получалъ бóльшею частью изъ Польши и отправлялъ въ разные порты Балтійскаго моря и Океана, простирался ежегодно до 700,000 талеровъ (écus) Царь увидѣлъ тамъ съ удовольствіемъ успѣхи въ разведеніи большаго сада, который онъ приказалъ насадить вдоль рѣки и окончить въ три мѣсяца, и въ которомъ было уже поставлено 15,000 большихъ деревьевъ. Супруга его была съ нимъ, окруженная, согласно волѣ монарха, царскимъ блескомъ, который ему всегда былъ въ тягость и который она умѣла поддерживать съ удивительнымъ величіемъ и непринужденностью. Дворъ ея, который она устроивала совершенно по своему вкусу, былъ многочисленъ, правиленъ, блестящъ, и хотя она не могла вполнѣ отмѣнить при немъ русскихъ обычаевъ, однакожь нѣмецкіе у нея преобладали.

Царь не могъ надивиться ея способности и умѣнію превращаться, какъ онъ выражался, въ императрицу, не забывая, что она не родилась ею. Они часто путешествовали вмѣстѣ, но всегда въ отдѣльныхъ поѣздахъ, отличавшихся — одинъ величественностью своей простоты, другой своею роскошью. Онъ любилъ видѣть ее всюду. Не было военнаго смотра, спуска корабля, церемоніи или праздника, при которыхъ бы она не являлась. При большихъ торжествахъ за ея столомъ бывали всѣ дамы, а за столомъ царя одни только вельможи. Его забавляло общество женщинъ, оживленныхъ виномъ; поэтому она завела у себя свою перворазрядную любительницу рюмки (une biberonne de premier ordre), завѣдывавшую у нея угощеніемъ напитками и носившую титулъ оберъ-шенкши. Ког-

да послѣдней удавалось привести дамъ въ веселое расположеніе духа, никто изъ мущинъ не смѣлъ входить къ нимъ, за исключеніемъ царя, который только изъ особеннаго благоволенія позволялъ иногда кому нибудь сопровождать себя. Изъ угодливости же, не менѣе для него пріятной, Екатерина, увѣренная въ сердцѣ своего супруга, смѣялась надъ его частыми любовными приключеніями, какъ Ливія надъ интрижками Августа; но за то и онъ, разсказывая ей объ нихъ, всегда оканчивалъ словами: ничто не можетъ сравниться съ тобою.

Какъ ни дружественъ и ни великолѣпенъ былъ пріемъ, сдѣланный герцогу Голштинскому царемъ, но для перваго онъ получилъ еще особенную цѣну по тому расположенію, которое высказала ему царица. Вполнѣ увѣренная въ своемъ величіи, она, не боясь уронить себя, въ присутствіи принцессы царской крови, герцогини курляндской, сказала угнетенному принцу: что одушевленная сознаніемъ долга, внушаемаго ей могуществомъ, она принимаетъ живое участіе въ интересахъ герцога и что для нея, супруги величайшаго изъ смертныхъ, Небо прибавило бы еще славы, даруя ей въ зятья того, котораго она была бы подданною, еслибъ счастіе не измѣнило Швеціи и еслибъ Швеція не нарушила присяги, данной ею дому великаго Густава. Слова эти заставили проливать слезы всѣхъ присутствовавшихъ, — такъ трогательно умѣла говорить эта государыня. Еслибъ дѣло зависѣло отъ нея, ничто не было бы упущено, чтобы безъ промедленія возстановить Карла-Фридриха въ его правахъ. Но хотя вліяніе ея на душу великаго царя могло сдѣлать много, однакожь не все. Она была его второю страстью, государство — первою, и поэтому всегда благоразумно уступала мѣсто тому, что̀ должно было предшествовать ей.

Въ Ригѣ царь сильно заболѣлъ горячкою. Чтобы вылечиться отъ нея, онъ переселился дней на восемь на корабль. По его мнѣнію, морской воздухъ возстановлялъ здоровье, и онъ рѣдкій день пропускалъ, не подышавъ этимъ воздухомъ. Вставая съ разсвѣтомъ и обѣдая въ 11 часовъ утра, онъ послѣ стола имѣлъ привычку соснуть. Для этого стояла постель на фрегатѣ, и онъ отправлялся туда во всякое время года. Даже когда, лѣтомъ, онъ бывалъ въ Петергофѣ, воздухъ обширныхъ садовъ этаго дворца казался ему удушливымъ, и онъ всегда спалъ въ Монплезирѣ, домикѣ, одна сторона котораго омывается волнами моря, а другая примыкаетъ къ большому петергофскому парку. Здѣсь было его любимое убѣжище. Онъ украсилъ его фламандскими картинами, изображавшими сельскія и морскія сцены, большею частію забавныя.

По возвращеніи въ С. Петербургъ онъ отпраздновалъ 25-е іюня (по старому стилю) годовщину своего коронованія, что̀ дѣлалось очень рѣдко съ тѣхъ поръ какъ онъ царствовалъ одинъ. При царскомъ дворѣ насчитывалось, впрочемъ, до тридцати ежегодныхъ празднествъ, изъ которыхъ четыре были въ память военныхъ подвиговъ, а именно взятія Нарвы, побѣдъ при Калишѣ и Лѣсномъ (одержанной надъ Левенгауптомъ) и Полтавскаго сраженія. Въ день празднованія послѣдняго царь надѣвалъ то самое платье, которое было на немъ во время битвы. Но всѣ эти празднества отличались однообразіемъ. Тѣ, которыя приходились лѣтомъ, отправлялись въ садахъ императорскаго дворца и на обширномъ, примыкавшемъ къ нему лугу, гдѣ маневрировали и потомъ также принимали участіе въ пиршествѣ гвардейскіе полки Преображенскій и Семеновскій. Въ рощахъ разставлялись столы для всѣхъ значительныхъ особъ. Однимъ изъ глав-

ныхъ былъ столъ для духовныхъ лицъ. Самъ царь иногда садился туда и разсуждалъ съ ними о догматахъ религіи. Если кто нибудь судилъ или дѣлалъ ссылки невѣрно, то долженъ былъ въ наказаніе опоражнивать стаканъ, наполненный простою водкою, и эти господа обыкновенно удалялись съ праздника болѣе другихъ упившимися. Обѣ царицы, царствующая и вдовствующая супруга Ивана, кушали съ принцессами, своими дочерьми и съ дамами въ большой открытой галлереѣ, построенной вдоль рѣки. За обѣдомъ слѣдовалъ балъ, на которомъ царь танцовалъ, какъ и на свадьбахъ знатныхъ лицъ, куда его постоянно приглашали со всею императорскою фамиліею. Въ молодые свои годы онъ любилъ танцы. Русскіе вообще имѣютъ большое расположеніе къ этому упражненію и исполняютъ его съ граціею.

Первое, на что̀ царь заставилъ полюбоваться въ своей столицѣ герцога Голштинскаго, было прекрасное зданіе адмиралтейства съ его магазинами, снабженными множествомъ матеріаловъ и снарядовъ для постройки и оснастки тридцати или болѣе военныхъ кораблей. При этомъ случаѣ осьмнадцатое большое судно, сооруженное на новой верфи, было спущено на воду и названо «Пантелеймономъ», въ честь одного изъ святыхъ греческой церкви. Его строилъ французъ, присланный герцогомъ-регентомъ для починки стараго 70-ти пушечнаго корабля «le Ferme», который царь когда-то получилъ изъ Франціи и котораго его плотники не умѣли вытащить изъ воды и поставить на штапель. Работы эти, столь близкія сердцу царя, производились подъ управленіемъ одного изъ его любимцевъ, Ивана Михайловича Головина, носившаго титулъ главнаго строителя кораблей. Онъ учился кораблестроенію вмѣстѣ съ царемъ въ Голландіи, но безъ большаго успѣха, и однакожь по одному изъ тѣхъ капризовъ благоволенія, отъ которыхъ не изъяты и благоразумнѣйшіе изъ государей, царь поручилъ ему постъ, котораго всѣ обязанности, къ счастію для морскаго дѣла, исполнялъ самъ (64). Но въ замѣнъ этого Головинъ былъ очень хорошимъ сухопутнымъ генераломъ.

1721. Продолжительный плѣнъ множества шведовъ, взятыхъ при жизни Карла XII и отправленныхъ въ Сибирь, превратилъ ихъ какъ бы въ природныхъ ея жителей. Они въ особенности заставляли цѣнить себя въ этой дикой странѣ своимъ искусствомъ въ горныхъ работахъ, съ которыми русскіе были мало знакомы. Многіе изъ плѣнниковъ, потерявъ надежду на обмѣнъ или выкупъ, желали, посредствомъ браковъ, основаться навсегда въ мѣстахъ своей ссылки. Но они были слишкомъ велики душою, чтобы ради любви отречься отъ вѣры своихъ отцовъ, а русскія женщины, хотя и плѣненныя кротостью нравовъ этихъ иностранцевъ, боялись оскверниться бракомъ съ протестантами. Нѣкоторыя изъ нихъ, пренебрегшія подобнымъ предразсудкомъ, были разлучены священниками, господами и безжалостными судьями съ любимыми мужьями-еретиками и выданы за православныхъ, которые имъ не нравились. Извѣщенный объ этомъ, царь нашелъ такіе поступки столько же несправедливыми, сколько и противными его интересамъ; но совсѣмъ тѣмъ не хотѣлъ показать, что дѣйствуетъ по своему произволу въ вопросахъ, касающихся религіи. Дѣло это было отдано на разсмотрѣніе св. Синода, который напечатаннымъ въ С.-Петербургѣ 18 августа 1721 года указомъ,

(64) Послѣ я узналъ изъ писемъ болѣе отдаленнаго времени, что царь только въ шутку или даже въ насмѣшку поручилъ ему эту должность и кромѣ того установилъ еще для него тостъ за процвѣтаніе кораблей подъ названіемъ «тоста за фамилію Ивана Михайловича».

Примѣч. составителя «Записокъ».

дѣлающимъ по своему благоразумію честь его составителямъ, объявилъ браки между православными и иновѣрцами не только законными и дозволенными, но и похвальными, если они клонятся ко благу государства, и подчинилъ ихъ только одному условію, по которому еретикъ обязывался давать подписку, что не станетъ тревожить совѣсти своей жены, и что дѣти будутъ исповѣдывать господствующую религію страны. Этотъ мудрый указъ пріобрѣлъ Россіи значительное число полезныхъ жителей.

Царь не удовольствовался оказаніемъ герцогу Голштинскому всевозможнаго вниманія и дружбы,—онъ поручилъ еще Шафирову сообщить ему инструкціи, данныя Остерману для переговоровъ съ Швеціею. Тамъ между прочимъ сказано было: что миръ рѣшительно можетъ состояться только подъ условіемъ признанія его королевскаго высочества наслѣдникомъ короля и королевы и обязательства со стороны Швеціи дѣйствовать заодно съ Россіею для возвращенія ему Шлезвига. Кромѣ того, островъ Эзель былъ отданъ герцогу на содержаніе стола и экипажей, съ правомъ поручить кому либо изъ его дворянъ управленіе доходами съ этаго мѣста.

Такіе блистательные знаки расположенія сдѣлались скоро извѣстными и даже были преувеличены молвою, которая въ Швеціи произвела потрясающее дѣйствіе и вполнѣ удовлетворила ожиданіямъ царя. Тайные приверженцы герцога снова начали поднимать голову, и отъ закваски, брошенной въ народъ смѣлостью резидента Гёпкена, казалось, готово было произойти броженіе. Король, съ первой же минуты встревоженный опасностью такого положенія дѣлъ, удвоилъ старанія о заключеніи мира. Но царь проникъ его побужденія. Не стѣсняясь англійскимъ флотомъ, готовившимъ свое обычное появленіе въ Балтійскомъ морѣ, онъ повелѣлъ произвести новое опустошеніе береговъ Швеціи, дабы усилить надежды доброжелателей герцога и опасенія правительства. Понявъ однакожь намѣренія короля Шведскаго, онъ въ свою очередь былъ проникнутъ послѣднимъ. Король этотъ, не отличавшійся всеобъемлющимъ умомъ, но глубоко проницательный и тонко скрытный, понялъ, что ему для спокойнаго обладанія престоломъ и обезпеченія своей фамиліи пути къ послѣднему, необходимо только согласиться на уступку Россіи тѣхъ самыхъ выгодъ, какія царь надѣялся получить въ правленіе его соперника. Поэтому королевскимъ уполномоченнымъ въ Финляндіи предписано было уступать въ чемъ бы то ни было, но упорно сопротивляться внесенію въ мирный трактатъ хотя бы и малѣйшаго намека въ пользу герцога Карла-Фридриха. Сенатъ, руководимый Арведомъ Горномъ, подтвердилъ имъ тоже самое. Они повиновались съ такою точностью и были такъ усердно поддерживаемы г. Кампредономъ, что Остерманъ написалъ наконецъ царю: что нужно отказаться отъ всякаго требованія на пользу герцога Голштинскаго, или лишить монархію славнаго мира, который былъ бы вѣнцомъ могущества его царскаго величества и доставилъ бы ему возможность окончить его дивную статую. Это былъ намекъ на остроумный девизъ монарха, выставленный впослѣдствіи на одномъ изъ щитовъ въ его погребальной процессіи. Онъ изображалъ ваятеля, высѣкающаго изъ грубаго куска мрамора человѣческую фигуру и почти до половины окончившаго свою работу.

Возвеличеніе имперіи, распространеніе торговли, водвореніе добрыхъ нравовъ среди народа, — вотъ что по истинѣ было единственною или по крайней мѣрѣ главною цѣлію монарха, къ которой все другое присоединялось только

случайно. Между тѣмъ ему тяжело было пожертвовать ей принцемъ, который отдалъ свою участь въ его руки, и онъ намѣревался удвоить усилія оружіемъ и переговорами, чтобы какъ-нибудь ввести интересы герцога въ составъ мирнаго трактата. Но несчастное стеченіе обстоятельствъ отклонило его отъ этаго. Изъ Азіи получены были секретныя донесенія, что Турки, желая воспользоваться смутами въ Персіи, готовятся завладѣть частью этаго государства и даже Дербентомъ, пограничнымъ городомъ, который открывалъ имъ входъ въ Россію и давалъ возможность затруднять ея торговлю на Каспійскомъ морѣ. Не желая ни предоставлять имъ выгодъ столь опасныхъ, ни вдаваться ради того въ жестокую войну, царь рѣшился отвести ударъ, не вступая съ ними въ прямое столкновеніе, и самъ завладѣть провинціями, на которыя они расчитывали, прежде чѣмъ войска ихъ выступятъ въ походъ. Но къ экспедиціи этой слѣдовало приступить безотлагательно. Она требовала всѣхъ его силъ, можетъ быть, даже его личнаго участія. Миръ съ Швеціею поэтому дѣлался необходимымъ. Нужно было спѣшить его подписаніемъ, иначе военныя приготовленія могли преждевременно обнаружить новые замыслы, и тогда Шведы, узнавъ объ нихъ, возвысили бы тонъ и заставили бы царя, во избѣжаніе двухъ войнъ на двухъ противоположныхъ концахъ имперіи, страннымъ образомъ измѣнить уже предписанныя условія мира.

И вотъ несчастный герцогъ покинутъ. Для ускоренія мира, объ немъ не только умалчиваютъ, но въ статью 7-ую мирнаго трактата заносятъ даже косвенное отреченіе отъ всякаго предпріятія въ его пользу относительно престола. Такой оскорбительной неудачи онъ никакъ не ожидалъ. Молчаніе царскихъ министровъ объ успѣхахъ переговоровъ заставляло уже его приближенныхъ подозрѣвать кое-что. Но ихъ и самого герцога забавляли любезностями всякаго рода, избѣгая огорчить его высочество достовѣрностью его несчастія до того самаго дня, когда герольды публично возвѣстили о заключеніи мира. Къ герцогу явился камергеръ съ простымъ извѣщеніемъ объ этомъ событіи, безъ всякаго сообщенія какихъ либо подробностей.

Человѣку съ благороднымъ характеромъ не слѣдовало переносить такого злополучія съ покорною и холодною умѣренностью; еще менѣе слѣдовало ему являться при торжествующемъ дворѣ въ роли печальной жертвы его веселія. Герцогъ остается безвыходно въ своихъ покояхъ ([65]), а Бассевичъ, принявъ веселый видъ, отправляется, чтобы сказать царю: что онъ приноситъ ему поздравленія его королевскаго высочества и проситъ удовлетворить нетерпѣнію герцога сообщеніемъ условій, выговоренныхъ въ его пользу согласно обѣщанію его царскаго величества. Царь, окруженный вельможами, явившимися съ поздравленіями, милостиво отвѣчалъ: что въ настоящемъ случаѣ Небу не угодно было предоставить ему свободу дѣйствовать такъ, какъ бы онъ хотѣлъ и долженъ былъ дѣйствовать; но что примиренный съ Швеціею, онъ надѣется лучше соблюсти выгоды его королевскаго высочества, чѣмъ прежде, и снова повторяетъ свое обѣщаніе не оставлять его. «Желаю, сказалъ со вздо«хомъ министръ, чтобы это новое обѣща«ніе было прочнѣе всѣхъ прежнихъ, «вслѣдствіе которыхъ государь мой прі«ѣхалъ наконецъ облобызать могуще«ственную руку, ему поданную; что ка-

([65]) Торжество Ништатскаго мира происходило 22 октября 1721 года. Изъ Берхольца (Русскій переводъ И. Ѳ Аммона, I, стр 195) видно однако, что герцогъ голштинскій участвовалъ въ увеселеніяхъ этого дня. *П. Б.*

«сается до меня, то я умру съ отчаянія, «что имѣлъ простоту повѣрить существо«ванію такого смертнаго, на слово кото«раго можно бы было положиться, и что «привезъ въ Россію потомка Вазы только «для того, чтобы быть тамъ игрушкою «политики». Меньшиковъ и Шафировъ поблѣднѣли отъ страха и ждали, что друга ихъ тотчасъ арестуютъ. Но нисколько не обнаруживая гнѣва, царь сказалъ, обращаясь къ собранію: «Надобно быть «снисходительну къ заблужденіямъ ис«тиннаго усердія; я желалъ бы, чтобы и «всѣ служащіе мнѣ имѣли его столько «же». Потомъ, приказавъ подать себѣ большой бокалъ, произнесъ: «Вотъ смот«рите, благородный человѣкъ, это пью я «за здоровье вашего государя; я съумѣю, «когда придетъ время, разувѣрить васъ «и заставить не сожалѣть, что вы привезли «его ко мнѣ». Затѣмъ онъ тотчасъ приказалъ Шафирову ѣхать съ Бассевичемъ къ герцогу и сказать тамъ все, что̀ нужно. Шафировъ изложилъ непреоборимыя препятствія, которыя Небо и люди противопоставили добрымъ намѣреніямъ монарха, который, разсудивъ, что онъ можетъ умереть, также какъ и его королевское высочество, и что въ томъ и другомъ случаѣ усилія войны, продолжавшейся 21 годъ, пропали бы даромъ, не могъ по совѣсти не воспользоваться благопріятными обстоятельствами для заключенія мира, столь выгоднаго государству, Богомъ ему ввѣренному, и которымъ онъ обязанъ былъ не пренебрегать изъ опасенія навлечь со временемъ на свою могилу нарѣканія потомства, отъ котораго ждалъ себѣ благословеній. Послѣ того министръ представилъ увѣреніе, что его царское величество, имѣя теперь свободныя руки, вырветъ Шлезвигъ у Даніи, и что назначая герцогу одну изъ принцессъ, своихъ дочерей, сдѣлаетъ для него непремѣнно все, что̀ только не будетъ противно благу государства, о которомъ онъ долженъ пещись больше, чѣмъ о своемъ семействѣ и о самомъ себѣ. Едва Шафировъ окончилъ свою рѣчь, какъ царскіе каммергеры Нарышкинъ и графъ Пушкинъ явились къ герцогу съ приглашеніемъ на празднества по случаю мира. Онъ отвѣчалъ имъ очень любезно, что если не можетъ радоваться успѣхамъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, то порадуется за его царское величество и за окончаніе пролитія крови русской и шведской.

Большія празднества, устроенныя, по повелѣнію царя, въ С. Петербургѣ и продолжавшіяся болѣе двухъ недѣль, показали, до какой степени онъ былъ доволенъ исходомъ Ништатскаго конгресса. Не такъ было въ Швеціи. Народъ ропталъ за постыдную уступку лучшихъ провинцій королевства. Король и Арведъ Горнъ сваливали всю вину этого дѣла на пребываніе герцога голштинскаго въ Россіи. Нужно было, говорили они, уступить царю болѣе чѣмъ бы слѣдовало, чтобы удержать его отъ покушенія на внутреннее спокойствіе королевства и отъ желанія ниспровергнуть настоящее его счастливое устройство въ пользу принца, который льстилъ самолюбію этого государя, прибѣгнувъ къ его покровительству. Такимъ хитрымъ способомъ они еще болѣе возстановили толпу противъ герцога. Она считала его виновникомъ своихъ потерь, не размышляя, что еслибъ ему оказали справедливость, она отъ большей части ихъ была бы избавлена.

Извѣстно, что по поводу упомянутаго торжества (по случаю заключенія мира) царь принялъ отъ своихъ народовъ титулъ Петра Великаго, Отца Отечества, Императора Всероссійскаго. Подъ предлогомъ празднованія радостнаго событія съ одинаковымъ блескомъ и въ древней столицѣ имперіи, и въ сущности, чтобъ приблизиться къ Персіи, онъ въ концѣ 1721 года переѣхалъ со всѣмъ дворомъ въ Москву.

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ ВЪ РОССІИ (*).

2. Карлъ Скавронскій.

(Изъ Гельбига).

Карлъ, крестьянинъ безъ фамильнаго имени, родомъ изъ Литвы, былъ братъ императрицы Екатерины I. Съ того дня, какъ эта государыня была обращена своею матерью къ исполненію своихъ дочернихъ обязанностей, стала она заботиться о своихъ родственникахъ, съ согласія императора. Большая часть ихъ жила въ Ленневарденѣ (въ Лифляндіи); но братъ императрицы или оставался въ Литвѣ, или возвратился туда опять и тамъ женился. Графъ Сапѣга (1) получилъ приказаніе отъ Екатерины заботиться о родныхъ ея въ Литвѣ. Они получили довольно, чтобы жить по своему крестьянскому состоянію спокойнѣе, нежели подобные имъ, но не столько, чтобы необыкновенными издержками возбуждать вниманіе (2).

Въ концѣ 1726 года, когда намѣренія Екатерины уже не зависѣли только отъ воли супруга, который очень могъ чувствовать неловкость своего брачнаго союза, Карла съ его женою, двумя дочерьми и тремя сыновьями привезли въ Петербургъ. Сначала называли его Икаворонскимъ, имя бывшее вѣроятно извращеніемъ Скавронскаго, которое собственно было дано ему и за нимъ осталось. Неизвѣстно, кто первый попалъ на это Польское имя, но полагаютъ, что предложилъ его графъ Сапѣга.

Графъ Карлъ Скавронскій (3) получилъ прекрасный домъ въ Петербургѣ (*). Содержаніе его было великолѣпное, какое прилично образу жизни знатнѣйшихъ частныхъ людей. Чтобы имѣть возможность производить издержки, связанныя съ такимъ положеніемъ, графу Скавронскому не только выдаваемы были чистыя деньги, но и пожалованы столь знатныя помѣстья въ Россіи, что и до сихъ поръ богатства фамиліи Скавронскихъ считаются изъ самыхъ значительныхъ въ Русской имперіи; а это значитъ очень много,

(*) См. *Архивъ* 1865 года, вып. I, стр. 53, 54

Примѣчанія переводчика.

(1) Воевода Смоленскій Петръ Ивановичь Сапѣга, камергеръ и александровскій кавалеръ, старшій сынъ фельдмаршала и андреевскаго кавалера Яна Сапѣги отъ брака его съ Луизой Опалинской. Онъ былъ объявленъ женихомъ старшей дочери знаменитаго князя Меньшикова княжны Марьи Александровны (род. 6 декабря 1711, ум. 1729) въ 1722 году, когда ей было еще только 10 лѣтъ отъ роду. Но потомъ была она обручена съ императоромъ Петромъ II (1727 г.), и свадьба ея съ Сапѣгой не состоялась.

(2) Теперь кажется несомнѣнно, что Скавронскіе привезены въ Петербургъ еще при Петрѣ I и по его приказанію. Слѣдовательно Гельбигъ тутъ ошибается.

(3) Карлъ Самуиловичь Скавронскій, крестьянинъ Литовской деревни Догабенъ, шляхтича Лауринцкаго, пожалованъ графомъ 5 января 1727, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ѳедоромъ, не оставившимъ потомства и о которомъ Гельбигъ ничего не говоритъ.

(*) Домъ этотъ еще существуетъ. Главный фасадъ его выходитъ на Неву, а задній на Большую Милліонную. Противъ боковаго его фасада находится Мраморный дворецъ. Домъ этотъ имѣетъ удивительную особенность, а именно ту, что на углу его находится четырехугольная вышка (Erker), которая имѣетъ окна на всѣ четыре стороны. Въ нижнемъ этажѣ его жилъ прежде послѣдній Польскій король (Станиславъ Понятовскій) когда онъ былъ секретаремъ Англійскаго посольства. (Примѣчаніе *Гельбига*).

потому что въ Европѣ мало странъ, гдѣ высшее дворянство было бы такъ богато, какъ въ Россіи. Къ этому должно присоединить еще драгоцѣнные камни и дорогія платья. Такіе безмѣрно расточительные подарки, какіе получилъ Скавронскій, его сестры ([4]) и все ихъ семейство, возбудили зависть.... Неудовольствіе придворныхъ однако мало по малу укрощалось, потому что они видѣли, что эти временщики не получали въ государствѣ никакихъ знатнѣйшихъ мѣстъ, занимать которые они впрочемъ были бы и не въ состояніи по причинѣ крайняго своего невѣжества.

Напримѣръ Карлъ Скавронскій, хотя онъ и былъ братъ государыни, сдѣлался лишь, сколько намъ извѣстно, камергеромъ, но не получилъ никакого придворнаго мѣста и ни одного ордена.

Время смерти его не можемъ мы опредѣлить съ точностію; но, кажется, мы слышали, что онъ умеръ уже въ царствованіе Петра II, исповѣдуя католическую вѣру.

О супругѣ графа Карла Скавронскаго говорится въ особой статьѣ (*).

Онъ вывезъ, какъ мы слышали, съ собою въ Россію трехъ сыновей и двухъ дочерей. Здѣсь родилась у него еще одна дочь. Эти дѣти были по большей части воспитаны въ Греческой вѣрѣ ([5])

Сыновья назывались: Иванъ ([6]), Мартынъ и Антонъ.

Только одинъ изъ нихъ, Мартынъ, кажется, оставилъ потомство.

Онъ находился въ 1748 году камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго, который получилъ отъ императрицы Елизаветы въ 1744 году. Въ 1764 году подписалъ онъ смертный приговоръ несчастному Мировичу. Кромѣ этого не знаемъ мы ничего объ обстоятельствахъ жизни этого графа Скавронскаго ([7]).

Супруга его ([8]) была статсъ-дамой императрицы Елизаветы и Екатерины II и была еще жива въ 1799 году.

Сынъ его ([9]) умеръ въ довольно молодыхъ лѣтахъ, посланникомъ въ Неапо-

---

([4]) Анна Самойловна, жена литовскаго крестьянина Михаила Ефимовича Ефимовскаго и Христина Самойловна, жена Симона Леонтьевича Гендрихова, крестьянина изъ-подъ Риги, деревни Кегему, маіора Гульденшильда. Дѣти ихъ возведены въ графское достоинство императрицею Елизаветою 25 апрѣля 1742, когда родители ихъ уже умерли.

(*) Вотъ эта коротенькая статья Гельбига: «Графиня Скавронская, супруга графа Карла Скавронскаго, брата императрицы Екатерины I, съ которымъ она пріѣхала въ 1726 году въ Петербургъ, была крестьянка изъ Литвы.... Намъ неизвѣстенъ годъ ея кончины. Мы знаемъ только, что она умерла въ римско-католической вѣрѣ. Объ ея мужѣ и ея дѣтяхъ можно прочесть подробнѣе въ предыдущей статьѣ».

([5]) Кромѣ дочери, бывшей за Сапѣгой, о которой говорится ниже, прим. 13.

([6]) Графъ Иванъ Карловичь Скавронскій, капитанъ лейбъ гвардіи Измайловскаго полка, учился въ гимназіи и въ кадетскомъ корпусѣ. Род. 22 января 1718, ум. 30 ноября 1742. Онъ не былъ женатъ, такъ же какъ и меньшой братъ его графъ Антонъ Карловичь, о которомъ мнѣ ничего не извѣстно.

([7]) Графъ Мартынъ Карловичь Скавронскій, генералъ аншефъ, оберъ-гофмейстеръ и андреевскій кавалеръ, ум. 28 іюня 1776. Онъ учился вмѣстѣ съ братомъ и былъ отличный человѣкъ, дѣлавшій много добра.

([8]) Жена графа Мартына Карловича была рожденная боронесса Марья Николаевна Строганова, которая была пожалована статсъ-дамою еще при императрицѣ Елизаветѣ и умерла въ 1805 году.

([9]) Графъ Павелъ Мартыновичь Скавронскій, единственный сынъ предыдущаго, умеръ въ 1794 году, и съ нимъ пресѣкся родъ графовъ Скавронскихъ, на третьемъ поколѣніи. Двѣ дочери остались послѣ него отъ брака его съ Екатериною Васильевною Энгельгардтъ, въ послѣдствіи бывшей за графомъ Литтой, о которой см. ниже прим. 10: а) Графиня Екатерина Павловна, за

лѣ, гдѣ онъ жилъ съ царскою пышностію. Праздники его были столь же богаты, какъ королевскіе, но пріятнѣе ихъ.

Вдова его, рожденная Энгельгардтъ ([10]), племянница и любимица князя Потемкина и статсъ-дама императрицы Екатерины II, вышла замужъ (и это конечно первый примѣръ такого рода) за коммандора Мальтійскаго ордена графа Литту ([11]), въ то время, когда Павелъ I объявилъ себя гросмейстеромъ этого ордена ([12]).

Дочери стараго графа (Карла) Скавронскаго назывались: Софья, Анна и Екатерина.

Софья Карловна была пожалована, только что пріѣхала въ Петербургъ, придворной дамой при теткѣ своей, императрицѣ Екатеринѣ I. Но очень вскорѣ она вышла замужъ за графа Петра Сапѣгу, о которомъ мы уже говорили. Императрица, которая была обязана ему нѣкоторою благодарностію за отысканіе ея родственниковъ, пожаловала ему въ 1726 году Александровскій орденъ. Сапѣга, одинъ изъ первыхъ магнатовъ въ Польшѣ, почелъ за честь жениться на крестьянкѣ, бывшей племянницею Русской императрицы. Софія имѣла нѣсколько дѣтей ([13]) и умерла католичкой.

Анна Карловна ([14]) вышла за графа Михаила Воронцова ([15]), который умеръ великимъ канцлеромъ. Она была статсъ-дамой императрицы Елизаветы и Екатерины II и кавалерственной дамой Екатерининскаго ордена. Эта графиня Воронцова (*) была прекрасная женщина . . . . Ея единственная дочь ([16]) вышла за находящагося еще въ живыхъ графа Строганова ([17]), съ которымъ была очень счастлива ([18]).

знаменитымъ княземъ Петромъ Ивановичемъ Багратіономъ р. 1765, ум. 7 сентября 1812. У нихъ не было дѣтей. б) Графиня Марья Павловна, за графомъ Павломъ Петровичемъ фонъ-деръ-Паленомъ, род. 7 іюля 1775, ум. 9 февраля 1834, генераломъ отъ кавалеріи. Отъ этого брака произошла дочь, графиня Юлія Павловна, род. 1803, бывшая за мужемъ за графомъ Николаемъ Александровичемъ Самойловымъ, ум. 1842, потомъ за французскимъ докторомъ Перри, ум. 1846, а нынѣ за графомъ Карломъ-де-Морне. Всѣ браки эти бездѣтны.

([10]) Екатерина Васильевна рожденная Энгельгардтъ, род. 1761, ум. 7 февраля 1829. Она была статсъ-дамой съ 1781 года. Вторый бракъ ея съ графомъ Литтомъ, въ октябрѣ 1798 года, воспѣтъ Державинымъ.

([11]) Графъ Юлій Помпеевичь Литта, оберъ-камергеръ и андреевскій кавалеръ, род. 12 апрѣля 1763, ум. 24 января 1839. Въ 1798 году, будучи уже вицъ-адмираломъ русской службы, онъ былъ въ то же время посломъ Мальтійскаго ордена при русскомъ дворѣ и испросилъ у папы разрѣшеніе жениться вопреки орденскимъ правиламъ.

([12]) Это происходило 29 ноября 1798.

([13]) Это несправедливо. У ней былъ одинъ сынъ и тотъ умеръ въ отрочествѣ.

([14]) Графиня Анна Карловна Воронцова, род. 7 декабря 1723, ум. 31 декабря 1775.

([15]) Графъ Михаилъ Илларіоновичь Воронцовъ, государственный канцлеръ, род. 12 іюля 1714, ум. 15 февраля 1767.

(*) Она жила и умерла въ прекрасномъ домѣ (im Stückhofs-viertheil), въ которомъ жилъ въ осьмидесятыхъ годахъ нынѣшній король Виртембергскій, бывши еще принцемъ. Объ ея мужѣ будетъ рѣчь въ статьѣ «Лестокъ». (Примѣчаніе *Гельбига*).

([16]) Графиня Анна Михайловна Строганова, род. 1743; ум. 21 февраля 1769; у ней не было ни братьевъ, ни сестеръ, и она не имѣла дѣтей.

([17]) Графъ Александръ Сергѣевичь Строгановъ, оберъ-камергеръ и андреевскій кавалеръ. Род. 3 января 1743; ум. 27 сентября 1811.

([18]) Гельбигъ тутъ ошибается или шутитъ. Бракъ графа Александра Сергѣевича и графини Анны Михаиловны Строгоновыхъ, оставшійся безплоднымъ, былъ завѣдомо всѣмъ самый несчастный, о чемъ см. напр. Записки Порошина. Овдовѣвши въ 1769 году, графъ А. С Строгановъ женился потомъ на княжнѣ Екатеринѣ Петровнѣ Трубецкой, род. 1744, ум. 20 ноября 1815 и имѣлъ отъ нея единственнаго сына графа

Екатерина Карловна ([19]) родилась послѣ того, что родители ея пріѣхали въ Россію ко двору. Она вышла замужъ за отличнаго человѣка, барона Корфа ([20]), который былъ посыланъ въ Киль, чтобы привезти великаго князя Петра и получилъ извѣстность въ несчастной исторіи низложеннаго императора Іоанна Антоновича. Мы не знаемъ, имѣла ли она дѣтей. Фамилія Корфъ существуетъ еще въ Лифляндіи и Курляндіи и можетъ быть многія живыя лица, принадлежащія къ ней, происходятъ отъ этой Екатерины Карловны ([21]).

Съ нѣмецкаго *Михаилъ Лонгиновъ.*

Тула 30 октября 1864.

Павла Александровича, генералъ адъютанта, род. 7 іюня 1774, ум 10 іюня 1817, женатаго на княжнѣ Софьѣ Владимировнѣ Голицыной, род. 1774, ум. 5 марта 1845. Эта линія пресѣклась въ мужескомъ колѣнѣ, потому что единственный сынъ послѣднихъ графъ Александръ Павловичь, род. 1795, не былъ женатъ и убитъ въ 1814 году подъ Краономъ, и у родителей его остались только дочери.

([19]) Баронесса Екатерина Карловна Корфъ, ум. 1757.

([20]) Баронъ Николай Андреевичь Корфъ, род. 7 мая 1710, ум. 24 апрѣля 1766, генералъ аншефъ и андреевскій кавалеръ. Первая жена его была вдова Бодиско, отъ которой онъ имѣлъ единственнаго сына, умершаго въ младенчествѣ. Онъ дѣйствительно обходился весьма человѣколюбиво съ Іоанномъ Антоновичемъ, къ которому былъ одно время приставленъ.

([21]) Баронъ Николай Андреевичь и баронесса Екатерина Карловна Корфъ не имѣли никогда дѣтей.

Заключеніе. Переводчикъ считаетъ тѣмъ полезнѣе обнародованіе родословныхъ свѣдѣній о графахъ Скавронскихъ, что ихъ нѣтъ въ «Россійской родословной книгѣ» князя Петра Долгорукаго, такъ какъ родъ ихъ угасъ, а авторъ не дошелъ до фамилій угасшихъ въ вышедшихъ въ свѣтъ 4 томахъ своего сочиненія, изданіе котораго остановилось въ 1857 году.

ЗАМѢТКА О ГЕЛЬБИГѢ.

Книга, изъ которой переведены жизнеописанія барона Шафирова и графа Скавронскаго, называется Russische Günstlinge, Tübingen, 1809. мал. 8°. VIII и 502 стр. Долго не знали, кто написалъ ее. Но Германъ, въ своей Geschichte des Russischen Staats, ч. V, стр. 109 разрѣшилъ загадку. Онъ говоритъ, что сочинитель этого замѣчательнаго словаря Русскихъ случайныхъ людей есть Саксонскій тайный совѣтникъ посольства, акредитованный при Петербургскомъ дворѣ въ 1787 г. *Фонъ-Гельбигъ*, и что въ королевской Дрезденской библіотекѣ находится экземпляръ этой книги съ заглавіемъ, оттиснутымъ на переплетѣ, гдѣ авторомъ ея именно названъ Фонъ-Гельбигъ.

Въ Запискахъ Храповицкаго (стр. 208, подъ 7 окт. 1789) Гельбигъ названъ секретаремъ Саксонскаго посланника, и говорится, что онъ, Гельбигъ, сообщилъ въ Дрезденъ невѣрное извѣстіе о нѣкоторыхъ отзывахъ Екатерины II-й.

ИЗЪ БУМАГЪ
ВАСИЛІЯ СТЕПАНОВИЧА ПОПОВА (*)

Письмо В. С. Попова къ Вас. Вас. Каховскому, губернатору Екатеринославскому. 23 маія 1793 года. Село Царское.

В. В. Каховскій—вѣроятно братъ извѣстнаго генерала и впослѣдствіи графа Михаила Васильевича Каховскаго, принявшаго начальство надъ Русскою арміею по кончинѣ Потемкина въ 1791 г. По Запискамъ Храповицкаго видно, что въ сентябрѣ 1788 г. Потемкинъ перевелъ его изъ Тавриды губернаторомъ въ Екатеринославль. Къ содержанію этого письма относятся также еще три мѣста изъ тѣхъ же Записокъ: 23 іюня 1793 г. „Читая предъ ея величествомъ рапортъ губ. Каховскаго, довелъ до сильнаго изъясненія о себѣ, Каховскомъ и Тибѣкинѣ. Были слезы, и сказали мнѣ, что онъ имѣлъ случай оправдаться во всемъ, на него взведенномъ“ 25 іюля того же года: „Подписаны указы о бытіи Тибѣкину Петербургскимъ вице-губернаторомъ; но онъ, услыша о семъ, бросился со слезами къ Зубову, чтобъ не переводить его изъ Екатеринославской губерніи: тамъ хочется ему быть губернаторомъ, сверзя антагониста своего К.“ Еще раньше, 16 февраля 1793 г. Екатерина отозвалась Храповицкому о Екатеринославлѣ: „Знаешь ли, какими людьми тамошній край наполненъ? C'est un tas d'avanturiers; tous les jours j'entends des nouvelles histoires. Mais n'allez pas dire cela à Popof.“

(*) Извлечено изъ Рѣшетиловской богатой библіотеки и сообщено намъ профессоромъ *А. И. Ставровскимъ*. См. Р. Архивъ 1865 г., вып. I, стр. 63, 64. Краткая біографія Попова (1745—1822) есть въ Словарѣ Б. Каменскаго; но этотъ замѣчательный человѣкъ еще ждетъ своего біографа.

Въ Запискахъ Храповицкаго читаемъ:

„24 Сент. 1786. Поповъ взятъ въ секретари.

30 Мая 1787, во время путешествія: Попову чинъ, орденъ и шляпа отъ министерства.

26 Февр. 1788. Говорено о посылкѣ Турчанинова къ князю, по причинѣ болѣзни Попова и всей его канцеляріи.

12 Генв. 1792. Пріѣхалъ и явился Поповъ. Слезы и бѣготня. Княжія бумаги заперты въ особый ящикъ, и ключь спрятанъ.

12 Февр. 1792. Надѣли орденъ св. Александра на Попова; хвалили его разумъ и способности.

26 Февр. 1792. Попову поручаютъ дѣла кромѣ наслѣдства, оставшагося послѣ свѣтлѣйшаго князя и разсчета въ экстра-ординарной суммѣ.

28 Февр. 1792. Бумаги, Бароціемъ отъ гр. Безбородко привезенныя, предъ ея вел. читалъ Поповъ. Графъ пишетъ къ нему какъ къ другу, рекомендуетъ Бароція и желаетъ скоро увидѣть Попова здоровымъ и веселымъ.

28 Іюня 1792. Попову порученъ кабинетъ.

11 Сент. 1792. Хотѣли назначить Попова въ ген. прокур. „Человѣкъ довольно видный, съ открытою головою“, но ей самой нуженъ.

4 Окт. 1792. Хвасталъ Поповъ тѣмъ, что съ ея величеств. вмѣстѣ плакалъ, вспомня своего свѣт. князя: онъ съ нимъ въ сей день прощался въ Яссахъ.

Сей часъ имѣлъ я честь получить ваше пріятное писаніе отъ 9-го сего мѣсяца изъ Дубосаръ. Благодаря же васъ за оное и за присланные кофе и масло, которые я завтра намѣренъ поднести Государынѣ, сожалѣю о томъ только, что при вашихъ трудахъ и заботахъ наносятъ вамъ безпокойство клеветники и злодѣи. Но презрите ихъ и будьте увѣрены, что они постыдятся. Я самъ, милостивый мой другъ, испыталъ самымъ дѣломъ, до какой крайности злоба и неблагодарность могутъ простираться. Нѣтъ ничего святаго для сихъ злодѣевъ. Одни изобрѣтаютъ самыя нелѣпости, другіе готовы присягнуть гнуснѣйшей лжи, чтобы только подслужиться, третьи, зная неправду, вѣрятъ ей или по злобѣ или въ угодность другимъ. Моя твердость и терпѣніе выдержали конечно тяжелыя пробы, и тѣмъ болѣе чувствительныя, что въ случаяхъ, которые по наружности казались злоупо-

требительными и съ законами несходными, не могъ я оправдаться. Но возложить вину на князя покойнаго (*) казалось мнѣ было тоже, что̀ согласиться съ его недоброхотами. И такъ я говорю, что всё имъ сдѣлано хорошо, представляя тому справедливыя причины, а они говорятъ, что худо и что не князь дѣлалъ, а я. Вотъ, милостивый государь мой, какую отдаютъ справедливость памяти покойнаго ближніе его. Таковъ ли онъ былъ, чтобы можно было дѣлать мимо его, и таковы ли были дѣла его, чтобы подвергались критикѣ людей, которые не только охуждать ихъ, но и разсуждать объ нихъ не дерзали?

Къ собственному только свѣдѣнію сообщу вамъ, что третьяго дня, при разговорѣ съ ея величествомъ, осмѣлился я напомянуть о необходимой надобности вашего сюда прiѣзда, особливо, что многія ваши представленія нужныя и полезныя не рѣшены и что ваши доброхоты во зло вамъ дѣлаютъ на нихъ возраженія. Тутъ ея величество отозваться соизволила: „Не хорошо однакожъ, что Василей Васильевичь мѣшается въ казенную палату, дѣлая многія распоряженія, до палаты касающіяся и заключая казенные подряды". Я отвѣчалъ, что для меня это совсѣмъ новое, но что конечно Василей Васильевичь, какъ хозяинъ губерніи, наблюдаетъ во всей точности пользу казенную, имѣя впрочемъ въ *Тибѣкинѣ* (*) самаго злѣйшаго врага, и что конечно по прiѣздѣ его ея величество найти изволитъ его честность и безкорыстіе, такъ какъ и несправедливыя на него клеветы. „Да, это правда, перервать изволила государыня, никогда не надобно рѣшать дѣла, не выслушавъ обѣихъ сторонъ". Пожалуйте, милостивой государь мой, сохраните сіе въ вашемъ единственно свѣдѣніи: вы видите, что при недостаткѣ праведныхъ резоновъ стараются выдумать и внушить, какіе только на мысль придутъ. Ея величество тутъ же изволила отозваться, что прикажетъ о вашемъ прiѣздѣ, и такъ должно ожидать сего приказанія.

За нѣсколько предъ тѣмъ временемъ при случившемся разговорѣ о блаженствѣ Россіи и о личной каждаго подданнаго безопасности, ея величество изъяснить изволила прямо великодушныя свои чувствованія. „Естьли я примѣчу, изволила она говорить, что кого стараются угнѣтать и притѣснять, тогда я сама дѣлаюсь адвокатомъ того человѣка, и не попущу, чтобы онъ терпѣлъ напрасно, развѣ уже какія важныя окажутся преступленія его".

Губернатору Таврическому съ начала прiѣзда его весьма было чувствительно получить одинъ строгой указъ со взысканіемъ; но теперь какъ онъ подлаживаетъ (Зубову?), что̀ я и самъ ему совѣтовалъ, то онъ сдѣлался къ нему добръ и очень его хвалитъ.

Раздѣлъ между княжими наслѣдниками еще не состоялся, и сумнительно, чтобы они скоро раздѣлились. Графиня Браницкая съ Самойловымъ въ непримиримой враждѣ, и мнѣ кажется, что онъ не правъ, забывъ, что она была его покровительницею.

По рапорту вашему о Грекахъ Маріупольскихъ я уже докладывалъ, и ея величество, выслушавъ со вниманіемъ всё ваше мнѣніе, приказать изволила оберъ-прокурору, такъ какъ дѣло сіе пришлется въ сенатъ, а потому и не могу уже я возвратить вамъ вашъ рапортъ.

Препоручивъ себя впрочемъ вашей милостивой дружбѣ, къ вамъ пребуду покорнымъ слугою *Василій Поповъ*.

(*) Т. е. Григорія Александровича Потемкина.
(*) Тибѣкинъ былъ вице-губернаторомъ въ Екатеринославлѣ. Изъ дѣлъ и писемъ видно, что онъ любилъ взятки и интриги. А. С.

II.

„Высокородному и превосходительному господину генералъ-майору, горнаго корпуса директору и разныхъ орденовъ кавалеру Василію Степановичу Попову. Отъ артиллеріи майора Аракчеева рапортъ.

Его императорское высочество высокоповелительный генералъ-адмиралъ соизволилъ приказать требовать изъ Горнаго Корпуса, состоящаго подъ вѣдомствомъ вашего превосходительства, художниковъ для изъисканія въ мызѣ Гатчинѣ водяныхъ родниковъ, двухъ человѣкъ, которыхъ и благоволите ваше превосходительство приказать прислать съ принадлежащими къ оному инструментами ко мнѣ въ Павловское, о чемъ честь имѣю рапортовать, артиллеріи майоръ *Алексей Аракчеевъ.* N 224, мая 23 дня 1794. Помѣта рукою Попова: «полученъ іюня 19 дня 1794 въ 10 час. вечера.»

Въ бумагахъ *В. С. Попова* сохранилась еще слѣдующая своеобразная и относящаяся къ болѣе позднему времени, резолюція (уже графа) Аракчеева на рапортъ о томъ, что у провіантскаго коммиссіонера барки съ хлѣбомъ благополучно прошли мимо Боровицкихъ пороговъ:

„Это мнѣ одному только извѣстно, сколько у меня обѣщано молебновъ, сколько обѣщаній пѣшкомъ по монастырямъ ходить, дабы Всевышній сохранилъ провіантскихъ комиссіонеровъ отъ искушеній, наводящихъ (*sic*) по Св. Писанію самими дьаволами, и вѣрно мои молитвы уже доходятъ до Бога. Г. Аракчеевъ.“

III.

Докладъ ея величеству по постройкѣ зданія публичной библіотеки, марта 1796 года.

Ея императорское величество изволила возложить на меня сооруженіе дома и учрежденіе въ ономъ государственной публичной библіотеки. Привезенная изъ Варшавы Залуская библіотека, болѣе 200,000-чь книгъ содержащая, къ тому назначена съ присовокупленіемъ всѣхъ Россійскихъ книгъ и иностранныхъ, издаваемыхъ съ 1764 года, ибо отъ того времяни никакого почти та библіотека не имѣла приращенія. Домъ, вчернѣ сдѣланный, можетъ совсѣмъ готовъ быть къ концу будущаго 1797 года; книги, привезенныя изъ Варшавы, разбираются, новыя должны быть куплены, пріискиваются люди для библіотеки надобные; на дальнѣйшее же всего того произвожденіе въ дѣйство осмѣливаюсь просить высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія. Василій Поповъ.

По поводу этого акта умѣстнымъ нахожу замѣтить, что въ Рѣшетиловскомъ архивѣ я нашелъ еще проэктъ: о книгохранилищѣ или библіотекѣ для общественнаго употребленія. Здѣсь сказано между прочимъ: „Въ Египтѣ были библіотеки и носили имя: „Хранилище душевныхъ лекарствъ“, это вѣрно отчасти: потому что иныя книги есть хуже отравы.“ Проэктъ состоитъ въ томъ, чтобы основать императорскую или Екатерининскую библіотеку по идеѣ и по плану.

А. С.

Писатели,

съ уваженіемъ упомянувшіе о библіотекѣ Залускаго.

1. *Бауермейстеръ* Генри Каспаръ въ начальномъ основаніи своего землеописанія, на стр. 257, изданнаго въ Брунсвигѣ 1760 года въ 8: „Варшава, великій и прекрасный городъ, лежитъ „при Вислѣ, и приономъ старое и новое пред„мѣстія, мѣстопребываніе короля съ великолѣп„нымъ за́мкомъ, преизрядными церьквами, хоро„шею оружейницею и превосходнѣйшею библіо„текою“.

2. *Корчински*, Кассіянъ Францисканъ, проповѣдникъ катедральный, въ жизнеописаніи епископа Краковскаго въ томѣ I, на стр. 30, напечатанномъ 1764 года въ Краковѣ. *„Залускій*, „со всею роднею своею, великимъ иждивеніемъ

„устроилъ въ Варшавѣ, къ украшенію отечества, „библіотеку“.

3 Издатель Еженедѣльника, подъ заглавіемъ *Мониторъ*, на стр. 457. № 59, 1765 года: „Въ „самой Варшавѣ есть прекрасная, для общаго „употребленія открытая библіотека, именуе„мая *Залускихъ*, въ которой превеликое множе„ство отборнѣйшихъ книгъ, одна, которая во „всей Польшѣ достойна видѣнія. Въ бытность „мою, оная еще не была въ толикомъ уваженіи, „не считалась, какъ должно, великимъ благомъ „для государства; но думаю, что когда разсмот„рятъ оную, то почтутъ не только украшеніемъ „земли, но и великимъ благодѣяніемъ, оказан„нымъ отечеству“.

4. *Ехардъ* Лаврент въ Географическомъ ручномъ словарѣ, въ томѣ 2, на стр. 1506, напечатанномъ въ 8-ю долю листа, въ Ульмѣ, 1765 года: „Варшава, городъ сей гордится открытою „библіотекою, называемою по имени графа *За„лускаго*, которая болѣе, нежели изъ 200.000 „книгъ состоитъ. Папа Бенедиктъ XIV, 1752 года „особенною своею буллою угрожаетъ изверженi„емъ изъ церькви всѣхъ тѣхъ, кои бы отважи„лись что либо изъ оной библіотеки похитить; „но не взирая на то, не безъ хищниковъ“.

5. *Фишеръ*, Павелъ, С. П., въ Географіи своей, изданной 1759 года въ Варшавѣ на страницѣ 42: „Не малымъ какъ Варшавѣ, такъ и „другимъ частямъ государственнаго состоянія „почитается отъ посторонних украшеніемъ пыш„ная и занимающая зрѣніе людей, премногочи„сленная библіотека, устроенная для общаго „употребленія, знатнымъ иждивеніемъ покойнаго „сіятельнаго князя *Андрея Станислава Залуска„го*, епископа Краковскаго, и брата его Іосифа, „тогдашняго короннаго рефендарія, а нынѣ епи„скопа Кіевскаго“.

6. *Шмидтъ*, секретарь посольства Саксонскаго при Лондонскомъ дворѣ, въ дѣяніяхъ королевства Польскаго, изданномъ сочиненіи въ Варшавѣ, 1766 года, на стр. 348: „1745 года заложена въ Вар„шавѣ публичная библіотека отъ *Андрея Залуска„го*, епископа Хельмскаго, канцлера короннаго, по„слѣ черезъ годъ, епископа Краковскаго, и отъ „брата его Іосифа, тогдашняго короннаго референ„дарія, а нынѣ епископа Кіевскаго, и открыта „для всеобщаго употребленія, позволеннаго каж„дому ежедневно“.

7. Онъ же въ томъ же сочиненіи на французскомъ языкѣ, переведенномъ на Польскій отцомъ Іоанномъ Албертранди, езуитомъ, бывшимъ начальникомъ надъ оною библіотекою, на стр. 35.: „Написалъ лѣтопись Мартинусъ Полонусъ, къ ко„торой, при послѣднѣйшихъ временахъ, присово„куплена басня о паписсѣ Іоаннѣ, каковой, по „мнѣнію ученыхъ людей, Мартинусъ никакъ „не писалъ. Смотри въ *Белп.*, въ членѣ *Поло„нусъ*. Бель пишетъ, что въ открытой для пу„личнаго употребленія библіотекѣ Залускаго, „епископа Кіевскаго, находятся двѣ самыя древ„нія рукописи, въ которыхъ однакожъ той ба„сни не находится“.

8. *Шрамъ*, Карлъ, совѣтникъ Кульмбахскій въ словарѣ путешествія по городамъ, изданномъ въ Лейпцигѣ въ 8 ю долю листа 1744 года, на стр. 2244: „Библіотека короннаго канцлера *Залускаго*, „великаго покровителя ученыхъ, есть рѣдкость „какъ по драгоцѣнности своей, такъ и по много„числію книгъ въ оной.

9. *Зильберсъ*, Карлъ Андрей, во введеніи къ землеописанію, напечатанномъ въ Копенгагенѣ и Лейпцигѣ 1764, на стр. 305: „Варшава столица Мазуріи и королевское мѣстопребываніе, имѣетъ великолѣпный замокъ, многія преизрядныя зданія и чертоги, дворянскую коллегію и ученое общество; тамошняя графско-Залуская библіотека состоитъ изъ 200,000 книгъ.

10. *Въ Цейдлеровомъ* Всеобщемъ лексиконѣ въ 60 т., отъ 1435 по 1464 стр. описывается родъ Залускихъ и ихъ библіотека.

11. *Бишингъ* Андрей Фридрихъ, профессоръ Гетингскій въ новомъ землеописаніи, въ томѣ 1-мъ, на стр. 968: „Драгоцѣнная графско-Залуская биб„ліотека, открытая въ 1746-мъ году, и состоящая „болѣе, нежели изъ 200,000 книгъ, придаетъ го„роду полезное украшеніе. Папа Бенедиктъ XIV, „1752 года, буллою своею угрожаетъ изгнаніемъ „изъ церкви тѣхъ, кои бы изъ сей библіотеки „что либо похитили“.

IV.

Собственноручная записка В. С. Попова по доносу Кожина на него въ упущеніяхъ по камеръ-коллегіи и злоупотребленіяхъ въ оной.

21-го дня сентября 1799 года въ четвертомъ часу по полудни господинъ во-

енный губернаторъ графъ фонъдеръ-Паленъ, прибывъ ко мнѣ, объявилъ высочайшее его императорскаго величества повелѣніе о приставленіи караула къ дому моему по случаю вступившаго отъ президента камеръ-коллегіи Кожина представленія на злоупотребленія и безпорядки въ той коллегіи. Караулъ тотчасъ приставленъ, состоящій въ офицерѣ, унтеръ офицерѣ и шести рядовыхъ.

22-го получено письмо отъ военнаго губернатора съ приложеніемъ доносовъ президентскихъ и съ требованіемъ на оные объясненія.

Тогожъ числа объясненіе послано при письмѣ моемъ къ господину губернатору военному.

23-го военный губернаторъ присутствовалъ въ камеръ-коллегіи съ 11-ти часовъ утра до втораго по полудни для изслѣдованія по доносу президента и моему объясненію и въ три часа по полудни отправился въ Гатчинъ.

24-го военный губернаторъ возвратился изъ Гатчина въ 8 ч. вечера.

Октября 3-го препровождено отъ военнаго губернатора учиненное имъ слѣдствіе въ сенатъ на обсужденіе и рѣшеніе.

.... *(истлѣли слова)* Слушано предложенное отъ генералъ-прокурора сообщеніе ..... къ исполненію въ 1 департаментъ.

Доносъ Кожина на Попова, объясненія Попова на обвиненія Кожина, справки по запросамъ слѣдователей и судей въ камеръ-коллегію и подвѣдомственныя ей мѣста, рѣшеніе сената, докладъ Палена государю и указъ Попову объ отставкѣ составляютъ полное дѣло и весьма сложное. Изъ всѣхъ бумагъ по этому дѣлу мнѣ показались достойными имѣть копію слѣдующія.

А. С.

1. *Письмо (Попова) графу Петру Алексѣевичу фонъ-деръ-Палену отъ 22 сентября 1799 года.* Имѣю честь при семъ представить объясненіе на присланные ко мнѣ пункты. Ваше сіятельство изволите изъ онаго усмотрѣть, что господинъ президентъ камеръ-коллегіи, не войдя должнымъ порядкомъ въ теченіе дѣлъ коллегіи, ниже давъ себѣ время вникнуть въ производство оныхъ, а желая только отличить себя на счетъ другихъ, осмѣлился клеветою своею очернить неограниченное усердіе и неусыпные труды ревностно въ оной служащихъ.

Что касается до меня, то польза государственная и возвышеніе паче и паче казеннаго дохода были единственнымъ предметомъ всего моего попеченія. Не щадилъ я никакихъ трудовъ, чтобы при самомъ почти устроеніи коллегіи видимы были плоды ея. Всѣ мои мысли и потомъ старанія устремлены были къ изысканію надежнѣйшихъ для пользы казенной способовъ. Я небрегъ о собственныхъ моихъ дѣлахъ и впалъ въ страшные долги, когда отправленіе возложеннаго на меня званія составляло все мое упражненіе. Но въ семъ подвигѣ гнѣвъ величайшаго и обожаемаго монарха низвергаетъ меня въ бездну горести. Жизнь моя мнѣ несносна. Съ сокрушеннымъ духомъ и изнемогающими силами не могъ бы я переносить ударовъ, меня поражающихъ, естьли бы не полагалъ упованія моего на его милосердіе. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію и проч.

2. *Докладъ Палена государю сентября 23-го 1799 года о дѣлѣ Попова по доносу Кожина.* Во исполненіе высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія о изслѣдованіи въ камеръ-коллегіи по разнымъ частямъ злоупотребленій, потребовалъ я тотчасъ отъ президента Кожина объясненіе, въ чемъ оныя состоятъ и отвѣтъ отъ бывшаго президента Попова; и получа все сіе,

былъ въ камеръ-коллегіи, гдѣ лично обозрѣвъ производство дѣлъ, сколько краткость времени мнѣ позволяла, не нашелъ я нималѣйшаго упущенія казеннаго интереса, кромѣ незаписанія въ приходъ остатка ниже-показанной суммы.

1-е Прибыль и выдача денегъ происходили всегда по указамъ коллегіи.

2-е Залоги денежные по запискѣ въ протоколъ отдавались для храненія члену коллегіи, статскому совѣтнику Фетистову, у коего и хранятся.

3-е О производствѣ по казеннымъ заводамъ отчетовъ, отъ нѣкоторыхъ казенныхъ палатъ свѣдѣнія получены, а отъ другихъ по рѣшенію сената таковыя же требуются.

4-е Вѣдомости о питейныхъ домахъ коллегія имѣетъ; но какъ по новому разграниченію губерній оныя не ясны, то коллегія требуетъ присылки оныхъ по данной формѣ.

5-е О винныхъ магазейнахъ, гдѣ они существуютъ, коллегія извѣстна.

6-е О недоимкахъ подана государственному казначею вѣдомость и которыя изъ нихъ утверждены присутственными мѣстами, то о взысканіи оныхъ имѣетъ должное настояніе.

Въ прочемъ докладные реэстры существуютъ съ самаго открытія коллегіи, и въ нихъ резолюціи отмѣчаются самими присутствующими; также и въ регистратурѣ имѣются входящія и исходящія книги. Чтожъ принадлежитъ до незаписаннаго остатка отъ прошлаго года денежной казны, то оный состоитъ не болѣе какъ въ *шести стахъ* рубляхъ и не записано потому только, что счетною экспедиціею за множествомъ важнѣйшихъ счетовъ книга прошлогодняя не обревизована.

Въ разсужденіи же раздѣленія дѣлъ оное производилось сообразно надобности и способности канцелярскихъ служителей къ успѣшнѣйшему оныхъ теченію. Все сіе обозрѣвъ лично и взявъ отъ вице-президента и прочихъ членовъ въ присутствіи коллегіи объясненіе, повергаю всѣ сіи бумаги высочайшему вашего императорскаго величества воззрѣнію.

3. *Указъ его императорскаго величества самодержца всерос. изъ правительствующаго сената госп. т. сов. и кавалеру Попову.* По имянному его импер. величества высочайшему указу, послѣдовавшему сего ноября въ 20-й день на докладъ сената, коимъ по случаю изслѣдованія, учиненнаго по камеръ-коллегіи о порядкѣ и теченіи дѣлъ сенатъ всеподданнѣйше представлялъ, что упущенія по дѣламъ той коллегіи въ порядкѣ производства дѣлъ и казенномъ интересѣ не находитъ; а на томъ докладѣ собственною его императорскаго величества рукою написано тако: „*докладъ беру за извѣстіе, а Попова отставить*". Правительствующій сенатъ приказали: о семъ высочайшемъ его императорскаго величества повелѣніи дать знать указами камеръ-коллегіи, государственному казначею, госп. дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру барону Васильеву, с. п. бургскому военному губернатору, госп. генералу отъ кавалеріи и кавалеру графу фонъ-дер-Палену и вамъ госп. т. совѣтнику и кавалеру. Ноября 30-го 1799 года

оберъ-секретарь *Иванъ Богаевской.*

V.

О памятникѣ Петру Великому въ Полтавѣ.

Вашему сіятельству извѣстно намѣреніе великой Екатерины воздвигнуть въ Полтавѣ статую Петра Великаго, яко въ мѣстѣ достопамятнѣйшаго его подвига, отъ котораго Россія можетъ считать и прочность благосостоянія и исполинскіе ша-

ги свои къ настоящему величеству. Статуя назначена была та самая, что́ поставлена у Михаиловскаго замка. Какую радость и благодѣяніе ваше сіятельство оказать изволите сему городу исходатайствованіемъ оному сего монумента. Въ будущемъ году Петербургъ будетъ праздновать свое столѣтіе. Побѣдитель Шведовъ признавалъ самъ твердость основанія столицы своей отъ Полтавской побѣды; то сколько бы прилично было при торжествованіяхъ Петрова града торжествовать и намъ предъ его изваяніемъ, и сколько бы чрезъ то выполнилось предметовъ: память героя, слава воиновъ Россійскихъ и награда гражданамъ за вѣрность, коей ни угрозы Карла, ни прельщенія Мазепы, ни всѣ ужасы бѣдственной осады не поколебали! До сихъ поръ въ Полтавѣ одинъ только бѣдный памятникъ, частнымъ человѣкомъ сооруженный, означаетъ произшествіе, котораго важность цѣлый свѣтъ чувствуетъ.

Писано собственною рукою В. Степ. Попова въ 1802 году изъ мѣстечка Решетиловки въ С.-Петербургъ къ графу, кажется, *Кочубею*. *А. С.*

VI.

Замѣтка о финансахъ.

По теперешнимъ финансовымъ операціямъ довольно любопытно сужденіе простолюдиновъ. Они говорятъ, что самый легчайшій долгъ тотъ, за который не платятся проценты, и онъ лучше того, за который должно взносить проценты.

Ассигнаціи суть долгъ безпроцентный; пользуясь симъ капиталомъ, казна съ доброю экономіею и умѣреннымъ расходомъ можетъ совершенно исправить финансы.

Но если для уничтоженія безпроцентнаго долгу дѣлать новые долги съ процентами, и платежемъ оныхъ процентовъ умножить расходы, то прибавляющіеся годъ отъ году долги и проценты могутъ достигнуть до такой суммы, которую не только будетъ трудно, но и невозможно заплатить.

Примѣръ Англіи не можетъ служить къ подражанію другихъ. Она изобилуетъ своими капиталами и платитъ проценты себѣ; но истощать доходы на платежъ процентовъ иностранцамъ и убыточно и вредно.

Записка эта найдена въ проэктахъ объ улучшеніи финансовой части 1810 г. *А. С.*

VII.

Двѣ политическія записки. (*)

1.

Политико-историческія примѣчанія, касающіяся Русскаго государства.

Между благоразумнѣйшими дѣяніями Французскаго правительства считается завоеваніе Нидерландовъ и земель сопредѣльныхъ Франціи, простирающихся до Рейна. Оно доставило Франціи натуральную грань, которая вмѣстѣ съ Пиринейскими и Алпійскими горами, защищающими оную отъ Ишпаніи и Италіи, утвердила неприкосновенность границъ ея. Сіе благоразумное огражденіе, яко необходимое, было предвѣстникомъ тѣхъ великихъ дѣяній, коимъ нынѣ Европа не безъ причины удивляется; но при всѣхъ таковыхъ достойныхъ подражанія примѣрахъ—*Русь* (1) въ разсужденіи собствен-

(*) Обращаемъ особенное вниманіе читателей на эти записки. Онѣ по направленію своему служатъ наглядымъ объясненіемъ нашихъ политическихъ успѣховъ при Екатеринѣ, а по содержанію могутъ быть поставлены на ряду съ знаменитымъ письмомъ Карамзина о Польшѣ.

(1) Русскіе съ нѣкотораго времени начали *Русь* называть *Россіею*, подражая вѣроятно или Грекамъ, или ложному производженію сего на-

ной пользы оставалась въ бездѣйствіи; ибо хотя и были со стороны ея ополченія противъ завоевателей, но кровь Русскихъ (Славянъ) проливаема была въ защищеніе и для выгоды другихъ иноплеменныхъ народовъ.

Ежели Францiя могла оградить себя для собственной безопасности выше упомянутыми горами и рѣкою Рейномъ, токмо по праву сильнаго: то тѣмъ удобнѣе сіе можетъ учинить Русь, имѣя кромѣ сего величайшее право, сохраненное достовѣрными бытописателями, на Чермную Русь, называемую нынѣ Галиціею и Владимиріею. Извѣстно, что Владиміръ Великій владѣлъ до предѣловъ Угорской земли (Венгріи) и со стороны оной былъ обезопасенъ непроходимымъ Бескидомъ (²) (Карпатскими горами); извѣстно и то, что владѣнія его отдѣлялись отъ Польши рѣкою Саномъ, выходящею изъ Карпатскихъ горъ и впадающею въ Вислу; а съ запада оныя простирались почти до Вислы. Будучи огражденъ таковыми границами, онъ пренебрегалъ угрозами всѣхъ смѣжныхъ народовъ. Грецiя предъ нимъ трепетала; Угры (³) (Венгерцы) отдѣленные, яко Китайскою стѣною, Карпатскими горами, не смѣли переходить чрезъ четыре прохода, имъ укрѣпленные; Висла и ратоборное Русское войско служили непреодолимою преградою съ запада. И такъ великій князь, имѣя, по тогдашнему времени, столь важныя выгоды (при совершенной неизвѣстности въ то время артиллеріи и искусства переправъ) возвелъ Русскую землю на высочайшую степень величія, славы и уваженія, и заслужилъ отъ потомковъ, удивленныхъ его подвигами, имя великаго. Превознесенная Русь раздѣлена симъ же повелителемъ на разныя части, по зловредной политикѣ, породившейся въ груди дѣтей его, а съ ними и вельможъ двора. Отъ сего то произошли удѣльные князья, а съ ними и Чермная Русь, нынѣ извѣстная подъ именемъ Галичскаго и Владимірскаго (неправильно Лодомирскаго) королевства. Наслѣдники дѣтей Владиміровыхъ долго владѣли сею страною, находясь всегда въ нѣкоторомъ отношеніи съ великими князьями Кіевскими; но Венгерцы въ смутныя для Русскихъ времена начали дѣлать на оную разныя несправедливыя притязанія; въ чемъ коварство Римскихъ папъ, старавшихся о введеніи Уніи, нанесшей столь великій ударъ Русскимъ, премного имъ способствовало; и симъ успѣли наконецъ въ томъ, что папа объявилъ князя Галичскаго королемъ, имѣя на то одно токмо право сильнаго, доставленное ему суевѣріемъ фанатиковъ. И такъ Русскій князь, зависѣвшій впрочемъ отъ великаго князя Кіевскаго, будучи со всѣхъ сторонъ утѣсняемъ, на послѣдокъ принужденъ былъ принять корону отъ того, который не имѣлъ права дать ему оной безъ соизволенія великаго князя, сопряженнаго съ нимъ не токмо союзомъ родства, но и постановленіями тогдашнихъ между удѣльными князьями законоположеній. Венгерскіе бытописатели увѣряютъ, яко бы первой король Галичскій получилъ сіе достоинство отъ папы въ знакъ его милости, и по причинѣ обѣщанія привести Русскій Галичскій народъ въ Унію, учинившуюся въ послѣдствіи времени столь пагубною для сего бѣднаго королевства. Поляки, обитавшіе въ тогдашнее время въ Подляхіи и Мазовіи за Вислою рѣкою, снѣдаемые завистію при воззрѣніи на столь плодо-

---

именованія отъ разсѣянія сего народа. У древнихъ Грековъ *Россія* называлась Ὀλγας της Αρχοντισσης Ρωσιας.

(²) Карпатскія горы по Карпаторусски называются *Бескидомъ*.

(³) Разныя Славянскія племена, а наипаче *Карпато-Руссы*, *Словаки*, *Моравцы*, *Чехи* еще и по днесь называютъ Венгерцовъ *Уграми*, подъ каковымъ названіемъ они извѣстны и у Нестора лѣтописца.

родную землю, вскорѣ могущую подпасть Венгерцамъ въ добычу, дѣлали разныя нападенія и неоднократно покушались завладѣть Чермною Русью. Сія важная часть русскихъ земель, подверженная нападеніямъ смѣжныхъ иноземцовъ, оставленная другими удѣльными князьями, дышавшими взаимною враждою и пагубными какъ для нихъ, такъ и всего отечества раздорами, наконецъ покорилась усилившимся своимъ алчнымъ врагамъ и стонала подъ игомъ то Угровъ, то Ляховъ. Чермно-русское дворянство дотолѣ было утѣсняемо сими разными правленіями, приверженными Риму, пока большая часть онаго не отказалась отъ греческаго исповѣданія; а оставшіеся въ прародительскомъ, безпрерывнымъ утѣсненіемъ мало по малу приведены въ нищету и презрѣніе, лишены правъ и преимуществъ дворянства, и наконецъ вмѣстѣ съ Чермно-русскими простолюдинами, оставшимися безъ защиты, принуждены принять отъ Поляковъ Унію, почитаемую ими и по днесь весьма несносною. Во время польскаго владѣнія поселилось тутъ дворянство польское, и до сихъ поръ еще не терпимое тамошними природными жителями. Сія область, долго стонавшая подъ игомъ Польскимъ, напослѣдокъ подпала Австрійскому владѣнію, которое во всѣхъ судопроизводствахъ ввело свой языкъ, столько же имъ ненавистный, какъ и неудобопонятный, имѣя на оную такое же право, какъ и предшественники, то есть право сильнаго. Сіе краткое начертаніе событій, случившихся въ Галицкомъ и Владимірскомъ княжествѣ, довольно хорошо выведенныхъ въ исторіи г-на Гоппе ([4]), хотя индѣ въ пользу Угровъ и Австрійцевъ, ясно доказываетъ, что ни Варшавское герцогство, ни Венгерцы, ниже Австрійцы никакого неимѣютъ права на то, чтó Русскому государству принадлежитъ, яко древнее достояніе, подкрѣпляемое не токмо исторіею всѣхъ смѣжныхъ народовъ, какъ-то: Угровъ, Поляковъ, Шведовъ и Русскою, но и народомъ единоплеменнымъ съ Русскимъ, обитающимъ тамъ и по нынѣ, равно какъ на Украинѣ, Волыни, Подоліи, Черной Руси и проч. ([5])

Русскій народъ самъ по себѣ былъ и можетъ быть всегда великимъ; но Поляки, народъ весьма малочисленный, жившій за Вислою въ Подляхіи и Мазовіи, величіемъ своимъ одолжены были Русскимъ народамъ, коихъ они, пользуясь междоусобными раздорами князей, успѣли мало по малу присоединить къ бѣдной своей Подляхіи и Мазовіи. Всѣ сіи обстоятельства въ царствованіе Екатерины великой извѣстны были мужамъ, занимавшимся болѣе своимъ отечествомъ, нежели Франціею. Я говорю между прочимъ о князѣ Безбородкѣ, который, знавши основательно исторію своего отечества (*) во время взятія Варшавы, въ рѣчи, прочитанной имъ въ присутствіи великой государыни и ея царедворцевъ, сказалъ сіи достопамятныя слова: «Отсюда произошелъ раздѣлъ поль«скихъ областей, посредствомъ коего ея «императорское величество возвратила

([4]) Желательно бы было, чтобы исторія г-на Гоппе вся вышла въ свѣтъ; къ сожалѣнію нашему вторую и третью часть Австрійцы не позволили напечатать.

([5]) Теперь сіи области къ стыду и явному доказательству невѣжества нашего времени въ отечественной исторіи называются *Польскими провинціями*. Бѣлая Русь къ крайнему удивленію существуетъ, а Черная и Чермная вѣроятно убрались на тотъ свѣтъ; и Польскія провинціи заступили ихъ мѣста, не смотря на то, что въ титулѣ верховныя Руси августѣйшіе правители нарицаются самодержавцами Всероссійскими. Еже ли бы мы знали, что значитъ *provincia* у Римлянъ, то конечно бы стыдились вводить столь поносительныя для насъ названія въ кругъ гражданства.

(*) Безбородко самъ занимался исторіографіею см. Каталогъ Чертков. библіот. М. 1863, отдѣленіе I, № 462. *П. Б.*

«къ имперіи своей земли, издревле къ ней «принадлежавшія, отторженныя отъ нея «во времена смутныя; съ таковымъ же «коварствомъ злоумышленные изъ Поля- «ковъ готовились и нынѣ на ущербъ Рос- «сіи и населенныя области народомъ, съ «нами единоплеменнымъ, благочестія же «ради угнѣтаемымъ» (sic) Въ другомъ «мѣстѣ того же объявленія говоритъ онъ: «И даже дерзнулъ (Костюшко) распро- «странять оный (ядъ) въ предѣлы новопри- «соединенныхъ къ Россіи областей, хотя «и безъ успѣха; ибо всѣмъ извѣстно, что «народъ Россійскій, въ областяхъ обита- «ющій ([6]) и подъ самимъ игомъ Польскимъ «сохранялъ свою приверженность къ вѣрѣ «православной и всегда питалъ любовь и «усердіе къ монархамъ Россійскимъ, «кольми же паче вступивъ подъ обла- «даніе ея величества и, тѣмъ предо- «храненъ бывъ отъ разврата въ Польшу «вкравшагося, соблюдалъ непоколебимую «подданническую вѣрность». Въ сіе са- мое время по повеленію ея величества, приснопамятной государыни, чеканены были медали, на одной сторонѣ коихъ изображенъ портретъ ея императорскаго величества, а на другой сія надпись: *отторженная возвратихъ*, доказывающая, что области сіи токмо возвращены, яко древнее достояніе, а не по праву сильнаго заняты, что онѣ не Польскія провинціи, а Русскія области, или настоящая Русь, которую со времени возвращенія ея должно было назвать Черной и Чермною Русью, а не Польскими провинціями, какъ нынѣ ее называютъ; или лучше сказать и сообразно Россійской исторіи назвать бы слѣдовало: Виленскую, Гродненскую и Минскую губерніи Черноруссками, а Волынскую и Подольскую Чермно- или Червленорусскими губерніями.

Сколь несообразно съ здравою политикою все то, что нынѣ происходитъ въ сей Черной и Чермной Руси, что въ ущербъ и подрывъ Русскаго государства нынѣ заводятся здѣсь училища на Польскомъ языкѣ, что даже и судопроизводство, въ предосужденіе тамошнему народу, намъ единоплеменному, заведено на томъ же языкѣ; что Польская шляхта, возгордившаяся таковымъ успѣхомъ, не рѣдко угнѣтаетъ обратившихся отъ Уніи къ православію; что даже и Русская коммиссія о составленіи законовъ занимается законами для Польскихъ провинцій, которыя не существуютъ, ибо Русское государство во всѣхъ извѣстныхъ намъ трехъ раздѣленіяхъ ничего не получило, что бы ему издревле не принадлежало, да и самые Поляки, хотя и почитали сіи области, по завладѣніи оными несправедливымъ образомъ, принадлежавшими къ Польшѣ или Польскому королевству, но никогда не называли ихъ Польшею, а вездѣ видимъ, что, въ ихъ правленіе оными, онѣ называемы были то Palatinatus Russiae, то Russia nigra, rubra, то *Русскими землями*; равно какъ и епископы сихъ Русскихъ отторженныхъ народовъ принимали сообразные сему титулы, на примѣръ *Галичскіе* назывались *Галичскими* и *всея Руси*. Тутъ конечно не разумѣлась такъ называемая нынѣ Великая Россія, но области, о коихъ рѣчь идетъ. Потому то сіи народы даже при Польскомъ правленіи долгое время пользовались своими правами, а не Польскими, кои хотятъ завести нынѣ, — да и судопроизводство при Польскомъ правленіи, какъ явствуетъ изъ многочисленныхъ подлинниковъ, было у нихъ, почти до половины прошедшаго столѣтія, на Русскомъ, а не на Польскомъ языкѣ, какъ думаютъ нынѣшніе молодые офранцузившіеся щеголи, частію по невѣдѣнію, частію же по злонамѣренному ухищренію своему. Впрочемъ, если Польское

([6]) Безбородко не называлъ сей народъ *Поляками*, какъ нынѣ дѣлаютъ, а *Русскимъ*, каковъ онъ есть.

правительство при обладанiи Русскимъ народомъ наконецъ прилагало усилiе перемѣнить его въ Поляковъ, такъ какъ и Австрiйцы по завладѣнiи онымъ всемѣрно старались преобразить его въ Германцевъ, не смотря на сопротивленiе и негодованiе народа, единственно въ надеждѣ имѣющихъ произойти отъ того для себя выгодъ и въ ложномъ увѣренiи, что такiя народныя волненiя мало по малу ослабѣютъ и наконецъ въ потомствѣ совершенно изчезнутъ (чего конечно отъ Русскаго народа ожидать не можно); то не противно ли собственнымъ нашимъ выгодамъ и здравой политикѣ поступаемъ мы, прилагая старанiе отдалить отъ себя собственныхъ собратiй и стараясь преобразовать ихъ въ Поляковъ, всегдашнихъ ихъ притѣснителей и нашихъ враговъ? Не возбудимъ ли мы чрезъ сiе въ единоплеменникахъ своихъ тѣмъ сильнѣйшаго ожесточенiя и негодованiя, лишая ихъ такимъ образомъ даже имени Русскихъ, которымъ они и подъ игомъ враговъ своихъ всегда гордились? Что таковой нашъ поступокъ совершенно противенъ здравой политикѣ и видамъ Екатерины великой, въ семъ ясно можно удостовѣриться между прочимъ изъ секретной иструкцiи ея, данной князю Вяземскому при избранiи его въ генералъ-прокуроры (смотри § 10) гдѣ сказано: (*) „Малая Россiя, Лифляндiя и Финляндiя „суть области, которыя правятся конфир„мованными имъ привиллегiями, а нару„шать оныя отрѣшенiемъ всѣхъ вдругъ „весьма не пристойно бы было; однако „же и называть ихъ чужестранными, и „обходиться съ ними на такомъ же осно„ванiи, есть больше нежели ошибка, а „можно назвать съ достовѣрностiю глу„постiю. Сiи области, также и Смолен„скую, надлежитъ легчайшими способами „привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли „и перестали бы глядѣть, какъ волки къ „лѣсу (7).

(*) Эта знаменитая инструкцiя напечатана въ Чтенiяхъ Общества ист. и др. 1858, кн. I, смѣсь, стр. 101—104. П. Б.

Весьма странно, что даже и нынѣшнiе ученые Русскiе, кои болѣе другихъ почитаются свѣдущими въ отечественной исторiи, разсѣваютъ иногда въ публикѣ вмѣсто просвѣщенiя, токмо небылицы и заблужденiя, и вмѣсто правды — ложь. Дабы въ семъ удостовѣриться, стоитъ только заглянуть въ ихъ умопроизведенiя. Въ Запискахъ путешествiя по западнымъ провинцiямъ Россiйскаго государства, описываются Русскiе подъ именемъ Поляковъ. (*) Путешественникъ, не имѣя ни малѣйшаго понятiя о различiи между Малороссiянами и Поляками, назвалъ первыхъ именемъ послѣднихъ, приписывая своимъ мнимымъ Полякамъ законъ схизматическiй и унiатскiй. Вотъ случай для охотника любящаго посмѣяться! Ибо извѣстно, что Поляки почти одни изъ многочисленнѣйшаго Славянскаго народа никогда не были Греческаго исповѣданiя, но по принятiи первоначально христiанской вѣры всегда принадлежали къ Западной церкви, и потому они не могли быть, да и никогда не были схизматиками то есть раскольниками, какъ Поляки обыкновенно называютъ Русскихъ и

(7) Ежели великая Екатерина могла сiе сказать о Лифляндiи и Финляндiи, яко областяхъ, иноплеменными народами населенныхъ, что бы она нынѣ сказала о Черной и Червной Руси, названной нами Польскими провинцiями? — Конечно она бы спросила насъ, *почему мы не назвали ту часть Россiи*, которая почти два столѣтiя *подъ Татарскимъ игомъ* стонала, *Татарскими провинцiями*, и почему мы не стараемся дать оной части Россiи *Татарскiе* законы? Конечно такое же право и Татары имѣютъ, какое нынѣ дано нѣкоторымъ шляхтичамъ, живущимъ на Черной и Червной Руси.

(*) Академика *Севергина*. Спб. 1803. 8°, въ Чертк. библ. № 2943. П. Б.

всѣхъ православныхъ, и какъ угодно было ученому, впрочемъ Русскому, путешественнику назвать себя и своихъ соотчичей. — Поляки никогда не могли быть уніатами, ибо, какъ я выше сказалъ, никогда не были православными; всѣ же уніаты, какъ извѣстно, суть отщепенцы отъ православныхъ, то есть Русскіе, западные и южные, стонавшіе подъ игомъ Польскимъ, принуждены лукавствомъ и злоухищреніемъ Римскихъ папъ оставить православіе и принять Унію, выдуманную коварнымъ однимъ езуитомъ, именемъ Поссевиномъ въ ущербъ Русскихъ народовъ и въ подкрѣпленіе Поляковъ и папъ, то есть соединиться съ Римскою церковію. Сколь пріятно было между сими народами введеніе Уніи, доказываютъ ясно неоднократные мятежи, служившіе не рѣдко къ погибели Поляковъ. Г-нъ путешественникъ удивлялся, что схизматики привѣтствовали другъ друга въ свѣтлое воскресенье: Христосъ воскресе! и называли себя Русскими ([8]). Кажется, что сего довольно было бы для возбужденія его любопытства, чтобы узнать получше, какіе это были Русскіе. Но онъ не вѣрилъ, и не зная отечественной исторіи, позволилъ пошутить на свой щетъ монахамъ Польскимъ, на коихъ онъ ссылается. Базиліановъ или монаховъ чина святаго Василія великаго онъ называетъ особливымъ народомъ, сообщая публикѣ, съ нѣкоторою увѣрительностію, и сіе нелѣпое извѣстіе за непреложную истину. Я умолчу здѣсь о новоиздаваемыхъ Русскими учеными землеописаніяхъ, въ которыхъ вездѣ почти, гдѣ находятся такъ называемые Малороссіяне, описываются Поляки.

Неудивительно, что послѣ таковыхъ и многихъ другихъ нашихъ заблужденій иноземцы думаютъ, что Русское правительство завладѣло *Польшею*; не удивительно, что Французы купно съ Поляками хотятъ возстановить оную: тѣ по невѣденію сихъ обстоятельствъ ([9]), а сіи по коварству, желая владѣть Русскимъ народомъ, вооружать оной противъ своихъ братій, и хвастаться побѣдами, одержанными Русскимъ народомъ, подобно Австрійцамъ, коихъ число простирается не выше двухъ милліоновъ, какъ между тѣмъ они предводительствуютъ арміями, набираемыми изъ 15,000,000 Славянъ, имъ подвластныхъ.

Русскіе люди, вникнувъ во всѣ сіи обстоятельства и познакомившись получше съ отечественною исторіею, усмотрятъ, что во всѣхъ неправильно ими называемыхъ, новопріобрѣтенныхъ отъ Польши земляхъ, нѣтъ Поляковъ, и что ежели есть ихъ малое число, они должны почитаемы быть не такъ какъ народъ, издревле тутъ обитавшій, но какъ переселенцы изъ за Вислы; слѣдственно Россія владѣетъ ими яко древнимъ своимъ достояніемъ, яко возвращеннымъ народомъ, а не новопріобрѣтеннымъ, и имѣетъ право еще и на Чермную Русь (предосудительно для Россіи нареченную древнею Галиціею ([10]),

([8]) Извѣстно то, что всѣ Русскіе народы, подвластные иноплеменнымъ правленіямъ, какъ то: Чермно-Руссы или Галичане, Карпато-Руссы, точно такъ какъ и Украинцы, Волынцы, Подольцы и многіе на Литвѣ живущіе, имя Русскихъ или Руссиновъ и поднесь удержали, и ежели спросить мужика сихъ областей: какого онъ роду? отвѣчаетъ онъ прямо, что онъ родомъ Русинъ или Русскій. Нынѣ въ Великой Россіи вмѣсто древняго именованія Русинъ (смотри у Нестора договоръ Олега съ Греками и Правду Русскую Ярослава), оставшагося у вышеозначенныхъ народовъ, употребляется новомодное: Россіянинъ.

([9]) Къ крайнему моему удивленію Французскій землеописатель Мантель ошибки нашихъ объ Украйнѣ, Волыни и Подоли поправилъ, означая именно, что тамъ Русскіе живутъ; конечно онъ это не изъ нашихъ землеописаній новѣйшихъ выбралъ, а самъ изслѣдовалъ.

([10]) Извѣстно, что часть Чермной Руси тогда названа Галиціею, когда папа, къ величайшему

гдѣ и поднесь живутъ Русскіе народы); каковымъ возвращеніемъ Россія пріобрѣтетъ безцѣнныя выгоды для своего отечества.

Мѣстоположеніе Русскаго государства со стороны Азіи, по многимъ причинамъ, безопасно; но со стороны Европы оно открыто для всякаго непріятеля; — здѣсь нѣтъ ни большихъ рѣкъ, ни горъ, сихъ естественныхъ преградъ, ниже крѣпостей. Вездѣ необозримыя равнины. Таковыя невыгоды должны бы обратить на себя величайшее вниманіе, а особливо въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ. — Чермная Русь отдѣлена отъ Угорской или Венгерской и Седмиградской земли почти неприступными Карпатскими горами, служившими великою оградою для Владиміровой Руси, и потому, занявъ Чермную Русь, яко древнее достояніе, слѣдуетъ занять и Карпатскія горы, начиная отъ той высочайшей вершины, изъ которой вытекаетъ рѣка Попрадъ, протекающая чрезъ Галицію и впадающая въ Вислу, даже до того мѣста, гдѣ оныя горы входятъ въ Молдавію и Седмиградскую землю. Занятыя такимъ образомъ горы Карпатскія обѣщаютъ ту выгоду, что войско, охраняющее на нихъ главные проходы, можетъ имѣть сообщеніе съ тѣми арміями, которыя въ случаѣ нужды будутъ охранять предѣлы Русскаго государства со стороны Кракова и Молдавіи. Горы сіи составятъ для Руси непреоборимую преграду отъ большей части Европы. Онѣ гораздо выше тѣхъ, кои, начиная отъ Презбурга, идутъ чрезъ Галичь и продолжаются подлѣ Брюна и Олмюца до рѣки Попрада. Вездѣ дремучій лѣсъ, вездѣ вершины, крутизны, мало извѣстныя даже самимъ Уграмъ, коимъ онѣ служатъ оградою. Здѣсь четыре главные прохода достойны особливаго вниманія. 1-й проходъ, называемый въ Угорскихъ лѣтописяхъ великими воротами Галичскими (Magna porta Haliciae), а нынѣ извѣстный подъ именемъ воловаго поля или по Угорски Юкюрмезю, находящійся въ Мармороссійскомъ комитатѣ, такъ называемомъ отъ Угорскаго слова: Маръ ама оросъ, то есть: это уже Русское. Въ семъ проходѣ сражались Угры съ Чермнорусскими жителями, какъ явствуетъ сіе изъ диплома, даннаго королемъ Угорскимъ Бѣлою 1248 года графу Герфорду, гдѣ именно сказано: «Въ одно время на Руси (въ Чермной «Руси) подъ великими Галичскими воро«тами, кои и Угорскими называются, сра«жался онъ (Герфордъ) похвально въ «присутствіи нашемъ и нашихъ вель«можъ». Проходъ сей, столь достопамятный по древности, долженъ обратить и наше вниманіе. 2-й проходъ, ведущій изъ Чермнорусскихъ городовъ и селеній, какъ то: изъ Стрыя, Сколявы, Гукливаго, на Карпаторусскія селенія: Верецки, Голубиное, Сваляву, Подгоряне, Мукачево и Русское. 3-й проходъ, ведущій изъ Чермнорусскаго города Самбора на Карпаторусскія селенія: Волосянку, Ужокъ, Тулу, Ольшанки, Заброды, Великое и Малое Березное, Порошково, Темникъ, Дубрыничи, Доманинцы, Невицкое и Угъ,

---

вреду Россіи, переименовалъ ее Галиціею; а по сему названіе Чермной Руси Галиціею весьма противно Русской политикѣ. Въ актѣ о присоединеніи (такъ названной) Галиціи слѣдовало сказать: что Россія, присоединяя къ своимъ областямъ часть Чермной Руси, возвращаетъ часть древняго своего достоянія, дабы тѣмъ дать почувствовать Полякамъ, что Русскіе знаютъ свою исторію, и умѣютъ распознавать своихъ отъ Поляковъ, а Французамъ дать замѣтить, что они находятся въ заблужденіи, полагая, что Россія пріобрѣтаетъ опять часть Польши по милости ихъ. Весьма несправедливо также названъ въ актѣ присоединенный отъ Чермной Руси Русскій народъ нѣкогда соплеменнымъ. Кто былъ единоплеменнымъ за 200 лѣтъ, тотъ и теперь остается таковымъ; ибо единоплеменничество не уничтожается игомъ иноплеменнымъ; въ противномъ случаѣ и Великороссіяне не были бы Русскими, стонавъ нѣкое время подъ игомъ Татаръ.

или по Угорски Унгваръ. 4-й проходъ, ведущій изъ Чермнорусскаго города Дукли на Бервинокъ и Комарникъ въ Угорскій городъ Еперіешъ, называемый Карпаторуссами Пряшовъ. (Чрезъ сей проходъ императорско-россійскія войска переправлялись въ Италію и возвращались недавно въ отечество свое).

Сими проходами вошли въ Паннонію Угры, соединившіеся съ Русскими въ Кіевѣ 888 года. Въ сихъ проходахъ защищались Угры во время нападенія на нихъ или Чермноруссовъ или Поляковъ. Сіи же проходы со всѣми Карпатскими горами, гордо возвышающими хребты свои отъ Попрада до Молдавіи, могутъ составлять естественную ограду для всей Руси, которая будетъ гордиться симъ предѣломъ не менѣе Франціи, опирающейся на Пиринейскія и Алпійскія неприступныя вершины. Отечество наше, доставивъ Австріи другія, равноцѣнныя за ущербъ Галиціи ихъ, выгоды, возвратитъ свое древнее достояніе Чермную Русь (которой мы уже имѣемъ часть, то есть Волынскую и Подольскую губерніи) купно съ ея и всея Руси оградою. Оно найдетъ въ сихъ горахъ, въ смутныя времена его, отпадшихъ чадъ своихъ, давно уже стремящихся въ объятія чадолюбивой матери своей — въ объятія Руси: я говорю о Русскихъ переселенцахъ, обитающихъ въ Карпатскихъ горахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Карпаторусскихъ жителей. По завладѣніи Карпатскими горами и по присоединеніи Карпаторуссовъ, соединится съ Русскимъ государствомъ и ограда Угровъ, которой они одолжены политическимъ бытіемъ своимъ: тогда ни одна Европейская армія, ни самые даже Угры не дерзнутъ отважиться въ ущелины, извѣстныя однимъ Карпаторусскимъ обывателямъ, наипаче въ то время, когда Карпаторусскіе народы успѣютъ въ военномъ искуствѣ, и когда имъ препоручено будетъ защищеніе сихъ извѣстныхъ имъ горъ. Таковая пограничная, горская армія всегда можетъ быть въ сообщеніи съ тѣми, кои будутъ дѣйствовать со стороны Силезіи и Молдавіи, и потому не токмо другіе Европейцы почувствуютъ тогда втеченіе Русскаго правленія, но даже и дерзкіе Турки съ покорностію будутъ взирать на тѣ горы, коихъ они прежде не опасались. Со стороны Силезіи Русь можетъ укрѣпиться рѣками: Попрадомъ и Дунайцемъ, кои, соединясь у подошвы Карпатскихъ горъ, впадаютъ въ Вислу; со стороны герцогства Варшавскаго и Пруссіи она со временемъ можетъ оградиться Вислою, а со стороны Турціи Дунаемъ. Вотъ границы великаго Владиміра, коихъ ничего не можетъ быть для Руси полезнѣе и надежнѣе; равно какъ и для Русскихъ народовъ, нѣкогда отторженныхъ, но теперь съ нетерпѣніемъ желающихъ соединиться съ нею, ничего не можетъ быть вождѣленнѣе какъ наслаждаться безопасностію подъ благодѣтельнымъ скиптромъ монарха Александра.

2.

Всемірная, а наипаче Россійская исторія представляетъ великіе примѣры, разительныя доказательства, что сколько соединеніе областей подъ единоправленіе, подъ единыя права, подъ единые законы составляло силу, крѣпость и благосостояніе государства, столько раздѣленіе ихъ служило къ ослабленію, разрушенію и совершенному оныхъ паденію.

Россія была издревле пространное, могущественное государство: предѣлы ея въ Европѣ простирались до Чернаго моря, до Дуная, до горъ Карпатскихъ и къ Вислѣ.

Раздѣлы и междоусобія князей Россійскихъ поработили насъ Татарамъ и дали способы сосѣдямъ нашимъ въ несчастныя времена завладѣть лучшими нашими областями. Такимъ образомъ короли Ляхскіе

или Польскіе захватили древнее достояніе Россіи отъ Вислы до Днѣпра, поселили тамъ своихъ воиновъ, и народъ Русской стеналъ подъ симъ игомъ до благополучнаго царствованія царя Алексѣя Михайловича и императрицы Екатерины II-й. Отторгнутыя области тогда большею частію возвращены: Малая, Бѣлая и Черная Россія присоединены паки къ Великой.

Благоденствіе Россіи утверждено на прочномъ и непоколебимомъ основаніи. Врагамъ и злодѣямъ ея не оставалось какъ только завистливыми глазами смотрѣть на возрастающую день отъ дня ея силу.

Возстановленіе королевства Польскаго почитаемо было удобнѣйшимъ средствомъ къ ослабленію Россіи. Франція имѣла оное всегда въ виду, и наконецъ Наполеонъ подвигнулъ всѣ соединенныя силы Европы на произведеніе сего въ дѣйство.

Господь разрушилъ злые ковы его, но совершенное успокоеніе Европы зависитъ отъ приведенія въ порядокъ разстроенныхъ ея обстоятельствъ и отъ изпроверженія исполинскихъ замысловъ Французскаго правительства.

Установленіе сего порядка требуетъ проницательнаго предусмотрѣнія, глубокихъ размышленій, неусыпной дѣятельности и твердой рѣшимости; малѣйшая неосторожность и упущеніе могутъ имѣть много вредныхъ послѣдствій.

Но въ самое сіе время хитрые, пронырливые, неспокоиные и властолюбивые умы употребляютъ наисильнѣйшія убѣжденія къ одобренію плана Наполеонова, представляя возстановленіе королевства Польскаго въ самомъ благопріятномъ, въ самомъ выгодномъ для Россіи видѣ.

Тутъ встрѣчаются слѣдующіе вопросы:

1. Полезно ли возстановить Польское королевство?

2. Можно ли Россіянъ, въ несчастныя времена подверженныхъ подъ иго Польское и потомъ возвращенныхъ Россіи, паки наименовать Поляками?

3. Какія должны быть границы королевства?

4. Какія могутъ быть послѣдствія?

Предполагаемые отвѣты:

1. Пользы отъ возстановленія королевства ожидать нельзя. Единообразное правленіе, единыя права, единые законы составляютъ крѣпость государства. Какія бы предосторожности приняты ни были, но одно уже названіе королевства Польскаго произведетъ заботу и огорченіе въ сынахъ Россіи, пріобрѣтшихъ кровію области, которыя отъ нея въ бѣдственныя времена отторжены были.

2. Было бы несправедливо назвать Русскихъ Поляками, большею частію единовѣрныхъ съ нами и которые не нынѣ только усыновлены Россіею, но издревле носили имя *русское*.

3. Какія бы границы назначены ни были, но всегда будутъ казаться чертою, которая какъ бы протянута для разторженія Россіи при первомъ удобномъ случаѣ.

4. Слѣдствія будутъ: возрожденіе усыпленной ненависти, соперничество, междоусобія и самая, при несчастныхъ обстоятельствахъ, опасность быть подъ игомъ. Чего не могли сдѣлать силою Французы, издалека пришедшіе, то удобнѣе будетъ для сосѣдей предпріимчивыхъ, хитрыхъ, коварныхъ.

Обѣ записки эти найдены мною въ дипломатическихъ бумагахъ Рѣшетиловскаго архива, относящихся къ предметамъ совѣщаній на Вѣнскомъ конгрессѣ. *А. С.*

VIII.

Письмо гр. Григорія Владиміровича Орлова къ бывшему секретарю Екатерины II В. С. Попову.

Гр. *Гр. Вл. Орловъ*, сенаторъ (1778—1826) долгое время жилъ въ чужихъ краяхъ ради болѣзни жены своей (ур. граф. Анны Ивановны Салтыковой), извѣстенъ своими сочиненіями на французскомъ языкѣ и также изданіемъ французскаго перевода басенъ Крылова. П. Б.

Милостивый государь Василій Степановичь. Надѣясь на дружбу и благорасположеніе вашего высокопревосходительства, рѣшился я обезпокоить васъ нѣсколькими строками. Основываясь на оныхъ, приступлю прямо по предмету моему.

Сословіе, составленное изъ нѣкотораго числа ученыхъ и литераторовъ, предприняло писать біографію всѣхъ европейскихъ великихъ людей; въ число оныхъ входитъ по всѣмъ правамъ *великая наша Екатерина*. Нѣкоторые изъ издателей, знавъ меня, и опасаясь не воздать великой сей женѣ достодолжной хвалы, и выпустить изъ виду нѣкоторыя великія черты жизни, политики и правленія ея, просили доставить имъ всѣ возможныя свѣдѣнія. Я, какъ бы ни желалъ оказать имъ и себѣ сію услугу, не въ состояніи ни здѣсь, ни даже въ Россіи сдѣлать имъ вкратцѣ изложеніе главнѣйшимъ чертамъ ея царствованія. Но какой Русской можетъ отказаться, скажу, отъ священнаго долга познакомить Европу еще болѣе съ достоинствами и великостію дѣяній матери отечества и всѣмъ премилосердой? Одинъ способъ у меня къ тому увѣдомить о томъ вѣрнаго и преданнаго ей слугу, точнаго и добродѣтельнаго исполнителя ея велѣній, человѣка, имѣвшаго щастіе ее окружать и видѣть ее до самой кончины, горестной для всей Россіи, однимъ словомъ, васъ, почтенной Василій Степановичь: вамъ предстоитъ возможность удовлетворить сердцу вашему, ей на вѣки благодарному, сообщивъ мнѣ короткое изложеніе, которое бъ могло быть помѣщено въ Лекцикопѣ біографическомъ. Мы имѣемъ время 3 мѣсяца, ибо теперь только выходитъ буква *A*, потомъ выдается буква *B* и наконецъ *C*, въ коемъ помѣстится статья о нашей достопамятной государынѣ. Въ изложеніи сей статьи издатели желаютъ имѣть краткое описаніе дѣйствій военныхъ, успѣхи и пріобрѣтенія чрезъ завоеванія, но болѣе всего, что̀ вовсе здѣсь неизвѣстно, все то, что̀ она дѣлала въ управленіи: улучшенія въ судоводствѣ, раздѣленіе на губерніи, учрежденіе о губерніяхъ, установленіе выборовъ, обращеніе имѣній монастырскихъ въ економіи, отдѣленіе судной части отъ управленія и отъ казенныхъ палатъ, вновь учрежденныхъ тогда, поселеніе колоній иностранныхъ, построеніе новыхъ городовъ, установленіе станицъ казацкихъ, уничтоженіе Запорожской Сѣчи, дарованіе привиллегій разнымъ состояніямъ. Словомъ сказать, все то, что̀ сдѣлано замѣчательнаго во время царствованія незабвенной сей монархини!

Въ Венгріи въ 15 вѣкѣ Венгерцы были толь довольны управленіемъ своей царицы Маріи, что назвали ее королемъ. Ежели кто заслужилъ сіе названіе, то конечно Екатерина.

Вотъ, милостивый государь, въ чемъ состоитъ покорнѣйшая моя прозьба. Извѣстная мнѣ преданность ваша къ незабвенной нашей царицѣ заставляетъ меня надѣяться, что вы не отвергнете просьбы моей. Ежели дѣла ваши или недосуги не позволятъ вамъ исполнить сіе, не можете ли поручить кому либо оное сдѣлать подъ руководствомъ вашимъ.

Благоволите меня двумя словами увѣдомить, могу ли я надѣяться, что вы при-

мите мое предложеніе. Въ прочемъ все сіе останется совершенно между нами и нигдѣ не упомянуто не будетъ, отъ кого свѣдѣнія сіи доставлены будутъ.

Узнавъ точной предметъ письма моего, вы, милостивой государь, надѣюсь, не только не взыщите на мнѣ за нанесенное мною вамъ обстоятельство, но еще скажите спасибо.

Отвѣтъ вашъ (которой, надѣюсь, будетъ благосклоненъ) благоволите приказать вручить подателю сего письма, которой перешлетъ мнѣ оной съ вѣрною оказіею.

Мы здѣсь уже два мѣсяца, надѣюсь пробыть и всю зиму. Жена поручила мнѣ привести вамъ ее на память; здоровье ея все въ томъ же худомъ положеніи, и она совершенно безъ ногъ.

Здѣсь все тихо, все покойно. Теперь избираютъ депутатовъ, на 5-ю часть выходящихъ по обыкновенію; избираніе сіе идетъ хорошо, и большинство составлено изъ людей умныхъ и здравомыслящихъ. Либералы сами признаются, что будутъ въ миноритетѣ. Сіе даетъ надежду, что дѣла пойдутъ хорошо, тѣмъ болѣе, что при выборахъ депутатовъ въ коллегіяхъ провинціальныхъ или департаментахъ ожидать должно еще лучшихъ выборовъ.

Финансы въ цвѣтущемъ состояніи. Золота и серебра много, торговля идетъ очень успѣшно и ежели нѣсколько лѣтъ миръ сохранится, Франція поднимется. Первое дѣйствіе министерства при открытіи камеръ будетъ уничтоженіе закона, даннаго на счетъ снятія Габетъ Корпуса, другое — снятіе многихъ таксъ и налоговъ.

Всѣ взоры обращены на Тропау. Оттуда ожидаютъ рѣшенія о дѣлахъ Италіи, а паче Неаполя, что̀ положатъ владыки земные. Паче же всѣхъ съ трепетомъ ожидаетъ сего рѣшенія королевство Неаполитанское. Ежели Австрійцы пойдутъ на нихъ, они, сказываютъ, подобно Гиспанцамъ, намѣрены защищать огнемъ и мечемъ, подобно Русскимъ, все то, что̀ удержать не могутъ. Ежели сія война будетъ объявлена, нѣтъ сомнѣнія, что Австрійцы свободно дойти могутъ до столицы, но далѣе мудрено имъ будетъ идти, ибо въ горахъ и ущелинахъ куча небольшая можетъ удержать цѣлые полки, паче же милицію Австрійскую. (*)

Съ другой стороны Англія даетъ намъ позорище самое печальное, можно сказать, потери всѣхъ нравовъ, благопристойности и скромности.

Вотъ, милостивой государь, въ какой вѣкъ досталось намъ жить Цѣлые вѣка протекли, не имѣвъ такого изобилія происшествій, какія мы видѣли въ 25 или 30 лѣтъ.

Поручаю себя благосклонному вашему расположенію и дружбѣ, которой неоднократно я испыталъ плоды. Примите увѣреніе истиннаго почтенія и совершенной преданности, съ коими честь имѣю быть вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга *Г. Орловъ*.

Парижъ. Rue d'Artois, № 5.
30 октября.
11 ноября 1820

(*) Событія не оправдали предположеній гр. Орлова. — Отвѣчалъ ли Поповъ на вызовъ—не знаемъ. *П. Б.*

САЛТЫЧИХА.

Кому неизвѣстно имя *Салтычихи*? Кто не слыхивалъ объ этой кровавой барынѣ, которая своими злодѣйствами надъ крѣпостными людьми ужаснула XVIII столѣтіе? Преданія о ней до такой степени распространены (и особливо въ Москвѣ), что слово Салтычиха сдѣлалось почти словомъ браннымъ. Мы представляемъ здѣсь читателямъ краткую, юридически вѣрную повѣсть ея. Слѣдствіе надъ Салтычихой продолжалось около 6 лѣтъ. Вѣроятно дѣло было огромное, судя потому, что одинъ экстрактъ изъ него, дошедшій до нашего времени, занимаетъ до ста листовъ. Извѣстный московскій адвокатъ *П. Г. Кичѣевъ*, по нашей просьбѣ, составилъ извлеченіе изъ этого экстракта для *Русскаго Архива*. Болѣе подробное, и важное лишь для законовѣдовъ, изложеніе того же экстракта, предпринято, но не кончено, было въ *Зритель* 1863 г. (№ 35 и 36). Извлекаемъ оттуда нѣсколько дополнительныхъ подробностей. Достойно замѣчанія, что жестокости свои Салтычиха совершала въ царствованія Елизаветы Петровны и Петра III, и хотя жалобы на нее не прекращались съ 1757 года, но только въ 1762г., по вступленіи на престолъ Екатерины II, вопли несчастныхъ жертвъ были услышаны: открылась возможность подать прошеніе въ собственныя руки государыни, и 1 октября этого года, т. е. недѣли двѣ послѣ коронаціи, началось слѣдствіе. Несомнѣнно, что способы наказанія преступницы были избраны для вящаго назиданія и острастки. Дѣло кончилось въ 1768 г.; очень можетъ быть, что оно и послужило однимъ изъ поводовъ Вольному Экономическому Обществу (гдѣ главнѣйшимъ дѣятелемъ былъ кн. Г. Г Орловъ — ближайшее лицо къ императрицѣ) предложить около этого времени на публичное обсужденіе вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи. Законодательное рѣшеніе вопроса суждено было нашему времени. Екатерина предоставляла себѣ только блюсти, чтобы ни та, ни другая сторона не нарушала общественнаго равновѣсія, и читатели наши вѣроятно помнятъ въ письмахъ ея къ Архарову, какъ она распорядилась съ Тверскими помѣщиками Хитровыми (Р. Архивъ 1864, вып. 9, стр. 908—909). Мысль объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости долго и много занимала великую государыню. Покойный гр. Д. Н. Блудовъ передавалъ намъ, что ему случилось читать начертанный ею собственноручный проэктъ закона, по которому всѣ дѣти крѣпостныхъ людей, рождавшіеся послѣ 1785 г., должны были считаться свободными. Уцѣлѣла ли драгоцѣнная рукопись? 1785 годъ конечно выбранъ потому, что въ этомъ году была дарована 21 апрѣля, въ день рожденія государыни, жалованная грамота дворянству. Такимъ образомъ предполагалось въ одно время осчастливить обѣ стороны! *П. Б.*

Краткій обзоръ экстракта, учиненнаго въ юстицъ-коллегіи, по дѣлу о жестокихъ поступкахъ съ своими людьми вдовы гвардіи ротмистра Дарьи Николаевой дочери Салтыковой, урожденной Ивановой (¹).

Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія государыни императрицы Екатерины II, по произведенному юстицъ-коллегіею изысканію и по собраннымъ справкамъ открыто, что Салтыкова, въ продолженіе лѣтъ 10 или 11-ти, погубила своихъ людей слишкомъ сто душъ и преимущественно женскаго пола; въ томъ числѣ были дѣвочки лѣтъ 11 и 12.

Гнѣвъ Салтыковой происходилъ только отъ одной причины — за нечистое мытье платья или половъ.

Побои Салтыкова наносила болѣе сама собственноручно скалкою, валькомъ, пал-

(¹) Какъ за доставленіе случая прочесть экстрактъ изъ этого дѣла, такъ и за подарокъ экземпляра печатнаго сенатскаго о Салтыковой указа, здѣсь же помѣщаемаго, — мы обязаны благодарностью его превосходительству Ю Н. Бартеневу.

кою и полѣньями; а по приказанію ея, конюхи и гайдуки наказывали розгами, батожьями, кнутомъ и плетьми. Всѣ эти побои столь были жестоки, что тотчасъ же, или вскорѣ, оканчивались смертію несчастныхъ жертвъ болѣзненнаго гнѣва Салтыковой.

Иныя наказанія производились съ особеннымъ тиранствомъ. Такъ, у одной женщины Салтыкова опалила на головѣ всѣ волосы; другаго человѣка била объ стѣну головой, обливала ему голову кипяткомъ изъ чайника и брала за уши разженными припекательными щипцами. Одну дѣвку приказала, въ октябрѣ мѣсяцѣ, загнать кнутомъ въ воду по горло, гдѣ она пробыла четверть часа, а другую дѣвку сама скинула съ крыльца. Всѣ эти люди вскорѣ послѣ истязаній померли.

Описанныя убійства происходили или въ Московскомъ домѣ Салтыковой, или подмосковномъ ея селѣ Троицкомъ, Подольскаго уѣзда ([1]). Въ Москвѣ же она имѣла собственный домъ въ Кузнецкой улицѣ, въ приходѣ церкви Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы что̀ на Срѣтенкѣ ([2]).

Кромѣ собственныхъ людей Салтыковой, служившихъ ей въ качествѣ палачей, тиранства ея покрывали священники, какъ московскій, такъ и сельскій — погребая завѣдомо убитыхъ Салтыковою ([3]).

Впрочемъ случалось, что священники не соглашались погребать нѣкоторыхъ изъ убитыхъ: тогда Салтыкова приказывала хоронить ихъ ночью въ лѣсу, близь своей подмосковной. а управляющій ея въ такихъ случаяхъ подавалъ явочное прошеніе, что тѣ люди будто бѣжали.

Полицейскія власти и врачи тоже мирволили Салтыковой. Вытребованныя юстицъ коллегіею изъ полиціи дѣла̀, начавшіяся по доносамъ о жестокостяхъ Салтыковой, всѣ оказались рѣшеными въ ея пользу, или оставлены вовсе безъ рѣшенія; доносчики же всегда были наказываемы кнутомъ; нѣкоторые изъ нихъ сосланы въ Сибирь, а другіе отдавались опять Салтыковой по собственной ея просьбѣ. Надо полагать, что послабленія и угожденія Салтыковой происходили съ одной стороны изъ уваженія къ фамиліи подсудимой, а съ другой, и того вѣроятнѣе, изъ за подарковъ, на которые она не имѣла причины скупиться, обладая значительнымъ, по тогдашнему времени, состояніемъ. За Салтыковой числилось болѣе 600 душъ крестьянъ въ губерніяхъ: Вологодской, Костромской и Московской.

Во время производства юстицъ-коллегіею слѣдствія, Салтыковой было отъ роду 38 лѣтъ ([4]).

Замѣчательно, что сердце столь жестокой женщины было еще доступно любви, какъ это видно изъ доноса на нее, что она имѣла сердечную связь съ инженеромъ Тютчевымъ; но когда онъ оставилъ ее и сговорилъ за себя дѣвицу Панютину, то Салтыкова придумывала разныя средства, какъ бы погубить ихъ.

Сначала Салтыкова хотѣла сжечь домъ Панютиной и приказывала это сдѣлать своимъ людямъ. снабдивъ ихъ составомъ изъ пороха, сѣры и пакли. Но люди на это не рѣшились. Потомъ, когда Тютчевъ уже женился на Панютиной и они располагали ѣхать въ орловскую свою вотчину мимо имѣнія Салтыковой, то она при-

([1]) Впослѣдствіи это село принадлежало Вѣрѣ Яковлевнѣ Левшиной, урожд. княжнѣ Грузинской, и принадлежитъ нынѣ баронессѣ Черкасовой.

([2]) Т. е. на углу Кузнецкаго моста и Лубянки.

([3]) Московскій священникъ умеръ прежде рѣшенія дѣла о Салтыковой

([4]) Салтыкова родилась въ мартѣ 1730 г. См. Родос. книгу кн. П. Долгорукаго, II, 76.

казывала крестьянамъ своимъ убить ихъ. Но Тютчева предупредили, и онъ подавалъ объ этомъ на Салтыкову доносъ.

При повальныхъ обыскахъ, дѣланныхъ въ Москвѣ чиновникомъ Волковымъ, а въ окрестностяхъ подмосковной кн. Дм. Циціановымъ Салтыкова одобрена. Потомъ, эти же слѣдователи представили нѣсколько показаній стороннихъ свидѣтелей о жестокостяхъ Салтыковой; но всѣ эти показанія основывались на слухахъ отъ людей Салтыковой же. Такъ и при слѣдствіи въ юстицъ-коллегіи обвинителями Салтыковой были исключительно одни ея крѣпостные люди (*).

Но Салтыкова рѣшительно ни въ чемъ не созналась, утверждая, что всѣ эти доносы сдѣланы на нее изъ злобы, и что люди ея умирали естественною смертію отъ болѣзней или бѣжали. (5)

Для приведенія Салтыковой къ сознанію и раскаянію былъ употребленъ духовникъ. Но когда онъ донесъ, что не видитъ въ ней ни сознанія, ни раскаянія, то объ упорствѣ Салтыковой докладываемо было императрицѣ на тотъ конецъ, что не прикажетъ ли подвергнуть Салтыкову пыткѣ.

Но императрица на это не согласилась, а велѣла только увѣрить Салтыкову, что она непремѣнно подвергнется пыткѣ — если не признается добровольно въ своихъ преступленіяхъ.

Чтобъ показать подсудимой на дѣлѣ всю жестокость розыска, приказано было надъ кѣмъ-либо изъ преступниковъ, къ тому осужденныхъ, произвесть пытку въ присутствіи Салтыковой. Это было исполнено, но Салтыкова осталась при своихъ показаніяхъ...

Дѣло о Салтыковой рѣшено Императрицею 2 октября 1768 года.

Указъ сенатскій, печатанный въ Москвѣ, о Салтыковой послѣдовалъ 10 декабря 1768 года. Вотъ онъ:

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской. Изъ правительствующаго сената объявляется во всенародное извѣстіе

Вдова Дарья Николаева, которая по слѣдствію въ юстицъ-коллегіи оказалась, что немалое число людей своихъ мужскаго и женскаго полу, безчеловѣчно, мучительски убивала до смерти, за что по силѣ всѣхъ законовъ приговорено казнить ее смертію, о чемъ отъ сената ея императорскому величеству поднесенъ былъ докладъ. Но ея императорское величество, взирая съ крайнимъ прискорбіемъ на учиненныя ею безчеловѣчныя смертныя убивства, и что она по законамъ смертной казни подлежала, отъ той приговоренной смерти ее Дарью освободить, а вмѣсто смерти повелѣть соизволила: 1-е. Лишить ее дворянскаго названія, и запретить во всей Россійской имперіи, чтобъ она ни отъ кого, никогда, ни въ какихъ судебныхъ мѣстахъ и ни по какимъ дѣламъ впредь именована не была названіемъ рода ни отца своего, ни мужа. 2-е. Приказать въ Москвѣ въ нарочно къ тому назначенный и во всемъ городѣ обнародованный день вывести ее на первую площадь, и поставя на эшафотъ прочесть предъ всѣмъ народомъ заключенную надъ нею въ юстицъ-коллегіи сентенцію, съ исключеніемъ изъ оной, какъ выше сказано, названія родовъ ея мужа и отца, съ присовокупленіемъ къ тому того ея императорскаго величества указа, а потомъ приковать ее стоящую на томъ же эшафотѣ къ столбу, и прицѣпить на шею листъ съ надписью большими

(*) Салтыкова принадлежала, по родству и связямъ покойнаго мужа своего, къ самымъ знатнымъ людямъ того вѣка. Родной племянникъ ея мужа, Николай Ивановичъ Салтыковъ (въ послѣдствіи свѣтлѣйшій) въ то время уже подымался въ гору и на служебномъ поприщѣ (см. Р. Архивъ 1864, стр. 927—931). Родная племянница была за А. П. Мельгуновымъ, очень сильнымъ лицомъ того времени, другомъ И. И. Шувалова. Очень вѣроятно, что самая знатность преступницы отчасти и придала шуму ея подвигамъ. *П. Б.*

(5) Вѣроятно преступленія Салтыковой въ прежнія царствованія оставались безъ наказанія потому, что тогдашніе законы не допускали показаній отъ крѣпостныхъ людей на ихъ господъ

словами: *мучительница и душегубица.* 3-е Когда она выстоитъ цѣлый часъ на томъ поноситель-номъ зрѣлищѣ, то чтобъ лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердящее ея тѣло предать собственному промыслу Творца всѣхъ тварей, приказать, заключа въ желѣзы, отвести оттуда ее въ одинъ изъ женскихъ монастырей, находящійся въ Бѣломъ или Земляномъ городѣ, и тамъ подлѣ которой ни есть церькви посадить въ нарочно сдѣланную подземельную тюрьму, въ которой по смерть ея содержать такимъ образомъ, чтобъ она ни откуда въ ней свѣту не имѣла. Пищу ей обыкновенную старческую подавать туда со свѣчею, которую опять у ней гасить, какъ скоро она наѣстся. А изъ того заключенія выводить ее во время каждаго церьковнаго служенія въ такое мѣсто, откуда бы она могла оное слышать, не входя въ церьковь. Что съ нею Дарьею и исполнено, и по учиненіи объявленной экзекуціи въ желѣзы заключена, и посажена въ сдѣланную въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ подземельную тюрьму. А чтобъ о всемъ вышеписанномъ всякъ былъ извѣстенъ, и во всякихъ судебныхъ мѣстахъ, и по касающимся съ нею дѣламъ родами отца и мужа ея не писать и не называть, а именовать: Дарья Николаева дочь. Сообщники же ея, дворовые люди, которые въ смертныхъ убивствахъ съ нею участіе имѣли, и попъ, который оныя тѣла завѣдомо погребалъ, по снятіи съ него священническаго сана, наказаны кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и постановленіемъ знаковъ сосланы въ Нерчинскъ въ вѣчную работу. И о томъ во исполненіе предписаннаго ея императорскаго величества высочайшаго указа правительствующій сенатъ приказали: во всемъ государствѣ публиковать печатными указами, что чрезъ сіе и публикуется (*)

По свидѣтельству П. Ѳ. Коробанова, какъ удостовѣряетъ И. М. Снегиревъ, Салтыкова съ 1768 по 1779 годъ сидѣла подъ сводами церкви Ивановскаго монастыря въ землѣ, а съ 1779 по 1800 г., т. е. по свою кончину (6) въ застѣнкѣ, пристроенномъ къ горней стѣнѣ храма.

Въ описаніи прежде бывшаго, а нынѣ возстановляемаго Ивановскаго женскаго монастыря въ Москвѣ (Русскія достопамятности, выпускъ пятый. М. 1862.), еще говорится о Салтыковой между прочимъ слѣдующее:

Тамъ нѣсколько лѣтъ содержалась подъ крѣпкимъ карауломъ Дарья Николаевна Салтыкова, урожденная Иванова, извѣстная въ народѣ подъ именемъ *Салтычихи* и *людоѣдки.* Этотъ извергъ женскаго пола и человѣчества, переименованный въ указѣ императрицы Екатерины II, 1768 г. іюня 12 (7) мущиною, заключенъ былъ тридцать три года, сперва въ склепѣ подъ соборною церковію, потомъ въ застѣнкѣ, при ней бывшемъ. Насущную скудную пищу подавалъ ей солдатъ сперва въ окно, потомъ въ дверь. Тамъ она, по сказанію старожиловъ, родила отъ своего караульнаго (здѣсь авторъ брошюры въ примѣчаніи говоритъ, что такъ ему разсказывалъ достопочтенный 85-лѣтній старецъ, ревнитель и знатокъ отечественной старины, Павелъ Ѳедоровичь Коробановъ, современникъ Салтыковой). Далѣе авторъ брошюры продолжаетъ: Конечно ужасно было ея наказаніе; но—ужаснѣе злодѣйство, неслыханное на Руси. Дѣло производилось объ ней въ Сыскномъ Приказѣ, гдѣ ее допрашивали и, для склоненія къ сознанію, при ней пытали другихъ преступниковъ, какъ говорилось тогда „на заказъ"; оно уличаетъ Салтыкову въ умерщвленіи разными муками 139 человѣкъ ея крестьянъ и дворовыхъ. Молва народная даже обвиняла

(*) На поляхъ подлиннаго указа, рукою императрицы, противъ слова *она* вездѣ поставлено *онъ* (см. *Зритель* 1863, № 35, стр. 304)—черта достойная вниманія! Государыня хотѣла дать знать, что Салтыкова недостойна называться женщиной. П. Б.

(6) Салтыкова умерла 1800 г. 27 ноября. (См. Род. кн. кн. Долгорукаго, II, 76)

(7) Въ хронологическомъ реестрѣ къ Полному Собранію Законовъ этого указа мы не нашли.

ее въ людоѣдствѣ, будто бы Салтычиха употребляла себѣ на жаркое вмѣсто сладкаго мяса, женскія груди, но въ указѣ 1768 года декабря 10, не упомянуто о *людоѣдствѣ* Салтыковой, только названа она *мучительницей* и *душегубицей* ([8]). Салтыкова умерла въ монастырскомъ заклепѣ и похоронена въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ погребались ея родственники. По словамъ автора, „Салтыкова, когда бывало сберутся любопытные у окошечка за желѣзною рѣшеткою ея застѣнка, ругалась, плевала и совала палку сквозь открытое въ лѣтнюю пору окошечко, обнаруживая тѣмъ свое закоренѣлое звѣрство, котораго не погасили въ ней ни раскаяніе въ злодѣйствахъ, ни истома долговременнаго заключенія въ мрачномъ заклепѣ". Этотъ застѣнокъ вмѣстѣ съ церковію (въ 1860 г.) разобранъ; точное изображеніе его осталось въ приложенномъ при упомянутой брошюрѣ рисункѣ.

Покойный статскій совѣтникъ Петръ Михайловичъ Рудинъ передавалъ намъ, что во время своего малолѣтства, въ исходѣ прошлаго столѣтія, онъ видалъ Салтыкову чрезъ окошечко, которое выходило изъ застѣнка въ церковь; что Салтыкова была собою полна и уже въ преклонныхъ лѣтахъ, а по движеніямъ ея казалось, что она не въ полномъ разсудкѣ; что окошечко было съ зеленою занавѣскою, которую народъ самовольно отдергивалъ, желая посмотрѣть на Салтыкову, какъ на злодѣйку, употреблявшую, по общей молвѣ, въ пищу женскія груди и младенцевъ.

([8]) Во все производство дѣла, на Салтыкову не было доноса въ людоѣдствѣ.

Изъ Россійской Родословной Книги, изданной кн. Петромъ Долгоруковымъ (ч. 2 стр. 76) видно, что Салтыкова была за мужемъ за гвардіи ротмистромъ *Глѣбомъ Алексѣевичемъ* Салтыковымъ; у нихъ были два сына *Ѳедоръ* и *Николай*, первый род. 19 янв. 1750, ум. 25 іюня 1801 г., а второй умеръ 27 іюля 1775 г.; Николай былъ женатъ на Графинѣ Анастасіѣ Ѳедоровнѣ Головиной род. 16 дек. 1753, сконч. 16 іюля 1818 г., бывшей во 2 бракѣ за генералъ-маіоромъ Сергѣемъ Николаевичемъ Салтыковымъ(*). У Николая Глѣбовича отъ Головиной сынъ Ѳедоръ и дочь Елизавета. Ѳедоръ Николаевичь ум. 7 января 1790 г., а Елизавета Николаевна, род. 1772 г., скончалась въ мартѣ 1852 г.; она была въ замужствѣ за оберъ-егермейстеромъ графомъ Гавріиломъ Карловичемъ деРеймонъ-Моденъ, который ум. 13 мая 1833 года. Потомство отъ нихъ не видать.

П. Кичѣевъ.

(*) Сыну ихъ Николаю Сергѣевичу Салтыкову принадлежалъ теперешній Чертковскій домъ, гдѣ помѣщается наша библіотека. *П. Б.*

ВАЖНАЯ ОПЕЧАТКА.

На стр. 151, 25 строка сверху напечатано *изъ*, слѣдуетъ читать *ихъ*.

Въ 3-мъ выпускѣ Русскаго Архива будетъ помѣщена Записка графа Василія Алексѣевича Перовскаго о пребываніи его въ плѣну у Французовъ въ отечественную войну.

Евгеній. Словарь свѣтскихъ писателей. М. 1845. 2 ч. 3 р.

Посошковъ. Сочиненія. М. 1842—1863. 8°. 2 ч. Цѣна 3 р.

Погодинъ. Историко-критическіе отрывки. 1846. 1 р.

— О мѣстѣ погребенія кн. Пожарскаго. 1852. 50 к.

— Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. 7 ч. по 1 р. за томъ.

— Начертаніе Русской исторіи для гимназій. 75 к.

— — — — для уѣздныхъ училищъ. 25 к.

— Кн. Андрей Боголюбскій. 1856. 50 к.

— Похвальное слово Карамзину. 1845. 50 к.

— Норманскій періодъ Русской исторіи. М. 1859. 1 р.

Алексѣй Петровичь Ермоловъ. *М. П. Погодина.* М. 1863. 8°. 2 р. 50 к.

Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря. *Графа Алексѣя Уварова.* Спб. 1851—1856. 2°. Два выпуска. 184 стр. съ двумя тетрадями превосходно исполненныхъ рисунковъ. Цѣна 20 р. Лица, имѣющія первый выпускъ, могутъ получать второй по 10 р.

Рукописи *графа А. С. Уварова.* Памятники Словесности. Сочиненія *Кирилла Туровскаго*, съ предисловіемъ *М. И. Сухомлинова.* Спб. 1858. 4°. LXXII и 158 стр. Цѣна 2 р.

Дневникъ камеръ-юнкера *Берхгольца*, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра великаго, съ 1721-го по 1725-й годъ. Перевелъ съ нѣмецкаго *И. Аммонъ.* М. 1859—1863. 8°. 4 ч.: I, 275; II, 357; III, 292; IV, 242 стр. Цѣна за всѣ 4 части — 6 р.

Письма *Екатерины II* къ А. В. Олсуфьеву 1762—1783. Съ примѣчаніями *М. Н. Лонгинова.* М. 1863. 16°. 114 стр. Цѣна 50 к.

Списки замѣчательныхъ лицъ Русскихъ, составленные *П. Ѳ. Карабановымъ.* М. 1860. 8°. 110 стр. Цѣна 50 к.

Московскій университетскій пансіонъ. Соч. *Н. В. Сушкова.* М. 1858. 4° съ портр. А. А. Прокоповича — Антонскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

Памятныя Записки *Храповицкаго.* Изданіе полное, съ примѣчаніями *Г. Н. Геннади.* М. 1862. 8°. 1 р. 50 к.

Подписная цѣна Русскаго Архива за 12 выпусковъ 5 р., съ пересылкою и доставкою 6 р. с. Подписка принимается *въ Москвѣ*, въ Чертковской библіотекѣ, въ конторахъ газеты «День» и въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова; *въ Петербургѣ* — на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова.

Тамъ же можно получать оставшіеся экземпляры Русскаго Архива 1864 года.

Русскаго Архива 1863 года не имѣется болѣе въ продажѣ (всего было 300 экз.)

Гг. сочинители и издатели книгъ, относящихся къ изученію нашего отечества, приглашаются доставлять свои сочиненія и изданія въ Чертковскую библіотеку (въ Москвѣ, на Мясницкой, № 7) открытую безплатно для общественнаго пользованія ежедневно отъ 10 до 3 часовъ утра; въ видѣ вознагражденія за таковое приношеніе, о каждой присланной книгѣ будетъ сдѣлана подробная публикація въ издаваемомъ при библіотекѣ Русскомъ Архивѣ.

Просимъ гг. издателей газетъ и журналовъ, доселѣ мѣнявшихся своими изданіями съ Русскимъ Архивомъ, продолжать обмѣнъ и въ 1865 году.

Издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Дозволено цензурою. Москва, 30 генваря 1865 года

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

3.

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Изъ Записокъ *гр. Василія Алексѣевича Перовскаго* о пребываніи его въ плѣну у Французовъ 1812—1814.
2. Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянья крестьянъ въ Россіи, записка, составленная по вызову Вольнаго Экономическаго Общества въ 1767 году *А. Я. Полѣновымъ* съ замѣткою къ ней г. мироваго посредника *Я. П. Борзова.*
3. Староста, стихи, найденные въ бумагахъ покойнаго *И. С. Никитина.*
4. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ И. В. Попову о выкупѣ крѣпостныхъ людей.
5. Шесть писемъ *А. П. Волынскаго* къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ 1724—1725.
6. Черта изъ жизни Елизаветы Петровны.
7. Историческія замѣчанія. *Князя М. А. Оболенскаго.*
8. Десять писемъ *Г. Р. Державина* къ В. С. Попову. 1784—1815.
9. О запискахъ кн. И. М. Долгорукаго и Хронологія его стихотвореній, замѣтки *М. Н. Лонгинова.*
10. Біографическое воспоминаніе о гр. А. А. Закревскомъ. ***
11. Изъ воспоминаній о С. П. Шевыревѣ *М. П. Погодина.*
12. Замѣтка объ А. С. Пушкинѣ.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп.

1865.

Въ Чертковской библіотекѣ можно получать слѣдующія книги:

Сочиненія А. Д. Черткова:

1. ***Воспоминанія о Сициліи.*** **М. 1836—1837. 8°. 2 части, съ большимъ атласомъ, содержащимъ въ себѣ рисунки къ этому археологическому путешествію. Ц. 2. р.**

2. ***О переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай и къ намъ на Русь.*** **М. 1851. 8°. Цѣна 50 к.**

3. ***Ѳракійскія племена, жившія въ Малой Азіи.*** **М. 1852. 8°. Цѣна 50 к.**

4. ***Пелазго-Ѳракійскія племена, населявшія Италію.*** **М. 1853. 8°. Цѣна 50 к.**

5. Каталогъ Чертковской библіотеки. Землеописаніе М. 1864. 8°. Цѣна 1 р.

Путешествіе **въ св. землю священника *Лукьянова* при Петрѣ великомъ. М 1864 г. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.**

Стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго. М. 1862. 6. 8°. Цѣна 2 р.

Гг. книгопродавцы могутъ получать изъ Чертковской библіотеки слѣд. книги:

Разсказы изъ исторіи христіанской церкви. **М. 1863. мал. 8°. 3 ч.: I, IV и 215 (первый вѣкъ); II, 264 (до начала IV вѣка); III (до X вѣка) 393 стр. Цѣна за три части 1 р. 60 к.**

Библіографическія Записки **1858 и 1859 г. 2 бол. тома въ 4°, со снимками, портретами и съ полнымъ указателемъ къ Вѣстнику Европы, сост. *М. П. Полуденскимъ.* Цѣна каждому т. по 4 р. с. Указатель продается отдѣльно по 1 р. с.**

Величко. Лѣтопись событій въ югозападной Россіи. Кіевъ. 1848—1855. 8°. 3 большіе тома. 3 р.

Гоголь. Ревизоръ. М. 1841. 8°. 1 р.

Дантъ. Адъ. Переводъ *Мина.* М. 1852. 2 р.

Сочиненія ***Карамзина, Державина, Капниста, кн. И. М. Долгорукаго, Богдановича, Д. В. Давыдова, Нахимова, Милонова, Судовщикова, Нелединскаго, Дельвига и Измаилова*** **по 1 р. за каждый томъ.**

Шеппингъ. **Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ. М. 1862. 8°. 1 р.**

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ПОКОЙНАГО ГРАФА ВАСИЛІЯ АЛЕКСѢЕВИЧА ПЕРОВСКАГО. *)

.... 1812-й годъ, достопамятный всѣмъ Русскимъ, памятенъ въ особенности мнѣ; мало изъ соотечественниковъ терпѣли то, что̀ я, а тѣ, которые и были мнѣ товарищами въ мученіяхъ, не существуютъ больше.

Въ продолженіи всей кампаніи 1812 года до Москвы, будучи квартирмейстерскимъ офицеромъ, находился я при казацкихъ полкахъ, составлявшихъ арьергардъ 2-й арміи. На канунѣ вступленія непріятеля въ столицу, отпросился я въ оную, дабы разъ еще побывать въ Москвѣ и дома; 1-го сентября передъ вечеромъ въѣхалъ я верхомъ въ городъ съ двумя казаками, при мнѣ находившимися. Не буду описывать то, что̀ я чувствовалъ тогда; описать трудно и невозможно, а чувство это извѣстно всѣмъ Русскимъ, бывшимъ тогда въ арміи или Москвѣ. Переночевавъ дома, на другой день, 2-го сентября утромъ, ѣздилъ я по городу за нѣкоторыми надобностями. Безпокойство примѣтно было по всѣмъ улицамъ, но многія лавки еще были открыты, и въ нихъ торговали по обыкновенію, что̀ вселяло обманчивое спокойствіе во многихъ жителей, и было, вѣроятно, причиною ихъ гибели. Возвратившись домой, отправился я верхомъ изъ города чрезъ ближнюю заставу (Лефортовскую); часъ былъ, я думаю, пятый. Отъѣхавъ съ версту отъ города въ право, увидѣли мы конницу, и хотя отъ насъ еще довольно далеко, но можно было различить, что тутъ была и наша и непріятельская. Подъѣхавъ еще ближе, велѣлъ я казакамъ подождать меня, а самъ поскакалъ къ стоящимъ вмѣстѣ верхомъ офицерамъ. То былъ нашъ генералъ-маіоръ Па..... евъ и французскій ген. Себастіани съ своими адъютантами: у одного изъ послѣднихъ спросилъ я о предметѣ разговора обоихъ генераловъ. „Они уговариваются о томъ, чтобы пропустили полки наши, отвѣчалъ онъ мнѣ; наша бригада отрѣзана, но насъ пропустятъ, и на сегодняшній день заключено перемиріе.“ Въ то же время, по командѣ, раздалась французская конница, и нашъ драгунскій и казацкій полки пошли въ интервалы. Начинало смеркаться. Я поскакалъ на то мѣсто, гдѣ оставилъ двухъ казаковъ своихъ. Пріѣхавъ, искалъ и кликалъ ихъ, но, не находя, поѣхалъ весьма скоро обратно. Не прошло пяти минутъ, какъ я говорилъ съ адъютантомъ генерала П. Не смотря на сумерки, видны были еще мнѣ войска наши, но французы протянули уже ночную цѣпь свою, и когда я подъѣхалъ къ ней, меня окликнули. Зная, что существуетъ перемиріе, не имѣлъ я причины скрывать, кто я, да

(*) Впослѣдствіи генералъ-адъютанта Самарскаго и Оренбургскаго генералъ-губернатора. За сообщеніе этихъ отрывковъ и дозволеніе ихъ напечатать, мы обязаны признательностью брату автора — *графу Борису Алексѣевичу Перовскому.*

къ тому же и обмануть было бы трудно не приготовившись. И такъ я отвѣчалъ часовому: „*Русской*". Въ это время подъѣхалъ офицеръ, разставливавшій ночные посты, и сказалъ мнѣ, что не можетъ пропустить меня безъ позволенія генерала. „Поѣдемъ къ нему", отвѣчалъ я. Онъ былъ недалеко и сидѣлъ еще верхомъ, раздавая приказанія окружавшимъ его офицерамъ. Дабы избавиться вопросовъ, сказалъ я ему, что я адъютантъ генерала П., и что немного отставши прошу я его дать приказаніе пропустить меня чрезъ аванпосты; онъ тотчасъ приказалъ о томъ, и я поѣхалъ, радуясь, что такъ скоро отдѣлался. Но не отъѣхалъ еще ста шаговъ, какъ услышалъ за собою голосъ генерала, который кликалъ меня. Я воротился: „Здѣсь въ близости находится король Неаполитанскій, сказалъ онъ мнѣ, вы говорите по французски, и онъ вѣрно радъ будетъ поговорить съ вами. Сдѣлайте одолженіе подождите немного, я уже послалъ адъютанта сказать ему объ васъ". Не имѣя ни малѣйшаго опасенія быть долго задержану, а еще болѣе взятому въ плѣнъ, остался я безотговорочно. Генер. Себастьяни слѣзъ съ лошади, вошелъ въ маленькій деревянный домъ, подлѣ коего мы стояли, и попросивъ меня войти съ нимъ, велѣлъ принять мою лошадь. Вошедши распрашивалъ про Бородинское сраженіе, про Москву и проч. Такимъ образомъ прошло съ полчаса. Наконецъ воротился посланный адъютантъ и донесъ, что король занятъ, и никакъ меня видѣть не можетъ. Я тотчасъ всталъ, изъявляя генералу мое сожалѣніе, что не могъ исполнить его желанія, и опять просилъ его приказать проводить меня и пропустить чрезъ передовые посты. „Король нынѣ васъ видѣть не можетъ, отвѣчалъ онъ, но завтра утромъ вѣрно захочетъ говорить съ вами; останьтесь до утра, нѣсколько часовъ не сдѣлаютъ вамъ никакой разницы; теперь ночь, останьтесь, я даю вамъ честное слово, что завтра поутру будете вы между своими". Я отвѣчалъ, что будутъ безпокоиться моимъ долгимъ отсутствіемъ, и сталъ убѣдительно просить, чтобъ меня отпустили тотчасъ. Онъ повторялъ свое, даже смѣялся моей озабоченности. Нечего было дѣлать: я остался ночевать съ нимъ нехотя, но успокоенный даннымъ имъ словомъ. Въ эту ночь служила мнѣ шинель моя подушкой и голый полъ постелью. Хотя и съ трудомъ, но могъ я, можетъ быть, спастись бѣгствомъ; но для этого надлежало мнѣ пробраться мимо нѣсколькихъ часовыхъ у генеральской квартиры, потомъ чрезъ многолюдные бивуаки, гдѣ въ ночь сію, слѣдовавшую за днемъ входа въ Москву, многіе не спали, а сидѣли около огней, пили и разговаривали; наконецъ должно было пройти чрезъ цѣпь ихъ. Я разчислилъ затрудненія такого предпріятія и находилъ, что не имѣю достаточной причины покуситься на оное. Меня бы, можетъ быть, остановили, привели бы къ тому же генералу, и тогда я навелъ бы на себя справедливое подозрѣніе. Меня бы могли счесть за шпіона и поступить, какъ съ таковымъ. Словомъ сказать, хотя въ послѣдствіи и раскаявался я часто, что не бѣжалъ въ ту ночь, но тогда рѣшиться казалось мнѣ и не благоразумно и не нужно.

Поутру на другой день, 3 сентября, послалъ меня генералъ Себастіани съ своимъ адъютантомъ въ Москву къ королю Неаполитанскому, увѣряя, что тотъ же адъютантъ приведетъ меня и назадъ; сверхъ того, спросилъ, имѣютъ ли родные мои въ Москвѣ домъ, и далъ нѣсколько гусаръ для охраненія онаго. Съ ними отправился я, въѣхалъ въ Серпуховскую заставу, поворотилъ направо и чрезъ Нѣмецкую Слободу пріѣхалъ домой. Хотя непріятель занялъ столицу съ вечера, но еще въ этой части города

не было ни одного изъ солдатъ непріятельскихъ, и первыми были пришедшіе со мною. Я не думалъ еще, что нахожусь въ плѣну; но не могу описать горестнаго чувства, мною овладѣвшаго, особенно сравнивая оное съ окружавшими меня французами, которые по праву войны располагали всѣмъ, какъ своею собственностію, пѣли, веселились, торжествовали; всякое слово ихъ было для меня мученіемъ. Въ продолженіи дня пріѣхали отъ генерала Себастіани повозки, которыя тотчасъ нагрузили всѣмъ, что̀ нашли въ домѣ, и отправили. Нѣсколько разъ просилъ я генеральскаго адъютанта отвезти меня скорѣе къ королю; онъ не спѣшилъ удовлетворить просьбѣ моей, и пировалъ во весь день съ нѣсколькими другими офицерами, къ нему пріѣхавшими. Я радовался приближенію ночи. Гости, или хозяева мои, улеглись, а я ходилъ по двору, съ нетерпѣніемъ ожидая утра, думая, что вмѣстѣ съ ночью кончится пребываніе мое между французами. Во многихъ мѣстахъ города видны были уже сильные пожары. Гусары, которыхъ далъ генералъ для охраненія дома, не спали, бродили по всему дому, грабили и пили.

Рано поутру, 4-го сентября, разбудилъ я адъютанта, и мы поѣхали къ королю Неаполитанскому, я на своей лошади и при саблѣ, — двѣ вещи, которыя доказывали, что меня еще не почитали плѣннымъ. Король жилъ, кажется, въ домѣ Баташева (*). Когда привели меня къ нему, онъ былъ занятъ, и я болѣе часа дожидался въ комнатѣ, наполненной адъютантами и другими офицерами, подъ его начальствомъ служащими. Меня окружили, и здѣсь я опять принужденъ былъ слушать то хвастовскіе разсказы, то обидныя или смѣшныя разсужденія ихъ на счетъ русскихъ. „Мы думали вести войну съ просвѣщеннымъ народомъ, говорили они, а видимъ теперь, что это толпа разбойниковъ, — зажгли собственную столицу.“ Я замѣтилъ имъ, что какъ бы они о поступкѣ русскихъ ни думали, но сообщать мнѣ неблагопріятныя свои мысли было теперь не великодушно, потому что среди ихъ находился я одинъ русской. Болѣе всѣхъ прочихъ говорилъ про насъ съ злобою и даже съ ожесточеніемъ одинъ офицеръ, сидѣвшій подлѣ меня на окнѣ; сколько могъ замѣтить я, собою былъ онъ очень хорошъ, часть лица и головы его была перевязана чернымъ платкомъ, правая нога выше колѣна также была перевязана. Я дождался, чтобъ онъ немного успокоился, чтобы начать съ нимъ разговоръ. — „Въ какомъ дѣлѣ были вы ранены?“, спросилъ я его. — „Я раненъ былъ не въ сраженіи, а въ Москвѣ“. — „Какъ въ Москвѣ?“—Тутъ опять вышелъ онъ изъ себя, и я съ трудомъ изъ разговоровъ его могъ наконецъ понять, что въ день взятія Москвы онъ находился при королѣ Неаполитанскомъ изъ числа сопровождавшихъ его и вошедшихъ съ нимъ въ Кремль, торжественно и съ музыкой. При входѣ были они встрѣчены ружейными выстрѣлами. Это была толпа вооруженныхъ жителей; выстрѣлы ранили нѣсколько человѣкъ изъ свиты короля; не успѣли еще опомниться, какъ отчаянные съ крикомъ ура! бросились на французовъ, — тогда то и пострадалъ новый мой знакомый. Одинъ большой, сильный мужикъ бросился на него, ударилъ штыкомъ въ ногу, потомъ за ногу стащилъ съ лошади, лёгъ на него и началъ кусать въ лице; старались его стащить съ офицера, но это было невозможно, на немъ его и изрубили. Искусанный французъ съ негодованіемъ увѣрялъ меня, что отъ мужика пахло водкой. Быть можетъ, это была и правда; но не думаю, чтобы въ ту минуту сохранилъ онъ до-

(*) Нынѣ Шепелевыхъ, за Яузскимъ мостомъ на Вшивой Горкѣ. П. Б.

вольно хладнокровія, чтобы сдѣлать такое замѣчаніе. Въ злобѣ разсказа было что-то смѣшное даже для товарищей его. Французы принуждены были выдвинуть два орудія и выстрѣлить по толпѣ нѣсколько разъ картечью: послѣдніе сіи защитники Кремля всѣ были побиты.

Наконецъ меня позвали къ королю. Онъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и готовился куда то ѣхать. Съ полчаса говорилъ онъ со мною весьма учтиво и ласково, распрашивалъ о Бородинскомъ дѣлѣ и о занимавшемъ ихъ тогда болѣе всего: о причинѣ Московскаго пожара и выѣздѣ жителей. Когда просилъ я его приказать отпустить меня въ русскую армію: „Развѣ вы не плѣнные?", спросилъ онъ меня съ удивленіемъ. — „Нѣтъ отвѣчалъ я; генералъ С удержалъ меня только, чтобы представить вашему величеству". Король приказалъ позвать адъютанта генерала С.; пришли сказать, что онъ уже уѣхалъ. „Я вѣрю вамъ, сказалъ мнѣ Мюратъ, вѣрю, что генералъ С. обѣщалъ отпустить васъ, но не отъ меня теперь это зависитъ; вамъ непремѣнно надобно переговорить о томъ съ генераломъ Бертье; я прикажу васъ проводить къ нему". Тутъ началъ я уже опасаться, что не удастся мнѣ освободиться. Адъютантъ генер. С., который одинъ могъ доказать, что я говорилъ правду, уѣхалъ. Съ пожаромъ увеличивалось въ городѣ ежеминутно смущеніе, безпорядокъ; меня никто не хотѣлъ слушать. Но пока оставалась малѣйшая надежда, надлежало стараться получить свободу. Въ сопровожденіи офицера, которому поручилъ меня Мюратъ, сошелъ я съ лѣстницы на дворъ; моей лошади уже не было, ею кто-то воспользовался, и я пѣшкомъ долженъ былъ слѣдовать за коннымъ адъютантомъ въ Кремль. Нельзя представить себѣ картину Москвы въ то время: улицы покрыты выброшенными изъ домовъ вещами и мебелью, пѣсни пьяныхъ солдатъ, крикъ грабящихъ, дерущихся между собою; во многихъ мѣстахъ отъ забросанныхъ улицъ, дыма и огня, невозможно было пройти. Пожаръ, грабежъ и безпорядокъ, царствовали болѣе всего въ рядахъ, въ городѣ: тутъ множество солдатъ разныхъ полковъ, таскали въ разныя стороны изъ горящихъ лавокъ, платье, мѣха, съѣстные припасы и проч. Казалось, раззоренный муравейникъ откуда каждый старался вынести что̀ ему было тогда драгоцѣннѣе.

Въ Кремль вошелъ я чрезъ Никольскія ворота; Сенатская площадь покрыта была бумагами. Изъ арсенала выдвинуты были всѣ орудія; гренадеры Наполеоновской гвардіи ходили по площади и сидѣли на большой пушкѣ; они занимали внутренность арсенала. Далѣе, у ступеней Краснаго Крыльца стояли часовые верхами, два конныхъ гренадера въ парадныхъ мундирахъ. Чрезъ Красное Крыльцо провели меня къ Золотой Рѣшеткѣ; офицеръ, оставивъ меня на площадкѣ, пошелъ доложить обо мнѣ генералу Бертье.

Погода была довольно хорошая; но страшный вѣтеръ, усиленный, а можетъ быть и произведенный свирѣпствующимъ пожаромъ, едва позволялъ стоять на ногахъ. Внутри Кремля не было еще пожара, но съ площадки, за рѣку, видно было одно только пламя и ужасныя клубы дыма; изрѣдка, кой гдѣ, можно было различить кровли незагорѣвшихся еще строеній и колокольни; а вправо, за Грановитой Палатой, за Кремлевской стѣной, подымалось до небесъ черное, густое, дымное облако, и слышенъ былъ трескъ отъ обрушающихся кровлей и стѣнъ.

Скоро сдѣлался я опять предметомъ любопытства мимопроходящихъ офицеровъ; меня окружили, распрашивали и усмѣхались, когда я говорилъ, что я не

плѣнный, а пришелъ требовать, чтобы отправили меня въ русскую армію. Не ласковы были разговоры ихъ со мною; они хладнокровно не могли смотрѣть на русскаго, — были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ или намѣреніяхъ. Надѣясь въ Москвѣ отдохнуть, они не нашли и квартиры; многіе изъ нихъ были уже по нѣскольку разъ выгнаны пожаромъ изъ занимаемыхъ домовъ; другіе весьма серіозно пѣняли, что не могутъ найти ни сапожника, ни портнаго, чтобы исправить обувь и одежду; всѣ, какъ будто имѣли на то право, жаловались на насъ.

Взглянувъ внизъ, увидѣлъ я нѣсколько солдатъ, ведущихъ полицейскаго офицера въ мундирномъ сюртукѣ Его взвели на площадку, и одинъ штабъ-офицеръ началъ его допрашивать чрезъ переводчика (*). „Отъ чего горитъ Москва?" „Кто приказалъ зажечь городъ?" „Зачѣмъ увезены пожарныя трубы?" Зачѣмъ онъ самъ остался въ Москвѣ?" и другіе тому подобные вопросы, на которые отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ полицейскій офицеръ, что онъ ничего не знаетъ, а остался въ городѣ потому, что не успѣлъ выѣхать. „Онъ ни въ чемъ не хочетъ признаваться, сказалъ допрашивающій; но очень видно, что онъ все знаетъ и остался здѣсь зажигать городъ. Отведите его и заприте вмѣстѣ съ другими". Я старался, но тщетно, увѣрить, что квартальный офицеръ точно ни о какихъ мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ, знать не можетъ. „Онъ служитъ въ полиціи, и вѣрно все знаетъ", отвѣчали мнѣ. Нещастнаго повели и заперли въ подвалѣ подъ площадкой, на которой я находился. „Что съ нимъ будетъ?" Спросилъ я у офицера, который его допрашивалъ. — „Онъ будетъ наказанъ, какъ заслуживаетъ: повѣшенъ или разстрѣлянъ съ прочими, которые за ту же вину съ нимъ заперты". Этотъ странный приговоръ заставилъ и меня немного призадуматься.

(*) Де Лорнье, жившаго предъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ и пришедшаго теперь съ французскою арміею.

Пришли звать меня къ генералу Бертье; я прошелъ чрезъ двѣ комнаты, наполненныя придворными и пажами въ парадныхъ мундирахъ и въ пудрѣ. Въ третьей комнатѣ встрѣтилъ меня генер. Бертье. Не долго говорилъ онъ со мною, и объявилъ, что отпустить меня не можетъ; что два дня я пробылъ между ними, и что не взято никакихъ предосторожностей, чтобы скрыть отъ меня то, чего не надлежало мнѣ знать или видѣть. „Я пробылъ два дня, отвѣчалъ я, не по своей охотѣ, а по неволѣ, а потому надѣюсь на справедливость вашу и на данное мнѣ генераломъ Себастіани честное слово". — „Освобожденіе ваше не отъ меня зависитъ, сказалъ мнѣ генер. Бертье, подите и подождите не много; быть можетъ, захочетъ видѣть васъ императоръ, я прикажу объ васъ". Я вышелъ опять на площадку; въ Кремлѣ былъ я только одинъ русской, кромѣ запертыхъ въ подвалѣ. Чрезъ нѣсколько времени ударили внизу тревогу. Началась бѣготня, крикъ; офицеры всѣ сбѣжали съ лѣстницы и побѣжали на мѣсто тревоги. Я остался нѣсколько минутъ одинъ, смотрѣлъ за рѣку на пожаръ; сердце сильно билось во мнѣ; я не могъ отгадать причины тревоги, не зналъ, чего мнѣ ожидать должно. Скоро отъ возвращающихся узналъ я, что загорѣлось въ арсеналѣ или сенатѣ, не помню, но что саперы и другіе солдаты утушили пожаръ.

Одинъ изъ адъютантовъ ген. Бертье подошелъ ко мнѣ: „Слѣдуйте за мною", сказалъ онъ, и сошелъ съ лѣстницы; я за нимъ; онъ остановился у дверей церкви Спаса на Бору, и просилъ войти въ нее. „Вы не долго будете здѣсь дожидаться, потерпите немного, за вами тотчасъ при-

дутъ“.—„Да что рѣшилъ обо мнѣ генер. Бертье, отпустятъ ли меня?“ — Не давъ мнѣ на это никакого отвѣта, онъ вышелъ, заперъ за собой тяжелую желѣзную дверь, задвинулъ толстую задвижку, наложилъ замокъ, повернулъ ключь, — и ушелъ! Оставшись одинъ, пришолъ я въ отчаяніе; теряя надежду избѣгнуть плѣна, находился я въ мучительнѣйшемъ положеніи; однако же утѣшался тѣмъ, что по крайней мѣрѣ не заперли меня въ подвалѣ. Пробывъ нѣсколько часовъ въ церкви, и видя, что за мною никто не приходитъ, пришло мнѣ въ голову, что обо мнѣ забыли. Я не ошибся; цѣлый день пробылъ я въ горестномъ ожиданіи, никто не подходилъ и къ двери! Съ самаго утра былъ я на ногахъ, много ходилъ, ничего не ѣлъ, и хотя голода не чувствовалъ, но нравственная и тѣлесная слабость овладѣли мною. Я былъ въ какомъ-то томительномъ, тяжеломъ безпамятствѣ. Насталъ вечеръ, наступила и ночь; я лежалъ на каменномъ полу. Зарѣчный пожаръ чрезъ окна освѣщалъ внутренность церкви. Тѣнь старинныхъ желѣзныхъ рѣшетокъ падала на полъ; вокругъ меня все утихло, слышенъ былъ только глухой, дальній шумъ пожара и сигналы часовыхъ; я не спалъ, и не бодрствовалъ. Отъ происшествій прошлаго дня, казалось, все существо мое находилось въ какомъ-то недоумѣніи. Никогда еще не были такъ разстроены чувства мои, и мнѣ некому было сообщить своихъ впечатлѣній!

Настало утро, но не принесло никакой перемѣны въ моемъ положеніи. Начали около церкви бѣгать, шумѣть, и сквозь крикъ и шумъ могъ я догадаться, что дѣло идетъ опять о пожарѣ: вѣроятно загорѣлись дрова, которыхъ складено было у церкви большое количество. Часу въ десятомъ (5-го сентября), услышалъ я стукъ скоро проѣзжающихъ повозокъ; послѣ узналъ я, что то были Наполеоновы экипажи: онъ уѣхалъ въ Петровскій дворецъ.

Судя по времени, было за полдень, когда подошли къ церкви нѣсколько человѣкъ. Долго шевелили замкомъ, стараясь отворить; наконецъ сняли замокъ; дверь отворилась; я тогда лежалъ на полу. Въ церковь вошло человѣкъ десять гвардейскихъ саперъ и унтеръ-офицеръ. Думая войти въ пустое зданіе, они очень удивились, увидя меня: „Здорово товарищъ, сказалъ со смѣхомъ старый, усатый унтеръ-офицеръ, вставай, ты, я думаю, довольно належался, уступи-ка намъ мѣсто. Да какъ ты залѣзъ сюда, и что здѣсь дѣлаешь?“ — „Мнѣ должно спросить, отвѣчалъ я, что̀ хотите со мною сдѣлать? Вотъ вторые сутки какъ я здѣсь запертъ, и видно намѣрены меня сжечь или уморить съ голоду“. Тутъ подошелъ офицеръ — „Мы нашли въ церкви русскаго, г. капитанъ; что прикажите съ нимъ дѣлать?“ спросилъ унтеръ-офицеръ. Не входя въ дальнѣйшія толкованія: „Заприте его вмѣстѣ съ другими подъ крыльцомъ“, отвѣчалъ капитанъ. Предъ тѣмъ думалъ я о смерти, можетъ быть и желалъ ея; теперь же, когда увидѣлъ ее ближе, поступилъ какъ въ баснѣ дровосѣкъ, ее призывавшій. Угрожающая опасность придала мнѣ силъ, я вскочилъ, и выбѣжалъ къ офицеру: „Куда приказываете вы вести меня, сказалъ я ему съ жаромъ, съ какими людьми хотите вы меня запереть? Я знаю, въ чемъ вы ихъ обвиняете, знаю, къ чему и присуждены они. По какому праву хотите и со мною тоже сдѣлать? Я остановленъ за городомъ во время перемирія, и до сихъ поръ не почитаю себя въ плѣну. Вы видите, прибавилъ я, указывая на саблю, что мнѣ оставлено и оружіе“. „Извините, милостивый государь, сказалъ капитанъ очень учтиво, я ошибся.“ „Однако же, отвѣчалъ я, ошибка эта стоила бы мнѣ жизни, естлибы я не услыхалъ приказанія вашего, или не

понялъ бы его.“ „Тогда было бы это несчастіе (cela serait bien malheureux) сказалъ онъ. Теперь пойду спросить, куда прикажутъ васъ отвести.“

Я остался въ церкви съ солдатами старой Наполеоновой гвардіи. Былъ бы я въ другомъ расположеніи, то конечно разговоръ ихъ между собою и со мною, весьма бы меня занялъ. Нельзя придумать всѣхъ странныхъ вопросовъ, которые они мнѣ дѣлали на счетъ русскихъ, пожара и проч. Многіе не хотѣли вѣрить, что я русской. Другіе, забывая, что городъ пустъ, увѣряли, что я оставленъ для возмущенія противъ нихъ народа. Толковали о политикѣ, дѣлали разныя предположенія объ окончаніи войны, изъ которыхъ однако же ни одно не исполнилось. Вообще обходились они со мною ласково, и когда начали обѣдать, то пригласили и меня. Обѣдъ состоялъ изъ густо-сваренной перловой крупы, хлѣба и сыру, потомъ принесли боченокъ краснаго вина. Наконецъ капитанъ возвратился въ церковь. Я и французы лежали на разосланныхъ плащахъ. „Васъ приказано отвезти къ прицу Екмюльскому, тамъ рѣшится судьба ваша. Вотъ проводникъ», сказалъ капитанъ, указывая на коннаго гвардейскаго жандарма, стоявшаго верхомъ у дверей. Тутъ сдалъ онъ меня жандарму, и я опять долженъ былъ скорыми шагами слѣдовать за жандармскою лошадью. Проводникъ мой не твердо еще зналъ Московскія улицы, а я не зналъ, гдѣ живетъ Давȣ. Онъ повелъ меня изъ Боровицкихъ воротъ на лѣво, и долго кружилъ по разнымъ улицамъ. Многихъ не могъ я узнать: такъ обезображены были онѣ уже пожаромъ; гдѣ были деревянныя дома, остались только однѣ печныя трубы, и въ курящихся остаткахъ искали добычи тѣ, которые не успѣли грабить домà прежде пожара. Я не встрѣтилъ ни одного русскаго; вездѣ попадались навьюченные солдаты; отъ смрада и дыма съ трудомъ можно было дышать. Наконецъ жандармъ, который, какъ будто съ намѣреніемъ хотѣлъ показать мнѣ всю Москву, привелъ меня на Дѣвичье поле, среди коего бивакировалъ пѣхотный полкъ. Тутъ жилъ Давȣ; тутъ ожидала меня странная и непредвидѣнная сцена.

Давȣ занималъ домъ близь монастыря; адъютанъ его принялъ меня отъ жандарма, и доложивъ обо мнѣ генералу, ввелъ въ большую комнату. У окошка, противъ двери, въ которую я вошелъ, сидѣлъ Давȣ ко мнѣ спиною и что-то писалъ. Я остановился посреди комнаты, нѣсколько минутъ стоялъ; онъ не оглядывался. Наконецъ строгимъ, грубымъ голосомъ началъ разговоръ, все не смотря на меня: „Кто вы?“—„Русской офицеръ“.—„Парламентеръ?“ — „Нѣтъ“—.„Такъ плѣнный?“ —„Нѣтъ, меня остановили за городомъ въ день взятія Москвы, на аванпостахъ генер. Себастіани, во время перемирія, и генералъ обѣщалъ отпустить меня; но я былъ удержанъ, и до сихъ поръ не могу добиться свободы, хотя былъ остановленъ противъ всякаго права войны“. Давȣ съ нетерпѣніемъ перебилъ рѣчь мою. „Что вы толкуете мнѣ о перемиріи? Что за перемиріе, когда въ городѣ по насъ стрѣляли? Вы взяты въ плѣнъ по всей справедливости, и должны въ плѣну и остаться“.—„Я не могу отвѣчать за поступки нѣсколькихъ жителей; если вы меня не отпустите, то поступите несправедливо“. — „Молчите“! закричалъ онъ, и пристально взглянувъ на меня, сказалъ: „Ба! да я васъ знаю!“—„Не думаю, генералъ, я впервыя имѣю честь васъ видѣть“.—„Не запирайтесь, вамъ меня обмануть не удастся, вы уже были разъ взяты въ плѣнъ подъ Смоленскомъ и бѣжали. Но вы увидите, кадъ мы поступаемъ съ людьми, которые по нѣскольку разъ отдаются въ плѣнъ и уходятъ! Во второй разъ не уйдете!“ и обратясь къ адъютанту, прибавилъ весьма хладнокровно:

„Прикажите призвать унтеръ-офицера и четырехъ рядовыхъ, чтобъ разстрѣлять этого офицера.“ Адъютантъ вышелъ. — „Я увѣряю честію, генералъ, что въ первый разъ нахожусь въ арміи вашей, и вижу, что и одного раза слишкомъ много. Надобно думать, что я имѣю съ кѣмъ-нибудь другимъ несчастное для меня сходство.“ — „Не трудитесь увѣрять меня, трудъ напрасный, не переувѣрите!“ (Всѣ рѣчи генерала Даву приправлены были самыми выразительными словами солдатскаго словаря). Онъ всталъ, повелъ меня въ другую комнату и началъ дѣлать множество вопросовъ совершенно лишнихъ, потому-что зналъ на нихъ отвѣты лучше меня; показалъ мнѣ подробную рисованную карту окрестностей Москвы, верстъ на 30 въ окружности. Имена написаны были по французски, и карта хотя наскоро начерчена, была хороша. Думая о томъ, чѣмъ долженъ кончиться для меня этотъ разговоръ, я не принималъ въ немъ большаго участія. Генер. Даву, замѣтя мою разсѣянность, кончилъ вопросы свои слѣдующею рѣчью: „Теперь люди, я думаю. уже готовы; подите, и вы увидите, какой имѣютъ со мною успѣхъ такія хитрости, какія употреблены вами.“ Я опять всѣми силами старался увѣрить, что не я былъ взятъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ. Но увѣренія не доказательства, а доказать мнѣ было невозможно. Досадуя на свое лицо, согласился бы я промѣнять его на самое уродливое, лишь бы не было оно сходно съ тѣмъ, которое имѣлъ попавшійся въ плѣнъ подъ Смоленскомъ русскій офицеръ. Видя неудачу своихъ увѣреній, готовился я уже идти дать разстрѣлять себя, какъ вдругъ пришла въ голову генералу счастливая мысль, и онъ сказалъ: „Постойте немного, увѣренія ваши нимало меня не убѣждаютъ. Я твердо знаю, что взяты были въ плѣнъ подъ Смоленскомъ вы, а не кто другой, но хочу передъ тѣмъ какъ васъ разстрѣляютъ, изобличить васъ еще во лжи. Я велю позвать того адъютанта, который находился при мнѣ въ Смоленскѣ, онъ вѣрно также узнаетъ васъ.“ — Генералъ Даву, казалось, боялся, чтобы я не приписалъ человѣколюбію пришедшую ему мысль.

Явился адъютантъ. Въ рукахъ, или лучше сказать въ глазахъ его, была теперь моя участь. Жизнь моя зависѣла отъ расположенія его потакать своему генералу, который тотчасъ сказалъ ему: „Посмотрите на этого человѣка. Не тотъ ли это, который подъ Смоленскомъ былъ взятъ, и ночью бѣжалъ отъ насъ?“ Мнѣ хотѣлось сдѣлать какую-нибудь гримасу, но боялся тѣмъ еще болѣе придать лицу моему сходства. Адъютантъ пристально вглядывался въ меня, со всѣхъ сторонъ: „Нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ генералу, не думаю, чтобы это былъ тотъ же; тотъ былъ немного выше и старѣе.“ Гора свалилась съ плечь моихъ. „Вы обязаны адъютанту моему, сказалъ Даву, безъ него, право, не миновали бы вы пули; теперь подите, васъ отведутъ къ товарищамъ.“ Я вышелъ, видя, что протестовать противъ плѣна было бы уже тутъ совсѣмъ неумѣста.

Унтеръ-офицеръ, коему поручено было отвезти меня въ депо плѣнныхъ, пользуясь обычаемъ, принятымъ въ такихъ случаяхъ, взялъ у меня саблю и нѣсколько бывшихъ со мною червонцевъ. Депо было на Дѣвичьемъ полѣ, въ недостроенномъ деревянномъ домѣ, окруженномъ часовыми. Я съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть плѣнныхъ товарищей, надѣясь найти въ нихъ нѣкоторое утѣшеніе. Но не вполнѣ исполнилась моя надежда, и были минуты, когда, находясь между ними, я жалѣлъ о томъ времени, какъ былъ запертъ одинъ въ церкви Спаса на Бору. Въ небольшой комнатѣ того деревяннаго дома собрали французы человѣкъ трид-

цать разнаго званія людей; въ числѣ ихъ не было ни одного военнаго; большая часть были служащіе въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ столицы. Предполагая увидѣть русскихъ, угнетенныхъ положеніемъ своимъ, чувствующихъ оное вполнѣ, какъ удивился я, когда, приближаясь къ дому, безпорядочный шумъ и даже пѣсни указали мнѣ о мѣстопребываніи соотечественниковъ, съ которыми впередъ надлежало мнѣ дѣлить участь свою. Новыя горчайшія мысли присоединились къ тѣмъ, коими была наполнена душа моя, и не смотря на ту непреодолимую надобность, которая въ несчастіи заставляетъ всякаго человѣка искать кого-нибудь, кому бы повѣрить чувства свои, не нашелъ я ни одного изъ тѣхъ плѣнныхъ, который бы внушилъ мнѣ малѣйшую довѣренность; нѣкоторые, сумѣвъ сохранить свои деньги, и покупая водку у солдатъ, часто употребляли оную безъ умѣренности.

Въ семъ обществѣ пробылъ я десять дней, одинъ на другой совершенно схожихъ. По утру раздавали намъ хлѣбъ, каждому около фунта; нѣсколько разъ случалось однако же, что проходилъ день и безъ раздачи. Раза два въ это время давали намъ и говядину, за которой должно было ходить самимъ довольно далеко въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ. Не имѣя никакой посуды для варенія пищи, пекли мы говядину на бивачныхъ огняхъ нашей стражи, и ѣли безъ соли; иногда намъ удавалось промѣнивать у солдатъ сырое мясо на вареное. Когда бивакирующіе на Дѣвичьемъ полѣ солдаты доставали для себя скотъ, то я и нѣсколько человѣкъ другихъ русскихъ ходили къ нимъ, чтобы его убивать, сдирать кожу, словомъ исправлять мясничное ремесло. За трудъ этотъ отдавали намъ французы внутренность и другія части скота, которыя имъ не годились. Въ комнатѣ, гдѣ мы жили, не только не было ни стула, ни стола, но намъ не дали даже и соломы для постели. На мѣсто оной, наносили мы каждый для себя изъ сада, принадлежащаго дому, упавшій тогда листъ съ деревьевъ, а какъ въ комнатѣ было весьма тѣсно, то по неволѣ служили мы одинъ другому изголовьемъ. Часто цѣлыя ночи проводилъ я у окна; смотрѣлъ на огненныя зарева отъ отдаленныхъ пожаровъ, и мысленно слѣдовалъ за арміей, о которой съ перваго дня моего плѣна я ничего не слыхалъ.

На одиннадцатый или двѣнадцатый день нашего заточенія, вошелъ къ намъ французскій пѣхотный офицеръ, и объявилъ, что ему поручено на другой день вести насъ въ Смоленскъ, и чтобы мы рано поутру были готовы къ походу. Предупрежденіе почти лишнее: намъ готовиться къ походу было нѐчего. Платье, которое было на насъ, было единственнымъ нашимъ имуществомъ, но выступленію изъ Москвы почти всѣ мы были рады. Всякая перемѣна въ положеніи нашемъ казалась улучшеніемъ.

Въ тотъ же день ввечеру, пришелъ опять офицеръ для составленія намъ списка по чинамъ: всѣ штатскіе чиновники внесены были въ списокъ соотвѣтствующими военными чинами, а потому и сдѣлался я, прапорщикъ, младшимъ изъ всего общества.

На другой день, 16-го или 17-го сентября, на разсвѣтѣ, пришелъ тотъ же офицеръ. Провожая насъ, сдѣлали перекличку и роздали хлѣба каждому фунта по три, сказавъ прежде въ предосторожность, что такъ какъ неизвѣстно, гдѣ и когда раздадутъ намъ опять хлѣбъ, то чтобы мы его берегли.

Не выходя еще изъ города, присоединился къ намъ плѣнный полковникъ Ф. М., счастливымъ случаемъ попавшійся въ руки французскаго офицера, который оставилъ ему не только всѣ вещи, но даже и

экипажъ. Полковникъ Ф М. ѣхалъ въ бричкѣ, запряженной парой. Здѣсь почитаю я обязанностію изъявить благодарность мою этому офицеру, удѣлявшему мнѣ иногда отъ имѣющихся у него съѣстныхъ припасовъ, а иногда сажавшаго меня съ собою въ бричку, безъ чего вѣроятно претерпѣлъ бы я участь многихъ товарищей. Постояннымъ спутникомъ ему въ бричкѣ былъ кн. В—ъ, который велъ себя во все время несчастнаго похода нашего столь странно, что въ продолженіи повѣствованія моего намѣренъ я хранить о немъ глубочайшее молчаніе.

Улицы, отъ Дѣвичьяго поля до заставы покрыты были обгорѣлыми бревнами, всякаго рода обломками; многія мѣста еще курились, кой-гдѣ видны были и мертвыя тѣла,—все вмѣстѣ представляло картину ужаснѣйшаго раззоренія.

Тотчасъ по выходѣ изъ Москвы, которую покинулъ я съ чувствомъ прискорбія и сожалѣнія, хотя нѣкоторымъ образомъ и радъ былъ отъ нея удалиться, за заставой дожидалась насъ колонна плѣнныхъ солдатъ съ сильнымъ конвоемъ. Утѣшительно и вмѣстѣ больно было встрѣтиться съ плѣнными воинами нашими. Вся колонна состояла слишкомъ изъ тысячи человѣкъ, но и тутъ, какъ между офицерами, не всѣ были военные и понапрасну дѣлили съ нами горькую участь. Въ солдатской колоннѣ много было купцовъ и крестьянъ. Французы, ссылаясь на ихъ бороды, увѣряли меня, что это казаки. Тутъ были и дворовые люди и даже лакеи въ ливреяхъ, которые, по мнѣнію провожающихъ насъ, были также переодѣтыми солдатами. Одинъ изъ конвойныхъ солдатъ требовалъ моихъ сапогъ, показывая мнѣ свои разодранные. Я разулся и отдалъ ему ихъ добровольно, избѣжавъ тѣмъ грубости или насилія. Идучи босыми ногами по крѣпко замерзшей грязи, я скоро почувствовалъ сильную боль въ ногахъ, которая постоянно увеличивалась вмѣстѣ съ опухолью. Нѣсколько верстъ за Москвою, встрѣтились намъ два мужика. Одинъ изъ нихъ нёсъ за спиной запасныя лапти, и уступилъ ихъ мнѣ за кусокъ хлѣба. Щастливый пріобрѣтеніемъ симъ, догналъ я голову колонны и шелъ нѣкоторое время близь французскаго офицера. Вдругъ за нѣсколько шаговъ позади насъ раздался ружейный выстрѣлъ, на который не обратилъ я сначала вниманія, думая, что причиною тому неосторожность какого нибудь конвойнаго солдата. Вслѣдъ за выстрѣломъ подошелъ къ офицеру унтеръ-офицеръ, донесъ, что пристрѣлилъ одного изъ плѣнныхъ, и возвратился въ свое мѣсто. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ, и просилъ офицера объяснить мнѣ слышанное мною: „Я имѣю письменное повелѣніе, сказалъ онъ мнѣ съ вѣжливостью, пристрѣливать плѣнныхъ, которые, отъ усталости или по другой причинѣ, отстанутъ отъ хвоста колонны болѣе пятидесяти шаговъ. На это дано конвойнымъ приказаніе однажды навсегда. Касательно же офицеровъ, прибавилъ онъ, такъ какъ число ихъ не слишкомъ значительно, то велѣно мнѣ ихъ, пристрѣливши, хоронить“. Сіи послѣднія слова были, кажется, имъ сказаны изъ какой то странной учтивости, и нѣкоторымъ образомъ мнѣ лично въ утѣшеніе. Я отвѣчалъ ему, что, судя о товарищахъ своихъ по себѣ, не думаю я, чтобы кто нибудь изъ насъ сталъ настаивать на исполненіе той части его обязанности, которая относилась до похоронъ, и объявилъ ему отъ имени всѣхъ, что мы избавляемъ его отъ лишняго сего труда. Признаюсь, что открытіе, имъ мнѣ сдѣланное, не совсѣмъ мнѣ нравилось, ибо боль въ ногахъ напоминала мнѣ о возможности быть разстрѣлену. — „Что могло быть причиною жестокаго повелѣнія, вами исполняемаго, спросилъ я офицера? Не лучше ли не брать въ плѣнъ, чѣмъ, взявши, разстрѣ-

ливать? И какъ хотите вы требовать отъ людей голодныхъ, чтобъ они шли не отставая одинъ отъ другаго?" — „Все это правда, отвѣчалъ онъ, но начальство приняло сію мѣру для избѣжанія того, чтобы отставшіе плѣнные. отдохнувъ, не стали тревожить насъ. Впрочемъ вы сами тому причиною: больныхъ оставлять негдѣ, госпиталей нѣтъ, вы сожгли и города и деревни".

Послѣ похода, продолжавшагося нѣсколько часовъ, былъ сдѣланъ привалъ, несхожій на привалы, дѣлаемые войсками: веселыхъ разговоровъ не было слышно, ни варить ни ѣсть было намъ нечего, всякой берегъ свой хлѣбъ для послѣдней минуты, а огня развести также не хотѣлъ никто — для этого надлежало бы идти за дровами, силы были для насъ еще дороже пищи, жизнь зависѣла отъ ногъ, и всякой шагъ могъ для будущаго времени пригодиться. Въ молчаніи полежали мы на голой, мерзлой землѣ, и когда встали, чтобы идти далѣе, то на мѣстѣ привала остались изъ солдатъ двое мертвыхъ, которыхъ однако же для вѣрности все таки велѣно было пристрѣлить.

Хотя мы шли цѣлый день, но переходъ сдѣлали небольшой, ибо тащились весьма тихо, и гдѣ застала насъ ночь, тамъ и остановились, своротивъ съ дороги на поле. Въ продолженіи дня пристрѣлено было 6 или 7 человѣкъ, въ числѣ которыхъ одинъ изъ штатскихъ чиновниковъ. Собравши плѣнныхъ въ толпу или кучу, развели французы для себя огни и разставили вокругъ насъ довольное число часовыхъ; а мы должны были согрѣваться, ложась одинъ къ другому какъ можно ближе. Я боялся спать, чтобы во время сна не отморозить ногъ, часто вставалъ и ходилъ, стараясь разогрѣться.

Рано утромъ пошли мы опять въ походъ. Не могу описывать странствованія нашего по днямъ; тогда не вёлъ я журнала, и помню только главныя изъ происшествій. Такъ какъ ночью удавалось намъ хотя немного отдыхать, то утромъ шли мы довольно хорошо, и обыкновенно только по прошествіи нѣсколькихъ часовъ ходьбы начинали раздаваться ужасные выстрѣлы, лишавшіе насъ товарищей. Иногда слышали мы ихъ до 15-ти въ день и болѣе. Конвой перемѣнялся почти черезъ день, но образъ обхожденія съ нами былъ всегда одинаковъ. Смѣняющійся офицеръ давалъ нужныя на то наставленія своему преемнику, и мы не примѣчали даже перемѣны нашихъ спутниковъ. День ото дня становился походъ, отъ холода и голода, тяжеле, и число умирающихъ и пристрѣливаемыхъ значительнѣе. Несчастный плѣнный, чувствуя, что силы его покидаютъ, отставалъ по немногу, прощаясь съ товарищами; всѣ проходили мимо его, конвойный солдатъ одинъ оставался при немъ, пристрѣливалъ его, и догонялъ потомъ колонну, заряжая свое ружье. Мнѣ случилось разъ видѣть стараго солдата, упавшаго на дорогѣ отъ усталости. Французъ, оставшійся, чтобы пристрѣлить его, три раза прикладывалъ дуло своего ружья къ головѣ русскаго, три раза спускалъ курокъ, ружье осѣкалось! Наконецъ ушелъ онъ, и прислалъ другаго, у котораго ружье было исправнѣе.

Иногда плѣнные, предчувствуя участь свою, видя вдали на дорогѣ церковь, старались дотащиться до ней, останавливались по нѣскольку рядомъ у дверей на паперти, молились, и ихъ застрѣливали.

Всякій день число плѣнныхъ уменьшалось. Когда колонна была еще многолюднѣе, то впечатлѣніе при видѣ умирающаго товарища не такъ сильно на меня дѣйствовало; но когда осталось насъ столько, что могъ каждый знать другъ друга въ лицѣ, то гораздо болѣе трогала меня потеря товарищей, и моя очередь,

казалось, приближалась ежеминутно. Не надо думать однако же, что опасеніе смерти было мучительно въ моемъ положеніи. Къ счастію привязанность къ жизни ослабѣваетъ вмѣстѣ съ физическими силами. Больной, страдавшій долго отъ тяжкой болѣзни, рѣдко видитъ приближеніе смерти съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ смотритъ на нее въ состояніи здоровья. Я не жалѣлъ покинуть жизнь; мнѣ было только больно думать, что я умру и не буду имѣть не только ни роднаго, ни друга, который бы принялъ послѣдній вздохъ мой, но что даже и тѣ, которые будутъ свидѣтелями моей смерти, забудутъ меня, какъ скоро отойдутъ довольно далеко, чтобы не видѣть моего тѣла.

Скоро хлѣбъ нашъ весь вышелъ. Тѣ, которые сохранили его еще немного, прятали его отъ другихъ. На походѣ искали мы пищи въ пеплѣ сгорѣвшихъ деревень и въ давно опустошенныхъ уже огородахъ. Все было хорошо, что̀ могло хотя на время утолить голодъ. Никогда не забуду, съ какимъ удовольствіемъ съѣлъ я найденную мною въ кучѣ сора луковицу. Однажды нашли мы нѣсколько неубранной конопли, которую, собравши, сварили и употребили въ пищу. Мясо мертвыхъ, давно убитыхъ лошадей сдѣлалось наконецъ единственною нашею пищею. Почернѣвшее отъ времени и морозовъ, было оно вредно для здоровья, особенно же потому, что ѣли мы его безъ соли и полусырое. Блѣдные, въ лоскутьяхъ, безъ обуви, представляли плѣнные картину ужасную и отвратительную.

Такимъ образомъ дошли мы до поля Бородинскаго сраженія. Мертвыя тѣла людей и убитыя лошади, были не прибраны. Отъ большой дороги влѣво, все пространство, какъ далеко могло простираться зрѣніе, покрыто было мертвыми тѣлами людей и лошадей. Большая часть труповъ были безъ одежды. Терпящіе нужду въ оной французскіе солдаты искали ее на мертвомъ товарищѣ или непріятелѣ. Я давно уже страдалъ ужасною болью въ ногахъ: отъ Москвы шелъ я безъ сапоговъ по крѣпко замерзшей грязи. Отъ колѣнъ и до подошвы были ноги мои въ ранахъ, и я прибѣгнулъ къ тому же способу: примѣривъ нѣсколько сапогъ, снятыхъ самимъ мною, не нашелъ я ни одного по своей ногѣ, и долженъ былъ довольствоваться..........

(*Здѣсь вѣроятно не было дописано или утрачено; слѣдующій отрывокъ относится уже къ другому времени.*)

...... Уже около полутора года, какъ находился я въ плѣну. Въ первыхъ числахъ февраля 1814 г., былъ я вмѣстѣ съ другими плѣнными въ Орлеанѣ. Два дня пробыли мы тамъ на мѣстѣ, на третій повели насъ далѣе, вдоль прекраснаго берега Луары. 9-го числа по утру, выступили мы изъ Орлеана, и передъ выходомъ нашимъ слышалъ я отъ жителей, что въ скоромъ времени ожидаютъ въ окрестностяхъ города непріятельскихъ, т. е., нашихъ войскъ. На переходѣ въ городокъ Божанси, 6 французскихъ миль (25 верстъ) отъ Орлеана, и почти предъ вступленіемъ въ оный, узнали мы, что казаки появились у Орлеана. Тотчасъ же предложилъ я товарищу моему С..... воротиться въ Орлеанъ и стараться пробраться въ нашу армію. Тогда не могли мы еще отгадать, долго ли намъ быть въ плѣну, и какой конецъ будутъ имѣть дѣйствія войскъ нашихъ во Франціи. С.... охотно принялъ предложеніе мое; время было дорого. Пришли въ Божанси, открыли намѣреніе наше нѣкоторымъ изъ товарищей, и просили ихъ скрыть побѣгъ нашъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Простились, и пошли обратно въ Орлеанъ, не давъ себѣ времени и отдохнуть. Дни были хорошіе, и когда пустились мы въ путь, то уже смеркалось.

С... говорилъ по французски худо, но говорить любилъ; я взялъ его съ тѣмъ, чтобы во всю дорогу онъ не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова. У меня въ карманѣ было 300 франковъ, на которые надѣялся я нанять проводника, который бы провелъ насъ до Орлеана проселочными дорогами. Большая же дорога была уже намъ извѣстна, шла все по крутому берегу рѣки среди виноградниковъ. По ней вышли мы изъ Божанси и вскорѣ повстрѣчались съ двумя конными жандармами. Однако же, послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, на которые отвѣчалъ я смѣло, пропустили они насъ. Послѣ этой встрѣчи, сталъ я опасаться вторичной, и почувствовалъ еще болѣе надобности имѣть проводника. Къ счастію, идя очень скоро, обогнали мы одного молодаго крестьянина, съ которымъ вступилъ я тотчасъ въ разговоръ, и, примѣтя, что онъ почитаетъ насъ за бѣглыхъ конскриптовъ, вывелъ я его изъ заблужденія, открылся ему и далъ 150 фр. съ тѣмъ, чтобы показалъ онъ намъ дорогу проселками до Орлеана, и обѣщался еще столько же, если доведетъ насъ счастливо до русскихъ. Уговорились и пошли: крестьянинъ впереди, С... и я за нимъ; мы не шли, бѣжали. До разсвѣта должно было намъ достичь русскихъ, или быть пойманными. Окрестности Орлеана весьма населены. Деревни одна подлѣ другой, и вездѣ національная гвардія содержала караулы при въѣздахъ и по улицамъ. Нѣсколько разъ окликали насъ; вездѣ отвѣчалъ проводникъ, и насъ пропускали. Въ одной изъ деревень караульный унтеръ-офицеръ вышелъ съ фонаремъ на улицу, пристально осмотрѣлъ насъ, однакоже не задержалъ. Погода была дурная; выпало довольно много снѣгу, и идти было очень трудно; мы оба устали, но нечего было дѣлать; отдохнуть негдѣ, да и нельзя было. С.... такъ усталъ, что почти спалъ на ходу и часто падалъ, наконецъ совершенно отказался идти далѣе,—до Орлеана оставалось еще верстъ восемь. Въ первой деревнѣ, которая попалась намъ на дорогѣ, мы рѣшились остановиться хотя на часъ, и подкрѣпить силы. Въ намѣреніи семъ стучались мы у нѣсколькихъ домовъ: въ иныхъ намъ не отвѣчали, хозяева другихъ изъ окошка отказывались впустить насъ, иные даже угрожали бросать въ насъ каменьями, если тотчасъ же не отойдемъ. Нечего было дѣлать! Подосадовали и пошли далѣе. Жители деревень близь Орлеана боялись тогда своихъ мародеровъ и нашихъ казаковъ, и страхъ этотъ былъ причиною ихъ негостепріимства. Признаюсь, что и мнѣ нуженъ былъ отдыхъ, но имѣя въ виду скорое освобожденіе, не трудно было рѣшиться на все! Долго тащились мы еще въ молчаніи прерываемомъ только частыми вопросами проводнику: далеко ли еще до Орлеана?

Наконецъ начало уже развѣтать, и мы взошли на возвышеніе, покрытое виноградникомъ. Здѣсь показалъ намъ проводникъ въ весьма близкомъ разстояніи Орлеанъ; такъ близко, что могли мы различить догарающіе фонари на прекрасномъ мосту чрезъ Луару въ самомъ городѣ. Въ сторонѣ, подалѣе, мелькали въ полѣ огни. Показывая на нихъ: „Тамъ Русскіе“, сказалъ нашъ проводникъ. Я болѣе вамъ не нуженъ, идите спокойно по этой тропинкѣ, скоро конечно вы встрѣтите вашихъ. Прощайте, желаю вамъ всякаго счастія.“ Я далъ ему остальные 150 фр., и мы разстались.

Надобно быть въ плѣну и вытерпѣть то, что̀ я вытерпѣлъ, чтобы понять чувство надежды чрезъ нѣсколько минутъ быть среди соотечественниковъ и на свободѣ! С... и я торжествовали, весело обнялись, поздравили другъ друга, забыли усталость и пошли бодрѣе. Но не долго продолжалась радость наша! Ша-

говъ сто отъ того мѣста, гдѣ мы предавались такой пріятной надеждѣ, по той же тропинкѣ, которая должна была привести насъ на биваки русскихъ, набѣжали мы на французскій пикетъ! Пять человѣкъ стояли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, опершись на ружья. Они насъ видѣли. Что дѣлать? сказалъ С. . . .—Не останавливайся, отвѣчалъ я, пойдемъ впередъ,—болѣе дѣлать нечего, можетъ быть и удастся еще пройти. Подходя къ пикету, говорилъ я сколько могъ хладнокровнѣе, какъ будто продолжая съ С. . . разговоръ и не примѣчая стоящихъ на дорогѣ солдатъ. Но поровнявшись съ ними, остановилъ меня одинъ изъ нихъ за платье: „Куда идете“?—Въ Орлеанъ.—„У Орлеана русскіе“.—Такъ что же, я иду къ себѣ, — въ Орлеанѣ домъ мой.—„Покажите паспортъ, или пропускной билетъ.“ Я всегда ходилъ безъ паспорта и безъ билета, надѣюсь, что и теперь пройду, и пошелъ далѣе. „Останови ихъ“, закричалъ унтеръ-офицеръ.—Я самъ остановился.—„Отведите ихъ въ деревню къ офицеру.“—Насъ повели.

„Теперь, братъ, нѣтъ надежды, сказалъ я С. . . Русскихъ намъ на этотъ разъ не видать; надо лишь стараться не быть признанными за бѣглыхъ плѣнныхъ, и на это есть одинъ только способъ: плѣнные проведены по этой дорогѣ изъ Орлеана третьяго дня, скажемъ, что мы отстали, что ты оставался больнымъ въ деревнѣ (я назову такую, которая уже занята русскими, чтобы не пошли справляться), и что теперь догоняемъ плѣнныхъ своихъ товарищей. Теперь можемъ мы говорить по русски.“

Насъ привели въ караульню къ спящему офицеру, и къ счастію приведшій насъ солдатъ не остался при допросѣ. Караульный офицеръ сперва думалъ, что мы только что взяты въ плѣнъ на аванпостахъ, и не хотѣлъ вѣрить, когда я сказалъ ему, что я уже болѣе года въ плѣну, взятъ подъ Москвою, а С. . . подъ Лейпцигомъ. Я разсказалъ ему выдуманную нами басню, которой онъ однако же не повѣрилъ; да и повѣрить правда было трудно. Въ углу той же комнаты было нѣсколько человѣкъ бѣжавшихъ и пойманныхъ въ ту же ночь Англичанъ и Гишпанцевъ, а потому и былъ я очень радъ, когда офицеръ далъ приказаніе везти насъ по дорогѣ въ Божанси и въ первомъ селеніи представить меру. Отдаляясь отъ мѣста, гдѣ были мы пойманы, становилось мнѣ легче дать правдоподобный оборотъ разсказу моему. Къ тому же не только С. . ., но и я сдѣлались въ самомъ дѣлѣ похожи на больныхъ. Я не помню, чтобы я когда либо изнурился какъ въ несчастную эту ночь. Проходя ту деревню, въ которой ночью выходилъ унтеръ-офицеръ съ фонаремъ насъ осматривать, тотъ же унтеръ-офицеръ стоялъ у дверей караульни, и узналъ насъ. Однако же я отперся, и увѣрялъ, что я еще никогда не проходилъ по этой дорогѣ. Тутъ помогло мнѣ то, что замѣтливый, но не очень бойкій унт.-офицеръ находился въ нѣкоторомъ сомнѣніи: ночью видѣлъ онъ троихъ, а теперь было насъ только двое.

Наконецъ привели насъ въ селеніе, коего имени не упомню, и прямо къ меру. На дворѣ стояла цѣпь скованныхъ арестантовъ, готовыхъ къ отправленію, и С. . . . тутъ увѣрялъ меня, что видитъ два сбереженныхъ для насъ мѣста, которыхъ однако же мы не заняли. Какъ скоро я увидѣлъ мера, то началъ жаловаться на худое съ нами обращеніе, показывалъ на больнаго С. . . . и требовалъ настоятельно подводы, чтобы догнать скорѣе плѣнныхъ. Меръ былъ пожилой человѣкъ, весьма привлекательной наружности, и я отдаю ему полную справедливость; я увѣренъ, что онъ призналъ насъ за бѣглыхъ плѣнныхъ, но не хо-

тѣлъ вредить намъ, и притворяясь, что намъ вѣритъ, велѣлъ намъ дать подводу и насъ накормить. Открытая крестьянская телѣга, въ холодъ и снѣгъ, показалась намъ, послѣ прошлой ночи, роскошною повозкою Мы спали до перваго мѣста, гдѣ надлежало перемѣнить подводу, которую дали безпрепятственно по открытому листу добраго мера, и въ тотъ же день поздно вечеромъ, догнали мы своихъ товарищей въ Турѣ, усталые, голодные и безъ денегъ. О побѣгѣ нашемъ не было еще извѣстно, и тѣмъ кончилось неудачное мое и С. покушеніе...

Тутъ, къ сожалѣнію, прерываются сохранившіяся записки гр. *В. А. Перовскаго.* Что̀ было дальше, намъ неизвѣстно, и мы не знаемъ, какъ освободился изъ французскаго плѣна этотъ энергическій человѣкъ, которому впослѣдствіи пришлось, но уже совсѣмъ въ другой обстановкѣ, выносить ужасы Хивинской экспедиціи, въ 1839—1840 годахъ (См. Чтенія въ Общ. ист. и др. 1860, кн. I). *П. Б.*

ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ КРѢПОСТНАГО СОСТОЯНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ.

Въ 1766 году, 1-го ноября, т. е. въ то время, когда созваніе депутатовъ въ Москву для сочиненія Новаго Уложенія, хотя еще не обнародованное, было уже рѣшено, — въ Вольное Экономическое Общество, находившееся подъ особеннымъ покровительствомъ Екатерины II и считавшее между своими членами ближайшихъ къ ней людей, поступила отъ *неизвѣстной особы* тысяча червонцевъ, „на такое употребленіе, какое оно за благо разсудитъ“ Деньги присланы во время засѣданія общества, при письмѣ, въ которомъ предлагался на обсужденіе извѣстный вопросъ о поземельной собственности крестьянъ. В. Экон. Общество положило отдать вопросъ на публичное рѣшеніе, къ 1 ноябрю слѣдующаго 1767 г., обѣщало выдать за лучшее сочиненіе по сему предмету сто червонцевъ и золотую медаль, и публиковало о томъ въ IV части своихъ „Трудовъ къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства.“ Въ этой публикаціи прибавлено: „Ея императорское величество, всемилостивѣйшая наша государыня, о патріотическомъ усердіи неизвѣстнаго предложителя изображеннаго выше сего вопроса толикое изволила оказать благоволеніе, что высочайше повелѣла тому, кто объявитъ о себѣ и докажетъ, что при предложеніи онаго вопроса прислалъ 1,000 червонныхъ въ Экономическое Общество, дать 2,000 червонныхъ.“ Публикація эта вѣроятно повторена и въ иностранныхъ газетахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ этотъ живо занималъ на ту пору нашихъ дѣдовъ, которые, по отзыву одного современника-англичанина, не хотѣли ни о чемъ ни говорить, ни думать, какъ только о Наказѣ своей государыни и о депутатскомъ съѣздѣ въ Москву. Отношенія дворянства къ крестьянамъ въ краю Прибалтійскомъ начали тогда обращать на себя правительственное вниманіе, а въ Москвѣ производились допросы, справки и разбирательства по дѣлу извѣстной Салтычихи (см. 2-й вып. Р. Архива, сего года).

Награду, предложенную Вольнымъ Эк. Обществомъ, какъ извѣстно, получилъ иностранецъ, малоизвѣстный писатель по части сельскаго хозяйства, изъ Ахена, Беарде Делабей (Beardé de l'Abbaye, ум 1771, см. о немъ въ 4 т. Nouvelle biogr. générale, Paris. 1859). Сочиненіе его, въ Русскомъ переводѣ, напечатано въ VIII части (первой въ 1768 г.) Трудовъ В. Эк. Общ., стр. 1—59. Дѣло въ томъ, что Беарде Делабей хотя и рѣшаетъ вопросъ положительно, и яркими красками рисуетъ блага свободы и ужасы рабства, но выводъ его разсужденій тотъ, что „должно пріуготовить рабовъ къ принятію вольности прежде, нежели дана будетъ имъ какая собственность.“

Печатаемое нынѣ разсужденіе о томъ же предметѣ принадлежитъ *Русскому* законовѣду, *Алексѣю Яковлевичу Польнову,* съ жизнію котораго читатели наши познакомятся въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ Р. Архива. Разсужденіе это обязательно доставлено намъ внукомъ сочинителя *Д. В. Польновымъ.* Оно, какъ намъ кажется, служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ трудно совершаются великія преобразованія: прошло около ста лѣтъ, прежде чѣмъ ясно сознанная А. Я. Полѣновымъ мысль стала приходить въ исполненіе. *П. Б.*

О КРѢПОСТНОМЪ СОСТОЯНІИ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ,

Изслѣдованіе заданной отъ Вольнаго Экономическаго Общества задачи: «Что «полезнѣе для общества, чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, «или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣ- «ніе простираться должны?»

Прежде нежели приступимъ къ самому изъясненію предложеннаго, то для лутчаго порядка неотмѣнно требуется знать, какія соединяемъ мы съ словомъ *крестьянинъ* понятія. Крестьянинъ въ общемъ знаменованіи означаетъ человѣка, имѣющаго постоянное жилище и пребываніе въ деревнѣ, назначеннаго и упражняющагося въ земледѣліи и что́ къ нему принадлежитъ, не взирая, какой бы власти онъ подверженъ ни былъ.

Раздѣленіе крестьянъ.

Крестьяне раздѣляются у насъ на разные роды, смотря по тому: 1) Кому они принадлежатъ, и отъ того называются государственными, дворцовыми, господскими. 2) На кого возложено обязательство — на человѣка, или на землю, куда принадлежатъ крѣпостные и вольные. 3) Имѣетъ ли кто землю или нѣтъ, чего для называются пахотными и бобылями.

Можно много найти и другихъ раздѣленій въ разсужденіи крестьянства, у иностранныхъ употребляемыхъ, но оныя, будучи въ Россіи неизвѣстны, не имѣютъ здѣсь мѣста; ибо состояніе нашихъ крестьянъ, выключая малороссійскихъ, равно, и они вообще, какъ сами въ себѣ, такъ и въ своемъ имѣніи не вольны. И такъ, оставя сіе, за нужнѣйшее почитаемъ разсмотрѣть, по скольку можетъ быть вредительна или полезна неволя, которой подвержено наше крестьянство въ разсужденіи имѣнія.

Преимущества собственности.

Ежедневное искусство показываетъ намъ, что собственная каждаго польза составляетъ главный предметъ, къ которому какъ къ срединѣ, стремятся всѣ наши помышленія, и при томъ ободряетъ насъ къ понесенію всякихъ трудовъ; а, что она представляется въ разномъ видѣ, то сіе зависитъ отъ случая и воспитанія. Сіе ясно видѣть можно, ежели разсудить, что мы по врожденной въ насъ склонности, стараемся безпрестанно о нашемъ благополучіи: *искать того, что̀ намъ приноситъ дѣйствительное удовольствіе, и убѣгать всего, что̀ ему противно, суть два неусыхаемые источника добродѣтелей и пороковъ.* Должно знать приличныя средства обращать къ добру сіи страсти, и искуснымъ образомъ ихъ поощрять: слѣдствія неотмѣнно будутъ соотвѣтствовать желаніямъ.

Крестьянинъ, котораго мысли сходны съ его состояніемъ, равнымъ образомъ тщится по мѣрѣ силъ и знанія пріумножить свое благополучіе, ежели онъ не находитъ въ своемъ предпріятіи такого

препятствія, которое иногда противъ воли заставляетъ его быть о себѣ нерадивымъ. Я думаю и не безъ причины, что собственность въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи можетъ почесться за одинъ почти и при томъ весьма изрядной способъ къ ободренію и поправленію крестьянства, которое въ прочемъ лишено всѣхъ съ правами общества соединенныхъ выгодъ и преимуществъ; ибо крестьянинъ, будучи господиномъ своему имѣнію, не опасаясь ни съ которой стороны въ разсужденіи его претерпѣть какое насиліе и пользуясь пріобрѣтеннымъ свободно, можетъ располагать и употреблять оное, смотря по своимъ выгодамъ. Онъ знаетъ, что̀ ему должно дѣлать для удовольствованія домашнихъ нуждъ или для полученія прибытка; вслѣдствіе чего старается онъ охотно выискивать всевозможныя средства обращать всякой случай въ свою пользу; болотистыя, песчаныя, бугроватыя мѣста не утомятъ рачительныхъ его рукъ, но все трудолюбію должно повиноваться и приноситъ съ избыткомъ пользу. Домашніе или добровольно слѣдуютъ его примѣру, или для строгаго надзиранія надлежащимъ образомъ исправляютъ свою должность; ничто не можетъ утаиться отъ его глазъ, онъ самъ все видитъ; наималѣйшій примѣченный недостатокъ, пока онъ его исправя не отвратитъ, безпокойствіе ему наноситъ.

Сіи выгоды способствуютъ также, что крестьянинъ, видя у себя нѣкоторый достатокъ, и впредь тѣмъ же себя лаская, не щадитъ ничего, что̀ служитъ къ сохраненію здоровья, и сверхъ приличной для защищенія себя отъ времени одежды, можетъ питаться здоровою пищею, не мало къ продолженію жизни и распространенію людей служащею; также и во время случиться могущей болѣзни въ состояніи лучшее о возвращеніи здоровья прилагать стараніе, нежели неимущій. Что касается до распространенія человѣческаго рода, то достаточный крестьянинъ, всегда зная, что дѣти его при немъ и по смерти его не будутъ претерпѣвать бѣдственнаго состоянія, пріумноженіе семьи приводитъ его въ немалую радость, и крестьянинъ, смотря по своимъ достаткамъ, старается имъ дать приличное воспитаніе.

Изъ сего также слѣдуетъ, что сверхъ исправной отдачи подушнаго окладу и оброку, мѣщанство равнымъ образомъ немалой должно надѣяться пользы: ибо сверхъ дешевизны нужныхъ съѣстныхъ припасовъ, посредствомъ крестьянскаго трудолюбія, будутъ получать множество изрядныхъ товаровъ, какъ напр. пеньку, ленъ, шерсть, кожи и проч., которые, будучи передѣланы на фабрикахъ, служатъ къ истребленію въ народѣ праздной жизни и къ прокормленію многихъ тысячь. Наконецъ отъ владѣющаго собственнымъ имѣніемъ крестьянства все государство будетъ чувствовать великое облегченіе: доходы его несравненно возрастутъ и въ случаѣ нужды, кромѣ уложеннаго, можно отъ нихъ надѣяться сильной помощи.

Возмемъ напротивъ того неимѣющаго никакой въ имѣніи воли человѣка, разсмотримъ его какъ душевныя, такъ и тѣлесныя качества. Сей печальный предметъ, обращающійся предъ моими глазами, ничего больше, кромѣ живыхъ изображеній лѣности, нерадѣнія, недовѣрія, боязни не представляетъ; однимъ словомъ онъ носитъ всѣ на лицѣ своемъ начертанные признаки бѣдственной жизни и угнетающаго его нещастія.

По справедливости разсудить, то отъ лишеннаго всѣхъ правъ человѣчества и тѣмъ въ конечное уныніе приведеннаго человѣка ничего лутчаго ожидать не должно. Мы не можемъ требовать, чтобъ человѣкъ, будучи такъ сильно пониженъ, старался о себѣ надлежащимъ образомъ;

ибо онъ напередъ знаетъ, что отъ своихъ трудовъ никакой пользы, кромѣ опасности, истязанія и насильствія, не получитъ. Единственное попеченіе, и то принужденное, состоитъ, чтобы удовольствовать нѣкоторымъ образомъ необходимыя нужды, а впрочемъ все свое время препровождаетъ въ праздности, почитая оную за облегченіе своей бѣдности. Несмотря на бѣдственное свое состояніе, ничто его не трогаетъ; подражаніе, покушенія и размышленія о поправленіи своего состоянія совсѣмъ ему неизвѣстны. Онъ всегда худо одѣтъ, вкушаетъ худую пищу, не радѣетъ ни мало о домашнихъ дѣлахъ, пріумноженіе семьи служитъ ему въ тягость, однимъ словомъ все то, о чемъ бы другой безмѣрно сталъ радоваться, наводитъ ему великую горесть. Отъ сего происходитъ, что жизнь ихъ не долговременна, распространеніе человѣческаго роду великія находитъ себѣ чрезъ то препятствія, воспитаніе ихъ служитъ не къ исправленію, но къ большему нравовъ растлѣнію, и общество не только что не можетъ въ случаѣ нужды на нихъ надѣяться или получить какое вспомоществованіе; но въ противномъ случаѣ они ему всегда тягостны и требуютъ сами отъ него безпрестанной помощи.

Не безъ причины многіе славные люди утверждаютъ, что конечное угнетеніе не только вредно для общества, но и опасно. Не упоминая о Римлянахъ, Лакедемонянахъ и другихъ, великой вредъ и раззореніе отъ собственныхъ своихъ рабовъ претерпѣвшихъ народахъ, сосѣдняя намъ Польша, въ новѣйшія времена, при случаѣ казацкихъ возмущеній, видѣла обращенное противъ себя утѣсненныхъ своихъ крестьянъ оружіе, и сильно потрясена. Илоты, страдавшіе подъ игомъ несноснаго рабства, сильно потрясли лакедемонскую республику; Римляне съ великимъ своимъ вредомъ прекратили рабскую войну и видѣли въ раззореніе приведенную отъ рабовъ Сицилію, наилучшую свою провинцію; сосѣдняя намъ Польша равнымъ образомъ, во время казацкихъ возмущеній, великой уронъ отъ крестьянъ притѣсненныхъ претерпѣла. И дѣйствительно человѣкъ, не имѣющій никакихъ выгодъ, которыя бъ могли его возбуждать къ сохраненію такого общества, гдѣ онъ ничего не составляетъ и всегда страждетъ, долженъ мало имѣть къ нему горячности; онъ знаетъ, что какая бъ въ немъ перемѣна ни случилась, то ему потерять нечего; иногда также случается, что такіе люди, не видя конца своимъ бѣдствіямъ, приходятъ въ отчаяніе и приступаютъ къ опасной для каждаго общества крайности. Чего для нѣкоторые государи, для поправленія бѣдственнаго состоянія такихъ крестьянъ, уступали имъ съ пользою собственность въ имѣніи, или облегчали способъ къ полученію свободы. Какъ то, такъ и другое учрежденіе служитъ и къ собственной ихъ славѣ и къ пользѣ всего ихъ отечества.

О происхожденіи рабскаго состоянія.

Дабы знать, на какихъ правахъ утверждено стоитъ рабство и откуда оное произошло, то необходимо требуется искать его начала въ самой отдаленной древности, и мы увидимъ послѣ къ великому нашему удивленію, что происхожденіе крестьянства, подлѣйшаго (*) изо всѣхъ и при томъ неотмѣнно нужнаго въ каждомъ обществѣ состоянія, должно приписывать насильствію.

О семъ никто не будетъ сумнѣваться, что естественное право, отъ самаго Соз-

(*) Въ старину слово *подлый* совсѣмъ не имѣло того унизительнаго и браннаго значенія, какъ нынѣ. Оно употреблялось вмѣсто нынѣшняго выраженія — чернь, черный народъ, или даже просто народъ. *Д. И.*

дателя въ сердца наши влiянное, для совершенства своего, причины подобныхъ установленій въ себѣ не заключаетъ; чтобъ люди сами отъ себя добровольно на то согласились и подвергнули бы себя столь жестокому жребію, также повѣрить не можно, разсуждая особливо по врожденной въ человѣка къ пріобрѣтенію благополучія склонности и по непреодолѣваемому стремленію къ вольности. Такимъ образомъ должно ему искать другой причины, на которой бы мы могли точно утвердиться.

Я со многими другими думаю, что сіе приписывать должно войнѣ, которая не только, чрезъ все то время, какъ она продолжается, весьма печальныя дѣйствія производитъ, но и по окончаніи еще яснѣйшіе своей суровости знаки оставляетъ; война, говорю я, причиною сего бѣдственнаго состоянія, въ которомъ такое множество намъ подобныхъ страждутъ. Древніе народы, какъ видно изъ исторіи всѣхъ вѣковъ, почитали за общенародное право приводить въ рабское состояніе плѣнныхъ, присвояя себѣ сверхъ сего полную власть, можетъ быть для бо́льшей своей безопасности и пользы, въ животѣ и смерти надъ такимъ человѣкомъ; и сіе мнѣніе, какъ ясно можно видѣть изъ римскихъ законовъ, столь далеко простиралось, что они ихъ, исключивъ изъ числа людей, причислили къ вещамъ. Римляне и Греки, столь славные, столь просвѣщенные, передъ всѣми прочими народы, отмѣннымъ могутъ служить примѣромъ къ подтвержденію сей истины, и мы находимъ въ ихъ лѣтописяхъ, что цѣлые народы подвержены были сему несчастію: Илоты у Лакедемонянъ, Пенесты у Ѳессалянъ, по тогдашнимъ правамъ войны, составляли крестьянское состояніе, подверженное несноснымъ бѣдствіямъ. Римляне, имѣвшіе нѣсколько вѣковъ сряду безпрерывную войну, и поступая съ плѣнными по обыкновенію тогдашнихъ временъ, собрали преужасное множество сихъ несчастливыхъ, которые, по развращеніи въ римской республикѣ нравовъ, служили къ удовольствованію роскоши и гордости, и мучимы были безчеловѣчнымъ образомъ. Составленіе сихъ республикъ не дозволяло вольному человѣку упражняться въ художествахъ и купечествѣ, кои въ великомъ у нихъ были презрѣніи; напротивъ того все то, что̀ ихъ способными дѣлало къ понесенію всякихъ воинскихъ трудовъ, весьма высоко почиталось. Такимъ образомъ плѣнники, приведенные въ рабство, по примѣру нашихъ слугъ, хотя съ неравнымъ выигрышемъ, должны были въ домахъ у своихъ господъ или внѣ оныхъ отправлять всякую работу. Лѣкари, всякіе художники, купцы, земледѣльцы были изъ сего состоянія людей, и жестокость ихъ жребія въ Европѣ не прежде перемѣнилась, какъ по утвержденіи христіанской вѣры. Равный примѣръ, хотя съ неравною суровостію, находимъ мы у Франковъ или нынѣшнихъ Французовъ, которые, по завоеваніи Галліи, надѣясь на превосходство своихъ силъ, природныхъ поработили. Бургундцы, Готѳы, въ завоеванныхъ ими земляхъ, тоже учинили. Обыкновеніе сіе не они первые ввели, но принесли съ собою изъ Германіи, общаго ихъ отечества, гдѣ оное, по свидѣтельству Тацита, въ великомъ было употребленіи; чего нѣкоторые остатки и нынѣ въ нѣмецкой землѣ видны.

Россійскіе прародители, по примѣру прочихъ народовъ, равнаго были въ разсужденіи сего мнѣнія, и воинское состояніе, бывшее тогда въ великомъ обыкновеніи, всѣхъ мысли на себя обратило. Для сей причины всѣ искусства и художества были въ великомъ небреженіи, такъ что во времена первыхъ великихъ князей, не только что оружіе, но и самое платье доставать должно было войною, какъ ясно показываетъ слѣдующая Иго-

ревой дружины рѣчь: «Отроцы Свѣнелжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; и пойди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши, и мы» и проч.» Безпрестанные почти войны и походы, какъ можно легко заключить, требовали великаго множества народу, разсуждая особливо по тѣмъ временамъ, и мало давали времени разсуждать и стараться о домашнихъ дѣлахъ. И такъ, для награжденія происходящихъ отъ частой отлучки недостатковъ, должно было найти какое нибудь выгодное средство, которое бы равно соотвѣтствовало сему вреду. Самыя сіи войны изрядной къ сему подали случай, собравъ великое множество плѣнныхъ, которые, по принятому издревле обыкновенію, будучи приведены въ рабское состояніе, причислялись къ прочей добычѣ. Ибо, не смотря на тогдашнюю простоту, гражданинъ имѣлъ свой домъ, имѣлъ свою семью, имѣлъ свою землю и поля, то не можно было безъ того обойтись, чтобъ не имѣть такихъ людей, которые бы единственно упражнялись въ домостроительствѣ. Стараніе сіе препоручаемо было плѣннымъ, которыхъ въ городѣ употребляли для услугъ, а внѣ онаго для земледѣлія.

Мы находимъ достопамятное въ Кіевскомъ лѣтописцѣ мѣсто, весьма много къ подтвержденію сей истины служащее, гдѣ сочинитель слѣдующимъ образомъ говоритъ о завоеваніи святою Ольгою Древлянской земли, что она „овѣхъ изби, а другіе работѣ преда мужемъ своимъ; а прокъ остави ихъ платити дань, и взложи на ня дань тяжку“. Впротчемъ, что сіе состояніе людей и тогда уже извѣстно было въ Россіи, то о семъ ни малой мы не имѣемъ причины сумнѣваться. Сіе весьма ясно свидѣтельствуютъ столь часто въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ и законахъ попадающіяся слова *челядинъ* и *смердъ*, не иное что какъ рабское состояніе, съ сею только разностію, изъявляющія, что челядинъ означалъ домашняго слугу, а смердъ земледѣльца или крестьянина. Древніе Россійскаго народа законы также ясно показываютъ сію разность, какъ мы видимъ изъ сихъ словъ Ярославовыхъ законовъ: „Или холопъ ударитъ свободна мужа“?

Не должно и сего позабыть, что число сихъ нещастливыхъ немало умножилось чрезъ добровольное, а иногда и принужденное, приступленіе; ибо ежедневное искусство показываетъ намъ, что многіе, хотя по природѣ вольные, думая кончить свои бѣдствія, и надѣясь сыскать себѣ защиту, предпочли рабское состояніе благородной вольности и тѣмъ вѣчно себя посрамили, а потомство свое сдѣлали нещастливымъ.

Бѣдственное состояніе нашихъ крестьянъ.

Сіе строгое и безчеловѣчное право войны сохранилось въ полной своей цѣлости даже до нашихъ временъ, и мы видимъ изрядные онаго опыты надъ нашимъ крестьянствомъ, котораго бѣдственное состояніе на такой степень взошло, что они, лишившись всѣхъ почти, такъ сказать, приличныхъ человѣку качествъ, не могутъ уже видѣть величину своего нещастія и кажутся быть отягчены вѣчнымъ сномъ (*).

Крестьяне по самой справедливости заслуживаютъ, чтобы имѣть о нихъ всевозможное попеченіе, и для приведенія ихъ въ хорошія обстоятельства не должно щадить ни труда, ни времени. По истинѣ сказать, сколь много должны мы быть обязаны такимъ людямъ, которые, будучи всегда готовы на защищеніе отечества, проливаютъ за него свою кровь,

(*) Просимъ читателя припомнить, что это писано всего въ 5-й годъ царствованія Екатерины, и слѣд. относится ко времени прежнему. *П. Б.*

которые, избавляя протчихъ отъ тяжкихъ трудовъ и безпокойствій, питаютъ ихъ изобильно, которые, не имѣя сами почти ничего, снабдѣваютъ другихъ такъ щедро, которые, во все время своей жизни, не видя сами для себя никакой отрады, единственно упражняются въ пріумноженіи посторонней пользы: однимъ словомъ, наша жизнь, наша безопасность, всѣ наши выгоды состоятъ въ ихъ власти, и неразрушимымъ союзомъ совокуплены съ ихъ состояніемъ. Но мы, ежели искренне признаться, позабывъ всѣ сіи великія благодѣянія, вмѣсто почтенія платимъ презрѣніемъ, вмѣсто благодаренія воздаемъ обиды, вмѣсто попеченія ничего кромѣ раззоренія не видно.

Ничто человѣка въ большее уныніе привести не можетъ, какъ лишеніе соединенныхъ съ человѣчествомъ правъ. Чрезъ сіе мало по малу приходимъ мы въ нерадѣніе и лѣность, которыя, понижая насъ, нечувствительно отнимаютъ всѣ силы и препятствуютъ нашему разуму возвыситься до надлежащаго степени совершенства. Дошедъ до того, всегдашнее недовѣріе и нѣкоторая боязнь не дозволяютъ проникнуть сквозь густыя невѣжества облака. Но пусть человѣкъ пользуется правами человѣчества, пусть уничтожены будутъ недопускающія его до ихъ исполненія препятствія, то возвративъ свои силы, вскорѣ переродится.

Наши крестьяне печальнымъ своимъ примѣромъ могутъ доказать, сколь пагубно конечное угнѣтеніе для людей. И такъ прежде всего должно помышлять, чтобъ для славы народа и пользы общества вывесть производимый человѣческою кровію безчестный торгъ. Мы въ семъ случаѣ, не дѣлая ни малой разности между неодушевленными вещами и человѣкомъ, продаемъ нашихъ ближнихъ какъ кусокъ дерева и больше жалѣемъ нашъ скотъ, нежели людей. Сіе должно неотмѣнно уничтожить, и ни мало не смотрѣть, какія бы кто ни представлялъ причины. Довольно, что благосостояніе общества того требуетъ, и собственно малаго числа людей польза, ежели можно то назвать пользою, что̀ къ собственному ихъ вреду клонится, не должна быть принимаема въ разсужденіе. Я не разумѣю здѣсь конечное запрещеніе; но кто намѣренъ продавать, то долженъ продавать все вмѣстѣ, и землю и людей, а не разлучать родителей съ дѣтьми, братьевъ съ сестрами, пріятелей съ пріятелями; ибо, не упоминая о протчихъ несходствахъ, отъ сей продажи порознь переводится народъ, и земледѣліе въ ужасный приходитъ упадокъ.

Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни, обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства; отъ чего неотмѣнно должны они опуститься и притти въ сіе преисполненное бѣдствій, какъ для ихъ самихъ, такъ и для всего общества состояніе, въ которомъ мы ихъ теперь дѣйствительно видимъ. И такъ, не вдаваясь въ дальнія о бѣдныхъ сихъ людяхъ разсужденія, всякой легко можетъ сіе заключить изъ превратнаго образа ихъ житья, поступокъ и мнѣній, которыя намъ не иное что, какъ весьма плачевное позорище представляютъ; но, оставя печальные сіи и нашего сожалѣнія достойные предметы, приступимъ къ самому дѣлу.

*

Упомянувъ кратко о разныхъ родахъ крестьянства, о пользѣ собственности и вредѣ за неимѣніемъ ея, такъ же о происхожденіи рабскаго состоянія и бѣдности нашихъ крестьянъ, слѣдуетъ предложить средства къ его поправленію; и

такъ для лучшаго порядка раздѣлимъ мы сіе на четыре части, изъ которыхъ въ

1) Будемъ говорить о учрежденіи крестьянскаго воспитанія.

2) О опредѣленіи крестьянамъ собственности въ земляхъ съ надлежащимъ ограниченіемъ и объ уступленіи имъ полной власти надъ движимымъ имѣніемъ и другими выгодами.

3) О заведеніи для защищенія крестьянъ отличныхъ судовъ.

и 4) О предосторожностяхъ при сей перемѣнѣ.

О учрежденіи крестьянскаго воспитанія.

Непростительное въ наши времена въ разсужденіи общественнаго воспитанія примѣчаемое нерадѣніе великимъ бѣдствіямъ причиною; и сколько извѣстно, то о семъ такъ мало думаютъ, что мы до сихъ поръ не имѣемъ еще такого расположенія, которое бы съ пользою могло быть употреблено въ общенародномъ нравовъ исправленіи. Самое главное дѣло, отъ котораго зависитъ народное благополучіе и съ которымъ оно сопряжено неразлучнымъ союзомъ, по нещастію никогда намъ на мысль не приходитъ. Мнѣ кажется, *что просвѣтить народъ ученіемъ, сохранить его здравіе чрезъ пріобученіе къ трудолюбію и чрезъ тѣлесныя упражненія, наставить при помощи здраваго нравоученія на путь добродѣтельной жизни*, —главные должны быть законовъ предметы, и наибольшее ихъ стараніе должно въ семъ обращаться. Разсуждая, по всѣмъ обстоятельствамъ видно, что мы весьма далеко отъ сего отстоимъ; иныхъ нетерпѣніе или непрозорливость, другихъ незнаніе или собственная корысть, не упоминая многихъ другихъ подобныхъ симъ причинъ, непреоборимымъ бываютъ препятствіемъ въ довершеніи столь великаго дѣла.

Почти невѣроятно кажется, сколь много воспитаніе способствуетъ къ благополучію каждаго общества, и для того оно первое мѣсто здѣсь занять должно. Кому неизвѣстно, сколь великимъ порокамъ подверженъ обыкновенно бываетъ простой народъ: невѣжество, суевѣріе, невоздержаніе, лѣность, легкомысліе дѣлаютъ намъ его не только презрительнымъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ненавистнымъ. Самое наилутчее средство, какъ нѣкоторые думаютъ, къ удержанію его неистоваго безумія, состоитъ въ строгости, принужденіи и казняхъ, не помышляя ни мало, что сіе больше можетъ служить къ растравленію, нежели къ исцѣленію ранъ. Довольно можно найдти другихъ способовъ съ лучшею пользою и успѣхомъ служить могущихъ къ достиженію сего намѣренія. Я разумѣю воспитаніе, при помощи котораго, какъ искусство многократно уже намъ показало, можно преобразить всякаго человѣка, какого бы онъ состоянія ни былъ. Что касается до крестьянъ, о которыхъ собственно здѣсь должно говорить, то неотмѣнно требуется въ разсужденіи ихъ такія принять мѣры, которыя бы соотвѣтствовали простотѣ ихъ житья и состоянія; для того, зачавъ съ ихъ малолѣтства, предложить, какимъ образомъ съ ними поступать въ нѣжномъ семъ возрастѣ.

Въ каждой деревнѣ, гдѣ только можно и обстоятельства дозволятъ, учредить школу для обученія россійской грамотѣ, по крайней мѣрѣ читать и первымъ основаніямъ вѣры, малолѣтныхъ крестьянскихъ дѣтей. Изъ малыхъ деревень, гдѣ сего завести не можно, должны крестьяне посылать своихъ дѣтей въ самыя ближнія школы для обученія, развѣ невозможность какая воспрепятствуетъ: тогда остается имъ съ другихъ брать примѣръ

Каждый крестьянинъ долженъ десятилѣтнихъ своихъ дѣтей отсылать въ зим-

нее время въ школу, дабы они, заблаговременно научась чему должно, по ихъ состоянію, по возмужаніи своемъ не имѣли никакихъ препятствій въ работѣ.

Нужныя къ тому книги должны имъ даны быть на первый случай безъ уплаты. Для сего намѣренія должно сочинить азбуку, гдѣ бы была церковная и гражданская печать, также прежняя россійская и нынѣ употребляемая цифирь, и присоединить къ оной самой простой катихизисъ. Десять отъ Бога данныхъ Мосею заповѣдей могутъ служить основаніемъ; разумное ихъ изъясненіе неотмѣнно нужно; сверхъ сего долженъ онъ въ себѣ заключать первоначальныя основанія Евангельскаго ученія кратко, ясно и безъ всякаго примѣсу тонкостей. Упомянутыя книги, для облегченія крестьянской бѣдности, должны продаваться по самой малой цѣнѣ и притомъ совсѣмъ готовыя. Провинціальныя консисторіи могутъ ихъ у себя хранить и по требованіямъ священниковъ отпускать немедленно, кои, распродавъ ихъ, для избѣжанія всякихъ обмановъ, по означенной на первомъ листѣ цѣнѣ, деньги вносить будутъ въ консисторію. Въ школахъ мѣсто учителей могутъ заступить дьячки, которые должны начинающихъ обучать грамотѣ, а знающимъ задавать учить наизусть катихизисъ. До ихъ должности также надлежитъ раздавать печатныя крестительныя записки за священниковою рукою, дабы никто не могъ утаивать своихъ лѣтъ (*); ибо немалая польза знать число, лѣта, также и имѣніе составляющихъ общество членовъ.

Для каждой церкви и школы довольно одного священника и дьячка, въ которыхъ, сверхъ занятія ихъ должности, надобно смотрѣть непорочное житье. Примѣръ такой особы можетъ больше дѣйствіе произвесть, нежели высокія разсужденія, превышающія простыхъ людей понятія. Притомъ въ священники и дьячки выбирать такихъ людей, которые бы хотя нѣсколько разумѣли домостроительство; ибо крестьянинъ, видя пользу въ самомъ дѣлѣ, лутче можетъ оную уразумѣть, нежели на словахъ или съ принужденія. Священникъ, сверхъ порядочнаго отправленія Божіей службы, долженъ въ самой церкви учить крестьянъ Божію Слову, искоренять въ нихъ суевѣрія, внушать почтеніе, любовь и вѣрность къ государю, усовѣщевать къ добродѣтельному житію и трудолюбію; при томъ сколько можно, просто, съ приличною кротостію и безъ дальнихъ околичествъ. Надлежитъ также ему читать по три воскресенья сряду, при всемъ собраніи, издаваемые въ разсужденіи крестьянъ или нѣкоторымъ образомъ до нихъ касающіеся указы, имѣть весьма строгое смотрѣніе надъ школою, поправлять случиться могущіе недостатки, свидѣтельствовать крестьянскихъ дѣтей въ ихъ ученіи и толковать имъ катихизисъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ въ церкви.

Неотмѣнно требуется, дабы такіе люди отличены были довольною честію и пропитаніемъ и имѣли бы надежду получить впредь за свои труды приличное награжденіе. На такой конецъ священникъ и дьячекъ должны единственно зависѣть отъ епископа и провинціальной консисторіи, которые, по требованію на убылыя мѣста, будутъ присылать другихъ, а недостойныхъ, по собственному усмотрѣнію или по основательнымъ жалобамъ, смѣнять и наказывать; принимать со стороны по собственному произволенію можно всѣмъ запретить и не дѣлать въ семъ никакого послабленія.

Для честнаго пропитанія священнику

(*) Образецъ записки. У крестьянина NN родился сынъ или дочь во 2 часу пополудни 9 Ноября 1767 года. Крещенъ того же ноября 12 дня 1767 года и при крещеніи наречено ему имя NN, что̀ свидѣтельствую, священникъ NN.

и дьячку дать довольно земли и выгодной домъ со всѣмъ, что принадлежитъ къ домостроительству. О церкви, такъ какъ и о домѣ со всѣми къ тому принадлежностями, должна стараться консисторія, а объ отведеніи земли дворянинъ или управитель. Сверхъ сего уставить имъ постоянные доходы съ крестинъ, свадебъ, похоронъ и проч., такъ чтобы въ такихъ случаяхъ ни крестьянину тяжести не было, ни священнику стыда. Но дабы труды и попеченія ихъ не остались безъ призрѣнія, то, усмотря благонравіе и исправность такихъ добродѣтельныхъ церковниковъ, можно ихъ для бо́льшаго поощренія переводить изъ деревень въ города, и опредѣлять къ хорошимъ приходамъ. Но дабы все сіе безъ дѣйствія не осталось, то посылать ежегодно отъ святѣйшаго правительствующаго Синода ученыхъ духовныхъ особъ для осмотру. Правительствующій Сенатъ, для бо́льшей исправности, можетъ присоединить къ духовнымъ свѣтскихъ искусныхъ людей, которые должны совокупными силами стараться объ отвращеніи безпорядковъ. Сіи надзиратели не должны ни мало другъ отъ друга зависить, но по окончаніи порученнаго имъ дѣла подать долженъ каждый особенно въ свое мѣсто обстоятельныя и вѣрныя извѣстія, въ какомъ что состояніи находится.

Все сіе предложено здѣсь, сколько можно, кратко. Духовный судъ, съ привлеченіемъ къ тому свѣтскихъ разумныхъ и искусныхъ людей, можетъ много еще прибавить въ разсужденіи священниковой и дьячковой должности, строгаго надъ оными каждой провинціальной консисторіи надзиранія, и ихъ приличнаго пропитанія. Снабдить церковниковъ въ разсужденіи должности ихъ и поведенія хорошими наставленіями также неотмѣнно нужно.

Понеже тѣлесныя силы крестьянамъ больше нежели другимъ нужны, то для сохранія здравія нужно завести лѣкарей въ большихъ деревняхъ, которые бы также для лучшаго своего пропитанія держали и аптеку, наполненную смотря по крестьянскому простому состоянію недорогими и немногими, но необходимо нужными лекарствами. Я бы также желалъ, чтобы сіи лекари упражнялись въ леченіи скота, что̀ напослѣдокъ могло бы великую домостроительству принести пользу. Медицинская коллегія можетъ въ семъ дать совершенное наставленіе и строгимъ своимъ смотрѣніемъ принудить лекарей къ точному наблюденію ихъ должности. О заведеніи искусныхъ и обученыхъ повивальныхъ бабушекъ, хотя бы сіе и весьма полезно было, не должно помышлять, когда ихъ не только въ деревняхъ, но и въ самыхъ городахъ сыскать еще не можно. Со временемъ должно также помышлять о заведеніи по деревнямъ докторовъ, и назначить каждому изъ нихъ извѣстный округъ, который бы заключалъ въ себѣ довольное число деревень; ибо, не упоминая, что они въ опасныхъ случаяхъ лутче могутъ помочь, нежели лекарь, можно ихъ стараніемъ много хорошаго открыть въ разсужденіи произрастеній, животныхъ и рыбъ, и тѣмъ подать великой свѣтъ натуральной исторіи.

Полиція можетъ по справедливости почесться за непоколебимую подпору народной безопасности; для того неотмѣнно нужно оную учредить и содержать въ полной силѣ, не токмо въ городахъ, но и въ деревняхъ. Употребленныя издержки наградятся стократно, и что̀ кажется съ начала весьма трудно, послѣ тоже самое представится бездѣлицею.

Должность полицейскихъ служителей по деревнямъ должна состоять въ исправномъ наблюденіи дорогъ, принуждая крестьянъ въ свободное время ихъ поправлять, или новыя разчищать, искоренять воровъ и разбойниковъ, совѣтомъ и

дѣломъ помогать въ пожарное время, на каковой конецъ въ каждой деревнѣ завести недорогія пожарныя трубы и другія къ тому служащія орудія, имѣть смотреніе за строеніемъ, и дабы по деревнямъ, сколько обстоятельства дозволяютъ, была чистота и опрятность. Сверхъ сего должны они сберегать лѣсъ, и гдѣ нужда потребуетъ его вырубить на строеніе или на дрова, то приказывая сажать на тѣ мѣста молодыя деревья, смотрѣть за ними съ возможнымъ прилѣжаніемъ, не допустить засаривать рѣкъ и озеръ, а особливо по которымъ хотя нѣсколько можно ходить судамъ.

Самая трудность состоитъ въ пріискании способныхъ и исправныхъ въ своей должности людей, и для того видимъ мы по большой части, что наилучшія учрежденія не токмо безъ дѣйствія остаются, но иногда чрезъ превратное ихъ исполненіе или конечное упущеніе причиною бываютъ народнаго неблагополучія. О семъ надобно много размышлять и тщательно вывѣдывать душевныя и тѣлесныя силы. Но понеже недовѣреніе въ семъ случаѣ нужно, то для бóльшей еще исправности деревенская полиція подчинена будетъ городской, которой полицейскіе по деревнямъ служители ежегодно должны отчетъ давать. Послѣ чего городская полиція будетъ посылать достовѣрныхъ людей для очевиднаго освидѣтельствованія.

О собственности въ недвижимомъ имѣніи.

По предложеніи къ исправленію крестьянскаго воспитанія способовъ слѣдуетъ сказать, какимъ имѣніемъ владѣть крестьянину и въ какихъ предѣлахъ должны заключаться его надъ онымъ права, такъ чтобы сіе клонилось не только къ собственной крестьянина пользѣ, но и всѣхъ тѣхъ, кои въ сей перемѣнѣ необходимо имѣютъ принять участіе, и всякій бы имѣлъ что ему по справедливости имѣть надлежитъ.

Примѣры съ другихъ брать здѣсь не нужно, но единствено должно утверждаться на здравомъ разсужденіи и на правилахъ человѣколюбія, не упущая притомъ никогда изъ глазъ общенародную пользу. Всякое государство имѣетъ свое особенное составленіе, погрѣшности и превосходства; и для того почти никогда не случается, чтобы законы и учрежденія какого государства можно было съ пользою приложить къ другому. Введеніе Римскихъ правъ во многихъ Европейскихъ державахъ походитъ на чудовище, и мы слышимъ ежедневныя жалобы; однако понеже извѣстно, по какой причинѣ они введены и сохраняются, то мы и впредь будемъ слышать тѣ же жалобы.

Разсуждая по назначенію крестьянъ, можно легко видѣть, на какой конецъ мы ихъ имѣемъ; и такъ въ слѣдствіе сего каждый крестьянинъ долженъ имѣть довольно земли, для сѣянія хлѣба и паствы скота и владѣть оною наслѣдственнымъ образомъ такъ, чтобы помѣщикъ ни малой не имѣлъ власти угнѣтать какимъ-нибудь образомъ, или совсѣмъ оную отнимать, т. е. пока крестьянинъ исправно будетъ наблюдать всѣ свои должности; ибо иначе можно его въ наказаніе лишить сихъ выгодъ, какъ недостойнаго и снабдить оными другаго. Однако прежде нежели помѣщикъ можетъ сіе сдѣлать, то дѣло должно быть разсмотрено въ приличномъ судѣ.

Наслѣдственное сіе въ земляхъ право не должно къ невозвратному владѣльцевъ вреду и великому ихъ раззоренію такъ далеко простираться, чтобъ крестьянинъ былъ въ состояніи данною ему отъ другаго землею располагать по произволенію; довольно, ежели онъ ею можетъ невозбранно и безпрепятственно пользоваться и отъ того себѣ получить пропитаніе. Для сей причины не дозволяется ему, подъ какимъ бы видомъ онъ ни хо-

тѣлъ сіе сдѣлать, продавать свою землю, или дарить, или закладывать, или раздѣлять между многими дѣтьми, но по смерти отца одинъ изъ сыновъ будетъ оною владѣть; такимъ образомъ помѣщикъ всегда удержитъ свое право, а крестьянинъ свободно будетъ пользоваться дозволенными ему выгодами.

Понеже можетъ случиться, что по размноженіи семей, не будетъ въ деревнѣ доставать земли на прокормленіе, то въ такомъ случаѣ немедленно принимать надлежащія мѣры; въ разсужденіе государевыхъ крестьянъ никакого въ семъ опасаться недостатка не должно; но какъ скоро примѣчено будетъ, что земли ихъ не могутъ прокормить, то, предупреждая всегда бѣдственный сей недостатокъ, немедленно вывесть съ прежняго мѣста нѣсколько семей, и поселить на пустомъ мѣстѣ, а разразнивать семьи или брать однихъ холостыхъ не должно. На такой конецъ каждый провинціальный судъ долженъ знать, сколько въ окружности его правленія находится пустыхъ и способныхъ къ земледѣлію мѣстъ, имѣть во всякой готовности надлежащія до земледѣлія орудіи, снабдѣвать поселянъ семенами, скотомъ или, въ случаѣ нужды, выдавать имъ на все сіе деньги безъ зачету. Выгодные для нихъ домы также должны быть построены, и на первый случай уволить ихъ, смотря по качествамъ земли, на нѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ тяжестей, дабы они имѣли довольно времени исправиться. Неимѣющіе довольно земли дворяне должны покупать по способности того мѣста, и ежели не будетъ такихъ случаевъ, то тогда могутъ крестьянъ отпускать, (прописывая въ паспортѣ причину) въ работу на фабрики, или что еще лутче, отдавать учиться такому ремеслу, съ которымъ бы они и въ деревнѣ могли найти пропитаніе.

Земледѣліе требуетъ много народу, и поощреніе браковъ въ семъ случаѣ неотмѣнно нужно. Для того можно выдумать самыя простыя средства, дозволивъ, напримѣръ, женатымъ имѣть предсѣданіе передъ холостыми; имѣющимъ много дѣтей упустить малое что изъ положенныхъ на нихъ тяжестей и проч. Должно также взять въ разсужденіе, что пребываніе деревенскихъ жителей по городамъ весьма много вредитъ земледѣлію; ибо отъ чего бы могъ имѣть себѣ честное пропитаніе гражданинъ, тѣмъ пользуется крестьянинъ, а между тѣмъ земледѣліе, самое нужное, самое прибыточное для всякаго общества богатство, въ конечномъ остается запущеніи, неупоминая, что крестьяне очень портятся отъ городскаго своевольства и роскошей, привыкаютъ къ праздности и дѣлаютъ себя неспособными къ понесенію деревенскихъ трудовъ; для того всѣми силами стараться ихъ отъ того воздерживать и строго принуждать, чтобы они жили по своему назначенію.

Я знаю, что у насъ нѣтъ средняго состоянія, и по высланіи изъ городовъ крестьянъ могутъ оказаться великіе недостатки; потому не безъ труда ввести въ обществѣ столь важную перемѣну; однако, ежели подумать надлежащимъ образомъ, то мы скоро сыщемъ способныхъ къ тому людей (²). Премудрый государь,

(²) Мы имѣемъ по городамъ множество ремесленныхъ людей на государевомъ содержаніи. Отпустя всѣхъ сихъ людей на волю и учиня имъ на первый случай нѣкоторое вспоможеніе, можно завести многочисленное мѣщанство, и давъ имъ приличныя, по примѣру другихъ Европейскихъ народовъ, вольности, возбудить къ трудолюбію. Другіе народы, разсуждая по качествамъ ихъ земель, во многомъ намъ уступить должны; однако, не смотря на то, мы видимъ, что они насъ во всемъ почти превосходятъ: изъ ничего, такъ сказать, дѣлаютъ они чудеса. Учредивъ такимъ образомъ, мы вскорѣ равное увидимъ: города будутъ населены достаточными и полезными обществу жителями, красота ихъ прі-

просвѣщенный министръ, скоро найдутъ средство къ уничтоженію встрѣчающихся имъ препятствій; одни только слабыя души, ходящія во всегдашней тьмѣ невѣжества, разсуждая по малой обширности своего свѣта, почитаютъ за невозможность въ искорененіи застарѣлыхъ предразсужденій открыть себѣ чистую дорогу. Великой духъ, возвышая себя передъ другими, стремительнымъ окомъ обозрѣваетъ всю связь общественнаго зданія, и безъ труда открывая начало, приращеніе и довершеніе бывающихъ въ моральномъ свѣтѣ явленій, имѣетъ довольно силъ или къ остановленію, или къ отвращенію, или пріумноженію ихъ теченія и скорости.

О собственности въ движимомъ имѣніи.

Сего не довольно для защищенія сихъ бѣдныхъ людей: снисканное ихъ трудами имѣніе такъ же должно быть приведено въ безопасность. Все крестьянское богатство состоитъ въ земледѣліи и скотѣ, и сіе можетъ называться собственнымъ его ремесломъ, отъ котораго онъ единственно долженъ получать свое пропитаніе, и изъ происходящей отъ онаго прибыли удѣлять по должности положенную на него часть государю и господину, а впрочемъ быть спокоенъ.

Что касается до движимаго имѣнія, состоящаго въ скотѣ и получаемыхъ отъ земледѣлія плодахъ, то я думаю, что крестьянамъ въ разсужденіи его должно дать полную власть и волю. Положимъ, что на первый разъ получаютъ они всѣ сіи вещи отъ щедрости другихъ, и чрезъ то приходятъ въ состояніе доставить себѣ и своему роду довольное пропитаніе; однакожъ изъ сего не слѣдуетъ, чтобы благодѣтели ихъ по причинѣ сей щедрости, которая сверхъ того весьма тягостна, могли себѣ присвоить полное право надъ нажитымъ ихъ трудами имѣніемъ; довольно, ежели крестьянинъ, въ знакъ своей благодарности, платитъ ежегодно своему господину уложенную долю, что̀ изчисливъ, безконечно больше составитъ, нежели, что̀ ему дано; и такъ напослѣдокъ не крестьянинъ, но господинъ остается должникомъ и въ слѣдствіе сего при нещастіи обязанъ онъ помогать крестьянину. Сверхъ сихъ причинъ, должно взять въ разсужденіе общенародную пользу, которая требуетъ, чтобы каждый въ обществѣ членъ, исправляющій надлежащимъ образомъ положенную на его должность, свободно могъ пользоваться пріобрѣтенными чрезъ свои труды выгодами, и въ случаѣ насильственнаго или скрытаго ихъ нарушенія правосудіе должно ихъ защищать. Напротивъ, ежели господину оставлена будетъ надъ какимъ-нибудь родомъ крестьянскаго имѣнія полная власть, то крестьянство никогда не можетъ подняться; опасность конечнаго разоренія воспретитъ ему искать въ судѣ помощи, и служа жертвою безпрестаннымъ гоненіямъ и истязаніямъ, всегда будетъ находиться въ упадкѣ.

Сверхъ сего неотмѣнно требуется опредѣлить для крестьянъ и другіе промыслы, такъ чтобы сіи промыслы, имѣя всегда нѣкоторое съ земледѣліемъ сходство, отъ онаго ихъ не отвлекали, но единственно дабы крестьяне при помощи ихъ могли и себя и другихъ снабдѣвать. Для сего можно назначить извѣстные дни, наприм. каждое воскресенье, въ которые крестьяне могутъ пріѣзжать въ городъ для продажи своихъ товаровъ. Такимъ образомъ могутъ они всегда весьма способно снабдѣвать города и привозить на

умножится великолѣпными зданіями; государевы доходы возрастутъ несравненно; науки, художества и купечество придутъ въ цвѣтущее состояніе, и всякой по справедливости тогда, не отягчая при томъ ни мало общества, будетъ себя почитать благополучнымъ.

продажу всякаго рода хлѣбъ, пеньку, ленъ, холсты, сыръ, масло, овощи и многія другія къ нужному человѣческому пропитанію служащія вещи, въ чемъ не дѣлать никакихъ замѣшательствъ и затрудненій, но еще всевозможнымъ образомъ споспѣшествовать. Оставаться въ городахъ и тамъ производить несходные съ ихъ состояніемъ и назначеніемъ промыслы можно имъ запретить, и нимало имъ въ семъ не послаблять.

Предписаніе постоянныхъ службъ и податей государю и господину.

По приведеніи ихъ въ столь изрядное состояніе, и дозволивъ имъ столь великія выгоды, самая справедливость требуетъ, чтобъ и они по мѣрѣ столь великихъ благодѣяній воздавали равное благодареніе, исправляя охотно и ревностно положенныя на нихъ въ разсужденіи государя и господина должности.

Въ разсужденіи налоговъ съ великимъ благоразуміемъ поступать надлежитъ. Наибольшая состоитъ въ семъ трудность, что ихъ не можно точно опредѣлить, такъ чтобы они равны были, глядя на различное положеніе странъ и происходящее отъ того неравное въ имѣніи содержаніе; чего ради самое наилутчее, по моему мнѣнію, въ учрежденіи податей средство нахожу я въ установленіи десятой или другой какой части со всѣхъ отъ земледѣлія происходящихъ плодовъ. Въ разсужденіи денежнаго сбору вообще можно сказать, что чѣмъ сильнѣе богатѣетъ народъ, тѣмъ больше можно сбирать подати, и ежели мы сыщемъ настоящее содержаніе между налогомъ и народнымъ богатствомъ, тогда они праведны, и никто не можетъ жаловаться. Требуемыя отъ крестьянъ въ пользу господина службы можно учредить такимъ образомъ, чтобъ крестьянинъ одинъ день работалъ на своего господина, а въ протчіе на себя.

Предписаніе постоянныхъ, для прекращенія грабительствъ и раззореній, податей и службъ неотмѣнно нужно; ибо такое учрежденіе не мало защититъ крестьянъ отъ наглостей ихъ помѣщиковъ, которые ихъ безъ всякой пощады и милосердія мучатъ, отнимая все то, что̀ имъ въ глаза попадется и чрезъ то приводятъ въ несказанную бѣдность, отъ которой они никогда не въ состояніи избавиться.

Во время наводненія, скотскаго падежа, недорода хлѣба и въ прочихъ случиться могущихъ несчастіяхъ, крестьянамъ, для ихъ поправленія, неотмѣнно нужно помогать или деньгами, или отпущеніемъ на нѣкоторое время податей, который убытокъ, по исправленіи своемъ, могутъ они наградить.

Дворянство, по ограниченіи самовольства, никакого вреда не претерпитъ, и хотя съ перваго взгляда покажется, что уступленіе собственности и предписаніе постоянныхъ податей и службъ уничтожаетъ знатную часть ихъ надъ крестьянами правъ; однако, взявъ въ разсужденіе другія обстоятельства и отбросивъ всѣ вредныя предразсужденія, всякой легко можетъ тогда видѣть, что сіе не токмо имъ не вредно, но гораздо большую противъ прежняго принесетъ пользу, и общество немалое будетъ чувствовать облегченіе. Въ протчемъ они всегда удержатъ довольно правъ, какъ-то наприм. охоту, рыбную ловлю, власть надъ своими лѣсами, которая только для пользы всего общества, по справедливости можетъ быть нѣкоторымъ образомъ ограничена; и напослѣдокъ, по обыкновенію иностраннаго дворянства, можно имъ дозволить въ разсужденіи своихъ крестьянъ отправлять гражданской судъ, о чемъ мы теперь говорить станемъ.

О учрежденіи крестьянскихъ судовъ.

Весьма легко можетъ случиться, что господа, отъ презрѣнія къ своимъ крестьянамъ и въ надеждѣ на преимущества своего состоянія, будутъ, утѣсняя ихъ, причинять всякія обиды, чего ради неотмѣнно должно ихъ привести въ безопасность, чрезъ установленное на твердомъ основаніи правосудіе, при помощи котораго могли бы они себя защищать противъ всякихъ неправедныхъ нападеній и насильствъ.

Обиды могутъ произойти или крестьянину отъ крестьянина или отъ господина. Въ сихъ случаяхъ думаю я поступить такимъ образомъ, чтобы, смотря по важности обиды, учреждать приличные суды, дабы лишнихъ волокитъ и издержекъ крестьянамъ не было. На такой конецъ дозволить крестьянамъ выбрать между собою старосту и, придавъ ему три или четыре человѣка, представить ихъ на подтвержденіе своему господину.

Сіи деревенскіе судьи ([3]) должны рѣшать самыя маловажныя дѣла, какъ напр. словесныя обиды, драки, малыя тяжбы и проч. А что касается до важныхъ между собою или съ господиномъ ссоръ, то учредить для того высшіе крестьянскіе суды ([4]) подъ начальствомъ такихъ людей, которыхъ бы искусство и знаніе Россійскихъ законовъ не было подвержено никакому сумнѣнію и поручить имъ разсматривать и рѣшать происходящія между крестьянами и господами важныя спорныя дѣла. Въ случаѣ неудовольствія и неправаго рѣшенія быть для аппеляціи земскимъ судамъ изъ окольничныхъ дворянъ, къ коимъ для большей исправности и порядка опредѣлять знающихъ права людей, которые единственно должны по требованію давать свое мнѣніе и совѣтъ, дабы ничего служащаго къ нарушенію закона произойти не могло, но все бы отправлялось по предписанію правосудія. Сіе все разумѣется о гражданскихъ судахъ, ибо криминальные не подлежатъ симъ судамъ.

Какія предосторожности при сей перемѣнѣ употреблять.

Остается теперь сказать, какую должно принять предосторожность въ разсужденіи столь важной перемѣны. Извѣстно, что сего вдругъ безъ великой опасности произвести въ дѣйство не можно, и многими примѣрами уже подтверждено, сколь далеко въ подобныхъ случаяхъ простирается неистовство подлаго (*) народа; и такъ небезполезно принять такія мѣры, которыя, не нарушая общаго покоя, могли бы всѣмъ ясно показать, что сіи намѣренія клонятся къ собственному ихъ благополучію.

Прежде нежели можно что начать въ разсужденіи сей перемѣны, то я за полезное признаю приготовить на передъ крестьянъ чрезъ воспитаніе, подъ предводительствомъ благонравныхъ церковниковъ производиться имѣющее; по учиненіи чего съ надлежащею точностію во 1 хъ должно, зачавъ, для показанія примѣра дворянству съ дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ, изъ которыхъ награждать сими выгодами только рачи-

([3]) Неотмѣнно требуется, смотря по простотѣ и незнанію крестьянъ, сочинить краткой регламентъ, который бы содержалъ въ себѣ все до ихъ должности принадлежащее, и описать обстоятельно, какія дѣла до ихъ управленія надлежатъ, и какое для виновныхъ должны они опредѣлять наказаніе.

([4]) Сіи высшіе суды также должны снабдены быть хорошими инструкціями, дабы богатый бѣдному, сильной немощному предпочтены не были, но каждый по заслугамъ своимъ получилъ бы достойное воздаяніе.

(* О значеніи этого слова въ старину сказано выше.

тельныхъ и добрыхъ крестьянъ, а лѣнивыхъ и злонравныхъ до сихъ преимуществъ не допускать; но, давъ время къ исправленію, увѣщевать возможнымъ образомъ, дабы отвратить отъ худой жизни и для бóльшаго поощренія предлагать имъ тѣ же выгоды, ежели только исправятся.

По утвержденіи сего великаго учрежденія, дабы тѣмъ больше возбудить къ трудолюбію, можно дозволить богатымъ крестьянамъ записываться въ мѣщанство, не просто, но съ нѣкоторыми договорами, дабы воспрепятствовать конечное запустѣніе деревень. Для того смотрѣть на крѣпко, въ состояніи ли такой крестьянинъ купить себѣ въ городѣ дворъ; имѣетъ ли довольное число денегъ на раззаводъ, и можетъ ли заплатить государю или господину уложенное за каждую душу, которую съ собою изъ деревни выведетъ. Ежели онъ на все сіе имѣетъ денегъ, тогда можно ему дозволить перемѣнить свое жилище и состояніе.

Дворянство, до котораго особливо касается сіе дѣло, ни мало къ сему ни принуждать; ибо каждый изъ нихъ, будучи убѣжденъ собственною пользою, съ доброй воли согласится ввести у себя такія учрежденія, которыя, не причиняя ему ни малѣйшаго вреда, служатъ къ благополучію такихъ людей, о сохраненіи которыхъ человѣколюбіе и собственная его польза повелѣваютъ ему прилагать всевозможное стараніе.

Не иначе какъ за весьма счастливаго долженъ я буду себя почитать, если сей мой трудъ соотвѣтствовать будетъ требованіямъ подавшихъ поводъ къ сему предложенію. Впрочемъ принимаю я смѣлость увѣрить, что всегдашнія мои желанія были служить моему отечеству; въ семъ намѣреніи я сіе единственно и предпринялъ и искренне желаю, чтобы при благословенной нашей Великой Государыни державѣ, Россія спокойно наслаждалась пріуготовляемымъ подъ премудрымъ ея предводительствомъ благополучіемъ, принося усердныя свои Всевышнему Творцу за изливаемыя щедроты благодаренія.

Замѣтка къ статьѣ А. Я. Полѣнова, объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи въ 1767 г.

Предъидущая статья имѣетъ весьма большой интересъ, при сличеніи оной съ тѣми мыслями и основаніями, которыя были приняты въ соображеніе при началѣ дѣла объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ настоящее время и затѣмъ выражены въ Положеніи 19-го февраля. Весьма замѣчательно, что авторъ за цѣлое столѣтіе предвидитъ необходимость и, даже болѣе, невозможность освобожденія крестьянъ безъ надѣленія землею; онъ съ поразительною ясностію указываетъ на тѣ вредныя и пагубныя послѣдствія, которыя можетъ имѣть масса людей, неимѣющая никакой собственности; масса, которая по выраженію автора *знаетъ, что какая бы въ немъ перемѣна ни случилась, то ему терять нечего*

Въ настоящее время мысль эта, какъ нашедшая полное свое осуществленіе въ Положеніи 19-го февраля, есть достояніе исторіи; но давно ли еще раздавались голоса, совѣтовавшіе послѣдовать примѣру Остзейцевъ! Вѣрность начертанной авторомъ картины бѣдственнаго положенія крестьянскаго сословія въ его время и могущихъ отъ того произойти дурныхъ послѣдствій, подтвердилась Пугачевщиною. Затѣмъ нельзя не сочувствовать мысли автора о приготовленіи народа къ принятію и пользованію новыми правами черезъ воспитаніе; быть можетъ, что осуществленіе этихъ мыслей на практикѣ едвали было возможно, не только въ то время, когда излагалъ свои мысли авторъ, но и въ настоящее время; тѣмъ не менѣе мысль дать народу образованіе, утверж-

денное на религіи и притомъ черезъ посредство духовенства, весьма практична и основательна; это обязательное заведеніе школъ гораздо болѣе можетъ быть оправдано, чѣмъ всякое другое вторженіе въ жизнь народа, и мы не можемъ не сожалѣть, что составителями Положенія мало обращено на это вниманіе, и оно предоставлено иниціативѣ самаго общества. Мысль автора, чтобы разрѣшеніе гражданскихъ споровъ и недоразумѣній между крестьянами и помѣщиками было предоставлено лучшимъ выборнымъ людямъ, также нашла примѣненіе въ Положеніи 19 февраля, учрежденіемъ Мировыхъ Посредниковъ; равно и мысль о выборѣ въ каждомъ селеніи старосты для разбора споровъ и разныхъ дѣлъ крестьянъ между собою вмѣстѣ съ тремя или четырьмя выборными, выразилась въ Положеніи учрежденіемъ Волостныхъ Судей; но едва ли мысль автора не практичнѣе и не ближе къ жизни народа. До сихъ поръ судъ стариковъ, судъ схода крестьянами предпочитается Волостному Суду. Затѣмъ способъ пользованія землею и взиманіе податей не могли найти примѣненіе въ Положеніи 19 февраля, первое потому, что несогласны съ понятіемъ Великорусскаго народа, который не принимаетъ и не понимаетъ другаго пользованія кромѣ общиннаго, а второе по трудности опредѣлять десятую часть плодовъ каждаго земледѣльца и притомъ какъ несогласные съ современнымъ финансовымъ взглядомъ. Мысль же автора объ оставленіи за помѣщиками правъ на охоту, рыбную ловлю и лѣса, вполнѣ вошла въ Положеніе 19 февраля (Мѣстное Положеніе ст. 29, 104, 105), и наконецъ предположеніе автора объ удержаніи по возможности крестьянъ при занятіи земледѣліемъ, также принято въ Положеніи, ибо въ теченіи первыхъ 9 лѣтъ съ изданія онаго, крестьянамъ дозволено отказываться отъ земли и переходить въ другія сословія лишь при соблюденіи довольно затруднительныхъ условій.

Я. Борзовъ.

СТАРОСТА.

Что не туча темная
Въ ясный день плыветъ,
На гумно по улицѣ
Староста идетъ.

Борода-то черная,
Красное лицо,
Волоса-то жесткіе
Завились въ кольцо.

Пузо перевязано
Краснымъ кушакомъ,
Плечи позатянуты
Синимъ кафтаномъ.

Палкой подпирается,
Бровью не ведетъ;
Въ сапоги-то новые
Мѣра ржи войдетъ!

Онъ идетъ по улицѣ —
Безъ метлы мететъ:
Курица покажется, —
Въ ворота шмыгнетъ.

Одаль да съ поклонами
Мужики идутъ,
Ребятёнки малые
Ко дворамъ ползутъ.

Утомился староста:
На гумнѣ стоитъ,
Гладитъ усъ да бороду,
Да на людъ глядитъ.

На небѣ ни облачка,
Вѣтерокъ-атъ спитъ,
Солнце землю-матушку,
Что огнемъ, палитъ.

Отъ цѣповъ-то стукъ и дробь —
Стонетъ все гумно;
Бабъ и дѣвокъ жаръ печетъ,
Мужиковъ равно.

Староста надумался:
»Молоти дружнѣй»!
Бабъ и дѣвокъ потъ прошибъ,
Мужиковъ сильнѣй.

Бабу чернобровую
Староста позвалъ,
Рѣчь-то велъ разумную,
Дѣло толковалъ.

Дура-баба плюнула,
Молотить пошла.
То-то, значитъ, молодость,
Въ нуждѣ не была!

Умная головушка
Рубитъ не съ плеча:
Староста не выпуститъ
Слова сгоряча.

На скирды посматривалъ,
Поглядѣлъ на рожь, —
Поглядѣлъ и вымолвилъ:
«Умолотъ хорошъ!»

Улыбнулся ласково,
Дѣвокъ похвалилъ,
Бабѣ съ бровью черною
Чорта посулилъ.

«Вечеромъ, голубушка,
Чистить хлѣбъ пошлю»....
— Не грѣшно ли, батюшка? —
«Нѣтъ, коли велю!»

Баба призадумалась....
Староста пошелъ,
Онъ прошелъ по улицѣ —
Безъ метлы подмелъ.

На гумнѣ-то стонъ стоитъ,
Весело гумно:
Пòтомъ обливается
Каждое зерно.

И. Никитинъ.

(Доставлено *Н. П. Курбатовымъ*).

ПИСЬМО ЖУКОВСКАГО КЪ И. В. ПОПОВУ.

Письмо это писано по слѣдующему обстоятельству. *Иванъ Васильевичъ Поповъ*, извѣстный Московскій книгопродавецъ (†1839), нѣкогда содержавшій Университетскую типографію вмѣстѣ съ нѣмцемъ Люби и итальянцемъ Гари, пріобрѣлъ себѣ дворовыхъ людей, когда-то, еще до 1812 г.; но такъ какъ онъ, по своему званію, не могъ имѣть крѣпостныхъ людей, то купленные люди, по обычаю того времени, были записаны на чужое имя,—на имя Жуковскаго, съ которымъ Поповъ, какъ просвѣщенный книгопродавецъ, самъ издатель, переводчикъ и сочинитель (въ Вѣстникѣ Европы и Московскихъ Вѣдомостяхъ есть его стихи) находился въ близкихъ сношеніяхъ. Въ старину много было такихъ крѣпостныхъ людей у мѣщанъ, купцовъ и духовенства. Они, по закону, числились въ услуженіи у тѣхъ, кто заплатилъ за нихъ деньги, а давшій свое имя (для совершенія купчей) снабжалъ купленныхъ паспортомъ, и яко бы отпускалъ ихъ на оброкъ. Прошло много лѣтъ. Одинъ изъ крѣпостныхъ Попова (или Жуковскаго) оказался бродягою; о немъ началось слѣдствіе, и для прекращенія дѣла Жуковскій рѣшился выкупить всю семью. Этимъ объясняется, почему Жуковскій посылаетъ засвидѣтельствованную въ судѣ отпускную людямъ Попова.— Письмо это любопытно еще и потому, что показываетъ, съ какими затрудненіями сопряжено было въ старину освобожденіе людей отъ крѣпостной зависимости. Письмо писано около 1835 г. Оно печатается съ подлинника, за сообщеніе коего мы благодарны *И. В. Павлову*.

Виноватъ передъ вами, почтеннѣйшій Иванъ Васильевичъ; каюсь и винюсь; повинныя головы и мечь не рубитъ. Хотѣлъ вамъ отвѣчать не словами, а дѣломъ; но это дѣло (то есть деньги) не дается въ руки. У меня нѣтъ теперь денегъ. Предлагаю вамъ другое. Вы желаете имѣть за людей своихъ 2400 рубл. Я отъ себя готовъ дать 2000, остальныя же 400 имъ самимъ будетъ не трудно за себя заплатить. А-я П-на Ел-на должна мнѣ. Я желалъ бы (и въ этомъ, кажется, не можетъ быть для васъ неудобства), чтобы вы согласились взять отъ нея вексель въ 2000 рублей — тогда мы будемъ квиты. Ежели она отъ этого не откажется, то прошу васъ, получивъ отъ нея вексель, дать вашимъ людямъ отпускную, которую, засвидѣтельствованную въ судѣ, на этой же почтѣ къ ней посылаю. Очень сожалѣю, что не могу заплатить вамъ чистыми деньгами, но на нѣтъ слова нѣтъ! Впрочемъ вексель Ав—П—ы стоитъ чистыхъ денегъ.

Простите, любезный Иванъ Васильевичъ. Прошу васъ немедленно мнѣ отвѣчать. Мой адресъ у Ав. Петр. Увѣряю васъ въ своемъ почтеніи. Мой поклонъ вашей милой Елизаветѣ Ивановнѣ (*).

Вамъ преданный *Жуковскій.*

Сарское Село 19 сентября

17 ноября.

P. S. Вотъ сколько промедлило это письмо. Я написалъ отпускную предъ самымъ выѣздомъ изъ Царскаго Села, надѣясь, что въ одно утро ее засвидѣтельствуютъ; но мнѣ сказали, что надобно написать еще какую то бумагу: и такъ долженъ былъ отложить до Петербурга и снова писать. Ужъ этотъ трехрублевый листъ обошелся мнѣ въ девять рублей. Отлучка въ Дерптъ, потомъ хлопоты переѣзда на новую квартеру задержали меня. Наконецъ вотъ бумага. Посылаю вамъ ее съ повинною головою Прошу васъ отвѣчать. Мой самый вѣрный адресъ—въ Аничковскомъ дворцѣ, отдать швейцару для доставленія.

Вамъ преданный *Жуковскій.*

14 декабря.

По числамъ видите, какъ давно пишется это письмо. Написавъ *наконецъ вотъ бумага*, я думалъ, что, ее засвидѣтельствовавъ, въ пакетѣ немедленно къ вамъ отправлю. Не тутъ-то было. Нашлось какое-то запрещеніе на имѣніе какихъ-то двухъ Жуковскихъ; надобно было представить мой формуляръ—и тутъ бѣда: одинъ изъ запрещенныхъ Жуковскихъ записанъ титулярнымъ совѣтникомъ безъ имени и отчества, и запрещеніе на немъ лежитъ съ 1810 года, когда и я былъ титулярнымъ же совѣтникомъ. Надобно было требовать свидѣтельства отъ моего начальства. Теперь, кажется, всѣ бѣсы полетѣли въ воду. Но я еще бумаги не получилъ; думаю, что на сихъ дняхъ ее къ вамъ отправлю. Я наказанъ за свою медлительность: въ Сарскомъ Селѣ вѣроятно не было бы этихъ препятствій, и вы были бы давно успокоены. Вотъ почему я обязанъ взять на себя полную уплату всѣхъ требуемыхъ вами денегъ, то есть 2400 сполна. Скажите отъ этомъ Ав—ѣ П—нѣ. Пускай вексель будетъ написанъ въ 2400. Наличныхъ же денегъ у меня нѣтъ къ величайшему моему сожалѣнію. Охотно-бъ удовлетворилъ васъ теперь же. Увѣдомьте меня объ всемъ немедленно.

Вотъ бумага! Конецъ и Богу слава.

(*) Дочь И. В Попова

ШЕСТЬ ПИСЕМЪ А. П. ВОЛЫНСКАГО КЪ ЦЕСАРЕВНѢ ЕЛИЗАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ. 1724—1725.

Артемій Петровичъ Волынскій (1689—1740), пріобрѣтшій громкую извѣстность въ царствованіе имп. Анны, былъ весьма важнымъ лицомъ и въ то время, къ которому относятся эти письма. Съ 1718 г. онъ служилъ Астраханскимъ губернаторомъ, въ рѣдкомъ тогда чинѣ генералъ-адъютанта, а потомъ Персидская война усилила его значеніе. Около 1723 г. онъ даже вступилъ въ родство съ царскимъ домомъ, женившись на двоюродной сестрѣ Петра великаго, Александрѣ Львовнѣ Нарышкиной. Отсюда понятно, что онъ могъ прямо сноситься съ цесаревною Елизаветою Петровною; вести переписку съ нею въ царствованіе ея матери (съ 1725 г.) было очень выгодно, такъ какъ цесаревна подписывала всѣ бумаги за Екатерину І-ю. Въ половинѣ 1725 г. Волынскій получилъ губернаторство въ Казани, съ чиномъ генералъ-маіора, который слѣд. тогда считался выше генералъ адъютанства. См. о Волынскомъ статьи *І. И. Шишкина*, въ Отеч. Зап. 1860, № 2 и слѣд. и Чтенія, 1862, кн. 4.

I.

Всемилостивѣйшая цесаревна государыня. Подноситель сего, возвращаяся изъ Астрахани, нашелъ меня здѣсь въ Царицынѣ и отдалъ мнѣ три ленты, объявляя, что ваше высочество всемилостивѣйше изволили пожаловать бабенкѣ моей съ дѣвчонкою. За которую вашего высочества высокую милость всеподданнѣйше благодарствую, а притомъ и завидую, что жену мою съ дочерью изволили пожаловать всемилостивѣйше напамятовать, а меня, какъ недостойнаго раба, изволили позабыть. Однакожъ, государыня, ни о чемъ о иномъ ваше высочество трудить не хочу, только всеподданнѣйше прошу милостиво меня содержать послѣдняго вашего раба въ начатой материнской своей милости въ числѣ истинныхъ чистосердечныхъ и вѣрныхъ вашихъ рабовъ, яко есмь и пребуду съ должнымъ моимъ рабскимъ всеподданнѣйшимъ почтеніемъ и вѣрностію, всемилостивѣйшая государыня, вашего высочества всеподданнѣйшій рабъ

Артемій Волынскій.

Изъ Царицына *(города)* ноября 20, 1724.

II.

Всемилостивѣйшая государыня цесаревна Елисавета Петровна. Ваше высочество пространнымъ моимъ рабскимъ утруждать не смѣю, токмо всеподданнѣйше прошу, о чемъ вашему высочеству подноситель сего капитанъ Лопухинъ будетъ доносить, милостивѣйше выслушать и показать надъ нами бѣдными божескую милость милостивѣйшимъ предстательствомъ къ ея императорскому величеству всемилостивѣйшей государынѣ: понеже уже, государыня, пришла на меня конечная гибель, и хотя бы по свѣтскому разсужденію и надлежало выбрать себѣ изъ двухъ одно зло, которое полегче (когда обоихъ миновать нельзя), но токмо не вѣдаю, которое зло мое въ сенатѣ меньше поставятъ; то-ли, что я, видѣвъ то изъ чего будетъ не токмо поврежденіе интересу, но и пакости государству, а я все то оставлю (да поѣду въ Астрахань, гдѣ важнаго за мною ни одного дѣла нѣтъ, и ничто и безъ меня оставлено не будетъ), или то, чтобъ я преслушалъ указъ и въ Астрахань не поѣхалъ. И тако разсуждая, по истиннѣ, государыня, я уже безъ ума сталъ, а о прочихъ моихъ бѣдствахъ уже и упоминать не смѣю, дабы тѣмъ не уутрдить. Того ради, всемило-

ствѣйшая государыня, слезно прошу, умилосердися надъ нами бѣдными, напамятуй ко мнѣ, послѣднему рабу вашему, высокую свою милость, чтобъ чрезъ милостивѣйшее вашего высочества предстательство я хотя на время изъ здѣшней пёклы могъ свободиться, которую милость такъ буду почитать, какъ бы ваше высочество изъ сылки свободить или изъ варварскаго полону изволите меня, какъ самого невольника, выкупить, за что я со всею моею злосчастною и сирою фамиліею до смерти моей будемъ молить Всевышняго. Всемилостивѣйшая государыня вашего высочества всеподданнѣйшій и нижайшій рабъ

Артемій Волынскій (*).

Изъ Царицына, іюня 5 дня, 1725.

III.

Понеже я во всю мою до сего времени жизнь одно только желаемое мнѣ счастіе получилъ славнѣйшую ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни нашей коронацію видѣть, но и оную, какъ извѣстно вашему высочеству, съ великимъ трудомъ дождался, а прочаго достойнаго ничего, какъ прежде того, такъ уже и потомъ за непрестанными отлученіями моими не сподобился видѣть: и тако почитаю себя въ томъ если не хуже, то однакожъ и не лучше всякаго простаго поселянина.

Нынѣ, государыня, будучи здѣсь въ пустынѣ, получилъ я радостныя мнѣ вѣдомости, что Всевышній Господь Богъ бракъ сестры вашего высочества, всемилостивѣйшей государыни нашей цесаревны Анны Петровны, съ его королевскимъ высочествомъ герцогомъ и государемъ милостиво совершити благоволилъ. И хотя я за обыкновеннымъ моимъ несчастіемъ оную всероссійскую нашу радость видѣть и въ числѣ вѣрныхъ рабовъ вашихъ по должности моей всеподданнѣйше поздравлять ваше высочество тѣмъ словесно и не сподобился, однакожъ надѣяся на обыкновенное вашего высочества ко мнѣ, послѣднему рабу вашему, материнское милосердіе, пріемлю смѣлость и сими всенижайшими моими строками оною радостію всеподданнѣйше и нижайше радуяся поздравляю, того жъ и вашему высочеству всеусердно желая, и да подастъ Всевышній вамъ многолѣтное здравіе и всякое по желанію вашего высочества благополучіе, чего я и паки по должности моей рабской желаю, и притомъ всеподданнѣйше и нижайше прошу милостивѣйше меня содержать въ неотъемлемой вашего высочества материнской милости въ числѣ вѣрныхъ рабовъ, яко есмь и пребываю съ должнѣйшимъ моимъ рабскимъ почтеніемъ и вѣрностію.

Изъ Камышенки, августа 31 дня, 1725 г.

(P. S.) Я здѣсь, всемилостивѣйшая государыня, до того дожилъ, что отъ здѣшняго варварскаго народа и животъ было окончалъ отъ такихъ, кому я такое благодѣяніе сдѣлалъ, что изъ нищихъ на мою бѣду сдѣлалъ сильными владѣльцами; но когда они потомъ разорили другихъ, вступилъ я паки въ медіацію промежду ихъ и тѣмъ, которые обидѣли, разсудилъ, что они, отставя свой добровольной договоръ и со всѣми помиряся въ прежнихъ ссорахъ и свое получа чѣмъ были обидимы, а за тѣмъ сами неправильную и клятвопреступную войну сдѣлали и ту сторону, съ которою примирилися, обидѣли и когда увидѣли, что имъ въ томъ не поманилъ; также они хотѣли брата своего роднаго, который въ прошломъ году крестился, Петръ Тайшинъ, убить до смерти, отчего онъ отъ нихъ ушелъ ко мнѣ, и что я его назадъ имъ не от-

---

(*) Это окончаніе, равно какъ и воззваніе втораго письма повторяются при остальныхъ.

далъ, — за то меня самого хотѣли поймать и, взявъ меня съ собою, бѣжать къ Кубани со всѣми улусами, и что тамъ меня держать у себя скованова. А ежели бъ я сталъ обороняться, то и до смерти хотѣли убить, что обстоятельно вашему высочеству донесетъ подноситель сего поручикъ князь Андрей Волконскій, который было тутъ же со мною попался. Однакожъ, государыня, благодарю Бога, что милостиво меня отъ такой напасти сохранилъ; и хотя было то не хорошо, однакожъ изъ двухъ такихъ напастей уже бы лучше смерть, нежели въ такія бъ тиранскія руки съ животомъ отдаться, гдѣ бъ, чаю, страдальческимъ мученіемъ замучили. Такое, всемилостивѣйшая государыня, по моему злосчастію наслалъ на меня Господь Богъ бѣдственное дѣло, отъ котораго не знаю какъ и освободиться, понеже уже и за то благодарю Бога, что по высокой ея величества всемилостивѣйшей государыни императрицы милости и отъ астраханской пеклы свободился, а о семъ бѣдственномъ моемъ дѣлѣ до времени уже и упоминать не смѣю.

IV.

Уповаю я, что вашему высочеству, государыня, о напастяхъ моихъ извѣстно, а паче взыскивается на мнѣ, будто я остановку дѣлалъ отправленному съ командою къ крѣпости Святаго Креста полковнику Еропкину въ его походѣ, что, государыня, не токмо мнѣ дѣлать, но и въ мысли моей того не бывало. Однакожъ вижу, что я тѣмъ обнесенъ невинно, къ ея императорскому величеству, въ чемъ нынѣ посылаю мое всеподданнѣйшее явное оправданіе. И того ради, всемилостивѣйшая государыня мать, сотвори надо мною бѣднымъ божескую милость, милостивымъ своимъ предстательствомъ въ моей невинности, а паче всего милостиво у ея императорскаго величества испросить, чтобъ мнѣ повелѣно было изъ Казани хотя на малое время ко двору ея императорскаго величества въ нынѣшней зимѣ побывать; и паки всеподданнѣйше прошу на сіе мое слезное прошеніе милостивѣйше призрить.

От Камышенки, октября 14 дня, 1725 году.

V.

Понеже мое обыкновенное несчастіе, отлученіе, не допустило меня персонально по должности моей рабской поздравствовать ваше высочество прошедшимъ нынѣ днемъ дражайшаго тезоименитства ея императорскаго величества всемилостивѣйшія нашея великія государыни; однакожъ, государыня, уповая на обыкновенную вашего высочества высокосклоннѣйшую милость, пріемлю рабскую смѣлость и чрезъ сіе мое всенижайшее ваше высочество всеподданнѣйше онымъ торжествомъ поздравлять, всеусердно моля да подастъ Всевышній ея императорскому величеству, купно же и вашему высочеству желаемое здравіе и всякое благополучіе, и да сподобитъ и впредь будущія лѣта такихъ многихъ тезоименитствъ радостно достигнути и препровождать, чего я, по должности моей рабской, всеусердно желаю, и при томъ всеподданнѣйше подвергаю себя въ неотъемлемую вашего высочества материнскую милость, пребывая съ должнѣйшимъ моимъ рабскимъ подданническимъ почтеніемъ и вѣрностію.

Изъ Пензы, декабря 24 дня, 1725 году.

VI.

Уповая на обыкновенныя ея императорскаго величества всемилостивѣйшей великой государыни, тако жъ и вашего цесаревнина высочества ко мнѣ, послѣднему рабу, высокія милости, послалъ я съ нѣкоторыми моими всеподданнѣйшими

рабскими прошеніями жену мою, всеподданнѣйше прося, дабы высокимъ ея императорскаго величества указомъ повелѣно было мнѣ изъ Казани, ради крайнихъ нуждъ моихъ, въ нынѣшней зимѣ быть въ Москву и въ Санктъпитербурхъ хотя на малое время. Того ради, всемилостивѣйшая государыня и премилосердая мать, всеподданнѣйше ваше высочество прошу милостивѣйше бѣдную жену мою, послѣднюю рабу вашу, содержать въ неотъемлемой вашего высочества материнской милости, и о чемъ всеподданнѣйше будетъ просить, въ томъ насъ, сирыхъ, для единаго милосердія Божія не оставить, понеже, государыня, кромѣ Бога и ея императорскаго величества и вашихъ высочествъ, не имѣемъ никакой надежды.

Изъ Пензы, декабря 28 дня, 1725 году.

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

17 апрѣля 1735 г. императрица Анна приказала арестовать регента цесаревны Елизаветы Петровны *Ивана Петрова*, а также отобрать всѣ имѣющіяся при немъ бумаги. При досмотрѣ послѣднихъ оказалось: «1) тетрадка, писанная скорописью, въ осмую долю листа, о пощеніи въ нѣкоторыя пятницы и о гаданіи философскомъ; 2) письмо, писанное полууставомъ на четверти листа, о возведеніи на престолъ россійской державы, а кого именно, того именно не изображено; 3) писанное по малороссійски, на четверти жъ листа явленіе, въ которомъ упоминается о принцессѣ Лаврѣ и прочее, о чемъ въ тѣхъ письмахъ значитъ именно.»

Всѣ эти бумаги были на просмотрѣ извѣстнаго *Ѳеофана Прокоповича*, который подалъ мнѣніе, что о второмъ письмѣ «допросить, до котораго лица то написано, и пѣніемъ дѣйствовано ль, и гдѣ и когда,» а объ отрывкѣ изъ комедіи также спросить: «гдѣ же она была, кто сочинялъ, кто принцесса Лавра, и вся исторія или фабула откуда вынята?»

Въ статьѣ о возведеніи на престолъ были такія слова: «Ни желаніе, ни исканіе, ни помышленіе, но Богъ, владѣяй всѣми, той возведе тя на престолъ россійскія державы: тѣмъ сохраняема, тѣмъ управляема, тѣмъ и покрываема буди во вѣки...»

Регентъ Петровъ показывалъ: «Объявленное во ономъ первомъ пунктѣ написано къ прославленію ея императорскаго величества, а кто-де оное написанное компоновалъ, того онъ, Иванъ, не знаетъ, токмо-де въ нынѣшнемъ 1735 г., по прошествіи тезоименитства ея императорскаго величества, спустя съ недѣлю, государыня цесаревна говорила ему, Ивану, что на тезоименитство ея императорскаго величества во дворцѣ пѣвчіе пѣли концертъ весьма хорошій и рѣчи-де складныя. И онъ-де, Иванъ, донесъ ей, государынѣ цесаревнѣ, что онъ сходитъ и посмотритъ онаго концерта и рѣчей, съ чего тотъ концертъ написанъ у регента іеромонаха Герасима. А потомъ-де — а сколько спустя не упомнитъ — былъ онъ, Иванъ, у означеннаго Герасима въ гостяхъ и говорилъ ему, что концертъ ихъ, который пѣли они на тезоименитство ея императорскаго величе-

ства, государыня цесаревна хвалитъ. И послѣ того попросилъ онъ, Иванъ, онаго концерта посмотрѣть себѣ. И тотъ-де Герасимъ концерта ему не объявилъ, а сказалъ, что теперво-де того концерта у него нѣтъ; но только-де тогда жъ взявъ оный Герасимъ со стола написанное на четверти листа уставомъ, говорилъ ему, Ивану, вотъ-де того концерта рѣчи. И онъ-де, Иванъ, прочетъ съ позволенія онаго Герасима, тѣ написанныя рѣчи взялъ себѣ, хотя оное объявить государынѣ цесаревнѣ, что̀ потомъ ей государынѣ цесаревнѣ, онъ, Иванъ, и объявилъ. И государыня-де, цесаревна, сказала, что оныя рѣчи скомпонованы хорошо. И съ того-де времени оное имѣлось у него, Ивана ..» Это показаніе подтвердилъ іеромонахъ Герасимъ.

Объ отрывкѣ изъ комедіи регентъ Иванъ Петровъ говорилъ: «Оное-де явленіе выписано изъ комедіи, составленной въ Москвѣ, въ прошломъ 730-мъ или 731-мъ г. государыни цесаревны фрейлиною, что̀ нынѣ за камеръ-юнкеромъ Петромъ Шуваловымъ, Маврою Егорьевою, дочерью Шепелевою (*), а по чьему приказу ту комедію она сочиняла и въ какой силѣ о принцессѣ Лаврѣ написано, того онъ, Иванъ, подлинно не вѣдаетъ, токмо-де признаваетъ онъ, что о принцессѣ Лаврѣ упомянулось въ той комедіи во образъ богини.»

«Означенная-де комедія имѣлась не малая, а именно въ той комедіи написанныя рѣчи говорены были отъ персонъ около тридцати, и означенное-де явленіе было у него, Ивана, одного, какъ во время той комедіи ему, Ивану, придетъ говорить, то-де по тому явленію онъ и говаривалъ. А тѣ-де комедіи бывали въ домѣхъ у государыни цесаревны въ Москвѣ въ Покровскомъ и въ Санктъпитербурхѣ на Смольномъ дворѣ, а въ другихъ мѣстѣхъ нигдѣ не бывали.»

«Вся оная комедіантская фабула откуда означенною Маврою Шуваловою вынята, того онъ не знаетъ, а объявленное-де ему, Ивану, отъ той комедіи означенное явленіе списалъ онъ, Иванъ, своеручно изъ тетради, написанной о той комедіи, и держалъ оное для памяти себѣ, какъ ему во время комедіи говорить. Онаго-де отъ него, Ивана, и отъ другихъ никому объявлено не было; а дѣйствіе-де было исполняемо при государынѣ цесаревнѣ имъ, Иваномъ, и другими пѣвчими, тако жъ и придворными дѣвицами для забавы государыни цесаревны, а посторонниxъ-де, кромѣ придворныхъ, никого на тѣхъ комедіяхъ не бывало...»

9 мая 1735 г. Ушаковъ объявилъ указъ императрицы: «Регента, пѣвчаго Ивана Петрова свободить и при свободѣ сказать тому Петрову ея императорскаго величества указъ, подъ страхомъ смертныя казни, о чемъ онъ въ тайной канцеляріи былъ спрашиванъ и что въ распросѣ своемъ показалъ, чтобъ о томъ ни съ кѣмъ никогда разговоровъ не имѣлъ и ни подъ какимъ видомъ о томъ никому не разглашалъ, такожъ и государынѣ цесаревнѣ объ ономъ ни о чемъ отнюдь ни сказывалъ.»

(*) Извѣстною въ послѣдствіи статсъ-дамою. Она съ раннихъ поръ была близка къ Елизаветѣ Петровнѣ. См. ея письма къ цесаревнѣ изъ Кіева въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1864, кн. 2. И такъ обѣ пріятельницы упражнялись въ словесности: ибо и про Елизавету Петровну есть извѣстіе, что она писала стихи. Пѣніе, пляска, театръ, соколиная охота и прекрасныя, доселѣ сохранившіяся зданія, свидѣтельствовали объ ея любви къ изящному. Отсюда понятно, отчего при ней вышелъ въ люди и прославился Ломоносовъ, и Русскій языкъ сталъ освобождаться отъ варваризмовъ. Стихи Ломоносова несомнѣнно доходили до ея слуха. *П. Б.*

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Во второмъ выпускѣ «Русскаго Архива» въ 1863. г. напечатаны весьма любопытныя письма императрицы Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву съ объяснительными къ нимъ примѣчаніями, принадлежащими М. Н. Лонгинову. Эти примѣчанія весьма важны, потому что много способствуютъ пониманію смысла писемъ великой государыни; но къ сожалѣнію въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя погрѣшности, зависѣвшія конечно большею частію отъ того, что г. Лонгиновъ не имѣлъ подъ руками необходимыхъ къ объясненію писемъ документовъ. Желая съ своей стороны, по мѣрѣ средствъ нашихъ, сдѣлать доступнымъ все, что̀ можетъ пролить свѣтъ на неудобовразумительныя мѣста въ письмахъ императрицы Екатерины къ Олсуфьеву, мы помѣщаемъ на сей разъ въ «Русскомъ Архивѣ», нѣкоторыя дополненія къ объяснительнымъ примѣчаніямъ г. Лонгинова, именно къ двумъ письмамъ императрицы,—XVII и XXI-му.

Вотъ самыя эти письма:

Письмо XVII-е. „Адамъ Васильевичъ, поговорите о сей челобитной съ князь Яковомъ Шеховскимъ; есть ли кондиціи объ деньгахъ, которыхъ онъ проситъ взаймы, чуть сносны, я бъ желала бывшему Евреинову помочь. Деньги, которыя онъ бывшему императору поднесъ, надо знать, чрезъ кого они шли и, есть ли подлинно до него дошли, надлежитъ отдать. Что до Глѣбова касается, пусть онъ съ нимъ судомъ пойдетъ, а есть ли то не хочетъ, такъ и я приказать не могу, car au bout du compte, c'est un achat dont celui-ci par hasard a porté la charge.“

Письмо XXI е. «Адамъ Васильевичъ, я тебѣ поручаю выбрать мѣсто или, однимъ словомъ сказать, хлѣбъ дать Андрею Чернышову, генералъ-адъютанту бывшаго императора, да отставному полковнику Тимофею Евреинову. Первому вели шить шубу. Au nom de Dieu, défaites moi de leur prière: ils ont souffert pour moi autre fois, et je leur laisse battre le pavé faute de savoir quoi en faire“.

I.

Въ XVII письмѣ Екатерина упоминаетъ объ Евреиновѣ; М. Н. Лонгиновъ въ примѣчаніи къ этому письму ссылается на письмо XXI, въ которомъ государыня поручаетъ Олсуфьеву выбрать мѣсто или дать хлѣбъ отставному полковнику Тимофею Евреинову. Этотъ полковникъ Евреиновъ и Евреиновъ, упоминаемый въ письмѣ XVII—не одно и то же лицо: первый былъ камердинеръ Екатерины, а послѣдній московскій купецъ, Михаилъ Аврамовъ Евреиновъ. Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится подлинное прошеніе этого купца, поданное на высочайшее имя въ августѣ 1762 года. Печатаемъ это прошеніе, какъ не лишенное интереса по своему содержанію, сполна въ приложеніяхъ ([1]).

II.

Въ XXI письмѣ императрица Екатерина говоритъ о генералъ-адъютантѣ Петра III Андреѣ Чернышевѣ. М. Н. Лонгиновъ въ примѣчаніи къ этому письму признаетъ Андрея Чернышева и двухъ его двоюродныхъ братьевъ Алексѣя и Петра сыновьями лейбъ-кампанцевъ. Андрей Чернышевъ дѣйствительно былъ

([1]) См. приложеніе I.

сынъ лейбъ-кампанца: отецъ его Гаврила Григорьевичъ Чернышевъ принятъ на службу въ гвардію въ 1732 г., поступилъ изъ гренадеръ въ лейбъ-кампанію 17 декабря 1741, и уволенъ 3 февраля 1757 ([2]); въ оставкѣ же, въ крѣпостныхъ актахъ, именовался капитаномъ и лейбъ-кампаніи гренадеромъ, и значится въ числѣ 258 человѣкъ рядовыхъ лейбъ-кампаніи, которымъ пожалованы изъ отписныхъ князя Меншикова деревень Пошехонскія волости 8773 души крестьянъ, по 29 душъ каждому ([3]). Но что и двоюродные братья Андрея Чернышева Алексѣй и Петръ были дѣти лейбъ-кампанца, этого опредѣлительно сказать нельзя. Отецъ ихъ былъ польскій шляхтичъ и назывался Матвѣемъ. Въ 1774 году, по приказанію графа Петра Ивановича Панина, онъ былъ вытребованъ въ Симбирскъ для нѣкоторыхъ изъясненій, касающихся до дѣлъ Оренбургской губерніи, и въ бытность свою тамъ, онъ видѣлся съ Пугачевымъ и упрекалъ его въ убіеніи своего сына. Издатель Лѣтописи Рычкова объ осадѣ Оренбурга и А. С. Пушкинъ, авторъ Исторіи Пугачевскаго бунта, не замѣтили, что находящееся въ третьемъ прибавленіи къ той Лѣтописи примѣчаніе, въ которомъ говорится о свиданіи съ Пугачевымъ, принадлежитъ не Рычкову, а Матвѣю Чернышеву, не смотря на то, что это весьма ясно открывается изъ содержанія того примѣчанія,— потому что въ немъ говорится объ убіеніи сообщниками Пугачева полковника и комменданта Симбирскаго, которымъ въ то время былъ Петръ Чернышевъ, сынъ Матвѣя Чернышева. Изъ сдѣланнаго Матвѣемъ Чернышевымъ примѣчанія видно: 1) что Лѣтопись Рычкова объ осадѣ Оренбурга, изданная А. С. Пушкинымъ во-2-й части Исторіи Пугачевск. бунта, напечатана съ рукописи, бывшей въ рукахъ Матвѣя Чернышева, или съ копіи, снятой съ нея; 2) что къ рукописи, бывшей въ рукахъ у Матвѣя Чернышева, приложенъ былъ портретъ Пугачева,— это ясно видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ словъ примѣчанія: «Личина «его, напреди сего списанія приложенная, «съ подобіемъ лица и стана его нарочито «сходствуетъ.» 3) Весьма естественно, читая эту рукопись и имѣя передъ глазами портретъ Пугачева, Матвѣй Чернышевъ вспомнилъ о своемъ свиданіи съ нимъ въ Симбирскѣ, и ему пришла мысль сдѣлать въ концѣ рукописи свою замѣтку. Можетъ быть, даже и все третье прибавленіе къ Лѣтописи принадлежитъ не Рычкову, а Матвѣю Чернышеву. Что касается до упоминаемаго здѣсь портрета, то, вѣроятно, онъ имѣлъ достаточное сходство съ своимъ подлинникомъ, когда могъ возбудить такое воспоминаніе въ Чернышевѣ. Портретъ этотъ могъ быть или оригиналомъ, писаннымъ съ натуры на бумагѣ, или копіею съ того современнаго портрета, который, по приказанію гр. Петра Ивановича Панина, былъ снятъ съ Пугачева, послѣ его поимки на мѣстѣ. Этотъ послѣдній писанъ въ ростъ, въ настоящую величину, масляными красками на полотнѣ, и находится теперь, какъ сообщилъ мнѣ Григорій Николаевичъ Геннади, въ имѣніи гр. Паниныхъ, Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, въ селѣ Дугинѣ, принадлежащемъ нынѣ княжнѣ Маріи Александровнѣ Мещерской, урожденной гр. Паниной. Копія этого портрета, писанная акварелью, подарена Леониду Николаевичу Панину отъ гр. Александра Никитича Панина. Со временемъ, быть можетъ, будетъ открыто сходство съ этимъ снимкомъ того портрета, о которомъ говорится въ припискѣ Матвѣя Чернышева и который, вѣ-

([2]) См. рукописный списокъ лейбъ-кампаніи, 1760 года.

([3]) См. Именной указъ Сенату 25 ноября 1742 года (Полн. Собр. т. XI, 8666).

роятно, скрывается, вмѣстѣ съ манускриптомъ, къ которому приложенъ, въ какомъ либо общественномъ или частномъ собраніи рукописей. Рѣдкость настоящаго, современнаго портрета Пугачева и важное значеніе его для опредѣленія самаго Чернышевскаго автографа, конечно, обратятъ вниманіе любителей-знатоковъ нашей древности на отысканіе и той современной копіи съ портрета Пугачева, какая была приложена къ помянутой рукописи.

Въ экземплярѣ «Лѣтописи объ осадѣ Оренбурга», Рычкова, хранящемся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, и принадлежавшемъ прежде исторіографу Миллеру, нѣтъ третьяго прибавленія; но въ Архивѣ есть еще особая рукопись подъ заглавіемъ: «Прибавленіе къ Оренбургской Исторіи о бывшихъ знатнѣйшихъ во оной губерніи происхожденіяхъ по заграничнымъ и по внутреннимъ дѣламъ съ 1744—1751, сочиненное Петромъ Рычковымъ». Это послѣднее сочиненіе не напечатано у Пушкина въ его приложеніяхъ къ Исторіи Пугачевскаго бунта.

Къ сообщеннымъ М. Н. Лонгиновымъ свѣдѣніямъ о троихъ Чернышевыхъ Алексѣ, Петрѣ и Андреѣ, мы можемъ прибавить, что во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ Тайной Канцеляріи, подписанномъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Александромъ Шуваловымъ, отъ 7 февраля 1762 года, между прочимъ сказано, что по высочайшему имянному словесному указу велѣно посланныхъ изъ Тайной Канцеляріи въ гарнизоны возвратить, изъ Оренбургскаго гарнизона поручика Андрея Чернышева, а изъ Архангелогородскаго поручиковъ Алексѣя и Петра Чернышевыхъ. Объ *Алексѣѣ* Матвѣевичѣ дальнѣйшихъ свѣдѣній мы не имѣемъ; а о *Петрѣ* Матвѣевичѣ извѣстно, что онъ 1745 г. августа 5-го вступилъ въ службу лакеемъ изъ Польскаго шляхетства; 1746 г. мая 23-го выпущенъ прапорщикомъ въ полевые полки; 1748 въ мартѣ произведенъ въ подпоручики; того же года іюня 29 въ поручики; 1762 г. марта 21 въ премьеръ-майоры (4); 1764 г. декабря 10 въ подполковники; 1766 г. февраля 10 уволенъ полковникомъ съ опредѣленіемъ въ Симбирскъ комендантомъ. Въ ноябрѣ 1773 г. повѣшенъ Пугачевымъ.

Андрей Гавриловичъ Чернышевъ, сынъ лейбъ-кампанца, вступилъ въ службу въ 1741 году; былъ при дворѣ великаго князя Петра Ѳедоровича въ числѣ служителей, во время прибытія въ Москву великой княгини Екатерины Алексѣевны; въ 1746 г. удаленъ отъ двора; въ 1748 г. отправленъ на службу въ гарнизонъ; 7 февраля 1762 г. велѣно возвратить его изъ Оренбургскаго гарнизона въ Петербургъ, а указомъ 9 февраля 1762 г. онъ пожалованъ его императорскаго величества въ генералъ-адъютанты. Въ 1763 г., будучи бригадиромъ, по докладу Военной Коллегіи, назначенъ къ опредѣленію въ полкъ съ полковничьимъ жалованьемъ. Въ томъ же году, по просьбѣ, поданной въ маѣ мѣсяцѣ, уволенъ отъ службы генералъ-майоромъ іюня 10 дня, съ назначеніемъ бригадирскаго по 800 р. въ годъ жалованья (5). Въ 1773 г. апрѣля 21 изъ отставныхъ принятъ въ службу генералъ-майоромъ, и опредѣленъ оберъ-комендантомъ въ С.Петербургъ. А. С. Пушкинъ, въ примѣчаніяхъ къ Исторіи Пугачевскаго бунта, сообщаетъ неточныя и сбивчивыя свѣдѣнія о Петрѣ и Андреѣ Чернышевыхъ; но объ Андреѣ мы находимъ у него любопытную подробность. Онъ говоритъ, что „Петербург-

(4) См. приложеніе III.

(5) См. приложенія IV и V.

ской комендантъ въ старости своей былъ въ связи съ Т......; онъ цѣлый день проводилъ въ ея домѣ, сидя подъ окномъ и къ зарѣ отправлялся въ крѣпость.»(6) М. Н. Лонгиновъ говоритъ, что Андрей Чернышевъ былъ С.Петербурскимъ комендантомъ до 1780 г.; а по словамъ кн. П. Долгорукова (7), при восшествіи на престолъ императора Павла Петровича, онъ принятъ былъ на службу послѣ отставки, съ чиномъ генерала отъ инфантеріи, и въ тотъ же день получилъ Александровскую ленту. То и другое показаніе невѣрно: потому что въ печатныхъ спискахъ воинскаго департамента съ 1773 г. по 1797 онъ значится С. Петербурскимъ оберъ-комендантомъ, а въ 1796 г. ноября 9 объявленъ былъ ему, какъ С. Петербургскому оберъ-коменданту, имянной указъ Павла Петровича «о нечиненіи впредь изъ Петербургской крѣпости выстрѣловъ по утру и ввечеру, и о поднятіи флага во время присутствія его величества въ столицѣ.» (8) 12 ноября того же года императоръ Павелъ Петровичъ всемилостивѣйше изволилъ пожаловать въ генералъ-аншефы: барона Унгерна, оберъ-коменданта Чернышева, которому и повелѣно называться просто комендантомъ, Андрея Гудовича и кн. Ивана Голицына, кои всѣ были генералъ-адъютантами при государѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ (9).

(6) Мѣсто это напечатано въ „Приложеніяхъ къ сочиненіямъ А. С Пушкина, изданнымъ Исаковымъ“, образовавшихъ отдѣльный (VII) томъ этого изданія, составленный Григ. Никол. Геннади, Спб., 1860, стр. 152—153; заимствовано же оно, какъ дополненіе къ прежнему тексту Исторіи Пугачевскаго бунта, изъ статьи г. Е. Я., помѣщенной въ „Библіографическихъ Запискахъ“, т. II, 1859 года, № 6, стр. 161—184.

(7) Россійск. Родосл. кн. часть 2, стр. 103.

(8) Полн. Собр. Зак. Т. XXIV № 17535.

(9) См. С. Петерб. Вѣд. 1796 г. № 93.

Изъ имяннаго повелѣнія императора Павла Петровича отъ 10 января 1797 г. видно, что въ то время существовалъ гарнизонный генерала Чернышева полкъ(10). 11-го января того же года Андрей Гавриловичъ Чернышевъ уволенъ въ отставку съ жалованьемъ, какое получалъ, будучи комендантомъ; а на мѣсто его назначенъ въ коменданты въ С. Петербургскую крѣпость генералъ-лейтенантъ Вязмитиновъ, которому отданъ былъ и полкъ генерала Чернышева (11).

При малораспространенномъ у насъ вниманіи къ генеалогическимъ изысканіямъ, хотя и составляющимъ, большею частію, не личный, а историческій интересъ, вообще, довольно трудно отыскивать въ нашихъ родословіяхъ ту связность и полноту, которая, подъ часъ, такъ необходима, чтобы пролить должный свѣтъ на тотъ или другой замѣчательный предметъ въ нашей исторіи. Относительно рода Чернышевыхъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, мнѣ случайно встрѣтились такія указанія, которыя совершенно и окончательно восполняютъ пробѣлъ въ ихъ родословіи.

Свѣдѣнія эти слѣдующія:

1. Матвѣй Чернышевъ въ 1756 году имѣлъ въ Симбирскомъ уѣздѣ имѣніе село Кузмодемьянское-Соплевка тоже. Смотри въ Архивѣ министерства юстиціи: Казань, книгу молодыхъ лѣтъ 242 № 11, стр. 16. Вѣроятно о разореніи этого-то имѣнія Матвѣй Чернышевъ и говорилъ Пугачеву.

2. Алексѣй Матвѣевичъ Чернышевъ.

3. Петръ Матвѣевичъ Чернышевъ женился въ 1768 году генваря 28 дня на Аннѣ Ивановнѣ, дочери надворнаго совѣтника Ивана Егоровича и Дарьи Алек-

(10) См. С. Петерб. Вѣд. 1797 г. № 4.

(11) См. С. Петерб. Вѣд. 1797 г. № 6

сѣевны Кротковыхъ и взялъ за женою въ приданое имѣнія: Нижегородской губерніи въ Курмышскомъ уѣздѣ село Рожественское-Березно тожъ, да въ Пензенскомъ уѣздѣ село Никольское-Чирково тожъ. Въ 1770 марта 19 и 20-го надворная совѣтница Дарья Алексѣевна Кроткова продала и уступила зятю своему полковнику и Симбирскому коменданту Петру Матвѣевичу Чернышеву недвижимое имѣніе, доставшееся ей послѣ перваго мужа ея Петра Дубенскаго въ Курмышскомъ уѣздѣ село Дубенское и деревню Чевахляю, въ Пензенскомъ уѣздѣ село Архангельское; да послѣ втораго ея мужа, стольника Никиты Борисова сына Болтина въ Алатырскомъ уѣздѣ село Болтинку-Боголѣбское тожъ и по смерти третьяго мужа ея, Ивана Кроткаго слѣдующую ей седьмую часть изъ его имѣнія. Смотри въ Архивѣ министерства юстиціи: Казань, книги молодыхъ лѣтъ 298, № 56; 380, № 1.

4. Яковъ Петровичъ Чернышевъ въ 1781 году служилъ въ Бергъ-Коллегіи и былъ титул. совѣтникомъ.

5. Павелъ Петровичъ Чернышевъ, надворный совѣтникъ. Въ 1795 году былъ въ Ревельскомъ намѣстничествѣ губернскимъ прокуроромъ, женатъ на Аннѣ Яковлевнѣ Деватте, которая послѣ его смерти вышла замужъ за Ѳедора Наумова.

6. N N Петровна Чернышева была за мужемъ за Соловцовымъ.

7. Павелъ Павловичъ, лейбъ-гвардіи драгунскаго полка полковникъ, былъ женатъ на Наталіи Ираклієвнѣ, дочери генералъ-лейтенанта графа Ираклія Ивановича Моркова.

8. Николай Павловичъ Чернышевъ служилъ въ измайловскомъ полку, женатъ на Аннѣ Никонсровнѣ Топорниной.

9. Николай Павловичъ Чернышевъ, извѣстный любитель драматическаго искусства, устроившій у себя домашніе спектакли, имѣвшіе усерднымъ посѣтителемъ своимъ бывшаго Московскаго главнокомандующаго графа Закревскаго, и вообще пользовавшіеся большимъ сочувствіемъ извѣстнаго класса Московской публики, что̀ и возбудило въ Николаѣ Павловичѣ рѣшимость появиться, наконецъ, не одинъ разъ, въ разныхъ роляхъ, на сценѣ большаго Московскаго театра, былъ женатъ на Евгеніи Михайловнѣ, дочери знаменитаго нѣкогда профессора Московскаго университета Павлова, открывшаго первый частный спеціальный пансіонъ въ Москвѣ, для обученія сельскому хозяйству.

10. Юрій Николаевичъ Чернышевъ.

Князь М. Оболенскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Бьетъ челомъ *Московскій купецъ Михаилъ Абрамовъ сынъ Евреиновъ*, а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты.

Въ 1759 году заключили со мною контрактъ канцлеръ и сенаторъ графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ и генералъ прокуроръ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ изъ данной имъ привиллегіи отпущать мнѣ одному шесть лѣтъ за море отъ порта Архангельскаго и Онежскаго сѣмя льняное, котораго году въ оный торгъ и вступилъ, посылая за море на свой счетъ для продажи въ Голландію и Англію, положа на то весь свой капиталъ, надѣясь сыскать въ томъ пользу. Но вмѣсто того 1760 году отъ случившихся тогда въ осени жестокихъ бурь въ морѣ пять кораблей съ нагруженнымъ сѣмемъ разбило, а асюрюдоры ([12]) нѣкоторые впали въ банкрутство.

([12]) Т. е. поручители, страховщики.

Въ 1761 году тѣмъ болѣе еще несчастіе послѣдовало: отпускъ того году сѣмя было родъ сырой, которой опасности предвидѣть въ ономъ продуктѣ не можно; лѣтожъ чрезвычайно жаркое было, отчего во всѣхъ корабляхъ сѣмя сгорѣлось, и такъ кореспонденты мои принуждены были за половинную цѣну продавать, но за тѣмъ и понынѣ еще лежитъ внѣ продажи знатная партія, которую инако продать не можно, какъ при свѣжемъ сѣмѣ въ разныхъ годѣхъ, или совсѣмъ бросить въ море.

Въ 1762 году, казалося, что моимъ бѣдамъ нѣтъ конца, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ припечатаннымъ въ газетахъ указомъ ([13]) рушены были всѣ таковыя привиллегіи, отчего я неминуемо въ крайнее раззореніе и нищету придтиться могъ, потерявъ такой великій капиталъ и заплатя со онаго сѣмя въ казну однихъ пошлинъ около ста тысячъ рублевъ и за привиллегію имъ *господамъ канцлеру, генералъ-прокурору и оберъ-шталмейстеру и сенатору Петру Спиридоновичу Сумарокову* шестьдесятъ тысячъ шесть сотъ пятнадцать рублевъ, половина первому, а другая послѣднимъ двумъ.

И тако разорился бъ домъ, который единственно продолжалъ коммерцію съ иностранными государствами къ славѣ Имперіи, заплатя не одинъ милліонъ рублевъ въ казну пошлинъ, не считая, что отъ того народной пользы послѣдовало и къ нарушенію всей націи купеческаго заморскаго кредита.

И такъ по многому моему старанію къ отвращенію моего раззоренія и принявъ въ резонъ справедливость и невинность и впредь для кредиту всего Россійскаго купечества въ чужестранныхъ государствахъ, послѣдовалъ *апрѣля 24 дня имянной указъ*, ([14]) что додержать остальные три года, за что и велѣно было внести въ комнату *чрезъ Мельгунова и Волкова* десять тысячъ рублевъ, въ число которыхъ *семь тысячъ* рублевъ и внесено и по силѣ вышеписаннаго указу конечно могу поворотить всѣ свои убытки. А въ продолженіи сего ни малѣйшаго народнаго отягощенія нѣтъ, ибо я оное сѣмя покупаю у тѣхъ купцовъ, кои онымъ промышляли и прежде, имѣвъ они только ту разницу, что вмѣсто иностраннаго купца, продаютъ мнѣ и не дешевле.

И такъ я тѣмъ болѣе увѣрилъ за моремъ своихъ корреспондентовъ, что сей торгъ по силѣ моего контракта до сроку остался въ моихъ рукахъ, чѣмъ только и сохранилъ свой кредитъ.

А нынѣ указомъ вашего императорскаго величества отпускъ сѣмя всѣмъ разрѣшенъ, и изъ того послѣдуетъ: 1, весь мой капиталъ погибнетъ. 2, я собственно за долги по всей невинности моей подъ карауломъ умереть буду долженъ. 3, кредитъ въ Англіи и Голландіи Россійскихъ купцовъ совсѣмъ истребится, и чужестранцы тѣмъ больше ничему вѣрить не будутъ, когда ихъ со мною обязательства учиненныя видя имянной указъ нарушатся. Въ резонъ единое представить имѣю, что весьма внутренное поправленіе хотя и видимыя въ томъ худости разнствуетъ со учиненными уже обязательствами съ чужестранными.

И для отпуску сей годъ тринадцать кораблей иностранныхъ выписалъ, которые въ нынѣшнемъ и будущемъ мѣсяцѣ къ порту придутъ, а сѣмя еще треть у меня въ рукахъ, а прочее у подрядчиковъ; они, увѣдавъ, что вольно отпущать будетъ всякому, мнѣ не отдадутъ, и такъ корабли будутъ принуждены отъитить порожніе, а я еще къ тому за проводъ долженъ буду отдать даромъ съ двадцать тысячъ рублевъ.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять, изъ единаго матерняго милосердія всемилостивѣйшее избавить меня всеподаннѣйшаго раба вашего отъ неповиннаго погубленія и повелѣть остальные только уже два года въ силѣ того указа отпускъ сѣмя додержать, чѣмъ какъ

([13]) Именной указъ, состоявшійся въ Сенатѣ, „о разныхъ постановленіяхъ касательно торговли“ отъ 31 іюля 1762 г. напечатанъ въ Полномъ собраніи законовъ Т. XVI, подъ № 11,630.

([14]) Именной указъ, данный Сенату “о дозволеніи Московскому купцу Евреинову производить исключительный торгъ льнянымъ семенемъ въ теченіе трехъ лѣтъ„ отъ 24 апрѣля 1762 г. напечатанъ въ Полномъ собраніи законовъ Т. XV, подъ № 11 517.

кредитъ всѣхъ Россійскихъ купцовъ съ чужестранными, такъ и состояніе мое бѣдное поправится.

Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго величества о семъ моимъ челобитьѣ милостивое рѣшеніе учинить. Августа дня 1762 года. Къ сей челобитной Московскій купецъ Михаилъ Аврамовъ сынъ Евреиновъ руку приложилъ.

II.

Въ Лѣтописи Рычкова объ осадѣ Оренбурга, напечатанной Пушкинымъ во 2-й части Исторіи Пугачевскаго бунта, въ третьемъ прибавленіи, на страницѣ 317, находится примѣчаніе, которое содержитъ въ себѣ весьма любопытную замѣтку о свиданіи Матвѣя *Чернышева* съ Пугачевымъ. Замѣтка эта выражена въ слѣдующихъ словахъ:

„Въ бытность мою въ Симбирскѣ, по повелѣнію его сіятельства для нѣкоторыхъ изъясненій, касающихся до Оренбургской губерніи дѣлъ, самъ его сіятельство изволилъ меня спрашивать, желаю ль я онаго злодѣя видѣть, и, какъ я донесъ, что не малое имѣю къ тому любопытство, то приказалъ онъ меня препроводить на ту квартиру, гдѣ помянутый злодѣй содержался; чтобы подать здѣсь о смыслѣ и состояніи его нѣкоторую идею, то нарочно вношу здѣсь краткій мой съ онымъ злодѣемъ бывшій разговоръ. Вошедъ къ нему въ такое время, когда онъ сидѣлъ и ѣлъ щербу, налитую на деревянное блюдо, первое его слово было ко мнѣ: „добро пожаловать“ съ просьбою — съ нимъ обѣдать, а сіе онъ не только удвоилъ, но и утроилъ. Я, изъ сего познавъ подлый духъ и помолчавъ немного, сталъ ему говорить: Какъ онъ отважиться могъ на такія злодѣйства и продерзости? На сіе онъ отвѣтствовалъ, что виноватъ предъ Богомъ и Ея Величествомъ, и будетъ стараться все оное заслуживать, что онъ по своей подлости и божбою неоднократно подтверждалъ. Послѣ того онъ спросилъ у меня, кто я; и какъ я ему отвѣчалъ о моемъ званіи, въ отвѣтѣ сказавъ при томъ, что я отъ него и отъ его сообщниковъ совсѣмъ разоренъ, а тягчѣе всего, что лишился *моего сына, бывшаго въ Симбирскѣ комендантомъ и полковникомъ*, который убитъ недавно подъ пригородомъ на сраженіи съ его сообщниками, то онъ отвѣтствовалъ на сіе, яко-бы все то дѣлано безъ его вѣдома, ибо де сообщники его, что ни похотѣли, то, не спрашиваясь его, сами дѣлали. А какъ я, выговоря объ моемъ покойномъ сынѣ, смутился и отъ слезъ удержаться не могъ, тогда яко бы и онъ Пугачевъ, какъ то бывшіе со мною штабъ и оберъ-офицеры увѣряли, заплакалъ же: но сіе было въ немъ отъ его великаго притворства, къ которому, какъ отъ многихъ слышно было, такъ онъ пріучился, что, когда бъ ни захотѣлъ, могъ дѣйствительно плакать. Впрочемъ изъ лица и рѣчи его Пугачева примѣтно мнѣ было, что онъ самый извергъ натуры и ко всякому злому предпріятію склонный человѣкъ; глаза у него чрезвычайно быстры, волосы и борода черные, росту небольшаго, но широкъ въ плечахъ, и весьма скоръ въ поворотахъ къ воинскимъ дѣламъ по казацкимъ обыкновеніямъ, и при многихъ случаяхъ оказывалъ онъ великую склонность и проворность. Личина его, на переди сего описанія приложенная, съ подобіемъ лица и стана его нарочито сходствуетъ“.

Истор. Пугач. бунта, ч .II, Спб. 1834 г. стр 317.

III.

Указъ Нашей Военной Коллегіи.

Всемилостивѣйше пожаловали мы капитана Петра Чернышева въ премьеръ-маіоры и повелѣваемъ опредѣлить его въ пожалованной отъ насъ нашему генералъ-маіору Кашкину ([15]) Тобольской пѣхотной полкъ.

Подписано: Петръ.

Въ С.-Петербургѣ Марта 21 дня 1762.
Посланъ того жъ числа.

([15]) Аристархъ Петровичъ Кашкинъ въ службу вступилъ въ 1737 г., пожалованъ въ генералъ-маіоры 25 февраля 1762 г., находился при строеніи Царскаго Села въ 1776 г.

IV.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая императрица, всемилостивѣйшая государыня!

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйши какъ вѣрной и усердной рабъ служу я двадцать два года, изъ которыхъ чрезъ шестнадцать лѣтъ претерпѣвалъ изнурительное несчастіе безвинно, съ потеряніемъ почти всего моего здоровья.

А нынѣ объявлено мнѣ чрезъ графа Захара Григорьевича ([16]), что по высочайшей конфирмаціи поданнаго вашему императорскому величеству отъ воинской коллегіи доклада опредѣленъ я въ полкъ съ полковничьимъ жалованіемъ.

Вашему императорскому величеству извѣстно, что я не только въ полкъ отправитца и однимъ полковничьимъ жалованіемъ себя содержать не въ состояніи, но и здѣсь безъ особливой вашего императорскаго величества щедроты дневнаго пропитанія не имѣлъ бы.

Сколько жъ я ни усерденъ всеподданнѣйшую мою службу продолжать и тѣмъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйши оказанныя мнѣ монаршія милости заслуживать, но слабость моихъ силъ такъ велика, что я съ крайнимъ прискорбіемъ себя сего желаннаго удовольствія лишеннымъ видѣть долженъ.

И такъ припадая къ освященнымъ вашего императорскаго величества стопамъ, всеподданнѣйши просить дерзаю за слабостію моего здоровія меня со всемилостивѣйшимъ награжденіемъ чина отъ службы уволить. А въ разсужденіи извѣстной вашему императорскому величеству моей бѣдности, что я не только деревню или жительство ниже пристанище себѣ имѣю, и за безвинное мое претерпѣніе всемилостивѣйши пожаловать мнѣ единственное награжденіе, чѣмъ бы я достальные дни моей жизни при возсыланіи о сохраненіи вашего императорскаго величества вседражайшаго здравія непрестанно наиусерднѣйшихъ къ Богу молитвъ, безпечально себя содержать, и имѣвшей на мнѣ долгъ двѣ тысячи триста рублевъ заплатить могъ.

вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ *Андрѣй Чернышевъ.*

Маія дня
1763 го году.

([16]) Чернышева, призидента военной коллегіи.

V.

Всеавгустѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня!

Матернее вашего императорскаго величества милосердіе подаетъ мнѣ смѣлость утруждать, припадая ко освященнымъ вашего величества стопамъ, всеподданнѣйши просить дерзаю.

Бѣдное мое состояніе вашему императорскому величеству довольно извѣстно, что я ни деревни ни дому, гдѣ бы могъ имѣть пристанище, ниже основанія къ содержанію своему никакого не имѣю, да и дневнаго бъ пропитанія лишенъ былъ, когда бъ не высокомонаршая вашего величества ко мнѣ милость, пожалованіе бригадирскаго по осми сотъ рублевъ на годъ жалованія, которымъ сколько старанія ни прилагаю во всемъ себя содержать и пожалованной мнѣ генералитетской чинъ соблюсти, но стараніе мое безполезно, тѣмъ что того жалованія по неимуществу моему недостаетъ, отъ чего пришелъ по бѣдности моей въ неоплатимой долгъ.

Помилуй, всемилостивѣйшая государыня, пріимите въ матернее ваше покровительство и покажите вѣчные слѣды всеавгустѣйшаго ко мнѣ милосердія изъ высоко монаршей милости пожаловать мнѣ по чину моему жалованія и деревнишку, или на покупку оной чѣмъ ваше императорское величество наградить соизволите, дабы я могъ непоколебимое пристанище и безнужное имѣть пропитаніе.

Сія жъ моя всеподданнѣйшая просьба не имѣетъ никаковой склонности представить вашему величеству свою бѣдность ради льщенія полученіемъ имѣнія, но единственно отъ необходимой крайности наибѣднѣйшаго моего состоянія испросить осмѣливаюсь, одного пропитанія и пристанища въ покровъ моего

безпріютства, и чѣмъ бы безпостыдно въ обществѣ соблюсти пожалованную мнѣ вашимъ императорскимъ величествомъ честь, и имѣвшей на мнѣ долгъ заплатить, а достальные моей жизни дни безпечально содержать, при возсыланіи о сохраненіи вашего императорскаго величества вседражайшаго здравія усерднѣйшихъ къ Богу молитвъ непрестанно.

Всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ *Андрѣй Чернышевъ.*

Марта дня
1765-го году.

ПИСЬМА Г. Р. ДЕРЖАВИНА КЪ В. С. ПОПОВУ.

Эти письма печатаются съ подлинниковъ, извлеченныхъ профессоромъ Кіевскаго университета *А. И. Ставровскимъ* изъ драгоцѣннаго и разнообразнаго Рѣшетиловскаго архива; изъ нихъ I, II, IV и VII-е писаны собственноручно, остальныя писаремъ и только подписаны Державинымъ. Они важны потому, что ближе знакомятъ насъ съ славнымъ пѣвцомъ въ его обыкновенной, практической жизни: до сихъ поръ писемъ Державина почти вовсе не было въ печати.

I.

Милостивый государь мой Василей Степановичъ! (¹) Вручитель сего письма вхожъ къ его свѣтлости. Онъ былъ на сихъ дняхъ въ Выгорецкомъ общежительствѣ, довольно извѣстномъ князю. Дошли до меня прозьбы отъ нѣкоего Семена Петрова, жившаго преждѣ въ томъ жительствѣ, между прочимъ и о допущеніи его паки въ оное. Хотя сей податель будетъ безсумненія вопрошаемъ отъ любопытнаго князя; но мнѣ хочется чрезъ васъ милостивый мой вѣдать его свѣтлости мысли: настоять ли о принятіи Петрова въ Сузіомки по его желанію, или въ томъ нѣтъ нужды? Впрочемъ сей вѣстникъ о раскольничьихъ дѣлахъ и пребываніи подробно вамъ донесетъ и изъяснитъ въ чемъ состоитъ дѣло. О себѣ вамъ донесу, что при послѣднемъ вашемъ со мною свиданіи памятны мнѣ сказанныя вами слова. Я за превеликое сочту себѣ удовольствіе, ежели получу поводъ благосклоннымъ вашимъ отзывомъ иногда о чемъ либо переписываться съ вами и пересылать письма къ дружищу моему и роднѣ Ивану Максимовичу. Пребываю съ нелестнымъ высокопочитаніемъ и искренностію вашъ милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга *Гавріилъ Державинъ.*

1 апрѣля 1785 года
Петрозаводскъ.

Кн. Потемкинъ, какъ извѣстно, любилъ входить въ сношенія съ старообрядцами. (См. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1860, кн. 4, его примѣчанія на записку старообрядцевъ, относящіяся къ 1784 г.) В. С Поповъ (какъ кажется, землякъ Державина), завѣдуя канцеляріею князя, въ то же время, еще съ 1784 г., находился при собственныхъ дѣлахъ государыни у принятія прошеній (См. Бант. Кам.). Если справедливо замѣчаніе, что во всѣ времена дѣла дѣлаются не столько лицами видными, какъ второстепенными исполнителями, то Попова можно назвать одною изъ важнѣйшихъ государственныхъ пружинъ въ послѣдніе 10 или 15 лѣтъ Екатерининскаго

(¹) Такъ какъ это обращеніе повторяется, то при остальныхъ письмахъ мы его опускаемъ; съ V-го письма впрочемъ уже просто *милостивой государь*, безъ *мой* — черта стариннаго эпистолярнаго этикета.

царствованія. Знаменитый Выгорѣцкій скитъ находится въ Олонецкой губерніи, коею тогда правилъ Державинъ Настоятель скита, Андрей Семеновъ, жаловался кн. Потемкину на Державина за то, что тотъ приказалъ земской полиціи лично осматривать паспорты старообрядцевъ, большею частью бѣглыхъ. Потемкинъ было разсердился, но потомъ Державинъ разъяснилъ ему дѣло. См. Записки Державина (стр. 266). Изъ Записокъ же (стр 255) видно, что не задолго передъ тѣмъ, какъ писано это письмо, именно въ мартѣ 1785 г. Олонецкій генералъ-губернаторъ и непріятель Державина Т. И. Тутолминъ уѣхалъ въ Петербургъ, но что тамъ ему неудалось повредить нашему поэту. Можетъ быть, расположеніе В. С. Попова и милость кн. Потемкина послужили въ этомъ случаѣ оградою Державину.

II.

Вѣдая настоящее ваше многотрудное служеніе, не осмѣливался я, милостивой государь мой, обезпокоивать васъ моими всепокорнѣйшими прозьбами о исходатайствованіи мнѣ у его свѣтлости защищенія по извѣстному вамъ чрезъ Ивана Максимовича дѣлу Гарденина. (³) Знаю, не то теперь время, чтобъ докладывать о бездѣлицахъ и утруждать его свѣтлость; но въ крайности, что Иванъ Васильевичь (⁴) не токмо не престалъ меня гнать, но даже вновь простираетъ свой гнѣвъ и явнымъ образомъ жалуется теперь Сенату, якобы я выдачею Гарденину денегъ присвоилъ его себѣ власть и дѣлаю ему неуваженіе и тому подобное. Хотя чувствую я себя во всѣхъ его неудовольствіяхъ невиннымъ, но сила всегда почти превозмогаетъ справедливость. А потому и отношуся я къ вашей благотворительной мнѣ помощи и всепокорнѣйше прошу приложенное при семъ письмо при благопріятномъ случаѣ поднесть его свѣтлости и внушить, сколько можно полнѣе, обстоятельства дѣла, для чего копію съ сенатскаго указа при семъ препровождаю, съ моими на оной оправданіями, что, исполняя открытое повелѣніе его свѣтлости, ни мало не преступилъ я закона и не толковалъ онаго превратно. Я не жалуюся на сіе вышнее правительство и терпѣливо переношу его неблаговоленіе, но по нынѣшнему военному времени могутъ встрѣтиться паки подобные случаи, въ которыхъ, по небытности здѣсь генералъ-губернатора, должно будетъ мнѣ екстренно рѣшиться на исполненіе открытыхъ повелѣній его свѣтлости или другихъ военачальниковъ, то я и не знаю уже теперь, какъ мнѣ поступать будетъ въ разсужденіи каковаго обстоятельства и другихъ отъ онаго происшедшихъ дѣлъ. Просился я для объясненія въ Петербургъ, но не получилъ по сіе время позволенія. Изъ письма къ его свѣтлости изволите увидѣть, что я прошу милостиваго его о томъ покровительства, то васъ, милостиваго государя, дружбою Ивана Максимовича и моею покорнѣйшею убѣждаю прозьбою подать мнѣ въ семъ случаѣ вашу руку помощи и, естли можно, исходатайствовать у его свѣтлости хотя одну черту, въ защищеніе моей невинности, къ ея императорскому величеству; ибо безъ того всѣ на меня возстали. Вотъ каково служить вѣрою и правдою! Не скрою также отъ васъ, ми-

(³) *Гарденинъ*, Воронежскій купецъ (потомки коего, уже дворяне, до сихъ поръ живутъ въ Задонскомъ уѣздѣ) въ качествѣ провіантскаго коммиссіонера скупалъ и доставлялъ хлѣбъ въ армію, дѣйствовавшую подъ главнымъ начальствомъ Потемкина противъ Турокъ. Державинъ, вопреки формальностямъ, удовлетворилъ Гарденина и этимъ навлекъ на себя множество непріятностей, подвергся суду, лишился мѣста и былъ вполнѣ оправданъ только вслѣдствіе личнаго объясненія съ государынею. Дѣло это подробно разсказано въ его Запискахъ, стр. 274 и д. На стр. 283-й онъ упоминаетъ о своей надеждѣ въ этомъ случаѣ на кн. Потемкина и на благосклонное расположеніе В. С. Попова.

(⁴) *Гудовичь*, намѣстникъ Рязанскій и Тамбовскій, ближайшій тогда начальникъ Державина.

лостивой государь, и того, что повидимому Иванъ Васильевичъ, желая снисходить всѣмъ безпорядкамъ Казенной Палаты, весьма слегка исполнилъ сенатской указъ и не сдѣлалъ въ точности по тому взысканія надъ виновными, а между тѣмъ, чтобъ оный оставить въ бездѣйствіи, старается меня отселѣ вытѣснить. А какъ, по нещастію моему, отъ переводовъ изъ губерніи въ губернію, по небогатому моему состоянію, я уже довольно потерпѣлъ и разорился, то и опасаюсь я, чтобъ меня отсель куды не перевели; а для того и желательно бы мнѣ было, чтобъ я здѣсь былъ оставленъ: ибо, естли я въ чемъ виноватъ, то пусть поступаютъ со мною по законамъ, а не играютъ какъ шашкою по прихотямъ генералъ-губернатора. Пусть докажутъ мою неспособность къ службѣ и спросятъ у здѣшняго дворянства, довольно ли оно мною, кромѣ Казенной Палаты, которой въ необходимости я былъ свидѣтельствомъ денегъ открыть безпорядки и утрату знатныхъ суммъ казны (5). Ежели меня не одобрятъ, то не токмо куды перейти, но и вовсе я готовъ оставить службу безъ малѣйшаго роптанія. Наконецъ всепокорнѣйше прошу хотя приказать кому увѣдомить меня, могу ли я ласкаться милостиваго его свѣтлости себѣ заступленія, чѣмъ къ вѣчной благодарности обяжете съ истинымъ почтеніемъ и преданностью пребывающаго вашего, милостивый государь, всепокорнѣйшаго слугу *Гаврилу Державина.*

Августа 25 числа 788 года. Танбовъ. (6)

Упоминаемый въ первыхъ двухъ письмахъ Иванъ Максимовичъ—Синельниковъ, называвшій Державина въ перепискѣ съ нимъ дядею. Онъ служилъ подъ начальствомъ кн. Потемкина въ Новороссійскомъ краѣ; по мѣсяцословамъ находимъ его въ 1778 г. подполковникомъ и воеводою въ Славянской провинціальной канцеляріи, а въ 1788 генералъ-маіоромъ и правителемъ Екатеринославскаго намѣстничества. Державинъ однажды упоминаетъ о Синельниковѣ въ своихъ *Запискахъ* (стр. 132). *Я. Г.*

(5) До 120 тысячь, по словамъ Державина, подробно излагающаго это дѣло въ своихъ Запискахъ (стр. 273 и д.)

(6) Старинное, еще до-Петровское правописаніе имени этого города, какъ *Синбирскъ*, вѣрное произношенію, и неизвѣстно почему перемѣненное.

III.

Для доклада ея императорскому величеству нужно выправиться, какая за состоявшимся въ 1748 году декабря въ 4 день имяннымъ указомъ о пожалованіи Дарьѣ Казанцовой дачи Краснаго Кабачка взята была въ тотъ же день въ Кабинетѣ съ нея Казанцовой подписка о непродажѣ ей отнюдь той дачи и владѣніи ею по прежнему; и по поводу какого повелѣнія сіе учинено? О чемъ покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать кому слѣдуетъ выправиться и меня увѣдомить. Пребываю и проч.

19 іюля 1792 году, Царское Село.

Въ это время, оба, и Поповъ и Державинъ, уже были статсъ-секретарями Екатерины.—*Красный Кабачокъ*—извѣстная дача по дорогѣ изъ Петербурга въ Петергофъ, могъ быть особенно памятенъ Государынѣ: тамъ, 30 лѣтъ назадъ, отдыхала она на походѣ къ Петергофу, лично предводительствуя только что присягнувшею гвардіею, въ торжественную ночь съ 28 на 29 іюня. Мы уже знаемъ, какъ впослѣдствіи сберегала она въ благодарномъ воспоминаніи всѣ даже случайныя и мелочныя обстоятельства тѣхъ дней.

IV.

Вчерась, въ небытность мою дома, привезъ курьеръ вашъ билеты мнѣ для входа въ музыкальной клубъ и денегъ за оные не взялъ. Я препровождаю оныя къ вашему высокопревосходительству, покорнѣйше прося приказать взнесть ихъ въ кассу клуба. А между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, то будущій вторникъ вашъ соб-

ственной праздникъ, и ежели вы будете обѣдать тотъ день въ клубѣ, то позвольте мнѣ пріѣхать туда къ столу и поблагодарить васъ какъ за лестное ваше ко мнѣ расположеніе, такъ и за сдѣланную честь приглашеніемъ быть въ почтенномъ и пріятномъ вашемъ сообществѣ членомъ. Пребываю и проч.

15 декабря 1807 года (Спб.)

Оба были дѣйств. тайн. совѣтниками, Державинъ въ отставкѣ, а Поповъ управлялъ Комис- и Провіант. департаментами. Можетъ быть, Державинъ подъ именемъ музыкальнаго клуба разумѣетъ тогдашнее Филармоническое Общество.

V.

Два письма вдругъ вашего высокопревосходительства отъ 5-го и отъ 12-го числъ текущаго мѣсяца имѣлъ удовольствіе получить. Вы крайне меня въ моемъ уединеніи своимъ воспоминаніемъ утѣшили, тѣмъ паче пріятнымъ увѣдомленіемъ, что сообщили извѣстіе о мирѣ съ Турками. Таковыя извѣстіи или и просто о здоровьи вашемъ мнѣ будутъ всегда пріятны. Также и Дарья Алексѣевна(7) благодаритъ васъ, что вы ее вспомнили. Удивительна мнѣ выписка изъ письма г-на Комбурлея, о Спендовской. Конечно въ канцеляріи Сергѣя Кузмича (8) кто позабылъ или по неблагопріятству не отослалъ г-ну Комбурлею (9); но я Сергѣемъ Кузмичемъ точно былъ увѣдомленъ, что письмо послано. Пусть она справится.—Дай Богъ, чтобъ вы получили случай что либо сказать мнѣ о торжествѣ нашего монарха и о успѣхахъ его силъ надъ врагами нашими. Дней на десятокъ я ѣду въ Псковъ. Между тѣмъ, съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и пр.

Іюня 18 дня 1812.
С. Званка.

(7) 2-я жена Державина, урожд. Дьякова.
(8) Вязмитинова.
(9) *Михаилъ Иван. Комбурлей,* тайн. сов. и сенаторъ былъ тогда Волынскимъ гражд. губернаторомъ (см. Мѣсяцословъ съ росписью на 1812 г.)

VI.

Я изъ Пскова 5-го числа сего мѣсяца возвратился. Тамъ наѣхалъ довольно суматохи отъ близкаго военнаго театра, какъ разными непріятными вѣстями, такъ и страшнымъ выгономъ лошадей. Приказано было поставить на каждую станцію по 5000, что̀ было привело жителей въ нѣкоторое смущеніе и уныніе, но послѣ нѣсколько облегчены, и не знаютъ что далѣе будетъ.—По дружескому вашему благорасположенію, желалъ бы что нибудь слышать отъ васъ и основательнѣе и пріятнѣе. Въ Псковѣ было меня перепугали, но что дѣлать!—Узнавъ, что въ тамошнемъ соборѣ почиваютъ мощи Россійскаго героя, великаго князя Гавріила и находится страшной его мечь, пошелъ полюбопытствовать и велѣлъ отъ искренняго сердца отпѣть молебенъ за успѣхъ нашего оружія. И вотъ при семъ случаѣ какія пришли мнѣ въ голову мысли, вамъ сообщаю, желая, чтобъ онѣ сбылись:

Надпись
на мечь великаго князя Псковскаго Гавріила, на которомъ насѣчены золотомъ сіи слова: honorem meum nemini dabo.

Се страшный князя мечь Псковска̀го Гавріила—
Съ нимъ чести никому своей не о̀тдалъ онъ.
Да снидетъ отъ него на Александра сила,
И съ срамомъ побѣжитъ отъ насъ Наполеонъ (10).

Въ Псковѣ, іюля 1 дня 1812.

Пребываю впрочемъ съ истинымъ и т. д.

Іюля 7 дня 1812.
С. Званка.

(10) Эти стихи были напеч. въ С. Отечества 1812 г. ч. I. № VI. *Я. Г.*

VII.

16 іюля 1812 года. Новъ-городъ.

Почтенное и пріятное мнѣ письмо вашего высокопревосходительства отъ 10 числа сего мѣсяца получилъ, за которое отъ всего моего сердца благодаря, прошу и впредь увѣдомлять меня новостями, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ толь нужными. Послѣдній бюлетень и прочія газетныя извѣстія изъ Сѣверной Почты мы знаемъ -- Скажу о нашихъ: по манифесту извѣстному, всеобщимъ государя императора возваніемъ и я призванъ отъ новогородскаго дворянства въ Новъ-городъ. Съ 13 числа живу тутъ. Принцъ, ([11]) великая княгиня были здѣсь, вчерась отправились въ Тверь, гдѣ ихъ государь ожидаетъ, и слухъ носится, что будто будетъ сюды и на короткое время въ Петербургъ. Мы въ дворянскомъ собраніи, по случаю екстреннаго требованія хлѣба, муки, овса и крупъ въ Торопецъ, положили оной купить и доставить болѣе 150,000 четвертей, да войска представить 10,000 человѣкъ одѣтаго и на нашем содержаніи. Принцъ симъ былъ очень доволенъ. Только мы просимъ оружія и артилеріи. Сверхъ того, по усердію моему къ отечеству и по пылкому моему нраву, что я написалъ и отдалъ принцу, для представленія государю императору, при семъ къ дружескому единственно вашему свѣдѣнію въ копіи сообщаю. Я не знаю, одобрите ли вы это? Но я уже не писалъ того (дабы не огорчать) что̀ я ему еще въ исходѣ 1806 года и въ началѣ 1807 письменно и словесно представлялъ, дабы быть осторожну отъ Наполеона и принять заблаговременно мѣры къ защитѣ отечества, увѣряя, что онъ въ покоѣ его не оставитъ. Меня обѣщали призвать и выслушать мой планъ, но послѣ пренебрегли и презрѣли, какъ стихотворческую горячую голову; но теперь къ нещастію все, что̀ я говорилъ, сбывается. Такъ и быть! Задернемъ сію мрачную картину и, предавшись Провидѣнію, возложимъ все на Него упованіе наше.

Теперь скажу вамъ, единственно также къ дружескому только свѣдѣнію вашему, непріятныя новогородскія происшествія. Губернаторъ, губернскій предводитель и нѣсколько съ ними согласившихся дворянъ вошли вчерась при самомъ отъѣздѣ принца въ его компату и подали ему, безъ всякихъ доказательствъ и порядка законнаго, бумагу на губернскаго прокурора, очерняя его взятками и всякими порицаніями. Принцъ симъ былъ весьма изумленъ, призвалъ прокурора и сказалъ ему, чтобъ онъ оправдался. Тотъ отвѣчалъ, что противъ клеветы словесно оправдаться не можетъ, а пусть произведено будетъ слѣдствіе. -- Не знаю, что̀ изъ сего выдетъ; но мнѣ не токмо удивительно, но грустно было видѣть и слышать, что губернаторъ, вышедъ отъ принца, не смотря что это было во дворцѣ, кричалъ съ азартомъ, что губернскій прокуроръ шельма, а вицъ-губернаторъ и нѣкоторые чиновники, имѣющіе съ нимъ знакомство, такіе жъ. А еще того прискорбнѣе было видѣть, что въ соборѣ, гдѣ при публикованіи манифеста совершалось молебствіе объ отвращеніи всеобщаго бѣдствія, предводитель умножалъ своихъ союзниковъ. И иные, какъ сказываютъ, подписались сами не знавъ къ чему: что̀ и въ самомъ дѣлѣ видно, ибо въ бумагѣ, къ принцу поданной, назвались именами тѣ, которые оную подписали; но въ подпискѣ, послѣ собранной,

([11]) Его имп. высоч. принцъ Георгій Гольштейнъ-Ольденбургской, супругъ великой кн. Екатерины Павловны, былъ генералъ-губернаторъ губерній Новгородской Тверской и Ярославской и принималъ большое участіе въ составленіи ополченій. См. Архив. Калачова 1861, кн. II. и Восп. Вигеля въ Р. Вѣстн. 1864, авг. стр. 491. *Я. Г.*

очутилось вдвое ихъ больше. Я не приставалъ ни къ той, ни къ другой партіи, потому что не новгородской дворянинъ, а по женину имѣнію ([12]) живу въ новгородскомъ уѣздѣ; тѣмъ не менѣе, не оправдывая ни прокурора, ни вицъ-губернатора, говорилъ губернатору, что буде изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ кто лихоимецъ, тѣхъ законнымъ порядкомъ изобличить и наказать должно, а не бранью и ругательствомъ, а особливо въ такое время, гдѣ единодушіе потребно, а не вражда и злоба личная, изъ которыхъ, какъ я развѣдалъ, произошла сія весьма недостойная благородныхъ людей, а особливо начальниковъ, исторія А именно вотъ изъ чего: бывшей губернаторъ Васильчиковъ, человѣкъ честный, но слабый, запустилъ множество дѣлъ, что̀ не только министерству, но и всѣмъ частнымъ людямъ извѣстно. Во время объѣзда его губерніи, вице-губернаторъ управлялъ губерніею. Отъ нѣкоторыхъ скорыхъ исполненій, онъ отвѣчалъ, что и дѣлъ тѣхъ не находитъ въ канцеляріи губернатора ([13]). По этой или по другой какой причинѣ Васильчикова отставили и опредѣлили Сумарокова. Сей, вступивъ въ должность, сначала былъ съ вице-губернаторомъ и съ прокуроромъ друженъ, но по времени, въ отсутствіи губернатора, сдѣланы нѣкоторыя въ губернскомъ правленіи положенія, противныя намѣреніямъ губернатора, и прокуроръ, по своей должности, протестовалъ, за что̀ и похваленъ отъ юстицъ-министра. Вотъ изъ сего и произошла вражда и злоба, которая и таилась въ сердцахъ до случая, какъ принцъ въ губернію пріѣхалъ. Въ сіе то время пріѣхалъ Васильчикова отецъ ([14]) который, какъ говорятъ, изъ мести вицъ-губернатору и прокурору, убѣдилъ предводителя дворянства и нѣкоторыхъ дворянъ пристать къ сторонѣ губернатора, доставя ему какое то отъ какого то мужика письмо, въ коемъ жалуется, что будто вицъ-губернаторъ и прокуроръ, взявъ съ него 250 рублей, обѣщали сыну его выбрить затылокъ, а вмѣсто того губернаторъ выбрилъ лобъ и сына его взялъ въ рекруты, и что будто прокуроръ укралъ одно дѣло изъ суда и сжегъ, и тому подобные вздоры, недоказательные и мерзкіе, такъ что мнѣ и слышать о нихъ скучно; и я, ежели не сдѣлаютъ завтра положенія объ исполненіи нашего положенія относительно ополченія, кто главный будетъ надъ нимъ чиновникъ или шефъ и также субалтерны, то я, увѣдомя принца, уѣду, не окончивъ дѣла. Надобно бы единодушное и скорое исполненіе на самомъ дѣлѣ полагаемаго ополченія, вмѣсто того у нихъ распри и вздоры, чѣмъ они единственно занимаются. Вотъ вамъ сказка. Боже избави, ежели по всему государству таковое несогласіе и медленность происходятъ въ защитѣ отечества, то мы неминуемо погибли! Пребываю съ истиннымъ и пр.

Извините, что такъ небрежно и такъ пространно напуталъ о непринадлежащемъ до меня.

Изъ мѣсяцослова съ росписью чиновн. особъ на 1812 г. видно, что тогда въ Новгородѣ вицъ-губернаторомъ былъ *Николай Ивановичъ Мальгинъ*, губерн. прокуроромъ *Ильинскій*, губерн. предводителемъ *Александръ Никитичъ Висленевъ*; а *В С. Поповъ*, д. тайн. сов., показанъ въ числѣ членовъ Государст. Совѣта, не присутствующихъ въ департаментахъ; Державинъ же находился въ полной отставкѣ

VIII.

Почтеннѣйшее и, вмѣстѣ позвольте осмѣлиться назвать, дружеское ваше

([12]) Званка куплена второю женой Державина у матери ея. *Я. Г.*

([13]) Такъ въ подлинникѣ.

([14]) Василій Алексѣичъ. *Прим. Державина.*

письмо отъ 12 числа настоящаго мѣсяца съ удовольствіемъ моимъ получилъ. Покорнѣйше благодарю, что вспомнили. Касательно письма Михаила Ивановича, то я такого же почти содержанія отъ него имѣю, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня о неуспѣхѣ взысканія долгу моего съ графа Струтинскаго([15]). Я не знаю, что мнѣ дѣлать: по жалости одолжишь, а послѣ должно терять. Еще имѣю нѣкоторое средство: со временемъ буду просить о новой вашей помощи чрезъ Михайла же Ивановича. — Выписка изъ Инвалида для меня хотя странна, но не весьма удивительна, ибо господа политическіе разскащики умѣютъ коварно льстить и насмѣхаться. Панегиристъ господъ Поляковъ умышленно пропустилъ случившееся у нихъ извѣстное по исторіи, дабы иронически надъ ними посмѣяться, да и противникъ его тоже сдѣлалъ, льстя намъ, и далѣе. Въ нынѣшнемъ свѣтѣ эти вещи обыкновенны. Правды нигдѣ ни на грошъ нѣтъ. Кончина покойнаго графа Ильи Андреевича([16]) и Авдотьи Дмитріевны, также и прочихъ, меня довольно тронула, какъ прближающагося къ такому же пути; но это участь всѣхъ земнородныхъ, то и должно ожидать, пока ударитъ походъ. Думаю, что начнутся теперь скоро военныя дѣйствія; какъ они для всякаго, любящаго свое отечество, занимательны, то весьма обязать изволите, ежели что возможно сообщить. Крайне бы обязали, ежели бъ къ 13([17]) числу будущаго мѣсяца посѣтили на Званкѣ вамъ преданнѣйшаго человѣка, который не можетъ ничѣмъ угостить достойнымъ васъ, но однимъ только усердіемъ; но я не смѣю симъ и ласкаться, а сохраняя васъ въ памяти моей безпрестанно, съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и пр.

Іюня 27 дня 1815 года.
С. Званка.

IX.

По дружескому вашего высокопревосходительства ко мнѣ расположенію смѣю приложить подъ открытою печатью письмо мое Михайлу Ивановичу Комбурлею, изъ котораго вы изволите усмотрѣть, что я прошу его совѣта относительно взысканія долгу моего съ графа Струтинскаго. Васъ покорнѣйше прошу отослать оное къ нему и попросить его о благосклонномъ его въ семъ дѣлѣ мнѣ пособіи. Мы съ часу на часъ ожидаемъ возвращенія намъ любезныхъ государя и государыни или, покрайней мѣрѣ, извѣстія о томъ. Ваше высокопревосходительство крайне меня обязать изволите, ежели о томъ что нибудь мнѣ сообщить изволите. Пребываю впрочемъ и т. д.

Августа 14 дня 1815 года.
С. Званка

X.

Едва я успѣлъ отправить къ вашему высокопревосходительству письмо мое отъ 14-го числа сего мѣсяца, какъ получилъ ваше отъ 12-го. Чувствую я тому цѣну, что вы меня помните и находите удовольствіе въ перепискѣ со мною; то благодаря отъ всего моего сердца за сіе ваше ко мнѣ дружеское расположеніе, спѣшу увѣдомить васъ, что я слава Богу здоровъ. Крайне желаю знать о здоровьи вашемъ и помогла ли вамъ та огромная машина, съ которой капли водныя васъ пользовали и о которой вы мнѣ писали? Здоровье нужнѣе и безцѣннѣе всего. —

(15) Безбородко, род. 16 февраля 1756, ум. 3 іюня 1815 г.

(16) Гр. Струтинскій, виленскій помѣщикъ, живя въ Петербургѣ, познакомился съ Державинымъ и получилъ отъ него въ займы въ разное время до 20 тысячъ рублей. *Я. Г.*

(17) День имянинъ Державина. *Я. Г.*

Касательно политическихъ новостей, что Бонопартовы приключенія сравниваете вы съ Беллерофонтовыми, то это стихотворческая мечта, хотя на нѣкоторое время и утѣшаетъ, но не вполнѣ; ибо по моему мнѣнію, ежели Прометей долженъ былъ терпѣть мучительное терзаніе за благодѣянія, оказанныя роду человѣческому, то, кажется, самая истина требовала наивящей казни за безчисленныя злодѣянія, симъ чудовищемъ нанесенныя. Доколѣ онъ живъ, то не успокоится Францiя. Будутъ выискиваться головы, которыя возраждать будутъ крамолы. Я, кажется, смѣло пророчить могу, что и чрезъ четыре года, когда союзныя войска выдутъ изъ мятежныхъ предѣловъ, естьли онъ будетъ живъ, не преминетъ вспыхнуть пламень раздора у народа кичливаго и развращеннаго, который не знаетъ Бога и предѣла истиннаго любочестія. Но наше дѣло: видѣть, мыслить, молчать и повиноваться. — Ежели бы я былъ язычникъ, то бы несумнѣнно вѣрилъ, что Петра Владимировича при Хароновой лодкѣ обступили теперь тѣни, и онъ передъ Миносомъ и Ромодантомъ разсказываетъ Европейскія вѣдомости, о коихъ злые съ радостнымъ лицемъ, а добрые, и такъ и сякъ слушая, разсуждаютъ, что злочестивцу такому какъ Бонапарте по сію пору такое дѣлается уваженіе. Впрочемъ не мое это и дѣло, а мое только то чтобъ любить, почитать васъ съ искренностію, съ каковою навсегда пребываю и пр.

Августа 18 дня 1815.

С. Званка.

За нѣкоторыя примѣчанія къ этимъ письмамъ мы обязаны благодарностью академику *Я. К. Гроту*.

Извѣстіе о Запискахъ князя Ивана Михайловича Долгорукаго.

(Род. 7 апрѣля 1764. Ум. 4 декабря 1823).

Существованіе любопытныхъ Записокъ извѣстнаго писателя, князя И. М. Долгорукаго огласилось въ публикѣ уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Старшій сынъ покойнаго, князь Павелъ Ивановичъ (род. 21 ноября 1787, ум. 8 февраля 1845) сообщилъ начало ихъ М. П. Погодину, который и помѣстилъ оное въ „Москвитянинѣ", а именно: воспоминанія о 1764—1774 годахъ въ XI книгѣ этого журнала за 1844 годъ, стр. 196—213; а воспоминанія о 1775—1780 годахъ во II книгѣ за 1845 годъ, стр. 21—43. Эти два отрывка, доходящіе до времени поступленія въ службу семнадцатилѣтняго автора, перепечатаны были потомъ въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій князя Долгорукаго, вышедшемъ въ двухъ томахъ, въ Петербургѣ, въ 1849 году и помѣщены во II томѣ онаго, на стр. 485—539. Ими пользовался извѣстный писатель М. А. Дмитріевъ для изслѣдованія своего „Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій и его сочиненія", помѣщеннаго въ „Москвитянинѣ" 1851 года, кн. III, стр. 265—320 и вышедшаго въ томъ же году отдѣльной книжкой. Это изслѣдованіе было позднее по необходимости исполненіе труда, предпринятаго на себя М. А. Дмитріевымъ въ 1824 году, для Общества Любителей Россійской Словесности, поручившаго ему, по собственному его вызову, написать воспоминаніе о князѣ Долгорукомъ, только что умершемъ почетномъ членѣ Общества и разборъ его сочиненій. Въ это время М. А. Дмитріевъ не имѣлъ въ рукахъ подлинныхъ Записокъ князя Долгорукаго, кромѣ упомянутыхъ выше отрывковъ, напечатанныхъ въ „Москвитянинѣ", къ которымъ присоединены были только краткія

выписки или замѣтки, доставленныя ему еще прежде младшимъ сыномъ покойнаго, княземъ Михайломъ Ивановичемъ (род. 19 мая 1801, ум. 19 сентября 1826). Но выписки эти оказались потомъ недостаточными и невѣрными. Вслѣдствіе этого дочь покойнаго князя, Варвара Ивановна Новикова доставила М. А. Дмитріеву полный экземпляръ Записокъ своего отца, при пособіи котораго М. А. Дмитріевъ написалъ вторично изслѣдованіе свое, составившее прекрасную книгу „Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій и его сочиненія", вышедшую въ Москвѣ, въ 1863 году. Изъ нея можно до нѣкоторой степени ознакомиться съ Записками покойнаго князя, такъ какъ на нихъ основаны біографическіе разсказы автора и изъ нихъ приведены имъ нѣкоторые подлинные отрывки. Отрывки эти такъ оригинальны и занимательны, что возбуждали во многихъ желаніе видѣть Записки князя И. М. Долгорукаго напечатанными по возможности вполнѣ, о чемъ я неоднократно имѣлъ случай говорить его наслѣдникамъ.

Въ бытность мою въ Москвѣ въ январѣ текущаго года, старшій въ родѣ князей Долгоруковыхъ, князь Александръ Ивановичъ сдѣлалъ мнѣ честь доставить мнѣ эту драгоцѣнную семейную рукопись и поручилъ мнѣ приготовить къ ней примѣчанія, съ которыми можно было бы потомъ приступить и къ ея печатанію. Прочитавши эти любопытныя Записки и сдѣлавши нѣкоторыя приготовительныя замѣтки для исполненія желанія князя, я считаю не безполезнымъ сдѣлать извѣстнымъ для любителей документовъ этого рода нѣсколько подробностей, которыя могутъ дать нѣкоторое понятіе объ этой мало кому извѣстной рукописи, составляющей важный матеріалъ для исторіи нашей литературы и общественности.

Записки князя Долгорукаго заключаютъ въ себѣ 1728 страницъ листоваго формата, или 432 писанныхъ листа; они переписаны мелкимъ почеркомъ, но не рукою автора, который былъ такой дурной калиграфъ, что кромѣ самыхъ близкихъ къ нему людей, никто не могъ разбирать его почерка, и самъ онъ иногда, говорятъ, затруднялся прочесть то что написалъ.

Титулъ рукописи слѣдующій: „Повѣсть о рожденіи моемъ, происхожденіи и всей жизни, писанная мной самимъ и начатая въ Москвѣ 1788 года въ августѣ мѣсяцѣ, на 25 году отъ рожденія моего. Въ книгу сію включены будутъ всѣ достопамятныя происшествія, случившіяся уже со мною до сего года и впредь имѣющія случиться. Здѣсь же впишутся копіи съ примѣчательнѣйшихъ бумагъ, кои будутъ имѣть личную со мною связь и къ собственной исторіи моей уважительное отношеніе".

За симъ подъ словомъ „Заглавіе" идетъ на 21 страницѣ вступленіе, въ которомъ говорится о предкахъ и родителяхъ автора. Потомъ за словомъ „Лѣтопись" начинается самая повѣсть о жизни князя отъ самаго его рожденія (1764). Авторъ подробно разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ, домашнемъ воспитаніи, ученіи въ Университетѣ (1777—1780), первоначальной службѣ въ Москвѣ при главнокомандующемъ (1780—1782), въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку (1782—1791), о краткой отставкѣ, вице-губернаторствѣ въ Пензѣ (1791—1796), вторичной краткой отставкѣ, службѣ въ главной соляной конторѣ въ Москвѣ, (1797—1802), губернаторствѣ во Владимірѣ (1802—1812) и о жизни своей въ окончательной отставкѣ (1812—1818). Таково было прохожденіе его по службѣ и вообще гражданской жизни. Записки князя останавливаются при наступленіи 1819 года. Съ того времени были у него только краткія письменныя указанія для

продолженія этихъ Записокъ, доведенныя до 1823 года, въ концѣ котораго онъ скончался на 60-мъ году отъ рожденія. Послѣднее время его жизни съ 1820 года и кончина его описано весьма живо въ книгѣ М. А. Дмитріева.

Начавши свои Записки въ 1788 году, князь Долгорукій велъ ихъ погодно до 1793 года. Изъ Записокъ этихъ видно, что составленіе ихъ прервалось тогда до 1803 года, когда авторъ опять принялся за нихъ и описалъ событія, случившіяся до того времени. Затѣмъ, опять слѣдовалъ десятилѣтній промежутокъ, и при началѣ 1813 года повторился тотъ же процессъ, какъ и въ 1803 году. Нагнавши вновь событія, князь велъ погодно послѣднюю часть своихъ Записокъ.

Характеръ Записокъ князя Долгорукаго преимущественно личный, домашній и семейный. Онъ писалъ *о себѣ* и *для своихъ*. Важныя политическія событія, государственныя дѣла и историческія личности являются у него почти всегда лишь на столько, на сколько онъ въ соприкосновеніи съ ними. Но и этого довольно, чтобы сдѣлать ихъ интересными и съ этой стороны: такъ много видѣлъ и испыталъ авторъ любопытнаго, по своимъ родственнымъ, дружескимъ, общественнымъ и служебнымъ отношеніямъ. Записки князя особенно важны, какъ живая картина современной ему жизни, какъ исповѣдь прекрасной его личности и какъ изложеніе длинной цѣпи происшествій весьма необыкновенныхъ, стóящихъ любаго романа. Все это писано просто, безъ затѣй, безъ намѣренія рисоваться, съ душою и благороднымъ жаромъ. Чтеніе ихъ чрезвычайно увлекательно и предавшись ему, нельзя не полюбить автора, даже со всѣми его недостатками и увлеченіями, сквозь которыя всегда видна его честная и симпатическая натура. Потомки такого человѣка въ правѣ гордиться своимъ предкомъ и могутъ не скрывать его слабостей: такъ обильно искупаются они высокими достоинствами его ума и сердца. Желаю отъ души, чтобы обстоятельства позволили скорѣе издать Записки князя Долгорукаго. Это будетъ истинный подарокъ для всѣхъ просвѣщенныхъ и непредубѣжденныхъ людей.

Михаилъ Лонгиновъ.

Тула.
6 февраля 1865.

Хронологія нѣкоторыхъ стихотвореній князя Ивана Михайловича Долгорукаго.

По прочтеніи Записокъ князя И. М. Долгорукаго, я перечиталъ и большую часть печатныхъ его произведеній и сообразясь съ разными справками и обстоятельствами, могъ составить хронологическую роспись нѣкоторымъ его сочиненіямъ съ нѣсколькими объясненіями. До сихъ поръ трудно было опредѣлить время когда написаны они; а между тѣмъ они сочинены въ періодъ, продолжавшійся тридцать пять лѣтъ; если же считать переводъ книги Мерсье, то выйдетъ сорокъ три года. Вотъ что удалось мнѣ опредѣлить. Указанія сдѣланы мною по Смирдинскому изданію его сочиненій, (Спб., 1849, два тома), какъ наиболѣе распространенному въ наше время. Римская цифра означаетъ томъ, а арабская страницу этого изданія.

1788. На кончину Горича. I, 42. Записки. II, 485.

1789. Сослуживцу (Ивану Ивановичу Дмитріеву). I, 232.

1793. Приказъ швейцару. I, 413. Надпись къ вензелю Екатерины второй. II, 119.

1794. Людмилѣ. I, 212.

1795. Судьбѣ. I, 226. Н. И. Классону.

I, 277. Каминъ въ Пензѣ. I, 348. „Безъ затѣй въ простомъ нарядѣ"; пѣсня. II, 201. Музыка на эту пѣсню сочинена княгинею Натальею Ивановной Куракиной рожденной Головиной, (род. 1768, ум. 1831), супругой князя Алексѣя Борисовича Куракина (род. 1759, ум. 1829).

1797. На кончину И. И. Шувалова. I, 38. Я. I, 317. 1796 годъ. I, 391.

1798. На кончину кн. Елены Петровны Долгорукой (рожд. Бакуниной). I, 49. Надгробная, ей же. I, 54.

1799. На кончину Ѳедора Ивановича Глѣбова. I, 44. Надгробная ему же. I, 54. На указъ о пенсіяхъ. I, 113. Завѣщаніе. II, 70. Отчаяніе безъ печали, комедія. II, 327. Любовное волшебство, опера. II, 371.

1800. Спасибо 1799 году. I, 409.

1801. На кончину княгини Натальи Сергѣевны Долгорукой (рожд. Салтыковой). I, 50. На указъ о карточныхъ играхъ, I, 116. На освобожденіе князя Василія Ѳедоровича Сибирскаго. I, 118.

1802. На праздникъ въ Дубкахъ. II, 147.

1803. На открытіе зданія для ботика Петра перваго. I, 59.

1804. На открытіе Владимірской гимназіи. I, 67. Посланіе ко мнѣ. II, 37. На пожалованіе меня въ Тайные Совѣтники. II, 145.

1805. Успенское. II, 46.

1806. Князю Пожарскому. I, 72. Хижина на Рпѣни. II, 55. На праздникъ въ Митинѣ, Варварѣ Александровнѣ Караваевой (рожд. Безобразовой). II, 145. Къ портрету княгини Евгеніи Сергѣевны Долгорукой. II, 181.

1808. На кончину дочери. I, 34.

1810. Переводъ стиховъ Визапура Е. С. О. (Елизаветѣ Сергѣевнѣ Обрѣзковой). II, 126. Перовскому (Николаю Ивановичу). II, 136. Е. С. О. (Елизаветѣ Сергѣевнѣ Обрѣзковой) на балѣ. II, 184.

1811. Зовъ на обѣдъ. II, 142. Извлеченіе изъ рукописи: Славны бубны за горами. II, 461.

1812. На кончину митрополита Платона. I, 32. Плачь надъ Москвою. I, 153. Везетъ. I, 443.

1813. На смерть г. Моро. I, 53, Черты свободнаго писателя. I, 161. Воспоминаніе въ Рамзаѣ. I, 263. Варварѣ Ивановнѣ Кошелевой. II, 134.

1814. Разсужденіе о судьбѣ. I, 102. Петру Петровичу Нарышкину. I, 266. Нѣчто для весельчаковъ. I, 420. Воспоминаніе въ Александровѣ. I, 510. Темирѣ (Татьянѣ Александровнѣ Луниной). II, 136.

1815. Михаилу Николаевичу Макарову. I, 272.

1816. Невинность. I, 87. Семира Боеславна. I, 462. Мои субботы (13 стихотвореній). II, 77. М. П. Телегину (свояку автора). II, 140. Дурыломъ, комедія. II, 243.

1818. Размышленія недужнаго. I, 508.

1819. На кончину королевы Виртембергской Екатерины Павловны. I, 29.

1822. Чистый понедѣльникъ. I, 493. Посланіе къ Николаю Дмитріевичу Иванчину-Писареву. I, 517.

Кромѣ того я полагаю, что слѣдующія за симъ пьесы относятся къ показаннымъ ниже годамъ:

1800. За женщинъ. I, 368.

1807. Эпитафія Н. В. К. II, 183.

1810. Елизаветградъ. II, 113. Развалины Серпуховской крѣпости. II, 113. Прасковьѣ Ивановнѣ Мятлевой (рожд. гр. Салтыковой). II, 123. Балъ въ Кременчугѣ. II, 150.

1814. На долину Мишенскую (Аннѣ Петровнѣ Юшковой). II, 128. На картину (ей же). II, 130.

1815. Пиръ. I, 382. На журналиста. II, 185.

1821. Николаю Ѳедоровичу Остолопову. I, 281. Посланіе къ пріятелю. I, 498.

Стихотвореніе „Фанатикъ," напечатан-

ное въ приложеніяхъ къ книгѣ М. А. Дмитріева „Князь И. М. Долгорукій и его сочиненія,“ изд. 1863 г., (стр. 277), относится къ 1820 году. Оно не вошло въ собранія сочиненія князя Долгорукаго.

Кромѣ того онъ напечаталъ въ прозѣ переводы „Философическихъ словъ“ Мерсье въ 1780 и романа Коцебу „Филиберъ“ въ 1815 году.

Этимъ кончаю на этотъ разъ извѣстія о хронологіи сочиненій князя Долгорукаго. Желательно, чтобъ она пополнилась особенно относительно главнѣйшихъ его стихотворныхъ пьесъ. Но едва ли это возможно, особенно въ скоромъ времени.

Михаилъ Лонгиновъ.

Тула, 6 февраля, 1865.

КРАТКОЕ БІОГРАФИЧЕСКОЕ ВОСПОМИНАНІЕ О ГРАФѢ А. А. ЗАКРЕВСКОМЪ. (*)

De mortuis aut bene, aut nihil.

Люди, окружавшіе императора Александра I-го, въ блестящую, славную эпоху его царствованія, участники борьбы его съ Наполеономъ, отечественной войны двѣнадцатаго года и побѣдоноснаго похода въ столицу Франціи, свидѣтели громадныхъ, міровыхъ событій и переворотовъ въ первой четверти нашего вѣка, одинъ за другимъ сходятъ съ земнаго поприща, и со дня на день ряды ихъ пустѣютъ. Въ первыхъ числахъ января скончался во Флоренціи графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій. Сынъ недостаточнаго дворянина Тверской губерніи, А. А. Закревскій воспитывался въ отдѣленіи Гродненскаго кадетскаго корпуса (бывшаго Шкловскаго корпуса Зорича), откуда 16-ти лѣтъ отъ роду выпущенъ въ 1802 г. прапорщикомъ въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ. Командиромъ этого полка былъ почти столь же молодой графъ Н. М. Каменскій, который, замѣтя примѣрное усердіе къ службѣ и исправность А. А. Закревскаго, обратилъ на него особенное вниманіе и назначилъ его сперва баталіоннымъ, а вскорѣ потомъ полковымъ адъютантомъ. Арсеній Андреевичъ всегда признавалъ гр. Н. М. Каменскаго первымъ виновникомъ своего быстраго служебнаго возвышенія, питалъ къ нему глубокое чувство признательности и память его считалъ для себя священною. Въ несчастномъ Аустерлицкомъ сраженіи, въ 1805 г., лошадь гр. Каменскаго была убита, и А. А. Закревскій уступилъ ему свою. Во второй французской войнѣ 1806 и 7-го гг., онъ находился въ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау, одномъ изъ кровопролитнѣйшихъ текущаго столѣтія, въ экспедиціи гр. Каменскаго подъ Данцигъ и въ другихъ дѣлахъ. Въ 1808 г. онъ послѣдовалъ за

(*) Исторія, по словамъ Карамзина, не любитъ живыхъ; быть можетъ, она не удобна и для лицъ, недавно отшедшихъ. Тѣмъ не менѣе нашему, младшему поколѣнію, кажется, слѣдуетъ дорожить свѣдѣніями о людяхъ, жизнь которыхъ тѣсно связана съ событіями нашего вѣка. За это *Воспоминаніе* мы обязаны признательностью лицу, которое близко знало гр. А. А. Закревскаго и находилось при немъ на службѣ въ первый періодъ его дѣятельности. *П. Б.*

гр. Каменскимъ въ Финляндію, въ званіи его адъютанта, и находился при немъ во время осады Свеаборга, въ упорныхъ битвахъ подъ Алаво, Куортане и въ сраженіи подъ Оровайсомъ, которымъ кончилась война собственно въ предѣлахъ Финляндіи, и которое доставило громкую, блестящую извѣстность гр. Н. М. Каменскому. Этотъ герой Финляндской войны назначенъ въ 1810 г. главнокомандующимъ Молдавскою арміею. А. А. Закревскій неотлучно находился при немъ, будучи его самымъ близкимъ, довѣреннымъ лицемъ, передавалъ его распоряженія и велъ журналы походовъ, какъ Финляндскаго, такъ и противъ Турокъ. На жестокомъ штурмѣ Рущука А. А. Закревскій получилъ контузіи въ ногу и въ руку, за что и за храбрость въ сраженіи при Баттинѣ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. Въ началѣ 1811 г. гр. Н. М. Каменскій умеръ. А. А. Закревскій, ближайшій свидѣтель загадочной кончины молодаго, даровитаго полководца, прибылъ въ Петербургъ съ его бумагами и рекомендаціей къ государю императору. Маіоръ Закревскій тотчасъ произведенъ подполковникомъ въ л. г. Преображенскій полкъ и назначенъ адъютантомъ къ военному министру Барклай-де-Толли, а вскорѣ потомъ директоромъ особой при немъ канцеляріи. Въ 1812 г., въ той же должности, но уже полковникомъ и флигель-адъютантомъ е. и. в-а, онъ отправился съ Барклаемъ въ 1-ю дѣйствующую армію и находился во многихъ достопамятныхъ ея бояхъ; за особенное же мужество и отличіе въ Бородинскомъ сраженіи получилъ Владиміра 3 ст. Во время этого похода, состоя при главнокомандующемъ, онъ упрочилъ дружескія связи съ А. П. Ермоловымъ, съ Д. В. Давыдовымъ, и нѣк. др., былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ и многими знаменитыми сподвижниками отечественной войны. Въ 1813 г., при вступленіи нашихъ войскъ въ Германію, мы видимъ А. А. Закревскаго при особѣ самаго императора Александра, въ его штабѣ, сперва генералъ-маіоромъ, а на другой день Лейпцигской битвы генералъ-адьютантомъ е. в-а. Въ продолженіе компаніи этого года и послѣдующаго 1814, вмѣстѣ съ княземъ П. М. Волконскимъ, А. А. Закревскій почти неотлучно находился при государѣ императорѣ какъ одинъ изъ ближайшихъ къ нему генералъ-адьютантовъ и исполнялъ личныя его порученія. При вступленіи въ Парижъ А. А. Закревскому пожалована Анненская лента.

Вскорѣ по возвращеніи императора Александра въ Россію, въ началѣ 1816 г., произведены значительныя преобразованія въ военномъ управленіи. Кругъ дѣйствій военнаго министерства ограниченъ одной хозяйственной частію; прочія дѣла поручены начальнику главнаго штаба его имп. вел. Должность эту занималъ кн. П. М. Волконскій; дежурнымъ генераломъ главнаго штаба назначенъ А. А. Закревскій, который былъ въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ и сдѣлался ближайшимъ его сотрудникомъ. Какъ начальникъ инспекторскаго департамента А. А. Закревскій завѣдывалъ личнымъ, числительнымъ составомъ армій. Тутъ военно-административныя способности его, изумительная дѣятельность, любовь къ порядку и строгая точность, были приложены имъ къ дѣлу съ полнымъ успѣхомъ. Отличное состояніе, въ которое онъ привелъ ввѣренную ему часть, заслужило ему похвалы и уваженіе военныхъ людей его времени; доступность его и готовность помогать и быть полезнымъ своимъ сослуживцамъ, доставили ему доброе имя въ арміи; довѣренность, которою онъ пользовался у государя, представляла ему возможность оказывать услуги многимъ, ходатайствовать за многихъ, и онъ не упускалъ къ тому случая. А. А. За-

кревскій, въ числѣ весьма немногихъ приближенныхъ Александра I-го, занималъ всегда одинъ изъ дворцовыхъ павиліоновъ въ Царскомъ-Селѣ, любимомъ мѣстопребываніи императора. Онъ сопровождалъ государя въ нѣкоторыхъ поѣздкахъ его по Россіи и между прочимъ былъ съ нимъ въ 1817 и 18 гг. въ Москвѣ (время его женитьбы на дочери гр. Ѳ. А. Толстаго, графинѣ Аграфенѣ Ѳедоровнѣ). Во время частыхъ, продолжительныхъ путешествій государя за границу, на конгрессы, куда сопровождалъ его всегда кн. Волконскій, бо̀льшая часть дѣлъ главнаго штаба и вообще военнаго управленія, стекалась къ дежурному генералу А. А. Закревскому и переходила черезъ его руки. Послѣ Веронскаго конгресса, въ 1823 г., послѣдовали многія перемѣны лицъ въ управленіи, какъ гражданскомъ, такъ и военномъ. Изъ прежнихъ приближенныхъ Александра I-го остался при немъ почти одинъ графъ Аракчеевъ, власть и вліяніе котораго на всѣ вообще дѣла не имѣли болѣе соперниковъ, и съ которымъ у А. А. Закревскаго бывали сильныя размолвки. Князь П. М. Волконскій отправился посломъ въ Парижъ на коронацію Карла X-го; А. А. Закревскій былъ назначенъ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Финляндскаго корпуса. Имѣя постоянное пребываніе въ Гельсингфорсѣ, А. А. Закревскій употребилъ лѣтніе мѣсяцы 1824 и 25 г. на обозрѣніе ввѣреннаго ему края и расположенныхъ въ немъ войскъ, простирая поѣздки свои до Торнео на сѣверномъ рубежѣ.

Императоръ Николай тотчасъ по возшествіи своемъ на престолъ пожаловалъ А. А. Закревскому орденъ св. Александра Невскаго, а потомъ назначилъ его членомъ верховнаго уголовнаго суда, учрежденнаго для сужденія соприкосновенныхъ къ дѣлу 14-го декабря 1825 г. А. А. Закревскій не присутствовалъ однако въ этомъ судѣ, уѣхавъ тогда по домашнимъ обстоятельствамъ въ Москву, гдѣ и оставался во все время коронаціи императора и послѣдовавшихъ за тѣмъ празднествъ. Довѣренность новаго монарха къ А. А. Закревскому постепенно возрастала, и въ aпрѣлѣ 1828 г. высочайше повелѣно ему быть министромъ внутреннихъ дѣлъ съ сохраненіемъ прежнихъ своихъ должностей, а въ 1829 г. онъ произведенъ за отличіе въ генерала отъ инфантеріи. Не смотря на трудныя, многочисленныя занятія по министерству, Арсеній Андреевичъ находилъ время ежегодно объѣзжать нѣкоторыя части Финляндіи, гдѣ между прочимъ особеннымъ предметомъ его заботъ и попеченій служило возобновленіе г. Або, почти совершенно истребленнаго ужаснымъ пожаромъ въ 1827 г. и сооруженіе разныхъ зданій въ Гельсингфорсѣ, для перемѣщаемаго туда университета и для другихъ общественныхъ надобностей. Лѣтомъ 1830 г. императоръ Николай Павловичъ первый разъ посѣтилъ Гельсингфорсъ. При этомъ случаѣ, финляндскій сенатъ, желавшій имѣть А. А. Закревскаго въ числѣ своихъ согражданъ, просилъ государя о сопричисленіи его къ высшему дворянству края, и онъ былъ возведенъ въ графское достоинство Великаго Княжества. По возвращеніи государя изъ Финляндіи въ Петербургъ, носившіеся уже съ начала лѣта тревожные слухи о приближеніи къ юго-восточнымъ предѣламъ Россіи свирѣпой повальной болѣзни, дотолѣ намъ неизвѣстной и называемой Cholera Morbus, получили къ несчастію полное подтвержденіе. Въ іюнѣ мѣсяцѣ холера распространилась по Дагестану и Грузіи, быстро перебросилась изъ-за Кавказа въ Кизляръ и достигла Астрахани; обнаружилась и въ Оренбургѣ. Когда были получены первыя извѣстія о приближеніи эпидеміи къ Саратову, страхъ и опасенія возрасли до высшей степени.

Нельзя вообразить себѣ теперь ужаса, который возбуждали эти извѣстія. Холера никогда не появлялась прежде въ Европѣ, гдѣ знали только о неимовѣрной смертоносности, съ которою она свирѣпствовала въ Индіи, но гдѣ свойства ея и способы леченія были совершенно неизвѣстны. Находили вообще, что одни только самыя строгія карантинныя мѣры могли остановить бѣдствіе. Извѣстные иностранные врачи и ученые поддерживали это мнѣніе и возлагали на русское правительство всѣ надежды для предохраненія Европы. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣятельно производились надлежащія распоряженія, согласно всеобщему мнѣнію, которое настаивало на необходимости въ настоящемъ случаѣ мѣръ, принимаемыхъ противъ чумы. Государь императоръ, для большей увѣренности въ успѣхѣ, пожелалъ, чтобъ гр. А. А. Закревскій могъ лично на мѣстахъ, съ свойственными ему энергіею и твердостію, приводить въ исполненіе эти мѣры, для чего и облекъ его обширнымъ полномочіемъ. Въ концѣ августа гр. А. А. Закревскій отправился на встрѣчу страшной холеры. Въ Арзамасѣ онъ видѣлъ уже первыхъ холерныхъ больныхъ и посѣтилъ ихъ госпиталь. Въ Саратовъ онъ прибылъ, когда болѣзнь начала ослабѣвать въ самомъ городѣ, но быстро подвигалась къ сѣверу по берегамъ Волги. Гр. Закревскій поспѣшилъ въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань, гдѣ пробылъ съ самаго появленія холеры до ея прекращенія. Изъ Казани онъ проѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, Тамбовъ и Тулу, неутомимо трудясь повсюду объ устройствѣ больницъ, о доставленіи страждущимъ всевозможныхъ пособій и удобствъ и стараясь строгими распоряженіями охранить отъ заразы неприкосновенныя еще мѣстности. Не смотря однако на всѣ эти усилія, холера разлилась по большей части Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣнія о способахъ и свойствѣ ея заразительности поколебались и отчасти измѣнились; карантинныя мѣры на обширномъ пространствѣ нашего отечества оказались недѣйствительными при крайнемъ къ тому же стѣсненіи и тягости для жителей. Проведя нѣсколько времени въ Москвѣ, гр. Закревскій вернулся въ Петербургъ въ началѣ 1831 г. Съ наступленіемъ весны холера обнаружилась въ новыхъ мѣстахъ, все подвигаясь къ сѣверу и лѣтомъ свирѣпствовала уже въ самомъ Петербургѣ. Государь императоръ, имѣя лѣтнее пребываніе въ Петергофѣ, поручилъ охраненіе столицы центральному комитету, составленному изъ военнаго генералъ-губернатора гр. П. К. Эссена, кн. Ил. В. Васильчикова, который командовалъ войсками, остававшимися въ городѣ, гр. А. А. Закревскаго и генералъ-адъютанта В. А. Перовскаго. Съ первыхъ дней появленія болѣзни она развилась съ ужасною лютостію, и Петербургъ сталъ позорищемъ явленій, которыя повторялись потомъ почти во всѣхъ столицахъ Европы при подобныхъ условіяхъ. Въ народѣ распространились слухи, что не болѣзнь, а отрава губитъ людей, что скрывающіеся въ столицѣ Польскіе агенты и другіе злоумышленники подсыпаютъ ядъ въ муку и воду, что врачи въ заговорѣ съ полиціею насильно сажаютъ здоровыхъ въ больницы и напрасно ихъ мучатъ. Толпы рабочихъ и разнаго простаго народа, возбужденные этими нелѣпыми слухами, покинули свои занятія, предались пьянству и стали бродить по улицамъ и стекаться на площадяхъ, останавливая, обыскивая и обирая прохожихъ, подозрѣваемыхъ въ отравленіи; наконецъ ворвались въ два временные лазарета, все въ нихъ истребили и извлекли оттуда страждущихъ, при чемъ нѣсколько человѣкъ лишились жизни, въ томъ числѣ одинъ врачъ, выброшенный изъ окна верхняго этажа. По полученіи централь-

нымъ комитетомъ донесеній объ этихъ буйствахъ и послѣ того какъ присутствіе военнаго генералъ-губернатора не могло укротить взволнованную чернь, гр. А. А. Закревскій предложилъ комитету и настоялъ на необходимости тотчасъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Вмѣстѣ съ кн. Васильчиковымъ онъ отправился въ Преображенскія на Литейной казармы, откуда они и повели баталіонъ съ орудіемъ къ большой Садовой улицѣ. Между тѣмъ едва показались войска, которыя В. А. Перовскій успѣлъ привести изъ Измайловскихъ казармъ на Сѣнную площадь (главное поприще сборищъ и буйствъ) какъ толпы начали уже расходиться; воинскія команды и патрули были разставлены въ мѣстахъ, гдѣ требовалось; конецъ дня и ночь прошли спокойно. На слѣдующее однако утро большія массы народа снова столпились на тѣхъ же мѣстахъ, но прибытіе въ это утро государя императора и столь всѣмъ извѣстное и памятное появленіе его среди кипящей народомъ Сѣнной площади и въ другихъ частяхъ города, окончательно водворили спокойствіе и прекратили всѣ безпорядки. Едва только холера начала ослабѣвать въ Петербургѣ, какъ она показалась въ Финляндіи. Гр. Закревскій немедленно отправился туда, какъ для принятія охранительныхъ по сему случаю мѣръ въ краѣ, коего онъ былъ генералъ-губернаторомъ, такъ и для удостовѣренія государя императора личными изслѣдованіями въ совершенной ложности слуховъ, разсѣваемыхъ иностранными газетами и разными секретными донесеніями о тайномъ будто бы привозѣ оружія въ Финляндію и какихъ то революціонныхъ тамъ замыслахъ въ связи съ возстаніемъ въ Польшѣ. Гр. А. А. Закревскій головою ручался государю, что жители Великаго Княжества твердо сохраняютъ вѣрноподданническія чувства свои его величеству и ненарушимое спокойствіе, и слова его вполнѣ оправдались. По полученіи извѣстія о взятіи Варшавы, гр. Закревскій возвратился въ Петербургъ и подалъ просьбу объ отставкѣ, по разстроенному здоровью. Онъ прежде уже изъявлялъ окружавшимъ его намѣреніе оставить службу, но находилъ, что по роду занимаемыхъ имъ должностей несвоевременно исполнить это, пока внутри отечества свирѣпствуетъ еще эпидемія, а на западныхъ его границахъ не утихъ мятежъ.

Будучи уволенъ отъ службы съ пенсіей въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1831 г., гр. Закревскій семнадцать лѣтъ провелъ частнымъ человѣкомъ, занимаясь домашними дѣлами и устройствомъ значительныхъ имѣній супруги своей, и проживая попеременно то въ деревнѣ, то въ Москвѣ или Петербургѣ, то за границею. Въ 1848 г. императору Николаю Павловичу угодно было снова призвать гр. А. А. Закревскаго на службу и назначить его Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Въ этой должности, которую онъ занималъ до 1859 г., застало его новое царствованіе нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича. По увольненіи отъ званія военнаго генералъ-губернатора графъ Арсеній Андреевичъ остался въ Москвѣ, коей жители продолжали пользоваться его гостепріимствомъ. Лѣтомъ 1864 г. онъ поѣхалъ за границу; здоровье его уже было разстроено. Онъ пользовался водами въ Теплицѣ и чрезъ Парижъ проѣхалъ на зиму во Флоренцію, гдѣ скоропостижно скончался 11-го января 1865 г.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЯ О С. П. ШЕВЫРЕВѢ,

читаннаго въ засѣданіи Общества Любителей Россійской словесности, 17 Января 1865 г.

...Изъ Вильдбада больной воротился въ Парижъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ, но неисцѣленный. Тамъ, въ январѣ 1864 года, многіе депутаты и сенаторы, ничего не знавшіе о Россіи, ея исторіи и учрежденіяхъ, вздумали судить о ней. Шевыревъ горячо вступился, и въ трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ Le Nord, старался доказать имъ всю лживость ихъ сужденій. Въ это время онъ продолжалъ диктовку своего курса, и начавъ лекціи о Карамзинѣ и Жуковскомъ, говорилъ: „Лишь кончу ихъ, примусь за Пушкина! Какая славная лекція у меня о немъ; теперь она вся въ головѣ, еще немножко обдумаю, и скоро она совсѣмъ будетъ готова.“ Но 25 января, онъ слегъ и уже болѣе не вставалъ...

Поутру въ воскресенье, онъ вдругъ почувствовалъ неловкость въ лѣвой ногѣ. Показалась краснина и опухоль. Шевыревъ думалъ, что это рожа. До́ктора никакъ не хотѣлъ призывать, напуганный прежнимъ леченьемъ. Но видя, что опухоль увеличивается, онъ черезъ полторы недѣли рѣшился послать за Сорелемъ, первымъ помощникомъ Нелатона. Сорель сказалъ: „Vous m'avez appelé trop tard!“(*) однако принялся за леченье, и казалось, лекарства помогали. Сорель взрѣзывалъ безпрестанно нарывы на подъемѣ ноги. Въ продолженіи трехъ недѣль, больной ничего почти не ѣлъ, и находился все въ забытьи: слабость была ужасная, и ежедневная лихорадка его изнуряла еще болѣе. Сорель призвалъ Нелатона, рѣшившись сдѣлать новую операцію. Прорѣзали всю опухоль, просверлили ногу насквозь до подошвы, и провели въ раны дренажъ. Операція продолжалась два часа, съ 10 до 12 утра. Шевыревъ ни охнулъ, разговаривалъ съ докторомъ, даже шутилъ съ нимъ. Мученія были несносныя, какъ онъ самъ послѣ говорилъ. Докторъ удивился его твердости и силѣ воли. Операція, казалось, принесла пользу, лихорадка уменьшалась, аппетитъ немного возвратился. Рана очищалась.

На четвертой недѣлѣ поста, въ понедѣльникъ, онъ исповѣдывался и пріобщился св. Таинъ, и въ первый разъ со времени болѣзни съ удовольствіемъ выпилъ чаю съ хлѣбомъ, и бесѣдовалъ въ продолженіи полутора часа съ отцемъ Іосифомъ. Послѣ причастія онъ сказалъ: „Теперь я готовъ, когда будетъ угодно Богу.“ Отецъ Іосифъ съ удивленіемъ говорилъ о силѣ его вѣрѣ, о христіанскомъ чувствѣ любви. Но надежда на выздоровленіе не совсѣмъ покидала его; мысль, что увидитъ Москву, куда онъ думалъ вернуться немедленно по выздоровленіи, оживляла его: ему ужасно хотѣлось скорѣй возвратиться на родину. Онъ составилъ планъ путешествія, дѣлалъ разныя предположенія касательно житья въ Москвѣ. Но иногда говорилъ своимъ: „Прощайте, друзья мои, скоро я васъ покину.“ Или, заговоря о Москвѣ, прибавлялъ: „А можетъ быть, вы повезете меня туда въ ящикѣ.“ Однажды онъ сказалъ: „Много курсовъ читалъ я въ жизни; теперь читаю курсъ страданій моимъ дѣ-

(*) Вы меня позвали слишкомъ поздно.

тямъ! Если эти страданія послужатъ къ очищенію души моей, то да будетъ воля Божія.“

Въ краткіе промежутки ослабленія болѣзни онъ возвращался мыслію къ любимымъ предметамъ своихъ занятій. Узнавъ о кончинѣ графа Блудова, котораго всѣ мы любили одинаково, какъ послѣдняго представителя Карамзинской эпохи, онъ сочинилъ стихи, которые и прислалъ ко мнѣ при письмѣ отъ $^{5}/_{17}$ апрѣля:

„Десять недѣль какъ лежу въ постелѣ. Вынесъ семь взрѣзовъ и двѣ операціи, по совѣту Нелатона. Не могъ ѣсть ничего, ни мяса, ни хлѣба. Все было противно. Питался бульономъ, какъ лекарствомъ. Исповѣдывался и пріобщился св. Таинъ. Съ тѣхъ поръ все пошло лучше; сталъ ѣсть хлѣбъ. Теперь ѣмъ все. Но рана еще на ногѣ, и ходить не могу. Обѣщаютъ черезъ мѣсяцъ. Во время болѣзни получилъ твое второе письмо. Благодарю за всѣ извѣстія. Своей рукой тебѣ отвѣчать не могу. Первый плодъ и признакъ начала моего выздоровленія — стихи на кончину гр. Блудова, которыя прилагаю, прося прочесть въ засѣданіи Общества. Если можешь потомъ напечатать въ Московск. Вѣд., то напечатай, или гдѣ-нибудь. Хворать въ Парижѣ мнѣ надоѣло. Какихъ болѣзней онъ мнѣ не далъ? Невралгію, доктора съ белладонной, нарывъ и рану на лѣвой ногѣ, флегмонъ на правой! Ѣдемъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Россію. Это рѣшено».

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя строфы, замѣчательныя по своимъ мыслямъ:

Лить свѣтъ добра въ умы народу,
Лить щедрой, полною рукой,
Вотъ въ чемъ онъ разумѣлъ свободу
И силу Руси молодой.
Онъ былъ у насъ изъ той дружины,
Гдѣ бодро дѣютъ, силъ полны,
Не дѣти праздныя чужбины,
А Руси вѣрные сыны.
Отколь ихъ началося время?
Отколь ихъ роду конъ и чинъ?
Вамъ, благороднѣйшее племя,
Всѣмъ общій предокъ Карамзинъ.
Предъ вами храмъ бытописанья
Онъ въ зданье стройное слагалъ,
И тайну русскаго преданья
И русской жизни открывалъ.
Благоговѣйно вы входили
Исторіи въ родной предѣлъ,
И всѣ оттуда выносили
Сознанье силъ земли и дѣлъ.
Служители идеямъ новымъ,
Вы всѣ, созданные Петромъ,
Всемірнымъ замысламъ Петровымъ
Не измѣнили вы ни въ чемъ.
Но чтя завѣтныя скрижали,
Въ народный вѣруя закалъ,
Изъ древней Руси почерпали
Вы крѣпость жизненныхъ началъ.
У алтаря родныхъ преданій
Всякъ свѣточь жизни зажигалъ,
И дальній путь своихъ дѣяній
Имъ неуклонно освѣщалъ.
Вотъ почему средь жизни шума,
Гдѣ время рушитъ наповалъ,
Была его спокойна дума
И неподвиженъ пьедесталъ.
Покойся жь мирно, мужъ почившій,
Не знавъ преклоннаго житья,
Своей чредѣ неизмѣнившій
Съ послѣднимъ вздохомъ бытія!
Косою смерти быстро сжатый,
Какъ снопъ созрѣлый на поляхъ,
Красуйся жатвою богатой
Въ своихъ зернистыхъ сѣменахъ.

На другой день $^{6}/_{18}$ апр. онъ продиктовалъ другое письмо ко мнѣ съ поправками, прибавивъ: „Кстати посылаю тебѣ фотографію Гизо. Бецкой давно уже прислалъ мнѣ ее для тебя изъ Флоренціи. Я все забывалъ написать тебѣ: видѣлъ я прекрасный портретъ Гизо на выставкѣ, и удивился тому, какъ измѣнилось лице этого человѣка. Помнишь, въ 1839 году, какъ мы его видѣли въ палатѣ, оно казалось все на пружинахъ, такъ его и дергало. Вдругъ на выставкѣ увидѣлъ я ли-

цо успокоенное. Вотъ что значитъ политическая жизнь бурная, а съ другой стороны трудъ и наука.... Я не могу здѣсь оставаться болѣе. Такъ и тянетъ въ Россію. Тоскую по ней и по всѣхъ васъ на своемъ одрѣ. Лишь бы Богъ далъ силы; не знаю, когда заживетъ рана, а тяжело!— Ахъ еслибъ я могъ обнять тебя въ іюлѣ мѣсяцѣ въ подъ-Дѣвичьемъ! Одинъ изъ первыхъ моихъ сновъ во время болѣзни былъ ты. Я увидѣлъ тебя на Дѣвичьемъ полѣ — и какъ обрадовался! Въ другой разъ я видѣлъ тебя возвратившагося изъ какого-то публичнаго засѣданія, очень раздраженнаго и усталаго. Увѣдомь объ участи стиховъ. О моемъ посланіи къ Императору я вѣдь ничего не знаю, что съ нимъ сталось? Было ли оно читано? Вяземскій ратуетъ изъ Венеціи съ Пеллетаномъ. Италія его возстановила, не то что Парижъ меня. Еще разъ прости."

Наконецъ уже умирающій онъ написалъ въ стихахъ: Дань памяти Шекспира въ день трехсотлѣтняго юбилея его рожденія 1564—1864, 23 апрѣля (*).

Любезные образы носились въ его погасавшемъ воображеніи. Ему хотѣлось пожить старою жизнію; половину стиховъ онъ продиктовалъ дочери, а другую написалъ самъ дрожащею рукою.

Тяжело было мнѣ увидѣть эти кривыя, неправильныя черты, вмѣсто прежняго твердаго, прямаго почерка. На пакетѣ печать 27 апрѣля, слѣдов. Шевыревъ отправилъ его за три недѣли до кончины. Вотъ что написалъ онъ на тоненькомъ лоскуткѣ: „Христосъ воскресе, милый другъ М. П. Цѣлую тебя воскреснымъ поцѣлуемъ со всею твоею семьею. Дай Богъ вамъ всякаго добра. Посылаю тебѣ мои стихи на рожденіе Шекспира. Прочти ихъ въ Обществѣ. Юбилей его въ Москвѣ празднуется, кажется, на Святой. Нельзя ли предложить ихъ директору театра Львову для прочтенія въ театрѣ со сцены? Предоставляю все тебѣ. Поблагодари Соловьева за его книгу о Польшѣ. Я все еще лежу въ постелѣ безъ ноги. Сонъ съ каждою ночью лучше. Но рана болитъ. Она глубока и заживаетъ не скоро. Обѣщаютъ, что начну ходить въ концѣ мая. Тяжелая болѣзнь! Въ іюлѣ нашъ отъѣздъ въ Москву рѣшенъ. Стосковался. Авось родина вылечитъ, а ужь коли умирать, то на рукахъ у своихъ."

(*) Стихи эти напечатаны въ Днѣ 1865 года.

Думалъ ли я, читая эту записку, что въ слѣдующемъ письмѣ я получу извѣстіе объ его кончинѣ?

Во время самыхъ сильныхъ страданій онъ продиктовалъ еще слѣдующіе четыре стиха:

Когда составъ слабѣетъ, страждетъ плоть,
Средь жизненной и многотрудной битвы,
Не дай мнѣ, мой Помощникъ и Господь,
Почувствовать безсиліе молитвы!

На страстной недѣлѣ докторъ вдругъ вынулъ дренажъ, сказавъ, что рана начинаетъ уже заживать; но возобновилась лихорадка; аппетитъ и сонъ исчезли. Тогда Сорель вставилъ опять дренажъ. Въ первый день Пасхи Шевыреву было очень дурно; казалось, уже умиралъ. Сорель на другой день привелъ Нелатона. Они рѣшились вставить ногу въ жестяную клѣтку, увѣряя до конца, что Шевыревъ выздоровѣетъ.

Въ воскресенье, 3 мая, Шевыревъ еще весело говорилъ о Москвѣ, былъ довольно бодръ, продиктовалъ два послѣднія письма въ Россію. Въ вечеръ понедѣльника ему стало хуже; онъ впалъ въ забытье, открылось воспаленіе въ легкихъ праваго бока. Шевыревъ сильно кашлялъ. Послѣднія двѣ ночи онъ совсѣмъ не спалъ: „Хоть бы на полчасика заснуть", говорилъ онъ. Въ пятницу, 8 мая, утромъ, спросилъ онъ чаю, выпилъ съ удоволь-

ствіемъ двѣ маленькія чашки; „но хлѣба еще не хочу“, сказалъ онъ. Въ 12 часовъ велѣлъ опустить сторы; „можетъ быть усну немного“; но черезъ четверть часа вдругъ велѣлъ открыть ихъ и произнесъ: „свѣту, свѣту!“ За часъ до смерти онъ сказалъ женѣ, голосомъ совершенно спокойнымъ: je crois, que c'est le commencement de l'agonie“(*); потомъ прибавилъ: „когда все будетъ кончено, телеграфируй Борису.“ Онъ сталъ наклоняться къ стѣнѣ, ему подложили подушку, онъ прислонился, и, казалось, ему было хорошо; дыханіе сдѣлалось рѣдко, потомъ разъ пять онъ дохнулъ тяжело, и заснулъ на вѣки. Онъ умеръ, придерживая правый бокъ. Въ первую минуту на лицѣ изображалось еще земное страданіе; но черезъ нѣсколько времени лице его выразило совершенное спокойствіе: онъ какъ будто улыбался. За литіей еще пѣли: Христосъ воскресе! Шевыревъ умеръ на 58 году.

Въ заключеніе передамъ тѣ строки, которыя вылились у меня на бумагу въ первую минуту при полученіи скорбнаго извѣстія.

И Шевыревъ успокоился отъ трудовъ и отъ скорбей своихъ! Онъ скончался въ Парижѣ, 8 мая, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни.

А трудовъ его было много! Напомнимъ забывшимъ:

Исторія Русской Словесности, четыре тома, обнимающіе древнѣйшій ея періодъ.

Теорія Поэзіи, томъ.

Исторія общей Словесности, въ шести томахъ, изъ коихъ одинъ напечатанъ.

Исторія Московскаго Университета, томъ.

Біографическій Словарь профессоровъ Московскаго Университета, въ двухъ томахъ.

(*) Т. е. кажется, начинается предсмертная мука.

Литературныхъ рецензій, тома на 4-ре.

Разныхъ переводовъ съ Греческаго, Нѣмецкаго, писемъ и проч. тома на четыре.

Изслѣдованіе о Дантѣ.

Обозрѣніе Исторіи Итальянской живописи

Рѣчь о заслугахъ Жуковскаго.

Рѣчь о нравственномъ воспитаніи.

Археолого-филологическое путешествіе въ Кирилловъ монастырь, въ двухъ томахъ.

А сверхъ того онъ прочитывалъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ, сотъ по пяти студенческихъ разсужденій въ годъ, съ придачею магистерскихъ разсужденій, отъ строки до строки, и выучилъ писать многихъ изъ нашихъ писателей.

Довольно ли человѣкъ сдѣлалъ?

Мало, отвѣчаютъ мнѣ тѣ, которые ничего не дѣлаютъ, ничего не могутъ дѣлать, но очень хорошо, отлично знаютъ, что̀ и какъ надо дѣлать.

Есть ли за что благодарить труженика?

Не за что, продолжаютъ они отвѣтъ, его физіономія намъ не нравилась, его походка была не тверда, его голосъ иногда дребезжалъ, онъ дѣлалъ намъ непріятности.

Правда, среди усиленныхъ трудовъ, при напряженныхъ нервахъ, особенно предъ университетск. юбилеемъ, который онъ вынесъ на плечахъ своихъ, случалось ему быть очень раздраженнымъ; но вся наша братья, работающіе головой, знаютъ по опыту, какъ это положеніе естественно и извинительно. Точно, онъ бывалъ тяжолъ въ такомъ положеніи, особенно для тѣхъ, которые безъ всякой *пощады*, не только безъ всякой *снисходительности*, старались дразнить, и какъ бы нарочно выводить его изъ себя, — но его доброе сердце, его чистая любовь къ наукѣ, его забота о добросовѣстномъ исполненіи своей профессорской обязан-

ности, его безпримѣрное трудолюбіе, его общее многообразное образованіе, его ревностное попеченіе о студентахъ, любовь къ отечеству, за которую онъ и пострадалъ, искупаютъ сторицею всѣ недостатки, и онъ имѣетъ полное право на общую признательность.

Да, скажу я смѣло здѣсь, въ Обществѣ любителей Русской Словесности, Шевыревъ имѣетъ полное право на глубочайшую признательность всѣхъ друзей ея! Онъ сдѣлалъ много для своего времени, онъ далъ сочиненія, которыя надолго еще останутся лучшими источниками свѣдѣній о словесности, какъ Русской, такъ и иностранной; онъ далъ разборы, въ которыхъ заключается много вѣрныхъ, поучительныхъ замѣчаній о важнѣйшихъ произведеніяхъ искусства; онъ содѣйствовалъ образованію тысячей студентовъ, которыхъ онъ выучилъ писать по русски. И къ нимъ обращаю я теперь мое слово, къ его ученикамъ, разсыпаннымъ по всей Россіи, получившимъ свѣдѣнія объ отечественномъ языкѣ подъ его руководствомъ, къ студентамъ, въ судьбѣ которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ онъ принималъ живое участіе, которымъ онъ жертвовалъ своимъ временемъ, трудами, помогалъ всѣмъ, чѣмъ могъ, которымъ былъ преданъ отъ всей души. Я обращаюсь къ его товарищамъ, членамъ Московскаго Университета, къ членамъ Общества Любителей Русской Словесности. На насъ лежитъ долгъ искупить, хоть по смерти, часть той неправды, которой подвергся покойный Шевыревъ. Соберемъ сумму для сооруженія на могилѣ его надгробнаго памятника, соберемъ сумму на учрежденіе стипендіи для вознагражденія, хотя въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, студентовъ за лучшія сочиненія по отдѣленію историко-филологическому, въ которомъ покойникъ двадцать лѣтъ читалъ лекціи, и десять лѣтъ служилъ деканомъ самымъ ревностнымъ.

Братія! сказалъ Апостолъ, поминайте наставники ваша.

М. Погодинъ.

Декабря 2. 1864.

ЗАМѢТКА О ПУШКИНѢ.

На страницѣ 96-й *Русскаго Архива* сего года сообщено мною неточное свѣдѣніе о пріѣздѣ Пушкина въ Москву въ 1826 г., во время праздниковъ по случаю коронованія императора Николая. Пушкинъ былъ привезенъ во дворецъ (въ какой, Кремлевскій или на дачу гр. Орловой, нынѣшнюю Александрію, гдѣ тогда жилъ государь, какъ видно изъ Сѣверной Пчелы 1826 г.?) дѣйствительно 8 сентября, въ день большаго бала, не у герцога Девонширскаго, а у герцога Рагузскаго, маршала Мармона, королевско-французскаго посла, помѣщавшагося на Старой Басманной, въ домѣ кн. Куракина, гдѣ нынѣ Межевой корпусъ. По близости, на Басманной же, жилъ въ своемъ домѣ, дядя поэта Василій Львовичь Пушкинъ, къ которому Александръ Сергѣевичь и пріѣхалъ прямо изъ дворца, такъ какъ родителей его, Сергѣя Львовича и Надежды Львовны, въ то время не было въ Москвѣ. Вѣсть о возвращеніи Пушкина, объ этомъ высокомъ и знаменательномъ на ту пору дѣлѣ царской милости, облетѣла многочисленыхъ гостей герцога Мармона, и съ бала радостно разнеслась по Москвѣ. Одинъ изъ давнихъ пріятелей поэта, тотчасъ же изъ дому кн. Куракина, отправился въ домъ Васи-

лія Львовича, и засталъ Пушкина за ужиномъ. Тутъ же, еще въ дорожномъ платьѣ, Пушкинъ поручилъ ему на завтрашнее утро съѣздить къ извѣстному американцу графу Толстому съ вызовомъ на поединокъ. Къ счастію, дѣло уладилось: графа Толстаго не случилось въ Москвѣ, а впослѣдствіи противниковъ помирили.

Еще прежде, чѣмъ у Веневитиновыхъ, Пушкинъ читалъ своего Бориса у С. А. Соболевскаго, (у котораго вскорѣ потомъ поселился на Собач. Площадкѣ, въ угольномъ флигелѣ нынѣшняго дома Левенталя). На этомъ первомъ чтеніи, кромѣ хозяина, были: П. Я. Чадаевъ, Д. В. Веневитиновъ, гр. М. Ю. Вельегорскій и молодой И. В. Кирѣевскій. Вообще же Пушкинъ чрезвычайно рѣдко читалъ свои произведенія въ большомъ обществѣ, отличаясь въ этомъ отношеніи поучительною скромностью и даже застѣнчивостію. Онъ читалъ только людямъ болѣе или менѣе близкимъ, мнѣніемъ которыхъ дорожилъ и отъ которыхъ надѣялся услышать какое либо дѣльное замѣчаніе, а не безусловную похвалу, и при томъ читалъ какъ нибудь невзначай. Посему А. Ѳ. Писемскій при слѣдующихъ изданіяхъ своего *Взбаламученнаго Моря* могъ бы опустить начало 7-й главы, пятой части, гдѣ говорится, будто „великій Пушкинъ ѣхалъ читать въ великосвѣтскіе салоны“. *П. Б.*

Къ статьѣ о Салтычихѣ.

Примѣчаніе 2-е. Сельцо Троицкое принадлежало Дмитрію Павловичу Левшину, а теперь принадлежитъ его дочери баронессѣ Натальѣ Дмитріевнѣ Черкасовой. Оно было куплено отцемъ г. Левшина отъ г. Кроткова, помнится, въ 1804 году.

Къ концу статьи. Графъ и графиня де Реймонъ Моденъ не оставили сыновей, но у нихъ были двѣ дочери: а), граф. Софья Гавриловна, вторая супруга князя Валентина Михайловича Шаховскаго (родившагося 1800, умершаго 1850 года) и б), графиня Марья Гавриловна за генераломъ Дайнезе.

М. Лонгиновъ.

Александръ Константиновичъ Булгаковъ чрезъ посредство ***М. Н. Лонгинова*** прислалъ въ даръ Чертковской библіотекѣ собраніе подлинныхъ писемъ (числомъ 71) генералъ фельдмаршала князя Н. В. Репнина къ сенатору И. А. Алексѣеву, относящихся къ 1797 — 1801 годамъ. Спѣшимъ выразить благодарность за таковое приношеніе. *П. Б.*

ОПЕЧАТКА:

На стр. 149, на 9 строкѣ снизу вмѣсто 1816 слѣдуетъ читать 1716.

Евгеній. Словарь свѣтскихъ писателей. М. 1845. 2 ч. 3 р.

Посошковъ. Сочиненія. М. 1842—1863. 8°. 2 ч. Цѣна 3 р.

Погодинъ. Историко-критическіе отрывки. 1846. 1 р.

— О мѣстѣ погребенія кн. Пожарскаго. 1852. 50 к.

— Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. 7 ч. по 1 р. за томъ.

— Начертаніе Русской исторіи для гимназій. 75 к.

— — — — для уѣздныхъ училищъ. 25 к.

— Кн. Андрей Боголюбскій. 1856. 50 к.

— Похвальное слово Карамзину. 1845. 50 к.

— Норманскій періодъ Русской исторіи. М. 1859. 1 р.

Алексѣй Петровичь Ермоловъ. *М. П. Погодина*. М. 1863. 8°. 2 р. 50 к.

Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря. *Графа Алексѣя Уварова*. Спб. 1851—1856. 2°. Два выпуска, 184 стр. съ двумя тетрадями превосходно исполненныхъ рисунковъ. Цѣна 20 р. Лица, имѣющія первый выпускъ, могутъ получать второй по 10 р.

Рукописи *графа А. С. Уварова*. Памятники Словесности. Сочиненія *Кирилла Туровскаго*, съ предисловіемъ *М. И. Сухомлинова*. Спб. 1858. 4°. LXXII и 158 стр. Цѣна 2 р.

Дневникъ камеръ-юнкера *Берхгольца*, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра великаго, съ 1721-го по 1725-й годъ. Перевелъ съ нѣмецкаго *И. Аммонъ*. М. 1859—1863. 8°. 4 ч.: I, 275; II, 357; III, 292; IV, 242 стр. Цѣна за всѣ 4 части — 6 р.

Письма *Екатерины II* къ А. В. Олсуфьеву 1762—1783. Съ примѣчаніями *М. Н. Лонгинова*. М. 1863. 16°. 114 стр. Цѣна 50 к.

Списки замѣчательныхъ лицъ Русскихъ, составленные *П. Ѳ. Карабановымъ*. М. 1860. 8°. 110 стр. Цѣна 50 к.

Московскій университетскій пансіонъ. Соч. *Н. В. Сушкова*. М. 1858. 4° съ портр. А. А. Прокоповича — Антонскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

Памятныя Записки *Храповицкаго*. Изданіе полное, съ примѣчаніями *Г. Н. Геннади*. М. 1862. 8°. 1 р. 50 к.

Подписная цѣна Русскаго Архива за 12 выпусковъ 5 р., съ пересылкою и доставкою 6 р. с. Подписка принимается *въ Москвѣ*, въ Чертковской библіотекѣ, въ конторѣ газеты «День» и въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова; *въ Петербургѣ*—на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова.

Тамъ же можно получать оставшіеся экземпляры Русскаго Архива 1864 года, большой томъ слишкомъ съ 1000 стр., содержащій въ себѣ бумаги и произведенія *Александра I-го, Екатерины II-й, А. Т. Болотова, Жуковскаго, Пушкина* и пр. и пр.

Русскаго Архива 1863 года не имѣется болѣе въ продажѣ.

Гг. сочинители и издатели книгъ, относящихся къ изученію нашего отечества, приглашаются доставлять свои сочиненія и изданія въ Чертковскую библіотеку (въ Москвѣ, на Мясницкой, № 7) открытую безплатно для общественнаго пользованія ежедневно отъ 10 до 3 часовъ утра; въ видѣ вознагражденія за таковое приношеніе, о каждой присланной книгѣ будетъ сдѣлано подробное объявленіе въ издаваемомъ при библіотекѣ Русскомъ Архивѣ.

Издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Дозволено цензурой. Москва, 23 февраля 1865 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

4.

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Собственноручныя бумаги *кн. Потемкина-Таврическаго.* 1786 — 1790. (Донесенія имп. Екатеринѣ, политическія замѣтки, хозяйственныя и домашнія распоряженія, письма къ В. С. Попову и къ Я. И. Булгакову).
2. Записка о бунтѣ Беніовскаго въ Большерѣцкомъ острогѣ (въ Камчаткѣ) въ пользу великаго князя Павла Петровича 1771—1773.
3. Письмо *Ѳеофана Прокоповича* о Кіевскомъ братскомъ монастырѣ. 1736.
4. А. Я. Полѣновъ, Русскій законовѣдъ XVIII в. Статья *Д. В. Поленова.* I.
5. Разсказъ императрицы. *Екатерины II-й* о первыхъ пяти годахъ ея царствованія.
6. О Пензенскомъ помѣщикѣ Н. Е. Струйскомъ (Изъ записокъ кн. И. М. Долгорукова.
7. Письмо Шотландцевъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, съ предисловіемъ кн. *Я. Б. Лобанова-Ростовскаго.*
8. Къ исторіи 1812 года. О фальшивыхъ Русскихъ ассигнаціяхъ, распространенныхъ Наполеономъ Бонапартомъ въ Россіи.
9. Списокъ членамъ ложи св. Георгія Побѣдоносца на востокѣ Мобёжа.
10. Хронологія басенъ Крылова. *В. Ѳ. Кеневича.*
11. Отвѣтъ П. А. Безсонову *П. М. Строева.*
12. Бобліографическія поправки.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп.

1865.

Въ Чертковской библіотекѣ можно получать слѣдующія книги:

Сочиненія А. Д. Черткова:

1. ***Воспоминанія о Сициліи.*** М. 1836—1837. 8°. 2 части, съ большимъ атласомъ, содержащимъ въ себѣ рисунки къ этому археологическому путешествію. Ц. 2. р.

2. ***О переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай и къ намъ на Русь.*** М 1851. 8°. Цѣна 50 к.

3. ***Ѳракійскія племена, жившія въ Малой Азіи.*** М. 1852. 8°. Цѣна 50 к

4. ***Пелазго-Ѳракійскія племена, населявшія Италію.*** М. 1853. 8°. Цѣна 5 к.

5. Каталогъ Чертковской библіотеки. Землеописаніе М. 1864. 8°. Цѣна 1 р.

Путешествіе въ св. землю священника ***Лукьянова*** при Петрѣ великомъ. М 1864 г. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

Стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго. М. 1862. 6 8°. Цѣна 2 р.

Гг. книгопродавцы могутъ получать изъ Чертковской библіотеки слѣд. книги:

Разсказы изъ исторіи христіанской церкви. М. 1863. мал. 8°. 3 ч.: I, IV и 215 (первый вѣкъ); II, 264 (до начала IV вѣка); III (до X вѣка) 393 стр. Цѣна за три части 1 р. 60 к.

Библіографическія Записки 1858 и 1859 г. 2 бол. тома въ 4°, со снимками, портретами и съ полнымъ указателемъ къ Вѣстнику Европы, сост. ***М. П. Полуденскимъ.*** Цѣна каждому т. по 4 р. с. Указатель продается отдѣльно по 1 р. с.

Величко. Лѣтопись событій въ югозападной Россіи. Кіевъ. 1848—1855. 8°. 3 большіе тома. 3 р.

Гоголь. Ревизоръ. М. 1841. 8°. 1 р.

Дантъ. Адъ. Переводъ ***Мина.*** М. 1852. 2 р.

Сочиненія ***Карамзина, Державина, Капниста, кн. И. М. Долгорукаго, Богдановича, Д. В. Давыдова, Нахимова, Милонова, Судовщикова, Нелединскаго, Дельвига и Измаилова*** по 1 р. за каждый томъ.

Шеппингъ. Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ. М. 1862. 8°. 1 р.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ БУМАГИ КН. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО.

Эти бумаги, которыя, лучше всякихъ описаній, наглядно изображаютъ славнаго любимца великой государыни, печатаются всѣ съ собственноручныхъ подлинниковъ, обязательно сообщенныхъ изъ Рѣшетиловскаго архива *А. И. Ставровскимъ.* Къ нимъ присоединены письма кн. Потемкина къ Я. И. Булгакову, подлинниками коихъ владѣетъ *Н. С. Киселевъ.* Мы ввели правописаніе нынѣшнее, сообразно принятому нами правилу удерживать подлинное правописаніе лишь въ случаяхъ характерныхъ и въ памятникахъ болѣе отдаленной старины, гдѣ иногда способъ начертанія имѣетъ нѣкоторую важность для исторіи языка. Князь же Потемкинъ писалъ вообще довольно правильно, не хотѣлъ знать только и не употреблялъ никакихъ знаковъ препинанія. Рука его довольно четка и разборчива, чѣмъ отличаются вообще рукописи Екатерининскаго вѣка, сравнительно съ прежними царствованіями и особенно со временемъ Петра великаго. Ясность, толковость и твердость быта въ вѣкъ Екатерины отразились и въ тогдашнихъ почеркахъ, между тѣмъ какъ рукописи Петра великаго и его современниковъ своею неразборчивостью вполнѣ соотвѣтствуютъ тревожной эпохѣ бунтовъ, казней и коренныхъ переворотовъ. Палеографы замѣчаютъ то же самое и относительно болѣе древнихъ рукописей. Такъ настроеніе духа знаменуетъ себя въ самыхъ, повидимому ничтожныхъ подробностяхъ!

Печатаемыя бумаги суть черновыя наброски кн. Потемкина. Донесенія Государынѣ вѣроятно были потомъ измѣняемы. Ихъ слѣдовало бы сличить съ бѣловыми, отправленными въ Петербургъ; но къ нимъ (если они сохранились) мы къ сожалѣнію не имѣемъ доступа.

Потемкинъ писалъ на большихъ листахъ грубой по нынѣшнему бумаги, но съ золотымъ обрѣзомъ и съ остатками золотаго песку, какъ въ рукописяхъ Екатерины: это было тогда великою роскошью.

I. Начертаніе города Екатеринославля.

4 октября 1786.

Повергая къ освященнымъ стопамъ в. и. вел. проекты строеніямъ города Екатеринослава, осмѣливаюсь испрашивать на произведеніе оныхъ всѣхъ остающихся за расходами суммъ доходовъ губернскихъ. Сія часть имперіи вашей, будучи, такъ сказать, въ сущемъ еще младенчествѣ, однакожъ содержитъ всѣ чины и расходы по намѣстничеству, выплачиваетъ отпущенные три миліона на строеніе крѣпостей и протчихъ зданій въ Тавридѣ, а за тѣмъ остатки довольны еще будутъ на созиданіе знаменитаго города. Всемилостивѣйшая г., гдѣ же индѣ какъ въ странѣ, посвященной славѣ вашей быть городу изъ великолѣпныхъ зданій? А потому я и предпринялъ проекты составить, достойные высокому сего града названію. Во первыхъ представляется, въ подражаніе св. Павла, что̀ внѣ Рима, тутъ храмъ великолѣпный, посвященный Преображенію Господню, въ знакъ, что страна сія изъ степей безплодныхъ преображена попеченіями вашими въ обильный вертоградъ, и обиталище звѣрей въ благопріятное пристанище людямъ, изъ всѣхъ странъ текущимъ.

Судилище, на подобіе древнихъ базиликъ, въ память полезныхъ вашихъ узаконеній.

Лавки полукружіемъ на подобіе Пропилей или преддверія Аѳинскаго съ биржею и театромъ по срединѣ.

Палаты государскія, гдѣ жить и г. гу-

берн. во вкусѣ Греческихъ и Римскихъ зданій, имѣя по срединѣ великолѣпную и пространную сѣнь.

Архіепископія при соборной церкви Преображенія съ дикастеріею и духовной схолой.

Какъ сія губернія есть военная, то въ призрѣніе заслуженнымъ престарѣлымъ воинамъ—домъ инвалидной со всѣми возможными выгодами и съ должнымъ великолѣпіемъ.

Домъ губернаторской, вицъ-губернаторской, домъ дворянской и аптека.

Фабрика суконная и шелковая.

Университетъ купно съ академіею музыкальной или консерваторіею.

Для всѣхъ сихъ строеній довольно всякихъ припасовъ заготовлено, на что̀ употребится 200 тыс. руб. оставшіяся отъ екстр. суммы.

Письмо это писано, когда было уже окончательно рѣшено, задолго передъ тѣмъ предположенное путешествіе государыни въ Полуденную Россію: Екатерина въ письмѣ къ Циммерману отъ 13 окт. этого года пишетъ: «въ Генварѣ отправлюсь въ Тавриду (П. Собр. соч. Ек. II, изд. Смирдина, III, 447). Потемкинъ занятъ былъ приготовленіями къ ея встрѣчѣ. Кажется, что въ это время, т. е. въ октябрѣ 1786 г. онъ еще былъ въ Петербургѣ, см. Записки Храповицкаго, стр. 15 и 18.

Екатеринославль или Екатеринославъ, по произношенію Потемкина, основанъ 9 мая 1787 г., когда Екатерина, ѣдучи въ Крымъ, вмѣстѣ съ Іосифомъ II сама положила тамъ первые камни для соборной церкви Преображенія (см. Журналъ путеш. Екатерины II. М. 1787, стр. 63).

Изъ всѣхъ зданій, предположенныхъ Потемкинымъ, нынѣ въ Екатеринославлѣ возвышаются только *палаты государскія* или генералъ-губернаторскій домъ, и соборъ Преображенія Господня, воздвигнутый гораздо позже, въ 1835 г. (см. *В. Павловича*, Екатериносл. губернія, Спб. 1862, стр. 302) Передъ соборомъ чугунная статуя Екатерины II, кажется та самая, которая нѣкогда принадлежала А. Н. Гончарову, а потомъ поэту Пушкину. Вслѣдъ за этою бумагою подана Екатеринѣ другая, см. Р. Арх. 1865, ст. 66.

II. Замѣтка о Неранчичѣ.

28 февр. 1789.

Сколь ни запрещалъ я дѣлать шалости въ Польшѣ, но получилъ, что Неранчичъ тамо настроилъ довольно. Я поспѣшу повелѣніемъ его слѣдовать, но нужно и послу въ Варшавѣ предварительно дать знать какъ произошло и тѣмъ утушить.

Сербъ *Давидъ Гавриловичъ Неранчичъ*, сводный братъ извѣстнаго Зорича, формировалъ гусаръ для Потемкина, получилъ за то орденъ св. Владиміра 2-й степени, будучи въ чинѣ генералъ-маіора и флигель-адъютанта. (См. Записки Храповицкаго, стр. 68) О Неранчичѣ см. также Записки Энгельгардта, Рус. Вѣстн. 1859, Январь. кн. 1-я стр. 142.

III. Оборона противъ Швеціи.

28 февр. 1789.

Сверхъ общихъ правилъ боеваго строя, каждая нація имѣетъ нѣчто ей свойственное. Наипаче во флотахъ сіе бываетъ по конструкціи и часто по крѣпости или вѣтхости судовъ, а паче калибра пушекъ. Для положеній генеральныхъ нужны мнѣ свѣдѣнія, въ какомъ числѣ состоялъ флотъ Швецкой и какихъ ранговъ ихъ суда, вмѣстѣ ли онъ весь былъ или раздѣленъ, были ли легкія эскадры для крейсерствъ, какова рода мелкія ихъ суда и съ какой артилеріей. По взятому кораблю можно знать о числѣ экипажей, а потому судить, предполагаютъ ли они абордажъ; маневръ ихъ былъ ли стремителенъ, или больше состоялъ въ укрѣпленіи линіи, изъ чего бы можно увидѣть, къ чему они больше наклонны, наступать или обороняться. Сіе мнѣ крайне нужно, ибо тогда я узна́ю, какъ свои устроить части и какъ дѣйствовать, тѣмъ паче, что въ морскомъ дѣлѣ моя система состоитъ въ калибрѣ пушекъ, съ чего меня не собьютъ всѣ адми-

ралы въ свѣтѣ. Отъ кого я могу получить помянутыя свѣдѣнія?

Писано, равно какъ и предъидущая замѣтка о Неранчичѣ, въ Петербургѣ, куда Потемкинъ пріѣхалъ 4 февраля 1789 г., торжествующій послѣ взятія Очакова (см. Записки Храповицкаго). На его обсужденіе отдавались всѣ важнѣйшія дѣла, а тогда шла неудачная война съ Швеціею, и за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Шведскія суда угрожали разореніемъ Петербургу. Для дѣйствій противъ Шведовъ на сухомъ пути, Потемкинъ заказалъ вылить трехфунтовые единороги и шестифунтовыя Когорновы мортиры (Храповицкій подъ 7 марта 1789). Званіе генералъ-адмирала носилъ великій князь Павелъ Петровичъ.

IV. Два донесенія о взятіи крѣпости Бендерской (1789).

1.

Всемилостивѣйшая государыня! Всевышній даровалъ новую славу оружію вашего императорскаго величества. Бендеры, будучи стѣснены и устрашены войсками, пали къ освященнымъ стопамъ.

Не могу я похвалиться, что досталъ ихъ безъ кровопролитія, ибо ранено у насъ четыре казака.

Вчерашняго числа за полночь прислали ко мнѣ паши, что сдаются въ полную мою волю. Тутъ, слѣдуя человѣколюбивымъ вашего императорскаго величества правиламъ, отъ высочайшаго имени дана свобода всѣмъ, и сего утра уже введены въ форштаты и крѣпость наши караулы. „Пушекъ много и всякаго запасу, но по обширности сей важной крѣпости не льзя еще точно знать. Донесу подробно черезъ три дни съ генералъ-маіоромъ Поповымъ, хотя и чрезъ то время всего открыть не льзя по множеству магазеиновъ и поклажи. Хлѣба довольно и городъ людной. Съ помянутымъ вѣстникомъ донесу подробно и о демонстраціяхъ, какія мною сдѣланы были къ устрашенію непріятеля. Повергая себя и все войско къ освященнымъ стопамъ вашего императорскаго величества“ (¹).

Сія знаменитѣйшая въ Турецкой имперіи крѣпость снабжена большою артиллеріею; по множеству магазеиновъ и запасу всякаго роду не могу донести обо всемъ вѣрно, предоставляя до будущаго курьера, которой отправится чрезъ три дни. Съ нимъ донесу подробно о движеніяхъ и разныхъ оказательствахъ, мною употребленныхъ къ устрашенію непріятеля.

Слѣдующая бумага и содержитъ въ себѣ подробности о взятіи Бендеръ: они сдались 4 ноября 1789. Съ этимъ первымъ извѣстіемъ присланъ былъ братъ любимца, (гр.) Валеріанъ Александр. Зубовъ.

2.

9 ноября 1789.

В. импер. величество изъ прежнихъ моихъ донесеній видѣть изволили, что августа мѣсяца 28 дня повсемѣстно приказалъ я войскамъ дѣйствовать наступательно. Что произошло на правомъ моемъ флангѣ съ визиремъ и съ г. пашею, я уже донесъ; самъ же съ шестью батальонами пѣхоты и частью конницы главнаго корпуса пошелъ взять позицію между Аккермана и Бендеръ, куда правымъ берегомъ Ботны и корпусъ изъ ..... (²) подъ кома: ген. пор. Потемкина слѣдовалъ. Съ послѣдняго марша отдѣленъ былъ генералъ пор. принцъ Ангальтъ къ Каршанамъ, дабы захватить находящагося тамо трехбунчужнаго Загналы-пашу, что̀ и исполнено. Оставя въ Каршанахъ шесть батальоновъ пѣхоты и довольное число конницы, а по Быку расположивъ сильный корпусъ, самъ съ дву-

(¹) Означенное кавычками было въ подлинникѣ зачеркнуто.

(²) Въ подлинникѣ не разобрано.

мя егерскими корпусами и большею частію конницы, пошелъ къ Аккерману, которой покоря, обратился къ Бендерамъ. Ваше имп. велич. изволите высоч. усмотрѣть, что такими движеніями и позиціей Бендеры были отрѣзаны отъ всякаго сообщенія съ своими, и всѣ курьеры, ими отправленные, достались намъ въ руки, отъ которыхъ, взявъ письмы, я отослалъ къ пашѣ. Я ничего не упустилъ, всемилостивѣйшая государыня, для овладѣнія сей крѣпостью. Не имѣя съ собою больше 8 орудій осадныхъ, старался всякой день новыя дѣлать оказательства прибавленіемъ войскъ по частямъ, окруживъ со всѣхъ сторонъ и съ противнаго берега крѣпость занятіемъ обширной дистанціи, представивъ имъ въ трое больше войска, нежели было. Много подѣйствовало для нихъ позорище совсѣмъ новое: 50 судовъ съ Черноморскими казаками были подведены къ самой крѣпости, а прежде всего отправилъ изъ Аккермана 25 чел. плѣненныхъ тамо Бендерскихъ жителей, которымъ приказалъ внушать, что съ покоряющимися мы обходимся милосердо и объявить, что отъ нихъ зависитъ воспользоваться человѣколюбіемъ вашего имп. вел. или терпѣть Очаковскую участь. Сіи много народа наклонили, или лучше сказать всѣхъ жителей. Но упорствовали прихожія войски. Наконецъ отъ Быка и Ботны приближилъ войски къ городу и сталъ лагеремъ на выстрѣлъ большихъ ихъ пушекъ. Генералъ-поручикъ Самойловъ въ тоже время занялъ форштатъ правой казаками. И тогда Турки ушли что завидѣли нашихъ, съ крѣпости стрѣляли на всѣ мѣста, но безъ вреда. И тогда выѣхалъ одинъ ага на лѣвой форштатъ къ пикету Бугскихъ казаковъ, гдѣ на ту пору случился полковникъ ихъ Скаржинскій, и по нѣсколькимъ спросамъ, прибылъ ли я, ему сказано, что скоро буду. (Я не приказалъ о себѣ сказывать прежде). Турокъ объявилъ, что жители ожидаютъ знать, въ чемъ состоитъ моя воля; а пришедшія войски хотятъ защищаться. Когда мнѣ о семъ было донесено, то я тотчасъ отправилъ отъ себя письмо, котораго и переводъ и отвѣта присланнаго здѣсь подношу (*). Я отвѣтъ обратилъ, явя, что не пришолъ я съ ними торговаться, а что открою огонь, естьли отъ нихъ не будетъ рѣшительнаго отзыва. И сказавъ сіе, приказалъ въ знакъ обвѣщенія объ атакѣ изо всѣхъ пушекъ произвести выстрѣлы. Отъ сего пришли въ прямую робость и прислали письмо, здѣсь въ копіи прилагаемое, наполненное терминами въ отношеніяхъ и титулахъ ко мнѣ, какихъ они визирю не даютъ, а только султану и хану иногда. Я посланныхъ принялъ ласково, назначилъ г. генер. аншефа и кав. кн. Долгор. для распоряженія всего. А какъ они въ разговорахъ упомянули, что имъ потребно 20 дней на выходъ изъ крѣпости, а чтобъ до тѣхъ поръ наши не входили, я отказалъ и вновь нарядилъ атаку. Корпусы егерскіе и конную бригаду принца Виртембергскаго приказалъ приближить, тоже и легкія войски. Турки поскакали въ крѣпость, прося обождать ихъ отвѣта. Уже по полуночи въ часъ выѣхалъ одинъ чиновной съ донесеніемъ, что паша и городъ отдаются неограниченно въ мою волю.

Здѣсь слѣдуетъ мой отвѣтъ, за которымъ Екатериносл. гранадерской полкъ выступилъ въ караулъ. Бомбардиры приняли батареи, егери расположились на форштатахъ, а отъ бригады конной принца Виртембергскаго поставлена наружная стража. Что по сіе время извѣстно, о томъ подношу вѣдомость.

Повергаю паки къ освящ. (стопамъ) в. имп. вел. мое усерднѣйшее подданническое поздравленіе, что Всевышній да-

(*) Оныхъ, и ниже упоминаемаго письма у насъ не имѣется.

ровалъ в. имп. вел. блистательную кампанію, которая Его помощью совершилася въ два мѣсяца. Къ сему присовокупляются поздравленія отъ генералитета, офицеровъ и всѣхъ неутомимыхъ и храбрыхъ солдатъ вашихъ. Христосъ наша сила, и мы въ воскресеніе воспоемъ благодарственная въ храмѣ св. Георгія, обращенномъ изъ главной мечети.

Это донесеніе о взятіи Бендеръ привезъ 23 ноября 1789 г. любимецъ кн. Потемкина ген.-маіоръ *Вас. Степ. Поповъ,* вмѣстѣ съ ключами крѣпости. Ему пожалованы за то орденъ св. Анны и 6 т. р. (Храповицкій, стр 212). За взятіе Бендеръ Потемкину дано 100 т. р. золотою монетою, вѣнецъ съ изумрудными лаврами, осыпанный крупными и рѣдкими алмазами, цѣною въ 150 т. р. Выбиты три золотыя медали съ боковымъ изображеніемъ Потемкина, увѣнчаннаго лаврами, на оборотахъ карта Крыма, планы Очакова и Бендеръ (Жизнь кн. Потемкина, Спб. 1811, ч. 2, стр. 85), Въ окрестностяхъ Бендеръ свѣтлѣйшій далъ великолѣпный праздникъ въ богатыхъ землянкахъ. Нѣсколько тысячь войска, огромная музыка и цѣлыя сотни пѣсенниковъ принадлежали къ пышности сего торжества. (Жизнь кн Потемкина, М. 1812, ч. 3, стр. 59).

V. Мѣропріятія противъ Польши.

18 марта, 1790.

Представляя карту Польши съ показаніемъ какъ вступившія войски занять должны три воеводства Подольское, Кіевское, Брацлавское, осмѣлюся доложить, что иначе не можно какъ вступить при первомъ движеніи непріязненномъ отъ Поляковъ. Ежели жъ намъ держаться оборонительно на своихъ границахъ, то по пространству ихъ никакой арміи къ защищенію не достанетъ; при томъ и съ союзными войсками сообщенія не будетъ, такъ что Поляки, обратя всю силу, на которую ни есть сторону, могутъ успѣхъ получить безъ поддерживанія отъ насъ взаимнаго другъ друга.

По протянутой чертѣ позиція наша въ Польшѣ помянутыя три воеводства оставитъ прикрытыми и границы наши пространныя начиная отъ кр. Хотинской по самую Могилевскую губернію не будутъ уже имѣть нужды въ страхѣ. Корпусъ цесарской, въ Галиціи расположенной, чрезъ то схватится рука съ рукой съ арміею ихъ, въ Моравіи находящейся. Или же занять Волынское воеводство? Еще такимъ движеніемъ пріобрѣтутся выгоды слѣдующія: 1) что мы получимъ на свою сторону милліонъ народу нашего закона, изъ которыхъ знатное число вооружится для насъ, а потому столько убудетъ у Польши; 2) всѣ заготовленія провіантскія будутъ для насъ и удобнѣе и дешевле; 3) крѣпости Бердичевъ и Каменецъ отъ нихъ отойдутъ со всѣми запасами; 4) потерявъ лучшую часть, Польша не въ состояніи будетъ ни тридцати тысячь содержать войска. „Нужно для сего мнѣ высочайшее повелѣніе о произведеніи въ дѣйство поднесеннаго мною о Польшѣ плана“ (*).

Слѣдуютъ здѣсь рапортицы, изъ которыхъ изволите увидѣть, что̀ обращается къ Польшѣ и Бѣлоруссіи. Я всеподданнѣйше прошу не раздѣлять войскъ сихъ, ибо назначаемыя въ Польшу столь обстоятельствами и расположеніемъ своимъ связаны съ находящимися противъ Турокъ, что часто послѣдними по случаямъ подкрѣплять будетъ можно, наипаче легкими войсками; а потому и нужно быть имъ подъ моимъ начальствомъ. При томъ для исполненія извѣстнаго плана иногда и присутствіе мое потребно.

Въ Бѣлоруссію отряженные полки должны дѣйствовать оборонительно, покуда вошедшія войски въ три полуденныя воеводства не двинутся съ назначенной чер-

(*) Означенное кавычками въ подлинникѣ зачеркнуто.

ты, что̀ надлежитъ учинить вмѣстѣ съ цесарскими, съ которыми обо всемъ условиться должно и меня на сіе разрѣшить.

Операціи противу Турокъ теперь никакъ положить нельзя до возвращенія моихъ отъ визиря, чрезъ которыхъ я узнаю ихъ расположеніе. Вѣрно только то назначить можно, что флотомъ нашимъ искать ихъ флота и рѣшительное произвести дѣло (да поможетъ Господь Богъ) отъ Кубанской и Кавказской части большую диверсію, ради раздѣленія ихъ вниманія. Бѣда, что рекруты не дошли еще ни къ одному полку, а придутъ въ жары къ паполненію лазаретовъ. Когда одѣвать и учить! У меня одинъ полкъ гранадерской Екатеринославской въ четырехъ батальонахъ, а протчіе двухъ не составляютъ. Егерской Бѣлорусской корпусъ совсѣмъ истребленъ, какъ нарочно.

Кн. Потемкинъ Таврическій.

Рукою В. С. Попова: „Отправлено при письмѣ."

VI. Письмо къ Попову (?) по дѣламъ дипломатическимъ (1790).

Наскучили уже Турецкія басни. Ихъ министерство и насъ и своихъ обманываетъ. Тянули столько, и вдругъ теперь выдумали медіацію Прусскую, да и мнѣ предлагаютъ. Это дѣло не мое, а дворамъ принадлежитъ: мои инструкціи—или миръ или война. Ты имъ изъясни, что коли мириться, то скорѣй: иначе буду ихъ бить. Скажи имъ, чтобы они подумали: ежели помиримся поздо, то арміи должно остаться въ Молдавіи до будущаго лѣта, ибо чрезъ пустую степь не только зимою, но и въ глубокую осень итить въ наши границы не можно; а чрезъ то не только Молдавію, но и Валахію получить въ свое правленіе имъ не льзя.

Бездѣльникъ ихъ капитанъ паша, будучи разбитъ близь Тамана съ поврежденными кораблями какъ курва. И теперь еще пять судовъ починиваютъ, а насказалъ, что у насъ поотнималъ нѣсколько судовъ. Сія ложь и у визиря была публикована. На что они лгутъ и обманываютъ себя и государя! Теперь еще было у флота сраженіе, гдѣ они потеряли капитанію, и еще большой корабль взятъ, на которомъ капитанъ былъ Кара-али, адмиралъ капитаніи Саидъ-бей. У насъ въ полону капитанія сожжена, тутъ потонуло 800 человѣкъ, да живыхъ взято съ другимъ кораблемъ и мелкими судами 700 слишкомъ. У нихъ разбитыхъ судовъ много потонуло, и всѣ разбиты въ прахъ. Богъ намъ видимо помогаетъ, а они идутъ противъ Его власти.

Государыня при всѣхъ авантажахъ, можно сказать, имъ даруетъ миръ, ибо что значитъ пустая степь, и та ханская!

Съ Прусскимъ продолжай быть ласково; ежели упомянутъ о медіаціи, то отвѣчай, что сіе принадлежитъ учреждать дворамъ. А ежели Турки упомянутъ что̀ о Польшѣ, отвѣчай, что мы не намѣрены имъ вредить.

Самъ просись прочь и конечно скоряй пріѣзжай.

Кн. Потемкинъ Таврическій.

Рукою В. С. Попова: Послано съ прибавкою ... 790.

VII. Дѣла домашнія.

Рукою В. С. Попова: „Объявлено 29 августа, 1788."

Сказать мамзелѣ Габилѣ, что я съ ней не дѣлалъ кондиціи, чтобъ ей оставаться при моей племянницѣ вѣчно; а какъ я господинъ въ своемъ домѣ, то и тутъ хочу что мнѣ нравится. Я не понимаю, какъ графиня Браницкая (*) осмѣлилась унимать

(*) Извѣстная графиня Александра Васильевна, другая племянница Потемкина. Рѣчь идетъ о Татьянѣ Васильевнѣ (1767—1841), бывшей сначала за Михаиломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ, троюроднымъ братомъ свѣтлѣйшаго, а потомъ за кн. Н. Б. Юсуповымъ.

ее противъ моей воли, когда я ей сказалъ, что не хочу ее больше имѣть, за что я ей вымою голову.

Я не хочу распространяться въ изъясненіяхъ, для чево я отпускаю, а скажу только то, что знатность моей роднѣ сообщается отъ меня; они обязаны всѣмъ мнѣ, и что они безъ меня были бъ въ худомъ конечно состояніи; что я имъ отецъ, а потому и воспитаніе ихъ честь или безчестье мнѣ приноситъ; то сіе воспитаніе и слѣдуетъ быть на моей апробаціи.

Чтобъ госпожа Габиль вспомнила, когда я полагалъ вывести въ публику мою племянницу, судя что уже она не рабенокъ, и на что опричь другихъ резоновъ довольно было одной моей воли, она вмѣсто должнаго мнѣ уваженія моему приказанію, вздумала находить резоны противные и писать къ сестрамъ ея, что это не кстатѣ и рано. Ей хочется, чтобъ племянница моя осталась рабенкомъ навсегда, а я не хочу ни сего, ниже быть у нея подъ судомъ. Ежели она не знала другихъ правъ моихъ распоряжать по моей волѣ, то бъ должна была знать хотя то, что отъ меня она получаетъ плату сверхъ многихъ благодѣяній, ей Габилѣ оказанныхъ.

Мнѣ грустно было видѣть, что я оставался во всемъ въ неизвѣстности. Успѣхи ли племянница моя оказываетъ, кому они должны быть открыты ближе какъ мнѣ; пороки ли она имѣетъ, кто больше въ состояніи ее исправить какъ я? Но отъ меня утаено было все, а письмы г. Габиль къ сестрамъ ея наполнены жалобами, изъясняясь всегда о худой надеждѣ ожидать добраго и такими словами, *qu'elle est disposé à des passions fortes*, и что ее исправить она отчаевается, требуя отъ сестеръ писать къ Татьянѣ В., чтобъ она болѣе у нея была въ послушаніи; а я въ четырехъ шагахъ живучи не зналъ, что моя племянница столь страннаго сложенія.

Вотъ такъ, резоновъ много изрядныхъ, но главной есть тотъ, что я хочу.

VIII. Хозяйственныя распоряженія.

1.

Послѣднее описаніе волости Павловской столь же недостаточно, какъ и первое. Въ числѣ земель ошибка большая, и при томъ столь конфузно описано, что никакъ яснаго понятія имѣть не можно.

Естли бы мнѣ нужны были неосновательныя описанія по безтолковымъ сказкамъ тамошнихъ мужиковъ, то бъ я и здѣсь будучи самъ ихъ набредить могъ.

Примѣчаніе о неплодородіи земли для меня странно, что будто земля тамошняя и при лучшемъ удобреніи не принесетъ болѣе четырехъ зеренъ, а я думаю, что каждая земля, будучи по своей натурѣ совершенно удобрена, дастъ столько какъ и самая плодороднѣйшая.

Объ лѣсѣ дровяномъ показано столь разнообразно съ прежнимъ, что никакого толку тому дать нельзя.

2.

Какъ вы теперь отправляетесь въ Москву съ тѣмъ, чтобъ управлять заводомъ, то я къ сему поручаю и всѣ деревни, бывшія въ управленіи Петра Егоровича, а имянно Волокъламскія, обѣ подмосковныя, Суздальскія, кои нынѣ Гороховскаго уѣзда, Шацкія и Верхоломовскія.

Во ожиданіи отъ господина Бауера примѣчаній, по осмотрѣ имъ учиненныхъ, не могу предписать вамъ подробностей касательныхъ до хозяйства, а только что слѣдуетъ теперь замѣтить о подмосковныхъ. Хлѣбъ, какой есть въ оныхъ, также и въ Алексинскихъ деревняхъ, продать и вмѣсто того купить на винокурню въ околичности. Въ селѣ Петровскомъ осмотрите лѣсъ и отпишите мнѣ, какого сколько, что̀ березоваго, липоваго, ольховаго и другаго. Сосновой и еловой по-

казанъ особливо, потому что оному другое будетъ употребленіе.

Пашня господская въ подмосковныхъ не нужна, какъ только развѣ для дачи хлѣбной людямъ; лишнюю уничтожить и умножить сѣнокосъ.

Голанскихъ коровъ и быковъ, коли сходно купятъ, продать, а ежели нѣтъ, то отправить на Хоперъ.

Осмотрите въ Петровскомъ глину и увѣдомьте меня о добротѣ оной.

IX. Письма къ Я. И. Булгакову.

Печатаются съ подлинниковъ, принадлежащихъ *Н. С. Киселеву*. Только подпись собственноручная; а самыя письма писаны рукою, кажется, В. С. Попова; письмо 5-е писано, когда Булгаковъ былъ посломъ уже въ Варшавѣ; оно все собственноручное.

1.

Секретнѣйшее.

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ! Вашему превосходительству, по предварительнымъ ея императорскаго величества высочайшимъ повелѣніямъ извѣстно о всемилостивѣйшемъ мнѣ порученіи дѣлъ пограничныхъ съ Портою. Какъ во первыхъ предлежали тамъ Грузинскія обстоятельства, то при открытіи съ вами сношенія за нужно я считаю дать вамъ знать о примиреніи царя Ираклія съ пашею Ахалцихскимъ Солиманомъ. Условія, между ими постановленныя, въ копіи здѣсь слѣдуютъ. Ваше превосходительство найдете тутъ одинъ артикулъ нѣсколько странный, коимъ ограничивается въ Грузіи число войскъ Россійскихъ. Но сіе положеніе, не заключающее впрочемъ важности, приписую я торопливости царя и незнанію дѣлъ. Вамъ предоставляется изъ помянутыхъ условій извлечь только то, что̀ полезно быть можетъ.

Препровождаю при семъ выписку изъ высочайшаго ея императорскаго величества мнѣ повелѣнія касательно ввѣренной мнѣ власти начинать военныя дѣйствія и отозвать васъ изъ Константинополя, когда обстоятельства того востребуютъ. Ея императорское величество желаетъ имѣть полныя отъ Порты удовлетворенія. Я уполномоченъ удерживать право ея силою; войски въ полномъ движеніи Одна только скорость исполненія отъ Порты требуемаго можетъ остановить дѣйствіе оружія. Ваше превосходительство имѣете по полученіи сего истребовать у Порты конференцію, на которой предложить, что дальныхъ отлагательствъ мы терпѣть не будемъ. Объявите имъ, что вы должны непродолжительно дать мнѣ знать о ея расположеніяхъ и что я уже на границѣ. Требованіе ея императорскаго величества состоитъ: 1) Чтобы отнюдь не были обезпокоиваемы границы владѣній царя Ираклія, какъ подданнаго ея величества. 2) Чтобы ни одинъ бѣглецъ Россійской, какъ то Запорожцы и имъ подобные, не держались при Очаковѣ, но чтобъ отосланы были за Дунай. 3) Чтобъ Варнское и соляное дѣло окончаны были немедленно на основаніи трактата и конвенціи, и 4) Объявить, что Закубанцы не перестаютъ дѣлать безпокойствъ и производить грабежи въ нашихъ границахъ похищеніемъ людей и отогнаніемъ скота, и что сіе безъ наказанія оставлено быть не можетъ. Вы изъясните имъ, что Россія терпѣла ихъ наглости изъ уваженія къ Портѣ, но что оное непрестанными отъ нихъ безпокойствами уже истощилось.

Проговоря сіе, можете ваше превосходительство съ искренностію увѣрить министерство Порты, что ихъ недовѣренность къ нашей дружбѣ неосновательна, и что желанія ея величества свято основаны на сохраненіи мира. Сами они по пространству и великости имперіи Рос-

сійской могутъ видѣть, нужно ли ея величеству желать распространенія предѣловъ. Сама натура положенія мѣстъ можетъ имъ доказать, что большое расширеніе владѣній ослабило бы Россію, наипаче теперь, когда полученіемъ Крыма окружность границъ толь совершенно устроена. Представьте имъ ясныя доказательства, что вмѣсто укрѣпленій и исканія посторонних противу насъ пособій лучше для нихъ и полезнѣе прямо быть съ нами въ дружбѣ, которая непрерывнымъ наблюденіемъ обязанностей столь усилится, что тишина и покой взаимный утвердятся на вѣки. Обратя же въ обоюдную пользу Богомъ дарованное изобиліе и плодоносіе земель, мы распространимъ торговлю, которая привлечетъ въ оба государства корысти изъ всѣхъ странъ. Увѣрьте ихъ, что удовлетворя наши требованія могутъ они ожидать на свои прозьбы снисхожденія. Представьте имъ посредство ваше видомъ собственнаго вашего удовольствія оказать услугу. Вы можете имъ ручаться о успѣхѣ, сказавъ о знакомствѣ нашемъ отъ младенчества (*), и что вы со мною надѣетесь достигнуть всего возможнаго.

Заключаю сіе увѣдомленіемъ вашего превосходительства о состояніи дѣлъ нашихъ въ Персіи и въ окрестностяхъ Кавказа. Магометъ, ханъ Астрабатской, по овладѣніи Испаганомъ и соединеніи подъ власть свою многихъ прочихъ хановъ, простерши завоеванія свои къ Дагестану, ищетъ дружбы нашей, что̀ усмо́трите изъ переводу его ко мнѣ письма, здѣсь вложеннаго. Шамхалъ, Тарковской владѣлецъ, принятъ подъ высочайшую ея императорскаго величества державу. Умъ, ханъ Аварской, извѣстный по послѣднимъ набѣгамъ въ Грузію, и Фетъ-али, ханъ Дербентской, прислали ко мнѣ посланцовъ съ прошеніемъ покровительства всемилостивѣйшія нашей монархини. Имѣя полную мочь отъ ея императорскаго величества на принятіе народовъ тамошнихъ подъ державу и въ службу ея величества и на заключеніе съ ними постановленій, спѣшу я произвесть въ дѣйство сіи предположенія, обезпечивающія Грузію отъ бѣдствій, коимъ она прежде была подвержена, предохраняющія отъ набѣговъ границы наши и утверждающія всегдашнюю того края отъ Россіи зависимость.

Я надѣюсь, что вы не умедлите по настоящей связи дѣлъ доставить ко мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія и замѣчанія ваши, пребывая за тѣмъ съ особливымъ къ вамъ почтеніемъ, вашего превосходительства, милостивый государь мой, покорнымъ слугою *князь Потемкинъ.*

Декабря 13 дня
1786 года,
Кременчугъ. (**)

(*) Оба, и генералъ-фельдмаршалъ и посланникъ въ Турціи, были Москвичи и воспитанники Московскаго университета; но первый (род. по кн. Долгорукому въ 1739 г.) былъ 4-мя годами старше втораго.

(**) Передъ самымъ отъѣздомъ имп. Екатерины въ Таврическое путешествіе.

Приложенія къ № I.

а.

Переводъ съ письма Персидскаго къ генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину, писаннаго отъ Магометъ хана Испаганскаго.

Облеченный въ великолѣпіе, знаменитый славою, премудростію и добродѣтелями, повелѣвающій многочисленными войсками, герой уполномоченный отъ двора Россійскаго, министръ и многихъ степеней чиноначальникъ, свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. Желаю, чтобъ прославилось благосостояніе ваше наивящею и неувядаемою славою. За симъ имѣю честь симъ вашей свѣтлости донести, что по

благодати Божіей взялъ я Испагань безъ дальняго затрудненія. Пріѣзжаго сюда отъ стороны Россійской грузина Аллавердія, который не отпускаемъ былъ отсюда въ Россію, обитающими здѣсь Персіанами, по фамиліи Зендъ называемыми, я отъ нихъ высвободилъ и отправилъ ко услугамъ вашей свѣтлости, разумѣя, что зависимые мнѣ въ Персіи народы ничего противнаго съ Россіею не имѣютъ. Я, отправя вышеозначеннаго грузинца Аллавердія, пишу письмо сіе для утвержденія моей съ вашею свѣтлостію дружбы; а потому усердно желаю, чтобъ подданные Россійскіе купцы пріѣзжали и отъѣзжали моремъ и сухопутно въ Астрабатъ и Мезандронь и торговали безъ всякаго опасенія, обидъ же имъ никакихъ не будетъ. За симъ прошу вашу свѣтлость о дѣлахъ до меня касающихся безъ увѣдомленія меня не оставлять

У подлиннаго приложена печать чернильная съ именемъ Магометъ хана.

б.

Переводъ съ копіи условія его высочества царя Ираклія съ Ахальцихскимъ Сулеиманъ пашею.

Нашему брату Сулеиманъ пашѣ объявляемъ миръ и дружбу.

1. Какъ ея императорское величество пребываетъ съ его величествомъ султанскимъ въ мирѣ, то и мы его подданнымъ никакихъ обидъ не дѣлаемъ.

2. Пожалованные намъ всемилостивѣйше противъ нашихъ непріятелей 3000 Россійскихъ войскъ не умножать, но сіе число должно быть всегда полное.

3. Употреблять будемъ Россійскія войски обще съ нашими противъ нашихъ непріятелей.

Отъ нашего брата взяты обязательства слѣдующія:

1. Дагестанцевъ въ Ахальцихѣ не держать и не призывать, оными или своими войсками Грузіи вреда не дѣлать, нашихъ подданныхъ не продавать и не покупать.

2. Сулеиманъ паша не долженъ съ нашими непріятелями ни тайнымъ, ни явнымъ образомъ сношенія имѣть.

3. Войскъ султанскихъ на границахъ нашихъ не содержать.

в.

Секретнѣйшее.

Выписка изъ высочайшаго повелѣнія его свѣтлости князю Григорью Александровичу Потемкину отъ 16 октября 1786.

Мы видимъ уже себя при дверяхъ той необходимости, въ которую поставляетъ насъ оборона славы и безопасности границъ нашихъ, особливо же есть ли Порта не окажетъ вниманія къ послѣднимъ ей учиненнымъ внушеніямъ и не сыщетъ сама средства исправить оскорбленіе, послѣднимъ ея меморіаломъ намъ нанесенное.

Мы тогда конечно должны будемъ воспріять дѣятельныя противъ ея мѣры, бывъ убѣждены въ совѣсти нашей, что всякъ безпристрастный признаетъ справедливость нашу. Тутъ съ особливымъ удовольствіемъ пріемлемъ мы планъ, вами начертанный и произведеніе онаго въ дѣйствіе предполагаемъ слѣдующимъ образомъ.

Далѣе. Въ чемъ, ввѣривъ вамъ главное начальство надъ арміею, даемъ вамъ полную власть и разрѣшеніе распространять всѣ поиски, кои къ пользѣ дѣла и къ славѣ оружія нашего служить могутъ.

Далѣе. Посланникъ нашъ Булгаковъ имѣетъ уже отъ насъ повелѣніе посылать дубликаты своихъ донесеній къ вамъ и предписанія ваши по службѣ нашей исполнять. Подтверждая ему о семъ вновь, мы дали ему знать, что какъ скоро получитъ онъ отъ васъ увѣдомленіе о выѣздѣ его изъ Царьграда, долженъ будетъ предъявить Портѣ причины тому, и требовать безопаснаго отъѣзда. Онъ останется тогда при васъ, и какъ со времени разрыва переписка съ визиремъ и всякіе къ миру приготовлявшіе переговоры долженствуютъ между вами производиться, а мы по временамъ и обстоятельствамъ не оставимъ снабдить васъ всѣми тутъ нужными наставленіями, то вы и можете означеннаго посланника употребить подъ руководствомъ вашимъ для таковыхъ переговоровъ и слѣдующихъ изъ того постановленій.

2.

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ! Нелѣпыя условія, постановленныя между царя Ираклія и паши Соли-

мана Ахалцигскаго, сами собою разрушились, поелику сей послѣдній представилъ новыя требованія, имѣющія предметомъ отторженіе Грузіи отъ державы Россійской. Я, будучи съ одной стороны доволенъ уничтоженіемъ помянутыхъ условій, не могу впрочемъ быть безъ заботы о состояніи Грузіи, подверженной всегдашнимъ нападеніямъ хищныхъ своихъ сосѣдей. Паша не приминетъ производить все то въ дѣйство, что только ко вреду и раззоренію сего царства служить можетъ; а въ такомъ случаѣ и нужно наисильнѣйшее съ вашей стороны домогательство у Порты, чтобъ царь Ираклій оставленъ былъ въ полной тишинѣ и спокойствіи отъ паши Ахалцыгскаго, и чтобъ онъ ни тайно, ни явно, ни самъ собою, ни чрезъ другихъ, не дерзалъ касаться границъ сего царства. Дайте чувствовать, что продолженіе чинимыхъ имъ своевольствъ неизбѣжно можетъ произвесть непріятныя послѣдствія.

Я ожидаю теперь извѣстій отъ васъ изъ Царьграда о настоящемъ положеніи тамошнихъ дѣлъ и пребываю за тѣмъ съ отличнымъ почтеніемъ вашего превосходительства, милостивый государь мой, покорнымъ слугою *князь Потемкинъ*.

Декабря
25 дня 1786,
Херсонъ.

3.

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ! Прошу ваше превосходительство заказать сдѣлать въ Константинополѣ шлюпку во всемъ сходную съ Султанскою, подобнымъ образомъ оную убрать и снабдить всѣми принадлежностями, а по изготовленіи и доставить ее, коль скоро возможно, въ Севастополь, дабы оная могла тамъ быть прежде высочайшаго ея императорскаго величества прибытія.

Деньги, на сіе употребленныя, доставлю я къ вашему превосходительству по первому о томъ увѣдомленію, пребывая съ отличнымъ почтеніемъ *и пр.*

№ 54.
Генваря 7 дня
1787,
Симферополь.
Его превосход. Булгакову.

4.

Милостивой государь мой Яковъ Ивановичъ! Препропровождаю къ вашему превосходительству высочайшее ея императорскаго величества повелѣніе, по поводу коварныхъ намѣреній паши Ахалцигскаго послѣдовавшее, и какъ я предполагаю, что ваше превосходительство исполнили уже все по сей матеріи мною чрезъ господина Лашкарева къ вамъ писанное, то и остается мнѣ только ожидать увѣдомленія вашего, съ какимъ успѣхомъ произвели вы сіе въ дѣйство. Весьма бы нужно вѣдать, достигъ ли мѣста своего чиновникъ, съ повелѣніями отъ Порты къ пашѣ Ахалцигскому посланный, или гдѣ не остановленъ ли. При открытіи умышленной его въ пути медленности имѣете долгъ требовать, чтобъ съ подтвердительными повелѣніями другой надежный человѣкъ туда былъ посланъ, употребя въ семъ случаѣ кого либо и изъ вашей свиты, развѣ бы уже Порта прямо васъ удостовѣрила въ немедленномъ и точномъ доставленіи указовъ своихъ въ Ахалцихъ.

Въ самое то время, когда въ покушеніяхъ паши Ахалцигскаго обнажаются вредные замыслы Порты объ отторженіи Грузіи изъ подъ державы Россійской, разные Закубанскіе народы, часъ отъ часу съ большею дерзостью и съ большими силами переходя на нашъ берегъ, нападаютъ на селенія и войски, стражу содержащія, какъ то усмотрите изъ прило-

женной здѣсь записки. Сдѣлайте вопросъ министерству Турецкому, почитаютъ ли они своими подданными Закубанцовъ и въ состояніи ли обуздать ихъ своевольствіе. Есть ли они сіе на себя пріемлютъ, то твердо настоять имѣете, чтобъ за всѣ непріятельскія ихъ дѣйствія полное и скорое доставлено было намъ удовлетвореніе, чтобъ люди, скотъ и все прочее захваченное имущество тотчасъ было сыскано и возвращено, чтобъ дѣлавшіе набѣги были наказаны какъ злодѣи и общаго спокойствія нарушители, и чтобъ впаденія въ наши границы совершенно прекращены были. Но есть ли Порта признаетъ неповиновеніе ихъ и неудобность воздержать оныхъ, а между тѣмъ возобновятся ихъ набѣги; то мы уже сами принуждены будемъ подвергнуть ихъ жестокости наказанія, которое толь долго отлагаемо было изъ единаго только къ Портѣ уваженія.

Чѣмъ скорѣе ваше превосходительство доставите мнѣ свѣдѣніе о настоящихъ расположеніяхъ Порты и соотвѣтствіи на ваши требованія, тѣмъ болѣе окажите мнѣ способствованія къ благовремяннымъ распоряженіямъ въ дѣлахъ всевысочайше мнѣ ввѣренныхъ, пребывающему съ отличнымъ почтеніемъ и пр.

28 января, 1787 года. Кременчугъ.

*

Записка о учиненныхъ Закубанцами впаденіяхъ въ границы Россійскія въ концѣ минувшаго 786 года.

Въ сентябрѣ

Партія Закубанцовъ, переправясь на Россійскую сторону, прошла къ селенію Ставропольскому и отогнала пасшихся тамо триста восемьдесять одну лошадь.

Другая партія, перешедъ изъ за Кубани, захватила двухъ человѣкъ казаковъ близь прочнаго окопа и увела ихъ въ плѣнъ.

Третія партія нападала на редутъ при Овечьемъ бродѣ; три человѣка захвачены ими въ плѣнъ, одинъ убитъ и двое ранены.

Въ октябрѣ.

Толпа въ пятистахъ человѣкахъ напала на редутъ безопасный, гдѣ захвачены ими двадцать три человѣка и пять человѣкъ побиты.

Сорокъ человѣкъ пансырниковъ, напавъ близь Разсошинскаго окопа на разъѣздъ, захватили шесть казаковъ и двухъ изранили.

Двѣсти человѣкъ Закубанцовъ близь Копыла атаковали разъѣздную команду во стѣ человѣкахъ и хотя были отогнаны, однакожъ нѣсколько человѣкъ ранили.

1-го ноября, разныхъ родовъ Закубанцы болѣе нежели въ тысячѣ человѣкахъ, переѣхавъ на Россійской берегъ, атаковали прежде Болдыревской редутъ, потомъ же приближившуюся туда казачью команду, и по жестокомъ сраженіи, причиня убитыми и плѣненными урону до двухъ сотъ человѣкъ, убѣжали съ плѣномъ и добычею за Кубань.

5.

Милостивой государь мой Яковъ Ивановичъ! Письмо ваше получилъ, по которому ожидаю обѣщаннаго курьера съ бо̀льшими обстоятельствами.

Плюйте на ложныя разглашеніи, которыя у васъ на нашъ щетъ дѣлаютъ. Суворовъ слава Богу цѣліохонекъ; на сухомъ пути дѣла не было нигдѣ: Турки и смотрѣть на насъ близко не смѣютъ. Какъ имъ не наскучитъ лгать! Лучше бы подумали, что естли бы были съ нами дружны, то бы Молдавія была уже ихъ. На морѣ намъ Богъ помогъ совершенно разбить флотъ непріятельской. Я навсегда вѣрный и покорный слуга *кн. Потемкинъ Таврическій.*

8 сентября, 790. Бендеры.

Старайтесь уловить на нашу сторону маршала Потоцкаго и Сапегу съ матерью.

Записка о бунтѣ, произведенномъ Беніовскимъ въ Большерѣцкомъ острогѣ и о послѣдствіяхъ онаго.

Баронъ Морицъ Анадаръ де Беневъ (какъ онъ самъ подписывался), родомъ Венгерецъ, бѣжавшій изъ отечества за самоуправный поступокъ съ братьями и служившій въ Польской конфедераціи, былъ въ 1768 г. взятъ Русскими и отпущенъ на честное слово, что не будетъ служить противъ нашихъ войскъ. Онъ не сдержалъ слова и въ маѣ слѣдующаго года былъ вторично захваченъ полковникомъ Бринкеномъ. Генералъ князь Прозоровскій отправилъ его въ Кіевъ, откуда онъ былъ посланъ на жительство въ Казань, вмѣстѣ съ плѣннымъ Шведомъ Адольфомъ Винбладомъ, служившимъ также конфедератомъ. Они оба оттуда бѣжали черезъ Москву въ С. Петербургъ, въ надеждѣ уѣхать на кораблѣ за границу, но были задержаны полиціею и по высочайшему повелѣнію 14 ноября 1769 г. посланы на житье въ Камчатку съ тѣмъ, чтобы кормились трудами рукъ своихъ.

Въ одно съ ними время отправлены были туда же государственные преступники Пановъ (бывшій гвардіи поручикъ), Степановъ (бывшій арміи капитанъ) и Батуринъ (бывшій артил. полковникъ) (*). Они съѣхались вмѣстѣ въ Охотскѣ, и, оставаясь тамъ до наступленія лѣтняго, удобнаго для навигаціи, времени, свели тѣсное знакомство между собою и съ посторонними людьми, между прочимъ съ прапорщикомъ Охотской команды Норпнымъ и штурманскимъ ученикомъ Софьинымъ, у котораго Батуринъ выманилъ и деньги. Въ іюлѣ же 1770 г. они были отправлены изъ Охотска въ Камчатскій Большерѣцкій острогъ: Батуринъ на одномъ суднѣ, а всѣ прочіе на другомъ. Беніовскій думалъ уже и въ сію поѣздку, согласясь съ другими ссыльными, запереть стражу внизу и, овладѣвъ судномъ, направить путь къ Испанскимъ владѣніямъ; но за тогдашнимъ позднимъ временемъ не рѣшился привести такое намѣреніе въ исполненіе. Тѣмъ болѣе сталъ онъ обдумывать планъ своего освобожденія по прибытіи въ Камчатку, гдѣ обстоятельства были къ тому благопріятнѣе.

Камчатка, по смѣнѣ флота капитана Извѣкова, находилась въ управленіи капитана Григорія Нилова, человѣка нерадиваго и особенно подверженнаго слабости пьянства: онъ всѣмъ ссыльнымъ предоставилъ полную свободу ходить и знакомиться съ кѣмъ они хотѣли. Большерѣцкъ заключалъ въ себѣ тогда не болѣе 35 домовъ: гарнизонъ его состоялъ изъ 70 казаковъ, не исключая изъ сего числа стариковъ и малолѣтныхъ; сверхъ того многіе изъ служивыхъ были въ безпрестанныхъ командировкахъ. Тамъ, новопривезенные арестанты нашли старыхъ ссыльныхъ и въ числѣ ихъ: бывшаго камеръ-лакея правительницы Анны, Гурченинова, которой въ 1742 г. участвовалъ въ заговорѣ противъ императрицы Елизаветы Петровны (*), также Семена Гурь-

(*) Яковъ Батуринъ (по другимъ извѣстіямъ поручикъ Бутырскаго полка) въ 1749 г., въ бытность двора въ Москвѣ, покушался возвести на престолъ великаго князя Петра Ѳедоровича и тогда же преданъ заключенію въ Шлюссельбургской крѣпости. Въ царствованіе Екатерины, его сослали далѣе за попытку бѣжать. Предположеніе о прежнихъ винахъ Панова и Степанова, см. ниже. *П. Б.*

(*) Гурчениновъ вмѣстѣ съ прапорщикомъ Преображенскаго полка Ивашкинымъ и сержантомъ Сновидовымъ, повинились: Ивашкинъ въ томъ, что по восшествіи императрицы Елисаветы на престолъ, намѣревался ночью умертвить ее и велик. кн. Петра Ѳеодоровича и лейбъ-кампанію заарестовать;—Гурчениновъ, что, слыша о томъ, не донесъ и самъ совѣтовался какъ бы

ева, сосланнаго въ 1762 г., Хрущова (бывшаго капитана гвардіи) и Магнуса Мейдера (бывшаго адмиралтейскаго лекаря).

Всѣ сіи люди, съ большею или меньшею степенью образованности, могли имѣть преимущество передъ прочими жителями Большерѣцка, не исключая самаго Камчатскаго командира Нилова, у котораго Беніовскій или Бейнакъ (какъ его тамъ всѣ тогда и даже послѣ во всѣхъ оффиціальныхъ донесеніяхъ называли) пріобрѣлъ особенную довѣренность, ибо онъ между прочимъ обучалъ его сына иностраннымъ языкамъ и математикѣ. Между тѣмъ онъ начертилъ для будущаго своего предпріятія карту Камчатки и острововъ Курильскихъ и Алеутскихъ, и въ началѣ слѣдующ. 1771 г. тайный заговоръ его и Винблада съ Степановымъ, Батуринымъ, Пановымъ, Хрущовымъ, Мейдеромъ и Гурчениновымъ достигъ совершенной зрѣлости. Они успѣли склонить на свою сторону Чулошникова, прикащика купца Холодилова съ его работниками, штурмана Чурина, штурманскаго ученика Бочарова, священническаго сына Уфтюжанинова (котораго Беніовскій обучалъ вмѣстѣ съ капитанскимъ сыномъ), шельмованнаго казака Рюмина, нѣсколькихъ матросовъ и Камчадаловъ. Простымъ людямъ они внушали, что Беніовскій и привезенные къ нимъ арестанты страждутъ невинно за в. к. Павла Петровича. Беніовскій въ особенности показывалъ какой то зеленый бархатный конвертъ, будто бы за печатью его высочества съ письмомъ къ императору Римскому о желаніи вступить въ бракъ съ его дочерью, и утверждалъ, что будучи сосланъ за сіе тайное посольство, онъ однакожь умѣлъ сохранить у себя столь драгоцѣнный залогъ высочайшей къ нему довѣренности, который и долженъ непремѣнно доставить по назначенію. Онъ не могъ только подговорить Гурьева и прибилъ его. Такой поступокъ обратилъ на себя вниманіе даже и капитана Нилова, который приказалъ приставить къ Беніовскому и Винбладу въ ихъ квартиры по одному солдату и еще одного къ двумъ Русскимъ ихъ соучастникамъ. Беніовскій не принялъ приставленнаго къ нему караула и въ тотъ же день далъ знать всѣмъ, чтобы ночью были готовы на дѣло. Штурманскіе ученики Зябликовъ и Измайловъ подслушали ихъ разговоры, спѣшили въ Большерѣцкую канцелярію и объявили о томъ караульнымъ, которые, будучи пьяны, не хотѣли повѣрить ихъ словамъ тѣмъ болѣе, что и Измайловъ былъ тоже не въ трезвомъ видѣ. Онъ и Зябликовъ хотѣли извѣстить самаго капитана, но никакъ не могли къ нему достучаться.

Во 2-мъ часу ночи необычайный крикъ часоваго привелъ въ тревогу канцелярію, но уже было поздно. Беніовскій, Винбладъ, Батуринъ, Пановъ, Степановъ, Хрущовъ, Чулошниковъ, крестьянинъ Кузнецовъ, матросъ Ляпинъ и многіе изъ промышленниковъ бросились на дневальнаго и часовыхъ, обезоружили ихъ и посадили на гауптвахту, потомъ явились предъ квартирою капитана. Тамъ въ большой прихожей спалъ сынъ его и сержантъ Лемзаковъ, въ малой – казачій пятидесятникъ Потаповъ, въ черной избѣ—три вѣстовые казака и двое Камчадалъ работниковъ. Мятежники страшно застучали въ дверь. Сержантъ первый услышалъ ихъ

принца Іоанна сдѣлать императоромъ, а принцессу Анну правительницею и склонялъ къ тому двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ... Сновидовъ оказался участникомъ обоихъ первыхъ. Они всѣ трое въ 1742 г. наказаны кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и отрѣзаніемъ языка у Гурченинова и сосланы въ Камчатку, гдѣ во время бунта Беніовскаго находились: Гурчениновъ въ Большерѣцкомъ, Ивашкинъ въ Верхнекамчатскомъ, а Сновидовъ въ Нижнекамчатскомъ острогахъ.

и разбудилъ сына Нилова: „Что спишь? вставай; пришли многіе люди и ломятся!" а самъ старался удержать дверь, запертую крюкомъ. Сынъ не медля бросился къ отцу, который, какъ бы предчувствуя вѣчную съ нимъ разлуку, прижалъ его къ себѣ такъ крѣпко, что онъ едва могъ вырваться изъ рукъ его и скрыться въ отхожее мѣсто. Злодѣи ворвались, крича: „Имай, хватай, рѣжь, пали, вяжи!"

Ниловъ три раза кричалъ: караулъ! и звалъ вѣстовыхъ. Голосъ его замолкъ въ страданіяхъ: ему изрѣзали ножемъ лѣвую руку, лице подъ ушицей пробили насквозь и нанесли глубокую язву въ ногу; мертвое тѣло, покрытое синими пятнами и кровью, вытащено въ сѣни и брошено. Сержантъ и прочіе люди связаны и уведены на гауптвахту, кромѣ казака Дурынина, пролежавшаго все опасное время подъ столомъ. Отсюда мятежники, овладѣвшіе уже казною, двумя пушками и всѣми военными припасами, обратились въ 3 часу утра къ дому сотника Чернаго, гдѣ встрѣтили храброе сопротивленіе. Сынъ его ларешный казакъ Никита Черный долго не пускалъ ихъ и по выломкѣ дверей стрѣлялъ въ нихъ изъ ружья, но въ отвѣтъ на выстрѣлъ посыпалось болѣе 40 пуль въ двери и окна изъ ружей и пистолетовъ. Черный былъ взятъ и отведенъ подъ стражу; собранныя имъ за казенное вино деньги захвачены; жены съ дѣтьми и престарѣлый отецъ оставлены въ избѣ, претерпѣвъ поруганіе. Беніовскій, сидя въ судейской комнатѣ Большерѣцкой канцеляріи, распоряжалъ всѣми дѣйствіями, какъ полный начальникъ, велѣлъ хоронить убитаго капитана, а народъ приводить къ присягѣ на вѣрность подданства новому государю. На другой день, 26 апрѣля, готовили паромы, на третій нагружали ихъ пушками, военными снарядами и провіантомъ. Сообщники его между тѣмъ грабили кого хотѣли, отчего многіе жители принуждены были даже бѣжать и нѣкоторые время скрываться въ тундрахъ. 30 апрѣля вся шайка отправилась внизъ по большой рѣкѣ до гавани Чекавинской: тутъ она ограбила магазинъ съ провіантомъ, захватила казенный галіотъ Св. Петра, приготовила его къ походу, водрузила на немъ знамя императора и назвалась „собранною компаніею для имени его императорскаго величества Павла Петровича" Всѣ дали присягу защищать прапоръ до послѣдней капли крови, а Беніовскій сверхъ того защищать *присягнувшихъ тому прапору* (*).

3 мая онъ еще требовалъ чрезъ казака Рюмина присылки ему изъ Большерѣцка водою провіанта, подъ опасеніемъ жестокаго взысканія. Рюминъ возвратился 7-го числа. Между тѣмъ Беніовскій обще съ Степановымъ составили объявленіе, которое, за исключеніямъ одного Хрущова, подписали всѣ главные зачинщики бунта и вмѣстѣ съ ними: Соликамскій посадскій Иванъ Кудринъ, Алексѣй Савельевъ и Великоустюжскій купецъ Ѳедоръ Костроминъ (каждый за десятерыхъ своихъ товарищей); штурманскіе ученики Бочаровъ, Зябликовъ и Измайловъ, Устюжскій крестьянинъ Кузнецовъ за матросовъ-казаковъ Березнева, Семиченкова, Потолова, Ляпина, Софронова и Волынкина. Далѣе своеручно за матроса казакъ Алексѣй Андреяновъ, въ должности приписнаго канцеляриста Спиридонъ Судейкинъ, казакъ Иванъ Рюминъ, капралъ Переваловъ за себя и за солдата Коростелева и священническій сынъ Уфтюжаниновъ также за себя и за подушнаго плательщика Ивана Попова.

Объявленіе, которое ими подписано 11 мая, 12 того же мѣсяца отправлено ботсманомъ Сѣрогородскимъ въ Большерѣцкую канцелярію, для отсылки по адресу въ правительствующій сенатъ.

(*) Т. е. знамени.

По смыслу нѣкоторыхъ мѣстъ объявленія можно заключить, что изъ сообщниковъ Беніовскаго одинъ или два (вѣроятно Пановъ и Степановъ) посланы были въ ссылку за сопротивленіе Наказу о сочиненіи Уложенія.

Сообщники изъясняютъ еще, что желая пособить совѣтомъ тридцати тремъ промышленникамъ, будто бы несправедливо осужденнымъ работать безъ платы своему кампанейщику (Холодилову), они тѣмъ навлекли на себя негодованіе Нилова, который велѣлъ ихъ взять подъ караулъ, и сіе то заставило ихъ вмѣстѣ съ угнетенными объявить себя въ службѣ законаго государя, что они и привели въ дѣйство, арестовавъ Нилова (коего отъ страха и пьянства разбилъ параличъ) и избравъ на его мѣсто достойнаго предводителя Беніовскаго.

Между тѣмъ въ Большерѣцкой канцеляріи еще 30 апрѣля отъ 83 человѣкъ приказныхъ, военныхъ и купеческихъ, оставшихся безъ начальства, объявлено что они, до присылки къ нимъ новаго командира, выбрали въ сію должность штурманскаго ученика Софьина, который и привелъ ихъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ и потомъ съ выборными отъ каждаго сословія освидѣтельствовалъ все оставшееся казенное имущество. Въ тотъ же день положено обо всемъ рапортовать въ Охотскъ и дать знать на суда и командующему въ Тагильской крѣпостцѣ подпоручику Андрееву, а изъ Верхнекамчатской избы просить средствъ къ защитѣ, за неимѣніемъ которыхъ безоружные жители Большерѣцка должны были удовлетворить требованіе Беніовскаго о снабженіи его провіантомъ. Свѣдавъ, что онъ хочетъ идти къ устью рѣки Колпаковой для овладѣнія судномъ Св. Павла, Софьинъ спѣшилъ предварить о томъ командира онаго, подштурмана Неводчикова. Не смотря на дальность разстоянія, вся Камчатка въ продолженіи двухъ недѣль пришла въ тревогу. Верхнекамчатская изба не замедлила выслать два орудія и 12 человѣкъ нерегулярной команды съ наставленіемъ остановиться въ Малкинскомъ острожкѣ и не прежде подойти къ Большерѣцку, какъ узнавъ навѣрное, что непріятеля тамъ уже нѣтъ. Изъ той же избы сообщено въ Нижнекамчатскую съ требованіемъ 40 вооруженныхъ людей Но въ Большерѣцкѣ все уже было покойно. 14 мая возвратились съ Чекавки задержанные злодѣями въ аманатахъ, Тотемскій купецъ Казариновъ, казакъ Никита Черной, ботсманъ Сѣрогородскій, сержантъ Даниловъ и др. и привезли съ собою извѣстіе что Беніовскій съ сообщниками вышелъ въ море, сожалѣя, что не всѣхъ забралъ съ собою и утверждая, что на пути своемъ попроситъ кого либо, чтобы и остальныхъ отвезъ въ лучшія мѣста и говоря вслухъ, что Европа съ Турціею уговорилась раздѣлить Россію на четыре части. Для подробнаго донесенія начальству допросы производились въ канцеляріи ежедневно и кончены къ 13 іюня. Положено отправить въ Охотскъ сержанта Данилова на галіотѣ Св. Екатерины и съ нимъ присланный отъ Беніовскаго запечатанный конвертъ на имя сената и окровавленную постель Нилова, также рапортъ обо всемъ происшедшемъ и вѣдомости расхищенному и уцѣлѣвшему казенному имуществу. (*)

(*) Изъ квитанцій, оставленныхъ Беніовскимъ, видно, что имъ взято 6,827 руб. 20 коп. казенныхъ денегъ, 217 руб. уларешнаго казака Чернаго, да 199 казенныхъ соболей, 3 пушки, 1 мортира, 50 гранатъ, 600 пуль и картечей, 4 пуда пушечнаго пороху, 1 пудъ ружейнаго, 30 шпагъ, 25 ружей, 400 пудъ провіанту, 11 флягъ вина. На квитанціяхъ онъ подписывался: „Баронъ Морицъ Анадаръ де Беневъ, пресвѣтлѣйшей республики Польской дѣйствительной резидентъ и ея императорскаго величества Римскаго камергеръ, военный совѣтникъ и регементарь“.

Команда Большерѣцкаго острога сдана присланному отъ Нижнекамчатскаго начальника прапорщика Норина каптенармусу Ерофею Козмину.

9 іюля галіотъ привезъ въ Охотскъ донесеніе Большерѣцкой канцеляріи. На немъ же прибыли и Софьинъ, тревожимый своимъ знакомствомъ съ мятежниками, купецъ Казариновъ и многіе рабочіе люди—очевидцы бунта. Командиръ Охотскаго порта полковникъ Плениснеръ, старикъ слабый, вмѣсто того, чтобы немедленно о столь важномъ событіи рапортовать въ Иркутскъ, вздумалъ дополнить Большерѣцкое слѣдствіе показаніями людей, прибывшихъ изъ Камчатки и не прежде 26 августа отправилъ рапортъ, сберегая казенный интересъ, съ попутчикомъ, который долго промѣшкалъ въ Якутскѣ, отъ чего Иркутское губернское начальство еще прежде прибытія его извѣстилось о бѣгствѣ Беніовскаго чрезъ полковника Зубрицкаго, находившагося въ Охотскѣ для изслѣдованія ссоръ Плениснера съ бывшимъ Камчатскимъ командиромъ Извѣковымъ. Зубрицкій, имѣя уже и самъ неудовольствія съ Плениснеромъ, охотно принялъ доносъ Злыгостева, что онъ медлитъ съ донесеніемъ и спѣшилъ довести о томъ до свѣдѣнія Иркутской канцеляріи.

Такимъ образомъ Иркутское губернское начальство не могло отправить въ Сенатъ своего рапорта ранѣе половины октября. Онъ полученъ въ столицѣ въ началѣ генваря, тогда какъ императрица, узнавъ уже постороннимъ образомъ о Камчатскомъ событіи, писала собственноручно къ Иркутскому губернатору генералъ лейтенанту Брилю:

«Какъ здѣсь извѣстно сдѣлалось, что на Камчаткѣ въ Большерѣцкомъ острогѣ за государственныя преступленія вмѣсто смертной казни сосланные колодники взбунтовались, воеводу до смерти убили, въ противность нашей императорской власти, осмѣлились людей многихъ къ присягѣ привести по своей вымышленной злодѣйской волѣ и потомъ сѣвъ на судно уплыли въ море въ неизвѣстное мѣсто, того для повелѣваемъ вамъ публиковать въ Камчаткѣ, что кто на морѣ или сухимъ путемъ вышереченныхъ людей или сообщниковъ ихъ изловитъ и приведетъ живыхъ или мертвыхъ, тѣмъ выдано будетъ въ награжденіе за каждаго по сту рублевъ. Если или въ Охотскѣ или въ Камчаткѣ суда есть наемныя, то оными стараться злодѣевъ переловить, а если нѣтъ, то промышленнымъ на крѣпко приказать, что, если сіи злодѣевъ гдѣ наѣдутъ, чтобы старались перевязать ихъ и при возвращеньи отдать оныхъ къ суду къ ближнимъ начальникамъ, дабы съ ними поступать можно было, какъ по законамъ надлежитъ, бездѣльникамъ подобнымъ въ страхъ и примѣръ.»

Въ особомъ рескриптѣ къ нему же 1-го генваря 1771 г. государыня изъясняетъ, что хотя не имѣетъ отъ него никакого извѣстія о помянутомъ происшествіи, однакожъ увѣрена, что онъ уже все по возможности сдѣлалъ къ приведенію Камчатскихъ дѣлъ въ порядокъ и съ тѣмъ вмѣстѣ сама предлагаетъ ему разные совѣты.

7 Февраля полученъ былъ въ Сенатѣ второй рапортъ изъ Иркутска уже съ подлиннымъ слѣдственнымъ дѣломъ, доставленнымъ туда отъ Плениснера и съ секретнымъ конвертомъ Беніовскаго на имя Сената.

Ея величество, по докладу ей генер. прокурора князя Вяземскаго о всѣхъ обстоятельствахъ сего дѣла, изволила высочайше повелѣть въ 15 день февраля: «Плениснера отрѣшить отъ должности, поручивъ ее Зубрицкому; копіисту Злыгостеву дать чинъ и полугодовой окладъ жалованья; въ производимыхъ допросахъ

не дѣлать притѣсненія невиннымъ; отыскать и допросить священника Уфтюжанинова, коего сынъ бѣжалъ съ мятежниками, а купца, который самъ предъявилъ начальству письмо сего священника къ Беніовскому, если содержится подъ арестомъ, освободить.“

Узнавъ, что сосланный въ 1762 г. Семенъ Гурьевъ не только не присталъ къ злодѣямъ, но даже претерпѣлъ отъ нихъ побои, императрица разрѣшила ему жить въ Калужскихъ деревняхъ братьевъ его, подъ ихъ присмотромъ(*) и ту же милость оказала родному его брату Ивану и двоюродному Петру, поселеннымъ въ Якутскѣ безъ лишенія дворянства (*).

Между тѣмъ, какъ на берегахъ Охотскаго моря и въ Камчаткѣ новые начальники брали противъ мятежниковъ мѣры осторожности, сіи послѣдніе уже были далеко; впрочемъ до половины 1772 года не имѣлось объ нихъ съ сей стороны извѣстія. Только въ августѣ Иркутскій губернаторъ донесъ Сенату, что пограничный коммисаръ Игумновъ, сопровождавшій въ Китай духовную миссію, слышалъ тамъ отъ миссіонера Августина о приставаніи прошлымъ лѣтомъ въ Макао корабля, на которомъ было 110 человѣкъ и коего начальникъ, говоря по латыни, утверждалъ, что они Поляки, ѣдущіе съ Русскимъ товаромъ отъ рѣки Амура въ Восточную Индію. Но правительство наше знало уже о возвращеніи Беніовскаго въ Европу. Мореплаваніе его, по описанію очевидцевъ, совершилось слѣдующимъ образомъ.

Не смѣя пускаться въ океанъ, онъ придерживался береговъ и направилъ путь свой вдоль острововъ Курильскихъ. Приставъ къ семнадцатому изъ нихъ, именуемому Козою, онъ скоро провѣдалъ о тайномъ противъ себя заговорѣ. Штурманскіе ученики Измайловъ и Зябликовъ (тѣ самые, кои хотѣли донести капитану Нилову о злоумышленіи Беніовскаго и вѣроятно насильно увлеченные имъ) и матросъ Сафроновъ старались составить партію, чтобы, воспользовавшись выходомъ мятежниковъ на берегъ, отрубить якорь и возвратиться въ отечество. Къ нимъ присоединился еще Камчадалъ Паранчинъ (увезенный съ женою будто бы за долгъ Хрущову) и 10 другихъ человѣкъ. Матросъ Андреяновъ, коего они думали склонить, выдалъ ихъ всѣхъ. Беніовскій хотѣлъ сначала казнить смертію начальниковъ заговора, но перемѣнилъ ее на жестокое наказаніе кошками, и 29 мая пустился далѣе, велѣвъ оставить Измайлова и Паранчина съ женою на томъ же необитаемомъ островѣ; Зябликовъ и Сафроновъ изъявили готовность слѣдовать за нимъ безпрекословно.

7 іюля мятежники прибыли къ берегамъ Японіи и объявили о себѣ, что они Голландцы и ѣдутъ въ Нангасаки. Японцы не пустили ихъ на берегъ, доставляя впрочемъ къ нимъ на галіотъ все нужное къ продовольствію; потомъ также не хотѣли и отпустить ихъ въ море, давъ тѣмъ поводъ заключить, что имѣли намѣреніе забрать и истребить ихъ и можетъ быть только ожидали на то разрѣшенія изъ своей столицы, поступивъ уже такимъ образомъ съ нѣкоторыми Европейскими судами. Беніовскій долженъ былъ (12 іюля) пушечными выстрѣлами открыть себѣ выходъ изъ бухты.

19 іюля галіотъ прибылъ къ острову Іомайскому или Такао - Сима, котораго жители оказали путешественникамъ са-

---

(*) Объ этомъ распоряженіи генералъ-прокуроръ объявилъ московскому полицмейстеру Архарову 15 дек. 1775 г. (См. Р. Архивъ. 1864 г., стр. 880).

(*) Дѣло о Гурьевыхъ было въ 1762 году слѣдовано въ Москвѣ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Экстрактъ изъ онаго остался у Теплова.

мый ласковый пріемъ; 31 іюля отправился далѣе и 7 августа достигъ о-ва Формозы. Здѣсь, послѣ нѣсколькихъ миролюбивыхъ сношеній съ дикими островитянами, открылась явная съ ихъ стороны вражда. Бывшій капитанъ Пановъ, юнги Поповъ и Лонгиновъ убиты 17 августа на берегу, когда запасались водою; Ляпинъ и Козаковъ ранены. Озлобленный симъ Беніовскій приказалъ истребить одну лодку съ островитянами и сжечь всѣ ихъ жилища въ окрестностяхъ бухты.

26 августа открылся Китайскій берегъ; 1-го сентября галіотъ остановился на рейдѣ близь Тасона. Дружелюбное обращеніе Китайцевъ оставило пріятное впечатлѣніе въ памяти Русскихъ бѣглецовъ, которые ихъ съ своей стороны дарили и взяли у нихъ лоцмана для доведенія судна къ Португальскимъ владѣніямъ. Миновавъ 11 сентября Кантонъ, они на другой день прибыли къ Макао, гдѣ нашли до 20 Европейскихъ судовъ разныхъ націй.

Здѣсь Русскіе узнали обманъ, до котораго себя допустили. Беніовскій, говоря по латыни, одинъ только и умѣлъ объясняться съ губернаторомъ города, жилъ у него въ домѣ, продалъ ему галіотъ съ орудіями и такелажемъ, какъ свою собственность, объявилъ ему, что его отечество Венгрія, куда и долженъ возвратиться, посему и всѣмъ Русскимъ велѣлъ также называться Унграми и запретилъ имъ креститься и молиться образамъ. Скоро разсорились съ нимъ и главнѣйшіе его сообщники Винбладъ и Степановъ. Беніовскій же успѣлъ оклеветать всѣхъ въ злоумышленномъ намѣреніи произвести бунтъ и завладѣть городомъ. Вся шайка была взята подъ стражу, разсажена по тюрьмамъ и такимъ образомъ вынуждена смириться, кромѣ Степанова, который лучше захотѣлъ остаться въ заключеніи, нежели дать подписку въ покорности своей Беніовскому и въ подданствѣ Римскому императору.

При семъ случаѣ Беніовскій выдалъ возмутившейся противъ него командѣ своей слѣдующую прокламацію:

„Баронъ Морицъ Анадаръ де Беневъ, его императорскаго Римскаго величества обристъ и его высочества принца Алберта, герцога Саксъ-Тешинскаго дѣйствительный камергеръ и совѣтникъ, его же высочайшаго секретнаго кабинета директоръ и прочее, всѣмъ господамъ офицерамъ и всей компаніи:

„Дошло ко мнѣ извѣстіе вашего противъ меня роптанія и сбора, который между вами самими несогласіе производитъ, мнѣ и государю моему въ нечесть служитъ и въ послѣднее всю учрежденную компанію разрушаетъ.

„Для чего я, узнавши сборщиковъ дѣла сего, хотѣлъ для вашего благополучія взять подъ караулъ; но понеже вы сами вашею просьбою сдѣлали, что я отъ таковаго намѣренія отступилъ, и больше ихъ одобрили: ибо я отъ одного изъ оныхъ получилъ ругательное письмо, которое меня въ огорченіе приводитъ.

„Вы знаете искренность мою. Изъ того одного заключить можете, что я, будучи въ чужомъ еще государствѣ, всѣ надобности для васъ заопатрилъ(*). Вы то, что̀ я вамъ обѣщалъ, можете требовать у меня, когда я въ моемъ отечествѣ буду. А здѣсь хитрость заводить смѣшно и вамъ самимъ вредно. Я симъ письмомъ напоминаю вамъ: образумтеся, не давайте себя въ обманъ людямъ, которыхъ лукавство вамъ уже извѣстно. Послѣднее есть, что я вамъ пишу. Если вы меня искренно любить и почитать будете, то вамъ клянусь предъ Богомъ, что моя горячность ежедневно доказана будетъ; ежели

(*) Т. е. предусмотрѣлъ.

напротивъ я увижу, что ваши сердца затвердѣли и меня больше почитать не будете, то сами вы заключить можете, чего отъ меня тоже ожидать надлежитъ."

По примиреніи же онъ писалъ къ нимъ 26 ноября:

„Любезныя дѣти! Вы знаете, что я усердно старался всегда для вашего удовольствія и что я до послѣдняго опредѣлилъ васъ защищать, а для вашего благополучія всѣ старанія приложить, въ томъ вы увѣрены быть можете."

„Правда есть, что съ немалымъ оскорбленіемъ слушалъ я ваше роптаніе и противленіе противъ меня; но какъ я теперь уже увѣдомленъ, что вы обмануты лестію и ложнымъ обо мнѣ предсказаніемъ, и такъ я васъ болѣе не виню и дѣло сіе поминать не хочу.

„Имѣйте усердіе ко мнѣ. Я буду съ Божіею помощію вамъ защитою, никакого оскорбленія вамъ не будетъ, пища и одежда вамъ честная будетъ, и ежели Богъ, Всевышній владыка, насъ въ Европу принесетъ, то я вамъ обѣщаюсь, что вы вольные будете и со всякимъ удовольствіемъ, хотя во весь вѣкъ вашъ содержаны, что̀ писавши рукою своею подтвердилъ."

Климатъ города Макао былъ вреденъ для Русскихъ. 15 человѣкъ сдѣлались тамъ жертвою смерти, въ томъ числѣ Гурчениновъ, Чуринъ и Зябликовъ.

Беніовскій для отвозу въ Европу остальной компаніи нанялъ два французскіе фрегата и отправился съ ними 4 генваря 1772 г., не взявъ съ собою одного лишь Степанова. На семъ переѣздѣ умеръ Батуринъ. 6 марта странники прибыли къ гор. Св. Маврикія и оставили тамъ четырехъ больныхъ своихъ; 24 марта пустились далѣе и 7 іюля достигли Портъ-Луи во Франціи, лишась на пути еще трехъ человѣкъ.

Скоро по прибытіи во Францію, Беніовскій уѣхалъ въ Парижъ съ проэктомъ завоеванія о-ва Формозы и напечаталъ въ газетахъ пышное объявленіе о своихъ подвигахъ, осыпалъ Русское правительство всѣми возможными укоризнами, стараясь опровергнуть помѣщенное въ Русскихъ вѣдомостяхъ извѣстіе о его бѣгствѣ изъ Камчатки и утверждая, что онъ взялъ Большерѣцкую крѣпость приступомъ при полномъ со стороны капитана Нилова сопротивленіи и т. п. (*)

Предложеніе, сдѣланное имъ Французскому правительству, было сначала принято, но вмѣсто Формозы назначенъ Мадагаскаръ. Онъ обѣщалъ употребить къ сему дѣлу Русскихъ и получилъ сверхъ того позволеніе набирать другихъ охотниковъ. Но многіе изъ Русскихъ помышляли о возвращеніи на родину. Въ отсутствіе его изъ Портъ-Луи родились между ими безпокойство и ропотъ; они писали къ нему въ Парижъ, что и заставило его отвѣчать имъ 1 февраля.

„Ребята! Я ваше письмо получилъ. До моего пріѣзду ваша камандировка отмѣнена есть. Послѣ всякой мнѣ свое намѣреніе скажетъ. До моего пріѣзду живите благополучно. Я есмь вашъ пріятель баронъ де Беневскій". Возвратясь въ Портъ-Луи 19 марта 1773 г., онъ убѣдилъ 11 человѣкъ слѣдовать за нимъ въ назначенную по волѣ короля морскую экспедицію. Въ томъ числѣ были священническій сынъ Уфтюжаниновъ, бывшій прикащикъ Холодилова Чулошниковъ, два матроса: Андреяновъ (съ женою) и Потоловъ и шесть бывшихъ работниковъ Холодилова. Изъ прочихъ сотоварищей его странствованія Шведъ Винбладъ остался въ Портъ-Луи и потомъ возвратил-

(*) Слѣдуетъ припомнить, что въ это время, по поводу Турецкихъ и Польскихъ дѣлъ, между Россіею и Франціею была сильная размолвка. *П. Б.*

ся въ Швецію, Хрущовъ вступилъ во Французскую службу капитаномъ, Кузнецовъ поручикомъ, Мейдеръ лекаремъ. Пять человѣкъ умерло въ Лоріанскомъ госпиталѣ. Но большая часть (18 человѣкъ), не желая раздѣлять своей судьбы съ Беніовскимъ, не смотря на всѣ его убѣжденія, рѣшились возвратиться въ отечество и отпущены имъ изъ Портъ-Луи съ письменнымъ видомъ, гдѣ онъ ихъ называлъ своими волонтерами, имѣющими слѣдовать въ отечество ихъ—Венгрію!

С. Петербургскій кабинетъ также зналъ уже, что Франція, вооруживъ для Беніовскаго фрегаты, отправляетъ его будто бы для завоеваній въ Остъ-Индію. Сіе было причиною данной 26 марта 1773 г. новоопредѣленному главнымъ камандиромъ Камчатки преміеръ-маіору Бему секретной инструкціи усилить мѣры осторожности на случай покушенія Беніовскаго противъ Камчатки.

Между тѣмъ вышедшіе изъ Портъ-Луи мнимые Венгерцы, достигнувъ пѣшкомъ столицы Франціи и терпя всякую нужду, прибѣгнули къ Россійскому резиденту Хотинскому, умоляя его объ исходатайствованіи имъ прощенія у государыни и представили ему написанный однимъ изъ нихъ (Судейкинымъ) въ Портъ-Луи журналъ ихъ мореплаванія и карту пути отъ Камчатки до Макао.

Они по волѣ императрицы были привезены въ С. Петербургъ. Препровождая къ генералъ-прокурору письмо Хотинскаго объ нихъ, она сама писала къ нему 2 октября:

«Семнадцать человѣкъ изъ тѣхъ, кои бездѣльникомъ Беніовскимъ были обмануты и увезены, по моему соизволенію нынѣ сюда возвратились и имъ отъ меня прощенье обѣщано, которое имъ и дать надлежитъ: ибо довольно за свои грѣхи наказаны были, претерпѣвъ долгое время и получивъ свой животъ на морѣ и на сухомъ пути; но видно, что *Русакъ любитъ свою Русь*, а надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна. Итакъ, чтобъ судьбину ихъ рѣшить наискорѣе и доставить имъ спокойное житье, не мѣшкавъ, извольте ихъ требовать отъ графа Панина, ибо они теперь въ вѣдомствѣ иностранной коллегіи, которая имъ нанимаетъ квартиру. Приведите ихъ вновь къ присягѣ вѣрности и спросите у каждаго изъ нихъ, куда они желаютъ впредь свое пребываніе имѣть, кромѣ двухъ столицъ и отобравъ у нихъ желаніе, отправьте каждаго въ то мѣсто, куда самъ изберетъ. Если бъ же всѣ желали ѣхать паки на Камчатку, тѣмъ бы и лучше, ибо ихъ судьба была такова, что̀ прочихъ удержитъ отъ подобныхъ предпріятій. Что же имъ денегъ и кормовыхъ на дорогѣ издержите, то сіе возьмите изъ суммы тайной экспедиціи.»

Вслѣдствіе сего канцеляристу Судейкину и казаку Рюмину съ женою опредѣлено быть въ Тобольскѣ, штурманскому ученику Бочарову въ Иркутскѣ на свободѣ, матросамъ Ляпину и Березневу —служить въ Охотскомъ портѣ, матросу Сафронову дать отставку и имѣть ему пребываніе тамъ же, равно какъ и Камчадалу, Попову и Коряку Брехову, а прочимъ осьми человѣкамъ, бывшимъ работникамъ купца Холодилова, поступить въ Иркутское купечество. Они отправлены туда 5 октября и прибыли на мѣсто своего назначенія къ концу года.

Въ томъ же октябрѣ Иркутское губернское начальство донесло о новомъ слѣдствіи, произведенномъ въ Камчатской Большерѣцкой канцеляріи капитанами Шмалевымъ и Перовымъ. Оказалось, что оставленные Беніовскимъ на необитаемомъ острову штурманскій ученикъ Измайловъ и Камчадалъ Паранчинъ съ женою избѣгнули голодной смерти.

Они, обходя островъ, чрезъ три дни нашли на немъ Русскихъ промышленниковъ купца Протодьяконова. Вскорѣ потомъ прибылъ туда же купеческій сынъ Никоновъ. Отправляясь далѣе на промыслъ морскихъ звѣрей, онъ взялъ съ собою Камчадала и жену его, а на обратномъ пути уже въ іюнѣ 1772 г. забралъ и Измайлова, который во все сіе время кормился одними морскими ракушами, капустою и кореньями.

Наконецъ 31 декабря отправлено къ генералъ-прокурору и послѣднее донесеніе Иркутской губернской канцеляріи съ допросами, снятыми уже въ Иркутскѣ съ тѣхъ же Измайлова и Паранчина и съ священника Уфтюжанинова, а равно и съ объясненіями полковника Плениснера, обвиняемаго въ слабости надзора за преступниками во время ихъ пребыванія въ Охотскѣ и въ медленномъ донесеніи начальству о произведенномъ ими бунтѣ.

Измайловъ и Паранчинъ показали, что они взяты были Беніовскимъ насильно и много отъ него претерпѣли за желаніе возвратиться въ отечество, а священникъ Уфтюжаниновъ, что онъ свелъ знакомство съ Беніовскимъ потому, что видалъ его у командира и что тринадцатилѣтняго сына своего отдалъ въ обученіе, а не для побѣга.

Сверхъ того, изъ числа очевидцевъ Камчатскаго мятежа и имѣвшихъ какую либо связь съ бѣглецами, были допрашиваемы 36 человѣкъ (между ними священникъ Семіоновъ, приводившій къ измѣнической присягѣ, казакъ Черной, оказавшій Беніовскому сопротивленіе, штурманскій ученикъ Софьинъ и прапорщикъ Норинъ, которые познакомились съ ссыльными въ Охотскѣ, ботсманъ Сѣрогородскій, купецъ Проскуряковъ и др.); нѣкоторые солдаты были сѣчены при допросѣ. Вообще же всѣ допрошенные содержались подъ крѣпкимъ карауломъ, многіе болѣе двухъ лѣтъ.

Мѣстное начальство заботилось между прочимъ, чтобы увезенную мятежниками казну пополнить взысканіемъ съ тѣхъ людей, коимъ они предъ своимъ отъѣздомъ роздали казенныхъ денегъ, всего до 1000 рублей, за пограбленное у нихъ имущество (въ томъ числѣ и у Чернаго).

31 марта 1774 г. генералъ-прокуроръ объявилъ слѣдующее высочайшее рѣшеніе: 1) Измайлова и Паранчина съ женою освободить, 2) хотя священникъ Уфтюжаниновъ и навлекъ на себя подозрѣніе дружескою связью съ измѣнниками, но какъ онъ сдѣлалъ сіе по примѣру Большерѣцкаго командира, сына же отдалъ имъ въ наученіе по родительской любви и уже наказанъ вѣчною разлукою съ нимъ и тюремнымъ заключеніемъ, то объявить ему прощеніе, 3) полковника Плениснера, какъ уже отрѣшеннаго отъ должности, оставить безъ взысканія за его поступки, въ которыхъ не видно умысла, а только оплошность, 4) Норину, Софьину и подмастерью Дементьеву объявить прощенье и опредѣлить ихъ вновь на службу, 5) священнику Семіонову и прочимъ 27 человѣкамъ, не соблюдшимъ долга своего, вмѣнить въ наказаніе двухлѣтнее ихъ заключеніе и снова привести ихъ къ присягѣ, 6) розданныхъ злодѣями казенныхъ денегъ ни съ кого не взыскивать, 7) полковнику Зубрицкому замѣтить, что тѣлесное при слѣдствіяхъ наказаніе дѣлаетъ подсудимыхъ болѣе упорными и предписать, чтобы впредь старался открывать истину посредствомъ приличныхъ вопросовъ, не употребляя воспрещенныхъ ея величествомъ истязаній, 8) никого болѣе къ слѣдствію не привлекать и все дѣло предать забвенью.

Сіе высочайшее повелѣніе получено въ Иркутскѣ 31 мая, и тогда же всѣ заключенные получили свободу.

Что касается до Беніовскаго, онъ въ томъ же году, въ іюнѣ мѣсяцѣ отправил-

са на Мадагаскаръ, завелъ тамъ селеніе, но послѣ безпрерывныхъ ссоръ съ природными тамошними жителями и съ начальниками Иль-де-Франса, возвратился въ Парижъ. Министерство, удостовѣрясь въ его шарлатанствѣ, отринуло дальнѣйшія его предложенія. Онъ вступилъ послѣ въ Австрійскую службу и находился въ сраженіи съ Прусаками 1778 г. при Габельшвертѣ. Въ 1783 г. старался онъ составить въ Англіи компанію для заселенія Мадагаскара и нашелъ пособіе какъ тамъ, такъ и въ Балтиморѣ, куда ѣздилъ съ женою, и въ 1785 г. вышелъ на берегъ въ Мадагаскарѣ. Тамъ началъ дѣйствовать непріятельски противъ Французовъ и былъ убитъ въ сраженіи съ ними 23 мая 1786 г. Онъ, какъ извѣстно, составилъ описаніе своей жизни и приключеній подъ заглавіемъ: Voyages et memoires de Maurice Auguste comte de Benjowski, à Paris, 1791 г.(*), наполненное выдумками, изобразилъ въ немъ любовь къ нему Аѳанасіи, небывалой или по крайней мѣрѣ небывавшей въ Камчаткѣ, дочери Нилова, увѣрялъ читателей, будто бы доходилъ до Берингова пролива и т. п. Записки его переведены на Англійскій и на Нѣмецкій языки. Изъ нихъ Коцебу составилъ романтическую драму, которая была даже три раза издана въ Русскомъ переводѣ. Покойный Берхъ помѣстилъ въ Сынѣ Отечества 1822 г. любопытное извлеченіе изъ журнала, писаннаго Русскими спутниками Беніовскаго, возвратившимися въ Россію(*). Симъ журналомъ обличены и хвастовство и лживость разсказовъ Беніовскаго. Впрочемъ, событія, предшествовавшія его побѣгу, почерпнуты болѣе изъ книги Беніовскаго и потому изложены весьма невѣрно. Наконецъ замѣчательно, что въ отчаянномъ бѣгствѣ его изъ Камчатки, въ которомъ Поляки привыкли видѣть предпріимчивость своихъ земляковъ, ни одного Поляка не находилось.

Карта Камчатки и острововъ Курильскихъ и Алеутскихъ, которую Беніовскій составилъ въ Большерѣцкѣ, украдена у него штурманскимъ ученикомъ Измайловымъ на 17-мъ Курильскомъ острову или Козѣ, оттуда привезена въ Камчатку, и представлена къ слѣдствію.

---

*) 2 ч., 8°. Тоже сочиненіе появилось по нѣмецки и по англійски. Въ нѣмецкомъ переводѣ (Hamburg, 1791, 2 ч.) находимъ на стр. 283—292, извлеченіе изъ Русскаго дневника, который велъ соучастникъ Беніовскаго *Ипполитъ Степановъ*. *П. Б.*

(*) Подъ заглавіемъ: Записки канцеляриста Рюмина о приключеніяхъ его съ Беніовскимъ. Издана отдѣльно, Спб 1822, 8°. 54 стр.

ПИСЬМО ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

къ Кіевскому архіепископу о Братскомъ училищномъ монастырѣ (*).

Преосвященнѣйшій архіепископъ Кіевскій и Галицкій и Малыя Россіи! Мой любезнѣйшій во Христѣ отче, брате и сослужитель! Какъ многими преосвященство ваше одолжилъ мене къ благодарствію благодѣяніи, такъ не малый ощущаю я на себѣ долгъ и къ частому ко святынѣ вашей, о взаимномъ усердіи моемъ, писанію: но понеже и немощи нерѣдкія и немалочисленныя суеты до того мене не допускаютъ, паче всего же извѣстное преосвященства вашего мудролюбіе, по которому, не во внѣшнихъ видахъ, но въ дѣйствительной силѣ сущую братскую любовь познаемъ, церемоніальныхъ переписокъ не требуетъ. Того ради, не письмомъ, но сердечною искренностію благодаря, какъ за прежнія, такъ и за новыя, найпаче въ недавномъ времяни, посланному въ Кіевъ доместику нашему, и чрезъ него мнѣ самому, показанныя вашей любви знаменія, молю законоположника любви Господа, да вашу къ смиренію моему любовь, своею вседаровитою милостію, преизобильно наградитъ. При семъ не могу и отъ письменнаго отвѣта удержаться, гдѣ къ тому понуждаетъ мене нѣкое немаловажное отъ вашей же святыни вѣдомо мнѣ учиненное дѣло. Писалъ ко мнѣ преосвященство ваше, чрезъ господина *Величковскаго*, что училищный у васъ монастырь Братскій пришолъ въ крайнюю скудость, и таковую, что и къ повседневному препитанію не имѣютъ довольства учители и прочіи братія, и не могло бы уже мѣсто оное въ состояніи пребыть, естьли бы особливымъ святыни вашей призрѣніемъ снабдѣваемо не было. Удивился я и почти ужаснулся, таковою вѣдомостію; а воспомянувъ и разсудивъ вину той немощи, и дивиться престалъ: помню я, что тамо дѣлалося, во время младыхъ лѣтъ моихъ, *при Головчичѣ*, и *Гугуревичѣ* и другихъ ректорахъ! Всѣ маетности братскія были въ полномъ содержаніи (еще бо тогда и оныя были во владѣніи, которыя послѣ, новымъ рубежемъ Польскимъ, стали оторваны). Были же времена весьма пріятныя: не было войны, не было никакихъ армейскихъ походовъ, не слыхали мы тогда, что̀ недородъ, что̀ голодъ; а въ Братскомъ монастырѣ такая была во всемъ нищета, что и воспоминать печально; и я бы нынѣ не вѣрилъ, есть ли бы тогда самъ не видѣлъ: житницы и погреба пусты, никакой изъ дня на день провизіи, никаковаго припасу не бывало; на всякъ день пищу, и то скудную и подлую, на рынкѣ покупали; а и на оную покупку употребляли господа ректоры нѣкую часть денегъ изъ годоваго гетманскаго подаянія. А какая таковой бѣдности могла быть причина? Одно только незнаніе економіи; и не одно того незнаніе, но къ тому противные, и разорительные поступки: начальныхъ нерадѣніе, лѣность, дреманіе, гнусность, да еще при пособіи шумныхъ денощныхъ забавъ; а подначальныхъ, найпаче посельскихъ старцевъ, иныхъ непросыпляемое піянство, а другихъ прилежныя кражи, и должныхъ обществу доходовъ хищенія, съ великимъ безстрашіемъ, ког-

(*) Печатается по списку, снятому съ подлинника и доставленному намъ *А. И. Ставровскимъ*. Архіепископомъ былъ Рафаилъ.

да и смотру и истязанія ни откуду не опасались и не ожидали. Долго такъ монастырь тотъ, при великомъ богатствѣ, былъ жажденъ и гладенъ и хладенъ, и чюдо воистинну, какъ устоялъ! Не скоро потомъ поставленъ економъ покойный іеромонахъ *Родовичь*, человѣкъ трезвый, догадливый и по всему званія того достойный. И тотъ часъ все лучшее пошло: явились съѣстные и питейные и къ другимъ нуждамъ потребные припасы; а прежнія мизерныя изъ базару покупки воспоминали мы со смѣхомъ въ притчу. Не долго потомъ економа онаго, видя его бодрость и искусство, переведено на економство къ дому архіерейскому въ монастырь Софійскій, гдѣ также дотоль не для чего было ходить въ погреба и амбары, и въ протчія клѣти; а училищная обитель въ прежнее оскудѣніе возвратилась, и я и другіе, которые недвижимыхъ монастыря того имѣній не вѣдали, помышляли, что вотчины его на пескахъ только, да на мхахъ и болотахъ стоятъ и тлѣютъ. Одно то иной нѣкой догадъ намъ подавало, что при економствѣ Родовича воздухъ былъ здоровѣйшій. А съ тысяща седьмь сотъ одиннатцатаго года, получивъ я чинъ ректорскій, и потомъ тщательнаго намѣстника, блаженныя памяти *Епифанія*, бывшаго послѣ Бѣлоградскаго архіерея, когда только объѣжжая, осмотрѣли мы села и деревни, земныя и водныя угодія, тотъ часъ явилось, *что Братскій монастырь убогимъ называть грѣхъ, а въ немъ не быть кому сыту, стыдъ и смѣхъ великій.* Что же воспослѣдовало? Хотя и превеликія армеи стояли, хотя еще не весьма и вѣрные городничіи (то есть посельскіе монахи) были; однакожъ всего у насъ преизобильное было довольство, и не только для своихъ, но и для подарковъ многимъ господамъ, и для принятія немалыхъ и немалолюдныхъ, да еще и частыхъ гостей. Скоро нужда явилась не одинъ вновь погребъ дѣлать и житницу (*полатою* зовутъ) великую строить, и слухъ въ народѣ носился, что въ Братскомъ монастырѣ кладъ найденъ. И правда найденъ, да тотъ, который предъ очима всегда былъ, да не знаю, какъ то его затекшіи очи не видѣли. Надѣюся, что еще въ живыхъ нѣкіи обрѣтаются, которыи по совѣсти сказать могутъ, что въ съѣстныхъ наипаче и питейныхъ припасахъ не просто чернечіе, но господскіе были достатки; да и денежныя прибыли начали показываться изъ гуты (то есть стеклянныхъ заводовъ): въ мѣсто прежнихъ двѣнадцати стало приходить по сту рублей въ годъ, кромѣ стекла, и на домовые потребы и на подарки довольнаго. Неменьшій того доходъ и изъ шинковъ, гдѣ въ продажѣ вино горячее, своего хлѣба и куренія. Ибо какъ куреніе, такъ и продажа безъ пошлины: новая да знатная корысть была устроена и изъ вина Волоскаго такъ, что одна бута (то есть большая бочка) даровая приходила. Но всего лучшее можеши, преосвященство ваше, получить извѣстіе, есть ли изволишь приказать, дабы вамъ вѣрно показано, сколько гдѣ нажинается пшеницы, ячменя, овса, гречихи, проса? Коликое мельничныхъ каменей число имѣется? Гдѣ, и сколь многія озера, и другія къ рыбнымъ ловлямъ мѣста угодныя? Сколько при мѣстечкѣ *Стайкахъ* медовой десятины и очковыхъ денегъ? И сверхъ того имѣется ль особливая пасѣка монастырская? Гдѣ, и по колику числу ведеръ сивухи продается? Что приноситъ стеклянная гута? А есть ли ей нѣтъ, то для чего? Коликое множество на разныхъ мѣстахъ всякаго скота въ заводахъ, и изъ того плодовъ молочныхъ, и волны и прочая? Дѣлаются ли изъ пеньки женскою работою холсты росхожіе? Не пусты ль солодовни, которыя при насъ были всегда не праздныя? Сюда надлежатъ и огородныя и садовыя слѣтья, и лѣсные на дрова и строеніе непокупные плоты: и вся вышеупо-

мянутая имѣлъ монастырь не скудно, и со временемъ могъ все то имѣть съ великимъ еще прибавленіемъ, когда о немъ стараніе было; какъ бы мало чего, и то иностраннаго, покупать оставалася нужда. А понеже въ толь печальную скудость пришла обитель оная, какъ ваше преосвящество пишешь, то мощно знать, что, либо все то крайне студенымъ нерадѣніемъ упущено, либо воровскими посельскихъ руками перенимается, либо отъ части все, а отъ части оное дѣется. Чтожъ Танталу дѣлать, коли онъ, по средѣ пищи и питія стоящій, или не хощетъ, или не можетъ пить и ѣсть? Между тѣмъ донесено мнѣ, отъ вѣры достойныхъ человѣкъ, якобы *Карпиловка* съ уѣздомъ отдается нѣкоему чернцу за сто рублей на откупъ: и есть ли то правда, то чего жъ надѣяться, развѣ скораго и крайняго разоренія и упраздненія школъ? Да и не обычайная таковая економія достойна великаго истязанія и наказанія: о чемъ есть ли ясно извѣстимся, молчать намъ, яко о публичномъ воровствѣ, запретитъ совѣсть. Что же бы здѣсь вмѣсто врачевства употребить надлежало? Не ино что, только сіе осталось: извѣстно намъ, что преосвященство ваше совершенно економическое искуство, и къ произведенію того въ дѣло теплую охоту имѣешь; извѣстно и то, что святынѣ вашей къ пользѣ церковной непрестанная належитъ ревность, и потому къ содержанію честныхъ ученій всегда горитъ желаніе; тѣми многомощными добродѣтельми возбужденъ, нетрудно усмотрѣть можешь, каковое нужно, къ исцѣленію изнемогающаго училищнаго онаго мѣста, лѣкарство. Надобно быть економу, бодрому, искусному и вѣрному. Надобно всячески возбуждать дремлющихъ и трезвить піянствующихъ; а хищниковъ, яко злѣйшихъ злодѣевъ, обуздовать, а необуздываемыхъ лишить чина, и на казнь предавать мірскому суду; былъ бы прилѣжный во всемъ смотръ, и чувствуемый неминуемаго наказанія страхъ; былъ бы аккуратный инвентаръ, такожь приходовъ и расходовъ указныя книги. Чего тамъ, надѣюсь, такъ много, какъ много *въ Которскихъ*, или *Косачевскихъ лѣсахъ цинамонной корицы*. И есть ли такъ, по моему сему мнѣнію и предложенію, исполнится, то въ скоромъ времени фортуна мѣста того мрачное и худое лице премѣнитъ на жирное и веселое, и возобновится притча, что найдено тамъ нѣкое знатное сокровище, и не будетъ нужды нѣкіихъ скудныхъ, да еще и неосновательныхъ подаяній нищенскимъ образомъ просить. Есть ли же не такъ, но по обыкновенному гнусному и нерадивому обхожденію дѣло пойдетъ, или паче какъ болотная вода тлѣть и смердѣть станетъ, то хотя бы всю Украину имъ отдать, не будетъ ничего: и таковые паны голодомъ помрутъ. Сія отъ сожалительнаго къ мѣсту оному усердія пишу къ преосвященству вашему, надѣяся, что святыня ваша не меньше о томъ сожалѣніе имѣешь и, по данной себѣ власти, все къ лучшему привести потщишися. Прочее, непремѣнной братской любви и молитвамъ святымъ вручая себе, пребываю преосвященства вашего доброжелательный братъ и сослужитель, смиренный Ѳеофанъ архіепископъ Новгородскій.

Санктпетербургъ
марта 8 дня
1736 года (*)

(*) Писано ровно за 7 мѣсяцевъ до кончины (Ѳеофанъ † 8 сент. 1736). Знаменитый сподвижникъ Петра великаго является въ этомъ письмѣ вполнѣ вѣренъ своему характеру: ясность въ сужденіяхъ, практическій смыслъ и нещадная насмѣшка. Стоитъ сличить съ этимъ письмомъ стр. 481—492 изслѣдованія П. П. Пекарскаго: Наука и Литература при Петрѣ великомъ.

А. Я. ПОЛѢНОВЪ РУССКІЙ ЗАКОНОВѢДЪ XVIII ВѢКА.

Выше у насъ помѣщено на стр 285—316, Разсужденіе *А. Я. Полѣнова* объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи, и читатели конечно обратили вниманіе на эту статью, въ которой, съ такою вѣрностью и самостоятельностью за сто лѣтъ почти предрѣшался вопросъ крестьянскій. Теперь предлагаемъ ученое жизнеописаніе этого замѣчательнаго человѣка, составленное изъ подлинныхъ бумагъ и благосклонно сообщенное намъ роднымъ внукомъ А. Я. Полѣнова, *Дмитріемъ Васильевичемъ Полѣновымъ*. Находящіяся тутъ извѣстія важны между прочимъ и для исторіи нашего просвѣщенія Нынѣ, когда правительство отправляетъ такъ много молодыхъ людей въ чужіе края, любопытно взглянуть, какъ дѣйствовали и чему выучивались, въ подобной же обстановкѣ, Русскіе люди XVIII вѣка. *П. Б.*

I.

Алексѣй Яковлевичъ Полѣновъ родился 1-го октября 1738 года. Онъ происходилъ изъ Костромскихъ дворянъ. Предки его служили въ разныхъ походахъ въ началѣ XVII столѣтія и за службу свою были награждаемы помѣстными окладами. Алексѣй Яковлевичъ 11 лѣтъ отъ роду поступилъ въ бывшую при Академіи наукъ Гимназію. Пройдя въ ней первоначальное ученіе, онъ поступилъ въ 1754 г. въ учрежденный при Академіи, но недолго существовавшій, Университетъ съ званіемъ студента и здѣсь посвятилъ себя преимущественно изученію юриспруденціи. Что онъ былъ въ числѣ хорошихъ студентовъ, это мы можемъ видѣть изъ того, что, находясь въ этомъ званіи, онъ получилъ шпагу. Сверхъ того, по опредѣленію Сената, онъ былъ употребленъ для перевода Лифляндскихъ законовъ, подъ смотрѣніемъ юстицъ-коллегіи совѣтника Волкова. Получивъ за труды свои чинъ переводчика, онъ былъ отправленъ въ чужіе края для дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранномъ имъ предметѣ.

Ломоносовъ, въ исторической запискѣ объ Академіи наукъ, разсказываетъ объ этомъ отправленіи слѣдующимъ образомъ: „Для учрежденія Университета должно было имѣть профессора юриспруденціи, которое мѣсто послѣ отрѣшенія Штрубова ([1]), что нынѣ канцелярскимъ совѣтникомъ, было порожнее. Ломоносовъ по рекомендаціи г. Гольдбаха и послѣ одобренія въ профессорскомъ собраніи (кромѣ Миллера), представилъ оберъ-авдитора Федоровича, который кромѣ того, что въ университетахъ обучался, былъ черезъ много лѣтъ въ статской службѣ при медицинской канцеляріи и въ адмиралтействѣ и сверхъ другихъ изрядно научился Россійскому и правъ (sic), почему онъ принятъ его сіятельствомъ([2]). Таубертъ и Миллеръ его и по нынѣ ненавидятъ и гонятъ, за тѣмъ, что служитъ къ учрежденію Университета. Злоба ему оказана особенно въ двухъ случаяхъ: 1) Научили недоброхоты изъ старыхъ студентовъ переводчика Полѣнова, который у Федоровича юридическія лекціи слушалъ, чтобы онъ просился за море для науки, объявляя, что у Федоровича ничего принять не можетъ (сія была причина посылки двухъ студентовъ за море,

---

([1]) Т. е. Струве де Пирмонтъ, бывшій тоже профессоромъ Академіи.

([2]) Т. е. Президентомъ академіи, гр. Разумовскимъ, о дѣтяхъ котораго, учившихся въ Страсбургѣ, говорится ниже.

а не ради ученья). Сіе Полѣнова доношеніе было такъ уважено, что не требуя отъ Федоровича (отъ профессора и учителя) никакова изъясненія и оправданія, сдѣлано канцелярское опредѣленіе мимо Ломоносова въ поношеніе Федоровичу и удовольствіе Полѣнову. А студентъ Лепехинъ посланъ съ нимъ для виду".

При всемъ уваженіи къ великой личности Ломоносова, едва ли можно принять разсказъ его за безусловную истину. Найдутся, вѣроятно другіе документы, которые покажутъ, что и переводчикъ Полѣновъ и студентъ Лепехинъ посланы были именно *ради ученья*.

А. Я. Полѣновъ съ сопутникомъ своимъ Лепехинымъ снабжены были отъ Академіи инструкціею и отправились изъ Петербурга въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1762 года ([3]). Они должны были ѣхать въ Стразбургъ и въ тамошнемъ университетѣ слушать лекціи, каждый по своему предмету.

Послѣ А. Я. Полѣнова сохранилась переписка, которую онъ велъ въ продолженіе пребыванія своего за границей. Опа состоитъ изъ указовъ канцеляріи Академіи наукъ и отвѣтныхъ сй донесеній, изъ писемъ къ совѣтнику канцеляріи Тауберту, который оказывалъ А. Я. свое покровительство; къ профессору Протасову, съ которымъ Полѣновъ и Лепехинъ отправились въ чужіе краи и которому они, какъ молодые люди, были поручены подъ ближайшій надзоръ, и къ нѣкоему Заутерсгейму, съ которымъ А. Я. находился въ дружескихъ отношешеніяхъ.

Письма эти показываютъ ходъ занятій Полѣнова, и сверхъ того въ нихъ хорошо изображается самый духъ того времени. Мы прослѣдимъ эту переписку въ возможной подробности, и нѣкоторые изъ рапортовъ и писемъ, смотря по ихъ занимательности, помѣстимъ вполнѣ.

Въ первомъ своемъ письмѣ къ Тауберту отъ 22 января 1763 г. н. ст. Полѣновъ описываетъ, впрочемъ довольно коротко, путь свой до Стразбурга и первое пребываніе въ немъ. «Отправясь 13 сентября (по нов. ст.) изъ С. Петербурга, за противнымъ вѣтромъ принуждены прожить 10 дней въ Кронштадтѣ, мы пустились уже въ море на другой день коронаціи ея императорскаго величества ([4]) и чрезъ 8 дней, имѣя всегда благополучную погоду, пріѣхали въ Любекъ. Въ Амстердамъ также ѣхали водою, не смотря на неспособное время; но будучи уже въ отдаленіи и видя ежеминутно обращающуюся предъ глазами смерть, спаслись наконецъ чуднымъ Божіимъ Провидѣніемъ отъ очевидной погибели, которой другіе не могли избѣжать. Въ Стразбургъ пріѣхали мы 29 ноября по н. ст. Вездѣ, гдѣ мы только были, жаловались на великую дороговизну съѣстныхъ припасовъ, которую причинила нынѣшняя война ([5]), и для того должно было платить за пищу очень дорого. Въ Майнцѣ не могли мы ни на ординарной, ни на экстраординарной почтѣ найти себѣ мѣста для ужаснаго множества ѣдущихъ въ свое отечество французскихъ офицеровъ, которые все подъ себя захватили. Для сей причины принуждены мы были взять коляску у приватнаго человѣка съ 3-мя лошадьми, что̀ намъ стало въ 25 руб. Здѣсь также цѣна съѣстныхъ припасовъ нарочито поднялась противъ прежняго, такъ что трудно найти за посрѐдственную цѣну столъ у мѣщанина, и за одинъ обѣдъ должно дать около 3 руб. съ $\frac{1}{2}$ и

([3]) Т. е. вскорѣ по воцареніи Екатерины II, отъ коего не оживилась ли и Академія? *П. Б.*

([4]) Коронація Екатерины II, была 22 сентября 1762 года.

([5]) Т. е. семилѣтняя, которая въ самое это время оканчивалась. *П. Б.*

свыше. А что касается до моего ученія, то прослушавъ философію, древности и исторію, приступлю къ слушанію юриспруденціи; только сожалѣнія достойно, что здѣсь книги дороже еще, нежели у насъ, за неимѣніемъ довольнаго числа типографій; и для того должно довольствоваться привозимыми изъ другихъ государствъ. Впрочемъ, м. г., сколько моихъ силъ достанетъ, буду стараться моимъ прилежаніемъ и поступками заслужить вашу милость, о продолженіи которой впредь прошу съ должною покорностію.»

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отправленъ былъ отъ того же числа и репортъ въ академическую канцелярію. Отдавая въ немъ краткій отчетъ въ израсходованіи денегъ, полученныхъ при отъѣздѣ изъ Петербурга, Полѣновъ доносилъ также и о своемъ ученіи: «Пріѣхалъ въ Стразбургъ 29 ноября по н. ст., и спустя 6 дней, началъ ходить на латинскія и историческія лекціи къ г. профессору Лоренцу, который читаетъ Тацита, Цицероновы избранныя рѣчи и сокращенную исторію Нѣмецкой имперіи, не упуская также древности и французскій языкъ; и сколь скоро возможно будетъ, зачну также слушать философическія лекціи. Аттестатовъ не могу я теперь никакихъ прислать для того, что какъ я моихъ учителей, такъ взаимно и они меня мало знаютъ; но по прошествіи сей трети не премину исполнить повелѣніе канцеляріи Академіи наукъ.»

По вступленіи Полѣнова въ университетъ ему данъ былъ печатный листъ, содержащій въ себѣ правила объ обязанностяхъ студентовъ Стразбургскаго университета. Подобный листъ, въ концѣ котораго вписывалось имя студента, выдавался, вѣроятно, всѣмъ, посѣщавшимъ университетскія лекціи.

Канцелярія Академіи наукъ, при указѣ своемъ отъ 18 марта 1763 г., послала къ Полѣнову и Лепехину слѣдующее имъ за одну треть жалованье, каждому по 66 руб. 66 коп. и въ заключеніе присовокупила: „А дабы вы будучи тамо, по отбытіи г. адъюнкта Протасова сюда [6], безъ присмотру не остались, и того ради препоручены вы въ смотрѣніе обрѣтающемуся тамъ академическому почетному члену г. Шепфлину, и для того ходить вамъ къ нему почасту, и что до успѣховъ въ наукахъ принадлежитъ, наставленіи принимать и исполненіе чинить со всякимъ прилежаніемъ“. Указъ этотъ сопровождался письмомъ Тауберта отъ 21 марта: „Г. Полѣновъ, при семъ прилагаю къ вамъ указъ изъ канцеляріи и вексель на одну треть вашего жалованья, по которому, принявъ деньги, изволите оныя раздѣлить между собою по поламъ. О г. Лепехинѣ слышу похвалы отъ г. профессора Шпильмана. Я бы желалъ тоже слышать и объ васъ отъ г. Шепфлина, почетнаго члена нашей Академіи, которому вы поручаетесь въ совершенную дирекцію въ разсужденіи вашихъ наукъ, и которому вы во всемъ должны отдавать отчетъ, ибо канцелярія академическая единственно полагается на его объ васъ засвидѣтельствованія. Вы знаете, для какого намѣренія вы посланы въ Стразбургъ, и для того старайтесь къ будущему вашему благополучію исполнять оное съ крайнимъ усердіемъ. При томъ учитесь также прилежно французскому языку, который вамъ со временемъ можетъ принести великую пользу; и однимъ словомъ, не пренебрегайте ничего того, что̀ къ вящщему знанію вашему служить можетъ. Совѣты г. Шепфлина при томъ для васъ великою помощію будутъ, а особливо, когда вы добропорядочными своими поступками и прилежаніемъ стараться будете заслужить его

(6) Протасовъ выѣхалъ изъ Страсбурга 5 іюля 1763 по н. ст.

благосклонность. Его усердіе къ Россіи мнѣ извѣстно, и потому я увѣренъ, что онъ во всемъ вамъ способствовать будетъ, если вы только не оставите своимъ къ нему почтеніемъ и послушаніемъ соотвѣтствовать добрымъ его намѣреніямъ“.

Похвалы, сдѣланныя Лепехину и выраженіе Тауберта, что онъ желалъ бы тоже слышать и объ немъ, Полѣновъ, какъ кажется, затронули его самолюбіе, и вотъ что онъ отвѣчалъ Тауберту отъ 2 іюля 1763 г.

„Неиначе какъ за особливый знакъ вашей ко мнѣ милости почесть должно, что вы удостоили меня вашимъ письмомъ, что̀ меня также чрезмѣрно и безпокоитъ для изъявленнаго въономъ неудовольствія въ разсужденіи моего ученія. По чистой совѣсти могу ваше высокородіе увѣрить, что я всегда стараюсь всѣми силами соотвѣтствовать даннымъ мнѣ отъ васъ при отъѣздѣ моемъ увѣщаніямъ; только тѣмъ несчастливъ, что не могу здѣсь надлежащимъ образомъ успѣвать въ ученіи и удовольствовать моей къ наукамъ охотѣ. Професоръ философіи, единственно любя свой покой, не читаетъ никакихъ лекцій, безъ чего, какъ вы сами изволите знать, приняться мнѣ за юриспруденцію никоимъ образомъ не можно; да и юристической факультетъ въ немаломъ безпорядкѣ. Слушать у троихъ или четверыхъ профессоровъ лекціи никоимъ образомъ не можно; потому что они не вдругъ зачинаютъ и не вдругъ оканчиваютъ. Честь здѣшняго университета содержитъ единственно г. Шпильманъ, человѣкъ въ знаніи предостойной, въ трудахъ неутомимой, но только жаль, что я его знаніемъ и трудолюбіемъ ни мало не могу пользоваться (7). И я, по справедливости сказать, не мало завидую благополучію, въ разсужденіи сего моего товарища, который довольно имѣетъ предметовъ къ удовольствованію своего любопытства и охоты.

Г. Шепфлинъ призывалъ меня по вашему письму и между прочимъ позволилъ также мнѣ ходить въ свою библіотеку и пользоваться, сколько я могу; за что я вашему высокородію всепокорнѣйшее приношу благодареніе и не примину поступать по вашему предписанію.

Здѣсь также принимаю смѣлость просить ваше высокородіе и о жалованьи. Вездѣ такъ бываетъ, что съ иностранныхъ больше требуютъ, нежели съ природныхъ жителей, что̀ и съ нами случается; при томъ книги, лекцій и утрата по векселю такъ же не мало въ годъ составятъ. Впрочемъ ежели вы мнѣ не изволите повѣрить, обстоятельнѣе о всемъ скажетъ вамъ г. докторъ Протасовъ. Я полагаюсь на милость и на благорасужденіе вашего высокородія, какъ въ разсужденіи перваго, такъ и послѣдняго, и остаюсь въ твердой надеждѣ, что вы, какъ мой благодѣтель и покровитель, которому я всѣмъ счастіемъ долженъ, не приминете, въ семъ случаѣ, имѣть обо мнѣ попеченіе и не попустите, чтобъ я здѣсь шатался почти напрасно; за что не инымъ чѣмъ, какъ моимъ ученіемъ и честнымъ житіемъ воздавать вамъ благодареніе долженъ“.

Въ то же время и въ академическую канцелярію послано было два рапорта. Въ одномъ Полѣновъ увѣдомлялъ о полученіи векселя, посланнаго къ нему при указѣ отъ 18 марта, и о ходѣ своего ученія, заключавшемся въ посѣщеніи историческихъ и латинскихъ лекцій профессора Лоренца, въ окончаніи лекцій о

(7) Для уясненія этого оправданія не лишнимъ считаемъ прибавить, что Лепехинъ шелъ по естественнымъ наукамъ, а Полѣновъ по юриспруденціи, слѣдовательно лекціи и профессора, которыхъ слушалъ одинъ, не могли быть полезны для другаго.

Римскихъ древностяхъ и въ занятіяхъ французскимъ языкомъ. При этомъ онъ послалъ два свидѣтельства, данныя ему тамошними професорами о успѣхахъ его занятій. Тутъ же онъ представлялъ счетъ издержкамъ. Другой рапортъ былъ совокупный, т. е. отъ него и отъ Лепехина. Вотъ что оба они писали:

«При отправленіи нашемъ въ иностранные университеты опредѣлено отъ канцеляріи Академіи наукъ каждому изъ насъ по 200 руб. въ годъ жалованья, при томъ съ такимъ предписаніемъ, чтобы изъ оныхъ денегъ платить за лекціи и за другія къ ученію принадлежащія вещи и содержать такъ же себя, не входя въ долги. Но понеже содержаніе, платежъ профессорамъ за ученіе, книги, которыхъ немалое число покупать должно, гораздо больше денегъ въ годъ требуютъ, нежели сколько намъ опредѣлено; то никоимъ образомъ, ежели канцелярія не окажетъ никакой милости, безъ долговъ намъ обойтись невозможно будетъ; ибо опредѣленнаго намъ жалованья достанетъ только на одно содержаніе, въ чемъ нынѣ также противъ прежняго немалая перемѣна сдѣлалась для недавно бывшей войны, которая особливо сію землю истощила. Что касается до книгъ, то цѣна оныхъ за недостаткомъ здѣсь типографій можетъ почти сравниться съ нашею. Того ради канцелярію Акад. наукъ всепокорнѣйше просимъ оказать намъ милость и поразсмотрѣнію опредѣлить столько жалованья, чтобъ мы не имѣли нужды претерпѣвать, за недостаткомъ денегъ, вредъ въ нашемъ ученіи».

Ходатайство это было удовлетворено. Такъ какъ Полѣновъ и Лепехинъ сослались въ своемъ донесеніи на Протасова, то и въ указѣ академической канцеляріи отъ 18 сентября 1763 г. упомянуто, что «по представленію адъюнкта и доктора г. Протасова къ прежде производимому вамъ жалованью къ 200 рублямъ учинено прибавки каждому по пятидесяти рублевъ въ годъ.....» «токмо симъ вамъ наикрѣпчайше подтверждается, чтобы вы оное жалованье употребляли на свое содержаніе съ умѣренностію, дабы на заплату за ученіе и на покупку надобныхъ книгъ не было недостатка и въ долги ни подъ какимъ видомъ не входили; на что жъ именно деньги держаны ваши будутъ, о томъ присылать точные репорты. Когда жъ вы при прочихъ вашихъ наукахъ въ знаніи французскаго и нѣмецкаго языковъ покажете хорошіе успѣхи, то впредь учинено будетъ объ васъ опредѣленіе; а между тѣмъ въ Страсбургѣ остаться имѣете для предписаннаго намѣренія по 1 число маія будущаго 1764 года.»

Въ отвѣтномъ донесеніи своемъ отъ 8 декабря 1763 г. Полѣновъ увѣдомлялъ академическую канцелярію, что „историческую коллегію (курсъ) Римско-Германской имперіи окончилъ; метафизическія лекціи, которыя я такъ же слушаю, г. профессоромъ Гейсомъ равнымъ образомъ, вскорѣ послѣ новаго года, окончаны будутъ. Сверхъ сего, читаемую на нѣмецкомъ языкѣ г. профессоромъ Лоренцомъ по Целларіеву сокращенію универсальную исторію не опускаю; а для латинскаго языка изъясняетъ онъ Тацита и Виргилія, присоединяя къ тому историческія въ латинскомъ стилѣ упражненія; о чемъ, такъ какъ о французскомъ языкѣ, который немалую часть моихъ упражненій составляетъ, стараюсь по возможности.“ Въ заключеніе этого донесенія, представленъ счетъ издержкамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Полѣновъ писалъ къ Тауберту и къ Протасову.

Къ Тауберту: „Вы даете столь ясные опыты всегдашняго вашего старанія, что я бы за неблагодарнѣйшаго изъ всѣхъ почесться могъ, ежели бы за сіе вновь

оказанное благодѣяніе упустилъ принесть вамъ искреннее мое благодареніе. Я принимаю также смѣлость просить ваше высокородіе и о томъ, чтобъ мнѣ позволено было отправиться изъ Стразбурга въ другой университетъ прежде назначеннаго въ указѣ времени, и ежели, какъ я думаю, канцелярія опредѣлитъ мнѣ ѣхать въ Лейпцигъ, то тамъ обыкновенно, какъ мнѣ сказывали, зачинаютъ читать коллегіи послѣ Пасхи; и такъ, пріѣдучи туда, заблаговременно могу, избравъ нужныя коллегіи, слушать съ начала и притомъ съ великою моею пользою. Впрочемъ я оставляю на ваше благоразсужденіе: что̀ вы мнѣ изволите приказать, то и буду исполнять съ ревностію. О моемъ ученіи и житьѣ имѣю честь увѣрить, что я точно поступаю въ обѣихъ сихъ вещахъ по вашему предписанію. Не сумнѣвайтесь о семъ, милостивый государь, я никогда не оставлю той дороги, которую вы мнѣ показали, и которая, какъ я самъ ясно вижу, ведетъ меня къ чести и благополучію."

Къ Протасову: „Вы насъ немало обрадовали вашимъ письмомъ, котораго мы съ такою нетерпѣливостію дожидались, что сіе медленіе наконецъ приписали вашей несчастливой ѣздѣ. За употребленное вами стараніе въ разсужденіи нашихъ дѣлъ, я наичувствительнѣйше благодарю и прошу безъ всякаго сомнѣнія продолжать то, что̀ вы съ такою благосклонностію для насъ начали. Я знаю мою должность, люблю отечество, честность и въ другихъ почитаю и самъ наблюдаю; сверхъ сего имѣю нѣкоторое понятіе о превосходствѣ наукъ, что̀ во мнѣ къ нимъ охоту возбуждаетъ: однимъ словомъ честное житіе и науки два для меня сокровища, и чтобъ въ первомъ еще больше утвердиться, а послѣднее со временемъ получить, то труда не жалѣю.

Увѣрьте его высокородіе Ивана Ивановича (8), что мы всегда стараемся соотвѣтствовать его объ насъ попеченіямъ и то мнѣніе и надежду, которыя онъ имѣлъ, посылая насъ сюда, не только что не уменьшить, но умножить. Присланный вексель былъ очень прибыточенъ, — только мы не знали какъ съ нимъ поступить; а между тѣмъ у обоихъ у насъ не было почти и рубля денегъ. Мы ходили къ Франку, чтобъ его продать, но не могли сбыть съ рукъ, понеже онъ требовалъ 30 дней сроку; мы сыскали другихъ банкировъ, которые, принявъ отъ насъ вексель, чрезъ 14 дней обѣщались намъ по оному заплатить деньги; но вмѣсто 14 дней ждали слишкомъ 6 недѣль, пока я, отложивъ излишнюю учтивость, прямо не потребовалъ денегъ. Хотя они извинялись, что вексель еще не пришелъ, однако принуждены были заплатить деньги, взявъ за свой трудъ и за почты, и въ семъ то состоитъ весь нашъ убытокъ. Въ будущую посылку прошу покорнѣйше постараться, чтобъ вексель или въ Парижъ или на Франка написанъ былъ для избѣжанія лишнихъ хлопотъ и убытковъ. Я вамъ имѣю честь объявить, что дождливое лѣто испортило виноградъ, отъ чего вино ужасно теперь поднялось. Зимняя погода стоитъ очень тепла, только отъ дождей очень грязно, и дрова чрезмѣрно очень дороги. Я принимаю смѣлость просить васъ еще о засвидѣтельствованіи моего почтенія Григорію Васильевичу (9) и Николаю Николаевичу (10). Къ Михайлѣ Васильевичу (11) писать хотя и чрезмѣрно желаю, но опасаюсь, чтобъ не нажить чрезъ сіе хлопотъ. По отъѣздѣ вашемъ изъ Стразбурга все было хорошо, и теперь такъ же живу. Письма другаго, которое вы обѣщались прислать, мы не

(8) Тауберта.

(9) Козицкому.

(10) Это лице намъ неизвѣстно.

(11) Ломоносову.

получали, и я думаю, что оно на почтѣ утратилось.

Въ рапортѣ отъ 20 Апрѣля 1764 года Полѣновъ увѣдомлялъ академическую канцелярію, между прочимъ, что «читанные г профессоромъ Гейсомъ метафизическія коллегіи онъ выслушалъ». Къ г. профессору Лоренцу ходитъ „для универсальной исторіи, для латинскаго языка и для стиля"; а послѣ Пасхи онъ намѣренъ былъ приступить „къ слушанію юристическихъ коллегій"; сверхъ сего, присовокуплялъ Полѣновъ, „упражняюсь во французскомъ языкѣ".

Къ Тауберту отъ того же числа. „Вы изволили дать мнѣ знать чрезъ г. доктора и профессора Протасова, что я долженъ немедленно приступить къ моему намѣренію и окончить надлежащимъ образомъ въ Стразбургѣ мое ученіе. Послушаніе мое, которое по справедливости долженъ я имѣть къ моимъ командирамъ и благодѣтелямъ, всегда согласно будетъ съ вашимъ приказомъ; ибо я больше нежели увѣренъ, что ваше высокородіе ничего такого мнѣ дѣлать не прикажете, что̀ къ моему вреду можетъ клониться".

Къ Протасову отъ того же числа. «Я имѣю честь вамъ сообщить порядокъ моего ученія, не мною самимъ установленный, но моимъ учителемъ г. Лоренцомъ, у котораго я просилъ въ семъ наставленія, и на котораго искусство, знаніе и благопріятство я несумнѣнную надежду имѣю полагаться. Вы увидите, какимъ образомъ присовѣтовано мнѣ зачать юристическія коллегіи. Я теперь хожу къ г. Лоренцу для латинскаго языка и стиля, слушаю универсальную исторію; а послѣ Пасхи немедленно зачну слушать Jus naturae, что я и сдѣлалъ; съ слѣдующей осени зачну Jus publicum, Institutiones, политическія исторіи г. Шепфлина, повторяю исторію имперіи Германской, такъ же примусь за греческій языкъ, и если все сіе надлежащимъ образомъ выслушаю, то остальное немногаго труда будетъ стоить. Что касается до французскаго языка, то я предупредилъ ваше письмо и довольно чувствую, какая мнѣ отъ того происходитъ польза. Съ новаго года переѣхалъ я къ французскому шпрахмейстеру([12]); теперь разумѣю я нарочито книгу, такъ же могу нѣсколько писать, хотя и съ ошибками, и болтаю всегда по французски.

„Изъ письма вашего къ г. Лепехину увѣдомился я, что вы награждены чиномъ профессора Академіи; я не могу преминуть, чтобъ васъ не поздравить, желая отъ искренняго сердца, чтобъ за симъ чиномъ и другіе не въ дальнемъ разстояніи слѣдовали. Другія обстоятельства, о которыхъ вы изволили упомянуть, такъ же немало меня обрадовали. Я прошу Всевышняго Творца, чтобъ онъ, для споспѣшествованія желаній и намѣреній вашихъ и всѣхъ честныхъ людей, не отвратилъ отъ васъ сильной своей десницы и сохранилъ бы васъ для всего того, чего отъ васъ по справедливости можно надѣяться и ожидать честнымъ людямъ".

Донося канцеляріи Академіи наукъ отъ 17 октября 1764 г. о полученіи векселя въ 250 руб., по которому выручено 1146 ливровъ, По—овъ увѣдомлялъ о ходѣ своихъ занятій. „Въ разсужденіи моего ученія поступаю я, какъ приказано; натуральное и общенародное право выслушалъ хотя не съ начала у г. профессора Фрида, и ежели онъ въ другой разъ зачнетъ, какъ онъ самъ обѣщался, то конечно не премину употребить сей случай въ пользу. Наставленія (Institutiones) Римскаго права слушаю у г. профессора Трейтлингера; универсальную исторію и коллегію для латинскаго языка и стиля окончалъ; а вмѣсто того г. профес-

([12]) Т. е. учителю языка.

соръ Лоренцъ читаетъ теперь исторію Нѣмецкой имперіи и церковную, поскольку сіи двѣ части исторіи имѣютъ сообщеніе и свою пользу,—первая въ публичномъ Нѣмецкой имперіи правѣ, а другая въ церковномъ. Я разсудилъ, что сіи обѣ коллегіи великой для меня важности и для того ихъ не упустилъ. Я началъ такъ же учиться греческому языку у г. профессора Шерера, и дѣйствительно ходилъ въ сію коллегію нѣкоторое время, но какъ г. профессоръ Трейтлингеръ тотъ же самой часъ избралъ для своихъ юристическихъ лекцій, то я принужденъ одно предпочесть другому и противъ моей воли оставить греческій языкъ, понеже иначе обойтись было не можно. Въ разсужденіи французскаго я не иное сказать могу какъ только, что знаю его пользу, упражняюсь въ немъ, читая хорошихъ французскихъ авторовъ, сколько другія дѣла дозволяютъ".—Въ концѣ донесенія приложенъ, по обыкновенію, счетъ издержкамъ.

Къ Тауберту отъ того же числа. Начало этаго письма содержитъ изъявленіе благодарности за участіе, которое Таубертъ принималъ во всемъ, что̀ клонилось къ пользѣ Полѣнова. Далѣе онъ продолжаетъ: „Ваше высокородіе усмотрите изъ моего въ канцелярію репорта, какимъ образомъ мои лекціи идутъ, и я бы конечно началъ такъ же слушать публичное Римско-германской имперіи право, ежелибъ г. профессоръ не отложилъ сію коллегіею, за недовольнымъ числомъ слушателей, еще на нѣкоторое время. Что касается до г. Шепфлина, то онъ чрезъ все лѣто по обыкновенію своему ѣздилъ, и теперь пробывъ здѣсь нѣсколько дней, отъѣхалъ на малое время въ Мангеймъ. Возвратясь зачнетъ онъ, какъ я думаю, свои коллегіи, которыя безъ сумнѣнія не упущу, довольно зная, что они для меня великой важности".

Къ Протасову отъ того же числа. „Изъ письма вашего уразумѣлъ я къ великому моему сожалѣнію, что вы были сильно больны. Повѣрьте, что сіе мнѣ чрезмѣрно прискорбно было, и благодарю отъ искренняго сердца Всевышняго Творца, что вы отъ вашей болѣзни оправились........ Я все то сдѣлалъ, что̀ отъ меня требовано, и по истинѣ сказать, сіе къ не малому мнѣ служитъ ободренію, что его высокородіе г. статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичь (Таубертъ) такъ великое имѣетъ объ насъ попеченіе. Я съ удовольствіемъ о семъ помышляю, и стараюсь соотвѣтствовать по мѣрѣ силъ моихъ. О медаляхъ справлялся я у г. Шепфлина, который, принявъ меня очень учтиво, предлагалъ мнѣ между прочимъ свои услуги и далъ для пересылки къ вамъ письмо. Ежели вы вознамѣритесь что нибудь къ нему писать, то я всегда за честь себѣ поставлю вручить ему ваше письмо, дабы такимъ образомъ ближайшее имѣть съ нимъ сообщеніе. Вы напоминаете стараться всячески о французскомъ языкѣ, я сіе и дѣлаю; говорю вездѣ и со всѣми, которые только сей языкъ знаютъ; пофранцузски читаю не токмо историческія, но и догматическія книги, и какъ мнѣ кажется разумѣю".

Въ канцелярію Академіи наукъ отъ 22 апрѣля 1765 года онъ доносилъ, что „выслушалъ прошедшею зимою наставленія Римскихъ правъ (Jnstit.) у г. профессора Трейтлингера; общее Нѣм. имперіи право (Jus. publ. Germ) у г. профессора Ерлена, у котораго такъ же слушаю еще и теперь естественное и обще народное право (Jus nat. et gent). Родословіе и происхожденіе знаменитѣйшихъ владѣтельныхъ нынѣ нѣмецкихъ домовъ изъяснялъ намъ г. профессоръ Шепфлинъ; нѣмецкую исторію, читаемую г. профессоромъ Лоренцомъ, въ скоромъ времени окончу. Для наступающаго лѣта, какъ скоро господа профессора юристическаго факультета согласятся межъ собою о

коллегіяхъ, приступлю къ слушанію другой части Римскихъ правъ или духовнаго права, повторю наставленія (Instit.), какъ для ихъ трудности, такъ и для того, что они основаніемъ служатъ и всѣмъ другимъ правамъ и безъ основательнаго и твердаго оныхъ познанія почти ничего или очень мало можно успѣть въ юриспруденціи. Мнѣ чрезмѣрно нужно имѣть хотя малое понятіе о греческомъ языкѣ, за который намѣренъ я приняться какъ скоро случай будетъ и чрезъ лѣто, сколько можно, буду въ немъ упражняться. Французскій языкъ принужденъ былъ я оставить, за недостаткомъ времени; но теперь, избравъ удобное время, стану стараться, чтобъ привыкнуть нѣсколько писать на ономъ. Сверхъ сего прилагаю данныя мнѣ отъ г. профессоровъ аттестаты, дабы канцелярія Академ. наукъ могла ясно усмотрѣть, что я не въ праздности здѣсь живу и наблюдаю ея приказы по возможности силъ моихъ“.

Къ Тауберту отъ того же числа.

„Изъ сего усмотрите, в. в., что я прошедшую зиму не напрасно препроводилъ. Я имѣлъ пять коллегій, для которыхъ должно было употребить 6-ть часовъ въ день, и три дѣйствительно окончилъ; остальныя такъ же не долго продолжатся. Для наступающаго лѣта думаю я взять или вторую часть римскихъ правъ (Dig.), или духовное право (Jus canon.); но теперь не могу я ничего точно сказать; что̀ мнѣ господа профессора присовѣтуютъ, то я и буду дѣлать. При томъ повторю я наставленія римскихъ правъ подъ предводительствомъ г. профессора Трейтлингера, какъ основаніе и ключь не только къ римскимъ, но ко всѣмъ вообще и другихъ народовъ законамъ. Г. профессоръ, по особливой ко мнѣ своей благосклонности, обѣщался пройти со мною еще сію первую часть и ежели я чего не разумѣю, изъяснить. Продолжая такимъ образомъ мои ученія, надѣюсь я несумнѣнно будущаго года окончать юристической курсъ. Ваше высокородіе изволите также приказывать мнѣ упражняться во французскомъ языкѣ, чтобы не только говорить, но и писать сколько можно чисто я могъ. Я не примину исполнить по вашему приказу, какъ скоро пріищу такого учителя, который бы въ состояніи былъ все то показать, что̀ требуется къ свойству французскаго языка и образу, какъ на ономъ писать. Я принимаю смѣлость утруждать ваше высокородіе моимъ прошеніемъ и разсуждая по прежнимъ оказаннымъ мнѣ отъ васъ благодѣяніямъ, которыхъ цѣну я совершенно знаю, ласкаю себя надеждою, что вы и сіе прошеніе благосклонно выслушаете. Я не хочу описывать мою бѣдность, которая довольно видна будетъ, ежели я упомяну нѣкоторыя только обстоятельства. Кому неизвѣстно, что время на время не придетъ; сверхъ того, чѣмъ больше гдѣ пробавляется народу, тѣмъ все дороже становится, не упоминая о двойныхъ или тройныхъ налогахъ, которые мѣщане принуждены теперь платить своему королю, а мы уже имъ платимъ по тому же. Теперь присоединить должно къ сему дорогія коллегіи и книги, утрату за пересылку денегъ, нравы и поведеніе здѣшнихъ жителей и прочія малыя обстоятельства, которыя, будучи взяты вмѣстѣ, составляютъ такъ же что нибудь, и притомъ не малое. Я по чистой совѣсти могу сказать, что я прошу ваше высокородіе о оказаніи мнѣ сей милости не для нашихъ бездѣльныхъ и ребяческихъ причинъ, но имѣя законную нужду, которая заставляетъ меня противъ моей воли утруждать васъ, и ежели бы сего не было, то конечно не посмѣлъ бы я преступить предѣлы благопристойности, чтобъ не прослыть на послѣдокъ безстыднымъ“.

Къ Протасову отъ того же числа. „Прошедшей зимы имѣли бо̀льшую причину жаловаться на дождь, нежели на

снѣгъ. Предъ Рождествомъ и въ самую масляницу было очень студено, но все сіе болѣе двухъ недѣль не продолжалось. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ февраля начали по малу приносить съ полей цвѣты; въ мартѣ перестали топить, и дерева едва не всѣ разцвѣли. Но послѣ Пасхи такъ студено стало, что мы попеременно, то снѣгъ, то градъ, то дождь имѣли, и не топя не возможно было никоимъ образомъ пробыть въ избѣ; но теперь, слава Богу, начинаетъ опять быть тепло и ясно. Изъ письма вашего къ г. Лепехину увѣдомился я, что вы женились. Я васъ поздравляю и отъ искренняго сердца желаю, чтобъ ваше благополучіе и удовольствіе со дня на день больше прирастало отъ сего новаго союза.

P. S. Комиссія въ разсужденіи вашихъ хозяевъ отправлена, какъ приложенное письмо свидѣтельствуетъ. Господа Шеины достойны всякой похвалы, какъ въ разсужденіи ученія, такъ и поступковъ. Будущей зимы начнутъ учиться медицинѣ. Они увѣдомлены уже о случившимся имъ несчастіи. Старшій такъ исправился, что теперь другимъ примѣромъ служитъ можетъ въ ученіи и поступкахъ: только жаль, что они не знаютъ по французски. Ст. Мецгеръ обучаетъ ихъ по рекомендаціи г. пр. Шпильмана, который и самъ ничего не знаетъ. Я не хочу говорить о произношеніи, которое нѣмцамъ совсѣмъ непонятно".

Къ Протасову отъ 17 апр. по н. ст. 1765 г.

„Хотя я послалъ къ вамъ письмо вмѣстѣ съ канцелярскими дѣлами, но, какъ вы сами знаете, въ семъ письмѣ не можно такъ изъясниться, какъ должно, и такъ я пользуясь благосклонностію г. барона Икскуля, котораго я отмѣнно имѣю честь знать, какъ такого человѣка, который заслуживаетъ почтеніе и любовь всѣхъ честныхъ людей, вознамѣрился послать къ вамъ сіе письмо, которое хотя и прежде написано, но безъ сумнѣнія послѣ канцелярскихъ писемъ придетъ. Всѣ наши обстоятельства вамъ небезъизвѣстны: какъ мы посланы, какое жалованье опредѣлено отъ президента и какое отъ канцеляріи. Во всѣхъ присылаемыхъ къ намъ указахъ упоминается, чтобъ мы не упускали того, и того, но мы никогда не видимъ, чтобъ смотря по симъ наказамъ и денегъ столько же присылали. Вы сами были здѣсь долгое время и знаете какъ себя должно вести, не только въ разсужденіи поступокъ, но и одежды, чтобъ можно было появиться между честными людьми безъ стыда себѣ и отечеству, а особливо для того, что мы присланы сюда на (казенномъ) коштѣ. Мастеровымъ ученикамъ опредѣляютъ по 500 р. безъ всякихъ лишнихъ околичностей, а намъ и опредѣленнаго не хотятъ дать. Мастеровой и безъ жалованья можетъ себя содержать получаемою уплатою за свою работу, какъ сіе вездѣ въ обыкновеніи, а мы чѣмъ прилежнѣе будемъ трудиться, тѣмъ больше должно платить денегъ. Я не упоминаю о разности между студентомъ и работникомъ, и происходящихъ отъ того послѣдствій. На нашъ дальній путь, думаю я, довольно уже такъ же накоплено денегъ, и такъ не вижу я теперь причины, для коей бы можно было далѣе удерживать опредѣленное намъ жалованье. Мы оба въ крайней бѣдности, въ чужой землѣ и безъ помощи; занимать не смѣемъ, чтобъ иногда не засадили въ тюрьму. Можно напередъ предвидѣть, что мы принуждены будемъ претерпѣвать крайнюю нужду за недостаткомъ въ деньгахъ, ибо прежде г. Леонтовичь одолжалъ насъ по часту, а теперь готовится онъ ѣхать въ Парижъ, и своимъ отъѣздомъ лишаетъ насъ немалой помощи. Вся наша надежда состоитъ въ васъ, и мы будучи увѣрены о непремѣнной вашей къ намъ благосклонности

съ покорностію просимъ приложить ваше стараніе и трудъ, чтобъ намъ опредѣлено было настоящее наше жалованье. Мы по справедливости должны сознаться, что многія одолженія и благодѣянія отъ васъ получили, и для оказанія нашей благодарности ничего больше для насъ не остается какъ единственное признаніе и всегдашнее воспоминаніе всего того, что̀ вы намъ съ такою благосклонностію оказали, которую я изъяснить не могу. Для увѣренія канцеляріи, для отвращенія всякаго сумнѣнія данныя намъ отъ господъ профессоровъ аттестаты свидѣтельствуютъ ясно, что не можно ничего противнаго сказать ни о нашихъ поступкахъ, ниже о ученіи; и такъ я не вижу для чего бы канцелярія могла намъ отказать въ семъ, а особливо ежели вы примете на себя сей трудъ представить надлежащимъ образомъ г. статскому совѣтнику Ив. Ив Тауберту, который, ежели я не обманываюсь, легко склонится на ваши представленія, кои дѣйствительно имѣютъ твердое основаніе и причины, такъ что они въ состояніи произвести желаемое дѣйствіе, ежели только съ другой стороны со вниманіемъ выслушаны будутъ."

Къ Протасову отъ 23 маія по н. ст. 1765 г. „Мы не имѣемъ ничего новаго вамъ теперь сказать, какъ только, что его сіятельства г-на президента дѣти прибыли въ Стразбургъ маія 14 дня по н. ст. вмѣстѣ съ г. Легкимъ, и мы имѣли честь ихъ видѣть неоднократно; а самъ г. президентъ неизвѣстно когда пріѣдетъ. Намъ очень странно показалось, какъ мы увидѣли сихъ господъ противъ нашего чаянія, ибо мы точно такъ думали, что они не прежде осени сюда пріѣдутъ. Наше ученіе идетъ очень порядочно, особливо въ юристическомъ факультетѣ, гдѣ каждый изъ гг. профессоровъ долженъ въ полгода окончить свою коллегію. Кажется, что многократныя жалобы, дошедшія, какъ можно догадываться, и до французскаго канцлера, принудили ихъ приняться за сіе мнѣніе. Вы удивитесь, ежели вамъ сказать, что одинъ профессоръ изъ юристическаго факультета прочитываетъ въ часъ три или четыре книги, которыхъ просто только читать будетъ слишкомъ на полдня. Какъ бы то ни было, только теперь всегда можно надѣяться продолжать порядочно и безъ остановки свое ученіе. Мы оба кончимъ, сколько можно предвидѣть, будущаго лѣта наше ученіе. Мы покорнѣйше просимъ васъ, государь нашъ, напомянуть его высокородію о нашемъ дѣлѣ; ибо мы точно надѣемся получить желаемое, ежели вы только приложите ваше стараніе. Мы бы желали также, чтобъ въ пересылкѣ денегъ не было долгихъ волокитъ и медленія."

Къ Тауберту отъ того же числа.

„Я слушаю вторую часть римскихъ правъ и криминальное право у г. профессора Куглера. Г. профессоръ Ерленъ продолжаетъ читать намъ натуральное и общенародное право и будущею осенью кончитъ. Онъ началъ такъ же читать публично первую часть римскихъ правъ, и я хожу въ сію коллегію для повторенія. Историческія г. профессора Лоренца лекціи окончились. Вашему высокородію можетъ быть странно покажется, что я за первыми письмами такъ скоро и сіе посылаю, но сему причиною письмо г. Шепфлина, которое онъ мнѣ хотѣлъ дать еще для пересылки съ первыми письмами. Нечаянная въ Мангеймъ поѣздка воспрепятствовала ему въ семъ; но возвратясь далъ онъ мнѣ приложенное здѣсь письмо, которое понудило меня нѣсколько торопиться. При семъ отваживаюсь я напомянуть еще вашему высокородію о моемъ покорнѣйшемъ прошеніи, надѣясь, что вы усмотрѣвъ изъ прежняго письма мою настоящую бѣдность и нужду, не оставите меня безъ помощи и защиты; а особливо для того, что данныя мнѣ сви-

дѣтельства могутъ для меня у васъ быть сильными заступниками, какъ въ разсужденіи житья, такъ и ученія.“

Рапортъ въ канцелярію Академіи наукъ, отъ 13 сентября 1765 г., начинается по обыкновенію увѣдомленіемъ о полученіи векселя въ 300 руб., присланнаго для обоихъ студентовъ и о размѣнѣ этой суммы на тамошнія деньги, которыя составили 1400 ливровъ.

„Что касается до моего ученія, то нѣмецкую исторію, читанную г. професоромъ Лоренцомъ, также криминальное право и вторую часть римскихъ правъ, подъ предводительствомъ г. професора Куглера окончилъ. Натуральное и общенародное право выслушалъ у г. професора Ерлена, у котораго теперь также слушаю для повторенія наставленія римскихъ правъ. Сверхъ сего, имѣя уже довольное основаніе, упражняюсь собственнымъ моимъ прилежаніемъ во всемъ томъ, что̀ до моей должности и знанія касается, т. е. въ свободныхъ наукахъ и языкахъ, которыя, какъ я самъ довольно вѣдаю, къ моему намѣренію неотмѣнно нужны. Въ разсужденіи будущихъ моихъ коллегій ничего совершенно извѣстнаго сказать не могу; ибо никто изъ гг. професоровъ юристическаго факультета не зачалъ читать новыхъ коллегій, а какъ скоро зачнутъ, то возьму духовное и феодальное право (Jus canonicum et foeudale), такъ же политическія коллегіи о мирныхъ трактатахъ у г. професора Шепфлина.“

Къ Тауберту отъ того же числа: „Слѣдуя вашему совѣту, разбираю я указы и уложенія и кромѣ безпорядка, замѣшательства, недостатка и несправедливости ничего почти не нахожу. Я примѣтилъ столь знатныя въ нашихъ правахъ погрѣшности, что оныя могутъ иногда нанести великій вредъ и государю и народу; однако, не смотря на все сіе, трудъ и благоразуміе все преодолѣть могутъ. Изъ репорта моего въ канцелярію усмотрите порядокъ и продолженіе моего ученія; въ будущихъ письмахъ обстоятельно отпишу о всемъ; ибо теперь не могу я ничего подлиннаго сказать, какъ только, что хотя я и кончилъ вторую часть римскихъ правъ, но для ужасной поспѣшности г. професора, который по 5 и по 6 книгъ прочитывалъ въ часъ въ угожденіе нѣкоторымъ дворянамъ, мало могъ успѣть, и для того повтореніе сей части мнѣ неотмѣнно нужно. Коллегіи г. професора Шепфлина о мирныхъ трактатахъ такъ же не упущу, и я съ нимъ о семъ уже говорилъ. Между прочимъ г. Шепфлинъ просилъ меня также напомнить вашему высокородію, что у него недостаетъ двухъ частей изъ присланныхъ ему нашихъ коментарій ([13]); онъ много одолженъ будетъ вамъ за сію благосклонность, ежели вы соизволите прислать желаемыя имъ двѣ части сихъ коментарій.“

Къ Протасову отъ того же числа. „Письма ваши отъ 5 и 12 іюля получилъ я исправно, изъ которыхъ содержанія о непремѣнномъ о насъ попеченіи нашихъ благодѣтелей и доброжелателей чрезмѣрно радовался. Будьте увѣрены, что я иное уже исполнилъ по предложеннымъ въ сихъ письмахъ совѣтамъ, а чего еще недостаетъ не премину съ надлежащею точностію произвести въ дѣйство такъ какъ мнѣ предписано. Вы упоминаете о книгахъ, которыя мнѣ пересланы быть имѣютъ при первомъ случаѣ. Не позабудьте, я васъ съ покорностію прошу, присоединить такъ же небольшой печатный духовный уставъ, который мнѣ нуженъ, и я надѣюсь найти въ немъ что нибудь не посредственное. Я давно о семъ думалъ, но не смѣлъ просить, зная труд-

([13]) Извѣстное изданіе наше? Академія на латинскомъ языкѣ.

ность въ выписываніи и пересылкѣ сихъ книгъ; желаніе мое и безъ того исполнилось, тѣмъ болѣе почитаю я себя обязаннымъ воздавать мое благодареніе и его высокородію и вамъ. Г-на Шепфлина, котораго по возвращеніи его изъ Бадена часто вижу, благодарили мы за его благосклонность и данное объ насъ хорошее мнѣніе. Сей почтенный мужъ великое стараніе прилагаетъ о дѣтяхъ его сіятельства г-на президента и часто ихъ самъ экзаменуетъ. Нѣсколько разъ писали вы о секретарѣ г. Шепфлина. Его здѣсь давно нѣтъ, ибо вскорѣ по вашемъ выѣздѣ изъ Стразбурга сдѣланъ онъ секретаремъ ученаго Майнгеймскаго собранія, гдѣ и до сихъ поръ обрѣтается. Коллегіи мои очень порядочно продолжаются, и господа профессора симъ порядочнымъ учрежденіемъ великое облегченіе и услугу сдѣлали иностраннымъ. Что надлежитъ до нашихъ правъ, я ихъ по малу прочитываю, и о расположеніи оныхъ говорилъ я съ г. профессоромъ Ерленомъ, на котораго искусство совершенно положиться можно.

P. S. Шеины за ученіе и поступки похвалы достойны; теперь слушаютъ они ботанику и физику, а будущей зимы зачнутъ они анатомію; каждый изъ нихъ получаетъ по 160 руб. жалованья, и они съ покорностію васъ просятъ постараться о пріумноженіи онаго. Я думаю, что уже время освободить ихъ отъ опекунства и оставить такой домъ, гдѣ они кромѣ пьянства и подлости ничего не видятъ, или по крайней мѣрѣ отдать ихъ въ такія руки, гдѣ бы они могли получить истинное понятіе о честномъ житьѣ. Отъ васъ зависитъ напомнить о семъ г. профессору Шпильману."

(До слѣдующаго выпуска).

РАЗСКАЗЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й О ПЕРВЫХЪ ПЯТИ ГОДАХЪ ЕЯ ЦАРСТВОВАНІЯ.

Сухопутная армія въ Пруссіи не получала жалованья за двѣ трети.

Въ статсъ-конторѣ имянные указы на выдачу 17 милліоновъ рублей не выполненные.

Монетный дворъ со времени царя Алексѣя Михаиловича считалъ денегъ въ обращеніи 100 милліоновъ, изъ которыхъ 40 милліоновъ почитали вышедшими изъ имперіи вонъ, понеже тогда вексельнаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли.

Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополію.

Таможни всей имперіи сенатомъ даны были на откупъ за два милліона.

60 милліоновъ, кои остались въ имперіи, были двѣнадцати разныхъ вѣсовъ. Серебряныя деньги отъ 82 пробы по 63, мѣдныя отъ 40 до 32 рублей въ пудѣ.

Блаженной памяти государыня императрица Елизавета Петровна во время седмилѣтней войны искала занять 2 милліона рублей въ Голландіи, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно кредита или довѣрья къ Россіи не существовало.

Внутри имперіи заводскіе и монастыр-

скіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей, и къ нимъ начинали присоединяться мѣстами и помѣщичьи.

Правительствующій сенатъ тогда составлялъ одинъ департаментъ. Сей слушалъ апеляціонныя дѣла не экстрактами, но самое дѣло со всѣми обстоятельствами, и чтеніе дѣла о выгонѣ города Мосальска занимало, при вступленіи моемъ на престолъ, первыя шесть недѣль засѣданія сената.

Сенатъ, хотя посылалъ указы и повелѣнія въ губерніи, но тамо такъ худо исполняли указы сената, что въ пословицу почти вошло говорить: „ждутъ третьяго указа", понеже по первому и по второму не исполняли.

Вся имперія была раздѣлена на слѣдующія губерніи: Московская, Нижегородская, Казанская, Астраханская, Сибирская, Бѣлгородская, Новгородская, Архангелогородская, С. Петербурская, Смоленская, Воронежская, Оренбурская, Лифляндская, Выборгская, Кіевская; Малую Россію, т е. Черниговскую и Новгородсѣверскую, вѣдалъ гетманъ. Каждая губернія была раздѣлена на провинціи, а къ каждой провинціи были приписаны окружные города, въ коихъ находились воеводы и воеводскія канцеляріи.

Оные не получали жалованья, и дозволено имъ было кормиться съ дѣлъ, хотя взятки строго запрещены были.

Сенатъ опредѣлялъ воеводъ, но числа городовъ въ имперіи не знали. Когда я требовала реестра городамъ, то признались въ невѣдѣніи оныхъ; даже карты всей имперіи сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ. Я, бывъ въ сенатѣ, послала пять рублей въ Академію наукъ чрезъ рѣку отъ сената, и купленный тамъ Кириловскій печатный атласъ ([1]) въ тотъ же часъ подарила правительствующему сенату.

Буде кто любопытенъ знать, что́ съ провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ требовалось, да благоволитъ прочесть манифестъ мой, находящійся въ заглавіи учрежденія для управленія губерній. ([2]) Тутъ увидѣть можно картину, причинившую предпріятую перемѣну.

По возшествіи моемъ на престолъ, сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходамъ имперіи, по которому явствовало, что оныхъ считали 16 милліоновъ. По прошествіи 2 лѣтъ, я посадила князя Вяземскаго и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Мельгунова, тогдашняго президента камеръ-коллегіи, считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписываясь разъ по семи съ каждымъ воеводою. Наконецъ сочли 28 милліоновъ, 12 милліоновъ больше, нежели сенатъ видѣлъ.

При коронаціи моей было у меня три секретаря; у каждаго изъ нихъ было по 300 прошеній, и того 900. Я старалась, колико возможно, удовольствовать просителей, сама принимала прошенія.

Но сіе вскорѣ пресѣклось, понеже въ одинъ праздникъ, во время шествія со всѣмъ штатомъ къ обѣднѣ, просители пресѣкли мнѣ путь, ставъ полукружіемъ на колѣни съ письмами. Тутъ приступили ко мнѣ старшіе сенаторы, говоря, что таковой непорядокъ послѣдовалъ отъ излишней милости и терпѣнія моего, и что законы запрещаютъ государю самому подавать прошенія. Я согласилась на то, чтобъ возобновили законъ о неподачѣ самому государю писемъ, понеже уви-

([1]) Атласъ Россійской имперіи, изданный въ разное время (1726—1734) и состоящій изъ 14 спеціальныхъ картъ, работы *Ивана Кириллова* (см. Евгенія, Словарь I, 283). Замѣчательно, что императрица предпочла Кириловскія карты академическому атласу, изданному въ 1746 г. *П. Б.*

([2]) Въ этомъ манифестѣ говорится, что «въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія».

дѣла, что изъ того родился въ самомъ дѣлѣ соблазнъ, и тогда же свѣдала отъ многихъ, что весь городъ Москва инымъ не упражнялся, какъ писаніемъ ко мнѣ писемъ о такихъ дѣлахъ, изъ коихъ многія уже давно рѣшены были, либо теченіемъ времени сами собою изчезли. Но притомъ признаки были великаго роптанія на образъ правленія прошедшихъ послѣднихъ годовъ.

Въ началѣ царствованія государыни императрицы Елизаветы Петровны издано было повелѣніе управлять всѣ дѣла по указамъ родителя ея Петра великаго.

При ней въ военной коллегіи былъ президентомъ генералъ-фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичь Долгорукой (³). Сей, въ слѣдствіе ея воли, старался приводить войски въ прежнее положеніе, изъ чего воспослѣдовало разстройство называемыхъ тогда Миниховскихъ штатовъ.

Фельдмаршалъ Минихъ былъ президентомъ военной коллегіи во время царствованія императрицы Анны.

Послѣ князя Долгорукаго остался главнымъ членомъ въ военной коллегіи генералъ-аншефъ Степанъ Ѳедоровичь Апраксинъ. Сей хлѣбосолъ превеликой былъ, любилъ лошадей, но весьма рѣдко ѣзжалъ верхомъ по причинѣ роста и превеликой толщины и тягости своего колоссальнаго корпуса. Военнымъ людямъ потакалъ во всякой индисциплинѣ, объ штатахъ никакихъ не думалъ ни онъ, ни подчиненные его, кои рыбу ловили въ мутной водѣ.

Въ его время отличались пять или шесть полковниковъ порядкомъ ихъ полковъ, а имянно графъ Петръ Александровичь Румянцовъ, графъ Захаръ Григорьевичь Чернышовъ, Петръ Ивановичь Панинъ, Николай Михаиловичь Леонтьевъ, князь Василій Михаиловичь Долгорукой, въ кавалеріи князь Михаилъ Никитичь Волконскій. За сіе въ награду лучшіе сіи полки посылалъ (⁴) въ работу въ Рогервикъ.

Въ началѣ седмилѣтней войны нужда пришла въ самомъ дѣлѣ ввести въ армію лучшее устройство, и хотя много поправлено было, но столько же оставалось поправлять. Со всѣмъ однакожъ непорядкомъ завоевали всю Пруссію, въ Берлинѣ были, Колберхъ взяли и три баталіи знатныя выиграли, яко то Гросъегерсдорфскую, Палцихскую и Франкфортскую.

Генералы, пріѣхавшіе къ коронаціи моей въ Москву, были того мнѣнія, чтобъ сдѣлать воинскую комиссію и въ оной сочинить штаты всей арміи, на что̀ я и согласилась. Посажены были въ оную весь наличной лутчей генералитетъ. Штаты были сочинены, мною конфирмованы, и суммы на войски отдѣлены отъ прочихъ доходовъ, недостаточныя же двѣ трети были на первой случай и тотчасъ по возшествіи моемъ отпущены изъ кабинетной суммы въ армію. Потомъ сдѣлано было по моему приказанію три таблицы или списка.

Первой — повальной всѣмъ служащимъ отъ фельдмаршала до послѣдняго, въ табели о рангахъ находящагося.

Второй — въ арміи состоящаго генералитета и прочихъ штабъ и оберъ офицеровъ.

Третій — къ штатской службѣ опредѣленныхъ и не удѣлъ находящихся.

(³) Род. 1667, ум. 1746 г.

(⁴) Т. е. Апраксинъ, извѣстный злоупотребленіями и въ семилѣтнюю войну. Рогервикъ — нынѣшній Балтійскій Портъ, заштатный городъ Эстляндской губерніи, гдѣ производились до 1768 года тяжкія работы, по устройству гавани, такъ какъ въ томъ мѣстѣ море почти не замерзаетъ. *П. Б.*

За симъ послѣдовало опредѣленіе жалованья провинціальнымъ и городовымъ канцеляріямъ и воеводамъ по всей имперіи

Въ 1763 г. сенатъ раздѣленъ на 6 департаментовъ, 2 на Москвѣ и 4 въ С. Петербургѣ, и предписано было слушать изъ дѣлъ экстракты, а не самыя дѣла.

Возвратясь въ Петербургъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1763 года, спустя нѣсколько времени, поѣхала я въ сенатъ. Слушали дѣло о новой ревизіи, которой двадцатилѣтній срокъ настоялъ, и требовали отъ меня повелѣній нарядить ревизоровъ по всей имперіи, и безсчетныя воинскія команды. Считали, что менѣе 800 тысячъ рублей ревизія не станетъ. Сенаторы въ разговорахъ между собою упоминали о безчисленныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, которыя ревизія за собою повлечетъ, о побѣгахъ въ Польшу и за границы ревизскихъ душъ, о ущербѣ имперіи отъ всякой ревизіи, почитая однакожъ всѣ ревизіи за нужную вещь. Я слушала весьма долго все, что̀ говорили, не дозволяя себѣ (ничего) окромѣ нѣкоторыхъ весьма краткихъ, но объяснительныхъ для меня вопросовъ. Господа сенатъ, наконецъ уставъ говорить, замолчали. Тогда я спросила, на что таковой нарядъ войскъ и тягостная сумма для казны? Нельзя ли инако? Мнѣ сказали: Такъ дѣлывалось прежде. Я на сіе отвѣтствовала: А мнѣ кажется вотъ какъ—публикуйте по всей имперіи, чтобъ каждое селеніе послало о налишномъ числѣ душъ реестръ въ свою воеводскую канцелярію, чтобъ канцеляріи прислали въ губерніи, а губерніи въ сенатъ.

Человѣка четыре сенаторовъ встали, представляли мнѣ, что прописныхъ будетъ безъ числа. Я имъ сказала: поставьте штрафъ на прописныхъ. Паки представляли, что за всѣми уже повторяемыми жестокими наказаніями многое множество прописныхъ есть. Тогда я имъ говорила: Простите всѣхъ доднесь прописныхъ по моей просьбѣ и велите селеніямъ прописныхъ донынѣ внести въ нынѣшнія ревизныя сказки. Здѣсь князь Яковъ Петровичъ Шаховской, разгорячась, сказалъ: Тутъ правосудіе нарушается, и винные будутъ наровнѣ съ невинными. Я ревностно объявлялъ, и у меня прописныхъ нѣтъ, а кто пользовался прописками, тотъ станетъ со мною наровнѣ (5). Генералъ-прокуроръ былъ тогда Александръ Ивановичъ Глѣбовъ. Онъ, слыша у своего стола сей разговоръ и видя горячность князя Шаховскаго, вскочилъ съ своего стула и, пришедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я ему сказала, какъ мнѣ угодно, чтобъ ревизія сдѣлана была, что̀ мнѣ весьма легко было. Онъ все то записать велѣлъ и выработать взялся, что̀ и выполнилъ. И доднесь ревизіи такъ дѣлаются въ каждомъ уѣздѣ, безъ наряда и убытка; прописныхъ нѣтъ, и объ нихъ не слышно.

До ревизіи еще, вскорѣ по совершеніи коронаціи моей, повелѣно было монетному двору всю серебряную ходячую монету преводить и впредь бить въ 72-ю пробу, а мѣдную по 16 руб. изъ пуда.

Сіе приказаніе послѣдовало по слѣдующему правилу. Понеже для каждой земли все равно, по какой бы пробѣ деньги ни ходили, лишь бы

1) Постоянно проба была одна.

2) Проба бы была менѣе способная къ вывозу и поддѣлкѣ.

3) 72-й пробы рублей выпущено съ монетнаго двора болѣе нежели другихъ пробъ, такъ какъ и мѣдная по 16 руб. изъ пуда.

(5) Въ Запискахъ своихъ кн. Шаховской не упоминаетъ объ этомъ засѣданіи. Екатерина цѣнила его правоту, и въ самый день вступленія на престолъ вызвала его снова на службу изъ Москвы. *П. Б.*

NB. Золотой монеты одинъ лишь милліонъ ходилъ во всей имперіи, и сія монета уравнена была съ прочими, полагая до 13,653 рублей изъ пуда.

Немедленно по коронаціи моей была назначена комиссія подъ именемъ духовной, въ которой сидѣли многіе архіереи, сенаторы и свѣтскія персоны. Сія комиссія сдѣлала штаты архіерейскимъ домамъ и монастырямъ и опредѣлила имъ содержаніе, а деревни архіерейскія и монастырскія отданы въ управленіи коллегіи экономіи, нарочно для того учрежденной, отчего монастырскихъ крестьянъ непослушаніе однимъ разомъ пресѣклось.

Заводскихъ крестьянъ непослушаніе унимали посланные генералъ маіоры князь Александръ Алексѣевичъ Вяземской и Александръ Ильичъ Бибиковъ, разсмотря на мѣстѣ жалобы на заводосодержателей. Но не единожды принуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ, и не унялось возстаніе сихъ людей дондеже Гороблагодатскіе заводы за двумилліонный казнѣ долгъ графа Петра Ивановича Шувалова возвращены въ коронное управленіе; также Воронцовскіе, Чернышевскіе, Ягушинскіе и нѣкоторые иные заводы, по таковымъ же причинамъ, паки въ казенное поступили вѣдомство. Весь вредъ сей произошелъ отъ самовластной раздачи сенатомъ заводовъ сихъ съ приписными къ онымъ крестьянами, въ послѣдніе годы царствованія государыни императрицы Елизаветы Петровны. Щедрость сената тогда доходила до того, что мѣднаго банка трехмилліонный капиталъ почти весь розданъ заводчикамъ, кои, умножая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятыя изъ казны деньги въ столицѣ. Сіи заводскія безпокойства пресѣклись не прежде 1779 г. манифестомъ моимъ о работахъ заводскихъ крестьянъ ([6]). Съ тѣхъ поръ не слышно было объ нихъ ничего.

Съ самаго начала моего царствованія всѣ монополіи были уничтожены, и всѣ отрасли торговли отданы въ свободное теченіе; таможни же всѣ взяты въ казенное управленіе, и учреждена была комиссія о комерціи, которая, по назначеннымъ ей правиламъ, сочинила потомъ тарифъ, что̀ мною и конфирмовано было. Чрезъ нѣсколько лѣтъ тарифъ пересматривается по апробованнымъ правиламъ, что̀ до нынѣ продолжается, и комерція не исчезаетъ, но ежегодно распространяется, и доходы одни Петербургской таможни приносятъ болѣе 3 милліоновъ.

Таможня Петербургская, бывъ нѣсколько лѣтъ въ казенномъ управленіи, вдругъ правительствующій сенатъ прислалъ къ ней пеню, что мало собираетъ доходовъ. По вступленіи дѣла ко мнѣ, я спросила, менѣе ли она собираетъ денегъ, нежели за сколько отдана была сенатомъ на откупъ или болѣе? Нашлось, что полмилліона болѣе. Я тогда сенату сказать велѣла, что пока таможня болѣе откупной суммы собираетъ, нѣтъ причины сенату пенять на таможню.

Въ первые три года царствованія моего, усматривая изъ прошеній, мнѣ подаваемыхъ, изъ сенатскихъ и разныхъ коллегій дѣлъ, изъ сенаторскихъ разсужденій и прочихъ многихъ людей разговоровъ неединообразныя объ единой вещи установленныя правила, что законы, по временамъ сдѣланные (въ соотвѣтствіе тогдашнихъ умовъ расположенія) многимъ казались законами противурѣчащими, и что всѣ требовали и желали, дабы

([6]) П. Собр. Зак. т. XX, № 14,878, манифестъ 21 мая о работахъ, каковыя крестьяне, приписные къ казеннымъ и частнымъ заводамъ, исправлять обязаны.

законодательство было приведено въ лучшій порядокъ,—изъ сего вывела я у себя въ умѣ заключеніе, что образъ мыслей вообще да и самый гражданской законъ не можетъ получить поправленія инако, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, потомъ писать Наказъ Комиссіи Уложенія. Два года я и читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи, и чтобъ довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предъуспѣвъ по мнѣнію моему довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способности, и между прочими князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: Ce sont des axiomes à renverser des murailles ([7]). Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобъ тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ. Наконецъ заготовила манифестъ о созывѣ депутатовъ со всей имперіи, дабы лучше спознать каждой округи состояніе. Съѣхались оные въ Москвѣ въ 1767 году, гдѣ, бывъ въ Коломенскомъ дворцѣ ([8]), назначила я разныхъ персонъ, вельми разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный Наказъ Комиссіи Уложенія. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю черкнить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали, и остался Наказъ Уложенія, яко оный напечатанъ. ([9]) Я запретила на оный инако взирать, какъ единственно онъ есть, то есть правила, на которыхъ основать можно мнѣніе, но не яко законъ, и для того по дѣламъ не выписывать яко законъ, но мнѣніе основать на ономъ дозволено.

Комиссія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы Турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поѣхали въ армію. Наказъ Комиссіи Уложенія ввелъ единство въ правилы и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго: стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать. . . . .

Здѣсь прерывается драгоцѣнная рукопись или по крайней мѣрѣ тотъ списокъ ея, который имѣется въ Чертковской библіотекѣ. Неизвѣстно, когда именно она писана; можно только сказать, что не ранѣе мая мѣсяца 1779 г., такъ какъ объ одномъ манифестѣ этого времени въ ней говорится. Существуетъ ли продолженіе этой государственной автобіографіи, къ которой долженъ будетъ безпрестанно прибѣгать историкъ Екатерининскаго вѣка? Отрывками воспользовался *С. М. Соловьевъ* въ превосходной статьѣ своей «1767 годъ», въ Русскомъ Вѣстникѣ 1861 г., октябрь, стр. 303 и д. *П. Б.*

([7]) Т. е. такими правилами можно разрушить зданія.

([8]) Покойный гр. Дм. Ник. Блудовъ сказывалъ намъ, что, въ молодости его, ему показывали, какъ святыню, тѣ подсвѣчники, съ которыми Екатерина работала надъ Наказомъ, живя въ Коломенскомъ дворцѣ. *П. Б.*

([9]) Библіографіи предлежитъ трудъ сличить печатный Наказъ съ рукописнымъ подлинникомъ Екатерининой руки, хранящемся въ имп. акад. наукъ (подробности см. въ статьѣ *М. А. Дмитріева*: «На какомъ языкѣ писанъ Наказъ», Библіогр. Записки 1859, стр. 112—115). За присылку таковаго сличенія въ Русскій Архивъ мы были бы безмѣрно благодарны. *П. Б.*

Нѣсколько извѣстій о Пензенскомъ помѣщикѣ Струйскомъ.

Библіографамъ извѣстны роскошныя изданія, которыя въ концѣ прошлаго вѣка печатались въ селѣ Рузаевкѣ, Инсарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, въ собственной типографіи Рузаевскаго помѣщика Струйскаго, который предавалъ въ ней тисненію преимущественно собственные свои стихи, составившіе даже цѣлый томъ и отличавшіеся отсутствіемъ всякаго таланта и тѣми красотами, какія находятся въ твореніяхъ Тредьяковскаго. Въ Чертковской библіотекѣ есть нѣсколько этихъ изданій, составляющихъ большую библіографическую рѣдкость.

Фактъ существованія такого отчаяннаго метромана, жившаго въ глуши и тратившаго значительныя суммы на устройство и содержаніе въ захолустьѣ одной изъ лучшихъ современныхъ ему типографій, для удовольствія печатать въ ней свои вирши, очень любопытенъ. Извѣстія, до него касающіяся, скудны и отрывочны. Поэтому я очень радъ, что могу сообщить о Струйскомъ и затѣяхъ его нѣкоторыя положительныя свѣдѣнія.

Они извлечены изъ любопытныхъ въ высшей степени Записокъ извѣстнаго поэта князя Ивана Михайловича Долгорукаго (род. 7 апрѣля 1764, ум. 4 декабря 1823). Онъ былъ Пензенскимъ вице-губернаторомъ (съ 19 сентября 1791 по 17 декабря 1796), зналъ лично Струйскаго и не однажды бывалъ въ его Рузаевкѣ. Вотъ отрывки изъ Записокъ князя, сюда относящіеся.

1793 годъ. „Желая пріятною чертой пера кончить этотъ годъ, скажу нѣчто о Струйскомъ, съ которымъ я познакомился, заѣхавъ къ нему лѣтомъ когда-то случайно. Этотъ дворянинъ заслуживалъ особеннаго вниманія. Будучи не бѣденъ, напротивъ достаточенъ, живучи въ прекрасномъ домѣ, коего убранство возвѣщало вкусъ и роскошь, окруженъ пріятною женою со многими добрыми дѣтьми, изъ коихъ иныя были въ занимательномъ возрастѣ, словомъ: находясь въ возможности, при регулярномъ, хорошемъ садѣ, обширныхъ дачахъ и всѣхъ изобиліяхъ натуры, наслаждаться жизнію благополучнаго человѣка, ежели она есть гдѣ нибудь кромѣ нашего воображенія, — этотъ самый г. Струйскій, влюбясь въ стихотворенія собственно свои, издавалъ ихъ денно и ночно, покупалъ французской бумаги пропасть, выписывалъ буквы разнаго калибра, учредилъ типографію собственно свою и убивалъ на ея содержаніе лучшую часть своихъ доходовъ. Онъ имѣлъ кабинетъ въ самомъ верху дома, называемый: Парнасъ. Въ сіе святилище никто не хаживалъ, ибо, говорилъ онъ, не должно метать бисера свиньямъ. Меня онъ удостоилъ ласковаго тамъ пріема, за который дорого заплатилъ однако одинъ изъ моихъ товарищей: ибо онъ, читая мнѣ одно свое произведеніе и натурально изъ хвастовства, по мнѣнію его лучшее, сильно будучи имъ восхищаемъ, щипалъ его въ восторгѣ до синихъ пятенъ. Изступленія подобнаго, когда о стихахъ говорили, я не видывалъ. Все обращеніе его впрочемъ было дико, одѣваніе странно. Онъ носилъ съ фракомъ парчевой камзолъ, подпоясывался розовымъ кушакомъ шелковымъ, обувался въ бѣлые чулки, на башмакахъ носилъ бантики и длинную повязывалъ прусскую косу. Вотъ его видъ, въ которомъ онъ мнѣ показался. Охотно думаю, что это его былъ нарядъ и только для меня, въ изъявленіе большей преданности. Письма его ко мнѣ, которыя я всѣ собралъ, и сочиненія разсмѣшили бы мертваго. Потѣшнѣе послѣ Телемахиды ничего нѣтъ на свѣтѣ. Онъ уважалъ очень, между предметами учености, оптику и толковалъ мнѣ, но очень втунѣ, часа два, что многія сочиненія

нашихъ авторовъ теряютъ своей цѣны отъ того только, что листы не по правиламъ оптики обрѣзаны, что голосъ отъ этого, ожидаетъ продолженія рѣчи тамъ, гдѣ переходъ ея прерывается; и отъ нескладности тона теряется сила мысли сочинителей. Прошу тутъ понять что нибудь! Счастливы были бы его читатели, если бы стихи его отъ погрѣшностей противъ одной оптики были дурны! Но, увы! они во всемъ несносны. Простимъ ему ихъ, поелику онъ умеръ (1) и другихъ такихъ уже не напишетъ. Пожелаемъ однако притомъ искренно, чтобы подобныхъ не возрождалось. Въ потомствѣ его доселѣ нѣтъ никого, кто бы ему послѣдовалъ (2). Когда я посѣтилъ его на вышеписанномъ Парнасѣ, то, примѣтя пыль вездѣ большую и большой безпорядокъ въ уборѣ, ибо рядомъ съ сургучемъ брошенъ былъ перстень алмазный, возлѣ большой рюмки стоялъ поношенный бюстъ,— спросилъ я его о причинѣ, и онъ мнѣ далъ самую мудреную. Пыль, сказалъ онъ, есть мой стражъ, ибо по ней увижу тотчасъ, не былъ ли кто у меня и что̀ онъ трогалъ. Такая мысль меня поразила. Увидѣвъ притомъ, что въ комнатѣ его множество разныхъ оружій и соображая сей нарядъ, столь неприличный Парнасу, съ его отзывомъ, заключилъ, что онъ долженъ быть жестокій хозяинъ и посреди упражненій своихъ, которыя иногда держатъ его за перомъ, а паче, какъ онъ самъ признавался, осенью, сутокъ по двое безъ сна и почти безъ пищи, опасался надъ собою злонамѣренныхъ покушеній. Говорили мнѣ, будто догадка моя была справедлива, но я не зналъ его довольно коротко, чтобы на одной молвѣ основать такое предосудительное о немъ заключеніе. Впрочемъ отзывъ его приличенъ былъ тирану, носящему съ собою повсюду мрачные помыслы. Сказывали мнѣ еще, будто онъ до стихотворческаго пристрастія былъ наклоненъ къ юридическимъ упражненіямъ, дѣлалъ самъ людямъ своимъ допросы, судилъ ихъ, говорилъ, *за* нихъ и *противъ*, судъ и дѣло въ своихъ собственныхъ судилищахъ и вводилъ самыя даже пытки потаеннымъ образомъ. Вотъ что я слышалъ отъ постороннихъ. Ежели это было подлинно такъ, то чего смотрѣло правительство? Отъ этого волосы вздымаются. Ежели то было такъ, то какой удивительный переходъ отъ страсти самой звѣрской, отъ хищныхъ такихъ произволеній къ самымъ кроткимъ и любезнымъ трудамъ, къ сочиненію стиховъ, къ нѣжной и вселобзающей литературѣ! Все это непостижимо! Нѣтъ, я этому не вѣрю, истинно не вѣрю! Впрочемъ, кто знаетъ, что такое человѣкъ? Кто искусилъ это непонятное твореніе столько, чтобы найти и опредѣлить мѣру его заблужденіямъ? Подивимся и замолчимъ. Полно о немъ.“

1795 годъ. „Письма Струйскаго, неисчерпаемый источникъ нелѣпостей, смѣшили меня, когда меланхолія слишкомъ удручала сердце. Тутъ весьма хорошо прочесть что нибудь изъ Тредьяковскаго, Струйскаго, Черкасова и тому подобныхъ парнасскихъ буфоновъ. Они очистятъ путь мыслямъ и пробудятъ человѣка отъ сна и задумчивости его....“

1795 годъ. „Въ октябрѣ я сочинилъ оду подъ названіемъ „Каминъ“ (3). Она имѣла большой успѣхъ. Ее читали и видѣли въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Парижѣ. Делиль не погнушался по наслышкѣ

(1) Писано въ 1804 году. *М. Л.*

(2) Это не совсѣмъ такъ: одинъ изъ потомковъ его былъ извѣстный поэтъ Полежаевъ. *Дмитрій Юрьевичь Струйскій*, довольно извѣстный стихотворецъ 1830-хъ годовъ, былъ также внукомъ Рузаевскаго типографщика. *П. Б.*

(3) См. Соч. кн. Долгор., изд. Смирдина 1849, т. I, стр. 348. *М. Л.*

ее попросить у моихъ знакомыхъ. Напечатанъ былъ сей „Каминъ" въ типографіи у Струйскаго и въ небольшомъ количествѣ для подарка только моимъ пріятелямъ и короткимъ ([4]).... Нѣсколько лѣтъ, потомъ ([5]) его вторымъ изданіемъ печатали съ французскимъ переводомъ, въ которомъ упражнялся, но весьма не въ пользу сочинителя, въ Москвѣ одинъ Французъ именемъ Aviat ([6])."

1796 года. „Съ ярмонки (Саранской) проѣхали мы черезъ Шешкѣевъ въ Рузаевку, деревню Струйскаго.... У Струйскаго, котораго я описалъ прежде, нашли мы изуродованный Парнассъ и Аполлона въ увѣчьи. Музы тамъ представлялись въ самомъ жалкомъ видѣ. Оптика занимала по старому хозяйское понятіе. Онъ читалъ намъ свои стихи, водилъ насъ въ типографію и тамъ при женѣ тиснули стихи, сдѣланные имъ въ похвалу ея, экспромптомъ. Пріятно было этому повѣрить, чтобы по крайней мѣрѣ за учтивость заплатить снисхожденіемъ самому несмысленному творенію и извинить недостатки его скоропостижностію. Впрочемъ гостепріимство его и милой жены заплатило намъ съ избыткомъ за ту отяготительную скуку, съ которой принуждены мы были слушать его стихотворныя сумасшествія."

1796 г..... „Пора мнѣ войти скорѣе въ мою сферу и потужить здѣсь теперь о смерти бѣднаго Струйскаго, бѣднаго какъ писателя, но достаточнаго помѣщика хорошихъ тысячи душъ, которыя наслѣдство его дѣлали гораздо пріятнѣе, чѣмъ Парнассъ и типографія. Кончина государыни такъ сильно поразила его воображеніе, что онъ слегъ горячкой, лишился языка и умеръ очень скоро ([7]). Какая могла быть связь между сими двумя умами? Странно даже ставить ихъ рядомъ въ разговорѣ. Подивимся чудесамъ природы и скажемъ о Струйскомъ, что какъ пріятеля мнѣ его очень жаль: онъ меня любилъ, кажется, искренно; писемъ его сохранилось у меня множество. Стихи свои онъ мнѣ дарилъ всѣ, и рукописи его многія у меня найдутся. Я жалѣлъ всегда о его заблужденіяхъ, жалѣлъ тѣмъ паче, что безъ нихъ онъ могъ бы быть человѣкъ хорошій; но силы его были направлены къ худымъ предметамъ. Какъ о сочинителѣ стиховъ, я объ немъ не сожалѣлъ ни мало, ибо онъ ихъ писать совсѣмъ не умѣлъ и щеголять имѣлъ право болѣе ихъ тисненіемъ, нежели складомъ. Если бы вѣкъ его продолжился, онъ бы отяготилъ вселенную своими сочиненіями. Хорошо, хорошо сдѣлала судьба, что прекратила несносные его досуги. Я говорю все о писателѣ. Любезное его семейство, непричастно будучи его слабости, привлекло къ себѣ любовь и почтеніе своихъ знакомыхъ. Жена его устроила свои дѣла, воспитала хорошо дѣтей, печется объ нихъ понынѣ."

Вотъ все, что сказано о Струйскомъ въ Запискахъ князя Долгорукаго. При

([4]) Это первое изданіе „Камина", напечатанное въ Рузаевкѣ, въ концѣ 1795 года, не обозначено ни въ какихъ библіографическихъ источникахъ, вѣроятно потому что напечатано въ маломъ числѣ экземпляровъ въ провинціи и притомъ не было въ продажѣ. *М. Л.*

([5]) Именно въ 1799 году. *М. Л.*

([6]) Это изданіе обозначено въ спискѣ литературныхъ произведеній автора, составленномъ М. А Дмитріевымъ и показано появившимся въ 1799 году. (Кн. Ив. Мих. Долгорукій и его сочиненія, Москва, 1863, стр. 272.) Сопиковъ (Опытъ Рос. библ., Ч. 3, № 5013) показалъ изданіе „Камина" напечатаннымъ въ 1801 году, но это, вѣроятно, ошибка, и тутъ указано тоже изданіе 1799, о которомъ упомянуто и въ Росписи Смирдина (№ 8096) съ показаніемъ тоже 1799 года. *М. Л.*

([7]) Струйскій, какъ видно по нѣкоторымъ стихамъ его, находился въ сношеніяхъ съ гр. Орловыми. *П. Б.*

скудости извѣстій объ этомъ оригиналѣ, приводимыя о немъ свѣдѣнія конечно любопытны для любителей старины и исторіи нашей литературы.

Михаилъ Лонгиновъ.

Тула.
6 февраля 1865.

Нѣсколько добавочныхъ свѣдѣній извлекаемъ изъ нашей статьи о сельскихъ типографіяхъ въ Россіи (Библіогр. Записки 1858, стр. 279—283). *Николай Еремѣевичъ Струйскій* былъ нѣкогда губернаторомъ во Владимірѣ. Владѣнія его простирались верстъ на 30 кругомъ. Рузаевка, съ 3 церквами, изъ коихъ 2 выстроены Струйскимъ, вся была обведена валомъ. На плафонѣ огромнаго барскаго дома, въ залѣ съ мраморными стѣнами и двойнымъ свѣтомъ, доселѣ (въ 1858 г.) видна надпись: *16 декабря 1772 г.*— время основанія дома. За одно желѣзо хозяинъ отдалъ купцу подмосковную деревню съ 300 душъ Струйскій былъ дважды женатъ (второй разъ на Александрѣ Петровнѣ Озеровой, племянницѣ Павлова любимца Обольянинова) и имѣлъ 18 человѣкъ дѣтей. Эти свѣдѣнія сообщены были намъ роднымъ его внукомъ Василіемъ Петровичемъ Струйскимъ. Рузаевка лежитъ недалеко отъ большой дороги изъ Нижняго въ Пензу, въ 7 в. отъ большаго села Голицина. *П. Б.*

ПИСЬМО ШОТЛАНДЦЕВЪ КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИЗАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ.

Въ императорской публичной библіотекѣ подъ №№ VI 2/245 находится рѣдкая брошюра, напечатанная въ Эдинбургѣ въ 1745 г. въ 8-ку подъ заглавіемъ: Lettre des Ecossais à l'Imperatrice de Russie Elisabeth. Въ 1745 году послѣдній претендентъ изъ дома Стюартовъ, внукъ Іакова II, Карлъ Эдуардъ, высадился на берегъ Шотландіи съ цѣлью возбудить возстаніе между горцами и съ помощью ихъ свергнуть съ престола Георга II. Отважность предпріятія, рыцарскій характеръ принца и его изящная наружность привлекли къ нему толпы воинственныхъ горцевъ. Сначала рядъ успѣховъ открылъ ему входъ въ Эдинбургъ, и онъ безпрепятственно сталъ двигаться по направленію къ Лондону; но на поляхъ Куллоденскихъ былъ разбитъ на голову герцогомъ Кумберландскимъ, сыномъ Георга II, и дѣло Стюартовъ было окончательно проиграно. Печатаемое здѣсь въ Рускомъ переводѣ письмо относится къ началу его успѣховъ въ Шотландіи. Намъ неизвѣстно, какой изъ Петербурга послѣдовалъ отвѣтъ на это куріозное посланіе, и сохранились ли въ архивахъ иностранной коллегіи какія либо бумаги по этому предмету.

Кн. Я. Лобановъ-Ростовскій.

Государыня!

Счастіе, которымъ наслаждаются народы Россіи со времени благополучнаго вступленія вашего императорскаго величества на престолъ было донынѣ предметомъ нашей зависти и удивленія цѣлой Европы. Мы завидовали смѣлости вашихъ подданныхъ, которые явили намъ примѣръ силы народной любви къ своимъ законнымъ государямъ. Да не позавидуютъ они намъ въ свою очередь, что мы, слѣдуя ихъ примѣру и правотѣ, дерзнули составить славный замыселъ, возвести на нашъ престолъ принца, достойнаго того и по правамъ своего рожденія и по личнымъ своимъ качествамъ.

Мы поняли, по примѣру Россіянъ, что истиннаго счастія нельзя ожидать отъ похитителя престола и что похищеніе, какимъ бы громкимъ названіемъ оно ни прикрывались, все таки влечетъ за собою несправедливость и порабощеніе. Если

вѣрить королю Георгу, царствующему въ Лондонѣ, онъ желалъ, подобно своему предшественнику, лишь освободить Британцевъ отъ владычества тирана; повидимому онъ и теперь желаетъ править нами единственно для того, чтобы сдѣлать насъ народомъ свободнымъ, чтобы охранять наши привилегіи, блюсти наши законы, снискивать намъ уваженіе прочихъ народовъ и обогащать насъ ихъ сокровищами посредствомъ цвѣтущей торговли.

Государыня, таковы дѣйствительно правила великихъ монарховъ; таковы начала, которымъ вы слѣдуете въ вашемъ мудромъ правленіи. Но король Георгъ не такъ думаетъ, какъ говоритъ. Вся Европа знаетъ, что съ тѣхъ поръ какъ мы подчинились его власти, мы стали менѣе свободны, чѣмъ были въ то время, когда король царствовалъ въ Шотландіи. Наши короли были доступны всѣмъ своимъ подданнымъ; намъ было дозволено подавать имъ наши жалобы, они принимали и удовлетворяли ихъ; но Лондонскій король отдаленъ отъ насъ столько же пространствомъ, сколько и своимъ презрѣніемъ къ намъ.

Мы всегда платили королю Георгу тѣ же самыя подати, которыми были обложены при нашихъ государяхъ, и съ неудовольствіемъ видѣли, какъ наше золото, плодъ нашихъ тяжкихъ трудовъ, переходило въ Лондонъ, а оттуда въ отдаленную страну (*), гдѣ оно обогащало иностранцевъ, не имѣющихъ никакого законнаго права на наше имущество и нашу личность; наша горесть усиливается еще болѣе тѣмъ, что вдали отъ насъ томился принцъ, который не смотря на нашу невѣрность сохранилъ къ намъ свою любовь; за нее мы не можемъ его достаточно вознаградить ни жертвою нашихъ имуществъ, ни жертвою насъ самихъ.

(*) Т. е. въ Ганноверъ.

Наконецъ руководимые чувствомъ справедливости и уповая на промыслъ Всевышняго, мы предприняли возвратить этому законному государю наслѣдство его праотцевъ; мы рѣшились повиноваться только ему одному и скорѣе умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ отказаться отъ надежды видѣть его власть признанною всѣмъ народомъ. Справедливость вооружила насъ, она одна можетъ насъ обезоружить.

Мы надѣемся, государыня, что ваше величество будете тронуты сходствомъ своей судьбы съ судьбою принца Карла Эдуарда Стюарта. Какъ онъ, ваше величество были отстранены отъ престола отцовскаго; вы видѣли на престолѣ незаконнаго государя, которому принуждены были непосредственно повиноваться, чего не испыталъ принцъ; за то онъ подвергся несчастію изгнанія и былъ осужденъ похитителемъ на постыдную смерть. Вашъ народъ, сознавъ оказанную вамъ несправедливость, возвратилъ вамъ похищенную у васъ корону; мы также повергаемъ къ стопамъ нашего государя скипертъ и корону и умоляемъ его о принятіи этихъ знаковъ его законной власти.

Возможно ли предположить, что наши усилія будутъ противны Богу? Успѣхи, которыми Онъ ежедневно увѣнчиваетъ наше предпріятіе, служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ Его одобренія. Если же представится надобность въ помощи человѣческой, мы дерзаемъ надѣяться, что вы намъ не откажете въ ней. Для сисканія вашей помощи достаточно было бы представить, что справедливость на нашей сторонѣ; но мы обратимся къ другой причинѣ для привлеченія васъ въ пользу нашего предпріятія. Мы представимъ вашему величеству, что похититель, иго котораго мы хотимъ съ себя стряхнуть, связанъ узами родства съ тѣмъ, котораго

вы низвергли съ престола вашего родителя. (*) Мы знаемъ, какую умѣренность вы выказали въ отношеніи къ нему, и мы рѣшились послѣдовать вашему примѣру. Мы испрашиваемъ вашей помощи не съ цѣлью истребить весь родъ похитителей, но съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его происки и честолюбіе безопасными для всѣхъ европейскихъ державъ.

Мы далеки отъ варварскаго воззрѣнія, считающаго прочнымъ только тотъ престолъ, который скрѣпленъ кровью; мы далеки отъ ужасныхъ изгнаній, противныхъ природѣ и справедливости. Лучшая опора престола справедливость и любовь народа. Мы наконецъ рѣшились оградить по мѣрѣ силъ нашихъ личность гражданина и даже иностранца.

Если бы Богу было угодно, чтобы всѣ европейскія державы смотрѣли на наше дѣло тѣми глазами, какими вы, ваше величество, на него взглянете, мы не были бы принуждены поддерживать силою оружія права нашего законнаго государя; тогда всѣ провинціи, принадлежащія ему по праву рожденія, признали бы его власть надъ собою.

(*) Король Англіи Георгъ II-й былъ сыномъ Брауншвейгской принцессы Софьи Доротеи, родственницы нашему Антону Ульриху. *П. Б.*

Внемлите, государыня, внушеніямъ справедливости, которая всегда руководитъ вашими дѣйствіями; ваше величество, будьте столь милостивы, заявите чѣмъ нибудь вашу готовность протянуть намъ руку помощи: тогда устрашенные наши враги или разсѣятся или присоединятся къ намъ, и тогда возвратятся въ нашъ край свѣтлые дни, неразрывные съ взаимною любовію государя и подданныхъ.

Подписано отъ лица народа Шотландскаго, ополчившагося за правое дѣло.

М. Д. Д. Р.
М. С. Д. М.
М. С. Д. М. (*)

Эдимбургъ.
28 сентября (9 октября.) 1745.

Шотландцы между прочимъ, и потому могли обратиться съ своею просьбою къ нашей императрицѣ, что не задолго, въ 1743 г., она доставила Шведской престолъ Голштинскому принцу Адольфу Фридриху. *П. Б.*

(*) Такъ во Французскомъ текстѣ.

КЪ ИСТОРІИ 1812 ГОДА.

„Сколько борьбы, крови, времени потребуется еще для осуществленія того, что я желалъ совершить для человѣчества!“
Слова Наполеона 1-го.

Въ ноябрѣ 1771 года передъ первымъ Польскимъ раздѣломъ, Фридрихъ II осторожно ввелъ войска свои въ Польшу и дабы обезпечить себѣ дешевое ихъ содержаніе, не задумался распространить въ Польшѣ, посредствомъ Жидовъ, два милліона фальшивыхъ флориновъ (депеша Сальдерна, въ Исторіи паденія Польши, соч. *С. М. Соловьева*, стр 139). Такъ поступалъ король-стихотворецъ, геніальный представитель протестанства, и эта черта вполнѣ согласна съ общимъ направленіемъ его экономической дѣятельности, цѣлью которой было пріобрѣтать наиболѣе, тратя наименѣе.

Къ подобному же средству прибѣгалъ и геніальный представитель католическаго міра, но уже совершенно въ иной обстановкѣ, будучи не въ бѣдности, а въ полной силѣ могущества. Преданія о томъ, что Наполеонъ Бонапартъ, передъ своимъ нашествіемъ на Россію, заготовилъ еще дьма значительное количество фальшивыхъ Русскихъ асигнацій, довольно живо въ памяти Московскихъ старожиловъ. Расказываютъ, что

Французское правительство имѣло особенныхъ людей, которые, какъ бы невзначай, разбрасывали эти асигнаціи вмѣстѣ съ другими вещами въ чемоданахъ, отдавали нарочно въ добычу казакамъ такого рода поклажи и пр. Подъ Краснымъ былъ, говорятъ, отбитъ цѣлый огромный запасъ этихъ произведеній западной изобрѣтательности; а одинъ почтенный Московскій житель, по болѣзни остававшійся въ Москвѣ въ сентябрѣ и октябрѣ 1812 г., передавалъ намъ, что Французы вымѣнивали звонкую нашу монету на свои фальшивыя бумажки, платя по тогдашней синенькой (5 р.) за серебряный рубль, и что у Каменнаго моста были для того устроены нарочно мѣняльныя лавки. Но это разсказы, а вотъ офиціальное свѣдѣніе.

ДѢЛО

О НАЙДЕННЫХЪ У НѢКОТОРЫХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ ФАЛЬШИВЫХЪ АССИГНАЦІЯХЪ, РАСПУЩЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

1. Рапортъ графу Растопчину.

Его сіятельству, господину генералъ отъ инфантеріи, оберъ-камергеру, государственнаго совѣта члену, сенатору, главнокомандующему въ Москвѣ и разныхъ орденовъ кавалеру, графу Ѳедору Васильевичу Растопчину, Московскаго оберъ-полиційместера рапортъ. Слѣдственный приставъ Яковлевъ и драгунской команды маіоръ Чистяковъ, по сдѣланному мною порученію, съ доклада вашему сіятельству, рапортомъ мнѣ доносятъ, что, стараясь узнать о имѣющихся у иностранцовъ фальшивыхъ ассигнаціяхъ, распущенныхъ здѣсь Французскимъ правительствомъ, найдено ими у живущихъ въ Запасномъ дворцѣ иностранца Ермолая Скотія 550 рублей, Дементія Скотія 1100 р., въ Воспитательномъ домѣ у коллежской секретарши Александры Кузнецовой 200 р., у Марьи Боргаръ 800 р., серебромъ французскихъ денегъ 7 р. 50 к.; у мадамъ Ведроманъ 800 р., у мадамъ Прынку 100 р., серебромъ французскихъ денегъ 12; у мамзель Берманъ 300 р., у иностранца Вадо 900 р., а всего ассигнаціями 4750 р., серебромъ 19 р. 50 к. объясняя при томъ, что Вадо, объявя обо всемъ прописанномъ, обѣщаетъ еще таковыхъ найтить. Донеся о семъ вашему сіятельству, я беру смѣлость испрашивать себѣ въ разрѣшеніе предписаніе, какимъ образомъ долженъ я руководствоваться въ поступленіи съ тѣми иностранцами и подвергнуть ли ихъ обыкновенному сужденію законовъ. Московскій оберъ-полиціймейстеръ генералъ-маіоръ *Ивашкинъ*. № 3298.

Ноября 6 дня 1812 года.

2. Резолюція графа Растопчина.

Суду ихъ предавать погодить, потому что они могутъ отговориться неизвѣстностью и потомъ полученіемъ за продажу.

Какъ поведено было дѣло дальше, мы не знаемъ. Сохранилось только преданіе, что по изгнаніи Французовъ наше правительство не на одинъ милліонъ выкупило такихъ фальшивыхъ ассигнацій у крестьянъ и другихъ обманутыхъ людей, великодушно покрывая наглую недобросовѣстность цивилизованнаго непріятеля. Въ архивахъ министерства финансовъ должны быть бумаги по этому предмету. Если они цѣлы, то ихъ обнародовать было бы кстати именно теперь, когда насъ увѣряютъ и поэты (Мицкевичъ) и дѣятели политическіе, будто міръ ошибся, неохотно подчиняясь желѣзному игу Наполеона 1-го. *П. Б.*

СПИСОКЪ ЧЛЕНАМЪ СОВ. И СПРАВ. ЛОЖИ СВ. ГЕ-

А. ЧИНОВНИКИ ЛОЖИ.

№	ИМЕНА И ПРОЗВАНІЯ.	ГРАЖДАНСКІЯ ЗВАНІЯ.
1.	Робертъ Антоновичъ Винспіеръ	Полковникъ артиллеріи и раз. орд. кав.
2.	Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ	Надворный совѣтникъ иностранной коллегіи и раз. орд. кавалеръ
3.	Федоръ Федоровичъ Шубертъ	Полковникъ свиты е. и. в. по квартирмейстерской части и раз. орд. кавалеръ
4.	Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ	Полковникъ Новоингерманландскаго полка и раз. орд. кавалеръ
5.	Иванъ Гавриловичъ Колокольцовъ	Поручикъ Алексопольскаго полка бригадный адъютантъ при генералѣ Гурьевѣ и кавалеръ
6.	Осипъ Григорьевичъ Зассъ	Полковникъ по кавалеріи и кавалеръ
7.	Петръ Ивановичъ Руссетъ	Коммиссіонеръ 12 класса
8.	Левъ Осиповичъ Шпилевскій	Прапорщикъ артиллеріи
9.	Князь Василій Сергѣевичъ Голицынъ	Поручикъ Смоленскаго драг. п. адъютантъ генерала гр. Воронцова и кавалеръ.

В. ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

a.	Егоръ Егоровичъ Эллизенъ	Дѣйствительный статскій совѣтникъ и разн. орд. кавалеръ
b.	Баронъ Карлъ Унгернъ-Штернбергъ 1-й	Директоръ банка, коллежскій совѣтн. и кав.
c.	Иванъ Кейзеръ фонъ Нилкгеймъ	Докторъ и надворный совѣтникъ
d.	Баронъ Карлъ Унгернъ-Штернбергъ 2-й	Титулярный совѣтникъ

*) Изъ поступающихъ къ намъ бумагъ, касающихся до старообрядства и масонства, мы постановили себѣ правиломъ печатать только тѣ, которыя содержатъ въ себѣ какія либо черты историческія; подробности вѣроученія и теософическія тонкости — для насъ предметъ совершенно чуждый. *Списокъ членамъ ложи св. Георгія Побѣдоносца на востокѣ Мобежа* сообщенъ, при посредствѣ Н. С. Стромилова, С. И Колокольцо-

ОРГІЯ ПОБѢДОНОСЦА НА ВОСТОКѢ МОБЕЖА *).

МАСОНСКІЯ ЗВАНІЯ.	ДЕНЬ ПРИНЯТІЯ ИХЪ.	Какихъ степеней.
Управляющій мастеръ	Одинъ изъ основателей □	3.
Намѣстный мастеръ	Одинъ изъ основателей □	3.
1-й надзиратель	Одинъ изъ основателей □	3.
2-й надзиратель	Одинъ изъ основателей □	3.
Секретарь	Принятъ учен. въ Сов. и Спр. □ Георгія Побѣд. на вост. Мобежа 27 октября 1817 года, поручителемъ былъ бр. Арендтъ, повышенъ во 2 степ. 30 апрѣля 1818, а въ 3 ст. 27 мая 1818 г.	3.
Витія	Поступилъ членомъ нашей □ при открытіи оной	3.
Казначей	Поступилъ членомъ нашей □ при открытіи оной	3.
1-й исполнитель	Поступилъ членомъ нашей □ при открытіи оной	3.
2-й исполнитель	Одинъ изъ основателей □	3.
Управ. маст. Сов. и Справ. □ Петра къ истинѣ на вост. Петербурга	12-го августа 1817-го года	3.
Намѣст. мас. Сов. и Справ. □ Петра къ истинѣ на вост. Петерб.	Того же числа	3.
1-й надзиратель тойже □	Того же числа	3.
2-й надзиратель тойже □	Того же числа	3.

вымъ, которому приносимъ нашу признательность. Подлинникъ тщательно писанъ на огромномъ листѣ толстой бумаги. Конечно скромность упоминаемыхъ лицъ, изъ коихъ можетъ быть нѣкоторыя живы, не оскорбится этимъ обнародованіемъ, такъ какъ масонство, нѣкогда привлекавшее къ себѣ лучшія силы Русскаго общества, давно уже отошло у насъ въ область исторіи и библіографіи. Нечего прибавлять, что въ Мобежѣ, во Франціи, стояли Русскія войска, въ 1815—1817 годахъ.

e.	Федоръ Ивановичъ Шубертъ	Дѣйствительный статскій совѣтникъ и разн. орд. кавалеръ
f.	Андрей Штрубе	Россійскій генералъ-консулъ при Ганзеатическихъ городахъ, коллежск. совѣтн. и кав.
g.	Гр. Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ	Тайный совѣтникъ и разн. орд. кав.
h.	Князь Александръ Яковлевичъ Лобановъ-Ростовскій	Флигель адъютантъ е. и. в., полковникъ и кавалеръ
i.	Христіанъ Гюнцель	Отставной полковникъ и кав.
k.	Федоръ Шеллеръ	Полномочный посланникъ е. в. короля Прусскаго при россійскомъ дворѣ, генералъ-лейтенантъ и кавалеръ
l.	Густавъ Васильевичъ Лерхе	Коллежскій ассесоръ и кав.
m.	Карлъ Лебрехтъ	Дѣйствительный статскій совѣт. и кав.
		С. ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.
10.	Михайло Николаевичъ Сушковъ	Камеръ-юнкеръ двора е. и. в. коллежскій сов. и разн. орд. кав.
11.	Яковъ Ивановичъ Бароцци	Подполковн. Нарвскаго полка и разн. орд. кав.
12.	Николай Федоровичъ Арендтъ	12-й пѣхотной див. дивизіонный докторъ, надворный совѣтникъ и разн. орд. кав.
13.	Федоръ Ивановичъ Шмитъ	Титулярный совѣтникъ
14.	Николай Яковлевичъ Фалкенбергъ	Подполковникъ артил. и разн. орд. кав.
15.	Владиміръ Ивановичъ баронъ Левенштернъ	Подполковникъ по кавалеріи и разн. орд. кав.
16.	Отто Романовичъ баронъ Фелицеръ Франкъ.	Капитанъ лейбъ-гвардіи драгун. п., старшій адъютантъ и разн. орд. кавалеръ
17.	Князь Алексѣй Яковлевичъ Лобановъ-Ростовскій	Штабсъ ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, адъютантъ графа Воронцова
18.	Дмитрій Александровичъ Карцовъ	Прапорщикъ артиллеріи

Представитель Сов. и Спр. □ Георгія поб., членъ Сов. и Спр. □ Петра къ истинѣ на вост. Петерб.	Избранъ представителемъ нашей □ 12-го августа 1817 года	3.
Управл. мас. Сов. и Спр. □ Абсаломъ на вост. Гамбурга	Избранъ почетнымъ членомъ нашей □ 22-го сент. 1817 года	3.
Великій мастеръ	29-го декабря 1817 года	3.
Нам. вел. мас., членъ Сов. и Спр. □ Палестины на вост. Петерб.	Того же числа	3.
1-й вел. надз. членъ Сов. и Спр. □ Петра къ истинѣ на вост. Петерб.	Того же числа	3.
2-й вел. надз. членъ Сов. и Спр. □ пламеняющей звѣзды на вост. Петерб.	Того же числа	3.
Вел. секретарь, членъ Сов. и Спр. на вост. Ревеля	Того же числа	3.
Почетный членъ вел. □ Астреи	Избранъ почетнымъ членомъ нашей □ 14-го маія 1818 года	3.
Бывшій секретарь	Одинъ изъ основателей □	3.
Бывшій 1-й исполнитель	Одинъ изъ основателей □	3.
	Одинъ изъ основателей □	3.
	Одинъ изъ основателей □	3.
	Поступилъ членомъ нашей □ со дня открытія оной.	3.
	Поступилъ членомъ нашей □ со дня открытія оной.	3.
	Поступилъ членомъ нашей □ при открытіи оной; повышенъ въ 2-ю степ. 25 августа 1817 г.	2.
	Поступилъ членомъ нашей □ при открытіи оной, повышенъ во 2-ую степ. 25 августа, 1817 года, а въ 3-ю степ. 13 апрѣля 1818 года.	3.
	Поступилъ членомъ нашей □ при открытіи оной	1.

19.	Дмитрій Ивановичъ Лучинскій	Докторъ медицины, надвор. сов. и кав.
20.	Викентій Ивановичъ Войневичъ	Докторъ медицины
21.	Гіацинтъ Христіановичъ Ланге	Докторъ медицины
22.	Павелъ Алексѣевичъ Карачаровъ	Капитанъ артиллеріи и кав.
23.	Густавъ Александровичъ баронъ Боркъ	Поручикъ Смоленскаго пѣх. п.
24.	Степанъ Ивановичъ Лесовскій	Командиръ Кинбургскаго драг. п., полковникъ и разн. орд. кав.
25.	Клементій Григорьевичъ Рачинскій	Порутчикъ Нарвскаго пѣх. полка
26.	Василій Федоровичъ Фишбахъ.	Прапорщикъ жандармской команды
27.	Карлъ Васильевичъ Брукенталь	Штабсъ-капитанъ артил. и кав.
28.	Астафій Ивановичъ Шуингъ	Порутчикъ свиты е. и. в. по квартир. части и кав.
29.	Богданъ Богдановичъ Бушенъ	Подпорутчикъ артил.
30.	Иванъ Петровичъ Лехлеръ	Штабсъ-лѣкарь Нарвскаго пѣх. п. и кав.
31.	Константинъ Яковлевичъ Торнези	Штабсъ-капитанъ 1-го сапернаго б. и кав.
32.	Карлъ Робертовичъ Симсонъ	Докторъ медицины
33.	Иванъ Тимофѣевичъ Ягницкій	Порутчикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, адъютантъ гр. Воронцова и разн. орд. кав.
34.	Михайло Егоровичъ Войткевичъ	Подпорутчикъ 6-го егер. п., див. вагенмейстеръ
35.	Евстратъ Григорьевичъ Слива 2-й	Артиллеріи подпорутчикъ
36.	Александръ Никитичъ Синельниковъ	Арт. подполковникъ и разн. орд. кав.
37.	Эдуардъ Владиміровичъ Брюммеръ	Арт. прапорщикъ
38.	Карлъ Астафьевичъ Тегеръ	Инженерный капитанъ и кав.

	Поступилъ членомъ нашей □ при открытіи оной	3.
	Поступилъ членомъ нашей □ при открытіи оной.	1.
	Усыновленъ 30-го августа 1817 г. въ 3-й степени.	3.
Поручителемъ былъ бр. Голицынъ	Принятъ учен. въ Сов. и Спр. □ Геор. поб. на вост. Мобежа 22 сент. 1817 года, повышенъ во 2-ю степ. 15 іюля 1818 года, а въ 3-ю ст. 20 іюля 1818 года.	3.
	Принятъ 3-го ноября 1817 года, повышенъ во 2-ю степ. 14 мая 1818 года.	2.
Поручителемъ былъ бр. Шубертъ	Принятъ учен. въ Сов. и Спр. □ Геор. поб. ноября 27 дня 1817 года, повышенъ во 2-ю степ. 14 мая 1818 года, повышенъ въ 3-ю степ. того же числа.	3.
Поручителемъ бр. Арендтъ	Усыновленъ 27 ноября 1817 года.	3.
Поручителемъ бр. Руссетъ	Принятъ 5-го декабря 1817 года, повышенъ во 2-ю степ. 15-го іюля 1818 года.	2.
	Принятъ 29 декабря 1817 года.	1.
Поручителемъ бр. Голицынъ	Принятъ 5 февраля 1818 года, повышенъ во 2-ю степ. 15 іюля 1818 года.	2.
	Принятъ 22 февраля 1818 года.	1.
	Принятъ 8 марта 1818 года.	1.
	Принятъ 8 марта 1818 года.	1.
	Принятъ 5-го апрѣля 1818 года.	1.
	Принятъ 20 апрѣля 1818 года.	1.
	Принятъ 26 апрѣля 1818 года.	1.
	Принятъ 26 Апрѣля 1818 года.	1.
Поручителемъ бр. Арендтъ	Принятъ маія 14 дня 1818 года.	1.
Поручителемъ бр. Шмитъ	Принятъ маія 25 дня 1818 года.	1.
Поручителемъ бр. Нарышкинъ	Усыновленъ маія 25 дня 1818 года.	3.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ БАСЕНЪ КРЫЛОВА И ИХЪ ИЗДАНІЙ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ СЪ 1806 ДО 1819

Правильная оцѣнка басенъ Крылова возможна будетъ только тогда, когда будетъ объяснено историческое происхожденіе если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ большей ихъ части. Для этого необходимо привести всѣ его басни въ возможно строгій хронологическій порядокъ. Эту часть задачи исполняю въ настоящей статьѣ. (*) Но такъ какъ большая часть старыхъ изданій въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость, то считаю не безполезнымъ предпослать перечень ихъ до 1819 года.

I. *Басни Ивана Крылова, С. Пбргъ, въ типографіи губернскаго правленія, 1809 г.* 8°, съ надписью: „Съ дозволенія Санктпетербургскаго цензурнаго комитета." Единственный экземпляръ, бывшій у меня въ рукахъ, находится въ Имп. Публ. Библіотекѣ; на заглавномъ листѣ его карандашемъ сдѣлана надпись: „Нѣтъ.—Нѣтъ въ продажѣ, нѣтъ въ Академіи, и трудно гдѣ либо отыскать." Это—брошюра въ 54 стр., заключающая слѣдующія *двадцать три* басни, расположенныя въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Ворона и Лисица, стр. 1.
2. Дубъ и Трость, 2.
3. Музыканты, 5.
4. Два Голубя, 6
5. Лягушка и Волъ, 11.
6. Ларчикъ, 12.
7. Моръ звѣрей, 14.
8. Пѣтухъ и Жемчужное зерно, 18.
9. Разборчивая Невѣста, 19.
10. Волкъ и Ягненокъ, 22.
11. Парнасъ, 24.
12. Левъ и Комаръ, 26
13. Стрекоза и Муравей, 28.
14. Оракулъ, 30.
15. Левъ на ловлѣ, 32.
16. Роща и Огонь, 34.
17. Лягушки просящія царя, 36.
18. Человѣкъ и Левъ, 40. (¹)
19. Старикъ и трое молодыхъ, 43.
20. Орелъ и Куры, 46.
21. Муха и Дорожные, 48.
22. Обезьяны, 50.
23. Пустынникъ и Медвѣдь, 52.

Изданіе это, которое Жуковскій привѣтствовалъ извѣстною статьею, особенно драгоцѣнно потому, что представляетъ много весьма любопытныхъ и при изученіи Крылова важныхъ варіантовъ. О нихъ пока умалчиваю.

Въ 1811 году изданіе 1809 года было перепечатано съ значительными перемѣнами подъ заглавіемъ: *Басни Ивана Крылова, вновь исправленныя, С. Пбргъ, 1811 г. въ тип. губ. правленія* (цензорская отмѣтка въ сентябрѣ). Здѣсь помѣщены всѣ басни перваго изданія въ томъ же порядкѣ.

II. *Новыя Басни Ивана Крылова, С. Пбргъ, въ тип. губ. правл., 1811 г.* 8° (цензорская отмѣтка марта 8 дня). Это тоже брошюра въ 42 стр. На оберткѣ экземпляра, находящагося въ Имп. Публ., Библ. рукою самого Крылова сдѣлана надпись: „Крыловъ". Сюда вошли слѣдующія басни.

1. Откупщикъ и Сапожникъ, стр. 1.
2. Вороненокъ, 5.
3. Крестьянинъ и Смерть, 7.
4. Подагра и Паукъ, 8.
5. Лисица и виноградъ, 11.
6. Квартетъ, 12.

(*) См. статью того же автора въ Запискахъ император. Академіи наукъ 1864, т. 4 стр. 152—174 Сл. также замѣтки М. Н. Лонгинова въ Р. Архивѣ 1864, стр. 1246—1251.

(¹) Такъ какъ эта басня нынѣ совершенно забыта, то привожу ее въ концѣ статьи.

7. Слонъ на Воеводствѣ. 14.
8. Крестьянинъ въ бѣдѣ, 15.
9. Хозяинъ и мыши, 17.
10. Слонъ и Моська, 19.
11. Волкъ и Волченокъ, 20.
12. Обезьяна, 22.
13. Совѣтъ Мышей, 23.
14. Мѣшокъ, 25.
15. Огородникъ и Философъ, 27.
16. Крестьянинъ и Лисица, 29.
17. Воспитаніе Льва, 31.
18. Оселъ и Соловей, 35.
19. Листы и Корни, 37.
20. Гуси, 39.
21. Свинья, 41.

Это изданіе, подобно предъидущему, обильно важными перемѣнами.

III. *Басни Ивана Крылова, въ Петроградѣ, 1815 года.* Это заглавіе съ виніеткою работы Ив. Иванова составляетъ фронтисписъ. На слѣдующемъ листѣ помѣщено полное заглавіе: *Басни Ивана Крылова въ трехъ частяхъ. Въ Санктпетербургѣ, въ тип. правит. сената. 1815 года.* 8°. На третьемъ листѣ слѣдующее посвященіе: „Его императорскому величеству государю императору Александру Павловичу съ благоговѣніемъ и душевною благодарностію всеподданнѣйше посвящаетъ Иванъ Крыловъ" (цензорская помѣтка отъ 28 мая 1815 г.). Къ каждой изъ трехъ частей приложено особое оглавленіе и въ каждой особая пагинація. Въ дополненіе къ нимъ въ 1816 году напечатаны были отдѣльно еще двѣ части: 4-я подъ заглавіемъ: *Новыя басни И. А. Крылова, часть четвертая; иждивеніемъ содержателя театральной типографіи А. Похорскаго. С. Пбргъ, въ тип. имп. театра 1816 г.* (форматъ предъидущихъ трехъ частей; цензорская помѣтка отъ 25 февраля 1816 г.), и 5-я: *Новыя басни И. А. Крылова, часть пятая, С. Пбргъ, въ тип. имп. театра,* 1816 г. (въ томъ же форматѣ, ценз. отмѣтка отъ 7-го марта 1816 г.). Все это изданіе также очень рѣдко: кромѣ экземпляра, принадлежащаго автору, ему извѣстенъ только одинъ, находящійся въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

Въ одномъ письмѣ А. Е. Измайлова къ Н. Ѳ. Грамматину (13 янв. 1813 г.) сохранилось интересное свѣдѣніе, которое, кажется, должно отнести къ изд. 1815 года. Авторъ письма, перечисляя, что кому изъ литераторовъ пожаловано государемъ императоромъ, говоритъ: „Крыловъ на новое изданіе своихъ басенъ получилъ отъ государя черезъ предстателя своего Оленина 4000 рублей". Перечисленіе заключается словами: „Скажите послѣ этого, что худо быть словесникомъ". (Библіограф. Зап. 1859 г. столб. 419). Объ этихъ же трехъ частяхъ рецензентъ Сына Отечества (ч. 27, № 11, 1816 г., стр. 81) замѣчаетъ, что въ нихъ много опечатокъ: этотъ недостатокъ, говоритъ онъ, непріятенъ въ книгѣ, *„которая во многихъ отношеніяхъ должна быть и будетъ классическою"*. Такъ судили о Крыловѣ уже въ 1816 году, т. е. спустя только десять лѣтъ со времени появленія первой его басни.

Въ пяти частяхъ изданія 1815—1816 года помѣщено слѣдующее число басенъ:

Въ I части	1815 г.		23
— II —	—		25
— III —	—		22
— IV —	1816 г.		21
— V —	—		23

И такъ до 7-го марта 1816 г. Крыловъ напечаталъ 115 басенъ (115-я—*Левъ и Человѣкъ*, исключенная изъ этого изданія).

IV. *Басни И. А. Крылова. Въ шести частяхъ. Иждивеніемъ содержателя театральной типографіи Александра Похорскаго. С. Пбргъ, въ тип. имп. театра, 1819 г.* (²) При каждой части приложено особое оглавленіе и съ третьей, при которой другой заглавный листъ, начинается новая пагинація (цензорская отмѣтка отъ 18 окт. 1818 г.).

Изданію 1819 года придаетъ особый интересъ объявленіе издателя, напечатанное имъ въ С. П—скихъ Вѣдомостяхъ (1819 годъ, 28 марта, № 25), гдѣ между прочимъ сказано, что „авторъ, желая симъ новымъ и *послѣднимъ* изданіемъ *заключить* досто-

(²) Въ публичной библіотекѣ этого изданія нѣтъ. За доставленіе этого изданія авторъ приноситъ душевную благодарность Я. К. Гроту.

славное поприще свое, собралъ всѣ свои басни, со времени послѣдняго изданія имъ сочиненныя, какъ манускриптами у него находящіяся, такъ и въ разныхъ повременныхъ листкахъ отпечатанныя". Разумѣется, это извѣстіе вызвало со всѣхъ сторонъ сожалѣнія (Сынъ Отеч. ч. 52, стр. 277); но Крыловъ дѣйствительно долгое время ничего не печаталъ.

Въ нижеслѣдующемъ спискѣ означено гдѣ и когда въ первый разъ была напечатана басня и годъ того изданія, въ которое въ первый разъ включена; при тѣхъ басняхъ, которыя предварительно не являлись въ печати, означенъ годъ изданія и сохраненъ тотъ порядокъ, въ какомъ самъ Крыловъ ихъ расположилъ; послѣдняя цыфра означаетъ *часть* книги.

Объясненіе сокращеній: М. З.—Московскій Зритель, журналъ издававшійся кн. Шаликовымъ въ Москвѣ, 1806 г.

Д. В.—Драматическій Вѣстникъ, журналъ, издававшійся по мысли кн. Шаховскаго, въ Петербургѣ, 1808 г. (3)

Ч. въ Б.—Чтенія въ Бесѣдѣ любителей Русскаго Слова, съ 1811 до 1815 г.

С. О.—Сынъ Отечества, съ октября 1812 г. подъ редакціею Н. И. Греча.

О. о. Б.—Описаніе торжественнаго открытія Имп. Публ. Бпбліотеки, бывшаго генваря 2-го дня 1814 года и проч. С. Пбргъ, 1814 г).

Т. м. О.—Труды Московскаго общества любителей Россійской Словесности.

Т. Б.—Три новыя басни И. А. Крылова, читанныя въ торжественномъ собраніи Императорской Публичной Библіотеки января 2 дня 1817 г., (С. Пбргъ 1817 г.)

Ч. Р. А.—Чтеніе въ торжественномъ собраніи имп. Россійской академіи, бывшемъ въ 5 день декабря 1818 г.

(р)—рукопись.

Рукописей Крылова осталось весьма мало: однѣ изъ нихъ хранятся въ Имп. Публ. Библіотекѣ, другія находятся въ частныхъ рукахъ. Изъ послѣднихъ автору извѣстна одна, означенная ниже подъ цыфрою IV; но онъ имѣетъ поводъ думать, что существуетъ еще пять-шесть. Здѣсь представляется перечень всѣхъ извѣстныхъ рукописей, заключающихъ множество любопытныхъ варіантовъ, изъ коихъ нѣкоторые уже напечатаны (заключеніе басни *Безбожники* въ Библіограф. Зап. 1859 г. столб. 86—87). (4)

Рукопись № I. въ листъ: на особомъ листѣ рукою Гнѣдича сдѣлана надпись: „Экземпляръ басенъ, сколотый булавкою, которой И. А. Крыловъ въ такомъ видѣ имѣлъ съ собою, когда читалъ императрицѣ Маріи Өедоровнѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, 1813 года, будучи у нея вмѣстѣ со мною".—Въ этой рукописи находятся слѣдующія басни: 1) *Огородникъ и Философъ*, 2) *Крестьянинъ и Лисица* до стиха: „Да что же дѣлать? Нужда, дѣти!"; 3) *Оселъ и Соловей*; 4) 5 стиховъ б. *Откупщикъ и Сапожникъ*; 5) *Квартетъ*; 6) *Крестьянинъ и Смерть*, до стиха: „Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ"; 7) *Слонъ и Моська*; 8) послѣдніе стихи б. *Хозяинъ и Мыши*. (Въ описи, составленной М. Лобановымъ, сказано: „Эти басни были, какъ видно, вырваны изъ тетради, чтобы не брать всей, для прочтенія императрицѣ Маріи Өедоровнѣ").

Рукопись № II. Тетрадка въ 6 листовъ, въ 4° бѣлой бумаги, тщательно переписана: 1) *Лягушка и Юпитеръ*; 2) *Лжецъ*; 3) *Орелъ и Пчела*; 4) *Собаки и Прохожіе* (sic) 5) *Лисица и Сурокъ*; 6) *Тѣнь и Человѣкъ*; 7) *Безбожники*; 8) *Крестьяне и Рѣка*; 9) *Пожаръ и Алмазъ*; 10) *Лань и*

(3) Г. Лонгиновъ издателемъ этого журнала положительно называетъ Крылова (Рус. Архивъ, 11 и 12 вып. 1864 г., столб. 1249); любопытно было бы знать, на основаніи какихъ данныхъ г. Лонгиновъ вывелъ это заключеніе. Единственное свѣдѣніе объ основаніи Драм. Вѣстника, которое мнѣ удалось найти въ Дневникѣ г. Жихарева (От. Зап. 1855 г. октября, стр. 363), не даетъ права на такое заключеніе; сверхъ того, и самое содержаніе журнала трудно согласить съ общимъ характеромъ всей дѣятельности Крылова.

(4) Многоуважаемый П. А. Плетневъ передавалъ намъ, что въ семействѣ г-жи Савельевой (крестницы и наслѣдницы Крылова) находилась цѣлая корзина съ бумагами руки баснописца. *П. Б.*

Дервишъ. На послѣдней (11-й) страницѣ надпись Крылова: „По сей рукописи сочинитель имѣлъ счастіе читать свои басни ея императорскому величеству государынѣ Маріи Федоровнѣ, генваря 11 дня 1814 года".

Рукопись № III состоитъ изъ листовъ, собранныхъ Лобановымъ въ сору на чердакѣ по выѣздѣ Крылова изъ дома Публичной Библіотеки въ 1841 году; многіе изъ нихъ изорваны, другіе такъ пострадали отъ сырости и грязи, что многаго вовсе разобрать нельзя. Въ этомъ сборникѣ находимъ слѣдующія басни: 1) *Огородникъ и Философъ*; 2) *Волкъ и Мышенокъ*; 3) черновое заключеніе б. *Безбожники*, напечатанное въ *Библіогр. Зап*; 4) *Собачья Дружба*; 5) *Волкъ на Псарнѣ*; 6) *Мальчикъ и Червякъ*; 7) *Мотъ и Ласточка*; 8) *Булыжникъ и Алмазъ*; 9) *Тѣнь и Человѣкъ*; 10) *Зеркало и Обезьяна*; и *Тришкинъ Кафтанъ*; 11) *Волкъ на Псарнѣ* (2-я 3-я редакція); 12) *Два Мужика*; 13) *Безбожники*; 14) *Муха и Пчела*; 15) *Двѣ Собаки*; 16) *Чижъ и Ежъ*; 17) *Мартышка и Медвѣдь* (Зеркало и Обезьяна); 18) *Ручей*; 19) *Клеветникъ и Змѣя*; 20) *Тришкинъ Кафтанъ* (другая редакція); 21) Мышь и Крыса; 22) *Безбожные*, *Медвѣдь у Пчелъ* и *Любопытный*.

Рукопись № IV: *Левъ и Мышенокъ* (относится къ второму періоду дѣятельности Крылова), изъ коллекціи автографовъ А. С. Норова; копія этой рукописи обязательно доставлена автору Я. К. Гротомъ.

*

1806 г.

1) Дубъ и Трость, М. З, ч. I, стр. 73, 1809.
2) Разборчивая Невѣста, М. З. ч. I, стр. 75, 1809.
3) Старикъ и Трое Молодыхъ, М. З. ч. II, стр. 70, 1809. (³)

1808 г

4) Ворона и Лисица, Д. В. № 1, стр. 16, 1809.
5) Лягушка и Волъ, Д. В. № 2, стр. 2, 1809.
6) Ларчикъ, Д. В. № 6, стр. 56, 1809.
7) Левъ на Ловлѣ, Д. В. № 12, стр. 95 1809.
8) Обезьяны, Д. В. № 12, стр. 103, 1809.
9) Музыканты, Д. В. № 15, стр. 128, 1809.
10) Парнасъ, Д. В. № 16, стр. 135, 1809.
11) Пустынникъ и Медвѣдь, Д. В. № 17, стр. 142, 1809.
12) Оракулъ, Д. В. № 22, стр. 183, 1809.
13) Волкъ и Ягненокъ, Д. В. № 24, стр. 199, 1809.
14) Стрекоза и Муравей, Д. В. № 34. стр. 61, 1809.
15) Орелъ и Куры, Д. В. № 45, стр. 150, 1809.
16) Муха и Дорожные, Д. В. № 63, стр. 85, 1809.
17) Слонъ на Воеводствѣ, Д. В. № 79, стр. 9, 1809.
18) Лисица и Виноградъ, Д. В. № 80, стр. 16, 1811.
19) Крестьянинъ и Смерть, Д. В. № 81, стр. 24, 1811 (р).
20) Слонъ и Моська, Д. В. № 85, стр. 35, 1811 (р).

1809

21) Два Голубя,
22) Моръ Звѣрей,
23) Пѣтухъ и Жемчужное Зерно,
24) Левъ и Комаръ,
25) Роща и Огонь,
26) Лягушки, просящія царя,
27) Левъ и Человѣкъ.

1811

28) Огородникъ и Философъ, Ч. въ Б. кн. I, стр. 51, 1811 (р)
29) Гуси, Ч. въ Б. кн. I, стр. 53, 1811.
30) Оселъ и Соловей, Ч. въ Б. кн. I, стр. 55, 1811 (р).
31) Листы и Корни, Ч. въ Б. кн. 4, стр. 100, 1811.
32) Синица, Ч. въ Б, кн. 4, стр. 102, 1815.
33) Откупщикъ и Сапожникъ, 1811
34) Вороненокъ, 1811.
35) Подагра и Паукъ, 1811.
36) Квартетъ, 1811 (р).
37) Крестьянинъ въ бѣдѣ, 1811.
38) Хозяинъ и Мыши 1811 (р).
39) Волкъ и Волченокъ, 1811.
40) Обезьяна, 1811.
41) Совѣтъ Мышей, 1811.

42) Мѣшокъ, 1811.
43) Крестьянинъ и Лисица, 1811 (р).
44) Воспитаніе Льва, 1811.
45) Свинья, 1811.

1812

46) Червонецъ, Ч. въ Б. кн. 5, стр. 55, 1815.
47) Орелъ и Паукъ, Ч. въ Б. кн. 5, стр. 59, 1815. з.
48) Ручей, Ч. въ Б. кн. 5, стр. 59, 1815. 2. (р).
49) Лжецъ, Ч. въ Б. кн. 5, стр. 61, 1815. 2. (р).
50) Котъ и Поваръ, Ч. въ Б. чтеніе 8, (5) стр. 67, 1815. з.
51) Раздѣлъ, Ч. въ Б. чт. 8, стр. 69, 1815. 2.
52) Волкъ на Псарнѣ. С. О. № 2. стр. 68, 1815. 2. (р).
53) Обозъ, С. О. № 7, стр. 41, 1815. 2.
54) Ворона и Курица, С. О. № 8, стр. 87, 1815. 1.

1813 г.

55) Демьянова Уха, Ч. въ Б. чт. 11, стр. 95, 1815. 2.
56) Лисица и Сурокъ, Ч. въ Б. чт. 11, стр. 97, 1815. 2 (р).
57) Волкъ и Кукушка, Ч. въ Б. чт. 13, стр. 53, 1815. 2.
58) Заяцъ на Ловлѣ, Ч. въ Б. чт. 13, стр. 54, 1815, 2.
59) Орелъ и Пчела, Ч. въ Б. чт. 13, стр. 91, 1815. 2. (р).
60) Щука и Котъ, Ч. въ Б. чт. 13, 1815. 2.
61) Водолазы, О. о. Б. стр. 99. 1815. 4. (6)
62) Крестьянинъ и Змѣя (I), С. О. № 39, стр. 43, 1816, 4 (р).

1814.

63) Лягушка и Юпитеръ, 1816, 5. (р) (7)
64) Прохожіе и Собаки 1815. 2. (р).
65) Безбожники, 1815. 2. (р).
66) Крестьяне и Рѣка, 1816. 4. (р).
67) Пожаръ и Алмазъ, 1816. 4. (р).
68) Бумажный Змѣй, С. О. № 11, стр 73, 1816. 4.
69) Тѣнь и Человѣкъ, С. О. № 11. стр. 206, 1816. 5 (р).
70) Троеженецъ, С. О. № 27, стр. 23, 1815. 2.
71) Любопытный, С. О. № 40, стр. 69, 1816. 4 (р).
72) Бочка, Ч. въ Б. чт. 16, стр. 55, 1815. 2. (8).
73) Вельможа и Философъ, Ч. въ Б. чт. 16, стр. 55, 1815. 2.
74) Чижъ и Ежъ, Ч. въ Б. чт. 17, стр. 100, 1815. 2. (р).
75) Добрая Лисица, Ч. въ Б., чт. 17, стр. 43, 1816, 4.
76) Лань и Дервишъ, Ч. въ Б. чт. 17, стр. 99, 1816, 4 (р).
77) Клеветникъ и Змѣя, Ч. въ Б. чт. 17, стр. 45, 1816. 5 (р).

1815.

78) Тришкинъ Кафтанъ, С. О. № 27, стр. 24. 1816. 4. (р).
79) Туча, С. О. № 27, стр. 24, 1816. 5.
80) Оселъ, 1815. 2.
81) Мартышка и Очки, 1815. 2.
82) Левъ и Барсъ, 1815. 2.
83) Собачья Дружба, 1815. 2 (р).
84) Крестьянинъ и Работникъ, 1815. 2.

1816.

85) Похороны, Т. М. О. ч. VII, стр. 63, 1819. 6 (9).
86) Водопадъ и Ручей Т. М. О ч. VII, стр. 65, 1819. 6.

---

(5) 8-е чтеніе въ Бесѣдѣ люб. р. сл, явилось въ печати въ 1813 г.; но конечно было раньше 11-го и 13-го, а потому эту и слѣд. б. отношу къ 1812 г., причемъ основываюсь на цензорской отмѣткѣ отъ 16 авг. 1812 г.

(6) Эту б. Крыловъ написалъ лѣтомъ 1813 г., какъ видно изъ письма къ нему Оленина въ О. о. Б. стр. 149.

(7) Эта и слѣд. 4 б. сохранились въ рукописи № II, на которой означенъ 1814 г.

(8) Хотя 17 чт. въ Бесѣдѣ было цензировано 18 дек. 1814 г. а 16-е 6-го апр. 1815, но мы здѣсь, какъ и выше, слѣдуемъ порядку чтеній, о которыхъ въ свое время были публикаціи, между прочимъ въ С. От.

(9) 26 февр. 1816 Крыловъ былъ избранъ членомъ Моск. общ. л. р. сл.; въ октябрѣ онъ послалъ туда двѣ басни, которыя были читаны въ собраніи 28 окт.—Этимъ и кончились его сношенія съ обществомъ.

87) Апеллесъ и Осленокъ, С. О. № 37, стр. 197, 1819. 6.
88) Орелъ и Кротъ, 1816. 4.
89) Волкъ и Лисица, 1816. 4.
90) Дерево, 1816. 4.
91) Лебедь, Щука и Ракъ, 1816. 4.
92) Собака, 1816. 4.
93) Механикъ, 1816. 4.
94) Прудъ и Рѣка, 1816. 4.
95) Крестьянинъ и Разбойникъ, 1816. 4.
96) Цвѣты, 1816. 4.
97) Мірская сходка, 1816. 4.
98) Скворецъ, 1816. 4.
99) Волкъ и Журавль, 1816. 4.
100) Чижъ и Голубь, 1816. 5.
101) Хмѣль, 1816. 5.
102) Мышь и Крыса, 1816. 5 (р).
103) Госпожа и двѣ служанки, 1816. 5.
104) Камень и Червякъ, 1816. 5.
105) Медвѣдь у Пчелъ, 1816. 5.
106) Конь и Всадникъ, 1816. 5.
107) Зеркало и Обезьяна, 1816. 5 (р).
108) Комаръ и Пастухъ, 1816. 5 (р).
109) Рыцарь, 1816. 5.
110) Крестьянинъ и Топоръ, 1816. 5.
111) Левъ и Волкъ, 1816. 5.
112) Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ, 1816. 5.
113) Волкъ и Пастухи, 1816. 5.
114) Слонъ въ случаѣ, 1816. 5.
115) Фортуна и Нищій, 1816. 5.
116) Лиса Строитель, 1816. 5.
117) Напраслина, 1816. 5.
118) Фортуна въ гостяхъ, 1816. 5.

1817

119) Кукушка и Горлинка, Т. Б. 1819, 6. (10)
120) Сочинитель и Разбойникъ, Т. Б. 1819. 6.

1818

121) Мотъ и Ласточка, Ч Р. А. 1819. 6. (р).
122) Алкидъ, Ч. Р. А. 1819. 6.
123) Гребень, Ч. Р. А. 1819. 6.

1819.

124) Скупой и Курица, 1819. 6.
125) Двѣ Бочки, 1819. 6.
126) Охотникъ, 1819. 6.
127) Пловецъ и Море, 1819. 6
128) Крестьянинъ и Змѣя (II) 1819. 6.
129) Левъ и Лисица, 1819. 6.
130) Муравей, 1819. 6.
131) Овцы и Собаки, 1819. 6.
132) Оселъ и Мужикъ, 1819. 6.
133) Медвѣдь въ сѣтяхъ, 1819. 6.
134) Колосъ, 1819. 6.
135) Мальчикъ и Червякъ, 1819. 6.
136) Пастухъ и Море, 1819. 6.
137) Мальчикъ и Змѣя, 1819. 6.
138) Пчела и Муха, 1819. 6.
139) Трудолюбивый Медвѣдь, 1819. 6.
140) Ягненокъ, 1819. 6.

Левъ и Человѣкъ. (11)

(По изданію 1809 г. съ сохраненіемъ ороографіи)

Быть сильнымъ хорошо, быть умнымъ лучше вдвое.
Кто вѣры этому неиметъ,
Тотъ ясный здѣсь примѣръ найдетъ,
Что сила безъ ума сокровище плохое.—
Раскинувши тенета межъ деревъ
Ловецъ добычи дожидался;
Но какъ-то оплошавъ, самъ въ лапы льву попался.—
Умри презрѣнна тварь! Взревѣлъ свирѣпый левъ,
Разинувъ на него свой зѣвъ.
Посмотримъ, гдѣ твои права, гдѣ сила, твердость,
По коимъ ты въ тщеславіи своемъ
Всей твари, даже льва быть хвалишься царемъ?
И у меня въ когтяхъ мы разберемъ,
Сразмѣрналь съ крѣпостью твоей такая гордость?—
Не сила, разумъ намъ надъ вами верхъ даетъ,
Былъ человѣка льву отвѣтъ.
И я хвалиться смѣю,
Что я съ умѣніемъ то препятство одолѣю,
Отъ коего и съ силой, можетъ быть,
Ты долженъ будешь отступить.—
О вашемъ хвастовствѣ усталъ я сказки слушать.—
Не въ сказкахъ доказать, я дѣломъ то могу;
А впрочемъ ежели солгу,
То ты еще меня и послѣ можешь скушать.
Взгляни—между деревьевъ сихъ,
Трудовъ моихъ
Раскинуту ты видишь паутину.—
Кто лучше сквозь нее изъ насъ туда пройдетъ?—
Коль хочешь я пролѣзу напередъ.

---

(10) Третья басня въ этой брошюрѣ: *Похороны*, подъ 1816 годомъ.

(11) Въ перепечаткѣ 1811 года она помѣщена безъ всякой перемѣны; изъ всѣхъ же послѣдующихъ изданій исключена.

А тамъ посмотримъ, какъ и съ силой въ свой чередъ
Проскочишь ты ко мнѣ на половину.
Ты видишь: эта сѣть не каменна стѣна;
Малѣйшимъ вѣтеркомъ колеблется она;
Однако съ силою одною,
Ты прямо сквозь нее едва ль пройдешь за мною.
Съ презрѣніемъ тенета обозрѣвъ,
Ступай туда, сказалъ надменно левъ;
Въ мигъ буду я къ тебѣ дорогою прямою.
Тутъ мой ловецъ не тратя лишнихъ словъ
Нырнулъ подъ сѣть и льва принять готовъ.—
Какъ изъ лука стрѣла, левъ въ слѣдъ за нимъ пустился,
Но левъ подныривать подъ сѣти не учился.
Онъ въ сѣть ударился, но сѣти не прошибъ—
Запутался—(ловецъ тутъ кончилъ споръ и дѣло).
Искуство силу одолѣло
И бѣдный левъ погибъ.

В. Кеневичъ.

1865 года.
16 февраля.
Спб.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Письмо къ С. А. Соболевскому.

Милостивой государь Сергій Александровичь! По поводу особаго «Приложенія» къ послѣднему выпуску Русскаго Архива (1864), озаглавленнаго «Библіографическій курьезъ» (и очень справедливо въ отношеніи самой статьи), вамъ угодно было знать отъ меня что-нибудь по етому дѣлу, гдѣ столько пострадали библіографическіе авторитеты, отъ г. Безсонова, выступающаго съ такимъ шумомъ на арену библіографіи Московской книгопечатни: удовлетворяю вашему любопытству.

Екземпляръ, довольно хорошій, Псалтыри (учебной), напеч. первоначально въ Москвѣ 1568 года, in 4°, я увидѣлъ въ первый разъ, лѣтомъ 1830 года, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, гдѣ прожилъ тогда слишкомъ два мѣсяца. Тамошнее собраніе Славянскихъ старопечатныхъ книгъ изобиловало хорошими екземплярами (вѣроятно и теперь тоже): Псалтырь 1568 года стояла подъ № $^{3}/_{65}$ плохаго монастырскаго каталога. Сдѣлавъ приличную опись етаго екземпляра и списавъ послѣсловіе цѣликомъ, я положилъ все ето въ свою библіографическую портфель для будущаго, при удобномъ случаѣ, употребленія: кажется, и теперь еще цѣло. Потомъ, при многолѣтнемъ осмотрѣ монастырскихъ и другихъ духовнаго вѣдомства библіотекъ, Псалтырь (учебная) 1568 года попадалась мнѣ неоднократно, но екземпляры были очень избиты и всѣ безъ послѣсловія: старинные ребяты, учась грамотѣ по Часовникамъ и Псалтырямъ, обращались съ ними не лучше нынѣшнихъ школьниковъ, избивающихъ свои учебники.

Когда я познакомился съ покойнымъ И. Н. Царскимъ (около 1832 года) и окончилъ свое археографическое путешествіе, онъ убѣдилъ меня составить и напечатать каталогъ его собранія старопечатныхъ книгъ, на манеръ такогожъ гр. Толстаго, который, какъ вамъ извѣстно, и вышелъ въ свѣтъ въ началѣ 1836 г. Тогда у И. Н. Царскаго было два екземпляра Псалтыри 1568 года, оба хуже Кирилловскаго. Одинъ изъ нихъ помѣщенъ въ *Описаніи* 1836 г. подъ №° 16-мъ, и

къ нему-то (замѣтьте) относятся сказанныя тамъ слова: *екземпляръ несовсѣмъ сбереженный*. По смерти И. Н. Царскаго (въ 1853 г.) всѣ книги по печатному *Описанію* 1836 г. (и еще многія, послѣ того пріобрѣтенныя) куплены у наслѣдника извѣстнымъ вамъ лицемъ ([1]) и перевезены въ его подмосковное имѣніе: туда-то г. Безсонову слѣдовало съѣздить, и онъ убѣдился-бы, что екземпляръ, описанный подъ №° 16-мъ, точно несовсѣмъ сбереженный; нападать съ ожесточеніемъ на библіографическіе авторитеты не было бъ никакой надобности.

Другой екземпляръ, почти негодный, *торгашьская сплетка* (о сплеткахъ рукописныхъ замѣчено мною въ Каталогѣ Общества Исторіи подъ № 199 и 201), оставался до поры до времени: И. Н. Царскій, какъ и всѣ купцы жертвователи, въ доброе старое время, любилъ дѣлать приношенія ученымъ мѣстамъ, но рѣдко дарилъ что-нибудь цѣнное; ктомужъ онъ былъ библіоманъ, а охотники вообще не легко разстаются съ вещами хорошими.

Дѣйствительно, въ послѣдствіи времени (когда, не припомню), И. Н. Царскій, собравъ накопившіеся у него дублеты, большею частію *дефекты*, принесъ ихъ въ даръ Обществу Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ: въ Каталогѣ Общества библіотеки (1845. in 4°), мною изданномъ, всѣ они отмѣчены звѣздочкою *, о значеніи которой ясно упомянуто въ придисловіи къ Каталогу. Въ числѣ *звѣздоносныхъ* книгъ находится тамъ и екземпляръ Псалтыри 1568 года (отд. II. № 6), надъ которымъ г. Безсоновъ истощилъ столько труда, сметливости и остроумія. Для меня рѣшительно непонятно: какъ покойный В. М. Ундольскій, библіотекарь Общества (съ 1847 года), передавая г. Безсонову екземпляръ № 6, для *ученой* работы, не предувѣдомилъ его о негодности къ тому просимой имъ книги, обо очень зналъ, что всѣ звѣздоносныя суть дефекты и даже хуже того.

Г. Безсоновъ, въ заключеніи своего «Библіографическаго курьеза», возвѣщаетъ съ восторгомъ, что онъ нашелъ чистый и вполнѣ сбереженный екземпляръ Московской Псалтыри 1568 года въ Импер. Публ. библіотекѣ (№ -294, изъ коллекціи М. П. Погодина) въ С. Петербургѣ. Поздравляю его съ етимъ открытіемъ и спрашиваю: къ чему всѣ нападки на авторитеты, плодовитый разсказъ о своихъ изслѣдованіяхъ (надъ дефектомъ) и огромное число остротъ, коими отличается особое приложеніе, которое могло бы быть статьею, внутри самаго Архива, очень обыкновенною? Есть же, безъ сомнѣнія, какая-нибудь причина ([2]). Примите увѣреніе и проч.

Павелъ Строевъ.

Генваря 5 дня 1865.

([1]) Графомъ *В. П. Орловымъ-Давыдовымъ. П. Б.*

([2]) Единственною причиною была случайная надобность помѣстить статью *П. А. Безсонова* въ 1864 г.; а когда она была доставлена, текстъ Рус. Архива, т. е. послѣдняя его тетрадь, уже переплетался. *П. Б.*

Библіографическая поправка.

На 123 столбцѣ Русскаго Архива за нынѣшній годъ перечислено четырнадцать сочиненій извѣстнаго археолога И. П. Сахарова. Говоря о четвертомъ (Сказанія русскаго народа), авторъ не упоминаетъ о томъ, что третьяго изданія этого сочиненія вышелъ и второй томъ (Спб. 1849): онъ содержитъ въ себѣ книги пятую, шестую, седьмую и восьмую.

Сверхъ того не изчислены слѣдующія (*и главныя*) творенія Сахарова:

15) Обозрѣніе Славяно-русской библіографіи. Томъ первый, книга вторая. Спб. 1849, въ большую четвертку. Первая книга не выходила; а въ описываемой второй находится на 184-хъ страницахъ хронологическая роспись славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ съ 1491 года по 1655-й.

16) Образцы славяно-рускаго книгопечатанія съ 1491-го года. Спб. безъ означенія года, въ большую 4-ку.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ соединено 11 тетрадокъ со снимками; при каждой заглавіе и оглавленіе приложенныхъ снимковъ; всѣхъ снимковъ 76 страницъ.

17) Лѣтопись Русской нумизматики. Спб. (безъ означенія года, въ большую 4-ку) 70 страницъ текста и двѣ страницы снимковъ съ древнихъ монетъ; изданіе повидимому не конченное.

Невольно припомнишь баснописца:

Слона-то я и не примѣтилъ!

Х.

Поправка и дополненіе.

На стр. 87—90 *Р. Архива* сего года напечатаны «Нѣмецкіе стихи на Ломоносова.» Подлинный листокъ этого замѣчательнаго въ біографическомъ отношеніи пасквиля, сообщенный намъ *М. П. Погодинымъ*, писанъ, по его словамъ, рукою Штелина, который конечно не самъ сочинилъ эти стихи, ибо, какъ извѣстно, онъ составлялъ исключеніе изъ своей братіи, Нѣмцевъ-академиковъ, и былъ друженъ съ Ломоносовымъ. Подлинникъ писанъ довольно неразборчиво; и второй стихъ прочтенъ нами невѣрно; вм. *Boven*, кажется слѣдуетъ *Rossen*, изъ чего выходитъ игра словами: *Русскіе* и *лошади*.

П. Б.

Гг. сочинители и издатели книгъ, относящихся къ изученію нашего отечества, приглашаются доставлять свои сочиненія и изданія въ Чертковскую библіотеку (въ Москвѣ, на Мясницкой, № 7) открытую безплатно для общественнаго пользованія ежедневно отъ 10 до 3 часовъ утра; въ видѣ вознагражденія за таковое приношеніе, о каждой присланной книгѣ будетъ сдѣлано подробное объявленіе въ издаваемомъ при библіотекѣ Русскомъ Архивѣ.

Евгеній. Словарь свѣтскихъ писателей. М. 1845. 2 ч. 3 р.

Посошковъ. Сочиненія. М. 1842—1863. 8°. 2 ч. Цѣна 3 р.

Погодинъ. Историко-критическіе отрывки. 1846. 1 р.

— О мѣстѣ погребенія кн. Пожарскаго. 1852. 50 к.

— Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. 7 ч. по 1 р. за томъ.

— Начертаніе Русской исторіи для гимназій. 75 к.

— — — — для уѣздныхъ училищъ. 25 к.

— Кн. Андрей Боголюбскій. 1856. 50 к.

— Похвальное слово Карамзину. 1845. 50 к.

— Норманскій періодъ Русской исторіи. М. 1859. 1 р.

Алексѣй Петровичь Ермоловъ. *М. П. Погодина.* М. 1836. 8°. 2 р. 5 к.

Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря. *Графа Алексѣя Уварова.* Спб. 1851—1856. 2°. Два выпуска, 184 стр. съ двумя тетрадями превосходно исполненныхъ рисунковъ. Цѣна 20 р. Лица, имѣющія первый выпускъ, могутъ получать второй по 10 р.

Рукописи *графа А. С. Уварова.* Памятники Словесности. Сочиненія *Кирилла Туровскаго,* съ предисловіемъ *М. И. Сухомлинова.* Спб. 1858. 4°. LXXII и 158 стр. Цѣна 2 р.

Дневникъ камеръ-юнкера *Берхгольца,* веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра великаго, съ 1721-го по 1725-й годъ. Перевелъ съ нѣмецкаго *И. Аммонъ.* М. 1859—1863. 8°. 4 ч.: I, 275; II, 357; III, 292; IV, 242 стр. Цѣна за всѣ 4 части — 6 р.

Письма *Екатерины II* къ А. В. Олсуфьеву 1762—1783. Съ примѣчаніями *М. Н. Лонгинова.* М. 1863. 16°. 114 стр. Цѣна 50 к.

Списки замѣчательныхъ лицъ Русскихъ, составленные *П. Ѳ. Карабановымъ* М. 1860. 8°. 110 стр. Цѣна 50 к.

Московскій университетскій пансіонъ. Соч. *Н. В. Сушкова.* М. 1858. 4° съ портр. А. А. Прокоповича — Антонскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

Памятныя Записки *Храповицкаго.* Изданіе полное, съ примѣчаніями *Г. Н. Геннади.* М. 1862. 8°. 1 р. 50 к.

Вышелъ Отчетъ императорскаго Русскаго Географическаго общества за 1864 г., составленный *В. П. Безобразовымъ* и содержащій въ себѣ подробное обозрѣніе трудовъ, предпріятій и состоянія означеннаго общества.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ВЫПУСКОВЪ
РУССКАГО АРХИВА.

1. О Чертковской библіотекѣ въ 1864 г.
2. Записки Голштинскаго министра *графа Бассевича* (о Петрѣ великомъ) 1713 — 1725, въ переводѣ *И. Ѳ. Аммона*, съ примѣчаніями.
3. Баронъ Петръ Шафировъ (изъ *Гельбига*).
4. Изъ бумагъ кн. Потемкина-Таврическаго 1783—1791. (Письма къ нему *В. С. Попова*, секретный рескриптъ *Екатерины II* о Польшѣ и пр.)
5. Нѣмецкій пасквиль на Ломоносова. 1754.
6. Княжна Тараканова, *М. Н. Лонгинова*.
7. Изъ воспоминаній о Пушкинѣ (1826—1837). *М. П. Погодина*.
8. Письмо *А. Ѳ. Мерзлякова* къ Ѳ. М. Вельяминову-Зернову о Москвѣ послѣ французскаго нашествія (сообщено *М. А. Дмитріевымъ*).
9. Свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1863 г. *Г. Н. Геннади*.
10. Отрывокъ изъ Записокъ *гр. А. Х. Бенкендорфа* о путешествіи по Россіи императора Николая Павловича въ 1836 г., и о пребываніи его въ городѣ Чембарѣ, по случаю болѣзни.
11. Случайные люди въ Россіи. Графъ Скавронскій (Изъ *Гельбига*) *М. Н. Лонгинова*.
12. Замѣтка о Гельбигѣ.
13. Изъ бумагъ Потемкинскаго секретаря *В. С. Попова*:
    а) Письмо *Попова* къ В. В. Каховскому 1793 г.
    б) Письмо и резолюція *Аракчеева*.
    в) Докладъ *Попова* о публичной библіотекѣ 1796 г.
    г) Записка *Попова* по доносу на него Кожина 1799 г.
    д) О памятникѣ Петру великому въ Полтавѣ.
    е) Замѣтка о финансахъ. 1810 г.
    ж) Двѣ политическія записки о Польшѣ 1815 г.
    з) Письмо гр. *Г. В. Орлова* о Екатеринѣ II. 1820 г.
14. Салтычиха. Эпизодъ изъ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. *П. Г. Кичеева*.
15. Изъ Записокъ *гр. Василія Алексѣевича Перовскаго* о пребываніи его въ плѣну у Французовъ 1812—1814.
16. Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи, записка, составленная по вызову Вольнаго Экономическаго Общества въ 1767 году *А. Я. Польновымъ* съ замѣткою къ ней г. мироваго посредника *Я. Н. Борзова*.
17. Староста, стихи, найденные въ бумагахъ покойнаго *И. С. Никитина*.
18. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ И. В. Попову о выкупѣ крѣпостныхъ людей.
19. Шесть писемъ *А. П. Волынскаго* къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ 1724—1725.
20. Черта изъ жизни Елизаветы Петровны.
21. Историческія замѣчанія. *Князя М. А. Оболенскаго*.
22. Десять писемъ *Г. Р. Державина* къ В. С. Попову. 1784—1815.
23. О запискахъ кн. И. М. Долгорукаго и Хронологія его стихотвореній, замѣтки *М. Н. Лонгинова*.
24. Біографическое воспоминаніе о гр. А. А. Закревскомъ. ***
25. Изъ воспоминаній о С. П. Шевыревѣ *М. П. Погодина*.
26. Замѣтка объ А. С. Пушкинѣ.

Составитель и издатель Русскаго Архива: Петръ Бартеневъ.

Дозволено цензурою. Москва, марта 1865 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

5 и 6.

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Выписки и извлеченія изъ рукописей Рѣшетиловскаго Архива (бумагъ кн. *Потемкина-Таврическаго*).
2. Записки *графа Бассевича* (*окончаніе*). Война Персидская. Дѣла внутреннія. Обрученіе герцога Голштинскаго съ царевною Анною Петровною. Кончина Петра Великаго. Возведеніе на престолъ Екатерины I.
3. 82 письма *Петра Великаго* къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому (1697—1711).
4. Шуточный патентъ *Петра Великаго* думному дворянину Прокопію Ушакову.
5. Петръ Великій въ Парижѣ. 1717. Статья *М. П Полуденскаго.*
6. А. Я. Полѣновъ. Русскій законовѣдъ XVIII вѣка (*окончаніе*). Статья *Д. В. Полѣнова.*
7. Воспоминанія графа *В. А. Соллогуба.* (Новыя свѣдѣнія о предсмертномъ поединкѣ А. С. Пушкина).
8. Мелочи.

Годъ третій.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп.

1865.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1864 ГОДА.

Путеводитель по Чертковской библіотекѣ.

„Образъ Ангела-хранителя съ похожденіями“ и „Вѣтеръ“, два отрывка изъ Русской символики. *гр. А. С. Уварова.*

Челобитная *протопопа Аввакума* царю Алексѣю Михайловичу.

Два доселѣ неизвѣстныхъ письма изъ переписки *Вольтера съ гр. А. И. Шуваловымъ.*

Письмо *Н. И. Надеждина* къ Ю. Н. Бартеневу (о Крымѣ и о своихъ работахъ).

Неизданные отрывки изъ письма Жуковскаго о кончинѣ Пушкина.

Любопытные и достопамятные дѣянія и анекдоты государя императора Павла Петровича. Сто разсказовъ, относящихся къ первымъ двумъ мѣсяцамъ Павловскаго царствованія. (Изъ записокъ *А. Т. Болотова*).

Біографическое воспоминаніе о Н. В. Шеншинѣ (1827—1858) *П. И. Бартенева.*

Аника-воинъ, замѣтка *Пл. В. Бѣляева.*

Записка о масонствѣ, *И. П. Елагина.*

Библіографія сочиненій Баратынскаго, Козлова, Милонова, Жуковскаго, Карамзина, Крылова и Дмитріева. *М. Н. Лонгинова.*

Савва Вуковичь Филаретовъ. Некрологъ.

Новые матеріалы для исторіи царствованія Екатерины I-й (1725). Подлинное дѣло Новгородскаго архіепископа Феодосія Яновскаго.

Притчи св. Кирила-философа, учителя Славянскаго. *С. А. Соболевскаго.*

Воспоминаніе о Гоголѣ. *Я. К. Грота.*

Абрамъ Петровичь Ганнибалъ (арапъ Петра Великаго). *М. Н. Лонгинова.*

Письма *А. С. Пушкина* къ гр. А. Х. Бенкендорфу. 1830.

Первые пособники Екатерины II.

Анекдотъ о кн. Анд. К. Разумовскомъ.

Подлинныя черты изъ исторіи старообрядческихъ кладбищъ.

Письмо шута *Мира* къ флорентинск. герцогу.

Письма *гр. Воронцова* къ И. И. Шувалову.

Труды *Екатерины II* по составленію сравнительнаго словаря.

Изъ переписки *Александра I* съ В. С. Поповымъ. Мнѣнія *М. Л. Магницкаго.*

Вукъ Стефановичь Караджичь. *Р. Жинзифова.*

По поводу кончины гр. Д. Н. Блудова.

Убожество православныхъ церквей въ Польшѣ.

Образцы рѣшеній *Екатерины II* на всеподаннѣйшія просьбы. 1788.

Новые матеріалы для исторіи 1812 г. 1) Письмо гр. *Растопчина,* 2) Французская афиша, 3) Особы, составлявшія французское правленіе въ Москвѣ, 4) Новодѣвичій монастырь. Разсказъ очевидца-солдата.

О притчахъ св. Кирилла. *О. П. Коларя.*

Изъ письма *В. С. Попова* къ императору Александру I о Екатеринѣ II.

Подлинныя черты изъ жизни В. А. Жуковскаго. Письма *его* и *А. И. Тургенева.*

О перевозѣ тѣла Пушкина въ Святыя Горы.

Къ анекдотамъ Болотова. *Ѳ. Н. Фортунатова.*

Письма *П. А. Толстаго* изъ Турціи къ брату его азовскому губернатору И. А. Толстому. 1703.

Жалоба Лубенскихъ казаковъ Петру II на ихъ полковника Маркова. 1727.

Допросы, сдѣланные фельдмаршалу Миниху, гр. Остерману и гр. Головкину, и отвѣты ихъ при воцареніи Елизаветы Петровны. 1742.

Матеріалы для исторіи Морейской экспедиціи. 1770. а) Два рескрипта Спиридову,

ВЫПИСКИ И ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ РУКОПИСЕЙ РѢШЕТИЛОВСКАГО АРХИВА. (*)

А. По дѣламъ духовнымъ.

I. По послѣдней ревизіи предъ отнятіемъ крестьянъ у монастырей было душъ:

1) При Софійскомъ Каѳедральномъ соборѣ 5554.

2) При Печерской Лаврѣ 8305.

3) При Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ 1924.

4) При Братскомъ 3373.

5) При Пустынно-Николаевскомъ 2560.

6) При Выдубецкомъ 1701.

7) При Межигорскомъ 2412.

8) При Фроловскомъ дѣвичьемъ 3905.

9) Мгарскомъ Лубенскомъ 2786.

10) Пивогородискомъ Николаевскомъ 1310.

Въ 5-ти губерніяхъ Малороссійскихъ за всѣми въ нихъ монастырями было крестьянъ 97901 душа. Въ спискѣ означены всѣ монастыри, существовавшіе тогда въ Россіи. Въ каждомъ монастырѣ описаны съ точностію инвентарною постройки церковныя, монашескія и усадебныя, состояніе сихъ построекъ по матеріаламъ и прочности, усадебныя удобства, выгоды и мѣстоположеніе монастырей съ ихъ ближайшими окрестностями.

II. Реляція князя Голицына изъ Вѣны какъ полномочнаго министра мая 1782 года. Голицынъ извѣщаетъ правительство наше о нововведеніяхъ, совершавшихся въ Австрійской державѣ.

Къ реляціи приложены чинъ присяги епископскія по редакціи папы Бенедикта XIV съ печатнаго въ Венеціи 1775.

Извѣстій князя Голицына о состояніи двора, правительства и народа въ Австріи имѣется въ Рѣшетиловскомъ архивѣ значительное количество.

III. Акты объ отношеніяхъ іезуитовъ къ архіепископу Могилевскому, о ихъ положеніи въ Бѣлоруссіи и о ихъ поземельныхъ владѣніяхъ, имянно подробное увѣдомленіе о вотчинахъ 1) Коллегіи Полоцкой іезуитской (1777 года), 2) Дюнебургской іезуитской коллегіи, 3) Витебской іезуитской коллегіи, 4) о вотчинахъ іезуитовъ Мстиславскихъ, 5) о вотчинахъ Могилевскихъ іезуитовъ, 6) Оршанской іезуитской коллегіи. Всѣмъ, подъ предлогомъ образованія юношества, даны эти вотчины. Образовательная дѣятельность іезуитовъ

(*) Въ I-мъ выпускѣ Русскаго Архива нынѣшняго года, на стр. 63 и 64, уже говорено о Рѣшетиловскомъ архивѣ. Любители отечественной старины познакомятся ближе съ богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ этого драгоцѣннаго рукописнаго собранія по предлагаемымъ выпискамъ и извлеченіямъ и за дозволеніе обнародовать оныя будутъ благодарны какъ *В. А. Попову*, коему принадлежитъ Рѣшетиловскій архивъ, такъ и профессору Кіевскаго университета *А. И. Ставровскому*, принявшему на себя трудъ пересмотра и разбора сихъ новыхъ источниковъ нашей исторіи. *П. Б.*

состояла въ учрежденіи и содержаніи училищъ народныхъ (шляхетскихъ), въ руководствѣ воспитаніемъ юношества, въ снабженіи училищъ и учащихся научными руководствами, въ преподаваніи наукъ въ училищахъ, и все это имѣло конечную цѣль — утвержденіе въ сердцахъ юношества *преданности* и *сочувствія* къ Римско-Католической церкви и ея главѣ. По актамъ этимъ дѣятельность іезуитовъ подчинена контролю архіепископа Могилевскаго.

IV. Стефана Яворскаго грамота, что онъ по усердію на свой счетъ принимаетъ построеніе храма Благовѣщенія въ Нѣжинѣ (1702 по 1717) и монастыря въ немъ «*съ архимандритомъ*». Таковымъ избранъ архимандритъ Печерскій Модестъ Илницкій съ согласія митрополита Іосифа. Основатель церковь соборную назвалъ *Назаретъ Богородичный*. Служеніе архимандрита архіерейское. При семъ уставъ и опредѣленіе, како подобаетъ строити и управляти монастырь Благовѣщенскій Нѣжинскій и ветхій, тому приписный. Уставъ состоитъ изъ 16-ти статей объ имуществѣ и завѣдывающихъ имъ: намѣстникахъ или шафарехъ, икономѣ, чашникѣ, полатномъ конюшемъ и старостахъ.

Какъ грамота, такъ и уставъ подробностями содержанія объясняютъ изъ монастырскаго строя и быта много такихъ особенностей, которыя обязательны въ одномъ этомъ монастырѣ и придаютъ ему слѣдовательно характеръ отличительный отъ другихъ монастырей.

V. Акты о числѣ монашествующихъ въ Россіи, монастырей, церквей, о сортировкѣ ихъ и уничтоженіи бѣднѣйшихъ, о числѣ крестьянъ монастырскихъ, о монастыряхъ Малороссійскихъ.

VI. Исповѣданіе вѣры Армянскія церкви и служба Зырянъ по Русски и по Зырянски. Первое съ Латинскаго переведено и напечатано по волѣ Іосифа Астраханскаго и Нахичеванскаго для Армянскихъ приходовъ въ 1780 г., съ текста 1229 года, въ Лондонѣ. Къ этому слѣдуетъ письмо Іосифа архіепископа къ митрополиту С. Петербургскому Гавріилу:

«Исповѣданіе нашей церкви, переведенное по благословенію его высокопреосвященства съ Латинскаго на Россійскій языкъ, отдавъ я съ Россійскаго паки на Армянскій переводить, нашелъ по оному въ самой точной силѣ и содержаніи установленія противъ нашихъ основателей, Армянскую церковь: но въ нѣкоторыхъ самыхъ малыхъ частяхъ переведенные г. Скродеромъ о исхожденіи св. Духа отъ Отца доводы и оставленные безъ истолкованія темными, для лучшаго понятія я перемѣнилъ и на мѣсто оныхъ включилъ изъ самыхъ тѣхъ же авторовъ яснѣйшія свидѣтельства».

Въ рукописи о службѣ Зырянъ содержится весь ходъ литургіи православной съ молитвами на Славянскомъ и Зырянскомъ языкахъ

VII. Привиллегія отъ царей Іоанна и Петра Кіевскому митрополиту князю Гедеону Святополку Четвертинскому на первенство между Великороссійскими митрополіями Декабря 15 дня 1686 года.

VIII. Акты по Синоду: о числѣ митрополій, архіепископій и епископій, о степеняхъ ихъ по прежнимъ положеніямъ и по состоянію въ 1745 году. Эти проэкты правительственные съ дѣломъ не сходятся, т. е. не осуществлялись впослѣдствіи на самомъ дѣлѣ, впрочемъ имѣютъ по содержанію своему значеніе не только какъ матеріалъ историческій для научныхъ соображеній, но и какъ оффиціальное доказательство заботъ правительства о системѣ положеній, отношеній, содержанія и дѣятельности церквей и духовенства соотвѣтственно новымъ началамъ быта общественнаго и государственнаго.

IX. Выписка изъ грамотъ и указовъ о привиллегіяхъ, данныхъ Кіевскому архіерею и Кіевской епархіи архимандритамъ, равно Кіево-Печерской Лаврѣ и Нѣжинскому монастырю Назарету Богородичну.

Это въ родѣ исторической записки, объясняющей права и отличія, исторически пріобрѣтенныя Кіевскою іерархіею для сравнительнаго сопоставленія этой іерархіи съ Великороссійскою въ видахъ синодальнаго управленія, которому та и другая стали подлежать во всемъ своемъ составѣ съ основанія св. правительствующаго синода.

X. Вѣдомость о монастыряхъ вѣдомства Екатеринославской и другихъ епархій и о имѣніяхъ ихъ, остающихся на положеніи прежнемъ и о поступившихъ въ казну, учинена мая 24 дня 1788 года. Судьба и матеріальное состояніе монастырей значащихся въ вѣдомости не столько зависѣли отъ распоряженій св. синода и епархіальнаго архіерея, сколько отъ отношеній ихъ къ администраціи Потемкина, отъ воли и милостей свѣтлѣйшаго. Это видно изъ писемъ Амвросія архіепископа Екатеринославскаго въ князю Потемкину. Амвросій этотъ въ 1786 году называется въ бумагахъ Олонецкимъ, а съ 1787-го Екатеринославскимъ.

XI. О старообрядческихъ церквахъ въ епархіи Екатеринославской 1785 года. *Ad rem lucendam* по сему отдѣлу помѣщаю здѣсь два письма Амвросія Екатеринославскаго къ князю Потемкину.

а) 26 апрѣля 1788 г. „Свѣтлѣйшій князь! милостивый государь! Слободы Новознаменки житель Вавила Васильевъ Щербаковъ съ почтеннѣйшимъ вашей свѣтлости писаніемъ явился ко мнѣ сего апрѣля 24 числа. Рукоположить его во священника по требованію в. св. ради старообрядцевъ, какъ скоро то будетъ возможно, не премину“ и проч. б) апрѣля 28-го 1788 года. „Свѣтлѣйшій князь! мил. государь! Старообрядческаго священника Ѳеодора Парѳенова отпуская къ своей паствѣ, долгомъ поставляю сперва представить его чрезъ сіе вашей свѣтлости, яко посреднику и особенному попечителю въ присоединеніи къ церкви удаляющихся отъ нея, чтобы и онъ и всѣ имѣющіе пользоваться отъ него христіанскими таинствами принесли совокупно должную вашей свѣтл. благодарность. Съ ними приношу и я, имѣя въ лицѣ вашей свѣтлости споспѣшника званія моего. О храненіи старыхъ обрядовъ во всемъ неотступно священнику сему я неоднократно подтверждалъ и буду подтверждать. Но онъ предложилъ мнѣ два сомнѣнія. Первое, въ ектеніяхъ поминаютъ у нихъ ея величество самодержавнѣйшею царицею; реченія: благочестивѣйшія и императрицы, также въ титулѣ наслѣдника, его супруги, великихъ князей и княжнъ реченіе благовѣрный оставляютъ. Оставляютъ равномѣрно, какъ и въ ихъ служебникахъ напечатано, рѣченіе: благовѣрный и Богомъ хранимый. Второе, на большомъ выходѣ не воспоминаютъ отнюдь никого, кромѣ предстоящихъ: „всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ“ и проч. Я думалъ бы, что ввести новость воспоминаніемъ и возношеніемъ августѣйшихъ тутуловъ въ церковь ихъ не только справедливо, но и должно было бы: 1) потому что они присоединились къ нашей церкви, 2) что вѣрноподданные ея величеству, 3) что въ самомъ служебникѣ ихъ повелѣно, когда царь въ церкви, поминать его.

Но чтобъ не подать клеветѣ случая, донося о семъ вашей свѣтлости, покорнѣйше прошу рѣшить сіи сомнѣнія вашею властію. Впрочемъ есмь съ должнѣйшимъ высокопочтеніемъ и проч.“

XII. Рѣчь Платону архіепископу Московскому при рукоположеніи одного діакона во священство 1775 года августа 30 дня. Рѣчь умная, но неизвѣстно

имя сочинителя. Главныя мысли въ ней суть: 1) Недостойный діаконъ отъ земли воздвигнутъ нищій, отъ гноища возвышенъ убогій, предуготовленъ посадитися со князи и нынѣ взыти на сѣдалище старецъ (пресвитеровъ); 2) Еда и Саулъ во пророцѣхъ? А ты владыко—Самуилъ строгій; 3) но яко Елисей Илію молю тебя, да будетъ духъ, иже въ тебѣ, хотя мало во мнѣ; 4) всѣмъ симъ тебѣ владыко обязанъ я. Рѣчь не много больше рѣчи Конисскаго: „оставимъ астрономамъ доказывать, что земля и проч.", но равно впечатлительна по силѣ мыслей, по краткости изложенія, по умѣстному выбору библейскихъ сравненій, живо рисующихъ отношеніе оратора къ архипастырю.

XIII. Вѣдомость о знатнѣйшихъ фамиліяхъ и чиновникахъ православнаго исповѣданія Грекороссійскаго въ Польшѣ, въ давнѣйшія времена бывшихъ, съ конституцій сеймовыхъ, привиллегіевъ королевскихъ и книжекъ разныхъ печатныхъ собранная. Списокъ этотъ довольно громаденъ; но не имѣя подъ рукой этого рода перечней, отпечатанныхъ въ Исторіи Уніи Бантыша Каменскаго, въ актахъ Кіевской археографической коммиссіи и во многихъ другихъ сочиненіяхъ, я не могъ съ точностію припомнить и судить, имѣются ли въ немъ фамиліи сверхъ извѣстныхъ неизвѣстныя еще посредствомъ печати, а выписку счелъ за потерю времени, устранявшую меня отъ чтенія актовъ болѣе интересныхъ.

XIV. Вѣдомость о Полоцкихъ епископахъ и архіепископахъ какъ прежде Уніи 1595 года, такъ и послѣ въ Уніи состоявшихъ, съ разныхъ исторій и піесъ частныхъ собранная въ 1782 году. По заглавію акта можно судить объ интересѣ его. Свѣдѣнія представлены съ указаніемъ на источники оныхъ. При современности вопроса объ отношеніяхъ православія къ католицизму въ Бѣлоруссіи, актъ этотъ служитъ важнымъ пособіемъ для солиднаго рѣшенія споровъ о первоначальной повсемѣстности православія въ Полоцкой области.

XV. Записка объ Армянскомъ священствѣ. Законъ нашъ, сказано въ ней, основался на правилахъ первыхъ трехъ вселенскихъ соборовъ; въ церкви въ служеніи хотя нѣкоторыя молитвы и посты послѣ и перемѣнены, но касательно положенія священническихъ чиновъ остались на томъ же основаніи, какъ на оныхъ соборахъ положено.

XVI. Сокращенная церковная исторія, часть 2-я (безъ имени автора). Здѣсь между прочимъ говорится слѣдующее въ извѣстіи о крещеніи Владиміра I: *Іоаннъ Смера Полоцкій* прислалъ посланіе изъ Египта къ Владиміру; этотъ *Смера*, какъ сказано въ рукописи, былъ въ числѣ пословъ для испытанія вѣръ и былъ въ Паннонiи, Сербіи, Болгаріи, Мисіи и въ Греческомъ царствѣ, въ Антіохіи, Іерусалимѣ и наконецъ пришелъ въ Египетъ; онъ остановился въ Александріи, гдѣ и принялъ крещеніе. Отсюда Іоаннъ Смера писалъ къ Владиміру: „Я видѣлъ много христіанскихъ церквей, въ коихъ нѣтъ *никакихъ кумировъ*, *кромѣ столовъ и скамей*, *а*"…. и проч. Сочинитель рукописи въ одномъ мѣстѣ ея значится просто протоіерей Архангельскій, безъ имени(*).

XVII. Порядокъ Уписной братіи конгрегаціи церкви св.ап. и евангелиста дѣвственника, наперстника и возлюбленнаго ученика Іоанна Богослова, спорожоны въ року 1713 іюня 3 дня. Содержаніе рукописи слѣдующее: 1) Обѣщаніе, 2) молитва св. и всехвальному апостолу и евангелисту Христову Іоанну Богослову, 3) предсловіе порядковъ *братства мо-*

(*) Это безъ сомнѣнія извѣстный составитель церковнаго словаря, катихизаторъ Московскаго университета *Петръ Алексѣевъ*. См. о немъ Р. Архивъ 1863 г. стр. 929.

лодаго при церкви св. Іоанна Богослова; все состоитъ изъ 28 главъ.

XVIII. Записка о монастырѣ Кіево-братскомъ, въ которой между прочимъ сказано: «Василій Рубанъ въ книжицѣ напеч. въ 1773 году въ Санктпетербургѣ подъ заглавіемъ *Старина* и *Новизна* не совсѣмъ вѣрно пишетъ, якобы въ 1613 году монастырь оный уже былъ и состоялъ въ вѣдомствѣ Константинопольскаго патріарха и якобы заложенъ оный съ школою въ 1588 году во время бывшаго въ Россіи патріарха Греческаго Ереміи. Мое мнѣніе, что въ 1613 г. было начало этого монастыря, когда Анна Гугулевичева Маршалковая Мозырская надала собственный свой дворъ въ Кіевѣ бывшій на состроеніе въ немъ онаго монастыря и школы при немъ; а гетманъ Петръ Конашевичь Сагайдачной съ архимандритомъ Петромъ Могилою разширили и улучшили болѣе».

XIX. Акты о духоборцахъ по случаю „пересылки 36 душъ изъ Екатеринослава въ Сибирь, мужеска пола 20 и женска 16». По указу 22 февраля 1792 года Намѣстническаго правленія положено допросить ихъ напередъ въ Екатеринославской консисторіи. Тѣ же присланные съ Дона казаки по именамъ Семенъ Блудовъ, Александръ Блудовъ, Кирилла Блудовъ съ женами и племянницами, равно Баевы, Строевъ Михаилъ, Флоръ Збитневъ и другіе показали іюня 5-го 1792 года единогласно: «Рождены всѣ они отъ отцовъ, содержавшихъ преданіе церкви рукотворенной т. е. руками человѣческими сдѣланной; грамотѣ читать и писать не знаютъ и не учились по словамъ Христа Спасителя, который сказалъ: напишите въ сердцахъ и возвѣстите въ языцѣхъ. Крещены ли они по обряду церкви рукотворенной? Не помнятъ, а слышали отъ родственниковъ, что крещены. Прежде вѣнчаны изъ нихъ въ рукотворенной церкви попами были, изъ дѣтей же ихъ никто не вѣнчанъ. Всѣ прежде содержали обряды рукотворенной церкви за неузнаніемъ ея свойствъ и различій и по малолѣтству. Пришедши же въ возрастъ, узнали несовершенства рукотворенной церкви и что она не истинная церковь Божія и положили мысли вѣрить и вѣруютъ во единую св. соборную апостольскую Божію церковь, которая есть собраніе истинныхъ Христіянъ, и она есть нерукотворенная, которой глава есть Христосъ, основанная на словахъ Христа Спасителя слѣдующихъ: Аще гдѣ двое или трое глаголютъ во имя Мое, Азъ посредѣ ихъ; аще гдѣ единъ глаголетъ во имя Мое, Азъ и въ немъ пребываю. И потому они признаютъ, что нерукотворенная св. соб. ап. церковь на всякомъ мѣстѣ владычествія есть и пребываетъ. Уразумѣли жъ все сіе изъ св. писанія, въ которомъ содержатся книги св. пророкъ, нѣкоторые псалмы Давыдовы, ветхой и новой завѣты и апостоловъ, настоящихъ учениковъ Христа, св. посланія; вселенскихъ же и помѣстныхъ соборовъ положеніямъ и никакимъ другимъ церквей рукотворенныхъ правиламъ не вѣрятъ, а вѣрятъ только единому Богу. Богородицу признаютъ ту, что̀ отъ Бога родится, а другой никакой не признаютъ. Апостоловъ, настоящихъ Христовыхъ учениковъ, признаютъ, что они были и есть добрые люди и угодники, а святъ есть единъ Господь. Мучениковъ и мученицъ, которые за Христа претерпѣли, почитаютъ, что они добрые люди были. Апостольскимъ и мученическимъ добродѣтелямъ подражаютъ и почитаютъ за добродѣтели. Но чтобъ апостолы, мученики и мученицы человѣкамъ, живущимъ на землѣ, могли показывать помощь, по колику они не могутъ, сему не вѣрятъ; а одинъ Господь, нераздѣльная Троица, которой они поклоняются, признавая въ ней Отца и Сына и св. Духа, оказывать

помощь и исцѣлять немощи можетъ. Въ церковь рукотворенную не ходятъ и ходить не желаютъ. Образовъ написанныхъ не признаютъ, не кланяются имъ и за истинные не почитаютъ, потому что нѣтъ въ нихъ ни божества, ни святости и спасенія не чаютъ. И, что̀ церковь рукотворенная учитъ, не признаютъ, по колику она несовершенна, и божества въ ней не заключаютъ. Исповѣдываютъ дѣла Божія, покаявшись во грѣхахъ однажды на всегда. Пріобщаются самому Христу, чтобъ получить новую силу и благодать, а впредь жить свято и по христіянски. — Дѣтей, раждаемыхъ въ рукотворенной церкви, къ попамъ носили донынѣ, по гоненію единственно; но крещеніе отъ поповъ за важное и святое не признаютъ, и чрезъ поповское крещеніе крещеный христіаниномъ быть не можетъ. Еслижъ гоненія имъ не будетъ, не будутъ они для крещенія къ попамъ и носить. Ктожъ придетъ въ возрастъ и уразумѣетъ, тотъ всякъ самъ окрестится словомъ Господнимъ: во имя Отца и Сына и св. Духа. Вѣнчаніе было въ рукотворенной церкви за незнаніемъ ихъ; а нынѣ къ рукотворенной церкви для вѣнчанія ходить не будутъ, а основываются въ супружеской жизни *на словѣ закона вольномъ съ двухъ сторонъ* и *любви*, не принимая никакихъ рукотворенной церкви обрядовъ. Умирающіе погребаются, гдѣ кому случится безъ всякихъ обрядовъ рукотворенной церкви, а только общество поетъ Давыдовы псалмы, сколько пожелаетъ. — Считаютъ они себя жителями Россіи, людьми Божіими. Пастырей рукотворенной церкви не признаютъ: *Архіерей* есть вѣчный Христосъ Богъ, а другаго никого архіереемъ не признаютъ, а считаютъ наравнѣ съ прочими человѣками. *Священникъ* есть *Христосъ Богъ*, сотворившій небо и землю и всю вселенную, освятилъ и разумомъ одарилъ; другихъ же никого священниками не почитаютъ, а которые называются въ рукотворенной церкви священниками, тѣ суть *попы*, и они отличія не имѣютъ отъ прочихъ человѣкъ. Какое есть въ рукотворенной церкви духовенство, считаютъ они ненужнымъ для себя. Прочихъ же человѣкъ по образу равными и одинаковыми считаютъ, и кто имѣетъ въ обществѣ службу и отличіе, по отличію признаютъ". Увѣщаніе консисторіи было безуспѣшно.

Дополненіе изъ 2 го допроса ноября 5 дня 1792 года другимъ Духоборцамъ въ той же консисторіи: „По обряду рукотворенной церкви не исповѣдываются, а исповѣдываются Богу небесному духомъ и причащаются самому Христу также духомъ; постовъ рукотворенной церкви не признаютъ, а постятся предъ Господомъ, когда кому желательно, духомъ чистымъ и усерднымъ; праздниковъ, въ рукотворенной церкви празднуемыхъ въ разные дни, они не признаютъ, а признаютъ праздники такъ: кто занимается и дѣлаетъ доброе предъ Богомъ, тотъ имѣетъ и праздникъ; во время отправленія, по ихъ мыслямъ, богослуженія, нѣтъ никого у нихъ начальствующаго, а всѣ равны и всѣ однимъ занимаются. Крестнаго знаменія не изображаютъ, потому что оно не въ помощь; иконамъ и мощамъ, которые въ рукотворенныхъ церквахъ, не кланяются, потому что они не могутъ дать помощи". — На имянномъ спискѣ о Духоборцахъ, отправляемыхъ въ С.Петербургъ послѣ увѣщанія въ Екатеринославской консисторіи, отмѣчено въ особой графѣ противъ имянъ Семена Блудова, Кириллы Блудова и женъ ихъ слѣдующее: „О преступленіяхъ ихъ представляется при семъ въ оригиналѣ сообщеніе Екатеринославской духовной консисторіи отъ 5-го числа Іюня 1792 года подъ № 1136 подъ литерою А *по секрету*", откуда и сдалана сія выписка.

Второе дополненіе изъ экстракта подъ литерою Г. отъ 10 февраля 1793 года

по допросу новыхъ Духоборцовъ, имянно по допросу открылось:

1-е бывшіе въ селѣ Никольскомъ Павлоградскаго уѣзда на заработкахъ Нов городъ Сѣверскаго намѣстничества Конотопскаго уѣзда села Фесевки жители Иванъ Богатырскій, Іовъ Вербицкій и другіе показали, что при бытности ихъ села Никольскаго у поселянина Ивана Санина сынъ его Степанъ сказывалъ: „Вы этимъ образамъ не покланяйтесь“.— Воскреснаго дня не почитая работаютъ и 1788 декабря 6-го праздникъ святителя Христова Николая сказывали не праздникъ, а имянины.

2-е Жители той же слободы Никольской (такіе то) показали, что въ домѣ Тихона и Ильи Вовченковъ въ бытность ихъ спорили за духоборческую вѣру и за призывомъ туда священника Мытницкаго говорилъ Санинъ ему Мытницкому непристойныя рѣчи, называлъ его *брехуномъ*, *плутомъ* и *мошенникомъ*.

3-е Поселянка Фед. Селиванова, что— Кузьма Тупыкинъ говорилъ ей „для крещенія, вѣнчанія и погребенія въ церковь не ходить и поминовеній не дѣлать“.

4-е Многіе (по имянамъ) слышали, что изъ подсудимыхъ Романъ Худяковъ въ церкви говорилъ предъ священникомъ, яко онъ св. Евангелія за Евангеліе Христово не почитаетъ и церкви Божіей за церковь не имѣетъ, кресту и иконамъ не покланяется, тайну причастія, крещенія, исповѣданія и прочаго не признаетъ и что они причащаются и окрещаются словомъ Господнимъ.

5-е Что всѣ подсудимые еще въ 1788 году уличены были и отпущены на исправленіе.

6-е Гончаренко Антонъ, *подданный* ст. сов. Герсеванова, показалъ, что на заработкахъ въ 1788 году въ косовицу и жниво у Ильи Конкина въ селѣ Никольскомъ видѣлъ, что въ пятокъ подъ суботу въ вечеру означенные Духоборцы собираются и поютъ неизвѣстно какія пѣсни, и сверхъ того онъ Гончаренко засталъ Василія Конкина съ родною своею сестрою Пелагіею подъ сараемъ въ блудодѣяніи.

По поводу сихъ свидѣтельскихъ показаній подсудимые паки были переспрашиваемы Павлоградскаго уѣзда въ нижней расправѣ, и изъ нихъ Петръ Крывorученко показалъ, что онъ, сознавая Бога, создавшаго его, вѣруетъ Ему и почитаетъ какъ Его, такъ и св. угодниковъ; кромѣ же сего изъ отправляемой называющимися нынѣ христіанами вѣры по своему разсужденію ничего за правильное не считаетъ: ибо церковь здѣсь построенная, не иное что какъ обительный домъ, а иконы—дерево и краска; почему какъ оное дѣло рукъ человѣческихъ, то онъ Крывoрученко въ сію церковь не ходитъ, правилъ ея не пріемлетъ, креста на себѣ рукою не изображаетъ, иконъ, постовъ, праздниковъ и всего содержащагося въ вѣрѣ, христіанами отправляемой, не сохраняетъ и спасенія отъ того не надѣется; напротивъ того словомъ и духомъ входитъ во едину св. соборную и апостольскую церковь, покланяется Отцу и Сыну и Св. Духу; крестится во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь и постится также духомъ.

Павлоградскаго уѣзда нижняя расправа мнѣніемъ положила, а Екатеринославская верхняя расправа приговорила по силѣ уложенія гл. 1-й статьи 1-й и воинскаго 3-го артикула, подсудимыхъ казнить смертію, сжечь; но до точнаго о томъ разсмотрѣнія по указу 1754 года сентября 30 дня наказавъ ихъ кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя на лицахъ указанные знаки, сослать всѣхъ ихъ на каторжную работу.—Въ палатѣ уголовнаго суда подсудимые учинили запирательство, будто бы они духоборческой ереси не содержатъ и признанія

въ нижней расправѣ не дѣлали, но что они всегда поступали по правиламъ христіанской вѣры и сослались въ томъ во свидѣтельство на приходскихъ своихъ священниковъ.

Палата на требованіе получила отъ священниковъ увѣреніе 1) что точно (такіе то) ходили въ церковь и къ исповѣди, но лицемѣрно, а потому лишены св. таинъ Причастія, 2) что у подсудимыхъ въ домахъ иконы имѣются и стоятъ на своихъ мѣстахъ. По сему палата смягчила наказаніе и проч. Вся эта выписка буквально извлечена изъ дѣла относительно показаній со стороны подсудимыхъ. Опущенія и сокращенія сдѣланы въ однихъ формахъ судебныхъ.

Примѣч. При дальнѣйшемъ чтеніи рукописей я нашелъ два письма губернатора Екатеринославскаго Василія Васильевича Каховскаго къ Василію Степановичу Попову и два дополненія съ надписью: S*oli* на особыхъ полулистахъ. Изъ писемъ извлечено мною одно то, что относится къ Духоборцамъ; а дополненія списаны буквально сполна, потому что въ нихъ больше ни о чемъ не говорится, какъ о Духоборцахъ. 1) Въ письмѣ отъ мая 4-го 1792 года сказано: ... „Ученіе Духоборцовъ и изъявляемой образъ мышленія, по сужденію моему, не должны быть терпимы не только въ здѣшней губерніи, но и во всемъ государствѣ. Я сужу, что еслибы они поселены были въ Колѣ или на Новой Землѣ, то и оттуда современемъ ядъ свой распространить могутъ.“ 2) Отъ февраля 1793 года между прочимъ Каховскій пишетъ: „Мнѣніе мое о раскольникахъ Духоборцахъ представляю на ваше благоусмотрѣніе. Не слѣпая вѣра, не безразсудная набожность и не жестокость моего сердца,.. непорочный образъ ихъ жизни и проповѣдуемое ими человѣколюбіе обязуютъ меня донесть объ нихъ то, что̀ я думаю“.

Первое дополненіе съ надписью *Soli*: „Одинъ изъ упрямѣйшихъ Духоборцовъ, по поводу ли дерзости или довѣренности ко мнѣ (ибо я съ ними говорю съ кротостію и ласковостію) сказалъ мнѣ между прочимъ....“

Второе дополненіе съ надписью Soli ноября 16-го 1792 г. Екатеринославль: „Изъ прежде взятыхъ Духоборцовъ, по увѣщеванію здѣшняго протопопа Станиславскаго, обратились къ православной церквѣ, кромѣ одного Петра Колесникова. Изъ послѣднихъ же ни одна душа, какъ мужеска, такъ и женска пола, не пришла въ раскаяніе. Я всѣхъ ихъ принужденнымъ нахожусь отправить къ вамъ, и отправлю на ихъ лошадяхъ, сколь скоро хотя мало подмерзнетъ.

Изъ первыхъ объявившихъ раскаяніе не утѣшили тѣмъ меня нимало. Человѣкъ, вперившій себѣ въ голову, что нѣтъ таинствъ, нѣтъ поста, и что сотворены мы всѣ ровными, не можетъ отъ сихъ правилъ отлучиться чистымъ сердцемъ. Въ ономъ потаенной ядъ будетъ онъ скрывать до конца дней своихъ.

Вы, милостивый государь, отдадите мнѣ справедливость, что я ненаклоненъ ввергать ближняго въ несчастіе. Но въ семъ случаѣ мучился бы я совѣстію, естьли бъ не сказалъ вамъ, что всѣ, зараженные духоборствомъ, не заслуживаютъ человѣколюбія. Ересь сія опасна, лакома для послѣдователей, а потому нечаянно и скоро возрости можетъ. Трудно утвердиться, чтобъ могла она воспріять первоначальное свое бытіе между простымъ народомъ. Кажется, должно тутъ быть другому источнику. По таковому моему разсужденію (дай Богъ ошибочному и несправедливому) сужу я, что не должны они быть терпимыми, не только въ пограничной здѣшней губерніи, но и въ цѣломъ государствѣ. Я, разговаривая съ Духоборцами, не предвижу, чтобъ зло сіе

могло истребиться презрѣніемъ и неуваженіемъ. Образъ ихъ жизни основанъ на честнѣйшихъ правилахъ, и важнѣйшее ихъ попеченіе относится ко всеобщему благу, а отъ благихъ дѣлъ чаютъ они только спасенія. Похвальныя правила! Но всѣ ереси и послѣдовавшія отъ нихъ кровопролитія не возрастали ли подъ видами кротости, человѣколюбія и благочестія? Dixi.

Б. Записка о Крымскихъ Татарахъ.

Ихъ происхожденіе, обстоятельства поселенія въ Крыму, отношенія и связь съ Турками, организація и вліяніе ихъ на культуру полуострова и проч. Записка имѣетъ вполнѣ ученый характеръ. Подобныхъ записокъ о разныхъ особенностяхъ Новороссійск. края, прошедшихъ и современныхъ эпохѣ перехода края въ составъ Россіи, имѣется въ архивѣ весьма много и имянно, кажется 1) потому, что при свѣтлѣйшемъ Потемкинѣ состоялъ всегда классъ ученыхъ, штатныхъ и присыльныхъ для мѣстныхъ изслѣдованій по указанію князя и 2) потому, что князь безъ такаго предварительнаго узнанія ничего не начиналъ.

В. Свѣдѣнія о войнѣ съ Турками.

Съ мая 26-го дня 1788: журналы военные, записки о мѣстностяхъ, проэкты относительно веденія войны, рапорты объ исполненіи ихъ, донесенія властей о состояніи силъ, умовъ, мѣстностей и проч. Для примѣра привожу отрывки отсюда:

«Іюня 1-го 1788 генералъ-фелдмаршалъ князь Потемкинъ Таврическій прибылъ въ армію».

Очаковъ взятъ 6-го декабря 1788 года въ 7-мь часовъ утра: «Штурмъ Очакова, доноситъ свѣтлѣйшій государынѣ, не только знаменитъ успѣхомъ, но и по точности, съ какой всё исполнено. Я смѣло могу ваше императорское величество увѣрить, что съ такимъ порядочнымъ строемъ еще въ арміи вашей никакого дѣла не было. Отдавъ всю справедливость служившимъ подо мною генераламъ и войску, себя почитаю счастливымъ, что имѣю пріятной случай свидѣтельствовать вамъ о ихъ храбрости.

«Болѣе 8000-чь сочтено труповъ непріятельскихъ, болѣе 6000-чь взято въ плѣнъ, но изъ числа ихъ многіе отъ ранъ и жестокости мороза погибли. Однихъ чиновниковъ съ 3-хъ бунчужнымъ Гусейнъ-пашею взято 452. Артиллеріи найдено на крѣпости и ретрашаментѣ 309-ть орудій, 170 знаменъ, множество прочихъ трофеевъ. Солдаты обогатились знатною добычею».

По овладѣніи Киліи, по взятіи батарей, защищавшихъ устья Дунайскія, по истребленіи флотиліи у Тулчи и Исакчи и по покореніи сихъ крѣпостей подойдено было къ Измаилу: «11-го декабря былъ сей ужасный день, въ который Измаилъ погруженъ былъ въ крови своей; съ утра до полуночи кровь лилась, особенно среди улицъ города. Въ городѣ взято 265 орудій, пороху до 3100 пудовъ и ядеръ 20,000, съ множествомъ другихъ снарядовъ и припасовъ, знаменъ взято болѣе 400. Во время осады истреблено и потоплено судовъ непріятельскихъ 140».

Г. Записка 1783 года, сколько въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ въ какомъ уѣздѣ состоитъ десятинъ земли и число душъ мужеска пола:

Въ уѣздахъ на правой сторонѣ Днѣпра:

1) Екатеринославской 1,209,470 десятинъ, а душъ мужеска пола 25,593.

2) Елисаветградской 478,949 десятинъ, а душъ мужеска пола 30,260. Всѣ уѣзды въ этомъ видѣ опредѣлены.

Д. Краткое описаніе Екатеринославскаго намѣстничества за подписью вице-губернатора статскаго совѣтника *Ивана Тибѣкина* (*); время составленія этого

(*) См. у насъ, стр. 215.

описанія не означено, но надо полагать, что оно составлено по случаю смерти свѣтлѣйшаго князя Потемкина и относится имянно къ 1792 году. Извлеченіе отсюда:

«Екатеринославское намѣстничество, такъ начинается это описаніе, составляетъ земли прежде бывшихъ Новороссійской и Азовской губерній. Предѣлы сего намѣстничества суть: съ Запада Очаковская земля или древняя *Озія*, лежащая съ правой стороны по теченію рѣки Буга и нынѣ присоединенная къ сему же намѣстничеству, украшенному именемъ Великія Екатерины; съ Сѣвера часть *Нижней* Польши и намѣстничества: Кіевское, Черниговское, Харьковское и Воронежское; съ Востока земля Донскихъ козаковъ, а наконецъ съ Юга Кавказское намѣстничество, Азовское море и Таврическая область, окруженная Чернымъ моремъ».

Е. Письма въ родѣ дневника съ 15 ноября 1788 по октябрь 1789 о войнѣ съ Турками и о состояніи дѣлъ Турціи при диванѣ:

а) 1789 года генваря 7-го посланная подъ Очаковъ кырлангичь *) возвратилась. Капитанъ объявилъ, что видѣлъ въ крѣпости Россійскій флагъ и не смѣлъ далѣе идти. Капитанъ-паша отвѣчалъ ему, что ему привидѣлось и почудилось: велѣлъ дать ему за это 500-тъ палокъ по ногамъ и осудилъ его на каторгу. Донесеніе было вѣрно.

б) Письмо марта 1-го 1789: „Голодъ въ Константинополѣ и пасквили противъ правительства. Главный изъ нихъ: снизу пепелъ, сверху отруби, внутри земля— вотъ нашъ хлѣбъ. *Каймакамъ* свинья и песъ".

в) Письмо 7-го апрѣля 1789 г. „Сегодня возвѣстили въ Константинополѣ стрѣльбою изъ пушекъ о смерти султана Абдул-Хамид-Хана и о возшествіи Селима.

г) Письмо мая 9-го 1789 г., что Русскіе послѣ Очакова подошли къ Измаилу на 12 часовъ разстоянія, что Бендеры взяты Каменскимъ, что Турки проиграли знатную баталію. Курьеръ прибылъ изъ арміи съ шерстяными мѣшками, въ коихъ обыкновенно возятъ головы и уши; почему думаютъ, что было сраженіе.

д) Письмо мая 12-го 1789. „Поведеніе султана вдругъ перемѣнилось, и свирѣпой характеръ его обнаружился. Выданъ указъ, чтобы всѣ Христіане подданные и ихъ жены носили темное платье, низскія шапки, черную обувь и т. д.; съ обнародованія султанъ ежедневно ходитъ инкогнито, рубитъ головы, рѣжетъ шапки, деретъ фередже, не уважая ни бѣдности, ни короткости времени для перемѣны по закону. Ѣдучи въ адмиралтейство, замѣтилъ два судна, спросилъ, отчего не вышли съ флотомъ въ каналъ, и услыша, что выдутъ завтра, велѣлъ отрубить капитану голову при себѣ. Палачь просилъ султана отступить, чтобы кровь на него не брызнула: „Да ты ему дашь жить", отвѣчалъ онъ. Отъ этого одного многіе изъ чиновныхъ попадали въ обморокъ. Встрѣтя Грека въ прежней шапкѣ, отрубилъ ему голову и хотѣлъ тоже сдѣлать съ патріархомъ, но сослалъ въ ссылку".

Ж. Свѣдѣнія относительно Кавказа и Крыма.

1) Историческое описаніе (побудительныя причины) посольства (*Карабахскіе мѣшки*) къ его императорскому величеству Петру Великому. 2) о Духовной Коммисіи Кавказскаго намѣстничества 1786 г. 3) о способнѣйшей дорогѣ

*) Кырлангичи были лодки особаго устройства. Въ письмѣ Заричнаго отъ марта 20-го 1791 года сказано, что князь Потемкинъ въ бытность свою въ Шкловѣ увидѣлъ кырлангичи у одного Грека и изволилъ 1783 г. заказать для своихъ нуждъ.

въ Грузію 1786; 4) записка Астраханскаго губернатора Кречетникова о серебряныхъ рудахъ въ м. Кабардѣ. 5) Журналъ путешествія изъ Алеппо въ Багдадъ съ 30-го генваря 1784 года *графа де-Феррари*.

2) *О Кабардѣ* ученая записка.

Малая Кабарда лежитъ по Тереку, а *большая* простирается до вершины р. Кубани. Нынѣ число владѣльцовъ столь размножилось, что уже лишаются способовъ къ достойному себя продовольствію, по сему весь предметъ жизни ихъ нынѣ состоитъ только въ грабительствѣ.

Первое правило каждаго владѣльца есть отнять и украсть всё, что въ глаза можетъ представиться. Это правило всасываютъ они съ молокомъ матери: ибо какъ скоро у владѣльца родится сынъ, отдаютъ его на воспитаніе кому либо изъ *узденей* (родъ дворянъ), который долженъ уже до самаго возраста его воспитывать и содержать на собственномъ своемъ иждивеніи. Воспитатель пріучаетъ дитя къ проворству и кражѣ: ибо награда его за воспитаніе та, что когда питомецъ возмужаетъ, то всякой добычи, имъ пріобрѣтенной, отдаетъ онъ *девять доль* воспитателю, оставляя себѣ послѣднюю и называютъ воспитателя *дядькой*.

Большая Кабарда дѣлится на три поколѣнія: *Атажукино*, *Мисостово* и *Джамбулатово*. Всѣ сіи три колѣна родъ свой выводятъ отъ одного князя называемаго *Кесъ*, который, какъ говорятъ, выѣхалъ изъ Аравіи и учинился владѣльцемъ всѣхъ горскихъ народовъ.

Что касается до обрядовъ въ управленіи, то никогда и никакихъ законовъ они не имѣли. Сперва воля князя *Кеса* составляла весь законъ; но съ умноженіемъ князей изволеніи начали раздѣляться, отъ сего незамѣтно завелись совѣты, на которые по временамъ начали приглашать *узденей*, а случавшіяся между народомъ неудовольствія наконецъ были причиною, что уже и народныхъ старшинъ къ важнымъ совѣтамъ приглашаютъ. *Гласъ общаго совѣта есть положеніе, вмѣсто законовъ служащее.* Клятва надъ Алкораномъ въ сохраненіи сихъ учрежденій есть главнѣйшее ихъ обязательство, но рѣдко сохраняютъ клятву долѣе одного года. Легкомысліе дѣлаетъ ихъ всегда клятвопреступниками. Непостоянство вкралось въ нихъ вмѣстѣ съ магометанствомъ. Прежде сего были они Христіане (Кумыки, Чеченцы, Абасинцы и проч). Многія доднесь сохраняютъ они преданія Христіанскаго закона. Есть мѣсто одно въ предѣлахъ Кабарды, называемое *Татартупъ*, гдѣ древле былъ конечно храмъ Божій и гдѣ нынѣ одни развалины. Къ сему мѣсту Кабардинцы сохраняютъ столь великое благоговѣніе, что въ чрезвычайныхъ между собою обязательствахъ заклинаются онымъ и никогда уже сей клятвы не преступаютъ. Всякой гонимый или обидимый, ищущій убѣжища у Татартупа и добѣжавшій до того мѣста, остается невредимъ. Извѣстно, что есть много мѣстъ въ Кавказскихъ горахъ, гдѣ видимы знаки бывшихъ церквей и между прочими есть одна еще цѣлая, гдѣ и донынѣ хранятъ церковныя книги и куда жители никого не впускаютъ, какъ въ святыню, куда смертные входить не должны.

Относительно общаго совѣта вотъ что записка говоритъ: „*Объ общемъ совѣтѣ* всякое предложеніе послѣдуетъ отъ владѣльцовъ. Старшій лѣтами изъ владѣльцовъ повѣщаетъ узденямъ и старшинамъ народнымъ собраться въ назначенное мѣсто. По сборѣ всѣ дѣлятся по степенямъ: *владѣльцы*, *уздени* и *народные старшины*. Владѣльцы опредѣляютъ: что предлагать для совѣщанія, уздени разбираютъ пользу или вредъ предложеннаго намѣренія, однакоже почти всегда соглашаются съ мнѣніемъ владѣльцовъ, по-

неже они отъ нихъ зависятъ и согласясь представляютъ заключеніе обѣихъ степеней на мнѣніе третьей степени т. е. *старшинамъ какъ народу* (называя ихъ притомъ подданными). Гласъ простого народа рѣшитъ уже законодательное положеніе: онъ властенъ принимать и отмѣтать предложеніе владѣльцовъ и согласіе узденей. Положеніе народное служитъ силою закона.

Никакой князь или владѣлецъ не имѣетъ собственности: нѣкоторые уздени имѣютъ собственное, впрочемъ все принадлежитъ *народу*. Назначеніе князя для послѣдняго столь священно, что никто не долженъ щадить не только своего иждивенія, но и самой жизни. Издревле князья, нося имя покровителей народа, каждой имѣетъ больше или меньше зависимыхъ отъ себя, которыхъ называютъ они своими *подданными*. Князь можетъ взять у своего подданнаго все его достояніе, можетъ взять у него всѣхъ его *ясырей* или плѣнниковъ и продать ихъ, можетъ наконецъ отнять его дочь, жену, но не властенъ надъ его жизнію. Есть нѣкоторые старшины изъ народа Кабардинскаго, которыхъ и сами владѣльцы почитаютъ и которыхъ мнѣніе въ общемъ совѣтѣ сильнѣе и дѣйствительнѣе гласа всѣхъ владѣльцевъ. Корыстолюбіе же однако служитъ поводомъ къ самымъ злѣйшимъ злоупотребленіямъ....

Доколѣ нравы Кабардинцевъ неиспортились, во многомъ они уподоблялись древнимъ Лакедемонцамъ: остатки сходства еще видимы. Рыцарство есть предметъ славы каждаго, и роскошь еще не вкралась въ сердца сего народа. Злато и серебро ставятъ они за малое; напротивъ того всякіе доспѣхи и оружіе ставятъ за драгоцѣнное.

Пища ихъ одинакова повсюду, и если нѣтъ у нихъ, какъ было у Спартанцовъ, публичныхъ столовъ, то въ сходство онымъ каждое семейство, отъ прадѣда и до поздняго поколѣнія, живетъ нераздѣльно и пищу употребляетъ изъ одного котла. И по сему самому здѣсь народъ не говоритъ: *столько семей* или *дворовъ*, но *столько котловъ*. При рожденіи мальчика не погружаютъ его въ воду, но оставляютъ его на воздухѣ безъ всякаго попеченія. По прошествіи года подаютъ ему оружіе и что нибудь скудѣльное и если онъ приметъ первое, отцы и все семейство празднуютъ. По прошествіи 7 лѣтъ учатъ владѣть конемъ и стрѣлять изъ лука и ружья. Сказано выше, что дѣти воспитываются въ чужихъ домахъ, и возмужалые возвращаются въ домы отцовъ. Юность обоихъ половъ могутъ видѣться свободно. Въ дни праздничные бываютъ пляски, гдѣ знакомятся между собою. Вступая въ брачный союзъ, женихъ долженъ платить за невѣсту *калымъ* т. е. выводъ, рыцарскими доспѣхами, какъ то: панцырями, наручьями, ружьемъ и тому подобнымъ. Женившіеся должны весьма скрытно и, такъ сказать, украдкою, имѣть супружеское сношеніе.

Въ воровствѣ тѣ же правила, какъ и у Спартанъ. Наконецъ старость лѣтъ между ими также какъ и у Спартанъ въ крайнемъ почтеніи, и никакой молодой человѣкъ предъ старикомъ ни малѣйшей невѣжливости сдѣлать не дерзаетъ.

Объяснивъ сходство обычаевъ между Кабардинцами и Лакедемонянами, я укажу теперь на разности между ними въ свойствѣ и умоначертаніи ихъ; ибо какъ тверды были народы въ Спартѣ, такъ непостоянны, вѣтрены и вѣроломны въ Кабардѣ, впрочемъ тѣ и другіе любятъ вольность свою больше всего.

Одинъ владѣлецъ, *Хумурза* по имени, сказалъ, что онъ хижину свою не промѣняетъ на лучшій по великолѣпію домъ въ Европѣ. Въ большихъ домахъ, говорилъ онъ, стѣны убраны, но сердце

скутано и, кажется, съ домами вмѣстѣ построены мысли и сердца; но мы пользуемся воздухомъ свободнымъ, и я легко переношу хижину свою по всему пространству той земли, гдѣ нашъ народъ обращаться властенъ.

Издревле и донынѣ обращаются владѣльцы съ узденями, да и съ народомъ, просто и одинаково. Самой старшій и самой богатой владѣлецъ живетъ почти въ хижинѣ. Пища ихъ состоитъ: нѣсколько просы свареной въ водѣ и кусокъ печеной или вареной баранины. Это напоминаетъ намъ родъ жизни Греческихъ царей подъ Троею, и нерѣдко бываетъ за часть баранины между ними ссора, какъ было у Агамемнона съ Ахиллесомъ по разсказу Гомера. Питье ихъ есть обыкновенно *буза* и у богатыхъ весьма дурной *ставленной медъ*. Я уже сказалъ, что владѣлецъ, не имѣя ничего собственнаго, всякое продовольствіе имѣетъ отъ подданныхъ, и пользуясь симъ правомъ безвозбранно, беретъ все, слѣдовательно и пропитаніе. Но и владѣлецъ съ своей стороны не долженъ отказать подданному ни въ чемъ. Если кто изъ проходящихъ видитъ владѣльца за обѣдомъ, то можетъ войти къ нему и обще съ нимъ вкушаетъ приготовленную пищу. Если уздень увидитъ у владѣльца деньги, хорошее платье или шапку, которая ему понравится, владѣлецъ отказать и не можетъ и не долженъ. Это на первой разъ имѣетъ видъ нѣкотораго равновѣсія всеобщей связи, или, лучше сказать, воздаяніе за тягость, каковую владѣльцы народу причиняютъ; но щедрота не есть даръ, всякому свойственный. Скупость всегда находитъ убѣжище въ сердцахъ слабыхъ, и корыстолюбіе не имѣетъ предѣловъ. Владѣльцы подъ предлогомъ, будто опасаются разориться, ходятъ весьма мерзко, такъ что, видя узденей и ихъ вмѣстѣ, можно принять по одеждѣ узденей за владѣльцовъ, а владѣльцовъ за простонародныхъ.

3) На Кавказъ посланъ лѣтомъ 1787 года генералъ порутчикъ Павелъ Сергѣевичь Потемкинъ главнокомандующимъ на обѣ Кабарды. Въ сентябрѣ 1790 года князь Таврическій послалъ на Кавказъ генералъ порутчика графа Дебальмена для команды и для наступательныхъ дѣйствій, но Дебальменъ умеръ тотчасъ по пріѣздѣ. Въ 1791 году іюня 22 дня *Анапа* взята штурмомъ подъ командою Михаила Васильевича Коховскаго при пособіи графа Ивана Васильевича Гудовича, котораго послалъ съ Дуная на Кавказъ князь Репнинъ. Такъ въ рапортѣ Михаила Коховскаго значится.

4) Ученая записка о началѣ Россійской комерціи въ Персіи:

„Комерція началась съ эпохи завоеванія Астраханскаго царства; но Русскіе тогда для плаванія по водамъ не имѣли удобныхъ судовъ кромѣ такъ назыв. *бусъ*, обязаны были платить въ Персіи пошлины, какія угодно было взять и давать большіе дары начальству“.

„По сему торгъ былъ почти безприбыльный до 1725 года“.

5) Записка по размежеванію земель въ Крымѣ. Для разбиранія и рѣшенія всѣхъ дѣлъ по области Крымской имѣлись прежде 4 начальства: 1) *Диванъ* или вышній совѣтъ, 2) *Каймаканъ* или губернаторъ во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ, какъто: въ Бакчисараѣ, Балаклавѣ, Гюзлевѣ, Перекопѣ, Чонгарѣ, Арабатѣ, Кафѣ, Карасу и въ Ахтмечетѣ, отъ хана опредѣляемый, 3) *Казескеръ* или главный судья и 4) *Кади* или судья—всѣ по назначенію хана

6) О Бибиковѣ. „Всемилостивѣйшая государыня. Изъ подносимаго здѣсь рапорта генералъ поручика барона Розена усмотрѣть изволите, до какой степени недостойный генералъ порутчикъ Бибиковъ раззорилъ корпусъ, а съ нимъ разстроилъ и остальное. Подробностей я еще не получилъ, а ожидаю ихъ весьма не пріят-

ныхъ. Дерзость безпримѣрная съ таковою же глупостію соединена въ семъ извергѣ. Цѣль его вся была ухватить время, ибо онъ зналъ, что я не оставлю его начальникомъ, и ради наживы или черезъ удачу достать себѣ славу. Вашего императорскаго величества и пр. *князь Потемкинъ*".

Изъ копіи рапорта барона Розена отъ 6 мая 1790 года изъ Ставрополя видно, что туземцы дѣлали набѣги на наши линіи на правомъ берегу Кубани, а Бибиковъ своевольничалъ и ходилъ съ командою куда было ненужно, оставляя безъ защиты ввѣренный ему край. Донесеніе свѣтлѣйшаго императрицѣ помѣчено числомъ: мая 30 дня 1790 года

7) Оберъ-квартермейстеръ Михаило Ивановъ, въ теченіи долговременной службы, находившись 12 лѣтъ при покойномъ свѣтлѣйшемъ князѣ, многія понесъ труды въ снятіи различныхъ видовъ, какъ-то: *Кавказскимъ городамъ*, *мѣстоположеніямъ* и *крѣпостямъ* въ предѣлахъ Грузіи, *развалинамъ прежнихъ зданій* въ великой Арменіи, *разнымъ встрѣтившимся предметамъ* во время высоч. ея императорскаго величества путешествія въ Тавриду; *всѣмъ частямъ сей области*, достопамятнѣйшей *Бѣлой горѣ*, мѣсту Татарскихъ скопищъ, заговоровъ, рѣшенію важныхъ какихъ либо предпріятій и гдѣ Крымцы торжественно присягали въ вѣрности Всероссійскому престолу; *крѣпостямъ и замкамъ Турецкимъ*, покореннымъ въ минувшую войну, славнымъ приступамъ, знаменитымъ *сраженіямъ на морѣ и разнымъ мѣстамъ въ Молдавіи и Бессарабіи*. И какъ всѣ сіи виды не только въ настоящее, но и въ потомственное время любопытнымъ взорамъ могутъ представить прекрасную картину славы минувшихъ дѣлъ, то и намѣренъ былъ покойный свѣтлѣйшій князь, обратя оное въ пользу его Иванова, предать ихъ тисненію, а въ воздаяніе трудовъ его испросить у ея императорскаго величества ему пенсію. Теперь онъ Ивановъ всенижайше проситъ о совершеніи надъ нимъ милости, покойнымъ свѣтлѣйшимъ княземъ предполагаемой, либо объ опредѣленіи въ Академію художествъ съ жалованьемъ и положеніемъ по мѣсту тамошняго ректора или о принятіи его къ кабинету ея императорскаго величества. *Рукою Попова на боку:* по высочайшему повелѣнію опредѣленъ въ эрмитажъ.

З. Копія съ ордера покойнаго ген. фелдмаршала князя Потемкина Таврич. ген. маіору Леванидову отъ 27 мая 1790 подъ № 777.

„В. превосх. опредѣляетесь къ составленію въ Малой Россіи войска пѣшихъ казаковъ стрѣлковъ. Числомъ ихъ положено 5600 чел., и я здѣсь препровождаю основаніе ихъ и образъ екзерциціи. Вашему превосходительству предписываю, поступая по симъ правиламъ, отнюдь не вводить регулярства, а при томъ обходиться съ ними кротостію, дабы сдѣлать имъ службу пріятнымъ упражненіемъ. Одѣть ихъ имѣете по данному отъ меня образцу.

Старшинъ выбирать хорошаго поведенія и усердныхъ къ службѣ. Успѣхъ подастъ мнѣ поводъ ходатайствовать объ отличіи васъ".

И. Контрактъ Іосифа Банка, родомъ Француза, съ свѣтлѣйшимъ княземъ на пять лѣтъ съ 1784 по 1789-й годъ въ слѣдующемъ:

1) Банкъ обязанъ виноградные сады развести въ Крыму, *въ Судакѣ*.

2) развести всякаго рода деревья по климату мѣстному съ сохраненіемъ ихъ во время зимы посредствомъ сараевъ или студеныхъ оранжерей.

3) высадить ежегодно деревьевъ миндальныхъ 1000, шелковичныхъ 2000, персиковыхъ 500, орѣховыхъ 200 для разсаживанія въ послѣдствіи, куда будетъ угодно его свѣтлости.

4) завести фабрику или лабораторію

для дѣланія водки (l'eau de la vie) по желанію его свѣтлости добротою противъ французской, такъ же воды ландыжной (l'eau de lavande) и разныхъ ликеровъ.

За все это его свѣтлость даетъ въ награду ежегодно во все пятилѣтіе по 2000 руб. по третямъ, въ Судакѣ квартеру, дрова, свѣчи, пару лошадей, человѣка, бочку сороковую вина для стола, сверхъ того званіе не садовника, а *директора садовъ и виноградниковъ Судацкихъ*, 20 человѣкъ рабочихъ со всѣми орудіями для работъ. Данъ въ С. Петербургѣ 15-го генваря 1784 года.

I. Сношенія съ папою Піемъ VI.

Негодованіе папы на императора за то, что онъ рѣшился лишить церковную власть и всѣхъ духовныхъ области его сановниковъ права на недвижимость и дать вмѣсто оной оклады. «Такое лишеніе, пишетъ папа, есть явное въ католическомъ правовѣріи нарушеніе церковныхъ положеній, запрещенное соборами, проклятое св. отцами. Это есть плодъ чтенія эретическихъ сочиненій. Не пристойнымъ считаю здѣсь скучать вашему величеству кучами доводовъ, утверждающихъ справедливость онаго мнѣнія, что касающіеся добръ церковныхъ, своего ради прибытка, повинны осужденію *Ананіи* и *Сапфиры* и что подобаетъ предати таковыхъ сатанѣ, да духъ спасется въ день Господень и пр. и пр. Дано въ Римѣ въ Палатѣ св. Маріи называемой *Старѣйшей* августа 3 дня 1782 года. Наиусерднѣйшій о Господѣ отецъ и другъ Пій папа VI.“

Замѣтка на особомъ листѣ: L'habit des papes n'etait anciennement que l'habit commun des fidéles. L'empereur Constantin, pour donner plus de dignité au chef de la religion, permit au pape Sylvestre de porter le manteau de pourpre et la tunique violette avec d'autres marques de l'autorité imperiale. См. Vetera monum. edita ab J. Campino Rom. Protonotorio.

Отвѣтъ императора на письмо Пія VI 19 авг. 1782 г.

Ваше святѣйшество вѣрно о моемъ предположеніи отобрать имѣнія церковныя узнали отъ тѣхъ, которые доставили мнѣ честь видѣть васъ въ моей столицѣ, такъ какъ и нынѣ безъ сомнѣнія они исходатайствовали сіе изъявленіе. Безъ дальнихъ изъясненій донесу вамъ, что слухъ, достигшій до васъ, ложенъ. Да и безъ пріисканія въ св. Писаніи и у св. отцовъ доводовъ, которые можно толковать ut libet cuique, чувствую внутрь себя гласъ вопіющій и повелѣвающій мнѣ яко законодавцу и защитнику богопочитанія содѣвать все то, что́ человѣку моего званія творити подобаетъ, и сей гласъ никогда не ввергнетъ меня въ заблужденіе и пр.

Пій Папа VI мужу знаменитому (князю Потемкину) здравія. Папа благодаритъ сердечно свѣтлѣйшаго, по рекомендаціи монаха Рокки, начальника миссій Молдавскихъ, за благосклонность къ католикамъ и честь, имъ оказываемую, паче же всего за щедроты и милости, новому католическому храму въ Яссахъ излитыя, наконецъ проситъ, чтобы, по заключеніи мира съ Портою, католики, имѣющіе остаться во владѣніи Турецкомъ, состояли подъ покровительствомъ Россійскимъ и тѣмъ самымъ были бы безопасны и свободны отъ всѣхъ варварскихъ озлобленій.

К. Дипломатическія письма въ 1790 — 1796 бар. Бюлера изъ Германіи, изъ Вѣны, Мюнхена, Польши, иногда съ именемъ, иногда безъ имени въ подписи; всѣхъ будетъ до 50-ти и всѣ важны болѣе или менѣе, на французскомъ языкѣ, четко и чисто писаны. Къ разряду писемъ этого рода относится и нижеслѣдующее письмо изъ Вѣны отъ 20/31 іюля 1790 года:

„Извѣстіе о предварительныхъ услові-

яхъ замиренія нашего съ Портою, посредствомъ короля Прусскаго, служитъ еще и понынѣ предметомъ обыкновенныхъ въ собраніяхъ разглагольствій. Ежели бы Турки въ особѣ упомянутаго короля не обрѣли себѣ столь ревностнаго блюстителя политическаго состоянія ихъ государства, то бы оное конечно знатное претерпѣло уменьшеніе. Жертва чрезъ сіе замиреніе, отъ Австріи Портѣ приносимая, возвращеніемъ ей всего пріобрѣтеннаго въ настоящую войну пролитіемъ толикой крови, не есть маловажна, поелику завоеванныя нами у Турокъ земли ровняются своимъ пространствомъ тремъ частямъ всея Венгріи. Нельзя однако же съ другой стороны отрещи и того, чтобъ миръ цесарцамъ не былъ нуженъ; ибо народъ Венгерскій въ общественномъ своемъ совѣтѣ предложилъ основаніемъ такіе предметы, которые не къ иной какой клонятся цѣли, какъ единственно къ опроверженію тяжкаго имъ въ ихъ областяхъ нынѣшняго образа правленія. Для сей то причины кажется цесарцамъ миръ нужнымъ, дабы иначе имъ не быть принужденными согласиться на всё то, что̀ Венгерцы отъ нихъ потребуютъ. На сихъ самыхъ дняхъ прибывшій сюды повѣренный отъ областныхъ Венгерскихъ чиновъ, сдѣлалъ предложеніе: „чтобы Австрійцы „не заключали мира съ Турками, не пре„дувѣдомивъ о томъ упомянутыхъ чи„новъ, которые тогда не преминутъ всту„пить съ ними въ общее совѣтываніе о „семъ предметѣ"; но когда ему отвѣтствовано было, что почитаютъ за невозможное удовольствовать его требованія, то онъ изліялъ неудовольствіе своего народа неожиданно отважными выраженіями.

Въ самомъ дѣлѣ, ежели весь народъ провѣдаетъ о тѣхъ статьяхъ, на которыхъ основанъ миръ, то сіе непремѣнно будетъ источникомъ чрезвычайнаго волненія въ ономъ; ибо та малая округа, которую Леопольдъ въ силу замиренія получаетъ въ Кроаціи при рѣкѣ Уннѣ, едва довольна вмѣстить тѣла какъ убитыхъ, такъ и умершихъ во время сея войны. А весьма вѣроятно, что какъ нынѣ Австрія уступаетъ усиленіямъ *третьяго*, то и условія, постановляющія миръ, не могутъ быть продолжительными и не зыблемыми для онаго. При томъ и Россія повидимому должна быть принужденною отъ сего *третьяго*, союзника съ Турціею, дѣйствовать такимъ же образомъ. Но удастся ли въ семъ Прусскому владѣльцу успѣть, покажетъ время. Полковникъ Лузи долженствовалъ бы въ сей самый день быть въ Букарештѣ; можетъ быть, еще прежде его туда прибытія произойдетъ уже сраженіе. Турки подъ предводительствомъ великаго визиря перешли подъ Браиловымъ чрезъ Дунай, и идутъ прямо на принца Кобурга, который, оставя 10,000 Россіянъ въ резервѣ, самъ ожидаетъ непріятеля на нашихъ предѣлахъ. Его сила простирается до 45000 человѣкъ, а напротивъ того Турки въ двѣ трети многочисленнѣе цесарцовъ. Я, будучи ревностнымъ подданнымъ короля Венгерскаго, желаю, чтобы Турки были разбиты. На войнѣ щастіе всегда колеблется, и хотя бы мы и были отъ непріятеля поражены, но и сія потеря будетъ для насъ тогда успокоеніемъ, что уже наставшій миръ пресѣчетъ всякое кровопролитіе.

Леопольдъ никогда быть не можетъ другомъ воинственныхъ душъ, ибо вся его система основывается на миролюбивомъ бездѣйствіи. Естьли бы онъ началъ владычествовать надъ сею землею въ мирное время, то конечно онъ бы могъ многихъ содѣлать щастливыми, но въ настоящемъ смутномъ положеніи начавъ царствовать, со всѣмъ своимъ разумомъ великое онъ встрѣтитъ для себя затрудненіе, обратить къ себѣ сердца своихъ подданныхъ.

Союзъ съ Россіею былъ для Австріи

весьма невыгоденъ, да и теперь даже, кажется, что Россійскіе полководцы занимаются единственно сохраненіемъ однихъ себя, не помышляя ни мало о насъ. Ежели бъ они дѣйствовали съ нами совокупно, то бы принудили Турокъ къ испрашиванію мира прежде, нежели третій успѣлъ въ оный вмѣшиваться.

Вчера, то есть $\frac{\text{25 іюля}}{\text{5 августа}}$ привезенъ изъ Вѣны обмѣнъ мирнаго договора, и слѣдовательно теперь не остается никакого сомнѣнія о мирѣ. Австрійцы совершенно негодуютъ на оный, а наипаче, какъ сказываютъ, больше всѣхъ вѣнскіе жители жалуются на предосудительныя статьи сего міра, въ слѣдствіи чего и нашли въ Вѣнѣ прибитое ругательное письмо, содержащее въ себѣ слѣдующія укоризненныя слова:

Леополдъ прибылъ въ Вѣну
И взялъ во владѣніе всю землю.
Теперь Ос. . . уже тамъ
И отвѣчаетъ на все: такъ, такъ.

Въ среду прибудетъ король въ *Брюннъ*, гдѣ пробудетъ со всею своею свитою около двухъ мѣсяцовъ. Все войско, до установленія тишины и утвержденія мира, простоитъ вкупѣ, однакожъ расположася по городамъ, для истощенія снѣденіемъ огромныхъ житницъ. Увѣряютъ, что Польша желаетъ паки отъ Россіи возвратить себѣ ту часть Украины, которую она потеряла въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и что по сему поводу она подала записку Прусскому королю, дабы оное ея требованіе при нынѣшнихъ обстоятельствахъ внести въ общее разсужденіе. Однакожъ всѣ безъ изъятія думаютъ, что сіе требованіе будетъ отринуто, потому что она сама поступила несклоннымъ образомъ въ разсужденіи отдачи Торуня и Данцига.“

Л. Краткая идея объ укрѣпленіи Севастопольскаго пристанища. Севастопольская гавань на западномъ берегу Херсонеса Таврическаго подъ 45° широты, отъ Балаклавы въ 15 верстахъ, отъ Козлова въ 60, отъ Кинбурна въ 250, отъ Акермана въ 300 верстахъ, отъ Адда или Березани въ 270, отъ Киліи или Дунайскаго устья въ 350 и отъ Константинопольскаго пролива въ 560 верстахъ.

Длина залива главнаго отъ запада на востокъ *пять съ половиной верстъ*, ширина 600 саженъ, а глубина отъ трехъ до 11-ть саженъ. На южной сторонѣ главнаго залива есть другіе меньшіе, именно: 1) артиллерійскій, 2) большой заливъ въ 3 версты, 3) гошпитальный и 4) хотинскій; а при сѣв. берегѣ есть 4 губы для малыхъ судовъ. Система укрѣпленія изложена подробно.

М. Выписка изъ письма Коссаковскаго къ Коховскому Василію изъ Варшавы 22 февраля 1791 .... „Перемѣна въ сеймѣ большая. Но поелику доселѣ со стороны двора Петербургскаго нѣтъ никакого отзыва; то всякъ, укрывая свой образъ мыслей, пребываетъ въ тихости. Законы новые установляютъ, уничтожаютъ конституціи. По предложенію госп. *Цецишевскаго*, пріятеля королевскаго, уничтожена конституція 1768 года. Король, кажется, уже не то, что̀ былъ: готовъ слѣдовать системѣ, какъ скоро къ нему отзовутся. Ротмистръ *Дембовскій*, присыланный въ Бендеры отъ князя Іосифа Понятовскаго, возвратился сюда; онъ превозноситъ свѣтлѣйшаго князя до небесъ и хвалитъ войски, кои видѣлъ. Тожъ самое дѣлаетъ и *Гоффманъ*. Словомъ, всѣ поляки, кои только имѣли честь познать свѣтлѣйшаго князя, отдаютъ ему наивысшую похвалу. Смѣло и честію увѣряю, что вообще есть похваляемымъ, и что чинимыя первыя импрессіи сейму нималѣйшаго не имѣютъ успѣха. Король приглашаетъ меня ежедневно къ обѣду или ужину, величаетъ свѣтлѣйшаго князя, спрашиваетъ непрестанно о Молда-

віи и Валахіи, о людности, о красотѣ и доходахъ сего края".

Между тѣмъ Василій Коховскій въ своемъ письмѣ къ Василію Степановичу Попову дѣлаетъ такой отзывъ о Коссаковскомъ: „Яковъ Ивановичь Б. (улгаковъ?) между прочимъ пишетъ ко мнѣ: увидимъ, что выдетъ. Коссаковскій говоритъ громко и хорошо. Поведеніе его я, думаю, по пріѣздѣ къ вамъ удивитъ васъ. Онъ, думаю, вовсе не имѣетъ въ головѣ быть въ нашей службѣ, если не быть первымъ по князѣ человѣкомъ. Онъ пишетъ къ князю и графинѣ, что недоволенъ Бендерами и кажется больше всѣхъ Василіемъ Степановичемъ.

Я за нужно почелъ сіе сообщить вамъ. Ко мнѣ же Коссаковскій пишетъ вотъ что: нарекая на мою судьбу, объявилъ я послу, чѣмъ я есмь. Къ гетманшѣ пишу пространно, объясняясь...—

Яковъ Ивановичь пишетъ ко мнѣ, чтобъ я прислалъ къ нему своего Михаила Васил. (т. е. сына). Довершите, м. г., ваши ко мнѣ благотворенія и причислите его къ посольству, оставя до времяни въ военной службѣ. Не потому, что говорю о моемъ сынѣ, но говорю правду, что онъ можетъ быть пригоднымъ человѣкомъ. Яковъ Ивановичь беретъ его на свои руки и на свое попеченіе. Успокойте меня симъ..."

Н. Письмо. В. Коховскаго къ В. С. Попову. Генв. 13-го 1793 г. *м. Балта.*

Въ бытность мою въ *Дубосарахъ* (здѣсь былъ на р. Днѣстрѣ размѣнъ мировыхъ трактатовъ между агентами Россіи и Турціи, подлѣ Бендеръ) просилъ я госп. *Сичкарева* о сочиненіи стиховъ на сей новый годъ, кои, напечатавъ *въ типографіи* отца протопопа *Стрельбицкаго*, пріемлю смѣлость при семъ препроводить къ вашему превосходительству. Не дерзское умствованіе и предпріятіе умножить славу безсмертную безсмертной императрицы возглашеніемъ при Днѣстрѣ ея дѣяній (она здѣсь дала проэктъ къ учрежденію 4-хъ новыхъ городовъ въ новопріобрѣтенной отъ Турціи области), но всеподданническая ревность за особливое о сей новопріобрѣтенной области матернее ея попеченіе, осмѣлили меня приступить къ напечатанію ихъ въ *Дубосарской* типографіи, щедротами ея императорскаго величества устроенной. Букварь, тамъ же напечатанный, препровождаю при семъ. Стиховъ напечатано 50-ть экземпляровъ. (*). Изъ нихъ 10-ть я удержалъ у себя. Я не выпущу ихъ до полученія вашего на то соизволенія."

О. По поводу торговъ на питейный откупъ въ будушее 4-хъ—лѣтіе съ 793 по 797-й годъ по Екатеринославскому намѣстничеству свѣдѣнія о состояніи края этого. Письмо губернатора Коховскаго отъ 30 ноября 1792 года къ Попову: 1) *Условія отдачи откупа*: „Дозволяется всякаго рода и званія людямъ возить горячее вино и онымъ на фрукты наливное въ Екатеринославское намѣстничество для продажи и на домашнее употребленіе изъ Кіевской, Черниговской, Новгород-Сѣверской, Харьковской, Воронежской и другихъ губерній, тожъ и изъ Польши во всѣ 15-ть уѣздовъ

(*) Изъ вѣдомости четырехъ уѣздовъ, составляющихъ новопріобрѣтенную отъ Порты область и присоединенную 30-го ноября 1794 года къ Екатеринославскому намѣстничеству, видно, что города эти предполагались: 1) при деревнѣ Голтѣ, 2) при новыхъ Дубосарахъ на Днѣстрѣ, (здѣсь же и Григоріополь Армянскій), 3) при Гаджибеи Греческой городъ и 4) при бывшей Очаковской крѣпости. Лука Сѣчкаревъ былъ еще творцомъ одъ: 1) на пожалованіе званіе президента военной коллегіи князю Потемкину 4-го февр 1784 года; 2) 1787 года на полученіе титула *Таврическій*, 3) на взятіе острова Березани въ ноябрѣ 1788 г. 4) на взятіе Очакова 6-го дек. 1788 года, 5) на взятіе Бендеръ нояб .4-го 1789.

Екатеринославскаго уѣзда, имянно: въ Екатеринославъ, Новомосковскъ, Алексополь, Градищъ, Полтаву, Константиноградъ, Славянскъ, Бахмутъ, Донецкъ, Маріуполь, Павлоградъ, Херсонъ, Новомиргородъ, Елисаветградъ и Александрію, сверхъ того три мѣстечка: Кременчугъ, Береславъ и Николаевъ съ ихъ округами.

2) Состоявшаяся цѣна откупа на торгахъ за все намѣстничество во всѣхъ уѣздахъ 291,500 рублей.

3) Прошеніе отъ повѣренныхъ градскихъ обществъ объ отдачѣ имъ откупа по состоявшейся на торгахъ цѣнѣ; въ прошеніи перечисляются бѣдствія, постигавшія туземцевъ. *Начало прошенія*: „Со времени поселенія нашего въ бывшихъ Новороссійской и Азовской губерніяхъ, преображенныхъ потомъ въ намѣстничество Екатеринославское, мы, неся тягости гражданскія, терпѣливо и проч.... неизчисляя случаевъ до начатія бывшей первой и потомъ благополучно оконченной съ Портою войны,—свирѣпствовавшія по всему здѣшнему краю а) въ 1778, 779 и 780 *саранча*, б) въ 781 *дороговизна хлѣба*, в) въ 784-мъ чума, д) чрезъ $1^1/_2$ года послѣ этого *2-я война съ Турціею*, въ которой мы участвовали на равнѣ съ земледѣльцами выстатченіемъ провіанта съ душъ, подъемныхъ лошадей и воловыхъ фуръ, а когда общества наши уменьшились обращеніемъ членовъ ихъ болѣе 11,000 на службу военную, то платою податей и повинностей ихъ за нихъ по договору; *подряды же и винные откупы всегда отбивали у насъ иногородцы* своими надбавками. По сему просимъ теперь оставить за нами, какъ состоялось на торгахъ. Повѣренные отъ Кременчуга: Приваловъ, Аршиновъ, Тетериновъ и Пенчуковъ; отъ Константинограда Бочеровъ, Прокоповъ и проч. Прошеніе имѣетъ историческую важность для уразумѣнія особенностей и тягостей быта въ новонаселенномъ краѣ.

II. Дѣловыя бумаги и письма къ князю Василію Михайловичу Долгорукову Крымскому.

Рукою В. Ст. Попова: 11 іюня 1780.

Письмо Я. Ельчанинова къ кн. В. М. Долгорукому объ Іосифѣ II.

Милостивый государь мой князь В. М.

Вѣдая, что вашему сіятельству не неугодно будетъ знать обстоятельствы бытности здѣсь знатнаго чужестранца *графа Фалкенштейна*, неизлишнимъ почелъ вамъ донести о томъ, что сей гость принятую имъ маску наблюдаетъ во всей точности. Во первыхъ не согласился взять приготовленной для него во дворцѣ квартеры, но занята оная впередъ присланнымъ свиты его капитаномъ. Въ нижнемъ городѣ, въ партикулярномъ купеческомъ домѣ, спитъ самъ и его свита на соломѣ, за все съѣстное такъ какъ и за квартиру платилъ весьма щедро, отъ всей пышности какъ только можно себѣ представить, удаленъ, ни караулу и никакихъ военныхъ почестей не имѣлъ, ихъ не принялъ, велъ себя сколько кротко, столькожъ ко всемъ благосклонно, и однимъ словомъ во всѣхъ случаяхъ доказывалъ характеръ благосклоннаго, умнаго и надъ мѣру снисходительнаго человѣка, награждалъ же все сіе чрезмѣрнымъ любопытствомъ, не пропуская ничего, чтò только стоило онаго, ни свѣтскаго, ни духовнаго; смотрѣлъ наши разводы и войска съ эволюціями при бытности генерала фельдмаршала въ лагерѣ, входилъ въ познаніе разныхъ подробностей полковыхъ, въ томъ числѣ и въ печенье хлѣбовъ, и хотя онъ не имѣлъ обыкновенія нигдѣ кушать кромѣ своего стола, но солдатскіе сухари въ лагерѣ отвѣдывалъ, и нѣсколько въ карманъ съ собою взялъ, заплатя за каждой сухарь слишкомъ по два червонные. Препроводя такимъ образомъ къ общему всѣхъ здѣшнихъ жителей удовольствію дни три, на

четвертый изволилъ отправиться въ дальнѣйшій путь, а за нимъ вслѣдъ въ тотъ же день и его сіятельство графъ Петръ Александровичь. Для меня только пріемъ сихъ дорогихъ гостей по слабости здоровья былъ нѣсколько тягостенъ; при всемъ же томъ въ разсужденіи скромности, стройности и во всемъ порядка, все было и для меня сносно. Его сіятельству графу Петру Александровичу угодно было въ день пріѣзда и отъѣзда имѣть у меня обѣдать со всѣми при немъ находящимися. Ея сіятельству милостивой моей государынѣ Настасьѣ Васильевнѣ со всею любезною фамиліею свидѣтельствую мое нижайшее почитаніе, и поручая себя въ непремѣнное продолженіе вашей милости съ моимъ должнѣйшимъ и искреннымъ почитаніемъ и преданностію остаюсь вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга *Іаковъ Ельчаниновъ*.

Маія 31 дня
1780 года.

Письма графа Брюса: а) октября 2-го 1780 г. С. Петербургъ. „О здѣшнемъ ничего достойнаго теперь не нахожу. Былъ у насъ цѣлой табунъ намѣстниковъ, который нынѣ начинаетъ разъѣзжаться. Лучше были приняты *Мещерскій* и *Ступишинъ*, а хуже всѣхъ *Щербининъ*. Скоро получите указъ отъ насъ отъ Сената, сколько намѣстниковъ власть и ихъ великолѣпіе сокращается. б) ноября 9-го 778 года: о прапорщикѣ *князь Хилковѣ*, нерадѣніи его къ службѣ и фанфаронствѣ и объ исключеніи изъ службы... „Весельи у насъ всѣ у двора, *Макаоръ* таковой же какъ и прошлого года". в) *марта 2-го 781 года:* „Вчера камерфрейлина сговорена за графа Браницкаго: сговоръ происходилъ въ Тронной залѣ". г) апрѣля 6-го 781 года: „У насъ только и вѣстей, что новыя невѣсты изъ корпуса фрейлинскаго: фрейлина *Синявина* за графа Семена Романовича *Воронцова*, а меньшая *Ланская* за маіора *Мацнева* помѣщика Орловскаго, имѣющаго доходу до 30000 рублей. д) августа 3-го дня 1780 года. Спбургъ. „У насъ свадьба: княжна Черкаская идетъ за капитанъ поручика преображенскаго полка Арсеньева. Хотя они давно ходятъ вмѣстѣ публично, но говорятъ, что княжна стыдится за тѣмъ, что женихъ молоденекъ и тоненекъ; а женихъ за тѣмъ, что невѣста и тучненька и старенька. Боже даруй сему браку благоденствіе!"

Акты о возстановленіи независимости Крыма отъ Турціи, изъ которыхъ болѣе другихъ имѣютъ значеніе по содержанію: а) свѣдѣнія о побѣдахъ Василія Михайловича Долгорукова Крымскаго; б) извѣстія о факторскихъ дѣйствіяхъ Веселицкаго въ Крыму по порученію князя Долгорукаго; в) дипломатическая записка графа Никиты Ивановича Панина, присланная князю Крымскому съ генералъ-порутчикомъ *Щербининымъ* въ Крымъ для соблюденія полнаго формалитета на установленіе независимаго правительства въ Крымскомъ полуостровѣ; г) манифестъ императрицы о независимости *Крыма отъ Турціи*, 11-го апрѣля 1772 года, въ слѣдъ за депутаціей Крымской къ императрицѣ посланный; д) рескриптъ императрицы новому хану Крыма *Сагибъ-Гирею*, возстановленному въ правахъ наслѣдія и автономіи въ Крыму 11-го апрѣля 778 года; е) инструкція Евдокиму Алексѣевичу Щербинину по дѣлу независимости Крыма: „Вашъ долгъ показывать, сказано въ инструкціи, что Россія не навязывается сама на это возстановленіе, но какъ бы по неволѣ въ слѣдствіе прозьбы хана и Татаръ Крымскихъ содѣйствуетъ отдѣлу ихъ отъ Турціи и принимаетъ ихъ въ союзъ съ собою, потому что они прямо желали этого для обеспеченія своей навсегда независимости. Для прочнаго окончанія дѣла по законной формѣ даемъ вамъ,

какъ опытному въ сихъ дѣлахъ лицу, уполномочіе, 5000 рублей на подъемъ и 5000 рублей на прожитіе тамъ и слѣдующія правила поступать вамъ:

1) Въ основѣ трактата, чтобы пути и средства къ мореплаванію и коммерціи Черноморской были намъ даны, а для обезпеченія общей безопасности и крѣпости Крымскія намъ отданы для войскъ нашихъ.

2) Запросы и домогательства, Веселицкаго, не въ попадъ сдѣланные, узнать и отстранить, а теперь успокоить.

3) Вести себя съ ханомъ покорно, какъ съ независимымъ лицомъ и при свитѣ, честь и величіе ему выражающей.

4) Обязать хана и Татаръ не подчинять себя никакой державѣ т. е. ни съ кѣмъ болѣе кромѣ Россіи не имѣть союзовъ.

5) Объяснить хану, что такое торжественное посольство дѣлается только отъ знатной въ свѣтѣ державы подобной себѣ державѣ. На расходы для успѣха въ негоціаціи вашей дается вамъ 30,000 р., на подарки хану и другимъ—вещей на 20,000 р. и проч. и пр. Инструкція состоитъ изъ 25-ти пунктовъ, напоминающихъ басню о лисицѣ и воронѣ, сидящей съ сыромъ на вершинѣ дерева.

ж) Описаніе пріема Крымской депутаціи въ С. Петербургѣ. Во главѣ ея былъ *Ширинъ Измаилъ мурза*. Подарки имъ денежные въ 3980 руб. 24-мъ человѣкамъ, платье новое сшито всѣмъ на 2899 руб. 88½ коп. и на обратный путь прогоны и суточные, а на все истрачено 7028 руб. 40 коп.

з) Депутатамъ милостивая грамота дана на все Крымское общество, въ которой поздравленіе съ независимостію и объявленіе о торжественномъ посольствѣ въ Крымъ изъ Россіи для заключенія союза.

и) Рескрипты: а) прямо одному хану Сагибъ-Гирею: „свѣтлѣйшему и славнѣйшему Крымскому хану Сагибъ-Гирею наша императорская милость и поздравленіе по поводу его избранія въ ханы.“ б) Особо начальникамъ Крымскимъ: „мурзамъ, агамъ, духовному чину и всему благонамѣренному обществу наша императорская высочайшая милость и благоволеніе, по случаю выбора ими Сагибъ-Гирея въ ханы.“

Рескрипты подъ буквою а) и б) посланы съ *Калга Салтаномъ*, который пріѣзжалъ въ С. Петербургъ съ извѣстіемъ о выборѣ Сигибъ-Гирея въ ханы и съ прозьбой объ отдачѣ плѣнныхъ Татаръ.

і) По случаю отправленія *Калги Салтана* обратно въ Крымъ чрезъ Полтаву, гдѣ тогда князь Долгорукій стоялъ, графъ Никита Ивановичь Панинъ послалъ князю Крымскому письмо съ извѣстіемъ о пріемѣ Калги Салтана въ С. Петербургѣ и о подаркахъ ему и его запросахъ. При этомъ Н. И. Панинъ наставляетъ князя, какъ онъ долженъ обходиться съ Калгою, что̀ отвѣчать на его запросы и до какой степени удовлетворять его требованіямъ.

3) *Генерала Григорія Александровича Потемкина* февраля 4-го 776 года: „Стараясь по званію моему о учрежденіи при государственной военной коллегіи такой архивы, въ которой бы всѣ движенія войскъ на память будучимъ временамъ сохраняемы были, за долгъ поставляю себѣ просить ваше сіятельство о присылкѣ въ коллегію журнальной карты бывшимъ подъ предводительствомъ вашимъ дѣйствіямъ 2-й арміи со дня вступленія вашего въ командованіе оною до возврата войскъ въ границу.“

4) *Письма гр. З. Г. Чернышева къ Долгорукому* и числомъ и содержаніемъ замѣчательны, имянно въ 1774 году писанныя. Здѣсь есть извѣстія о дѣйствіяхъ Александра Ильича Бибикова по его рапортамъ въ военную коллегію противъ Пугачева; по смерти Бибикова 9-го апрѣля 1774 года занялъ его мѣсто князь

Щербатовъ. Пугачевъ еще при Бибиковѣ бѣжалъ въ Башкирію. Въ маѣ подполковникъ Михельсонъ взялъ Уфу. Пугачевъ опять бѣжалъ. Въ то же время, имянно іюня 6-го 774 года, генералъ-аншефъ Григорій Александровичъ Потемкинъ въ виц-президенты военной коллегіи возведенъ.

а) *іюля 25-го 774 года*, что графъ полковникъ Румянцовъ прибылъ въ С. Петербургъ курьеромъ съ извѣстіемъ о заключеніи мира съ Турками. Главнѣйшіе пункты договора: 1) Крымъ въ независимости, 2) свобода намъ плаванія по Черному морю и на всѣхъ другихъ, 3) крѣпости Керчь, Ениколь и Кинбурнъ навсегда наши, равно 4) и мѣста между Бугомъ и Днѣпромъ наши. 5) Порта намъ еще платитъ 4 милліона съ половиной рублей и наконецъ 6) сдѣлаетъ еще нѣкоторое уваженіе въ облегченіи Молдавіи и Валахіи. Чрезъ 5-ть дней явится князь Николай Васильевичъ Репнинъ съ подписаннымъ трактатомъ. Курьеръ графъ Михаилъ Петровичъ за извѣстіе въ генералъ-маіоры пожалованъ, а маіоръ князъ Гагаринъ въ камеръ-юнкеры. *С. Петербургъ іюля 29-го 1774.* Злодѣя Пугачева сколько ни разбиваютъ, но видно не такъ какъ надобно, ибо онъ продрался изъ Оренбургской чрезъ Казанскую въ Нижегородскую губернію, отсюда, кажется, имѣетъ виды на Донъ (письмо августа 8-го 774); а наконецъ (С. Петербургъ августа 25-го 774 года), графъ Чернышевъ пишетъ къ князю: Государыня соизволила уволить меня по прошенію отъ званія президента военной коллегіи.

5) *Указы военной коллегіи* князю Василію Михайловичу Долгорукову Крымскому за всѣ годы его войны и команды 2-ю арміею, съ 1771 по 1779 годъ.—Переходъ за Перекопъ и слѣдованіе; входъ въ Крымъ сдѣланъ въ іюнѣ 1771 года. Главнокомандующій 1-ю арміею генералъ-фельдмаршалъ, Малороссійскій генералъ губернаторъ гр. Петръ Александровичь Румянцовъ заключилъ полное для всѣхъ армій перемиріе 19 го маія 1772 года, о чемъ изъ Яссъ письмомъ извѣщаетъ Долгорукого маія 22-го 772 года. Это перемиріе состоялось при посредствѣ императора и короля Прусскаго *въ Журжѣ* на нашей сторонѣ Дуная. Въ письмѣ графа Румянцова къ Долгорукому мая 22-го 772 года имѣется копія 9-ти пунктовъ перемирія до 27-го іюля; послѣ сего числа перемиріе продолжено было еще до 10-го сентября, а за этимъ Румянцовъ согласился еще продлить перемиріе, но только на 40 денъ, а не на шесть мѣсяцовъ, какъ просили Турки. Конгрессъ уполномоченныхъ дипломатовъ (съ стороны Россіи тайный совѣтникъ Алексѣй Михаиловичь Обресковъ, а со стороны Турціи Элгази Абдулъ Разакъ Рейсъ Эфенди) сошлись 26-го октября въ Букарестъ Турецкій и постановили быть еще перемирію до 9-го марта 773 года, а въ Грузіи и Мингреліи до 9 апрѣля, ибо далеко надо извѣщать.

Р. Ноября 21-го дня 1786 года графу Петру Александровичу Румянцову Задунайскому. Военная коллегія, прилагая при семъ росписаніе станцій отъ С. Петербурга до Кіева для высочайшаго шествія ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ Александра и Константина, предписываетъ 1) приготовить, гдѣ назначены обѣды и ночлеги, караулы изъ пѣхотныхъ полковъ при обѣденныхъ дворцахъ въ 24 рядовыхъ съ оберъ и унтеръ офицерами по одному, а при ночлежныхъ по ротѣ со знаменемъ. Путь ея: изъ города Софіи чрезъ городъ Великіе Луки на мѣстечко Усвятъ, отсюда чрезъ городъ Велижъ въ Смоленскъ, Мстиславль, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскъ, губернскій городъ, гдѣ ночлегъ, день и обѣдъ, отсюда на Сосницу съ ночлегомъ здѣсь, изъ Сосницы въ губернскій городъ Черниговъ ночлегъ, день и обѣдъ,

отсюда въ Нѣжинъ ночлегъ и обѣдъ, Козелецъ ночлегъ, Бровары обѣдъ и *Кіевъ*.

Трактъ отъ Екатеринослава въ Таврическую область и обратно до Харькова: до р. Суры, Ненасытинъ — обѣдъ, Канцлерки, Хортицъ ночлегъ, Никополь обѣдъ, Грушевка ночлегъ, Носаковка обѣдъ, Каменка, Бериславль ночлегъ, Никольскъ обѣдъ, Херсонъ — ночлегъ и пребываніе нѣсколько дней.

Отъ Херсона въ Тавриду: Каменной мостъ—обѣдъ, отсюда Перекопъ, до Пяти Колодезей ночлегъ, всего отъ Херсона 129 верстъ, Бакчисарай—ночлегъ, Севастополь ночлегъ и обѣдъ, Бакчисарай ночлегъ, Симферополь обѣдъ, Карасу базаръ ночлегъ, Судакъ обѣдъ, старой Крымъ ночлегъ, Ѳеодосія обѣдъ и ночлегъ, изъ Ѳеодосіи обратно къ Херсону тѣмъ же путемъ. Отъ Херсона къ Кременчугу, отъ Кременчуга до Харькова чрезъ Кобеляки, Полтаву и Константиноградъ. Изъ Харькова на Курскъ, отсюда на Орелъ, Мценскъ, Тулу, Серпуховъ, городъ Подолъ и въ Москву, отсюда въ Тверь, Новгородъ и С. Петербургъ. При проѣздѣ чрезъ Харьковское намѣстничество въ Бѣлгородѣ, Курской губерніи, 12-го іюня 1787 года пожаловала генералъ губернатору Харьковскому и Воронежскому Василію Алексѣевичу Черткову (*) бриллiантовый перстень и 6000 рублей на подъемъ во ввѣренную ему губернію.

О путешествіи императрицы Екатерины II изъ Кіева въ Крымъ и обратно изъ Крыма до Полтавы имѣется въ архивѣ много интересныхъ извѣстій оффиціальныхъ и частныхъ. Любопытнѣйшіе изъ нихъ постараюсь когда либо на досугѣ передать въ Русскій Архивъ. А. С.

С. Путешествіе Лаксмана въ Японію. (Записка).

По соизволенію ея императорскаго величества 1791-го 13-го сентября указомъ на имя генералъ-губернатора Иркутскаго и Колыванскаго Ивана Алферьевича Пиля отправленъ въ Японію для возвращенія Японцевъ, спасшихся съ судна, разбившагося при Алеутскихъ островахъ, *Лаксманъ*. Онъ по ордеру выѣхалъ въ Охотскъ апрѣля 4-го и прибылъ сюда 30-го мая, а съ 13-го сентября 1792 года отправился въ путь изъ р. Охоты на югъ въ море. Путешествія этого имѣется здѣсь подробный дневникъ, въ которомъ означены событія перезимовки Лаксмана съ свитою на Курильскихъ островахъ у 22-го острова, гдѣ жили *мохнатые Курильцы*. Сихъ людей Японцы называютъ *Эззо-Джихито*, землю же ихъ или Сѣверную часть, гдѣ живутъ мохнатые Курильцы, *Эззо;* мохнатые же зовутъ себя *Аино*. Отсюда *въ Матмай* къ губернатору Матмайскому по титулу *Шимано Камисама* посланы депеши. Губернаторъ жилъ отъ стоянки судна *на 300 Японскихъ Ри. Ри* есть Японская верста въ 2160 саженъ, что̀ и составитъ 1246 верстъ Русскихъ. Депеша Русская гласная на имя губернатора адресована такъ: „Великаго Нипонскаго государства Матмайской губерніи главнокомандующему Шимано Камисама", а императоръ Японіи титулуется въ ней такъ: „Его Темсинъ Кубанское величество". До полученія отвѣта шли взаимные осмотры, переговоры и знакомства. Въ дневникѣ значится относительно Японцевъ, что

1) Ихъ землеописаніе — древнѣйшая часть знаній, мало сходная съ своевременными научными знаніями о землѣ.

2) Японцы во всемъ государствѣ называютъ однимъ именемъ себя *Кумазо*; фамилія употребляется только въ письменныхъ дѣлахъ.

3) Островъ *Матмай* или *Эззо* съ островомъ Карапъ, лежащіе на Юго-Западъ и Сѣверо-Западъ отъ Матмая, списалъ, по ихъ картамъ, штурманъ *Ловцовъ*.

(*) Родному прадѣду Г. А. Черткова, нынѣшняго владѣльца Чертковской библіотеки. *П. Б.*

4) Карапы торгуютъ съ Корейцами своими добычами пушными и кожами дикихъ козъ.

5) Пристань, въ которой стояло Русское судно, называется *Нимуро*.

6) 1793 года генваря 31 дня былъ у Японцевъ новый годъ. Годъ ихъ лунный изъ 12-ти мѣсяцовъ, а въ 4-й годъ изъ 13-ти мѣсяцовъ. Для отдыха отъ работъ у нихъ 1-е и 15-е числа родъ праздниковъ для всѣхъ. На конецъ новаго года зажигаютъ курительныя свѣчи предъ идолами и, ходя по угламъ, бросаютъ жареной горохъ крича: «*Онисва сото фуку удэжи*», т. е. дьяволъ вонъ, добро останься. Въ новой годъ желаютъ другъ другу щастія и цѣлый мѣсяцъ первой пребываютъ въ покоѣ. Часы опредѣляются горящимъ фитилемъ, по ровну на части узелками раздѣленнымъ и возвѣщаются въ ихъ храмахъ ударами въ колоколъ.

7) Младенцу, родившемуся хотя бы за день до новаго года, всегда считается цѣлый годъ. Лѣтосчисленіе ихъ начинается отъ *Нинъ-о*, за 660 до Р. Хр. *Нинъ-о* былъ первый государь въ Японскомъ государствѣ, который ввелъ между Японцами лѣтосчисленіе и вовсе перемѣнилъ прежніе законы въ ихъ правленіи.

8) Небесныхъ знаковъ также считаютъ 12-ть подъ слѣдующими именами: 1-й *Не*—крыса, 2-й *Уши*—быкъ или корова, 3-й *Тора*—тигръ, 4-й *Уу* — заяцъ, 5-й *Татсу* — драконъ, 6-й *Ми* — змѣя, 7-й *Унма* — лошадь, 8-й *Хитцуги* — баранъ, 9-й *Сару*—обезьяна, 10-й *Тори* — пѣтухъ или курица, 11-й *Ину* — песъ и 12-й *И*—кабанъ.

9) О Русскомъ народѣ Голландцы внушили имъ дурное понятіе. Одинъ изъ Эзовскихъ чиновниковъ *Танаби Яссузо*, служившій 9-ть лѣтъ въ городѣ *Нангасаки* при Голландцахъ, слышалъ отъ нихъ секретно: «Кто въ Россію попадется, съ тѣми тамъ поступаютъ жестоко и варварски», по сему «и теперь васъ боятся и подозрѣваютъ въ злости. Вамъ даже опасно однимъ ѣхать къ императору: побьютъ васъ жители.»

10) Въ пристани Нимуро туземные чиновники продержали Русскихъ своими переговорами о пути къ губернатору въ резиденцію до конца мая, именно требовали отъ Русскихъ, чтобы они отправились туда сухимъ путемъ, а не моремъ. Наши находили такое требованіе во всѣхъ отношеніяхъ неудобоисполнимымъ, для себя и несовмѣстнымъ съ цѣлями своего пріѣзда въ Японію. Наконецъ Лаксманъ настоялъ на своемъ и отправился въ резиденцію къ губернатору моремъ, а не сухимъ путемъ. Въ дневникѣ подробно описаны всѣ приключенія нашихъ соотечественниковъ во время этого мореплаванія и всѣ церемоніи пріема ихъ генералъ-губернаторомъ и прощанія его съ ними. Изъ командировки Лаксманъ возвратился въ Иркутскъ въ генварѣ 1794 года.

Записки графа Бассевича (*).

III.

Никогда Портѣ не представлялось столь благопріятнаго случая распространить свои предѣлы со стороны Персіи, какъ во время возмущенія Миривейса. Приверженецъ секты Омара, онъ увѣрялъ, что вдохновенъ Богомъ и его великимъ пророкомъ Магометомъ къ истребленію Софи и его дома, которые служили опорой сектѣ Али. Муфти и янычары горѣли желаніемъ присоединить силы Султана къ войскамъ князя Кандагарскаго ([66]). Но великій визирь воспротивился этому и съумѣлъ внушить своему государю, что блистательной Портѣ приличнѣе покровительствовать несчастному монарху, чѣмъ возмутителю. Дабы заставить мятежниковъ уважать владѣнія его султанскаго величества, по всей персидской границѣ выставлены густыя колонны войскъ, и рѣшено благосклонно принимать бѣглецовъ изъ этого государства, а самому Софи воздать великія почести, если бы онъ вздумалъ искать убѣжища въ Турціи. Великій визирь былъ убѣжденъ, или по крайней мѣрѣ старался убѣдить своего государя, что персидское государство въ непродолжительномъ времени распадется само собою, и что тогда его величество воленъ будетъ взять все, что̀ найдетъ для себя удобнымъ, а остальное великодушно возвратитъ законному государю. Онъ не воображалъ, что на сѣверѣ Персіи дѣятельный сосѣдъ уже готовился въ тишинѣ къ успѣхамъ, которые вскорѣ сильно встревожили диванъ.

Прежде чѣмъ оставить Петербургъ и обезпеченныя Ништадскимъ миромъ завоеванія, чтобъ обратиться къ новымъ въ другой части свѣта, Петръ великій выразилъ радость свою по случаю этого славнаго мира болѣе блестящимъ дѣломъ, чѣмъ всѣ празднества. То была всеобщая амнистія, распространенная даже на злоумышленниковъ противъ его жизни, за исключеніемъ однихъ только убійцъ и объявлявшая сложеніе податныхъ недоимокъ со времени начала войны до 1718 г., составлявшихъ сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей. Въ указѣ, данномъ сенату ([67]), причина этихъ милостей выражена была въ слѣдующихъ словахъ: „Считая долгомъ воздать славу Всемогу„щему за благодать, ниспосланную намъ „при заключеніи мира и прежде, мы по„лагаемъ, что не можемъ показать этого „болѣе достойнымъ образомъ, какъ даруя „прощеніе и изливая благодѣянія на наши „народы".

18-го декабря 1721 г. царь, во главѣ своихъ гвардейскихъ полковъ, торжественно вступилъ въ Москву, но отсрочилъ на шесть недѣль празднованіе мира, желая прежде всего внимательно обозрѣть приготовленія, предписанныя имъ по поводу предстоявшей войны противъ похитителя персидскаго престола, и приступить къ нѣкоторымъ распоряженіямъ, полезнымъ и необходимымъ для общаго блага. Единственное развлеченіе, которое онъ позволилъ себѣ въ это время труда, было *славленье* ([68]). Оно продол-

(*) См. Русскій Архивъ, 1865 г., вып. 1 и 2.

([66]) Т. е. Миривейса. Этотъ знаменитый вождь, уроженецъ Кандагарской области, успѣлъ освободить свою родину изъ подъ власти Персидскаго шаха, нанесъ великія бѣды Персіи и умеръ самостоятельнымъ государемъ въ 1717 г. (См. Zedlers Universallexicon, т. 22. стр. 1743—1744). *Софи* есть названіе Персидскихъ шаховъ вообще *П. Б.*

([67]) Полн. Собр. Законовъ, т. VI, № 3842

([68]) *Славленье*, отъ *слава*, что̀ значитъ *хвала*. Отсюда старинныя имена знатныхъ людей: Вити*славъ*, Прими*славъ*, Боги*славъ* и другія. Могущественная нація, древній языкъ которой былъ родоначальникомъ стольких новѣйшихъ языковъ европейскихъ, называлась *Славянскою*, т. е.

жается съ Рождества до дня св. Крещенія. Это ничто иное, какъ поѣзды въ саняхъ, предпринимаемые духовенствомъ для пѣнія по домамъ гимновъ въ честь Новаго года. Въ прежнія времена члены царской семьи не участвовали въ нихъ, и патріархъ, или какой нибудь архимандритъ, назначавшійся предводителемъ процесссіи, хорошо угощаемый со всей его свитой, собиралъ щедрые дары отъ набожности людей богатыхъ; императоръ, напротивъ, любилъ еще и въ молодости пользоваться этимъ случаемъ, чтобъ удостоивать своего присутствія всѣ знатныя дома, и употреблялъ ихъ приношенія въ пользу госпиталей и другихъ благотворительныхъ заведеній. На сей разъ онъ ничего не собралъ, потому что допустилъ въ процессію князя-папу и его двѣнадцать кардиналовъ-пьяницъ, отъ чего она получила болѣе характеръ шутки, чѣмъ религіознаго обряда. Что касается до празднествъ по случаю мира, то монархъ открылъ ихъ раздачею изъ своихъ рукъ золотыхъ медалей, цѣною отъ 5-ти до 35 червонцевъ, всѣмъ своимъ подданнымъ и служителямъ, сколько нибудь извѣстнымъ, а также лицамъ знатнымъ высшаго духовенства, иностраннымъ министрамъ и министрамъ голштинскаго двора. Надпись на медаляхъ гласила, что онѣ сдѣланы изъ золота, добытаго въ русскихъ рудникахъ.

Послѣ этого, онъ ввелъ въ собраніе дочь свою царевну Елизавету Петровну, которой было двѣнадцать лѣтъ, приказалъ подать себѣ ножницы, обрѣзалъ помочи съ лифа ея робы, отдалъ ихъ ея гувернантѣ и объявилъ принцессу совершеннолѣтнею; а вслѣдъ за тѣмъ надѣлъ на герцога Голштинскаго цѣпь и ленту ордена св. Андрея. Любовь къ морю нигдѣ не покидала царя. По его приказанію устроены были великолѣпныя маскерадныя катанья на саняхъ. Чтобъ восполнить недостатокъ моря и флота, санямъ придана была форма морскихъ судовъ, и изъ нихъ самыя небольшія могли вмѣстить отъ 10 до 12 человѣкъ, и везлись шестью лошадьми. Между ними наибольшее вниманіе обращали на себя турецкое судно (Saique) князя валашскаго, одѣвавшагося то муфтіемъ, то великимъ визиремъ, окруженнаго прекрасной и многочисленной турецкой свитой, и гондола императрицы, закрытая зеркальными стеклами и снабженная хорошо натопленною печью. Сани императора изображали военный 2 ярусный корабль съ 3 большими мачтами, надлежащимъ экипажемъ и поставленными между множествомъ фальшивыхъ десятью настоящими пушками, изъ которыхъ часто палили. Монархъ приказывалъ дѣлать на улицахъ всѣ морскіе маневры, такъ что даже полагали, что 16 лошадей, которые везли его корабль, только при помощи парусовъ могли сдвигать его съ мѣста.

1722. Возвратимся къ распоряженіямъ, которыя предшествовали этимъ забавамъ и нѣсколько задержали ихъ. Императоръ давно замѣчалъ все неудобство того, что сенаторы были президентами различныхъ судебныхъ мѣстъ: отсюда происходило, что всякій изъ этихъ господъ произвольно могъ располагать правосудіемъ въ своемъ вѣдомствѣ. Сопротивленія подчиненныхъ и жалобы обиженныхъ были безполезны, а аппеляціи въ Сенатъ оставались безъ дѣйствія, потому что члены его взаимно покрывали другъ друга. Во избѣжаніе всего этого, императоръ 12 янв. 1722 г. повелѣлъ объявить въ Сенатѣ указъ, гласившій: „Что ни„кому изъ наличныхъ сенаторовъ не дол-

---

достойною хвалы. Впослѣдствіи она была порабощена и разсѣяна; множество взятыхъ у нея плѣнныхъ, употребленныхъ на самыя низкія работы, превратило прежде столь знаменитое имя Славовъ или Эсклавовъ въ имя презрительное.

Примѣч. составителя „Записокъ“.

„жно быть поручаемо управленіе отдѣль-„нымъ вѣдомствомъ, дабы ничто не от-„влекало ихъ отъ заботъ объ общемъ „благѣ имперіи; что президенты имѣютъ „являться въ Сенатъ лишь въ извѣстныхъ, „опредѣленныхъ случаяхъ, что приказы „или канцеляріи будутъ имѣть своихъ „прокуроровъ, а Сенатъ—генералъ-про-„курора, къ которому первые обязаны „обращаться съ донесеніями; что Сенату „предоставляется предлагать извѣстное „число достойныхъ кандидатовъ, для заня-„тія вакантныхъ мѣстъ въ различныхъ „совѣтахъ по вѣдомствамъ юстиціи, воен-„ному, морскому, финансовому, горному, „мануфактурному, коммерческому, ино-„странныхъ дѣлъ, и проч.; что изъ этихъ „кандидатовъ его императорское величе-„ство будетъ утверждать тѣхъ, кого за-„благоразсудитъ, за исключеніемъ только „лицъ, опредѣляемыхъ въ судебныя мѣ-„ста; ему угодно, чтобъ въ этомъ случаѣ „избранные кандидаты бросали между со-„бой жребій, дабы при раздачѣ мѣстъ, „столь важныхъ для блага гражданъ, не „могло возникнуть и малѣйшаго подозрѣ-„нія въ расчетѣ или пристрастіи“. Эти выборы могли легко устроиться при общей ревизіи, назначенной въ Москвѣ для дворянъ и гражданскихъ и военныхъ чиновъ имперіи. Четыре указа или опредѣленія (edits) (отъ 8-го и 30-го августа, 24-го сент. и 24-го октября 1721 г.) послѣдовательно созывали ихъ ко времени пріѣзда императора. Но такъ какъ сборъ все еще не находили достаточно полнымъ, то послѣдовалъ пятый указъ отъ 11-го янв. 1722 г. ([69]) Онъ назначалъ 1-е марта послѣднимъ срокомъ для тѣхъ, которымъ дѣла или болѣзнь мѣшали до тѣхъ поръ явиться, и объявлялъ, что лица, которыя и затѣмъ не явятся и не представятъ законныхъ оправданій, будутъ сочтены ослушниками высочайшей воли, подвергнутся лишенію имуществъ и шельмованію, и кровь ихъ, если будетъ кѣмъ нибудь пролита, останется безъ отмщенія.

Такое строгое понужденіе заставляетъ наконецъ всякаго спѣшить появленіемъ на призывъ. Въ числѣ гражданскихъ чиновниковъ оказывается лишь человѣкъ двадцать иностранцевъ. Призвавъ ихъ къ себѣ и выслушавъ списокъ ихъ именъ и должностей, государь обратился къ нимъ только съ слѣдующими немногими словами: „Идите по домамъ съ Богомъ“. Природные же Русскіе подвергнуты были допросамъ въ присутствіи особо назначенныхъ по сему случаю комиссаровъ. По прочтеніи имъ увѣщанія говорить истину, которая одна могла уничтожить ихъ проступки, и избѣгать лжи, которая усилила бы заслуженное наказаніе, они между прочимъ должны были отвѣчать на слѣдующіе вопросы: Кѣмъ поручены имъ занимаемые ими должности, или какимъ образомъ они достигли ихъ? Не расхищали ли казны государевой? Не были ли публично наказываемы, и если были, то за какія вины? Страшное множество злоупотребленій открылось по протоколу этой коммиссіи. Царь удовольствовался простымъ дознаніемъ и не приказалъ производить по этому поводу никакого слѣдствія; но въ то же время онъ искусно воспользовался присутствіемъ всѣхъ именитыхъ и властныхъ особъ монархіи, дабы, опираясь на ихъ согласіе и присягу, сообщить силу основнаго закона имперіи своему знаменитому указу отъ 5-го февр. 1722 г. ([70]), коимъ давалось право русскимъ государямъ назначать себѣ преемниковъ, помимо условій кровнаго родства. Основою этому указу служилъ изданный государемъ въ 1714 г. законъ о цѣлости

([69]) Полн. Собр. Законовъ, т VI, №№ 3816, 3817, 3825, 3836 и 3874.

([70]) Всѣ числа показаны здѣсь по старому стилю.

Примѣч. составителя Записокъ.

знатныхъ фамилій, которымъ установлялось: чтобъ недвижимыя имущества переходили, безъ раздѣла, къ одному сыну, но чтобъ отъ воли родителей зависѣло назначать наслѣдника и изъ младшихъ сыновей, если они находили, что старшій склоненъ къ расточительности. Вскорѣ послѣ того во всѣхъ провинціяхъ распространена была одобренная Сенатомъ и Синодомъ книга, подъ заглавіемъ: Священныя права монаршей воли въ избраніи наслѣдника престола ([71]). Внимательный ко всему, что̀ касалось нравовъ его народа, императоръ повелѣлъ обнародовать 24-го янв. 1722 г. табель о рангахъ, чрезвычайно странную, но вполнѣ сообразную съ духомъ націи. Чины раздѣлялись въ этой росписи на 16 классовъ, начиная съ генералъ-адмирала, фельдмаршала, великаго канцлера, до прапорщика и морскаго и канцелярскаго коммиссара. Дворъ также былъ раздѣленъ по рангамъ. Дѣвицы стояли четырьмя классами ниже ихъ матерей; дочь кавалерійскаго генерала, на примѣръ, слѣдовала за женою бригадира и предшествовала женѣ полковника. Но сыновья вельможъ не пользовались наравнѣ съ дочерьми преимуществами отцовскихъ чиновъ. Положеніе гласило: что его императорскому величеству всегда пріятно будетъ видѣть ихъ при своемъ дворѣ, но внѣ ранга, хотя бы они происходили отъ благороднѣйшей фамиліи въ имперіи, до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтутъ чина собственными заслугами. Въ ассамблеяхъ и въ обществѣ чины не допускались; но еслибы кто нибудь въ торжественныхъ случаяхъ самовольно присвоилъ себѣ чинъ, ему не принадлежавшій, тотъ платилъ большой штрафъ, отъ чего не были изъяты и дамы. Всякій солдатъ, дослужившійся до штабъофицерскаго чина, дѣлался дворяниномъ, и ему не льзя было отказать въ патентѣ и гербѣ, и наоборотъ, знатнѣйшій бояринъ, опозоренный наказаніемъ, полученнымъ отъ руки палача, понижался въ простолюдины. Такое повышеніе и пониженіе распространялось, впрочемъ, только на дѣтей, имѣющихъ родиться; рожденныя же прежде оставались въ томъ званіи, въ какомъ родились, если только милость или гнѣвъ царя не рѣшали иначе. Всякій молодой дворянинъ, желавшій вступить въ гражданскую службу, обязанъ былъ, какъ и въ военной службѣ, начинать съ низшихъ должностей. Если онъ гдѣ нибудь учился, то начиналъ съ чина прапорщика и въ одиннадцать лѣтъ безпорочной службы достигалъ чина полковника; если же нигдѣ не учился (и тогда его не смѣли опредѣлять иначе какъ за недостаткомъ человѣка ученаго), то долженъ былъ прослужить четыре года въ Приказѣ безъ чина ([72]), чтобъ искупить свое невѣжество, а потомъ повышался, какъ и другіе. Учреждена была должность оберъ-герольдмейстера, и тѣ, фамиліи которыхъ не были извѣстны, должны были доказать передъ нимъ права свои на дворянство. Здѣсь далеко не имѣлось въ виду униженіе дворянскаго сословія, напротивъ все клонилось къ тому, чтобъ внушить ему стремленіе отличаться отъ простолюдиновъ какъ заслугами, такъ и рожденіемъ. Расположеніе царя къ старинному дворянству обнаружилось потомъ въ 1723 г. еще тѣмъ, что онъ даровалъ эстляндскому дворянству отсрочку на десять лѣтъ въ платежѣ должныхъ имъ капиталовъ съ уменьшеніемъ при томъ слѣдовавшихъ по этому платежу процентовъ, для того, какъ сказано

([71]) Извѣстная: *„Правда воли монаршей,“* сочиненіе Ѳеофана Прокоповича.

([72]) Въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Москвѣ было около тридцати Приказовъ, т. е. коллегій и канцелярій, для управленія дѣлами разныхъ провинцій. Петръ Великій многія изъ нихъ уничтожилъ, а остальныя привелъ въ большій порядокъ *Примѣч. составителя Записокъ.*

въ указѣ, чтобъ старинныя эстляндскія помѣстья не сдѣлались добычею городовъ и купцовъ. Москва, хотя и рѣдко удостоивалась присутствія государя, однакожъ тѣмъ не менѣе носила уже отпечатокъ его реформъ. Нравы ея жителей умягчались, ремесла и искусства въ ней совершенствовались. Прекрасная полотняная фабрика, устроенная купцомъ Тамсеномъ, производила уже полотна, которыя могли состязаться съ лучшими голландскими. Пастырскими попеченіями Синода ([73]), въ которомъ самъ императоръ былъ первымъ президентомъ, народъ начиналъ освобождаться отъ суевѣрій своихъ предковъ, или по крайней мѣрѣ привыкалъ спокойно смотрѣть на ихъ охужденіе. При погребеніи молдавскаго князя Кантакузена не было вовсе видно духовенства съ образами, какъ водилось въ старину, а вскорѣ послѣ того, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, былъ обнародованъ указъ — не держать ихъ на улицахъ и въ маленькихъ часовняхъ, стоявшихъ на всѣхъ перекресткахъ, гдѣ они давали грубой черни поводъ къ идолопоклонству. Черезъ два года тоже самое сдѣлано было и въ С.-Петербургѣ ([74]).

Но вотъ все готово къ Каспійскому походу. Публикуется манифестъ съ объясненіемъ, что императоръ желаетъ только наказать невѣжественныхъ хановъ, позволившихъ себѣ оскорбить его, и хочетъ привести къ повиновенію непокорныхъ подданныхъ шаха Гуссейна, на защиту котораго считаетъ себя обязаннымъ стать изъ великодушія. Такое же объясненіе отправляютъ и въ Константинополь; но тамъ, не смотря на подозрѣнія, возбужденныя имъ въ диванѣ, мирное расположеніе великаго визиря сдерживаетъ военный пылъ янычаръ. Поэтому царь, не расчитывавшій на такой счастливый оборотъ дѣлъ и ожидавшій, что Порта вмѣшательствомъ своимъ превратитъ войну эту въ крайне ожесточенную, счелъ необходимымъ лично принять начальство надъ своими войсками. Онъ сдѣлалъ всѣ распоряженія, указывавшія на возможность долгаго его отсутствія и повелѣлъ до своего возвращенія Сенату и другимъ правительственнымъ мѣстамъ пребывать въ Москвѣ.

Такъ какъ въ это время нѣкоторые изъ сенаторовъ, подстрекаемые Кампредономъ, представили ему, что герцогъ Голштинскій, ненавистный для Швеціи и Даніи, можетъ послужить этимъ двумъ державамъ предлогомъ къ нападенію на границы государства, съ такимъ блескомъ оказывающаго ему свое покровительство, то онъ поручилъ внушить этому принцу, что онъ избавилъ бы отъ всякаго безпокойства его императорское величество, если бы удалился въ свои владѣнія и остался тамъ до возвращенія государя изъ Персіи. Оскорбленный такимъ предложеніемъ, герцогъ поручилъ своему министру Бассевичу войдти съ надлежащими представленіями объ отмѣнѣ подобнаго требованія. Министръ обратился къ содѣйствію императрицы, которая неотступными просьбами добилась для герцога позволенія остаться въ Моск-

---

([73]) Синодъ тогда состоялъ изъ пятнадцати лицъ, а именно: 2-хъ президентовъ — императора и митрополита Рязанскаго; 2-хъ вице-президентовъ — архіепископовъ Новгородскаго и Псковскаго; 5-ти совѣтниковъ — архіепископа Крутицкаго и 4-хъ архимандритовъ, т. е. главные начальники монастырей въ провинціяхъ; 5-ти ассесоровъ, изъ которыхъ 2 протопопа, т. е. старшихъ священника изъ бѣлаго духовенства, обязанныхъ жениться, но, по смерти женъ, не имѣющихъ права на вступленіе во второй бракъ безъ совершеннаго выхода изъ духовнаго званія.

Примѣч. состав. Записокъ.

([74]) См. въ Полн. Собр. Зак., т. VI, № 3765, Синодскій указъ отъ 20 марта 1720 года. Онъ касался вовсе не иконъ, а листовъ разныхъ изображеній, служебниковъ и каноновъ, изданныхъ безъ позволенія Синода.

вѣ, съ достаточнымъ числомъ солдатъ-преображенцевъ, назначенныхъ ему для карауловъ. Кромѣ того, онъ получилъ даже разрѣшеніе посѣщать императорскихъ принцессъ. «Ждите терпѣливо нашего возвращенія», сказала императрица графу Бассевичу: „ничто не измѣнитъ моей материнской нѣжности къ вашему государю и моего желанія видѣть дочь мою на престолѣ государства, подданною котораго я родилась.“ Принцессы однакожъ, вслѣдствіе секретнаго приказанія, даннаго императоромъ Менщикову, черезъ мѣсяцъ уѣхали въ Петербургъ. Екатерина и въ этомъ походѣ раздѣляла опасности и славу своего супруга. По пути онъ обозрѣлъ восточныя области имперіи, до тѣхъ поръ ему незнакомыя. Казань, лѣса которой снабжали его верфи строевымъ лѣсомъ и которая въ продолженіе трехъ вѣковъ не видала царей, Астрахань, которая никогда не была посѣщаема ими, отпраздновали его пріѣздъ большими увеселеніями. Есть достовѣрное описаніе этой Каспійской кампаніи въ мемуарахъ, изданныхъ въ свѣтъ подъ именемъ Нестесураноя ([75]), и авторъ «Преображенной Россіи» ([76]) приводитъ объ ней также нѣкоторыя весьма замѣчательныя подробности. Походъ былъ очень труденъ по причинѣ жаровъ, свойственныхъ климату тѣхъ мѣстъ. Болѣе 300 русскихъ солдатъ умерло отъ солнечныхъ ударовъ, такъ что императоръ запретилъ, подъ страхомъ смерти, снимать на открытомъ воздухѣ шляпу для поклоновъ, съ 5 часовъ утра до 5 часовъ вечера. Послѣ многихъ завоеваній, изъ которыхъ всѣхъ значительнѣе былъ Дербентъ, монархъ нашелся вынужденнымъ остановить быстрые успѣхи своего оружія по причинѣ бури, отъ которой при устьѣ Волги и по берегамъ Дагестана погибли почти всѣ суда, нагруженныя припасами и шедшія изъ Астрахани. Онъ предпринялъ тогда обратный путь въ этотъ городъ, куда пріѣхалъ къ концу сентября, поручивъ продолженіе военныхъ дѣйствій своимъ генераламъ. Астрахань, разстояніемъ отъ Москвы около 200 миль ([77]), стоитъ на рѣкѣ Волгѣ, которая въ 12 миляхъ ниже впадаетъ въ Каспійское море. Городъ этотъ ведетъ большую торговлю съ Индійцами, Персіянами, Армянами и Татарами. Тамошняя почва производитъ превосходные плоды, но дурныя вина, потому что содержатъ въ себѣ много соли. На западъ простирается безплодная равнина до самаго Чернаго моря на пространствѣ 80-ти миль. Она перерѣзана болотистыми мѣстами и покрыта слоемъ чистой, прозрачной соли, толщиною въ палецъ. Чѣмъ больше ее снимаютъ, тѣмъ больше она выдается изъ земли, а жгучіе солнечные лучи высушиваютъ ее и очищаютъ. Императоръ пробылъ въ Астрахани болѣе двухъ мѣсяцевъ для разныхъ распоряженій и для принятія многихъ депутацій отъ Татаръ. Донесеніями изъ Москвы его увѣдомили, что открытіе сейма въ Швеціи назначено на 23-е января слѣдующаго года; поэтому онъ посовѣтовалъ герцогу Голштинскому послать туда графа Бассевича хлопотать о признаніи за первымъ титула королевскаго высочества и права престолонаслѣдія, обѣщая съ своей стороны всѣми силами поддержать эту негоціацію чрезъ посланника своего въ Стокгольмѣ,

---

([75]) Книга эта вышла въ Гаагѣ въ 1725 году подъ заглавіемъ: *Mémoires du règne de Pierre le Grand, pas le baron Iwan Nestesuranoy* 4 тома in 12°. Авторомъ ея былъ Французъ Руссе (Rousset).

([76]) Извѣстное сочиненіе брауншвейгскаго резидента въ Россіи Вебера «Das veränderte Russland etc.» вышедшее въ свѣтъ въ первый разъ въ 1721 году.

([77]) Здѣсь разумѣются большія нѣмецкія мили, изъ которыхъ каждая равняется 7-ми русскимъ верстамъ. *Примѣч. составителя „Записокъ“.*

графа Бестужева ([78]), и принять на себя всѣ по ней расходы. Герцогъ повиновался; Сенатъ выплатилъ графу Бассевичу 10,000 руб. на путевыя издержки, и данныя ему инструкціи были составлены по плану монарха, который тутъ и себя не забылъ, потому что двумя первыми пунктами предписывалось стараться о признаніи за нимъ императорскаго титула и о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза между Россіею и Швеціею. Изъ Астрахани герой прибылъ въ Царицынъ, гдѣ съ грустью увидѣлъ брошенныя работы, долженствовавшія соединить Волгу съ Дономъ или Танаисомъ и исполнявшіяся послѣдовательно полковникомъ Брёкелемъ, инженеромъ Перри и княземъ Матвѣемъ Петровичемъ Гагаринымъ, который довелъ уже ихъ до того, что въ 1707 г. сотни купеческихъ судовъ свободно могли ходить по каналамъ, соединявшимъ нѣсколько промежуточныхъ рѣкъ, которыя снабжали ихъ водою. Работы эти оставались безъ поддержки по небрежности или недобросовѣстности губернаторовъ областей, столь удаленныхъ отъ надзора государя. Петръ Великій имѣлъ въ виду возстановить ихъ и устроить соединеніе четырехъ морей, прилегающихъ къ границамъ его владѣній, а именно: Чернаго, Каспійскаго, Бѣлаго и Балтійскаго. И вотъ какимъ образомъ: Донъ впадаетъ въ Сивашъ ([79]), соединяющійся проливомъ съ Чернымъ моремъ. Этой рѣкою нужно идти вверхъ до Ивановскаго озера (Ivanozés), гдѣ она беретъ начало; оттуда начинается дорога, проложенная до Волги, а Волгою суда могутъ или спуститься къ Каспійскому морю, или подняться къ Ладожскому каналу и продолжать путь по быстрому теченію Невы въ Балтійское море; наконецъ Двина, соединенная этимъ каналомъ посредствомъ другаго побочнаго канала, открываетъ путь къ Бѣлому морю, въ которое она впадаетъ. Ни одинъ изъ этихъ каналовъ не былъ совершенно доведенъ до окончанія, исключая канала, обезсмертившаго имя графа Миниха, которому императоръ, обманутый прежними строителями, поручилъ его устройство и которымъ онъ былъ оконченъ въ царствованіе Петра II. Еслибъ можно было воспользоваться Ладожскимъ озеромъ, которое этотъ каналъ окаймляетъ не въ дальнемъ растояніи, то это значительно сократило бы работы; но коварное озеро поглощаетъ слишкомъ много судовъ. Искусство и опытность мореходовъ здѣсь совершенно безполезны. Кромѣ почти постоянно бушующихъ волнъ, трудно измѣрить его глубину, которая въ одномъ и томъ же мѣстѣ показываетъ одинъ день нѣсколько брассовъ ([80]), а черезъ нѣсколько дней ни одного. Великій царь приписывалъ это необыкновенное явленіе пловучимъ песчанымъ мелямъ, отдѣляющимся со дна или отъ сильнаго напора волнъ, или отъ изверженія какого нибудь маленькаго подземнаго волкана.

Герой нашъ въѣхалъ въ Москву съ торжествомъ побѣдителя, предшествуемый своими трофеями, въ тотъ же день (18-го декабря) какъ и за годъ передъ тѣмъ, когда онъ вступилъ въ эту столицу, осѣненный славою заключеннаго мира съ Швеціею. Въ Сенатѣ царствовалъ раздоръ. Два съ небольшимъ мѣсяца до-

([78]) Графа Михаила Петровича (1688—1760), который былъ старшимъ братомъ гр. Алексѣя Петровича, впослѣдствіи славнаго канцлера. Это былъ первый по заключеніи мира нашъ посланникъ въ Швеціи; онъ получалъ жалованья 3300 рублей. П. Б.

([79]) Или такъ называемое *Гнилое море*, большое озеро длиною 140, шириною 14 верстъ, находящееся на восточной оконечности Азовскаго моря, которое Керченскимъ проливомъ соединяется съ Чернымъ моремъ.

([80]) Мѣра, равняющаяся 5—6 футамъ, или 2 франц. метрамъ (около $2^1/_2$ аршинъ).

того ([81]) Меншиковъ и Шафировъ въ этомъ высокомъ собраніи наговорили другъ другу такихъ вещей, которыя не прощаются. Жалобы Шафирова были посланы къ монарху въ Царицынъ; Меншиковъ съ своими явился по пріѣздѣ государя. У обоихъ были сильные враги. Давно уже великій канцлеръ графъ Головкинъ питалъ непріязнь къ Шафирову, любившему роскошь и хорошій столъ и осмѣивавшему безъ милосердія его скупость, иногда постыдную, но бывшую, единственнымъ недостаткомъ человѣка очень честнаго и способнаго. Исходъ дѣла былъ несчастливъ для Шафирова. Его лишили всѣхъ должностей и знаковъ отличія, всего имущества, а самъ онъ былъ приговоренъ къ отсѣченію головы. Все, что могли сдѣлать въ его пользу неотступныя просьбы императрицы, противопоставлявшей чернымъ обвиненіямъ, взводимымъ на него, счастливо веденные имъ переговоры при Прутѣ, было дарованіе ему жизни; но онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ вынести весь позоръ эшафота, и помилованіе возвѣстили лишь тогда, когда палачь поднялъ уже топоръ. По приказанію императрицы хирургъ ([82]) немедленно пустилъ ему кровь, въ которой не нашелъ ни малѣйшаго слѣда волненія. Шафировъ сказалъ ему: «Лучше было бы, еслибъ вмѣсто васъ палачь пустилъ мнѣ кровь изъ большой артеріи; жизнь моя истекла бы вмѣстѣ съ нею!» Онъ не предвидѣлъ, что черезъ немного лѣтъ Екатерина, сдѣлавшись императрицею, возвратитъ его изъ ссылки, и что другъ, тогда отсутствовавшій (графъ Бассевичъ) смягчитъ ненависть Меншикова до степени совершеннаго примиренія, которое возстановитъ его, Шафирова, въ прежнихъ почестяхъ. Не смотря на видимый перевѣсъ Меншикова, дѣло это навлекло ему много непріятностей. Толки, возбужденные имъ, убѣдили императора, что князь при всѣхъ своихъ высокихъ качествахъ, былъ неисправимъ въ скупости и происходящей отъ нея алчности. Монархъ слишкомъ любилъ его, чтобъ рѣшиться подвергнуть его публичному наказанію, но въ тоже время счелъ долгомъ правосудія наказать его келейно, и для этого онъ употребилъ свою собственную руку. Прекрасныя украинскія помѣстья, принадлежавшія Меншикову, были у него отобраны, и онъ, кромѣ того, заплатилъ 200,000 руб. штрафа. Когда императоръ пріѣхалъ къ нему въ первый разъ послѣ этой немилости, онъ увидѣлъ, что стѣны его дворца оклеены грубыми обоями, которыя употребляются въ Москвѣ людьми низкаго званія. Монархъ выразилъ свое удивленіе. «Увы!» сказалъ князь,» я долженъ былъ продать свои бо«гатые обои, чтобъ расплатиться съ каз«ною.» — «Мнѣ здѣсь не нравится, отвѣ«чалъ императоръ строго, «и я уѣзжаю; «но я пріѣду на первую ассамблею, ко«торая должна быть у тебя, и если тогда «я не найду твой домъ убраннымъ такъ «какъ прилично твоему сану, ты запла«тишь другой штрафъ, равный первому.» Онъ пріѣхалъ, нашелъ убранство, достойное герцога Ингрійскаго, похвалилъ все, не упомянувъ ничего о прошломъ, и былъ очень веселъ.

1723. Сенаторъ князь Голицынъ ([83]), замѣшанный въ дѣлѣ несчастнаго Шафирова, былъ присужденъ, какъ и многіе другіе, къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Но по прошествіи че-

---

([81]) Ссора Меньшикова съ Шафировымъ въ Сенатѣ произошла 31 октября 1722 г; слѣд. къ 18 декабря не прошло съ того времени и двухъ мѣсяцевъ.

([82]) Хирургъ этотъ былъ извѣстный при Петрѣ великомъ Жанъ Хови.

([83]) Князь Дмитрій Михайловичъ, который въ это время былъ президентомъ камеръ-коллегіи, и впослѣдствіи, при Екатеринѣ I и Петрѣ II, находился въ числѣ членовъ верховнаго тайнаго совѣта.

тырехъ дней наступила годовщина бракосочетанія императрицы, и такъ какъ она удостоила просить за него, то императоръ возвратилъ ему свободу и чинъ, пославъ его выразить свою благодарность у ногъ Екатерины, когда она вышла въ залу собранія для принятія привѣтствій и поздравленій. Вечеромъ передъ ея окнами сожженъ былъ фейрверкъ, изобрѣтенный ея супругомъ. Онъ изображалъ соединенный именной шифръ ихъ въ сердцѣ, украшенномъ короною и окруженномъ эмблемами нѣжности. Фигура, изображавшая Купидона со всѣми его аттрибутами, кромѣ повязки, пущенная рукою самого государя, казалось, летѣла на крыльяхъ и зажгла все своимъ факеломъ. Нѣсколько дней спустя, наканунѣ отъѣзда двора въ Петербургъ ([84]) (25 февраля) императоръ устроилъ другаго рода огненную потѣху, менѣе любезную, но весьма странную. Онъ собственноручно зажегъ свой старый деревянный дворецъ въ Преображенскомъ, построенный въ 1690 г. Такъ какъ его обложили фейерверочными матеріалами, то зданіе это долго горѣло разноцвѣтными огнями, которые обнаруживали его архитектуру и дѣлали прекраснѣйшій эффектъ; но когда матеріалы сгорѣли, глазамъ представилося одно безобразное пожарище, и монархъ сказалъ герцогу Голштинскому: „Вотъ образъ войны; блестящіе подвиги, за которыми слѣдуетъ разрушеніе. Да исчезнетъ вмѣстѣ съ этимъ домомъ, въ которомъ выработались мои первые замыслы противъ Швеціи, всякая мысль, могущая когда нибудь снова вооружить моею руку противъ этого государства, и да будетъ оно наивѣрнѣйшимъ союзникомъ моей имперіи!»

По возвращеніи въ С. Петербургъ, императоръ нашелъ сестру свою царевну Марію Алексѣевну въ предсмертной агоніи. Замѣшанная въ суздальскомъ дѣлѣ, она нѣсколько лѣтъ содержалась въ Шлюссельбургѣ, а потомъ въ одномъ изъ дворцовъ столицы, гдѣ, кромѣ запрещенія выѣзжать со двора, она ни въ чемъ не терпѣла недостатка и могла жить, какъ ей угодно. Постель ея была окружена попами, которые, слѣдуя старинному способу успокоенія душъ умирающихъ, приносили ей питье и пищу, спрашивая жалобнымъ голосомъ, имѣетъ ли она въ изобиліи на этомъ свѣтѣ все, чтó нужно для поддержанія жизни? Разгнѣванный тѣмъ, что осмѣлились исполнять въ его собственномъ семействѣ нелѣпый обычай, оставленный уже и чернью, монархъ съ позоромъ прогналъ этихъ невѣжественныхъ поповъ отъ умирающей царевны. Ее похоронили съ такими почестями, какъ будто она никогда не была въ немилости.

Петръ Великій любилъ великолѣпіе въ празднествахъ; но частная его жизнь отличалась необыкновенною простотой: вилка и ножъ съ деревянными черенками, халатъ и ночной колпакъ изъ посредственнаго полотна, одежда, пригодная для занятій плотничною и другими работами, въ которыхъ онъ часто упражнялся Когда не было саннаго пути, онъ ѣздилъ по городу въ одноколкѣ, имѣя одного деньщика рядомъ съ собою, другаго слѣдовавшаго позади верхомъ. Поэтому Петербургъ однажды былъ удивленъ, увидѣвъ его выѣзжающимъ изъ своихъ воротъ въ богатомъ костюмѣ, въ прекрасномъ фаэтонѣ, запряженномъ шестью лошадьми, и съ отрядомъ гвардіи. Онъ отправлялся на встрѣчу князю Долгорукову и графу Головкину, старшему сыну великаго канцлера ([85]), отозваннымъ отъ

([84]) Въ подлинникѣ *Petershoff*; но это явная опечатка.

([85]) Князю Василію Лукичу Долгорукову и графу Александру Гавриловичу Головкину, который былъ не старшимъ, а вторымъ сыномъ великаго канцлера: старшаго его сына звали Иваномъ.

ихъ посольствъ для поступленія въ Сенатъ. Долгорукій, украшенный орденомъ Слона, провелъ пятнадцать лѣтъ въ Копенгагенѣ и Парижѣ; Головкинъ, имѣвшій Чернаго Орла, — въ Берлинѣ. Оба были съ отличными способностями и превосходно образованы. Императоръ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу за нѣсколько верстъ (которыхъ 7 составляютъ одну большую нѣмецкую милю) отъ города, посадилъ ихъ къ себѣ въ фаэтонъ, возвратился въ свою резиденцію и провезъ ихъ по всѣмъ главнымъ улицамъ до своего дворца, гдѣ назначилъ большое собраніе. „Не справедливо ли было съ мо„ей стороны, сказалъ онъ, входя туда съ „съ ними, поѣхать и привезти къ себѣ „съ почетомъ сокровища знаній и доб„рыхъ нравовъ, для пріобрѣтенія кото„рыхъ эти благородные Русскіе отправи„лись къ другимъ народамъ, и которыя „нынѣ они приносятъ къ намъ?"

Съ марта мѣсяца адмиралтейству отданъ былъ приказъ государя снарядить въ Кронслотѣ 100 галеръ, 28 военныхъ кораблей и 14 фрегатовъ, снабдивъ ихъ припасами на шесть мѣсяцевъ. Онъ объявилъ, что самъ приметъ начальство надъ этимъ флотомъ; но не возьметъ себѣ того корабля, на которомъ до сихъ поръ плавалъ, и который желаетъ не подвергать болѣе случайностямъ битвъ и волнъ, а сохранить, потому что былъ на немъ въ 1716 г., когда командовалъ четырьмя флотами разныхъ націй ([86]). Онъ выбралъ себѣ другой корабль съ именемъ, означавшимъ счастливое для него предзнаменованіе, а именно корабль „Екатерину" названный имъ такъ за превосходство его постройки и за изящество украшеній, съ которыми ничто не могло сравниться, хотя все было сдѣлано въ С. Петербургѣ.

Всѣ эти приготовленія имѣли цѣлью навести ужасъ на враговъ герцога Голштинскаго въ Стокгольмѣ, гдѣ дебютъ графа Бассевича былъ очень не удаченъ. Ему дали знать стороною, что королева никогда не захочетъ дать аудіенціи эмиссару герцога Карла Фридриха, что король въ угоду ей также не согласится на это. Оба въ то же время объявили, что имъ будетъ непріятно, если его станутъ посѣщать. Онъ вооружился терпѣніемъ, чтобъ не испортить совершенно дѣла и, умалчивая пока о главномъ предметѣ своего посольства, просилъ дать ему возможность выразить предъ лицемъ престола: „что герцогъ признаетъ права того, кто возведенъ на тронъ милостію королевы, его тетки, и что подчиняется постановленіямъ отечества, которое слишкомъ дорого его сердцу, чтобъ онъ могъ рѣшиться внести въ него раздоръ." Многіе Шведы, тронутые такими словами, нашли жестокимъ поведеніе Сената и двора въ отношеніи августѣйшаго потомка древнихъ королей; а многочисленные офицеры, возвратившіеся изъ русскаго плѣна, и при проходѣ черезъ Москву, осыпанные щедротами Карла Фридриха (которыя шли чрезъ руки графа Бассевича), считали за низость, если, въ угоду неумолимой королевѣ, не окажутъ ему должнаго почтенія. Скоро при помощи обѣдовъ, на которыхъ царствовали изобиліе и веселіе, и на которые принимались всѣ съ распростертыми объятіями, Бассевичъ увидѣлъ свой домъ постоянно наполненнымъ гостями. Увѣрившись въ значительномъ числѣ приверженцевъ, могущихъ противодѣйствовать сторонникамъ двора, онъ нашелъ, что ему остается только запугать послѣднихъ, и это удалось ему при содѣйствіи кронслотскаго вооруженія. Шведскій сеймъ настоятельно потребовалъ отъ короля: не упорствовать въ отказѣ, за который будетъ порицать его вся Европа и который могъ поставить королевство въ непріят-

([86]) Это было, какъ уже упомянуто выше, въ Копенгагенѣ 16 августа 1716 года.

ное положеніе. Тогда аудіенція наконецъ состоялась 8-го апрѣля, съ большою торжественностью и пышностью. Графъ Бассевичъ поздравилъ короля съ восшествіемъ на престолъ, увѣряя, что герцогъ одобряетъ сдѣланное націею въ пользу его величества и проситъ его только помнить, что, нося корону Вазъ, онъ долженъ замѣнить отца ихъ единственному потомку, питающему къ нему совершеннѣйшую сыновнюю привязанность. Король отвѣчалъ благосклонно, увѣряя герцога въ своей любви и въ чувствахъ уваженія къ нему народа, который никогда не перестанетъ заботиться объ его счастіи. Когда примиреніе такимъ образомъ, повидимому, совершилось, министръ рѣшился приступить къ открытымъ переговорамъ. Вскорѣ онъ заявилъ сословіямъ требованіе о признаніи за герцогомъ титула королевскаго высочества, объ обезпеченіи права его на наслѣдованіе престола и объ обѣщаніи ему содѣйствія для возвращенія герцогства Шлезвигскаго. Немного спустя, Бестужевъ предложилъ имъ наступательный и оборонительной союзъ своего государя и просилъ о признаніи за нимъ императорскаго титула.

Между тѣмъ какъ пренія и интриги волновали Стокгольмъ, успѣхи русскихъ генераловъ въ Персіи возбудили тревогу въ диванѣ. Тамъ сильно занялись вопросомъ: можетъ ли быть долѣе терпима опасная помощь, оказываемая Софи царемъ? Какъ ни отличался миролюбіемъ великій визирь, но невыгоды, которыя Порта могла понести отъ того, были такъ ясны, что онъ уже не дерзалъ противорѣчить тѣмъ, которые стояли за войну. Капиджи-паша, уполномоченный выразить неудовольствія его султанскаго величества, послѣдовалъ за Петромъ великимъ изъ Астрахани въ Москву. Его приняли привѣтливо, но забавляли извиненіями въ родѣ того, что никакъ не думали, что Порта интересуется Миривейсомъ или ханомъ Дагестанскимъ, что честь не позволяетъ отказаться отъ сдѣланныхъ уже завоеваній, и что этими завоеваніями и ограничатся. Видя наконецъ въ самомъ дѣлѣ, что императоръ 25 февраля оставилъ Москву и возвратился въ Петербургъ, Турокъ былъ нѣкоторое время въ полномъ убѣжденіи, что Русскіе не думаютъ болѣе о новыхъ завоеваніяхъ въ Азіи; но такъ какъ ему пришлось остаться въ Москвѣ до апрѣля въ ожиданіи возвращенія курьера, отправленнаго Кампредономъ къ де Бонаку, французскому посланнику въ Константинополѣ, то отъ него не легко было скрыть приготовленій къ такой же компаніи, какъ и предшествовавшая. Донесенія его объ нихъ сильно встревожили султана. Области, какъ покоренныя русскимъ императоромъ, такъ и тѣ, на которыя онъ, по общественному мнѣнію, простиралъ еще свои виды, составляли нѣкогда владѣнія, отторгнутыя отъ турецкой имперіи. Миривейсъ, какъ правовѣрный, обязывался возвратить ихъ Портѣ, если она не откажетъ ему въ своей дружбѣ; и она готова уже была заключить съ нимъ союзъ и поднять знамя войны противъ Россіи; но предложеніе Петра великаго войти въ соглашеніе съ нею при посредничествѣ французскаго посланника, успокоило ее. Франціи хотѣлось предупредить разрывъ между Россіею и Портою, потому что въ Вѣнѣ поговаривали о соединеніи съ петербургскимъ дворомъ противъ общаго врага христіанства, и по слабости турецкаго правительства, могли быть сдѣланы пріобрѣтенія отъ Турціи, которыя въ дѣлахъ Европы, дали бы перевѣсъ Австрійскому дому. Г. де Бонакъ приступилъ къ переговорамъ. Онъ объявляетъ извѣстія о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Россіи ложными слухами, потомъ удивляется, когда онѣ оказываются вѣрными, посылаетъ по этому случаю жалобы въ Петербургъ и ждетъ на нихъ

отвѣта, а между тѣмъ войска завоевателя выигрываютъ время и подвигаются въ передъ, покоряютъ Гилянъ, а наконецъ 28-го іюля берутъ Баку, городъ въ высшей степени важный по своему порту на Каспійскомъ морѣ и по нахожденію въ его окрестностяхъ петролея ([87]), много лучшаго въ сравненіи съ тѣмъ, который добывается въ Италіи. Это драгоцѣнное масло вытекаетъ тамъ изъ скалъ съ шумомъ, подобнымъ тому, какой бываетъ отъ кипящей воды, и сбытъ его производится на значительныя суммы. Взятіе этого города было конечною цѣлію Петра великаго. Онъ приказалъ продолжать военныя дѣйствія только для того, чтобъ не подать повода думать, будто онъ покидаетъ Софи, стѣсненное положеніе котораго было выставлено имъ, какъ поводъ къ войнѣ.

Бестужеву и Бассевичу было гораздо труднѣе справляться съ шведскимъ сеймомъ, чѣмъ маркизу де Бонаку забавлять диванъ. Согласіе на признаніе за герцогомъ Голштинскимъ титула королевскаго высочества послѣдовало черезъ шесть недѣль послѣ аудіенціи его посланника у короля, и лишь тогда шведскій посланникъ въ Петербургѣ сдѣлалъ свой первый, очень почтительный визитъ герцогу, котораго до того времени не рѣшался посѣщать. Чтобъ еще болѣе придать вѣса помощи Россіи, оказываемой этому принцу въ его притязаніяхъ на наслѣдованіе престола, графъ Бассевичъ настаивалъ, чтобъ императоръ обручилъ съ нимъ царевну Анну Петровну. Монархъ отвѣчалъ: что по законамъ шведскимъ предполагаемый наслѣдникъ престола не можетъ вступить въ бракъ иначе, какъ съ согласія сословій, что слѣдовательно нужно получить его, и что если царевна не покажетъ расположенія къ герцогу, то онъ, какъ нѣжный отецъ, никогда не потребуетъ отъ нея повиновенія, не будучи напередъ увѣреннымъ, что она захочетъ удовлетвориться славою, въ ущербъ сердечной склонности.

Такія слова, казалось, предавали судьбу Карла Фридриха на произволъ его враговъ. Министръ опасался, что императоръ, подъ нерасположеніемъ дочери, скрывалъ свое собственное. Ему хотя и нравился живой и образованный умъ герцога, но тѣмъ не менѣе онъ порицалъ въ немъ недостатокъ дѣятельности, проистекавшій отъ деликатности его организма, слишкомъ изнѣженнаго въ дѣтствѣ попеченіями королевы, его бабки, и природную наклонность къ покою и забавамъ. Впрочемъ не за этимъ останавливалось дѣло, а скорѣе за тѣмъ, что тутъ вмѣшались происки Кампредона, который сильно противодѣйствовалъ ему, какъ изъ боязни французскаго двора увидѣть соединеніе коронъ шведской и русской въ лицѣ одного государя, такъ и изъ особенной преданности, которую онъ, Кампредонъ, питалъ къ особѣ короля Фридриха I ([88]). Императоръ считалъ Кампредона нужнымъ человѣкомъ, чтобъ еще болѣе привлечь на свою сторону Бонака, а Бонакъ ему нуженъ былъ, чтобъ избавиться отъ Турокъ. Герцогу поэтому приходилось ждать. Отъ него и отъ его министра, разумѣется, тщательно все это скрывали. Кампредонъ былъ очень проницателенъ: ихъ спокойствіе возбудило бы въ немъ подозрѣнія, и на оборотъ ихъ безпокойство и волненіе успокоивали его. Графъ Бассевичъ, твердый въ преслѣдованіи своей цѣли, рѣшается дѣйствовать не прямо: онъ повѣряетъ за тайну людямъ наиболѣе способнымъ разгласить ее, что бракъ его государя, давно уже рѣшенный, замедляется только потому, что онъ не хочетъ во время такого кризиса,

([87]) Нефти.

([88]) Короля шведскаго, бывшаго принца Гессенъ-Кассельскаго, супруга Ульрики Элеоноры.

какъ сеймъ, трогать предубѣжденія націи противъ принцессы, воспитанной въ деспотической средѣ; но что дѣло приближается къ концу и повлечетъ за собою непріятныя для Шведовъ послѣдствія, если только они не изъявятъ согласія на этотъ бракъ и тѣмъ не польстятъ императору, который, принявъ это за знакъ уваженія къ своему дому и расположенія къ своему нареченному затю, повѣритъ ихъ чувствамъ и перемѣнитъ намѣреніе, для выполненія котораго вооружилъ свой флотъ. Извѣстіе это шло отъ человѣка, который, хотя и пламенно желалъ короны для своего государя, но въ то же время какъ бы ужасался деспотизма, противнаго правамъ и привиллегіямъ шведской націи. Въ это самое время русскій флотъ, состоявшій изъ 24 военныхъ кораблей и 5 фрегатовъ, появился въ 12 миляхъ отъ Стокгольма. Петръ великій самъ находился на немъ, сопровождаемый герцогомъ Голштинскимъ, который настоятельно наказывалъ своему министру не щадить ни трудовъ, ни денегъ для обезпеченія ему неопровержимаго права на наслѣдованіе престола. Скоро онъ получилъ отъ него извѣстіе, что партія его королевскаго высочества пріобрѣла такую силу, что еслибъ онъ былъ въ Швеціи, то она теперь же была бы въ состояніи вручить ему скипетръ его предковъ. Но увлекаемый великодушіемъ, которому исторія представляетъ мало примѣровъ, герцогъ, не сказавъ ничего императору, отвѣчалъ въ ту же минуту: „что подобная революція довершила бы разореніе его отечества, безъ того уже опустошеннаго столькими войнами; что лучше онъ согласится никогда не царствовать, чѣмъ такою цѣною купить корону; что онъ довольствуется правомъ на наслѣдство и запрещаетъ превышать данныя отъ него инструкціи.“ Онъ прибавилъ приказаніе сжечь это письмо, не показывая его никому, потому что неблагодарные Шведы, узнавши слабость къ нимъ герцога, пожалуй употребили бы се во зло.

Не смотря на такое запрещеніе, графъ Бассевичъ отправился съ этимъ письмомъ къ гордому Арведу Горну. „Узнайте, графъ,“ сказалъ онъ ему, „принца, котораго вы безславите и преслѣдуете. Осмѣлитесь ли вы доводить его до крайности?“ Онъ далъ ему прочитать письмо, потомъ поднесъ его къ зажженной свѣчѣ и сжегъ. Тронутый Арведъ Горнъ обѣщалъ все и многое исполнилъ. Но прежде посмотримъ, что дѣлалъ императоръ на своемъ флотѣ, который не много спустя возвратился въ С. Петербургъ, гдѣ ожидали посланника отъ Софи.

Флотъ этотъ сдерживалъ какъ Данію, такъ и Швецію. Копенгагенскій дворъ ожидалъ высадки для завоеванія Шлезвига. Но осторожный императоръ былъ далекъ отъ этого. Онъ прежде всего хотѣлъ обезпечить право на шведскій престолъ за своимъ будущимъ зятемъ, а Шлезвигъ оставлялъ какъ легкое пріобрѣтеніе, когда онъ утвердится на престолѣ, и какъ орудіе для понужденія Даніи содѣйствовать герцогу къ вступленію на престолъ за уступку ей наслѣдственныхъ его земель.

За нѣсколько дней до выхода въ море, государь послалъ генерала Бонна къ герцогу Мекленбургскому съ приглашеніемъ пріѣхать къ его двору для свиданія съ герцогиней, его супругой, находившейся тамъ уже около года. Принцъ этотъ, лишенный права управлять своими владѣніями, велъ уединенную жизнь въ Данцигѣ, отыскивая философскій камень. Охранители Нижне-Саксонскаго округа управляли его провинціями и содержали тамъ войска, нанятыя на его счетъ, между тѣмъ какъ его собственныя, которыхъ онъ не хотѣлъ распустить, жили трудами рукъ своихъ въ Украйнѣ, гдѣ русское правительство дало имъ убѣжище,

подъ громкимъ именемъ квартиръ. Населяющихъ эту страну казаковъ никакъ не могли подчинить игу налоговъ: они обязаны были только выступать въ походъ, когда была война. Чтобъ извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу въ мирное время, императоръ размѣстилъ у нихъ свою кавалерiю, которая ремонтировалась тамъ на ихъ счетъ; но они вовсе не считали себя обязанными распространять этой льготы на иностранцевъ. Петръ Великiй готовилъ Карлу Леопольду ([89]) кромѣ примиренiя съ его владѣнiями и римскимъ императоромъ, вознагражденiе изъ владѣнiй курфирста Ганноверскаго, которое было бы никакъ не менѣе княжества Лауенбургскаго, на которое Мекленбургскiй домъ предъявлялъ свои права. Но надменный герцогъ, нарушившiй привиллегiи своихъ вассаловъ и дѣйствовавшiй наперекоръ Карлу VI (императору), не захотѣлъ ничѣмъ быть обязаннымъ Петру великому. Онъ не удостоилъ даже показать чѣмъ-нибудь признательность за приличное содержанiе, которымъ пользовались его супруга и дочь при дворѣ монарха. Это, впрочемъ, былъ послѣднiй шагъ, сдѣланный государемъ къ сближенiю съ Карломъ Леопольдомъ.

Такъ какъ давно замѣчали, что значительная примѣсь прѣсной воды въ Кронслотскомъ и Ревельскомъ портахъ способствуетъ порчѣ судовъ, то императоръ возъимѣлъ намѣренiе соорудить новый портъ въ Рогервикѣ, въ 7-ми миляхъ ниже Ревеля. Море образуетъ въ этомъ мѣстѣ большой бассейнъ овальной формы, окруженный отвѣсными скалами, гдѣ можетъ помѣщаться до тысячи большихъ кораблей и болѣе, не принимавшiй въ себя никакихъ другихъ водъ кромѣ своихъ, которыми онъ наполняется черезъ широкое устье, глубиною въ 18 першей ([90]). Такъ какъ въ этотъ бассейнъ не проходилъ ледъ ни изъ какой рѣки, то корабли могли выходить гораздо раньше и возвращаться позднѣе, чѣмъ въ другой какой нибудь портъ на этомъ берегу. Входъ въ него долженъ былъ заграждаться длиннымъ моломъ съ закрытою дорогою на верху и многими батареями, уставленными пушками большаго калибра; въ срединѣ выдавался большой бастiонъ, и недалеко отъ него по лѣвую сторону находилось отверстiе между двумя крѣпостцами для прохода одного только корабля, что обезпечивало портъ отъ внезапнаго нападенiя непрiятеля. Сосѣднiя скалы облегчали устройство мола, хотя оно было очень трудно по причинѣ значительной глубины въ этомъ мѣстѣ. Уже 130 тысячъ туазовъ плитъ, наломанныхъ изъ этихъ скалъ, окружали берегъ, когда императоръ приказалъ своему флоту бросить здѣсь якорь. Онъ вышелъ на берегъ съ герцогомъ Голштинскимъ, со свитами своей и герцогской и съ флотскими офицерами, велѣлъ самому старому священнику совершить молебствiе и, сопровождаемый всѣми, при громѣ артиллерiи, положилъ первое основанiе мола. Надзоръ за работами порученъ былъ полковнику Любрасу. Въ послѣдующiя царствованiя работы эти то отлагались, то опять возобновлялись, такъ что не окончены и до сихъ поръ ([91]).

По отплытiи изъ Рогервика монархъ употребилъ остальное время на маневры своихъ кораблей. Онъ самъ командовалъ авангардомъ, адмиралъ Гордонъ—аррiергардомъ, а великiй адмиралъ Апраксинъ—центромъ. Постоянно заботясь о томъ, чтобъ подать своимъ подданнымъ примѣръ полезной субординацiи по службѣ, онъ безпрестанно обращался за приказанiями къ великому адмиралу и безъ его позволенiя не оставлялъ своего корабля. По

([89]) Т. е. герцогу Мекленбургскому.

([90]) Perche—мѣра, равняющаяся 18—22 футовъ

([91]) Т. е. въ 1761 г.

Примѣч. составителя Записокъ.

возвращеніи флота въ Кронслотъ, совершено было 12-го августа торжественное освященіе паруснаго ботика, нѣкогда прибывшаго изъ Англіи и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ перевезеннаго изъ Архангельска въ Москву. На немъ государь впервыя началъ учиться мореплаванію. Ботикъ снаружи обили мѣдью для предохраненія дерева его отъ гніенія, а маленькую мачту его украсили большимъ императорскимъ флагомъ. Великій адмиралъ стоялъ у руля, адмиралы, вице и контръ-адмиралы были гребцами. Такимъ образомъ маленькое судно обошло вокругъ флота, для того, какъ говорилъ императоръ, чтобъ добрый дѣдушка могъ принять изъявленіе почтенія отъ всѣхъ прекрасныхъ внуковъ, обязанныхъ ему своимъ существованіемъ; и когда въ этомъ обходѣ оно подымалось вверхъ по рѣкѣ, монархъ гребъ самъ съ помощью одного лишь князя Меншикова. Во многихъ запискахъ того времени есть описаніе этого великолѣпнаго морскаго праздника, на которомъ одного пороха вышло слишкомъ на 12,000 руб. Празднество окончилось помѣщеніемъ ботика въ гавани, въ углу почетнаго мѣста, назначеннаго для линейныхъ кораблей; а шесть недѣль спустя, его вытащили на сушу и торжественно перенесли въ крѣпость, гдѣ поставили на храненіе, какъ государственную святыню.

Приверженцы короля въ Стокгольмѣ, избавившись отъ царскаго флота, ободрились и снова наполнили Сенатъ криками противъ акта о престолонаслѣдованіи, котораго требовалъ племянникъ Карла XII. Мало по малу они привлекли на свою сторону даже самыхъ жаркихъ сторонниковъ этого принца, которые при всей готовности возвести его на тронъ, съ котораго милости прежде всего посыпались бы на нихъ, колебались однако безъ пользы навлекать на себя ненависть короля, способнаго, судя по его здоровому сложенію, пережить назначаемаго наслѣдника, человѣка слабаго здоровьемъ. Не смотря однакожь на всѣ эти затрудненія, Бассевичъ, втайнѣ поддерживаемый Арведомъ Горномъ, выхлопоталъ для своего государя пансіонъ въ 25,000 нѣмецкихъ талеровъ и пергаментный актъ, подписанный королемъ и сословіями королевства, который гласилъ: что нація обязана самою почтительною преданностью потомку Густава и не имѣетъ никакой причины въ случаѣ смерти короля обойти особу его королевскаго высочества, развѣ только онъ предприметъ что нибудь противъ короля, королевы или государства, чего никакъ ожидать не льзя. Но это еще не все. Множество писемъ отъ знатныхъ Шведовъ прислано было къ императору съ увѣреніями, что для націи было бы очень лестно видѣть возлюбленнаго принца, потомка ея королей, въ родственномъ союзѣ съ царскимъ домомъ; а Бестужевъ такъ часто слышалъ отъ людей сильныхъ, что этотъ союзъ больше всего облегчилъ бы заключеніе трактата между двумя коронами, что не могъ не донести объ этомъ государю. Такимъ образомъ его величеству не оставалось уже никакого повода къ отговоркамъ, и онъ предписалъ Бестужеву увѣрить, что одна изъ царевенъ назначена Карлу Фридриху, но что нѣкоторыя причины не позволяютъ еще сказать, которая именно. Онъ приказалъ также написать графу Бассевичу: что строитель зданія долженъ присутствовать на празднествѣ его освященія, и что обрученіе будетъ совершено только по возвращеніи его и при немъ, а между тѣмъ самъ отдалялъ это возвращеніе, прося, чтобъ графъ Бассевичъ своимъ искусствомъ и кредитомъ поддержалъ негоціацію Бестужева. Герцогъ не осмѣлился отказать въ этомъ желаніи монарху, его единственной опорѣ, да и кромѣ того его собственные интересы требовали, чтобъ дѣло его было въ ру-

кахъ человѣка ему преданнаго. — Давно ожидаемый посланникъ Софи пріѣхалъ наконецъ въ Петербургъ 22-го августа, а 25-го принятъ былъ тамъ на торжественной аудіенціи. Это былъ Измаилъ-Бекъ. Говорили, что онъ происходилъ отъ царской крови и что въ четвертый разъ уже находился въ посланникахъ, бывши до этого посыланъ въ Константинополь, Дели и Пекинъ. Императору и всему его двору онъ очень понравился. Шахъ Гуссейнъ, отъ котораго дано ему было полномочіе, умеръ во время его переѣзда изъ Тавриза въ Петербургъ; шахъ Тамасъ, одинъ изъ сыновей этого несчастнаго монарха, ускользнувшій отъ жестокости Мирлвейса, нуждался въ быстрой помощи. Измаилъ-Бекъ, чтобъ ускорить ее, тотчасъ же предложилъ все, на что инструкціи позволяли ему согласиться, и союзный трактатъ былъ подписанъ 12-го сентября. Онъ уѣхалъ лишь черезъ мѣсяцъ, не потому чтобы ждалъ ратификаціи отъ своего молодаго государя-изгнанника, — она не могла прійдти такъ скоро, — а для того, чтобъ сдѣлать удовольствіе императору, который любилъ съ нимъ разговаривать и заставлялъ его любоваться своимъ флотомъ и удивляться всѣмъ успѣхамъ своего царствованія. Онъ часто видѣлъ императрицу, но тѣмъ не менѣе показалъ на столько знанія свѣта, что просилъ, чтобъ она удостоила его публичной аудіенціи прежде его отъѣзда. За исключеніемъ лишь того, что аудіенція эта была дана не въ залѣ Сената, въ ней соблюденъ былъ тотъ же этикетъ, какъ и у императора. Безъ ловкости, съ какою Измаилъ-Бекъ пріобрѣлъ довѣріе Петра великаго и возбудилъ участіе къ шаху Тамасу, случай, что у него были вѣрительныя письма отъ государя умершаго, и извѣстіе, полученное вскорѣ послѣ его пріѣзда, что выгоды, которыя составляли цѣль этой войны, получены со взятіемъ Баку, — прервали бы переговоры о трактатѣ, которые и безъ того не замедлили возбудить подозрительность Порты. Но Персіянинъ умѣлъ преодолѣть эти препятствія и оказалъ бы значительную услугу Софи, еслибъ только неосторожная молодость послѣдняго съумѣла ею воспользоваться. Князь Мышецкій былъ назначенъ посланникомъ ко двору хана Тамаса и отправился съ посломъ Измаилъ Бекомъ въ Тавризъ (Испагань была въ рукахъ мятежниковъ.)

Получивъ извѣстіе, что Турки собираютъ въ окрестностяхъ Азова 60 тысячную армію, императоръ принялъ всѣ мѣры на случай упорной войны съ ними. Болѣе 20-ти тысячъ человѣкъ было отряжено для исправленія флота въ Воронежѣ ([92]) на Танаисѣ; 80 тысячъ Русскихъ ждали на Украйнѣ приказанія двинуться къ Черному морю для покоренія вновь Азова, и наконецъ назначены были пункты соединенія полкамъ, стоявшимъ въ отдаленныхъ провинціяхъ, чтобъ въ случаѣ нужды формировать изъ нихъ корпуса. Переговоры о дружелюбномъ соглашеніи тѣмъ не менѣе продолжались, и г. де-Бонакъ безъ устали трудился надъ ними.

Казаки сочли этотъ моментъ удобнымъ для ходатайства о возстановленіи старинныхъ ихъ привиллегій, въ особенности права свободнаго избранія себѣ гетмана. Депутаты ихъ, увѣренные, что обстоятельства заставятъ согласиться на это ходатайство, предъявили его съ надменностью. Петръ Великій отвѣчалъ имъ: «Неудачно вы выбрали время для испрашиванія милостей, когда я въ дурномъ „расположеніи духа. Я буду по прежнему „назначать вамъ гетмановъ, но нахожу „справедливымъ избирать ихъ только изъ „вашей среды; а чтобъ проучить дерзкихъ,

([92]) Веронисъ или Вероницъ (Воронежъ) былъ первою верфью, гдѣ Русскіе увидѣли строеніе кораблей, подъ управленіемъ славнаго Лефорта.
Прим. сост. Зап.

„осмѣлившихся усугублять затрудненія „своего государя, объявляю вамъ тюрь„му, гдѣ вы будете содержаться до зак„люченія мира съ Турками, послѣ кото„раго будутъ разсмотрены ваши поступ„ки.“ По выходѣ съ аудіенціи, они дѣйствительно были отведены въ крѣпость, въ которой оставались до назначеннаго срока. Послѣ того они сосланы были на галеры, потому что соотечественники ихъ отказались отъ соучастія съ ними, видя, что все покорялось императору, и страшась его гнѣва ([93]).

Царица Прасковія Ѳедоровна Салтыкова, вдова Іоанна, скончалась 13-го октября этого года. Чувствуя приближеніе смерти, она велѣла просить къ себѣ императрицу, которую умоляла быть ея дочерямъ вмѣсто матери. Это была единственная особа, которой императоръ, чрезвычайно уважавшій ее, дозволилъ сохранить старинное русское одѣяніе. Она всегда слѣдовала за дворомъ и являлась на всѣхъ праздникахъ. Не смотря на слабоуміе своего супруга, она питала къ его памяти постоянную нѣжность и просила покрыть себѣ лице его портретомъ, когда будетъ въ гробу, что̀ и было исполнено. Императоръ на цѣлые шесть часовъ заперся съ кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ, чтобы составить церемоніалъ для ея погребенія. Погребальная процессія была очень великолѣпна, но притомъ не было ни одного пушечнаго выстрѣла, ни русскаго флага и никакого другаго знака ея сана, кромѣ старинной царской короны. Это сдѣлано было для того, какъ полагали, чтобъ показать, на сколько некоронованная царица была ниже той, которая готовилась къ помазанію, и на сколько родъ Іоанна былъ отдаленъ отъ престола ([94]).

Бракъ генералъ-прокурора Ягужинскаго съ дочерью великаго канцлера графа Головкина, совершенный нѣсколько дней послѣ этой печальной церемоніи, былъ замѣчателенъ тѣмъ участіемъ, которое принималъ въ немъ императоръ. Первая супруга Ягужинскаго, страдавшая ипохондріей и имѣвшая странный характеръ, ежечасно истощала его терпѣніе; не смотря на это, онъ находилъ, что совѣсть не позволяетъ ему развестись съ нею. Императоръ, до котораго дошли о томъ слухи, взялъ на себя трудъ объяснить ему, что Богъ установилъ бракъ для облегченія человѣка въ горестяхъ и превратностяхъ здѣшней жизни; что никакой союзъ въ свѣтѣ такъ не святъ, какъ доброе супружество; что же касается до дурнаго, то оно прямо противно волѣ Божіей, а потому столькоже справедливо, сколько и полезно расторгнуть его; продолжать же его крайне опасно для спасенія души. Пораженный силою этихъ доводовъ, Ягужинскій согласился получить разрѣшеніе отъ своего государя на разводъ. Онъ на столько же былъ доволенъ своей второй супругой, на сколько императоръ своей, которой коронація, давно уже рѣшенная, была обнародована по всей имперіи указомъ отъ 15-го ноября, исчислявшимъ всѣ высокія заслуги императрицы, которыя побудили ея супруга оказать ей почесть, до тѣхъ поръ въ Россіи невиданную.

Какъ ни велики были успѣхи, сдѣланные Россіею на пути просвѣщенія и нравственнаго развитія въ царствованіе Пет-

([93]) Здѣсь идетъ рѣчь объ извѣстномъ дѣлѣ полковника Полуботка съ товарищами. Самъ Полуботокъ умеръ въ Петропавловской крѣпости.

([94]) Принцессы этого дома, а также Марія Алексѣевна, ихъ тетка, сохраняли старинный титулъ *царевенъ*, т. е. дочерей царя; но когда Петръ Великій принялъ титулъ императора, его принцессы стали называться *цесаревнами*, т. е. дочерьми императора. *Примѣч. состав. Зап.*

ра Великаго, но они не коснулись еще преобразованія театра. Въ то время въ Москвѣ былъ театръ, но варварскій, какой только можно себѣ вообразить, и посѣщаемый поэтому только простымъ народомъ и вообще людьми низкаго званія. Драму обыкновенно раздѣляли на двѣнадцать дѣйствій, которыя еще подраздѣлялись на столько же *явленій* (такъ на русскомъ языкѣ называются сцены), а въ антрактахъ представляли шутовскія интермедіи, въ которыхъ не скупились на пощечины и палочные удары. Такая пьеса могла длиться въ продолженіе цѣлой недѣли, такъ какъ въ день разъигрывали не болѣе третьей или четвертой ея части. Принцесса Наталія, меньшая сестра императора, очень имъ любимая, сочинила, говорятъ, при концѣ своей жизни, двѣ-три пьесы довольно хорошо обдуманныя и не лишенныя нѣкоторыхъ красотъ въ подробностяхъ; но за недостаткомъ актеровъ онѣ не были поставлены на сцену. Царь находилъ, что въ большомъ городѣ зрѣлища полезны, и потому старался пріохотить къ нимъ свой дворъ. Когда пріѣхала труппа нѣмецкихъ комедіантовъ, онъ велѣлъ выстроить для нея прекрасный и просторный театръ со всѣми удобствами для зрителей. Но она не стоила этихъ хлопотъ. Не смотря на пренебреженіе, оказываемое теперь великосвѣтскими людьми въ Германіи къ своему языку, языку очень богатому и звучному, по крайней мѣрѣ въ такой же мѣрѣ какъ и англійскій, театръ въ этой странѣ въ послѣдніе года идетъ быстрыми шагами къ совершенству; но въ то время онъ былъ не болѣе какъ сборъ плоскихъ фарсовъ, такъ что кое-какія наивныя черты и острые сатирическіе намеки совершенно исчезали въ безднѣ грубыхъ выходокъ, чудовищныхъ трагедій, нелѣпаго смѣшенія романическихъ и изъисканныхъ чувствъ, высказываемыхъ королями или рыцарями, и шутовскихъ продѣлокъ какого-нибудь Jean-Potage, ихъ наперстника. Императоръ, вкусъ котораго во всѣхъ искусствахъ, даже въ тѣхъ, къ которымъ у него вовсе не было расположенія, отличался вѣрностью и точностью, пообѣщалъ однажды награду комедіантамъ, если они сочинятъ піесу, трогательную, безъ этой любви, всюду вклеиваемой, которая ему уже надоѣла, и веселый фарсъ безъ шутовства. Разумѣется, они плохо выполнили эту задачу, но чтобъ ихъ поощрить, государь велѣлъ выдать имъ обѣщанную сумму.

Русскій флотъ, по списку, представленному государю адмиралтейсъ-совѣтомъ, въ портахъ Балтійскаго моря, къ концу 1723 г. состоялъ изъ сорока слишкомъ военныхъ кораблей (изъ нихъ три четверти было построено въ Петербургѣ), изъ 20 фрегатовъ и 150 галеръ, 18,000 матросовъ и 2,200 пушекъ. Большое количество судовъ всякаго рода, также хорошо снаряженныхъ, находилось въ Воронежѣ. Регулярнаго войска насчитывали до 120 тысячъ человѣкъ; но кавалерія не имѣла хорошихъ лошадей и потому уступала пѣхотѣ. Этотъ недостатокъ вознаграждался множествомъ иррегулярныхъ войскъ, состоявшихъ изъ козаковъ, калмыковъ, татаръ, которые, большей частію, служили на конѣ. Арсеналы были снабжены огромнымъ количествомъ запасовъ. Во время Сѣверной войны тысячи большихъ безполезныхъ колоколовъ были перелиты въ пушки. Рудники, незадолго до того открытые въ Сибири, доставляли въ изобиліи превосходный металлъ для орудій. Олонецъ, построенный между двумя озерами — Ладожскимъ и Онежскимъ, извѣстный своими минеральными водами, прославленными самимъ императоромъ, который ежегодно пользовался ими, Олонецъ, говорю я, имѣлъ богатый чугунный родникъ и отличный оружейный заводъ; наконецъ воспользовались мѣрою, къ которой прибѣгъ

Шведскій Сенатъ въ минуту крайней нужды въ деньгахъ, а именно продажею на вѣсъ множества признанныхъ излишними пушекъ большаго калибра. Императоръ скупилъ ихъ подъ рукой черезъ коммиссіонеровъ, и хотя всѣ большія пушки были испорчены, а самыя лучшія даже распилены пополамъ, однакожъ мастера его литейныхъ заводовъ съумѣли такъ искусно ихъ спаять и залить дыры и трещины, что изъ нихъ можно было палить съ успѣхомъ, и что даже наружная ихъ красота была сохранена.

Между множествомъ предпріятій, совершавшихся послѣдовательно по волѣ русскаго героя, одно изъ самыхъ близкихъ его сердцу и самыхъ необходимыхъ для пользы его народовъ, повидимому, не удавалось ему—именно введеніе основаннаго на непоколебимой честности управленія юстиціею и финансами. Напрасно онъ издавалъ указъ за указомъ, чтобъ поставить преграды обману, — обманъ не переставалъ гнѣздиться по прежнему. Необходимость пресѣчь это зло, заставила государя ознаменовать первый мѣсяцъ 1724 года однимъ изъ тѣхъ кровавыхъ примѣровъ строгости, отъ которыхъ онъ воздерживался въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ надеждѣ, что сѣмена чести, которыя онъ старался посѣять во всѣхъ сословіяхъ, принесутъ наконецъ счастливые плоды. Осьмнадцать преступниковъ, почти всѣ люди чиновные, немолодые и занимавшіе значительныя должности совѣтниковъ въ разныхъ приказахъ, были возведены на эшафотъ. Девять изъ нихъ получили по 50 ударовъ кнутомъ, послѣ чего имъ вырвали ноздри и объявили ссылку на галеры. Троимъ отрубили голову, одного колесовали. Этотъ послѣдній былъ оберъ-фискалъ Несторовъ, нѣкогда столь уважаемый императоромъ, который часто отзывался объ немъ, какъ о самомъ умномъ и краснорѣчивомъ изъ его старыхъ московскихъ служакъ, и при опредѣленіи его въ должность оберъ-фискала, пожаловалъ ему нѣсколько прекрасныхъ помѣстій, дабы при богатствѣ онъ не имѣлъ повода и поползновенія къ воровству. Не смотря на то оказалось, что имъ похищено было до 300,000 рублей. Остальные пять виновныхъ, которые по небреженію подписывали не читая ложныя опредѣленія, наказаны были батогами и отправлены на галеры на шесть мѣсяцевъ. Замѣчательно, что когда палачи раздѣли всѣхъ этихъ преступниковъ, не нашлось ни одного изъ нихъ, который не носилъ бы уже на своей спинѣ знаковъ какого либо наказанія ([95]). Члены всѣхъ приказовъ, отъ президентовъ до писцовъ, обязаны были присутствовать при казни, чтобъ научиться трепетать при одной мысли объ обманѣ государя или о притѣсненіи его невинныхъ подданныхъ, и новыми указами обновлено было впечатлѣніе прежнихъ, относившихся до честности, требуемой отъ служащихъ государству.

Положеніе дѣлъ на востокѣ все еще было двусмысленно. Султану и его дивану весьма нравилось мнѣніе великаго визиря, утверждавшаго, что приверженецъ секты Али на персидскомъ престолѣ гораздо менѣе опасенъ для высокой Порты, чѣмъ такой правовѣрный, какъ Миривейсъ, и что какъ землѣ нужно одно только солнце, такъ и правовѣрнымъ мусульманамъ нуженъ одинъ покровитель, къ которому обращались бы всѣ ихъ помыслы нераздѣльно Но ни солдатство, ни народъ ни знали такой политики; ихъ даже не осмѣливались и знакомить съ нею. Возбужденные и противъ царя и противъ Софи еще болѣе съ тѣхъ поръ какъ сталъ извѣстенъ ихъ союзъ, они только и думали о борьбѣ съ христіанами и о помощи единовѣрцу. Не разъ вели-

([95]) Это очень понятно, если взять въ расчетъ, что всѣ они предварительно были пытаны.

кій визирь готовъ былъ уступить этому воинственному пылу, и маркизу де Бонаку ([96]) стоило неимовѣрнаго труда уговорить его быть твердымъ. Наконецъ имъ удалось склонить на свою сторону муфтія, который поспѣшилъ объявить, что алкоранъ запрещаетъ нападать на тѣхъ, кто насъ не обижаетъ, и что ни царь, ни Софи и не думали оскорблять блистательной Порты. Тогда ропотъ тотчасъ прекратился. Чтобъ занять войско, его послали въ Персію для завоеваній, на которыя сочинили себѣ право, и для усмиренія самозванца, котораго счастіе сдѣлало надменнымъ и жестокимъ. Онъ хотѣлъ вступить въ переговоры съ начальникомъ турецкой арміи, но такъ какъ думалъ говорить при томъ тономъ независимаго властителя, то ему отвѣчали изъ Константинополя: что если онъ ратуетъ только ради своего собственнаго возвеличенія, то онъ проклятый мятежникъ; если же сражается за вѣру, то долженъ покориться монарху Оттомановъ, возсѣдающему на престолѣ великаго пророка и законному главѣ всѣхъ правовѣрныхъ. Такой отвѣтъ не понравился Миривейсу, а потому онъ уклонился отъ объясненій и продолжалъ утверждать свое владычество. Маркизъ де Бонакъ отправилъ своего племянника д'Алліона для увѣдомленія Петра великаго о благопріятномъ оборотѣ, который принимали дѣла. Д'Алліонъ засталъ его развлекающимся отъ заботъ, причиненныхъ ему враждою янычаръ и продажностью русскихъ судей,— забавною процессіею карликовъ, устроенною по случаю похоронъ того изъ нихъ, на свадьбу котораго онъ велѣлъ собрать въ провинціяхъ въ 1710 г. сорокъ карликовъ и только же карлицъ, въ качествѣ приглашенныхъ на празднество. Въ этотъ разъ ихъ было не меньше, и для комической противоположности человѣкъ двадцать солдатъ-преображенцевъ самаго высокаго роста, со свѣчами въ рукахъ, шли одинъ за другимъ по сторонамъ процессіи, а четыре гайдука-гиганта были ассистентами двухъ маленькихъ плакальщицъ, слѣдовавшихъ за погребальной колесницей, которую везли восемь крошечныхъ лошадокъ. Д'Алліону былъ сдѣланъ самый почетный пріемъ. Все готовилось уже 18-го февраля къ отъѣзду въ Москву и къ торжественному коронованію Екатерины. Онъ также отправился въ Москву, но церемоніи не видалъ, потому что принужденъ былъ 8-го апрѣля возвратиться въ Константинополь. Впрочемъ ему показали императорскую корону, только что оконченное произведеніе русскаго ювелира; но онъ тѣмъ не менѣе дивился какъ красотѣ работы, такъ и богатству камней, изъ коихъ нѣкоторые выше всякой цѣны.

1724. Если д'Алліонъ утѣшилъ императора надеждой на выгодный миръ съ Турками, для заключенія котораго онъ снабженъ былъ отъ его величества инструкціями, то гг. Бестужевъ и Бассевичъ обрадовали его не менѣе заключеніемъ трактата о союзѣ съ Швеціей, подписаннаго министрами этой державы и русскими 22-го февраля. Въ него включили слѣдующую секретную статью о герцогѣ Голштинскомъ: «Его королевское высочество, владѣтельный герцогъ „Голштинскій, видя себя уже столько „лѣтъ лишеннымъ своего герцогства „Шлезвигскаго, съ присоединенными къ „нему землями (cum annexis), и ихъ величества императоръ Россійскій, и король Шведскій, почитая для себя очень „важнымъ, чтобъ принцу, столь близкому „имъ обоимъ, было возвращено ему принадлежащее и тѣмъ самымъ возстанов-

([96]) Этотъ французскій въ Константинополѣ посланникъ (Jean Louis d'Husson, marquis de Bonac) за оказанныя имъ важныя услуги Россіи, пожалованъ былъ кавалеромъ орденомъ св. Андрея.

„лено внутреннее спокойствіе Сѣвера, „обязуются всѣми мѣрами предстательствовать по этому дѣлу при дворѣ датскомъ и другихъ; въ случаѣ же, если „ихъ старанія и представленія не будутъ „имѣть желаемаго успѣха, то они рѣшать между собою и съ заинтересованными державами, въ особенности съ его „величествомъ императоромъ Римскимъ, „какимъ образомъ дѣло это можетъ быть „приведено къ окончанію согласно съ обстоятельствами“.

Король Шведскій, умѣвшій сообразоваться съ требованіями минуты, простеръ свое притворство до того, что послалъ собственноручное поздравленіе герцогу съ титуломъ, пенсіономъ и другими выгодами, дарованными ему сеймомъ королевства незадолго до его распущенія. Присутствіе графа Бассевича тяготило его. Чтобъ отнять у него всякій поводъ къ новымъ ходатайствамъ, которыя могли бы еще задержать его въ Швеціи, онъ приказалъ учредить требуемую коммиссію для разсмотрѣнія дѣла объ имѣніяхъ покойной королевы и о долѣ ихъ, слѣдовавшей герцогу, какъ ея наслѣднику. Такимъ образомъ министръ уѣхалъ, и даже съ поспѣшностью, потому что герцогъ хотѣлъ имѣть его при себѣ, чтобъ успѣшнѣе добиться наконецъ давно желаемой руки царевны. „Вы рождены, писалъ онъ ему, подъ вліяніемъ звѣзды „болѣе счастливой, чѣмъ моя, и меня бѣситъ то, что я не могу имѣть славы пропѣть „совершилось“ (consummatum est) „безъ вашей помощи“. Впрочемъ Бассевичъ, по причинѣ льдовъ, не могъ пріѣхать во время, чтобъ присутствовать при короновании и былъ вынужденъ ожидать въ Петербургѣ возвращенія двора и сопровождавшаго его герцога.

Кромѣ дѣтей покойнаго царевича Алексѣя, все семейство и всѣ родственники Петра великаго послѣдовали за нимъ въ Москву, даже герцогиня Курляндская, нарочно вызванная изъ Митавы. Императоръ имѣлъ обыкновеніе посѣщать значительныхъ негоціантовъ и извѣстныхъ артистовъ и часто проводить съ ними часа по два; такъ и наканунѣ коронаціи онъ зашелъ съ нѣсколькими сопровождавшими его сенаторами къ одному англійскому купцу, гдѣ нашелъ многихъ знатныхъ духовныхъ особъ, между прочимъ духовника своего, архіепископа Новгородскаго ([97]) и ученаго и краснорѣчиваго архіепископа Ѳеофана Псковскаго. Великій канцлеръ также пришелъ туда. Среди угощеній хозяина разговоръ оживился, и императоръ сказалъ обществу: что назначенная на слѣдующій день церемонія гораздо важнѣе, нежели думаютъ; что онъ коронуетъ Екатерину для того, чтобъ дать ей право на управленіе

([97]) Этотъ духовный сановникъ (Ѳеодосій Яновскій) первый въ Россіи послѣ стараго митрополита рязанскаго (Стефана Яворскаго) много содѣйствовалъ къ отклоненію народа отъ суевѣрнаго поклоненія образамъ и святымъ. Но онъ въ то же время имѣлъ смѣлость прямо сказать императору, что не одобряетъ отобранія имѣній и доходовъ духовенства, а также установленнаго вслѣдствіе того точнаго распредѣленія ихъ для приличнаго содержанія духовенства и назначенія излишковъ на учрежденіе школъ и больницъ, въ которыхъ былъ повсемѣстный недостатокъ. По его мнѣнію, государство отъ себя обязано было назначить имъ содержаніе, потому что принадлежащее служителямъ церкви не подлежитъ гражданскому управленію. Императоръ, раздраженный этою дерзостью, обнаружилъ такой гнѣвъ, что заставилъ трепетать говорившаго. Послѣ однакожъ онъ уступилъ и сознался, что былъ неправъ, и такъ какъ вообще прощалъ проступки людей способныхъ или полезныхъ для его реформъ (чему доказательствомъ служитъ князь Меншиковъ), а архіепископъ просилъ помилованія ради будущей коронаціи императрицы, то онъ даровалъ ему полное прощеніе и сохранилъ къ нему, по крайней мѣрѣ по наружности, уваженіе до самой своей смерти.

Примѣч. сост. Зап.

государствомъ; что спасши имперію, едва не сдѣлавшуюся добычею Турокъ на берегахъ Прута, она достойна царствовать въ ней послѣ его кончины; что она поддержитъ его учрежденія и сдѣлаетъ монархію счастливою. Ясно было, что онъ говорилъ все это для того, чтобъ видѣть, какое впечатлѣніе произведутъ его слова. Но всѣ присутствовавшіе такъ держали себя, что онъ остался въ убѣжденіи, что никто не порицаетъ его намѣренія. Онъ назвалъ себя капитаномъ новой роты кавалергардовъ императрицы Екатерины, состоявшей изъ 60-ти человѣкъ, которые всѣ были армейскими капитанами или поручиками, а генералъ-лейтенанту и генералъ-прокурору Ягужинскому (пожаловавъ ему передъ тѣмъ орденъ св. Андрея) поручилъ командованіе этой ротой въ качествѣ ея капитанъ-лейтенанта. Кавалергарды эти открывали и заключали шествіе, когда Екатерина, ведомая герцогомъ Голштинскимъ и предшествуемая своимъ супругомъ, по сторонамъ котораго находились фельдмаршалы князья Меншиковъ и Репнинъ, явилась съ своею великолѣпною свитою въ церкви, гдѣ назначено было ея коронованіе. Слезы потекли у нея изъ глазъ, когда Петръ великій возложилъ на нее корону; принимая правою рукою державу, она лѣвой сдѣлала движеніе, чтобъ обнять и поцѣловать его колѣна. Впродолженіе всей церемоніи онъ держалъ въ рукѣ скипетръ, но такъ какъ потомъ онъ не слѣдовалъ за нею въ обѣ церкви [98], гдѣ она должна была, облеченная въ императорскую порфиру, прикладываться къ иконамъ, то велѣлъ скипетръ и державу нести передъ нею. Этикетъ этого дня обязывалъ ихъ сидѣть за торжественнымъ обѣдомъ однихъ, даже безъ своего семейства. Императоръ, сказавъ, что хочетъ взглянуть на толкотню народа, для котораго выставлены были вино и жаренные быки, начиненные разной птицей, подошелъ къ окну. Приближенные его, сидѣвшіе за другими столами, разставленными въ залѣ, спѣшили присоединиться къ нему, и онъ разговаривалъ съ ними впродолженіе получаса; когда же ему доложили, что подана новая перемѣна, онъ сказалъ имъ: „ступайте, садитесь и смѣйтесь надъ вашими государями“. Только коварствомъ придворныхъ могло быть внушено государямъ суетнымъ и неразумнымъ, что величіе состоитъ въ лишеніи себя удовольствія общества и въ выставкѣ своихъ особъ, какъ маріонетокъ, на потѣху другимъ.

На другой день Екатерина на тронѣ принимала поздравленія. Императоръ также поздравилъ ее вмѣстѣ съ другими, какъ адмиралъ и генералъ, и по его желанію она пожаловала графское достоинство тайному совѣтнику Толстому [99]. Множествомъ значительныхъ повышеній ознаменовалось это высокое торжество, которое заключилось прекраснѣйшимъ фейерверкомъ, какого еще не видали въ Москвѣ, хотя при всякомъ празднествѣ императоръ устроивалъ великолѣпныя огненныя потѣхи и употреблялъ на это огромныя суммы. Изображеніе ленты и девиза ордена св. Екатерины составляло одну изъ главныхъ частей въ этомъ фейерверкѣ. Авторы „Исторіи Петра Великаго“, „Преображенной Россіи“ и баронъ Нестесураной утверждаютъ, что лента этого ордена бѣлая и что онъ жалуется придворнымъ дамамъ, тогда какъ она пунцовая съ серебреными каймами, и за исключеніемъ княгини Санѣги, племянницы императрицы, ни на кого не возлагалась кромѣ супругъ царствующихъ особъ; что же касается до царскихъ принцессъ, то имъ орденъ этотъ принадлежитъ по праву рожденія. Объ этой ошибкѣ не

---

[98] Соборы Благовѣщенскій и Архангельскій.

[99] Петру Андреевичу.

стоило бы распространяться, еслибъ она не служила доказательствомъ того, что названные авторы не всегда говорятъ какъ очевидцы или ссылаются на показанія людей, посѣщавшихъ дворъ.

Князь Репнинъ назначенъ былъ вмѣсто князя Меншикова предсѣдателемъ военнаго совѣта (conseil de guerre) ([100]), потому что императоръ заставилъ послѣдняго отказаться отъ этой должности, чтобъ пресѣчь ему путь къ взяточничеству. Порученное ему послѣ того управленіе крѣпостными работами въ Кронштадтѣ не представляло подобнаго искушенія, и дѣйствія его были болѣе на глазахъ государя. Впрочемъ все это сдѣлано было съ сохраненіемъ уваженія къ его личнымъ заслугамъ. Военная коллегія, въ полномъ своемъ составѣ, явилась благодарить князя за милости, которыми пользовалась въ его управленіе. Черезъ годъ эта же самая коллегія осмѣлилась назначить Ингерманландскому полку другаго шефа; но императоръ утвердилъ князя, прирожденнаго полковника этого полка по титулу герцога Ингрійскаго, и даже далъ ему право производить въ немъ въ офицеры и дѣлать повышенія въ чинахъ по своему усмотрѣнію. Да и управленіе работами въ Кронштатѣ было не маловажною должностію: Петръ великій предполагалъ произвести этими работами нѣчто необычайное.

Городъ этотъ, прежде называвшійся Котлиномъ, какъ и самый островъ, на которомъ онъ стоитъ, уже шесть мѣсяцевъ носилъ свое новое имя([101]), которое было ему дано, когда въ немъ возвели длинный рядъ бастіоновъ ([102]), долженствовавшій идти по всему берегу острова, прикрывать городъ и портъ со стороны Кareліи и окружать новый каналъ, прорытый отъ этого порта до Невы, для прямаго сообщенія Кронштадта съ Петербургомъ. Съ одной стороны этого канала нѣсколько небольшихъ верфей для починки судовъ было оставлено въ прежнемъ видѣ. Корабли могли въ нихъ плавать свободно и при помощи шлюзовъ скоро оставались на сушѣ, а потомъ, по окончаніи починокъ, снова такимъ же способомъ спускались на воду. Тамъ, гдѣ каналъ этотъ входитъ въ гавань, предполагалось устройство съ одного берега на другой такой арки, чрезъ которую могъ бы проходить самый большой военный корабль идущій на всѣхъ парусахъ, и которая поддерживала бы маякъ, на столько высокій, чтобъ огни его видны были на другомъ берегу Финскаго залива, и съ пирамидальною вершиною, украшенною императорской короной, какъ указаніемъ на названіе города. За исключеніемъ матеріала, который долженъ былъ состоять изъ тесанаго камня, Кронштадтъ соединялъ бы въ себѣ все, чему дивились въ древности на Родосѣ и Фаросѣ. Но Петръ великій не дожилъ до перехода этой мысли изъ области предположеній въ область дѣйствительности.

Императоръ отмѣнилъ постановленіе, много лѣтъ остававшееся въ силѣ, которымъ запрещалось вельможамъ строить въ Москвѣ новые дворцы ([103]). Несмотря на то онъ, казалось, выѣхалъ изъ этой столицы съ намѣреніемъ долго туда не возвращаться, потому что приказалъ всѣмъ

([100]) Такъ названа здѣсь военная коллегія.

([101]) Кронштадта.

([102]) Петръ в. назвалъ четвертый изъ этихъ бастіоновъ „*Лефортомъ*", въ память великаго адмирала этого имени, который пользовался отъ него такою нѣжною и заслуженною любовью.

Примѣч сост. Зап.

([103]) За то указомъ въ январѣ 1724 г. все русское дворянство обязывалось, смотря по количеству своихъ крестьянъ, строить красивые дома на одномъ изъ петербургскихъ острововъ, называемомъ Васильевскимъ, который составляетъ значительную часть города.

Примѣч. сост. Зап.

знатнымъ лицамъ, не состоявшимъ въ Москвѣ на службѣ, даже дамамъ и дѣвицамъ, которыя тамъ поселились, слѣдовать за дворомъ въ С.-Петербургъ. Московскому коменданту предписано было принуждать ихъ къ выѣзду изъ этого города, что онъ и исполнялъ во всей точности.—Г. де Бисси, секретарь посольства при маркизѣ де Бонакѣ, привезъ изъ Константинополя въ Петербургъ мирный договоръ между Россіею и Портою, заключенный стараніями этого министра. Обѣ державы обезпечивали себѣ взаимныя выгоды въ ущербъ Персіи, и кромѣ того постановляли особою секретною статьею лишить Софи короны, если онъ вздумаетъ противиться ихъ мѣрамъ, и возложить ее на главу болѣе покорную. Послѣднее соглашеніе, столь противное договору, залюченному съ Измаилъ-Бекомъ, императоръ рѣшился принять вслѣдствіе донесенія князя Мышецкаго, посланника его въ Тавризѣ. Онъ извѣщалъ, что шахъ Тамасъ отказался отъ ратификаціи союзнаго трактата и объявилъ, что скорѣе предоставитъ участь свою Провидѣнію и храбрости своей арміи, чѣмъ согласится на принятіе помощи царя, столь дорого имъ продаваемой. Генералъ Румянцевъ ([104]) былъ назначенъ Россійскимъ посломъ при султанѣ. Онъ привезъ орденъ св. Андрея и великолѣпные подарки маркизу де-Бонаку, который усердно и съ успѣхомъ продолжалъ стараться объ устраненіи несогласій, возникшихъ впослѣдствіи между обоими дворами, по поводу разграниченія завоеваній въ Персіи.

Въ началѣ 1722 г. императоръ поручилъ одному искусному московскому золотыхъ дѣлъ мастеру изготовить 40 орденскихъ крестовъ. Онъ имѣлъ въ виду учредить орденъ въ честь св. Александра, который за славную побѣду, одержанную на берегахъ Невы надъ татарами ([105]) былъ нѣкода наименованъ *Невскимъ*. Этой побѣдой онъ освободилъ Московское государство отъ постыдной дани, которую оно платило этимъ варварамъ и утвердилъ тамъ христіанскую религію. Впродолженіи шести вѣковъ тѣло его покоилось во Владимірѣ, главномъ городѣ провинціи того же имени, который принадлежалъ къ числу древнихъ городовъ, носившихъ названіе царскихъ резиденцій ([106]). Послѣ воинственной и славной жизни, онъ окончилъ дни свои въ одномъ изъ монастырей. Императоръ основалъ монастырь на самомъ мѣстѣ славнаго сраженія, и такъ какъ онъ былъ уже почти оконченъ, то приказалъ перенести туда мощи святаго. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ провозили въ сопровожденіи тысячъ поповъ, монаховъ и богомольцевъ, имъ отдавались великія почести. Изъ Петербурга до новаго монастыря (который находится отъ него въ одной милѣ) останки святаго плыли по той самой рѣкѣ, надъ которой когда-то развѣвалось знамя, водруженное на его предводительской ладьѣ. Гробъ его, серебряный, вызолоченный, поставленный на высокой эстрадѣ и подъ богатымъ балдахиномъ, удовлетворялъ взорамъ народа, толпившагося по берегамъ рѣки. Императорская фамилія и всѣ знатныя особы, находившіяся въ Петербургѣ, слѣдовали позади на флотиліи богато украшенныхъ барокъ и шлюпокъ. Духовенство, въ великолѣпныхъ облаченіяхъ, встрѣтило святаго на берегу, и такъ какъ церковь не была еще совершенно отстроена, то офицеры, которые несли гробъ, поставили его въ часовнѣ. Этою почестью, оказанною памяти свя-

([104]) Александръ Ивановичъ.

([105]) Не надъ Татарами, а надъ Шведами. Мѣсто это показываетъ, что и Бассевичъ знакомъ былъ съ Русской исторіею не болѣе другихъ иностранцевъ.

([106]) Такихъ городовъ было четыре, а именно Москва, Кіевъ, Владиміръ и Новгородъ. *Примѣч. сост. Зап.*

таго, служившаго такъ достойно Богу и отечеству, императоръ очистилъ себя отъ подозрѣнія въ намѣреніи уничтожить совершенно поклоненіе, воздаваемое греческою церковью своимъ патронамъ на небѣ, и Невскій монастырь сдѣлался удобнымъ мѣстомъ богомолья для императорской фамиліи. Учрежденіе ордена св. Александра однакожъ покамѣстъ не было приведено въ исполненіе и состоялось только въ царствованіе Екатерины, при бракосочетаніи принцессы Анны. Она пожаловала его тогда всѣмъ наличнымъ андреевскимъ кавалерамъ, даже герцогу Голштинскому, желая показать, что этотъ новый орденъ будетъ служить ступенью для достиженія другаго (т. е. андреевскаго.) И до сихъ поръ имъ жалуютъ только генералъ-лейтенантовъ или имѣющихъ соотвѣтствующій имъ чинъ.

Причины, заставлявшія ласкать Кампредона, утратили свое значеніе, когда заключенъ былъ миръ и установились непосредственныя сношенія С. Петербургскаго двора съ маркизомъ де Бонакомъ. Герцогъ поэтому былъ близокъ къ чести—назваться зятемъ Петра великаго. Но Кампредонъ не истощилъ еще всѣхъ стараній, направленныхъ противъ этого брака, ненавистнаго для короля Шведскаго и непріятнаго для Франціи. Онъ успѣлъ возбудить въ императорѣ надежду сочетать одну изъ его дочерей славнымъ бракомъ, который Небо назначало въ удѣлъ принцессѣ Лещинской ([107]), и потому съ умысломъ говорилъ то объ Аннѣ, то объ Елизаветѣ, чтобъ ни та, ни другая не досталась Карлу Фридриху, который въ свою очередь не спѣшилъ бракомъ, въ надеждѣ, что императоръ, по пристрастію своему къ принцессѣ Аннѣ, предоставитъ ей столь выгодный союзъ, и что въ такомъ случаѣ, ему, герцогу, останется Елизавета, къ которой онъ чувствовалъ болѣе расположенія. Высокія качества этой принцессы и ея героическая неустрашимость, возведшая ее на престолъ, на которомъ она сіяетъ, достаточно извѣстны, а потому да будетъ мнѣ позволено изобразить здѣсь сестру ея, слишкомъ рано похищенную смертью.

Анна Петровна походила лицомъ и характеромъ на своего августѣйшаго родителя, но природа и воспитаніе все смягчили въ ней. Ростъ ея, болѣе пяти футовъ, не казался слишкомъ высокимъ при необыкновенно развитыхъ формахъ и при пропорціональности во всѣхъ частяхъ тѣла, доходившей до совершенства. Ничто не могло быть величественнѣе ея осанки и физіономіи; ничто правильнѣе очертаній ея лица, и при этомъ взглядъ и улыбка ея были граціозны и нѣжны. Она имѣла черные волосы и брови, цвѣтъ лица ослѣпительной бѣлизны и румянецъ свѣжій и нѣжный, какого никогда не можетъ достигнуть никакая искусственность; глаза ея были неопредѣленнаго цвѣта и отличались необыкновеннымъ блескомъ. Однимъ словомъ, самая строгая взыскательность ни въ чемъ не могла бы открыть въ ней какого либо недостатка. Ко всему этому присоединялись проницательный умъ, неподдѣльная простота и добродушіе; щедрость, снисходительность, отличное образованіе и превосходное знаніе языковъ отечественнаго, французскаго, нѣмецкаго, италіанскаго и шведскаго. Съ дѣтства отличалась она неустрашимостью, предвѣщавшею въ ней героиню; а что̀ касается до ея находчивости, то вотъ тому примѣръ.

Одинъ молодой графъ Апраксинъ осмѣлился открыться ей въ любви, на которую она отвѣчала презрѣніемъ. Въ отчаяніи, онъ выждалъ минуту, когда ему удалось увидѣть ее одну, и бросился къ

([107]) Марія Лещинская, дочь короля Станислава, сочеталась бракомъ съ Французскимъ королемъ Людовикомъ XV.

ея ногамъ, подавая ей свою шпагу и умоляя ее прекратить его страданія вмѣстѣ съ жизнью. „Давайте", сказала она съ гордымъ и холоднымъ видомъ, „я вамъ покажу, что дочь вашего государя не имѣетъ недостатка ни въ силѣ, ни въ мужествѣ, чтобъ заколоть дерзкаго, который ее оскорбляетъ". Молодой человѣкъ, боясь, чтобъ она въ самомъ дѣлѣ не оправдала своихъ словъ, не отдалъ шпаги и сталъ умолять ее простить ему безуміе, до котораго онъ былъ доведенъ ея красотою. Она отплатила ему только тѣмъ, что выставляла его въ смѣшномъ видѣ, разсказывая объ этомъ происшествіи.

Въ руки этой-то принцессы желалъ Петръ великій передать скипетръ послѣ себя и супруги своей. Въ такихъ видахъ самымъ удобнымъ для нея бракомъ казался ему бракъ съ Карломъ Фридрихомъ, и такъ какъ Кампредонъ дѣлалъ только неопредѣленныя предложенія, которымъ нельзя было долѣе жертвовать поддержкою, необходимою для приверженцевъ герцога въ Швеціи, то обрученіе совершилось наконецъ 24-го ноября 1724 въ день тезоименитства императрицы. Графу Бассевичу, назначенному первымъ министромъ своего государя, торжественно обѣщано было, что въ имѣющій скоро наступить день высокаго бракосочетанія, онъ будетъ пожалованъ орденомъ св. Андрея изъ рукъ самого монарха. Французскому же министру передали, что если король, его государь, имѣетъ намѣреніе вступить въ родственный союзъ съ Россійскимъ императорскимъ домомъ, то бракъ съ Елизаветою, которая моложе и живѣе своей сестры, можетъ быть для него болѣе желательнымъ. Возможность возведенія на французскій престолъ принцессы Елизаветы не прекращалась и по кончинѣ императора, до того самаго времени, когда король Станиславъ объявилъ объ предложеніи, сдѣланномъ принцессѣ, его дочери.

За двѣ недѣли до того дня, когда рѣшилась наконецъ участь герцога, ему пришлось испытать чувствительный ударъ. Онъ тѣсно сблизился съ первымъ камергеромъ императрицы, Монсомъ, братомъ г-жи Балкъ, вдовы генерала, любимицы Екатерины и ея первой статсъ-дамы. Эти два лица были вѣрными посредниками въ сношеніяхъ между государынею и ея будущимъ зятемъ, который всегда прибѣгалъ къ ней, когда нуждался въ поддержаніи своихъ видовъ, или въ полученіи чего нибудь нужнаго въ его положеніи. Завистники очернили въ глазахъ императора эти отношенія къ императрицѣ г-жи Балкъ и ея брата. Однажды вечеромъ, совершенно для нихъ неожиданно, они были арестованы и, по опечатаніи ихъ бумагъ, преданы уголовному суду, какъ виновные въ обогащеніи себя чрезъ злоупотребленіе довѣріемъ императрицы, доходами которой они управляли. Слѣдствіе и судъ продолжались только восемь дней. Нѣкоторые изъ служителей императрицы были замѣшаны въ дѣло, и Монсу наконецъ отрубили голову. Сестра его, приговоренная къ 11-ти ударамъ кнутомъ, получила пять (остальные были даны на воздухъ) и потомъ сослана въ Сибирь. Два сына этой дамы, одинъ камергеръ, другой пажъ, были разжалованы и отосланы въ армію, находившуюся въ Персіи; одинъ секретарь и нѣсколько лакеевъ отправлены на галеры въ Рогервикъ. Екатерина всячески старалась смягчить гнѣвъ своего супруга, но напрасно. Расказываютъ, что неотступныя ея просьбы о пощадѣ по крайней мѣрѣ ея любимицы вывели изъ терпѣнія императора, который, находясь въ это время съ нею у окна изъ венеціанскихъ стеколъ, сказалъ ей: «Видишь ли ты это стекло, которое прежде было ничтожнымъ матеріаломъ, а теперь, облагороженное огнемъ, стало украшеніемъ дворца? Достаточно однаго удара моей руки, чтобъ об-

ратить его въ прежнее ничтожество.» И съ этими словами онъ разбилъ его. „Но неужели разрушеніе это, сказала она ему со вздохомъ, есть подвигъ, достойный васъ, и сталъ ли отъ этаго дворецъ вашъ красивѣе?" Императоръ обнялъ ее и удалился. Вечеромъ онъ прислалъ ей протоколъ о допросѣ преступниковъ, а на другой день, катаясь съ нею въ фаэтонѣ, проѣхалъ очень близко отъ столба, къ которому пригвождена была голова Монса. Она обратила на него свой взоръ безъ смущенія и сказала: „Какъ грустно, что у придворныхъ можетъ быть столько испорченности." Впрочемъ она вѣроятно не совсѣмъ убѣдилась въ виновности по крайней мѣрѣ г-жи Балкъ, потому что, послѣ смерти императора, возвратила ее изъ ссылки и возстановила во всѣхъ прежнихъ должностяхъ. Приговоръ, осудившій эту фаворитку и ея брата, исчислялъ малѣйшіе подарки, полученные ими отъ лицъ, обращавшихся къ ихъ содѣйствію и помощи ([108]), умолчавъ только о герцогѣ Голштинскомъ, чтобъ не увеличивать еще болѣе его горести.—Здоровье Петра великаго, давно шаткое, окончательно разстроилось со времени возвращенія его изъ Москвы; но онъ нисколько не хотѣлъ беречь себя. Дѣятельность его не знала покоя и презирала всевозможныя непогоды, а жертвы Венерѣ и Вакху истощали его силы и развивали въ немъ каменную болѣзнь. Чувствуя упадокъ силъ и не вполнѣ увѣренный, что послѣ его смерти воля его и коронованіе Екатерины будутъ на столько уважены, что скипетръ перейдетъ въ руки иностранки, стоящей посреди стольких особъ царской крови, онъ началъ посвящать принцессу Анну и герцога, тотчасъ послѣ ихъ обрученія, во всѣ подробности управленія государствомъ и системы, которой держался во все свое царствованіе. Но не довольствуясь приготовленіемъ любимой дочери къ мудрому управленію государствомъ послѣ смерти матери, монархъ, одушевленный заботами объ общественномъ благѣ и о прочности своей реформы, не оставлялъ безъ вниманія и случайностей, для него ненавистныхъ. Дѣлая все для удаленія отъ престола сына непокорнаго и несчастнаго Алексѣя, онъ въ то же время воспитывалъ его такъ, чтобъ тотъ могъ быть достойнымъ короны, еслибъ по какому либо случаю она досталась ему въ удѣлъ. Уже болѣе двухъ лѣтъ для развитія въ немъ вкуса къ военному дѣлу, рота изъ 40 гренадеръ, отроковъ изъ дворянскихъ фамилій, занимала караулы въ его покояхъ и вмѣстѣ съ нимъ упражнялась въ военныхъ экзерциціяхъ. Екатерина, всегда понимавшая высокія цѣли своего супруга и даже умѣвшая превзойти его въ великодушіи, оказывала молодому принцу, мать котораго когда-то нѣжно любила, самое тщательное вниманіе. День его рожденія приходился какъ разъ въ то время, когда императоръ праздновалъ взятіе Шлюссельбурга, и всегда въ самыхъ стѣнахъ этой важной крѣпости. Монархъ имѣлъ обыкновеніе проводить тамъ нѣсколько дней, а императрица, которая никогда не участвовала въ этой поѣздкѣ, праздновала между тѣмъ съ пышностью день, когда родился соперникъ ея дочерямъ въ наслѣдованіи престола. Въ свое царствованіе она удвоила попеченія о воспитаніи царевича и сестры его, царевны Наталіи Алексѣевны ([109]).

([108]) Уже 24-го декабря 1714 г. царь повелѣлъ обнародовать указъ, чтобъ отнюдь никто изъ состоящихъ въ какой бы то они ни было службѣ или должности не принималъ подарковъ или посуловъ, подъ опасеніемъ лишенія чести и жизни. Всякій обязанъ былъ доносить на тѣхъ, о которыхъ узнаетъ, что они приняли взятку, и даже крѣпостные люди въ этомъ случаѣ могли быть доносчиками на своихъ господъ. Послѣдующіе указы часто подтверждали тоже самое.

Примѣч. состав. Записокъ.

([109]) Въ третьей части «Преображенной Россіи» находится планъ преподаванія богословія вели-

1725. Очень скоро послѣ праздника св. Крещенія 1725 г., императоръ почувствовалъ припадки болѣзни, окончившейся его смертью. Всѣ были очень далеки отъ мысли считать ее смертельною, но заблужденіе это не продолжалось и восьми дней. Тогда онъ пріобщился св. Таинъ по обряду, предписываемому для больныхъ греческою церковью. Вскорѣ, отъ жгучей боли, крики и стоны его раздались по всему дворцу, и онъ не былъ уже въ состояніи думать съ полнымъ сознаніемъ о распоряженіяхъ, которыхъ требовала его близкая кончина. Страшный жаръ держалъ его почти въ постоянномъ бреду. Наконецъ въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда смерть, передъ окончательнымъ ударомъ, даетъ обыкновенно вздохнуть нѣсколько своей жертвѣ, императоръ пришелъ въ себя и выразилъ желаніе писать; но его отяжелѣвшая рука чертила буквы, которыхъ невозможно было разобрать, и послѣ его смерти изъ написаннаго имъ удалось прочесть только первыя слова: «Отдайте все....» (rendez tout à....). Онъ самъ замѣтилъ, что пишетъ неясно, и потому закричалъ, чтобъ позвали къ нему принцессу Анну, которой хотѣлъ диктовать. За ней бѣгутъ; она спѣшитъ идти, но когда является къ его постели, онъ лишился уже языка и сознанія, которые болѣе къ нему не возвращались. Въ этомъ состояніи онъ прожилъ однакожъ еще 36 часовъ.

Удрученная горестію и забывая все на свѣтѣ, императрица не оставляла его изголовья три ночи сряду. Между тѣмъ, пока она утопала тамъ въ слезахъ, въ тайнѣ составлялся заговоръ, имѣвшій цѣлію заключеніе ея вмѣстѣ съ дочерьми въ монастырь, возведеніе на престолъ великаго князя Петра Алексѣевича и возстановленіе старыхъ порядковъ, отмѣненныхъ императоромъ, и все еще дорогихъ не только простому народу, но и большей части вельможъ.

Ждали только минуты, когда монархъ испуститъ духъ, чтобъ приступить къ дѣлу. До тѣхъ же поръ, пока оставался въ немъ еще признакъ жизни, никто не осмѣливался начать что либо. Такъ сильны были уваженіе и страхъ, внушенные героемъ. Въ этотъ промежутокъ времени, Ягужинскій, извѣщенный о заговорѣ и движимый, съ одной стороны искреннею преданностью Екатеринѣ (преданностью, которой тогдашнія обстоятельства покамѣстъ не позволяли ему показать открыто), а съ другой дружбою къ графу Бассевичу, явился къ послѣднему переодѣтый и сказалъ ему: «Спѣшите позаботиться „о своей безопасности, если не хотите „имѣть чести завтра же красоваться на „висѣлицѣ рядомъ съ его свѣтлостью „княземъ Меншиковымъ. Гибель императрицы и ея семейства наизбѣжна, если „въ эту же ночь ударъ не будетъ отстраненъ“. Не вдаваясь въ дальнѣйшія объясненія, онъ поспѣшно удалился. Графъ Бассевичъ немедленно побѣжалъ передать это предостереженіе убитой горестію императрицѣ. Наступила уже ночь. Государыня приказала ему посовѣтоваться съ Меншиковымъ и обѣщала согласиться на все, что̀ они сочтутъ нужнымъ сдѣлать, присовокупивъ, что увѣрена въ ихъ благоразуміи и преданности и что сама, убитая горемъ, ничего предпринять не въ состояніи. Меншиковъ всю предшествовавшую ночь провелъ подлѣ императора и потому спалъ глубокимъ сномъ, ничего не подозрѣвая о готовившейся катастрофѣ. Бассевичъ разбудилъ его и сообщилъ ему объ опасности, грозившей имъ и ихъ покровительницѣ.

Два геніальные мужа, одушевленные

кому князю, составленный архіепископомъ Ѳеофаномъ, по повелѣнію императрицы, планъ, который заслуживаетъ удивленія и можетъ быть образцомъ во всякой религіи.

Прим. сост. Зап.

сознаніемъ всей важности обстоятельствъ, не замедлили порѣшить, что̀ слѣдовало сдѣлать. Меншиковъ былъ шефомъ перваго гвардейскаго полка, генералъ Бутурлинъ ([110]) втораго. Онъ (Меншиковъ) послалъ къ старшимъ офицерамъ обоихъ полковъ и ко многимъ другимъ лицамъ, содѣйствіе которыхъ было необходимо, приказаніе явиться безъ шума къ ея императорскому величеству и въ тоже время распорядился, чтобъ казна была отправлена въ крѣпость, коммендантъ которой былъ его креатурой. Между тѣмъ Бассевичъ отправился съ донесеніемъ обо всемъ къ императрицѣ и постарался привлечь на ея сторону Бутурлина, который по личной непріязни былъ противъ предводителей партіи великаго князя. Всѣ приглашенные въ точности исполнили полученное ими предписаніе. Извѣщенная объ ихъ прибытіи, Екатерина, вмѣсто того, чтобъ спѣшить на встрѣчу имъ и скипетру, продолжала безъ пользы обнимать своего умирающаго супруга, который ея уже не узнавалъ, и не могла отъ него оторваться. Графъ Бассевичъ осмѣлился схватить ее за руку, чтобъ ввести въ кабинетъ, гдѣ Бутурлинъ и другіе ждали ея появленія. „Присутствіе „ваше безполезно здѣсь, государыня, сказалъ онъ ей, а тамъ ничего не можетъ „быть сдѣлано безъ васъ. Герой короновалъ васъ для того, чтобъ вы могли царствовать, а не плакать, и если душа его „еще остается въ этомъ тѣлѣ, которое „ему уже не служитъ, то только для того, „чтобъ отойдти съ увѣренностью, что вы „умѣете быть достойной своего супруга „и безъ его поддержки.» — «Я покажу, что умѣю: и ему, и вамъ, и всему міру“, сказала она, быстро дѣлая надъ собой усиліе и стараясь овладѣть своими чувствами, на что̀ способны только люди съ сильнымъ характеромъ. Она величественно вошла въ кабинетъ и отерла слезы, которыя еще болѣе трогали сердца всѣхъ, а за тѣмъ обратилась къ присутствующимъ съ краткою рѣчью, гдѣ упомянула о правахъ, данныхъ ей коронованіемъ, о несчастіяхъ, могущихъ обрушиться на монархію подъ управленіемъ ребенка, и обѣщала, что не только не подумаетъ лишить великаго князя короны, но сохранитъ ее для него, какъ священный залогъ, который и возвратитъ ему, когда небу угодно будетъ соединить ее, государыню, съ обожаемымъ супругомъ, нынѣ отходящимъ въ вѣчность.

Обѣщанія повышеній и наградъ не были забыты, а для желавшихъ воспользоваться ими тотчасъ же были приготовлены векселя, драгоцѣнныя вещи и деньги. Многіе отказались, чтобъ не сочли ихъ усердіе продажнымъ; но архіепископъ Новгородскій не былъ въ числѣ такихъ, и за то первый подалъ примѣръ клятвеннаго обѣщанія, которому всѣ тутъ же послѣдовали, — поддерживать права на престолъ коронованной супруги Петра Великаго ([111]). Архіепископа Псковскаго не было при этомъ Его, какъ ревностнаго приверженца государыни, не было на-

([110]) Иванъ Ивановичъ.

([111]) Когда воцарилась Екатерина, архіепископъ Новгородскій, видя, что она нисколько не ослабляетъ узды, наложенной ея супругомъ на власть духовенства, началъ дѣйствовать противъ нея и даже осмѣлился оказывать ей неуваженіе и говорить: что Богъ сократилъ дни Петра великаго въ наказаніе за его вины противъ духовенства. Въ маѣ 1725 г., по ея приказанію, онъ былъ сосланъ и заключенъ въ Корельскій монастырь, на берегахъ Двины, а Ѳеофанъ назначенъ вмѣсто него архимандритомъ Невскаго монастыря и архіепископомъ Новгородскимъ, главою первой эпархіи въ имперіи.

Примѣч состав. Записокъ.

Показаніе Бассевича не противорѣчитъ подлинному дѣлу архіеп. Ѳеодосія, напечатанному въ Русск. Архивѣ 1864 г., вып. 2-й. и поясняетъ оное относительно разговора въ селѣ Покровскомъ, см. выше, стр. 608.

добности подкупать, и она не хотѣла, чтобъ онъ оставлялъ императора, котораго напутствовалъ своими молитвами. Собраніе разошлось, оставивъ другихъ вельможъ спокойно наслаждаться сномъ. Меншиковъ, Бассевичъ и кабинетъ-секретарь Макаровъ въ присутствіи императрицы послѣ того съ часъ совѣщались о томъ, что̀ оставалось еще сдѣлать, чтобъ уничтожить всѣ замыслы противъ ея величества.

Князь полагалъ, что необходимо безотлагательно арестовать всѣхъ главныхъ злоумышленниковъ. Но Бассевичъ представлялъ, что такая мѣра можетъ произвести смятеніе и что если противной партіи удастся восторжествовать, то участь императрицы и ея приверженцевъ будетъ тѣмъ плачевнѣе. По его мнѣнію, слѣдовало прибѣгнуть къ хитрости и уклоняться отъ всякаго предпріятія, которое могло бы обнаружить все дѣло передъ глазами черни. Макаровъ былъ того же мнѣнія, а императрица никогда не любила крутыхъ мѣръ; поэтому немедленно общими силами составленъ былъ планъ для дѣйствія въ рѣшительную минуту, которая послѣдуетъ за смертью императора, и такъ какъ тутъ необходимо было содѣйствіе многихъ лицъ, то каждый обязался дать надлежащее наставленіе тѣмъ, которые были ему наиболѣе преданы, или находились въ его зависимости. Такъ прошло остальное время ночи.

Императоръ скончался на рукахъ своей супруги утромъ на другой день, 25-го января ([112]) Сенаторы, генералы и бояре тотчасъ же собрались во дворецъ. Каждый изъ нихъ, чтобъ быть во̀-время обо всемъ увѣдомленнымъ, велѣлъ находиться въ большой залѣ своему старшему адъютанту или чиновнику. Въ передней они увидѣли графа Бассевича. Большая часть изъ нихъ смотрѣла на него, какъ на опальнаго, и даже другъ его Ягужинскій не рѣшался подойти къ нему. Но онъ самъ протѣснился впередъ, чтобъ приблизиться къ нему и сказалъ вполголоса: „Примите награду за предостереженіе, сдѣланное вами вчера вечеромъ. Увѣдомляю васъ, что казна, крѣпость, гвардія, синодъ и множество бояръ находятся въ распоряженіи императрицы, и что даже здѣсь друзей ея болѣе, чѣмъ вы думаете; передайте это тѣмъ, въ комъ вы принимаете участіе, и посовѣтуйте имъ сообразоваться съ обстоятельствами, если они дорожатъ своими головами“.

Ягужинскій на замедлилъ сообщить о томъ своему тестю, великому канцлеру графу Головкину. Вѣсть эта быстро распространилась между присутствовавшими. Когда Бассевичъ увидѣлъ, что она обѣжала почти все собраніе, онъ подошелъ и приложилъ голову къ окну, что̀ было условленнымъ знакомъ, и вслѣдъ за тѣмъ раздался бой барабановъ обоихъ гвардейскихъ полковъ, окружавшихъ дворецъ. „Что это значитъ? вскричалъ князь Репнинъ ([113]); кто осмѣлился давать подобныя приказанія помимо меня? Развѣ я болѣе не главный начальникъ полковъ?“ — „Это приказано мною, безъ всякаго, впрочемъ, притязанія на ваши права“, гордо отвѣчалъ генералъ Бутурлинъ, „я имѣлъ на то повелѣніе императрицы, моей всемилостивѣйшей государыни, которой всякій вѣрноподданный обязанъ повиноваться, и будетъ повиноваться, не исключая и васъ“.

([112]) Онъ умеръ на 53 году своей жизни, родившись 30-го мая 1672 г Императрица, по словамъ ея, родилась 5-го апрѣля 1689 г.; принцесса Анна—27 января 1707 г.; принцесса Елизавета — 18-го декабря 1709.; императоръ сочетался бракомъ съ императрицею, въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей, 19 го февраля 1706 г.; но титулъ царицы и величества далъ ей только тогда, когда у нея обнаружились признаки беременности. *Примѣч. сост. Зап.*

([113]) Князь Аникита Ивановичъ.

Всеобщее молчаніе послѣдовало за этою рѣчью; всѣ смотрѣли другъ на друга въ смущеніи и съ недовѣріемъ. Во время этой нѣмой сцены вошелъ Меншиковъ и вмѣшался въ толпу, а немного спустя явилась императрица, поддерживаемая герцогомъ Голштинскимъ, который провелъ ночь въ комнатѣ великаго князя. Послѣ нѣсколькихъ усилій заглушить рыданія, она обратилась къ собранію съ слѣдующими словами: „Несмотря на удручающую меня глубокую горесть, я пришла сюда, мои любезновѣрные (mes chers fils), съ тѣмъ, чтобы разсѣять справедливыя опасенія, которыя предполагаю съ вашей стороны, и объявить вамъ, что, исполняя намѣренія вѣчно дорогаго моему сердцу супруга, который раздѣлилъ со мною тронъ, буду посвящать дни мои труднымъ заботамъ о благѣ монархіи, до того самаго времени, когда Богу угодно будетъ отозвать меня отъ земной жизни. Если великій князь захочетъ воспользоваться моими наставленіями, то я, можетъ быть, буду имѣть утѣшеніе въ моемъ печальномъ вдовствѣ, что приготовила вамъ императора, достойнаго крови и имени того, кого только что вы лишились“.

Меншиковъ, какъ первый изъ сенаторовъ и князей русскихъ, отвѣчалъ отъ имени всѣхъ: что дѣло, столь важное для спокойствія и блага имперіи, требуетъ зрѣлаго размышленія, и что поэтому да соблаговолитъ ея императорское величество дозволить имъ свободно и вѣрноподданнически обсудить его, дабы все, что̀ будетъ сдѣлано, осталось безукоризненнымъ въ глазахъ націи и потомства. —Императрица отвѣчала: что дѣйствуя въ этомъ случаѣ болѣе для общаго блага, чѣмъ въ своемъ собственномъ интересѣ, она не боится все до нея касающееся отдать на ихъ просвѣщенный судъ; и что не только позволяетъ имъ совѣщаться, но даже приказываетъ тщательно обдумать все, обѣщая съ своей стороны принять ихъ рѣшеніе, каково бы оно ни было.

Собраніе удалилось въ другую залу, двери которой заперли. Князь Меншиковъ открылъ совѣщаніе, обратившись съ вопросомъ къ кабинетъ-секретарю Макарову, не сдѣлалъ ли покойный императоръ какого-нибудь письменнаго распоряженія и не приказывалъ ли обнародовать его? Макаровъ отвѣчалъ, что незадолго до послѣдняго своего путешествія въ Москву государь уничтожилъ завѣщаніе, сдѣланное имъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и что послѣ того нѣсколько разъ говорилъ о намѣреніи своемъ составить другое, но не приводилъ этого въ исполненіе, удерживаемый размышленіемъ, которое часто высказывалъ: что если народъ, выведенный имъ изъ невѣжественнаго состоянія и поставленный на степень могущества и славы, окажется неблагодарнымъ, то ему не хотѣлось бы подвергнуть своей послѣдней воли возможности оскорбленія; но что, если этотъ народъ чувствуетъ, чѣмъ обязанъ ему за его труды, то будетъ сообразоваться съ его намѣреніями, выраженными съ такою торжественностью, какой нельзя было бы придать письменному акту. Когда Макаровъ умолкъ, архіепископъ Ѳеофанъ, видя, что вельможи несогласны въ мнѣніяхъ, обратился къ собранію съ просьбою позволить и ему сказать свое слово. Съ трогательнымъ краснорѣчіемъ указалъ онъ присутствовавшимъ на правоту и святость данной ими въ 1722 году присяги, которою они обязались признавать наслѣдника, назначеннаго государемъ. Нѣкоторые возразили ему, что здѣсь не видно такого яснаго назначенія, какъ старается представить Макаровъ; что недостатокъ этотъ можно принять за признакъ нерѣшительности, въ которой скончался монархъ, и что поэтому, вмѣсто него, вопросъ должно рѣшить государство. На такое возраженіе Ѳеофанъ

отвѣчалъ точною передачею словъ императора, сказанныхъ у англійскаго купца наканунѣ коронованія императрицы, которыми его величество, открывая свое сердце передъ своими друзьями и вѣрными слугами, подтвердилъ, что возвелъ на престолъ достойную свою супругу только для того, чтобъ послѣ его смерти она могла стать во главѣ государства. За тѣмъ онъ обратился съ вопросомъ къ великому канцлеру и ко многимъ другимъ, при которыхъ сказаны были эти слова, помнятъ ли они ихъ? — Отдавая долгъ истинѣ, тѣ подтвердили все приведенное архіепископомъ. Тогда князь Меншиковъ воскликнулъ съ жаромъ: „Въ такомъ случаѣ, господа, я не спрашиваю никакого завѣщанія. Ваше свидѣтельство стоитъ какого бы то ни было завѣщанія. Если нашъ великій императоръ поручилъ свою волю правдивости знатнѣйшихъ своихъ подданныхъ, то не сообразоваться съ этимъ было бы преступленіемъ и противъ вашей чести, и противъ самодержавной власти государя. Я вѣрю вамъ, отцы мои и братья, и да здравствуетъ наша августѣйшая государыня, императрица Екатерина!“ Эти послѣднія слова въ ту же минуту были повторены всѣмъ собраніемъ, и никто не хотѣлъ показать виду, что произноситъ ихъ противъ воли и лишь по примѣру другихъ. Послѣ того князь Меншиковъ, въ сопровожденіи всѣхъ прочихъ, возвратился къ императрицѣ и сказалъ ей: „Мы признаемъ тебя нашей всемилостивѣйшей императрицей и государыней и посвящаемъ тебѣ наши имущества и нашу жизнь“. Она отвѣчала въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, что хочетъ быть только матерью отечества. Всѣ цѣловали ей руку, и за тѣмъ открыты были окна. Она показалась въ нихъ народу, окруженная вельможами, которые восклицали: „Да здравствуетъ императрица Екатерина“! Офицеры гвардіи заставляли повторять эти возгласы солдатъ, которымъ князь Меншиковъ началъ бросать деньги пригоршнями.

Такимъ образомъ Екатерина овладѣла скипетромъ, котораго она была такъ достойна. Сенаторы, генералы и знатнѣйшія духовныя лица въ тотъ же часъ составили и подписали манифестъ о провозглашеніи ея императрицею. Документъ этотъ заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь, потому что опровергаетъ разсказы нѣкоторыхъ писателей объ устномъ завѣщаніи Петра великаго, будто бы объявленномъ имъ передъ государственными сановниками, собравшимися вокругъ его постели. Вотъ онъ: (114)

„Вѣдомо да будетъ всѣмъ, что по волѣ всемогущаго Господа Бога, всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій Петръ великій, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій, чрезъ двѣнадцати-дневную жестокую болѣзнь отъ сего временнаго житія въ вѣчное блаженство отъиде; а о наслѣдствіи престола Россійскаго не токмо единымъ его императорскаго величества, блаженной и вѣчно достойной памяти, манифестомъ февраля 5-го дня прошлаго 1722 года въ народъ объявлено, но и присягою подтвердили всѣ чины государства Россійскаго, дабы быть наслѣдникомъ тому, кто по волѣ императора будетъ избранъ. А понеже въ 1724 году удостоилъ короною и помазаніемъ любезнѣйшую свою супругу, великую государыню нашу, императрицу Екатерину Алексѣевну, за ея къ Россійскому государству мужественные труды, какъ о томъ довольно объявлено въ народѣ печатнымъ указомъ прошлаго 1723 года нобря 15-го числа: того для святѣйшій

(114) Мы приводимъ подлинный текстъ этого манифеста, напечатаннаго въ Пол. Соб. Зак., Т. VII, № 4643, отъ 28 января 1725.—По французски у Бассевича онъ переданъ вѣрно.

синодъ и высокоправительствующій сенатъ и генералитетъ согласно приказали во всенародное извѣстіе объявить печатными листами, дабы всѣ какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго чина и достоинства люди о томъ вѣдали и ей всемилостивѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ Всероссійской вѣрно служили".

Краснорѣчивый архіепископъ Ѳеофанъ, напечатавъ свою надгробную рѣчь съ похвальнымъ словомъ Петру великому, присоединилъ туда и описаніе его кончины ([105]). Онъ говоритъ, что во время болѣзни монархъ показалъ горячую привязанность къ своей религіи, и что послѣ общей консультаціи всѣхъ петербургскихъ медиковъ, увѣрившись въ опасности своего положенія, которое хорошо понималъ, зная устройство человѣческаго тѣла и характеръ своей болѣзни, онъ повелѣлъ повсемѣстно освободить и избавить отъ всякаго взысканія и наказанія лицъ, содержавшихся по обвиненіямъ въ оскорбленіи величества и въ воровствѣ, дабы они молились за упокой его души. Вотъ какъ разсказываетъ архіепископъ о восшествіи императрицы на престолъ:

„Мы считаемъ своею обязанностью „разсказать, въ какомъ положеніи находились между тѣмъ дѣла общественныя. „Вечеромъ, передъ кончиной императора, сенаторы и члены синода положили „между собою, что если по волѣ божіей „они лишатся своего отца, то безотлагательно соберутся, чтобы прежде чѣмъ „народъ узнаетъ о смерти монарха, принять необходимыя мѣры для сохраненія „общественнаго спокойствія. Все это и „было исполнено. Лишь только распространилась печальная вѣсть, всѣ сенаторы, главные генералы и нѣкоторые изъ „бояръ собрались во дворцѣ вмѣстѣ съ „четырьмя членами синода, которые провели тамъ ночь, и приступили къ совѣщаніямъ о наслѣдованіи престола. По „мнѣнію большей части изъ нихъ оно „принадлежало царственной вдовѣ, которая, въ силу своего коронованія, имѣла „даже неоспоримое право на управленіе „государствомъ безъ всякаго избранія. „Другіе полагали, что коронованіе не можетъ давать столь обширныхъ правъ, „потому что у бо́льшей части другихъ „народовъ супруги государей коронуются, не получая правъ на наслѣдованіе „престола. Но нѣкоторые указали на „цѣль, съ которою императоръ короновалъ свою супругу, и объявили, что до „похода въ Персію, онъ объяснялъ свои „виды четыремъ сенаторамъ и двумъ членамъ синода, находившимся теперь въ „числѣ присутствовавшихъ на совѣщаніи, сказавъ: что хотя въ Россіи и нѣтъ „такого обычая, но что необходимость „требуетъ этого, дабы послѣ его смерти „престолъ не оставался празднымъ, и „присутствіе наслѣдника не подавало никакого повода къ смятенію и недоразумѣніямъ. Когда слышавшіе слова эти „изъ устъ самаго императора засвидѣтельствовали ихъ достовѣрность, всѣ „согласились, что царствовать должна августѣйшая Екатерина. Послѣ того возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли обратиться „къ мнѣнію народа и войска, или по крайней мѣрѣ, офицеровъ; но многіе, и въ „особенности генералитетъ, воспротивились тому, утверждая, что всякое промедленіе будетъ опасно, и что дѣло „идетъ вовсе не объ избраніи, такъ какъ „рѣшено уже, кому принадлежитъ право „наслѣдованія. Тогда единодушно постановлено было считать настоящую конференцію собравшеюся не для избранія, „а лишь для торжественной декларации.

([105]) То и другое, въ нѣмецкомъ переводѣ издано брошюрою in 4о въ Гамбургѣ въ 1725 году. *Прим. сост. Зап.*

„Немедленно составленъ былъ манифестъ, который подписали всѣ присутствовавшіе въ собраніи, и который потомъ разосланъ былъ во всѣ провинціи „имперіи. Сенатъ, синодъ и генералитетъ „возвѣщали имъ о кончинѣ императора, „о восшествіи на престолъ августѣйшей „Екатерины и приглашали всѣхъ подданныхъ государства къ присягѣ и повиновенію ея величеству. Послѣ того собраніе испросило себѣ аудіенцію у императрицы, и когда государыня вышла „изъ комнаты покойнаго императора, оно „стало умолять ее не отказываться отъ „принятія на себя бремени правленія, „порученнаго ей Богомъ и вѣчно достойныя памяти супругомъ ея. Слезы и горесть не давали ей много говорить, но „въ знакъ своего согласія она протянула „правую руку для цѣлованія. Такъ по „милости божіей, менѣе чѣмъ въ часъ „времени, окончилось это великое дѣло."
Таковъ разсказъ Ѳеофана. Къ словамъ его слѣдовало бы присовокупить, что Екатерина, подобно Траяну, не хотѣла ничего знать о заговорѣ, замышлявшемся противъ нея.

Тѣло великаго императора было съ пышною церемоніею предано землѣ въ церкви Петропавловской крѣпости, и вмѣстѣ съ нимъ погребена младшая шестилѣтняя дочь покойнаго Наталія Петровна, развитая не по лѣтамъ и умершая съ горя, причиненнаго ей кончиною родителя.

*

Можно безъ преувеличенія сказать, что герой этотъ совершилъ чудеса. Онъ преобразовалъ совершенно нравы Россіи, и несмотря на громадныя траты по поводу столькихъ войнъ и сооруженій, не смотря на множество погибшихъ при томъ людей, расчитано, что онъ сошелъ съ престола втрое богаче и могущественнѣе, чѣмъ былъ при восшествіи на него. Все великое, сдѣланное въ послѣдующія царствованія, было имъ начато или задумано. Никогда человѣкъ не совмѣщалъ въ себѣ столькихъ должностей и не несъ столько трудовъ. Онъ былъ законодателемъ государства и церкви, воиномъ на морѣ и на сушѣ, математикомъ, лоцманомъ, архитекторомъ, строителемъ кораблей, хирургомъ, плотникомъ,—и все это съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла; имѣлъ прекрасныя свѣдѣнія во многихъ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, наконецъ сверхъ всего обладалъ великимъ даромъ управленія государствомъ. Правда, открытіе С.Петербургской Академіи наукъ совершилось слишкомъ черезъ годъ послѣ его смерти, но основателемъ ея былъ онъ, и находящіяся въ ея кабинетахъ сокровища любопытныхъ предметовъ по естественной исторіи, въ особенности по части анатоміи, были собраны имъ. Онъ отдавалъ строгія приказанія присылать со всѣхъ концовъ своей обширной имперіи рѣдкія и чудовищныя произведенія природы. Щедрость его не имѣла предѣловъ, когда дѣло шло о поощреніи полезныхъ талантовъ, а полезнымъ онъ называлъ не только то, что̀ служило къ увеличенію могущества государства, но и то, что̀ способствовало счастію и просвѣщенію отдѣльныхъ лицъ. Никогда не замѣчали, чтобъ онъ страшился опасности, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ онъ вѣрилъ въ предопредѣленіе, потому что никогда также и не подвергалъ себя опасности безразсудно, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ случаевъ, гдѣ увѣренность въ своемъ искусствѣ и въ знаніи морскаго дѣла придавали ему смѣлости. Внѣшняго лоска ему не удалось пріобрѣсти; но имѣлъ ли онъ на то время, онъ, который занятъ былъ преобразованіемъ государства? При многихъ добродѣтеляхъ, онъ имѣлъ и два преобладающихъ порока—вспыльчивость и любовь къ горячимъ напиткамъ. Воспи-

таніе могло бы искоренить ихъ; но его воспитаніе было дурно и только способствовало развитію ихъ. Впрочемъ вспыльчивость была у него слѣдствіемъ его пламеннаго темперамента, и ему-то онъ обязанъ былъ тою дѣятельностью и тою настойчивостью, которыхъ требовала его реформа. Былъ ли онъ жестокъ? Это вопросъ нерѣшенный. Онъ сочувствовалъ малѣйшимъ горестямъ людей честныхъ, перевязывалъ раненныхъ, лечилъ больныхъ. Кровавая строгость допускалась имъ лишь тогда, когда того требовали правосудіе и благо государства. Они часто предписывали ее, и иногда въ ужасныхъ размѣрахъ, но таково было положеніе дѣлъ. Поэтому онъ стоически могъ смотрѣть на казни; разсказываютъ даже, что онъ до своихъ путешествій самъ собственноручно казнилъ. Но остережемся дѣлать отсюда заключенія о его жестокости. Если мы назовемъ этимъ именемъ дѣйствія, очищающія землю отъ преступниковъ, то можемъ увлечься до хулы полу-боговъ, которые въ дни битвъ проливаютъ и заставляютъ проливать столько благородной крови. Несомнѣнно впрочемъ то, что Петръ великій былъ однимъ изъ тѣхъ смертныхъ, которымъ справедливо удивляются, — смертныхъ, рожденныхъ для прославленія своего вѣка въ лѣтописяхъ міра, и Небо, увѣнчавшее жизнь его столькими славными успѣхами, щедро воздало должное памяти его, открывъ путь къ наслѣдованію Россійскаго престола Екатеринѣ II-й.

ПИСЬМА ПЕТРА ВЕЛИКАГО КЪ КНЯЗЮ ѲЕДОРУ ЮРЬЕВИЧУ РОМОДАНОВСКОМУ.

Собраніе писемъ Петра Великаго къ знаменитому князю Ѳ. Ю. Ромадановскому печатается здѣсь по списку, принадлежащему Чертковской библіотекѣ. Списокъ этотъ, хотя и новаго времени, однако сдѣланъ очень тщательно. Мы не печатаемъ тѣхъ писемъ, которыя уже появились въ исторіи Петра великаго, сочиненіи Н. Г. Устрялова. Но нѣтъ сомнѣнія, что какъ сіи послѣднія, такъ и нынѣ появляющіяся письма, далеко не обнимаютъ всѣхъ отношеній преобразователя къ страшному начальнику Москвы и Преображенскаго приказа.

Въ началѣ каждаго письма—изображеніе креста, что, помимо благочестиваго обычая, могло намекать и на «соборъ», гдѣ предсѣдательствовалъ князь папа-Ромодановскій. Отмѣченное вносными знаками писано Петромъ собственноручно.

I.

„Min Her Kenih. Письмо твое государское отдано, за которое, а паче въ день святыхъ Апостолъ незаплатную учиненную милость, многократно челомъ бью и радъ, сколь могу, услужить.

Которые посланы по вашему указу учиться, всѣ розданы по мѣстомъ: Иванъ Головинъ, Ѳедоръ Плещеевъ, Иванъ Головинъ, Гаврило Кобылинъ, Гаврило Меншиковъ, Верещагинъ, Александро Меншиковъ, Ѳедосей Скляевъ, Петръ Гетманъ, Иванъ Крапоткинъ, при которыхъ и я обрѣтаюсь: отданы на ости(н)ской дворъ къ корабелному дѣлу. Алек-

сандро Кикинъ, Степанъ Васильевъ машты дѣлать. Якимъ моляръ да дьяконъ всякимъ водянымъ мельницамъ. Тотеманъ, Алексѣй Борисовъ, Сава Уваровъ къ ботовому дѣлу. Ѳадѣй Поповъ, Иванъ Кочетъ парусному дѣлу. Тихонъ Лукинъ, Петръ Кобылинъ блоки дѣлать. Гаврило Коншинъ, Иванъ Володимеровъ, Ермолай Скворцовъ, Алексѣй Петелинъ, Ипатъ Мухановъ, Андрей Тишелиновъ, Иванъ Синявинъ пошли на корабли въ розныя мѣста въ матрозы. Александро Арчиловъ поѣхалъ въ Гагу бомбандирству учиться. Всѣ вышеписанные розданы по охотѣ по тѣмъ дѣламъ.

Aldach iv knecht *Piter*.

Изъ Амстрадама, августа въ 17 д." (1697).

Подлинникъ писанъ собственной рукой Петра I-го; на оборотѣ надпись: *отдать князь Ѳедору Юрьевичю Ромадановскому*. Пакетъ былъ запечатанъ красною сургучною печатью съ изображеніемъ: молодаго плотника, окруженнаго корабельными инструментами и военными орудіями; кругомъ надпись: «Азъ бо есмь въ чину учимыхъ, и учащихъ мя требую». Эта же печать и на многихъ другихъ письмахъ.

II.

„Min Her Kenih. Письмо ваше государское мнѣ отдано, за которое многократное челомъ бью. Здѣсь вѣстей никакихъ нѣтъ. Господа послы на будущей недѣли поѣдутъ отсель въ Гагу, а что впредь станется дѣлать, писать буду. Aldach knecht *Piter*.

Изъ Амстрадама сентября въ 10 д." (1697).

III.

Min Her Kenih. Письмо твое государское октября въ 9 д. мнѣ отдано, за которую вашу государскую милость многократно благодарствую; о здѣшнемъ возвѣщаю, что холопи ваши адмиралъ Францъ Яковлевичь съ товарищами и со всѣми при нихъ будущими далъ Богъ въ добромъ здравіи.

„Покажи милость, што у васъ сдѣла„лось надъ боярами, и померли, и перебѣ„сились? У насъ, слава Богу, всѣ здоро„вы, только многіе, чаю, покупятъ, а иные „и покупили шпалеры французскія, кото„рыя здѣсь въ Шпингюси зѣло дешевы, „да не прочны. Генералъ нашъ братъ „Иванъ Михайловичъ совокупился на „сухоручкѣ, а самъ мало видитъ, и такъ „цѣлое гнѣздо увѣчныхъ; не знаемъ, что „съ нимъ дѣлать. *Piter*."

IV.

„Min Her Kenih". Письмо ваше государское, писанное сентября 31-го числа, писанное (sic) мнѣ отдано октября въ 16 д., которое ваше государское письмо принявъ по премногого благодарствую и впредь прошу, дабы не презрѣны были отъ вашей милости. „Дѣла князь Ивана Щербатова изволь взять изъ Казанскова приказу къ себѣ. *Piter*".

Изъ Амстрадама октября въ 29 д. (1697).

V.

„Min Her Kenih". Письмо ваше государское, октября 22 д. писанное, мнѣ отдано ноября въ 26 д., за которое благодарствую. Здѣсь слава Богу всѣ, далъ Богъ, здорово, а вѣстей никакихъ къ намъ нѣтъ, а что̀ впредь будетъ, и о томъ къ вашей милости писать будемъ. „Поздравляю вамъ государю мужествен„нымъ отпоромъ Таванскихъ сидѣльцовъ. „*Piter*".

Изъ Амстрадама ноября въ 26 д. (1697).

VI.

„Min Her Kenih. Письмо ваше государское, ноября 5 числа писанное, мнѣ отдано декабря въ 8 д., за которое вашей мило-

сти, благодарствуя Бога, до земли челомъ бью. Здѣсь, государь, вѣстей никакихъ нѣтъ. Покупки, которыя принадлежатъ къ морскому каравану, отъ господина генерала комисарія искуплены, также и ружье, которое принадлежитъ къ коннымъ и пѣшимъ полкамъ, искупаютъ же. Что̀ станетъ впредь чинится, писать буду.

Изъ Амстрадама декабря въ 10 д.“ (1697).

VII.

„Min Her Kenih“. Письмо твое государское, ноября 12-го дня писанное, мнѣ отдано декабря въ 14 д., въ которомъ изволишь писать о книгѣ, чтобъ сыскать вашему величеству достойную, въ чемъ непрестанно труждаюся и сыскиваю. И сколько могъ здѣсь сыскать, также и гдѣ индѣ буду, не облѣнюсь вашъ указъ исполнить. При семъ доношу, что хорошо вновь строить, а и старое, которое хорошо, ненадобно бросать, понеже нынѣ по указу вашему строится флотъ морской. Есть же въ Переславлѣ корабль, котораго Класъ дѣлалъ, и мню, что онъ по новинѣ своей и величеству годенъ будетъ въ вышереченной флотъ, и того для прошу вашъ маестатъ, дабы указалъ оной въ грядущую весну, сквозь рѣки Веску и Сумино озеро и Нерль въ Волгу провести; но хотя оной провозъ и не безъ труда копаніемъ береговъ въ Вескѣ, но онаго мѣста немного (о чемъ самому вашей свѣтлости извѣстно), и вешная вода можетъ гораздо къ тому пособствовать; а когда до Сумина озера придетъ, то оттуды безъ труда Нерлью, понеже оная рѣка довольной широты суть, а хотя мелка и камениста, но въ полую воду довольной глубины будетъ. Еще же не хочу не возвѣстить и того вашей свѣтлости, что по веснѣ всегда ледъ на озерѣ долго плаваетъ, и того ради невозможно вскорѣ провести корабль; а пока ледъ разобьетъ, тогда уже рѣки спадутъ и невозможно будетъ сего исполнить, о чемъ я наипокорнѣйше доношу свое мнѣніе, дабы въ конецъ сей зимы корабль починить, проводить съ пробиваніемъ льда и поставить у рѣки Вески, и когда рѣки вскроются, тогда тотчасъ его весть. Еще и для того пристойно зимою весть, понеже отъ города Переславля въ озеро, также изъ озера въ Веску проходы зѣло мелки, и того для, когда пробуютъ путь кораблю, тогда удобно съ обѣихъ сторонъ тою пробою людямъ песокъ разгребать; такъ же и на томъ льду по сторонамъ же поставить переносные вороты (которыхъ воротовъ образецъ есть на пильной мельницѣ) и блоки привязать большіе (которыхъ образецъ есть на пильной же мельницѣ и у меня на дворѣ, а естьли ихъ недовольно будетъ, мочно ихъ сдѣлать съ образца) и тянуть, какъ и здѣсь во Амстрадамѣ большіе корабли, которые глубиною въ 22 фута ходятъ; а въ пристань, которая въ 8 же футовъ глубины, такимъ же образомъ втягиваютъ, но понеже здѣсь тина, а тамъ песокъ, и того для̀ труднѣе, однакожъ мню съ разгребаніемъ песка сіе исполнитися можетъ, а хорошо бы къ тому взять изъ иноземцовъ изъ матрозовъ или изъ плотниковъ, которые по заобычнѣе тому дѣлу, о чемъ не сумнѣваюсь, что то все высокимъ и премудрымъ вашимъ повелѣніемъ исполнено будетъ. За симъ въ дальныя услуги предая себя вашей милости, всегдашній и покорнѣйшій слуга вашей свѣтлости. „*Piter*.

Изъ Амстрадама, декабря въ 17 д. 1697 г.“

VIII.

«Sür, о чемъ я предъ симъ писалъ до «васъ о присылкѣ воровъ Астраханцовъ «сюды, о томъ не имѣю по ся́ поры отвѣ«ту; такожъ и о станкѣ токарномъ Брю«совѣ, а Стельсовъ, естли привезутъ, не «изволь не отписавъ присылать; такожъ

«на торговыхъ, которыхъ воры изъ Астрахани отпустили, надлежитъ смотрѣть. «*Piter*».

Изъ Гродни въ 5 д. ноября 1705

IX.

Sür. Мѣдвѣдь бѣлой, воры Астраханскіе и станки вчерась все дошло въ цѣлости; о которомъ станкѣ, что Стельсъ вывезъ, не изволь ево посылать съ Москвы, а хотя и посланъ, вели воротить назадъ. При семъ посылаю чертежъ пушечной; прикажи такихъ двѣ сдѣлать какъ наискоряя. *Piter*».

Изъ Гродни въ 25 д. ноября 1705.

X.

Sir, „Отпущенъ порутчикъ господинъ Юровъ съ стрѣльцами Астраханскими тремя человѣки, съ которыми послана грамата въ Астрахань, и какъ оные пріѣдутъ, изволь ихъ отпустить въ Астрахань и придать добрыхъ провожатыхъ отъ города до города. (Только чтобъ тѣ провожатые ихъ не какъ колодниковъ, но какъ свободныхъ провожали, понеже оные посланы ради уговору). Чтобъкакъ возможно скорѣе ихъ отпустили и въ дорогѣ не мѣшкали, но на скоро ѣхали въ Астрахань. *Piter*.“

Изъ Гродни въ 1 д. декабря 1705.

XI.

„Sür. Изволь доктора Быдлоу за нами послать не мѣшкавъ въ Польшу. *Piter*“.

Помѣта: подано письмо 1706 генв. въ 13 день Гаврила Меньшиковъ.

XII.

„Siir. Вчерась писалъ я, чтобъ дохтора Быдлоу выслать въ Польшу за нами, и ежели онъ не высланъ, не изволь высылать. *Piter*.“

Помѣта: подано письмо 1706 г. генваря въ 15 день.

XIII.

„Sür. Сегодни пробовали малыя мѣдныя мортирцы, которыя зѣло изрядно дѣйство свое показали. Изволь такихъ вылить сто.“

Помѣта: 1706 г отдалъ Карминъ генваря 16 числа.

XIV.

„Sür. Письмо ваше государское принявъ отвѣтствую: пороху изволь держать 25,000 пудъ постоянно всегда, а что убудетъ, тотчасъ дополнить. Фитилю 400 пудъ; изволь прислать такожъ 600 палубъ для пороха и двѣ тысячи телѣгъ простыхъ съ нарочитымъ числомъ колесъ и осей (сіе бъ число и съ тѣми бъ было, которые въ Смоленску есть), также 20-ть пушекъ полковыхъ новова образца (при которыхъ желѣзныя мортирцы есть) и 20-ть мѣдныхъ мортирцовъ (которыхъ по два на одномъ станку безъ пушекъ) нового же образца прислать въ Смоленескъ поскоряя; да послалъ при семъ письмѣ два текена пушкамъ 12 и 6 фунтовой. Изволь здѣлавъ такожъ симъ путемъ прислать въ Смоленескъ. Все сіе, которое какъ привезутъ въ Смоленескъ, преждебы описывались къ намъ въ полки, а не описався не возили. Здѣсь, слава Богу, все добро, и наши въ Гроднѣ во всякой цѣлости, и вѣдомости частыя отъ нихъ имѣемъ. Iv aldach knecht *Piter*.“

Изъ Орши въ 22 д. февраля 1706.

Приписка на сторонѣ: „денегъ давать не изволь, но управляй; дѣла нужныя, о чемъ будемъ писать.“

XV.

Sür. Въ Дерптъ прикажи по нынѣшнему зимнему пути отпустить тысячю бомбовъ, а какого калибра, о томъ прислана къ тебѣ будетъ вѣдомость съ симъ

письмомъ отъ господина оберъ-коменданта Нарышкина. „Також де 1000 пудъ „желѣза и 15 пудъ стали. *Piter.*"

Изъ Орши въ 24 д февраля 1706.

XVI.

«Sür. На пріятныя письма отвѣтст«вую в. в. (*), что полковниковъ сихъ «4-хъ человѣкъ посылать не изволь; та«кожъ о чемъ будетъ писать къ вашему «в. г. Меншиковъ, чтобъ исправлено было «не мѣшкавъ. Такожъ извольте 50-тъ «тележекъ сдѣлать такихъ, въ чемъ ско«рострѣльные къ пушкамъ патроны во«зитъ, буде дѣланныхъ столько нѣтъ. «Aldach iv knecht *Piter.*»

Изъ Минска въ 7 д. марта 1706.

XVII.

«Sür». Изволь прислать въ Питербурхъ десять тележекъ съ мортирцами маленькими, которыхъ по двѣ на телѣгѣ, такихъ же, что и въ Смоленскъ изволилъ послать, «немедленно. Также 10-ть полковыхъ «новыхъ съ желѣзными мортиры. *Piter*».

Изъ Нарвы въ 23 д 1706.

XVIII.

«Sür. Письмо ваше я принялъ и о «Монсовой изволь учинить такъ, какъ «предлагалъ вамъ господинъ адмиралъ; «такожъ изволь въ тѣ приказы жестокой «указъ послать, чтобъ по опредѣленію, «которыя деньги доведутся имъ дать, го«сподину адмиралу отсылали не мѣшкавъ. «При семъ посылаю чертежъ мортиру; «изволь такихъ вылить 4 и прислать сюда. «*Piter.*"

Изъ Питербурха въ 23 д. апрѣля 1706.

(*) Т. е. вашему величеству.

XIX.

«Sür. Изволь приказать, противъ росписи, какову подалъ господинъ генералъмаіоръ Брюсъ, дубовой лѣсъ на пушечные станки и колеса и оси готовить и, сколько гдѣ нынѣ сыщетца сухова, тотъ взять и беречь; а чего не достанетъ противъ той росписи, то прикажи осенью въ октябрѣ вырубить такіе и на будущую весну по полой водѣ въ судахъ привесть къ Москвѣ. «*Piter.*»

Изъ Смоленска въ 19 д. іюня 1706.

XX.

«Sür. Сего мѣсяца въ 6 д. по указу «вашего величества господинъ крисъ-ка«мисарій объявилъ мнѣ чинъ полковника «къ полку Преображенскомъ, которая «вашего величества милость не по долгу «службы нашей, но единыхъ ради щед«ротъ вашихъ; въ чемъ недоумѣвается, «какое благодареніе принести вамъ за сіе, «точію аще и зѣло малую, но усердную «службы должность. Сіе объявя, пребы«ваю вашего величества aldach knecht «*Piter.*"

Изъ обозу отъ Кіева августа въ 7 д. 1706.

XXI.

«Sür». Письмо отъ вашей милости вчерась я принялъ, въ которомъ изволишь напоминать о пушкахъ, которыя присылалъ въ полки, о чемъ я какъ прежде, такъ и нынѣ возвѣщаю: прислать надобно изъ тѣхъ, что новаго маниру съ мортирцами, которыхъ по первому указу велѣно вылить 100, а опослѣ подтвержено было, чтобъ съ 150, однако нынѣ по нужде хотябъ 50 вылить и прислать въ полки; „о деньгахъ, какъ изволишь, только „намъ въ семъ дѣлѣ есть нужда. *Piter*».

Изъ Кіева въ 20 д. августа 1706.

Собственноручная приписка:

«Пушечекъ маленькихъ по новому об-«разцу еще извольте вылить 150-тъ, а «станковъ не извольте дѣлать, пока об-«разецъ получите отсель. Пушекъ здѣсь «зѣло мало, того для извольте перегово-«рить съ Ѳедоромъ Матвѣевичемъ: нѣтъ «ли у него какихъ желѣзныхъ? И буде «нѣтъ, то извольте приказать на заводахъ «вылить, а надобно: 18. 12. 8. 6 фунто-«выя — числомъ со ста, а нынѣшней «зимы хотябъ 50-тъ прислать сюды. Так-«же мортиры морскія, которыхъ я чер-«тежъ послалъ изъ Питербурха; чаю уже «сдѣланы и, буде готовы, изволь ихъ не «мѣшкавъ послать въ Питербурхъ. Та-«кожъ и о гоубицѣ прошу: когда поспѣ-«етъ, тудажъ прислать немедленно. Еще «извольте къ генварю изготовить 3000 «бомбъ 9 пудовыхъ, да 12,000 трехъ пу-«довыхъ, такожъ 20-ть мортировъ (кото-«рыхъ есть довольно готовыхъ) 3 пудо-«выхъ изготовить въ отпускъ, а куды, «о томъ впредь писать будемъ; а сіе объ-«являемъ заранѣе, чтобъ было готово».

XXII.

„Sür. Лѣкарь Янговей выпросился ради „обряду тѣла господина адмирала, но не „учиня ничего уѣхалъ къ Москвѣ. Того „для прошу, дабы по принятіи сего пись-„ма, оного тотчасъ за карауломъ выслать „въ Питербурхъ. Прошу не преминуть „о присылкѣ мортировъ и гоубицъ въ „Питербурхъ. Писано въ древней вашей „отчинѣ въ превеликомъ и преславномъ „вашего величества прародительномъ гра-„дѣ Стародубѣ. Августа въ 24 д. 1706. „*Piter*.“

XXIII.

„Sür.“ Сего числа получилъ я ваше писаніе, въ которомъ изволишь описыватца о литьѣ пушекъ и гдѣ надо брать деньги, о чемъ я вашей милости какъ прежде, такъ и нынѣ подтверждаю. Хотя въ первомъ письмѣ, и писано, что вылить 150 пушекъ, однако послѣ того изъ Кіева писаножъ (понеже такова числа вскорѣ вылить невозможно) только хотябъ 50 было вылито. И буде нынѣ въ мѣди есть нужда, то прикажи переливать прежнія полковыя 3-хъ фунтовыя пушки, кромѣ полоненныхъ. И для того, кажется, денегъ не много надобно на расходъ, а станки прикажи дѣлать съ образцоваго станка, который присланъ будетъ отъ Якова Брюса. О Кропоткинѣ изволь учинить по своему разсмотрѣнію. „*Piter*“.

Изъ Питербурха въ 15 д. сентября 1706.

XXIV.

„Sür.“ Преображенскимъ и Семеновскимъ офицеромъ, которые отпущены изъ полковъ на время къ Москвѣ, изволь сказать всѣмъ указъ, чтобъ конечно явились въ полкахъ генваря къ 1-му числу 1707 года „подъ смертною казнью. *Piter*.“

Изъ Питер. бр. въ 14 д. ноября 1706.

XXV.

„Sür.“ Въ Кіевъ въ новопостроенуюУспенскую крѣпость изволь взять 136 пушекъ у господина адмиралитейца на Воронежѣ, или гдѣ по письму ево принять изволите, и послать оныя въ тоё крѣпость нынѣшнею зимою на Брянскъ или которымъ путемъ ближе; а въ подводахъ и въ прочемъ что̀ къ нимъ надлежитъ извольте приложить свой трудъ, а которыхъ калибровъ пушки у господина адмиралитейца вамъ брать, тому при семъ къ вамъ посылаю роспись, и чтобъ у нихъ конечно было у каждой пушки по 150 ядеръ; также бы и порохомъ было нескудно. (О чемъ прежде надобно справиться; буде того числа ядеръ въ Кіевѣ нѣтъ, то послать въ дополнку къ тѣмъ

съ Москвы). Образцовой станокъ отъ васъ присланъ, и нынѣ въ Ладогѣ, а когда изъ Ладоги сюды присланъ будетъ, тогда немедленно отписано будетъ къ вашей милости, какъ станки дѣлать. Однако мочно и безъ того смотрить, чтобъ были легче, также и колеса на каретную стать, или примѣняясь къ тѣмъ, какъ у Шведскихъ станковъ и оковывать добрымъ желѣзомъ крѣпче, а не на подрядную руку дѣлать, но весьма смотрѣть, чтобъ во всѣхъ легко и крѣпко было. Каменщиковъ, которыхъ при семъ имяна къ вашей милости посылаются, кромѣ здѣшней работы никуды инуды употреблять не вели и о томъ послать куда надлежитъ указы. „*Piter*".

Изъ Питербурха въ 20 д. ноября 1706.

XXVI.

Sür. Съ Сибирскихъ желѣзныхъ заводовъ, что понадобится впредь желѣза, то изволь брать по памятямъ (*) изъ Сибирскаго приказу. При семъ посылаю къ вашей милости роспись чтȍ надобно въ Преображенской полкъ портупеевъ, сумъ и протчихъ полковыхъ припасовъ, по которой исправя прикажи туды послать немедленно. Каменщиковъ (которымъ на прежней почтѣ посланъ къ вамъ имянной списокъ) въ салдаты и съ нихъ даточныхъ и подводъ, такожъ и работниковъ брать не вели (понеже они сами на работѣ по вся годы бываютъ), и о томъ, кому надлежитъ, судьямъ изволь объявить указъ. Артилеріи половину нынѣ изволь отпускать въ Смоленскъ и вели складывать въ селѣ Порѣчьѣ, а о другой половинѣ, когда отпускать, о томъ отписано будетъ къ вашей милости впредь. Васильеву жену Соковнина до указу въ сылку посылать не изволь. „*Piter*".

Изъ Питербур. въ 6 д. Декабря 1706.

XXVII.

«Sür». При семъ посылается къ вашей милости роспись Преображенскаго полку салдатомъ (какову подалъ господинъ подполковникъ Керхинъ) которыхъ въ полку не явилось, по которой изволь приказать сыскивать на крѣпко, и естли изъ нихъ кто сыщется, тѣхъ изволь брать за карaулъ до указу. Шведа Бремера, которой въ Нижнемъ, прикажи расковать и держать тамъ съ другими полоняниками вмѣстѣ. Деньги, которыя доведутся взять изъ розныхъ приказовъ, въ Ямской приказъ на дачу морского флоту салдатамъ и матрозамъ (по вѣдомости господина адмиралитейца, какову онъ къ вамъ пришлетъ) двадцать четыре тысячи девятьсотъ двадцать три рубли, взявъ изъ тѣхъ приказовъ, немедленно изволь отдать нынѣ въ адмиралтейской приказъ для дачи тѣмъ салдатамъ и матрозамъ. «*Piter*».

Изъ Жолкви въ 8 д. генваря 1707.

XXVIII.

«Sür». Писалъ къ намъ господинъ генералъ Репнинъ, что заняли у него въ Кіевѣ комисары на дачу салдатомъ жалованья изъ вычетныхъ на мундиръ денегъ 33,530 рублевъ, и тѣ деньги по присланнымъ отъ господина генерала Репнина роспискамъ или вѣдомостямъ на комъ доведутся, извольте паки назадъ взять и отдать или, справяся съ Тихономъ Никитичемъ, зачесть въ приказы за мундиръ салдатской. «*Piter*».

Изъ Жолкви въ 25 д. генваря 1707.

XXIX.

«Sür». По наряду изъ артиллеріи за недовозные припасы въ гарнизуны минувшихъ лѣтъ всякихъ чиновъ на людехъ

(*) *Памятью, памятца* (записка, замѣтка ради памяти) на дѣловомъ языкѣ означала въ старину то чтȍ нынѣ можно назвать *свѣдѣніемъ*, *отношеніемъ*, *вѣдомостью* и т. п.

велѣно доправить штрафъ изъ Преображенскаго приказу, и по оному доправлено и въ присылкѣ въ артиллерію не сполна: дабы то было во взятьѣ и въ присылкѣ изъ Преображенскаго въ артиллерію сполна. «*Piter*».

Изъ Жолкви въ 4 д. февраля 1707.

XXX.

«Sür. Понеже ваше величество уже «извѣс(т)ны о смерти господина адмира«ла, по которому его преселенію невоз«вратному всѣ мы морскаго флота офице«ры и протчіе служители суть безглавны; «того ради при отъѣздѣ моемъ изъ Санктъ«питербурха (чая мнѣ быть на Москвѣ) «наказывали господинъ вице-адміралъ, «шаутбейнахтъ и протчіе, дабы я име«немъ ихъ просилъ васъ, дабы на выше«реченное достоинство возведенъ былъ «господинъ президентъ адміралитейства, «что́ при концѣ погребенія мню удобнѣе «то учинить, гдѣ, отдавъ по милости ва«шей честь мертвому, и потомъ живаго «возвести на его достоинство, о чемъ «паки прося, пребываю вашего величе«ства Aldah knecht *Piter*».

Изъ Жолкви въ 5 д. февраля 1707.

XXXI.

«Sür». Провіанского приказу судьямъ изволь объявить указъ, чтобъ они съ монастырскихъ крестьянъ, которые вѣдомы у господина Мусина-Пушкина, провіантъ сбирали по прежнему указу по 5 четвериковъ съ двора, а не по семи; а за достальной сбавочной провіантъ (которой о нихъ сбавленъ будетъ по два четверика съ двора), чтобъ господинъ Мусинъ сбиралъ по прежнему ден(ь)ги. «*Piter*».

Изъ Жолкви въ 28 д. февраля 1707.

XXXII.

«Sür». Серпѣйскаго уѣзду Деминской волости господина Головкина съ крестьянъ штрафныхъ денегъ семисотъ двадцати рублевъ (которые вы изволили на нихъ приказать доправить за то, что они не объявя въ артиллеріи довознаго письма или отписки въ отдачѣ въ Питербурхѣ тысячи дву(хъ)сотъ топоровъ) править не вели, понеже они, хотя въ томъ довознаго письма въ артилеріи и не объявили, а объявили то письмо въ другомъ приказѣ, гдѣ они были вѣдомы. И впредь о такихъ дѣлѣхъ весьма надлежитъ справливаться имянно, дабы безвинно страждущіе въ томъ напрасно не пропадали, а хотя кто съ простоты и провинится, тѣмъ чинить наказаніе не жестокое; также и штрафы накладывать небольшіе. «*Piter*».

Изъ Жолкви въ 30 д. марта. (1707).

XXXIII.

«Sür». Противъ посланнаго при семъ имяннаго списку, сыскавъ Семеновскаго полку офицеровъ и ундеръ офицеровъ и рядовыхъ, изволь выслать сюды тотъ часъ, не отлагая ни малаго времени. «*Piter*».

Изъ Жолкви въ 25 д. апрѣля 1707.

XXXIV.

„Sür. Съ нуждными дѣлами посланъ „отсель къ Москвѣ господинъ Мусинъ, „межъ которыми велѣно быть главнымъ „воеводою господину Черкаскому; того „ради прошу, о чемъ станетъ вамъ гово„рить вышепомянутой господинъ Черка„ской съ протчими, изволь то неописыва„яся исправлять, понеже чтобъ время не „испустить, въ чемъ прошу и свои труды „съ совѣту прилагать. *Piter*“.

Изъ Жолкви въ 27 д. апрѣля 1707.

XXXV.

«Sür». Письмо ваше, писанное изъ Москвы апрѣля 27-го дня до насъ дошло, на которое отвѣтствуемъ. За непоставку

артилерныхъ припасовъ надъ тѣми, которые подряжались и въ указныя мѣста не поставили, извольте чинить по прежнему указу; что же о крестьянѣхъ господина Головкина къ вамъ писанс, чтобъ на нихъ штрафу не править для того что на нихъ такова великаго штрафа, какъ на прочихъ, править не довелось, понеже довозныя письма въ припасахъ, которые они приняли, хотя и не въ алтилеріи, однакожъ въ другомъ приказѣ положили, «и „за сію малую вину, что только не въ „томъ приказѣ довозное письмо положили, „довелось легкое наказаніе учинить та„кимъ“. На Лобковѣ изволь доправить за то, что онъ сказалъ за собою много крестьянъ (а по справкѣ явилось меньше); за не поставку пороху штрафу втрое или вдвое. „Еще прошу васъ, дабы о такихъ „дѣлѣхъ и подобныхъ имъ изволили тамъ, „гдѣ с(ъ)ѣздъ бываетъ въ верхней кан„целяріи или гдѣ индѣ, посовѣтовавъ съ „протчими, рѣшеніе чинить, а здѣсь ис„тинно и безъ того дѣла много. *Piter*“.

От Люблина въ 23 д. маия 1707.

XXXVI.

Господинъ басъ Головинъ просилъ, чтобъ дѣло его съ стряпчимъ Григорьемъ Протасовымъ о ссорахъ по убивствѣ межъ ихъ крестьянами изволили вы приказать изъ Ростова взять къ себѣ и розыскать подлинно. Также нашего полку адъютанта Бартенева по дѣлу съ княинею Троекуровою (которое дѣло у Суворова). Искъ его, которой на немъ доведется, вели доправить и отдать ему Бартеневу. „*Piter.*“

Изъ Люблина въ 9 д. июня 1707.

XXXVII.

„Sür.“ Сего іюня 6-го дня получили мы ваше писаніе изъ Москвы, 23 го маія писанное, на которое отвѣтствуемъ. Изъ Астрахани стрѣльцовъ весьма надобно всѣхъ вывесть и которые заводчиками не были, тѣхъ всѣхъ послать на службу въ Питербурхъ, къ ихъ братьѣ, которые нынѣ тамъ; а на которыхъ говорятъ, что были въ заводчикахъ, тѣхъ по росписи взять къ Москвѣ за карауломъ къ розыску въ Преображенской приказъ. За порохъ уговорщикамъ ден(ь)ги извольте дать съ общаго совѣту съ боярами изъ которово приказу нибудь, гдѣ есть деньги, а отъ себя давать не изволь. „*Piter.*“

Изъ Люблина въ 9 д іюня 1707.

Приписка на особомъ клочкѣ:

„Лучше сдѣлать такъ, чтобъ выслать въ Питербурхъ преж(д)е тѣхъ всѣхъ, которые не были въ заводчикахъ, перепоруча хотя круглою порукою; а заводчиковъ, которые тамъ нынѣ есть, будто за какимъ дѣломъ оставить и послѣ прибрать за караулъ и выслать, а естли заводчиковъ преж(д)е возмутъ за караулъ, то тѣ догадаются и разбѣгутся“.

XXXVIII.

„Sür.“ Письмо ваше, писанное изъ Москвы маія 30-го дня, мы приняли, на которое отвѣтствуемъ: шибаевъ до времени въ гварнизонъ отдавать не изволь, понеже вѣдомости перемѣняются у насъ инаково, «однакожъ изволь ихъ хорошо «исправить, дабы, когда понадобятся, удо«бны бъ были».

Изъ Люблина въ 13 д. іюня 1707

XXXIX.

„Sur.“ Я предъ симъ писалъ, чтобъ вы изволили шибаевъ еще у себя удержать и обучать; но нынѣ доношу, чтобъ ради всякихъ дѣлъ оставить половину у себя, а другую отдать въ гварнизонъ; такожъ и караулы въ Кремлѣ и Китаѣ надлежитъ вѣдать коменданту, такожъ и артилерію

всю надлежитъ емужъ вручить, дабы о состояніи сихъ городовъ удобнѣе на одномъ спросить было возможно. „*Piter*“.

Изъ Люблина въ 21 д. іюня 1707.

XL.

„Sür.“ Письмо ваше, писанное изъ Москвы іюня отъ 20 го дня, мы получили, въ которомъ изволили вы писать о Астраханскихъ ворахъ, о чемъ, паки, какъ чрезъ господина Мусина, такъ и нынѣ объявляемъ: изволь надъ оными учинить такъ, какъ господинъ Мусинъ вамъ предлагалъ; такожъ которые сидятъ у васъ по дѣлу Монцовны колодники и тѣмъ рѣшеніе учинить со общаго совѣту съ бояры, по ихъ винамъ, смотря чего они будутъ достойны. Въ нашъ полкъ зѣло нуженъ полковой писарь; того ради изволь выбрать изъ подъячихъ добраго и заобычного человѣка и выслать. „*Piter.*“

Іюля въ 6 д. Изъ Люблина. 1707.

XLI.

О деревняхъ Катерины Розинкины, о которой есть спорное челобитье въ Преображенскомъ приказѣ нашего полку капитана Ознобищина, изволь приказать сдѣлать выписку и прислать къ намъ, а тѣ деревни изволь отписать до указу. „*Piter.*“

Изъ Варшавы, августа въ 18 д. 1707.

XLII.

„Sür.“ Возвѣщаю вашему величеству, что вчерашняго дни получили мы вѣдомость отъ генерала-поручика Боура (который идетъ у непріятеля сзади), что оной командировалъ генерала-маіора Микуша съ 2000 ч. драгуны, которая партія напала на авангарду Шведскаго короля и оную разрушила, о чемъ подлиннѣе изволишь выразумѣть изъ вложенныхъ распросныхъ рѣчей, взятыхъ на сей акціи. Которою викторіею вашему величеству и брату вашему и протчимъ поздравляемъ. „*Piter*“.

Изъ деревни Перепечь въ 9 д. сентября 1707.

XLIII.

„Sür.“ Въ мартѣ мѣсяцѣ изъ Жолквы писано къ вашей милости, дабы тѣ деньги, которыя заняли комисары у господина генерала Репнина, изъ мундирныхъ вычетныхъ по роспискамъ на комисарахъ, взять и отдать присланному отъ генерала Репнина, кого онъ пришлетъ; то и нынѣче потвержаемъ, чтобъ изволили учинить. „*Piter*“.

Изъ Вильни въ 24 д. сентября 1707.

XLIV.

„Sür.“ Изволь объявить при съѣздѣ въ полатѣ всѣмъ министромъ, которые въ конзилію съѣзжаются, чтобъ они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали и каждой бы министръ своею рукою подписывали, что̀ зѣло нужно надобно „и безъ „того отнюдь никакого дѣла не опредѣля„ли, ибо симъ всякого добрость явлена „будетъ. „*Piter*“.

Изъ Вильни въ 7 д. октября 1707.

P. S. Доносилъ намъ Яковъ Брюсъ, что Василій Корчминъ забралъ изъ Московской артилеріи къ городовому дѣлу кирокъ и лопатокъ немалое число, которыя кирки и лопатки паки вели купить въ артилерію, чтобъ то число, что̀ онъ взялъ, было исполнено и всегда въ артилеріи было готово, а о деньгахъ, откуда на оную покупку взять, извольте опредѣлить съ общаго совѣту.“

XLV.

„Sür.“ Хотя въ бытность свою изъ Нарвы и изволили вы писать, чтобъ въ нашъ

полкъ на три баталіона мундиръ былъ отправленъ, однако и нынѣ паки о томъ же напоминаемъ, дабы вы изволили оной мундиръ немедленно сюда отправить, въ которомъ немалую имѣемъ нужду. „*Piter*.“

XLVI.

„Sür.“ На Семеновской полкъ мундиръ прикажи немедленно строить и присылать сюды, а денегъ двѣнадцать тысячь на строенье оного мундиру уже давно послано, а чего не достанетъ, то изволь изъ своихъ какихъ нибудь дополнить, которыя немедленно будутъ у салдатъ вычтены и къ вамъ высланы. „*Piter*“

Съ Горокъ, 30 дня іюля 1708.

XLVII.

„Sür.“ Письмо ваше, писанное изъ Москвы, мы получили, въ которомъ изволишь писать, что на Семеновской полкъ на кафтаны су́кна у города готовы, а на епанчи нѣтъ; того для епанчи изволь сдѣлать изъ другова какова цвѣту, кромѣ темнозеленова, чтобъ было дешевле и скорѣе могли поспѣть. „*Piter*.“

Изъ Веприна въ 23 д августа 1708.

XLVIII.

„Sür. Извѣствую вашему величеству что вчерашняго утра, по отправленной воинской думѣ съ восьмью баталіонами подъ командою генерала-маіора Голицына и нѣсколько шкадронами, взявъ Бога на помощь, на правое крыло короля Шведского, за двѣмя рѣками и болотами стоящаго, атаковали (при всей ево арміи) и по двучасномъ непрестанномъ огню оныхъ гордыхъ непріятелей сломили и въ лагерь ихъ вошли, нѣсколько знаменъ взяли, и трупомъ съ три тысячи положили, кромѣ раненыхъ. Сіи пять полковъ всѣ были природные Шведы, надъ которыми командовалъ генералъ-маіоръ Розъ. Имена же полкамъ и сколько съ нашей стороны побито, посылаю при семъ роспись, межъ которыми изволите увидѣть, что врученной мнѣ полкъ паче иныхъ дѣло свое исправлялъ. Которою викторіею вашему величеству поздравляю. *Piter*.“

Изъ лагоря, отъ мѣстечка Золочева, въ 31 д. августа 1708.

XLIX.

„Sür.“ Изволь сыскать человѣкъ пять или шесть добрыхъ коноваловъ и выслать въ нашъ полкъ. Такожъ противъ посланной росписи изволь приказать сдѣлать кафтаны и епанчи, которыхъ въ указное число въ полкъ не выслано; да сверхъ того камзоловъ и штановъ то число, которое будучи въ бои у Черной Напы пропало, и тѣ камзолы сдѣлать, кромѣ вычетныхъ денегъ. Да съ тѣмъ же платьемъ изволь прислать шесть сержанскихъ алебардъ, изъ тѣхъ, что̀ въ Преображенскомъ лишнія оставлены. Семеновскіе солдаты зѣло докучаютъ о платьѣ, которое такожъ, какъ возможно, изволь приказать скоряя дѣлать и присылать. „*Piter*.“

Изъ лагору отъ Днѣпра въ 22 д. сентября 1708

L.

„Sür.“ Объявляю вамъ, что мы вчерашнего дня непріятеля дошли, стоячего зѣло въ крѣпкихъ мѣстахъ числомъ шестнадцать тысячь, которой тотчасъ насъ изъ лѣсу атаковалъ всею пѣхотою во флангъ, но мы тотчасъ три свои регимента швенкель противъ ихъ учинили и, прямо давъ залпъ, на оныхъ пошли. Правда, хотя непріятель зѣло жестоко изъ пушекъ и ружья стрѣлялъ, однакожъ оного сквозь лѣсъ прогнали къ ихъ конницѣ, и потомъ непріятель паки въ бой вступилъ и, начавъ часъ послѣ полудни, даже до темноты бой сей съ непрестаннымъ зѣло жестокимъ огнемъ пребывалъ, и непрія-

тель не все отступалъ, но и наступалъ, и викторіи нельзя было во весь день видѣть, куды будетъ; но послѣди милостію побѣдыдавца Бога, оного непріятеля сломивъ, побили на голову такъ, что трупомъ съ восемь тысячь на мѣстѣ осталось (кромѣ, что по лѣсамъ отъ ранъ померло и Калмыки побили). Обозъ весь съ двѣ тысячи телѣгъ, шестнадцать пушекъ, сорокъ два знамя и поле со всѣмъ осталось намъ, а непріятели достальные по лѣсамъ разбѣжались, за которыми пошли сего дня вслѣдъ, а сколько съ нашей стороны побито и ранено, о томъ выправясь вѣдомость пришлемъ къ вамъ впредь; а съ непріятельской стороны въ полонъ взяты: одинъ полковникъ, да генерала Левенгопта генералъ отъютантъ и нѣсколько офицеровъ, а протчіе наши салдаты пардону не дали. „*Piter*.

Съ боевова мѣста въ 29 д сентября 1708.

P.S. Прошу, дабы сего доносителя капитаномъ пожаловать въ нашъ полкъ“.

LI.

„Sür.“ Противъ посланной при семъ росписи мундиръ и протчее изволь изготовить и прислать въ нашъ полкъ немедленно во Брянскъ. „*Piter*“.

Изъ Смоленска въ 13 д. октября, 1708.

LII.

„Sür.“ Съ симъ письмомъ посланы образцовыя: полатка да перемида, противъ которыхъ изволь приказать сдѣлать въ нашъ полкъ семьсотъ полатокъ да семьдесятъ перемидъ, въ Семеновской пятьсотъ двадцать полатокъ да пятьдесятъ двѣ перемиды, и прикажи выбрать къ тому полотна, которое бъ было почаще. „А сіе изволь приказать потщательнѣе сдѣлать. Зѣло нужно, а цѣна небольшая. „*Piter*.“

Изъ Смоленска въ 16 д октября 1708.

P.S. При семъ послана къ вамъ роспись салдатомъ, которые за старостью, а иные за пьянствомъ изъ нашего полку отставлены, которыхъ изволь пересмотрить, и годныхъ употребить къ дѣлу или отдать въ гварнизонъ, а которые не годны, тѣмъ дать волю: куды хотятъ“.

LIII.

„Sür.“ Письмо ваше, писанное о полаткахъ чрезъ капитана вашего, мы получили, на которое отвѣтствую: полатки извольте приказать сдѣлать изъ русскаго полотна, которое бъ было плотнѣ; а деньги на тѣ полатки извольте держать изъ какихъ нибудь отъ себя (а по времени тѣ деньги вамъ отдадимъ), и понеже тѣмъ легко можете управиться для того, что тѣ полатки къ будущей компаніи надобны. Другова вашего капитана Пестова, который присланъ съ ружьемъ и мундиромъ, мы здѣсь удержали, за тѣмъ что присланного съ нимъ ружья и мундиру еще сами не смотрѣли, а когда осмотримъ, то не мѣшкавъ оного къ вамъ отпустимъ. „*Piter*.“

Изъ Лебедина въ 27 д. ноября 1708.

P.S. Полатки прикажи дѣлать противъ сей посланной, какова послана съ симъ посланнымъ, а не противъ прежней, которая послана изъ Смоленска.“

LIV.

„Siire.“ Изволь приказать нарядить въ Санктъпитербурхъ каменщиковъ полтораста человѣкъ и чтобъ они стали тамъ на срокъ и явились Ульяну Синявину февраля въ первыхъ числахъ. „*Piter*.“

Изъ Лебедина въ 30 д. ноября 1708.

Помѣта: 1708 декабря въ 20 день подалъ письмо Синявинъ изъ арміи.

LV.

„Sire.“ У присланнаго отъ васъ капитана Пестова ружье и мундиръ здѣсь принято, и онъ отпущенъ. „*Piter.*“

Изъ Лебедина въ 5 д. декабря 1708.

LVI.

„Sire.“ На Семеновской полкъ, ежели кафтаны и камзолы скоро не поспѣютъ, то хотя епанчи прикажи поскоряя сдѣлать и прислать, понеже въ нынѣшнее зимнее время отъ стужи епанчи весьма нужны, надобны. „*Piter.*“

Изъ Лебедина въ 14 д декабря 1708.

LVII.

„Sire.“ На полкъ нашъ изволь приказать дѣлать сапоги драгунскіе съ шпорами и съ клампанами изъ вычетныхъ мундирныхъ салдацкихъ денегъ и прислать сюды. Такъ же противъ посланныхъ отъ насъ росписей ружье и протчую амуницію прикажи сюды выслать сполна. „*Piter.*“

Изъ Сумъ въ 23 д. генваря 1709.

LVIII.

„Sere.“ По полученіи сего изволь прислать сюды пять кречетовъ немедленно съ охотниками, которые бъ ихъ въ пути берегли, а здѣсь пріѣхавъ явились господину Головкину. „*Piter.*“

Изъ Сумъ, генваря въ 29 д. 1709.

LIX.

„Sire. Понеже воръ Голой и протчіе всѣ говорятъ на Зерншикова, того ради изволь оного Зерншикова и протчихъ, по вложенной росписи, выслать сюды за крѣпкимъ карауломъ немедленно. Также не изволь запамятовать о достальномъ мундирѣ на Семеновской полкъ. *Piter.*

Изъ Воронежа въ 2 д. марта 1709.

P. S. А протчихъ тринадцать человѣкъ противъ посланной же при семъ росписи принять за крѣпкой караулъ въ Преображенское.“

LX.

„Sire.“ На полкъ нашъ сапоги драгунскіе изволь дѣлать и посылать въ армію не мѣшкавъ, о чемъ и прежъ сего мы писали; а объ отпускѣ ружья князь Матвѣю Гагарину приказано. Василья Поздѣева вели прибрать, для того что онъ ѣдучи изъ Черкаскаго къ Москвѣ приказывалъ, чтобъ въ старой и въ новой Адарѣ, вверхъ по Донцу, въ Бобровскомъ, въ Краснянскомъ и въ Сухаревскомъ по прежнему всякіе пришлые люди селились; чего для, выписавъ изъ роспросу пойманнаго бурлака Якушки Бѣлоусова, при семъ къ вамъ посылаемъ копію, которую его вину ему объяви и посади за караулъ, а протчихъ, которые съ нимъ были, отпусти съ Зимовою станицею вмѣстѣ. „*Piter.*“

Изъ Таврова въ 10 д. апрѣля 1709.

Выписка на особомъ листкѣ:

Пойманъ на Айдарѣ въ Закопномъ бурлакъ Якушка Бѣлоусовъ, а въ роспросѣ сказалъ: былъ де онъ на Донцѣ въ городкѣ Лугани и какъ де ѣхалъ Василей Поздѣевъ изъ Черкаского къ Москвѣ, будучи въ Лугани, онъ, Василей Поздѣевъ, приказывалъ, чтобъ въ старомъ Айдарскомъ и въ новомъ Айдарскомъ и вверхъ по Донцу, въ Бобровскомъ, въ Краснянскомъ и въ Сухаревскомъ по прежнему всякіе пришлые люди селились, и въ старомъ де Айдарѣ и по Донцу, въ вышеписанныхъ городкахъ собираются люди и почали строиться, а объ указѣ де сказывалъ онъ, Василей Поздѣевъ, что присланъ будетъ имъ по его прошенію вскорѣ.

LXI.

„Sire.“ Доносимъ вамъ о зѣло превеликой и неначаемой викторіи, которую Господь Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ салдатъ даровати изволилъ съ малою войскъ нашихъ кровію, таковымъ образомъ: сегодни на самомъ утрѣ жаркій непріятель нашу конницу со всею арміею конною и пѣшею отаковалъ, которая, хотя по достоинству держалась, однакожъ принуждена была уступить, токмо съ великимъ убыткомъ, непріятелю. Потомъ непріятель сталъ во фронтъ противъ нашего лагору, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту изъ транжамента вывели и предъ очи непріятелю поставили, а конница на обѣихъ флангахъ; что̀ непріятель увидя, тотчасъ пошелъ отаковать насъ, противъ котораго наши въ встрѣчю пошли и тако оного встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили. Знаменъ, пушекъ множество взяли. Такожъ генералъ-фелдмаршалъ господинъ Рейншилдъ купно съ четырьмя генералы, а имянно: Шлипембахомъ, Штакенберхомъ, Гамольтономъ и Розеномъ. Такожъ первый министръ графъ Пиперъ съ секретарми Гемерлиномъ и Цидергелмомъ въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячь офицеровъ и рядовыхъ взято, о чемъ подробну вскорѣ доносить будемъ (а нынѣ за скоростію невозможно). И единымъ словомъ сказать: вся непріятельская армія Фаэтоновъ конецъ воспріяла; а о королѣ еще не можемъ вѣдать: съ нами ль или съ отцы нашими обрѣтается? А за разбитымъ непріятелемъ посланы господа генералы-порутчики князь Голицынъ и Боуръ съ конницею. И сею у насъ неслыханною новиною „вашему величеству поздравляю и прошу, дабы сей доноситель пожалованъ былъ чиномъ лейтнанта въ нашъ полкъ. *Piter*.“

Изъ лагора въ 27 д. іюня 1709.

Помѣта: подано письмо іюля 2-го дня, подалъ Пракоѳей деншикъ.

LXII.

Siire. Доносимъ вамъ, что по учиненной викторіи къ посланнымъ за разбитымъ непріятелемъ двумъ генераломъ-лейтенантомъ, посланъ въ 28 д. генералъ князь Меньшиковъ, который въ 30 д. іюня оныхъ непріятелей у Переволочны дошелъ, и по многимъ посылкамъ оное все войско, яко воинскіе полоняники, положа ружье со всѣми людьми и артилеріею, нашимъ безъ бою сдались; только король съ шестью или семью стами и двумя генералы Шпаромъ и Лагаркрономъ и Мазепою ушли, за которыми такожъ послано, и уже и изъ оныхъ многіе побиты и взяты (о чемъ пространнѣе изъ реляціи видѣть возможно). А что взято людей, знаменъ и артилеріи, о томъ изъ посланной росписи видѣть возможно.

И тако вся непріятельская армія намъ чрезъ помощь Божію въ руки досталась, которою въ свѣтѣ неслыханною викторіею «вашему величеству поздравляемъ, и нынѣ уже безъ сумнѣнія желаніе вашего величества, еже резиденцію вамъ имѣть въ Питербурхѣ, совершилось чрезъ сей упадокъ конечной непріятеля. *Piter.*»

Изъ лагору отъ Полтавы въ 8 д. іюля 1709.

LXIII.

Sire. Просимъ ваше величество, дабы вы доносителя сихъ писемъ взыскали рангомъ генерала-маіора. «*Piter*.

Изъ лагору іюля въ 9 д 1709.

P. S. Лопатокъ желѣзныхъ извольте послать не мѣшкавъ въ Нарву 3000, и чтобъ оные конечно туда поспѣли къ сентябрю мѣсяцу, а въ Бѣлгородъ по письму господина генерала-порутчика Брюса лопатокъ высылать не вели.“

LXIV.

Sire. Вашего величества милостивое писаніе намъ и указъ къ его превосхо-

дительству господину фелдмаршалу и кавалеру Шереметеву, отъ которого именемъ вашимъ чинъ третіего флагмана во флотѣ и рангъ старшего генерала-лейтенанта на земли мнѣ объявленъ, и хотя я еще столько не заслужилъ, но точію ради единаго вашего благоутробія сіе мнѣ даровано, въ чемъ молю Господа силъ, дабы могъ вашу такую милость впредь заслужить. «*Piter*.

Отъ Полтавы въ 15 д. іюля 1709.“

LXV.

Sire. Архіерея Резанского, также братію и протчихъ дому ево служителей прикажи вѣдать всякими дѣлами въ одномъ монастырскомъ приказѣ, а въ другіе ни въ которые волочить не вели, и въ вашихъ приказахъ кромѣ только государственныхъ дѣлъ ихъ не вѣдать. «*Piter*.»

P. S. Василей Корчминъ отпущенъ къ Москвѣ для своихъ нуждъ и безъ спросу взялъ съ собою нашей роты салдатъ четырехъ человѣкъ, которыхъ имяна при семъ посылаются, и оныхъ сыскавъ изволь выслать не мѣшкавъ во армею въ полкъ нашъ чрезъ Смоленскъ.

Помѣта: Мусинъ отдалъ августа въ 12 д. 709

LXVI.

«Sire. Письмо вашего величества я получилъ на пріѣздъ полуполковника господина Долгорукова; притомъ же въ ономъ письмѣ означенъ якобы бракъ дщери вашей, и чтобъ зятю вашему не ѣхать для ученья на годъ, что̀ я съ печалью принялъ и паче не вѣрю оному, ибо предъ симъ какъ бракъ сына вашего, такъ и старшей дщери никогда утаенъ отъ насъ не былъ, и мню сіе письмо на гнѣвъ или руганіе прислано; того ради никакого зятя знать не можемъ, ибо никому о томъ не явлено по обычаю. *Piter*

Изъ Кіева въ 13 д. августа 1709.“

LXVII.

«Sire. Въ сихъ дняхъ писалъ братъ нашъ цесарское величество, дабы ваше величество изволилъ прислатъ къ нему новой ловли дикихъ (необученыхъ) птицъ: кречетовъ, соколовъ, челиговъ и прочихъ, для чего прислалъ своево сокольника, котораго посылаемъ съ симъ письмомъ, которому изволь дать на волю выбрать птицъ вышеписанныхъ, сколько какихъ сыскать возможно. *Piter*.

Изъ Сольцы надъ Вислою въ 15 д. сентября 1709.“

LXVIII.

Sire. Извѣствую вашему величеству, что комендантъ Выборской, по изготовленіи бреша, не дожидая шторма, вчерашняго числа на акордъ сдался, и того же времени нашихъ два баталіона съ сей стороны и нѣсколько ротъ отъ генерала-маеора Берголца на бреши поставлены, а сегодня нашъ полкъ будетъ караулы у Шведовъ всего города принимать. И тако чрезъ взятіе сего города Санктъпитербурху конечное безопасеніе получено, чѣмъ вашему величеству поздравляемъ, а что взято артилеріи и амуниціи и протчево, о томъ впредь доносить будемъ. «*Piter*.»

Изъ Выборха въ 14 д. іюня 1710.

«P. S. Прошу вашего величества, дабы сей доноситель пожалованъ былъ въ морской флотъ подпорутчикомъ, и о томъ къ адмиралу указъ присланъ былъ.»

LXIX.

Sire. Противъ челобитья нашего полку капитана порутчика Коншина извольте розыскать воеводою Коширскимъ, также сыщикомъ и протчими, кто по тому дѣлу приличны, накрѣпко, и которые помѣщиковы и вотчинниковы и монастырскіе крестьяне явились въ томъ разбоѣ, и за

тѣхъ на комъ доведется по розыску, прикажите ему доправить выть по указу. «*Piter.*»

Изъ Санктъ-Питербурха іюля 12 дня 1710

LXX.

Sire. Вчерашняго числа получена отъ господина генерала фелдмаршала Шереметева вѣдомость, что Рижской гонералъ-губернаторъ Систремберхъ вышереченной городъ купно съ ситаделью на окордъ отдалъ, а что̀ во ономъ артилеріи, амуниціи и протчего получено, о томъ за краткостію времени объявить не успѣлъ, но потомъ вскорѣ пространно писать будетъ. И тако сей славный и крѣпкій городъ съ малымъ урономъ чрезъ Божію помощь отъ непріятеля взятъ, и симъ вашему величеству поздравляемъ. «*Piter.*»

Помѣта: подалъ письмо Семенъ Григорьевъ сынъ Нарышкинъ іюля 17 числа 1710.

LXXI.

Sire. Доношу вашему величеству, дабы вы указали противъ вложенной при семъ росписи карлъ на Москвѣ собрать и выслать оныхъ сюда сентября къ двадесятому числу, такъ же, ежели возможно и сверхъ росписи гдѣ сыскать, то изволь оныхъ приказать поискать и выслать съ ними вмѣстѣ для свадьбы Екима Волкова. «*Piter.*»

Изъ Санктъ-Питербурха августа въ 7 день 1710.

Роспись карламъ, которые на Москвѣ:

Въ Преображенскомъ на государевѣ дворѣ 2
у царицы Параскевіи Ѳеодоровны . . 2
у царицы Марѳы Матвѣевны . . 1
у Шеина 1
у Алексѣя Петровича Салтыкова . 2
у Тихона Никитича Стрѣшнева . . 1
у князь Петра Хованскаго . . . 1
у князь Бориса Прозоровскаго . . 1
у Андрея Апраксина 1
у Александра Львовича Нарышкина 2
у князь Ѳедора Юрьевича . . . 1
у адмирала 1
у Петра Шафирова 1
у Нелединского 1
у князь Михайла Михайловича Голицына 1
у Ивана Ивановича Бутурлина-Обморока 1
у Ивана Нарышкина 3
у Никиты Моисѣевича 1
у Гаврила Ивановича 2
у князь Петра Долгорукова . . 2
у князь Матвѣя Гагарина . . . 1
у князь Михайла Алегуковича . 2

LXXII.

Sire. Вчерашняго числа получена отъ господина генерала-лейтенанта Боура вѣдомость, что Перновской комендантъ вышереченной городъ Перновъ на окордъ отдалъ, а что̀ во ономъ артилеріи, амуниціи и протчего получено, о томъ за краткостію времени объявить не успѣлъ, но потомъ вскорѣ пространно писать будемъ. И тако сей гварнизонъ счастливо безъ всякого урону нашихъ людей чрезъ Божію помощь взятъ, и симъ вашему величеству поздравляемъ. «*Piter.*

Изъ Санктъ-Питербурха августа 23-го дня 1710.

P. S. На нашъ полкъ мундиръ прикажите сюда прислать и подводы подъ оной извольте нанять отъ себя, ибо денегъ на то немного надобно.»

LXXIII.

Sire. Посланъ Андрѣй Виніюсъ къ гетману господину Скоропадскому на мѣсто Андрѣя Измаилова, и бьетъ челомъ онъ Андрѣй, что изволите съ него спрашивать съ другова его платежа пошлинъ штисотъ пяти рублевъ. Онъ же проситъ, что есть челобитная его въ вашемъ приказѣ о человѣкѣ ево, которой снесъ ево и долговыхъ пожитковъ на шестьсотъ рублевъ, а указу ему по ней не учине-

но: того ради тѣхъ доимочныхъ денегъ на немъ спрашивать не извольте; а о человѣкѣ его прикажите противъ челобитной розыскать и что̀ надлежитъ, противъ того указъ изволите учинить. «*Piter.*»

Въ 10 день сентября отъ Питербурха 1710.

P. S. Сего числа получена сюда вѣдомость отъ господина генерала маіора Брюса, что камендантъ Корельской тоё Корельскую крѣпость по учиненному съ нимъ акорду отдалъ сего мѣсяца 8 го дня, и наши люди во оную крѣпость введены, и симъ вашему величеству поздравляемъ. А что во оной взято артилеріи и амуниціи, тому при семъ роспись.

LXXIV.

Sire. Просимъ ваше величество, дабы вы повелѣли сыну своему и съ супругою его для браку племянницы моей быть сюда „не мѣшкавъ, о чемъ паки прилѣжно прошу. *Piter*".

Изъ Санктъ-Питербурха сентября 16-го дня 1710 г.

«P. S. Вчерашняго числа получена сюда вѣдомость отъ господина генералъ лейтенанта Боура, что посланной отъ него маіоръ Арнгеймъ островомъ, называемымъ Эзелъ, овладѣлъ сентября 8-го дня, и на томъ острову крѣпость Аранцбургъ взялъ. Сей островъ зѣло изрядной есть и великой, стоитъ отъ Риги въ 10 миляхъ, (на большомъ морѣ), величиною верстъ на сто, на которомъ много деревень и восемь парахей, а въ крѣпости взято 66 пушекъ и 4 мортира.»

LXXV.

«Sire. Извѣствую вашему величеству, что Всевышній сію компанію едва не сравнительну прошлой даровалъ, ибо и послѣдней городъ Ревель генералу лейтнанту Боуру на окордъ сдался, и тако Лиѳляндія и Эстляндія весьма отъ непріятеля очищена, и единымъ словомъ изрещи, что непріятель на лѣвой сторонѣ сего восточного моря неточію городовъ, но ниже сте(у)пени земли имѣетъ; и тако нынѣ надлежитъ Господа Бога просить точію о добромъ мирѣ. И тако сіе объявя вашему величеству онымъ поздравляя, пребываю всегдашнимъ нижайшимъ слугою. *Piter.*

Изъ Санктъ-Питербурха въ 10 д. октября 1710."

Помѣта: 1710-го октября въ 24 д. подалъ Матвей Олсуѳъевъ.

LXXVI.

Sire. Ежели Иванъ Бунаковъ сторговалъ дворъ Московской у порутчика нашего полку Корчмина и свидѣтели тому есть, и вы извольте приказать по договору у Бунакова деньги взять, а у Корчмина жены купчую и оныхъ размѣнять. Сіе изволь по правдѣ сыскавъ учинить. «*Piter.*»

Изъ Питербурха въ 29 день октября 1710.

LXXVII.

Sire. По розыскному дѣлу вдовы Шапкиной, которое взято къ вамъ въ Преображенское изъ Сибирского и изъ другихъ приказовъ, извольте приказать розыскать правдою, какъ надлежитъ, не обходя никого, кто по тому дѣлу приличились. «*Piter.*»

Изъ Питербурха въ 8 день ноября 1710.

LXXVIII.

Sire. При семъ посылаемъ къ вашему величеству съ маіоромъ Генинomъ текены всѣхъ седми городовъ, которые завоеваны прошедшей компаніи. «*Piter.*»

Изъ Санктъ Петербурха въ 27 д. 1710

Помѣта: подалъ письмо иноземецъ маеръ Генинъ 1710 г. дек. въ 4 д.

LXXIX.

Sire. На Семеновской полкъ мундиръ, ежели сдѣланъ, то извольте послать въ Кіевъ; буде же не сдѣланъ, то прикажите какъ наискоряя сдѣлать, и по тому жъ отправить въ Кіевъ немедленно. «Петръ.»

Отъ рѣки Прута въ 1 день іюля 1711 г.

Помѣта: 1711-го іюля въ 16 день, подалъ письмо Макаровъ сынъ Палянскова.

LXXX.

Sire. Возвѣщаю вашему величеству, что по многимъ и жестокимъ боямъ учиненъ съ Турками вѣчной миръ, а какимъ образомъ то учинилось, о томъ прилагаю при семъ реляцію. «*Piter.*»

Изъ лагеру отъ Днѣстра въ 28 день іюля 1711.

Помѣта: 1711-го августа въ 17 д. Подалъ письмо дьячей сынъ Василья Нестерова.

LXXXI.

Реляція о поведеніи бывшемъ въ армеѣ его царскаго величества маія съ 30 числа 1711-го и о бою съ Турки и о постановленіи вѣчнаго мира.

30 дня маія генералъ фельдмаршалъ Шереметевъ перешелъ Днѣстръ подъ мѣстечкомъ Рашковымъ.

И перешедъ, послалъ къ Ясамъ брегадира Кропотова въ Ясы для принятія господаря Волоскаго. Въ 3 день Іюня оный господарь поддался, а въ 6 день пріѣхалъ со всѣми принцыпалы той провинціи къ фельдмаршалу.

Іюня 18-го дня пѣхота наша вся случилась у Днѣстра подъ Сорокою.

Іюня въ 19 день перешли Днѣстръ (а генералъ маіоръ Гешовъ оставленъ за Днѣстромъ для приготовленія магазейна). 23 день пришли къ Ясамъ, гдѣ генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ и генералы отъ кавалеріи отъ своего корпуса, которой въ 6 миляхъ стоялъ впереди инфантеріи, пріѣхали такожъ господарь Волоской и отъ Мултьянскаго присланной Кастріотъ, которой междо иными прошеніи объявилъ и то, что везирь чрезъ патріарха Іерусалимскаго приказывалъ господарю его провѣдать: склонны ль съ нашей стороны къ миру, а онъ о томъ указъ имѣетъ, что тогда частію не повѣрено, пачежъ того ради не принято, дабы не дать непріятелю сердца. Потомъ былъ воинской совѣтъ какъ поступать, а наипаче говорено о провіянтѣ, понеже оного въ той разореной земли мало сыскано; для того положено было у Ясъ войску стать и дѣлать магазейнъ; но междо тѣмъ получена вѣдомость, что Турки Дуная не переправились и еще будто не въ сборѣ, и для того зѣло прошаны отъ господаря Волоского и протчихъ чиновъ земли той, дабы ускорить непріятеля къ Дунаю, представляя за рѣкою Сыретью великіе магазейны, которые Турки въ Мултьянской землѣ собрали и по деревнямъ около Браила лежатъ безъ всякой обороны, на что и отъ господаря Мултьянского присланные графъ Кантакузинъ и Кастріотъ подтвержали. Того ради, хотя и опасно было, на ихъ прошеніе соизволено, и по многимъ разговоромъ надѣялись непріятеля ускорить къ Дунаю. Чего для положено всему войску итти по правую сторону Прута, дабы сія рѣка была междо насъ и Турковъ до урочища Фанцы (понеже ниже сего урочища за великими болотами непріятелю зѣло трудно или весьма не можно перебраться было), а отколь чрезъ лѣсъ къ Сырети рѣкѣ, куда командированъ съ половиною кавалеріи генералъ Ренъ для забранія провіанту, и чтобъ случиться у Галаціи и устроя магазейнъ искать непріятеля. И тако по сему воспріяли маршъ свой, которой продолжали до 7 числа іюля, въ которомъ числѣ ввечеру получена нечаянная вѣдомость отъ генерала Януса (которой съ кавалеріею шелъ въ дву миляхъ передъ инфантеріею), что непріятель уже Прутъ перебрался, и онъ принужденъ ретироватся къ пѣхотѣ. И такимъ образомъ непріятель упредилъ оное намѣренное намъ мѣсто и разрѣзалъ комуникацію междо главною армеею и генераломъ Реномъ; того ради трудились, чтобъ маршъ свой обратить въ правую сторону къ Сыретѣ, но великихъ ради горъ и безводицы не могли того учинить, а непріятель уже совсѣмъ пришелъ въ 8 день на вечеръ, а въ 9 день крѣпко нашу сперва арирьгардію,

а потомъ на вечеръ и все войско отаковалъ. Во весь день которой, хотя съ великою фуріею нападалъ всѣмъ войскомъ, однакожъ, съ помощію Божіею всегда былъ отбитъ (и совершенно бы могъ побѣжденъ быть, ежели бъ не раздвоена была конница наша). Потомъ непріятель, видя, что оружіемъ своимъ не можетъ нагло ничево учинить, то въ ту ночь окопалъ пѣхоту и сталъ апрошами приближаться къ нашимъ рогаткамъ и построилъ великія батареи.

Въ 10 день поутру великая стрѣльба была отъ непріятеля и отъ насъ изъ пушекъ; тогда паки учиненъ воинской совѣтъ, на которомъ положено, чтобъ по объявленію Кастріотову предложить Туркомъ о мирѣ, а междо тѣмъ обозъ велѣно сдвинуть и частію окопать, дабы, ежели не приметъ непріятель мира, чтобъ, оставя обозъ, итить на непріятельскіе апроши и оныя отаковать (ибо для худыхъ лошадей при такой силѣ непріятельской ни впредь итить не имѣя магазейновъ, ниже отступать было возможно). Того же дни о полудни везирь тотчасъ отзвался письмомъ фелдмаршалу, что оной зѣло желаетъ миру и чтобъ послать депутатовъ для оного, и того же времени посланъ для трактованія подканцлеръ баронъ Шафировъ, которой въ 12 день оной заключилъ на томъ, чтобъ Туркомъ, испразня, отдать взятые городы, а новопостроенные разорить, а противъ того имъ не мѣшаться въ Шведскія дѣла и короля отпустить. Тогоже дня обѣ арміи съ тогомѣста разошлись.

Въ 25 день получена вѣдомость отъ генерала Рена, что оной городъ Браилъ взялъ, которая его реляція прилагается при семъ.

Непріятельскаго Турецкого войска было:

Конницы:

Дворы пашей, а въ нихъ . . .	20,170
Займовъ и тимаровъ	17,873
4 крыла шпаговъ, а въ нихъ. .	17,773
Сарденгелштовъ	2,046
Итого конницы	57,862

Пѣхоты:

Янычанъ	20,000
Тебедъ, жидовъ и панцырниковъ	10,000
Пушкарей	7,000
Работныхъ людей.	1,400
Янычанъ Египетскихъ	3,403
И того пѣхоты	61,803
Бошняковъ и Арнаутовъ. . . .	20,000
Всего конницы и пѣхоты. . . .	129,665
Да Татаръ съ ханомъ Крымскимъ	70,000

Артилеріи:

Пушекъ большихъ	84
Пушекъ полевыхъ	360
Мортировъ	25

А съ нашей стороны было кавалеріи 6,692
Инфантеріи. 31,554

Въ артилеріи:

Пушекъ мѣдныхъ:

12. фунтовыхъ	2
8. фунтовыхъ	8
3. фунтовыхъ	18

Мортировъ мѣдныхъ:

Пудовыхъ	2
6 фунтовыхъ	12
Чюгунныхъ.	9

Гоубицъ мѣдныхъ:

Пудовая	1
Полупудовая	1
При полкахъ было пушекъ 3 ф. . . .	69

Съ непріятельской стороны побито 6000, кромѣ раненыхъ.

Нашихъ убито:

Генералъ маіоръ Видманъ.	1
Штабъ и оберъ-офицеровъ	44
Ундеръ-офицеровъ и рядовыхъ . . .	707
Итого	752

Въ полонъ взято и безвѣстно пропало:

Офицеровъ	3

Ундеръ-офицеровъ и рядовыхъ	729
И того	732

Ранено:

Генералъ Галартъ	1
Генералъ маіоръ Волконской	1
Штабъ и оберъ-офицеровъ	93
Ундеръ-офицеровъ и рядовыхъ	1293
И того	1388
Всего убито и въ полонъ взято и ранено	2872

Приложеніе списка генерала Рена, каковъ онъ писалъ къ его царскому величеству.

Всемилостивѣйшій государь! Вашего царского величества указъ о сочиненіи миру съ салтанскимъ величествомъ турскимъ подъ Браилемъ писанной изъ обозу 12 числа, получили 16 числа іюля, и по тому указу оружіе ваше удержано. Прежде полученія помянутого указу подъ Браилъ пришли и форштатъ атаковали 12 числа, замокъ штурмовали 13 числа, на акордъ помянутой замокъ получили 14 числа, съ такимъ договоромъ, что Даудъ паша со всѣми людьми (кромѣ его персоны) имѣетъ безъ ружья и экипажу выступить, и по тому договору оные Турки такъ и учинили, и 17 числа при отступленіи отъ помянутого Браила паки паша Даудъ призванъ и оной городъ ему врученъ съ пушками и что во ономъ было. Потомъ я по присланному вашего величества указу маршъ свой къ главной армiѣ воспріялъ.

LXXXII.

Sire. Объявляемъ вашему величеству, что сего дня бракъ сына моего, съ помощію Божіею, совершился здѣсь въ Торгау въ дому королевы Польской, на которомъ бракѣ довольно было знатныхъ персонъ. И при семъ эрцогъ Вольфенбительской сватъ мой со всею фамиліею вашему величеству лицеземной поклонъ отдаютъ. «Петръ.»

Изъ Торгау въ 14 д. Октября 1711.

ШУТОЧНЫЙ ПАТЕНТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДУМНОМУ ДВОРЯНИНУ ПРОКОПІЮ УШАКОВУ (*).

Потентъ любезнейшему і близнейшему свойственнику по отцѣ, матери, женѣ і по протчимъ сродникомъ і свойственникомъ ево, яко неупърямому роду по обѣімъ поламъ, господину господину думному дворянину, Прокопию Ушакову чернинькому мымричку дурачику — чку.

Вѣдомо чинимъ всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ, чтобъ оного называли неупърямой фамилиі веселинькой шутикъ іли дурачикъ — чокъ; а хто ево назоветъ дуракомъ, тѣмъ платить вышней саржи(**) по золотому, другимъ рубль, третьему полтина, четвертому пол-полтины, самымъ низкимъ гривъна.

(*) Подлинникъ писанъ собственноручно Петромъ великимъ. Сохранено его право или вѣрнѣе кривописаніе *П. Б.*

(**) Французское charge—должность, чинъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ПАРИЖѢ.(*)

Въ 1717 году Петръ Великій предпринялъ второе путешествіе по Европѣ, съ намѣреніемъ посѣтить и Францію. Еще незадолго до смерти Людовика XIV Петръ изъявилъ желаніе пріѣхать въ Парижъ, но король отклонилъ это намѣреніе: онъ былъ уже старъ, боленъ, финансы государственные были такъ разстроены, что не позволяли ему блеснуть прежнею придворною пышностью, а къ простымъ пріемамъ Людовикъ XIV не привыкъ. Семьнадцать мѣсяцевъ послѣ его смерти, честь принять Петра выпала на долю его преемнику молодому Людовику XV, которому 15 февраля 1717 года только минуло 8 лѣтъ. Въ этотъ день няньки передали молодаго короля послѣ обычнаго медицинскаго осмотра, въ добромъ здоровьѣ, подъ мужской присмотръ, для воспитанія; регентъ принялъ короля отъ няньки герцогини Вентадуръ (Ventadour). Обрядъ этотъ совершился съ нѣкоторою торжественностью. По пріѣздѣ въ Парижъ, послѣ свиданія съ королемъ, Петръ писалъ къ Меншикову, отъ 2 мая: „Объявляю вамъ, что я прибылъ сюда Апрѣля 26 благополучно и три дни съ двора не съѣзжалъ для визитовъ и нынѣ началъ, что надобно, смотрѣть. Ѣдучи дорогою до Парижа видѣли въ подломъ народѣ бѣдность не малую. *Король матерой человѣкъ и гораздо старъ лѣтами, а именно семи лѣтъ*, который былъ у меня и я у него“ (¹).

Въ сущности не одно любопытство и жажда знаній привлекли Петра въ Парижъ: цѣль его была расторгнуть союзъ Франціи съ Швеціей и заключить союзъ съ Людовикомъ XV; онъ хотѣлъ этимъ укрѣпить за собою завоеванныя имъ у Швеціи владѣнія, а Франціи обезпечить условія утрехтскаго договора. Во все время пребыванія Петра Великаго въ Парижѣ шли переговоры по этому вопросу; регентъ поручилъ вести ихъ маршалу Тессе (Tessé), подъ руководствомъ маршала Юкселла (Uxelles), президента совѣта иностранныхъ дѣлъ. Царскіе министры предлагали: взаимную дружбу между обѣими державами и союзъ, заключеніе оборонительнаго договора, коимъ царь и король Прусскій гарантировали бы Франціи баденскій и утрехтскій договоры, а Франція, съ своей стороны, гарантировала бы царю одержанныя имъ надъ Швеціей побѣды и что она не будетъ помогать Швеціи, ни прямо, ни косвенно, деньгами или войскомъ. На эти предложенія маршалъ Тессе отвѣчалъ, что Франція готова заключить съ Россіей дружественный союзъ, но въ то же время она не можетъ и не хочетъ нарушать заключенныхъ съ союзниками договоровъ, и такъ какъ у нея заключенъ уже подобный договоръ съ Швеціей, она можетъ только обѣщать не возобновлять его. Гарантировать же побѣды не возможно, потому что успѣхъ оружія слишкомъ не постояненъ. На отвѣтъ маршала Тессе царскіе министры

(*) Въ № 5 мъ Еженедѣльнаго Прибавленія къ Русскому Инвалиду 1865 г. помѣщенъ переводъ статьи Эдуарда де Бартелеми (изъ Revue Contemporaine), подъ заглавіемъ: „Петръ великій во Франціи въ 1716 году.“ Статья эта составлена по французскимъ бумагамъ и мемуарамъ; помѣщаемая же нами здѣсь — преимущественно по источникамъ *русскимъ*. *П. Б.*

(¹) Дополн. къ дѣян. Петра В. Голикова т. XI, стр. 396.

возражали, что никто не мѣшаетъ Франціи заключить съ Россіей договоръ, упрочивающій за Франціей утрехтскій и баденскій договоры, тѣмъ болѣе, что царь русскій, угождая этимъ Франціи, дѣлаетъ тѣмъ самымъ непріятное Римскому императору. Если же Франція затрудняется гарантировать побѣды Россіи надъ Швеціей, то Россія въ этомъ не нуждается, но зато она желаетъ, чтобы никто не мѣшалъ Русскому царю самому расправляться съ Шведскимъ королемъ и чтобъ договоръ заключенный съ Швеціей былъ обращенъ къ Россіи, потому что система Европейскаго равновѣсія измѣнилась: Франція заключила съ Швеціей трактатъ въ то время, когда у Шведскаго короля были владѣнія въ Германіи и союзъ съ Швеціей и другими германскими союзниками уравновѣшивалъ могущество Римскаго императора; теперь обстоятельства измѣнились: Франція потеряла своихъ германскихъ союзниковъ, Швеція, почти уничтоженная, не можетъ быть болѣе никакою помощію, вліяніе императора усилилось, и потому Россія предлагаетъ Франціи союзъ вмѣсто Швеціи и не только съ собою, но и съ Пруссіей, безъ которой дѣйствовать нельзя. Польша будетъ сама просить примкнуться къ этому союзу, и тогда не только что возстановится равновѣсіе, зависѣвшее отъ Швеціи, но соединенныя силы этихъ государствъ перевѣсятъ могущество Римскаго императора. Далѣе, эти предложенія Россіи не противорѣчатъ и заключеннымъ договорамъ Франціи съ Англіей и Голландіей, въ интересахъ которой ослабить власть Римскаго императора: Англія же такъ непостоянна и притомъ раздираемая внутренними раздорами, она можетъ легко обмануть ожиданія Франціи: тогда Россія замѣнитъ и Швецію и Англію, но съ тѣмъ, чтобы вспомоществованія назначавшіяся Швеціи, деньгами или войскомъ, по окончаніи срока договора заключеннаго съ Швеціей, должны быть предназначены Россіи [2].

На заключеніе союза Петръ подписалъ въ Парижѣ, 8 іюня, полномочіе барону Шафирову и тайнымъ совѣтникамъ Петру Толстому и князю Куракину. По случаю этихъ переговоровъ герцогъ Сенъ-Симонъ (Saint-Simon) пишетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: „Ничто болѣе сего не могло благопріятствовать нашей торговлѣ и нашему вѣсу на сѣверѣ, въ Германіи и въ цѣлой Европѣ. Въ рукахъ сего монарха находилась торговля Англіи, а король Георгъ сильно его опасался изъ за своихъ германскихъ владѣній. Голландіи равно какъ и императору Римскому умѣлъ онъ внушить большое къ себѣ уваженіе: однимъ словомъ безспорно то, что онъ былъ весьма важное лице въ Европѣ и Азіи, и что Франція много бы выиграла отъ тѣснаго съ нимъ союза. Онъ не любилъ императора и желалъ мало по малу избавить насъ отъ вліянія Англіи, и именно сей послѣдней странѣ обязаны мы тѣмъ, что самымъ неприличнымъ образомъ отвергли его предложенія, дѣланныя намъ еще долго послѣ его отъѣзда. Тщетно настаивалъ я не разъ по этому дѣлу у регента, тщетно представлялъ я ему самые дѣльные и неопровергаемые доводы: онъ просто находился въ обаяніи отъ аббата Дюбуа, (Dubois), поддерживаемаго еще д'Эффіатомъ (d'Effiat), Канильякомъ (Canillac) и дюкомъ де Ноайль (duc de Noailles). Съ тѣхъ поръ уже неоднократно приходилось намъ раскаяваться въ послѣдованіи пагубнымъ внушеніямъ Англіи и въ безумномъ пренебреженіи предлагаемыхъ намъ Россіею условій".

Пріѣздъ Петра Великаго въ Парижъ возбудилъ всеобщее любопытство: газеты и журналы того времени, слѣдившіе за

---

(2) Mémoires du maréchal Tessé T. II.

его путешествіемъ по Европѣ, печатали отчетъ о каждомъ его дѣйствіи.

Во Францію царь поѣхалъ изъ Остенде (Ostende); въ Садкотѣ (Sadcôte), Либуа (Libois) королевскій камеръ-юнкеръ, привѣтствовалъ его отъ имени короля и регента, герцога Орлеанскаго. 21 апрѣля царь прибылъ въ Дюнкирхенъ (Dunquerque); тутъ, какъ и во всѣхъ городахъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, его встрѣчали съ пушечной пальбой и со всѣми почестями, которыя отдаются коронованнымъ особамъ; изъ Дюнкирхена онъ выѣхалъ 25 апрѣля и ночевалъ въ Кале (Calais), куда былъ присланъ отъ короля для его встрѣчи маркизъ Нель (Nesle). 4-го мая Петръ ночевалъ въ Булони (Boulogne), 5-го въ Абевилѣ (Abbeville), 7-го числа прибылъ въ Бомонъ (Beaumont), гдѣ его ожидалъ съ королевскими каретами маршалъ Тессе, которому поручено было регентомъ состоять при русскомъ царѣ во все время его пребыванія въ Парижѣ. Въ 5 часовъ царь и Тессе, въ сопровожденіи отряда гвардіи, выѣхали изъ Бомона, обѣдали въ деревнѣ Эльбёвъ (Elboeuf), проѣхали чрезъ Сенъ-Дени (Saint-Denis) и въ десятомъ часу вечера пріѣхали въ Парижъ и остановились въ Луврѣ, въ комнатахъ покойной вдовствующей королевы. Тутъ Петръ пробылъ съ три четверти часа, посмотрѣлъ на два стола, накрытые на 60 человѣкъ, спросилъ хлѣба и рѣдьки, попробовалъ шести сортовъ вина, выпилъ два стакана пива, которое особенно любилъ, и отправился въ домъ Ледигіера (Lesdiguiéres), принадлежавшій маршалу Виллероа (Villeroi), въ которомъ онъ долженъ былъ жить. Тщетно маршалъ Тессе упрашивалъ царя сѣсть за столъ, увѣряя, что король будетъ очень радъ, если онъ проведетъ нѣсколько дней въ Луврѣ: Петръ отказался и просилъ, чтобы его не стѣсняли въ его дѣйствіяхъ; повидимому, ему показалось помѣщеніе въ Луврѣ слишкомъ великолѣпнымъ, и онъ уѣхалъ. Въ домѣ Ледигіера встрѣтилъ царя человѣкъ со свѣчькой; Петръ взялъ изъ его рукъ свѣчьку, прошелъ въ спальню, остался недоволенъ приготовленною для него постелью и ушелъ спать въ комнату своего деньщика, гдѣ легъ на свою походную кровать. У воротъ дома Ледигіера поставленъ былъ почетный караулъ, состоявшій изъ 50 человѣкъ Французской и Швейцарской гвардіи подъ начальствомъ поручика; восемь гвардейцевъ съ однимъ офицеромъ сопровождали царя, когда онъ выѣзжалъ. Содержаніе Петра и его свиты въ Парижѣ было на королевскій счетъ и обходилось въ день 1800 ливровъ.

На другое утро по пріѣздѣ, Петръ всталъ въ пятомъ часу и принималъ представлявшихся ему сановниковъ, спрашивая чинъ и званіе каждаго. Князь Куракинъ присутствовалъ при этомъ представленіи въ качествѣ переводчика. Въ тотъ же день: „Былъ у его царскаго величества французской здѣшній регентъ Дукъ де Орлеанъ и за нимъ его гвардія, съ визитомъ, гдѣ принятъ былъ изрядно“ (³). У кареты, регента встрѣтили четверо изъ свиты царя, а Петръ принялъ его въ передней и повелъ во внутреннія комнаты, идя по лѣвую сторону регента; но такъ какъ въ комнатѣ, въ которой они сѣли, было много постороннихъ, то царь пригласилъ регента въ свой кабинетъ; тутъ они цѣловались нѣсколько разъ и сѣли; князь Куракинъ стоялъ возлѣ нихъ и переводилъ ихъ рѣчи; совѣщаніе продолжалось полчаса, оба остались весьма довольны другъ другомъ; герцогъ Орлеанскій былъ плѣненъ умомъ Петра. Свидѣтели сравниваютъ это свиданіе съ свиданіемъ Аннибала и Сципіо-

---

(³) Выписка эта и слѣдующія за нею заимствованы изъ Юрнала путешествія Петра Великаго 1717 года, изданнаго II отдѣл. собствен. Е. И. В. канцеляріи.

на, которые разстались преисполненные другъ къ другу взаимнымъ удивленіемъ.

„Въ 29 день апрѣля (10 мая), его королевское величество Людовикъ XV, въ шестомъ часу, изволилъ быть у его царскаго величества, гдѣ его величество встрѣтилъ у кареты и принялъ его и потомъ говорили дискурсы у кареты, а потомъ изволили ихъ величества итти во свои палаты, и имѣлъ дискурсъ его царское величество съ королевскимъ величествомъ французскимъ; царское величество изволилъ говорить съ нимъ чрезъ господина посла князя Куракина, а его королевское величество французской изволилъ говорить чрезъ дядьку своего Дука де Виллероя. И побывъ его королевское величество у царскаго величества съ четверть часа, потомъ встали и пошли въ залу и бывъ въ залѣ минутъ съ шесть, потомъ его королевское величество изволилъ путь свой воспріять до своихъ королевскихъ палатъ, гдѣ его провожалъ царское величество самъ". Король пріѣхалъ къ Петру въ сопровожденіи отряда изъ 50 человѣкъ гвардіи, съ трубами и барабанами; современники описываютъ, что царь встрѣтилъ короля у кареты, поцѣловалъ его и понесъ на рукахъ въ свои комнаты; другіе присовокупляютъ, что свиданіе монарховъ было такъ нѣжно и трогательно, что нѣкоторые не могли удержать своихъ слезъ. Петръ все время не сводилъ глазъ съ молодаго Людовика.

«Въ 30 день апрѣля, до обѣда изволилъ его царское величество быть въ арсеналахъ или въ королевскихъ домахъ и гдѣ льютъ мѣдныя всякія статуи и въ огородахъ, такожъ и въ оптекарскомъ огородѣ за городомъ, тутъ же и въ оптекарскомъ дому, гдѣ изволилъ смотрѣть анатомическихъ вещей; потомъ были у царскаго величества Парижскіе магистраты 12 человѣкъ въ вишневыхъ бархатныхъ епанчахъ, гдѣ его царское величество визитовали. Въ пятомъ часу по полудни изволилъ его величество быть у королевскаго величества французскаго, въ Тюлеріи, съ церемоніею».

Петръ ѣздилъ въ Тюльерійской дворецъ въ королевскихъ каретахъ, присланныхъ за нимъ; его сопровождали: князь Долгорукій, баронъ Шафировъ, князь Куракинъ и маршалъ Тессе; на дорогѣ были разставлены французская и швейцарская гвардія, которыя били въ барабаны. Пріемъ, сдѣланный королемъ, былъ совершенно одинаковъ съ тѣмъ, который ему сдѣлалъ царь наканунѣ того дня. Того же числа городскіе магистраты съ оберъ-цереморіймейстеромъ маркизомъ Дрё (Dreux) привѣтствовали Петра и поднесли ему обычные подарки, послѣ чего царь осматривалъ площади: королевскую, побѣдъ и Людовика великаго.

«Въ 1-й день мая его царское величество изволилъ быть, гдѣ дѣлаютъ шпалеры и смотрѣлъ лутчихъ шпалеръ и изволилъ быть въ анатоміи и въ гоблеѣ и въ обсерваторіи».

Въ гоблеѣ, то есть на гобелиновой фабрикѣ, отъ имени регента, поднесены были Петру въ подарокъ четыре ковра, вытканные съ картинъ Жувенета (Jouvenet) изображавшія: рыбную ловлю св. Петра, воскресеніе Лазаря, исцѣленіе разслабленнаго и изгнаніе изъ храма торгующихъ.

„Во 2-й день мая принималъ лѣкарство и никуда до обѣда не ѣздилъ, только послѣ обѣда былъ на стеклянныхъ заводахъ".

„Въ 3-й день мая изволилъ быть въ королевскомъ дому на галереѣ, гдѣ лутчія картины и смотрѣлъ въ другой большой галереѣ моделей лутчихъ крѣпостей и городовъ и потомъ изволилъ быть въ Лювръ и гдѣ дѣлаютъ статуи и въ королевскомъ огородѣ". Осмотрѣвъ академію живописи, планы французскихъ городовъ, крѣпостей и портовъ, Петръ въ тотъ же день отдалъ

визитъ и регенту, который принялъ его у кареты, провелъ въ комнаты и показалъ ему свою картинную галлерею; отъ регента Петръ прошелъ къ герцогинѣ Орлеанской, которая представила ему герцога Шартрскаго (duc de Chartres) и дочь герцога Монпансье (Montpensier); вечеромъ регентъ пригласилъ царя въ свою ложу слушать оперу. Во время представленія, Петръ спросилъ пива, герцогъ Орлеанскій подалъ ему стаканъ пива на подносѣ и салфетку; царь выпилъ не вставая и поблагодарилъ герцога, который все время стоялъ передъ нимъ съ подносомъ.

„Въ 4-й день мая, царское величество изволилъ быть въ оптекарскомъ огородѣ, въ оптекѣ и изволилъ смотрѣть анатомическихъ вещей“.

«Въ 5 день мая изволилъ быть въ госпиталіи.»

Въ госпиталіи, то есть въ Инвалидномъ домѣ, маршалъ Вилларсъ (Villars) принималъ царя, который обласкалъ старыхъ солдатъ, называлъ ихъ товарищами, отвѣдалъ ихъ хлѣба и супа и выпилъ за ихъ здоровье вина.

„Въ 6-й день мая его царское величество изволилъ ѣздить отъ Парижа въ королевскую деревню Медонъ, которая отъ Парижа ѣзды 2 часа, зѣло изрядная, а паче домъ и огородъ.“

Въ медонскомъ дворцѣ Петръ особенно удивлялся величинѣ зеркаловъ.

«Въ 7-й день, изволилъ кушать у вице-адмирала маршала Детре (d'Estrées) и былъ вторично на обсерваторіи».

«Въ 8 день мая его царское величество изволилъ смотрѣть анатомическихъ вещей, сдѣланныхъ изъ воску».

«Въ 9 и 10 день мая былъ дома и принималъ лѣкарства, ибо тотъ день съ утра занемогъ». 9-го мая Петръ долженъ былъ обѣдать въ Сенъ-Клу, гдѣ все было приготовлено къ его пріему, и даже кареты короля пріѣхали за нимъ; но болѣзнь царя воспрепятствовала этой поѣздкѣ.

11-го мая Петръ поѣхалъ въ 6 часовъ вечера въ люксембургскій дворецъ, съ визитомъ къ герцогинѣ Беррійской; маркизъ Ларошфуко (Larochefoucauld) встрѣтилъ его на лѣстницѣ внизу, маркизъ Гетенфо (Hetenfaut) у входа въ комнаты, а герцогиня въ дверяхъ своего кабинета. Послѣ визита Петръ изъявилъ желаніе осмотрѣть дворецъ; герцогиня довела его до галлереи Рубенса и возвратилась къ себѣ, а Петръ, осмотрѣвъ дворецъ, пошелъ въ садъ.

«Въ 12 день мая его царское величество изволилъ быть въ Сенъ-Клю у Дюка де Орлеана и тамъ изволилъ обѣдать и гулять въ огородѣ до вечера, которой огородъ зѣло изрядной, подъ Версаліею первой.»

Въ Сенъ-Клу (Saind-Cloud) встрѣтилъ Петра у кареты герцогъ Орлеанскій и повелъ его въ комнаты къ обѣду, послѣ котораго царь гулялъ въ саду, гдѣ играли фонтаны и выбрасывали воду на 135 футовъ вышины, потомъ онъ катался по парку верхомъ и въ коляскѣ; регентъ всюду сопровождалъ его. Петръ возвратился въ Парижъ черезъ Булонскій лѣсъ и по дорогѣ заѣхалъ на чулочныя фабрики; въ Елисейскихъ поляхъ была собрана гвардія, которой царь произвелъ смотръ; вечеръ того же дня онъ провелъ у герцогини Орлеанской.

«Въ 13 день мая поѣхалъ въ Версалію послѣ обѣда и пріѣхавши въ Версалію, смотрѣлъ до вечера палатъ».

Но утромъ передъ отъѣздомъ въ Версаль, Петръ былъ у короля инкогнито и показывалъ ему на картѣ Московіи, составленной географомъ Делилемъ, то мѣсто, гдѣ онъ предполагалъ соединить Волгу съ Дономъ, для сообщенія Каспійскаго моря съ Чернымъ и путь, по которому онъ велъ свои войска въ Полтаву. Маршалъ Виллеруа показывалъ Петру всѣ государственные бриллiанты, которые по видимому мало занимали царя; послѣ это

го въ сопровожденіи герцога д'Антенъ (duc d'Antin) и маршала Тессе, Петръ отправился въ Версаль. Герцогъ д'Антенъ подарилъ царю описаніе Парижа на русскомъ языкѣ: любезность эта была очень пріятна Петру.

Въ Версали приготовленныя для царя комнаты были великолѣпно убраны; отрядъ гвардіи охранялъ входы въ паркъ, чтобы любопытные въ него не входили. Петръ пріѣхалъ довольно рано и въ тотъ же день осматривалъ дворецъ.

«Въ 14 день мая изволилъ смотрѣть въ Версаліи огорода и фонтановъ, изволилъ быть въ Тріанѣ и гулялъ въ баржахъ по Версальскому огороду.»

Въ лодкѣ онъ приплылъ въ Тріанонъ, гдѣ и ночевалъ со свитой въ покояхъ госпожи Ментенонъ. Блуинъ (Blouin), старый слуга фаворитки, былъ оскорбленъ непристойностью русскихъ нравовъ, которые были совершенно противоположны съ нравами послѣднихъ лѣтъ жизни Людовика XIV. Иностранныя свидѣтельства говорятъ, что самъ царь и нѣкоторые изъ его свиты долго помнили ночь, проведенную въ Тріанонѣ.

„Въ 15 день мая, его царское величество былъ въ Марліи и тамъ изволилъ кушать и послѣ обѣда возвратился паки въ Версалію.»

«Въ 16 день мая, изволилъ по утру ѣхать въ Парижъ для великой церемоніи, въ которой былъ кардиналъ и аршевеки.»

Въ этотъ день отправлялось торжество пятидесятницы. Петръ ѣздилъ въ храмъ Богоматери, гдѣ слушалъ обѣдню, которую совершалъ кардиналъ Ноаль (Noailles); при этомъ царь замѣтилъ, что кардиналъ, котораго онъ считалъ, какъ патріарха, первою духовною особою во Франціи, совершалъ богослуженіе одинъ, а не съ двумя епископами, какъ въ Россіи.

17-го мая Петръ былъ на монетномъ дворѣ, гдѣ при немъ чеканили золотую и серебряную монету; потомъ онъ былъ въ королевской библіотекѣ, гдѣ ему поднесены были въ подарокъ двѣнадцать книгъ съ гравированными изображеніями Версальскихъ садовъ и зданій и походовъ Людовика XIV, съ картинъ знаменитаго живописца Van der Meulen.

«Въ 18-й день мая, изволилъ быть по утру въ банѣ, а послѣ обѣда списывали персону».

Въ бытность Петра Великаго въ Парижѣ, съ него списали два портрета художники Риго (Rigault) и Нотуаръ (Notouar) по просьбѣ регента; одинъ въ панцырѣ писанъ Нотуаромъ, а другой въ гвардейскомъ мундирѣ писанъ Риго. Въ Версальскомъ дворцѣ находится и теперь современный портретъ Петра Великаго.

«Въ 19 день мая, поѣхалъ въ Фонтенделоу и тамъ былъ съ Контомъ де Тулузомъ до 21-го и въ вечеру 21-го возвратились въ Парижъ.»

Послѣ обѣда у герцога д'Антенъ, Петръ въ сопровожденіи генералъ адмирала графа Тулузскаго (comte de Toulouse), отправился во Фонтенебло, гдѣ на другой день послѣ прибытія, полтора часа, охотился за оленями, на конѣ графа Тулузскаго, послѣ чего онъ обѣдалъ въ павильонѣ, на островѣ, и ночевалъ у герцога д'Антенъ, отъ котораго 21-го мая приплылъ въ Парижъ по Сенѣ, въ лодкѣ, съ восемью гребцами; онъ проѣхалъ подъ всѣми Парижскими мостами и высадился недалеко отъ Тюльерійскаго дворца, гдѣ его ожидала карета маршала Тессе, въ которой онъ возвратился бульварами домой; дорогою заѣхалъ съ визитомъ къ принцессѣ Конти (princesse de Conti), у которой завтракалъ, послѣ чего накупилъ у фейерверщика ракетъ и забавлялся ими въ своемъ саду.

23 мая, Петръ поѣхалъ въ Сенъ-Дени (Saint-Denis), гдѣ осмотрѣлъ церковь, ризницу, королевскія гробницы и зданіе новоначатаго монастыря и возвратился черезъ Сенъ-Уанъ (Saint-Ouan).

24 мая, царь смотрѣлъ съ балкона въ улицѣ св. Антонія на духовную процессію и послѣ полудня снова поѣхалъ въ Версаль, въ сопровожденіи маршала Тессе и маркиза Белегарда (marquis de Bellegarde). Петръ оставался недолго въ Версали; онъ ночевалъ въ Тріанонѣ, гдѣ и пробылъ до 27 мая, въ который день поѣхалъ въ Клюни (Cluny), оттуда въ Марли (Marly), гдѣ какъ и въ Тріанонѣ для него срисовывали нѣкоторые виды самыхъ красивыхъ мѣстъ.

«Въ 30 день мая, въ Марли, день рожденія его величества праздновали и въ вечеру былъ фейерверокъ, въ огородѣ около фантанъ и кашкадъ были луминаціи». Множество фонарей и плошекъ было прислано изъ Парижа для иллюминаціи этого дня; каскадъ Агриппины, болѣе всѣхъ понравившійся Петру, былъ особенно освѣщенъ. Послѣ фейерверка былъ балъ и ужинъ; противъ обыкновенія Петръ ушелъ спать очень поздно.

На другой день онъ проѣхалъ изъ Марли въ Сенъ-Жермень (Saint-Germain), а оттуда въ Сенъ-Сиръ (Saint-Cyr) и возвратился ночевать въ Марли, откуда на другое утро поѣхалъ въ Версаль. «И изволилъ быть въ Версальскомъ огородѣ въ первый день іюня до вечера, а въ вечеру, въ шестомъ часу, изволилъ быть на королевскихъ большой и меньшой конюшняхъ и потомъ поѣхали въ Парижъ и не доѣзжая Парижа были въ монастырѣ женскомъ, гдѣ живетъ королева Англинская и потомъ были въ дому королевскомъ, гдѣ всякія медаліи тиснятъ, гдѣ тогда и его величества персону вытиснули, которую тогда Дукъ де Анте его величеству поднесъ, а другимъ всѣмъ роздалъ по серебряной медаліи съ портретомъ его величества, и оттуды пріѣхали на свою квартиру.»

По прибытіи въ Версаль, Петръ снова осматривалъ дворецъ и кабинетъ медалей, послѣ обѣда онъ ходилъ на конюшни и въ тотъ же день выѣхалъ изъ Версаля въ Шалльонъ (Chaillon) съ визитомъ къ вдовствующей королевѣ Англійской; вечеромъ въ 7 часовъ онъ возвратился въ Парижъ и отправился на монетный дворъ, гдѣ его ожидали герцогъ д'Антенъ съ нѣкоторыми дамами и придворными; тутъ его встрѣтилъ г. де Лоней (de Launey) директоръ монетнаго двора, показалъ ему всѣ работы и выбилъ въ честь его золотую медаль, которую и поднесъ ему; на одной сторонѣ было грудное изображеніе Петра въ латахъ, покрытыхъ порфирою съ надписью вокругъ: «Petrus Alexiewitz Tzar, Mag. Russ. imp.", а на другой сторонѣ представлена, при восходящемъ солнцѣ, отъ земли парящая и проповѣдывающая трубнымъ гласомъ слава съ слѣдующимъ стихомъ изъ Виргилія вокругъ: «Vires aquirit eundo.» Внизу: „Lutet. Parisi. 1717" (¹). Подобныя же медали, только серебряныя, были розданы всей свитѣ Петра; послѣ этого г. де Лоней повелъ царя въ кабинетъ медалей и показалъ ему всѣ находившіяся тамъ рѣдкости.

«Во 2-й день іюня, кушалъ дома, а послѣ обѣда поѣхалъ въ домъ Дука де Анте и тамъ были до вечера", гдѣ и ужиналъ.

«Въ 3 день, по утру изволилъ быть въ академіи», то есть въ Сорбоннѣ. Въ этотъ день Петръ осматривалъ коллегію четырехъ націй, основанную Мазариномъ и королевскую типографію, гдѣ при себѣ приказалъ отпечатать нѣсколько пробныхъ оттисковъ; потомъ посѣтилъ и Сор-

(¹) *Медаль на память пребыванія его величества императора Петра великаго въ Парижѣ 1717 года, при осматриваніи королевскаго монетнаго двора нечаянно въ присутствіи его натисненная.* Съ изображеніемъ медали 27 стр. въ 4 д. л. безъ означенія года и мѣста печати. Брошюра эта содержитъ также дневникъ пребыванія Петра въ Парижѣ.

бонну, гдѣ осматривалъ церковь и библіотеку и тутъ познакомился съ профессоромъ математики Вариньономъ (Varignon), съ которымъ долго разговаривалъ. Сорбонскіе богословы воспользовались посѣщеніемъ Петра, чтобы просить его разрѣшенія представить ему планъ соединенія восточной и западной церквей. Царь согласился принять его, но съ тѣмъ, чтобы представить его на разсмотрѣніе русскаго духовенства. Планъ этотъ былъ написанъ членомъ Сорбонны Бурсье (Boursier) и на другой день поднесенъ Петру; сначала приводятся свидѣтельства св. писанія и отцевъ церкви о необходимости единой церкви, потомъ слѣдуетъ изложеніе догматовъ, принимаемыхъ одинаково обѣими церквами, а въ концѣ изъяснены причины несогласія ихъ между собою. По возвращеніи въ Россію, Петръ передалъ эту записку русскимъ епископамъ, которые остались очень недовольны такимъ предложеніемъ и по разсмотрѣніи его написали отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ не понравился царю, онъ приказалъ написать другой, умѣреннѣе, который и былъ отосланъ въ Парижъ 15 іюня 1718 года, за подписями Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича и Варнавы Холмогорскаго. Первый отвѣтъ былъ сочиненъ Стефаномъ Яворскимъ, а второй Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Послѣдній отвѣтъ былъ одобренъ царемъ, хотя сущность отвѣтовъ одинакова, именно, что русскіе епископы не считаютъ себя въ правѣ рѣшить вопросъ о соединеніи церквей безъ участія другихъ народовъ, исповѣдующихъ греческую вѣру и безъ вѣдома четырехъ восточныхъ патріарховъ ([5]).

Изъ Сорбонны Петръ отправился на колокольню церкви Богоматери, откуда съ подзорной трубой смотрѣлъ на городъ, потомъ заѣхалъ къ Пижону (Pigeon), изобрѣтателю движущагося глобуса, который такъ понравился царю, что онъ приказалъ купить его для себя за 2000 экю.

4 іюня Петръ былъ снова на гобелиновой фабрикѣ.

«Въ 5 день царское величество изволилъ смотрѣть экзерциціи французской гвардіи конной и мушкатеровъ».

Войска были расположены въ Елисейскихъ поляхъ; почти весь дворъ и всѣ иностранные министры присутствовали на этомъ смотру; принцы Роганскій (de Rohan) и Субизскій (de Soubise) командовали ротами жандармовъ Дюкъ де Шолнесъ (duc de Chaulnes) съ сыномъ—конницей, Дартаньонъ (d'Artagnon) и Каннильякъ двумя ротами мускатеровъ; дюки де Мене (de Mennet) и де Гизъ (de Guise) были верхами; швейцарской и французской гвардіи было двѣ роты. Петръ прибылъ въ четвертомъ часу съ герцогомъ Орлеанскимъ и сѣлъ на королевскую лошадь, онъ проскакалъ передъ войскомъ; но возвращался тише, потомъ смотрѣлъ на ученіе пѣхоты, но такъ какъ отъ многочисленнаго стеченія народа и множества каретъ и лошадей поднялась ужасная пыль, то не дождавшись конца военныхъ экзерцицій, царь съ регентомъ уѣхали въ Тюльери, гдѣ въ уединенномъ мѣстѣ разговаривали съ полчаса, причемъ переводчикомъ былъ князь Куракинъ. Потомъ послѣ гулянья въ саду съ маршалами Тессе, Естре (d'Estrées) и Матиньонъ (Matignon), поѣхали въ Сенъ-Уанъ, гдѣ у дюка Тремскаго (duc de Tresmes) Парижскаго губернатора, былъ ужинъ, на которомъ присутствовалъ и графъ де Бетюнь (comte de Béthune). Ужинъ продолжался три часа: такъ былъ веселъ и разговорчивъ царь.

6 іюня являлись къ Петру посланники: Португальскій и Мальтійскаго ордена и

([5]) Содержаніе предложенія Сорбонскихъ богослововъ, разсужденія о немъ русскихъ епископовъ и отвѣтъ, отправленный въ Парижъ, напечатаны въ Дѣян. Петра в. Голикова т. VI, стр. 162—175.

Папскій нунцій, говорившій привѣтствіе по италіянски, на которое отвѣчалъ по италіянски же Шафировъ. Въ этотъ же день царь пригласилъ къ себѣ утромъ географа Делиля (Delille) и долго бесѣдовалъ съ нимъ, черезъ переводчика, о положеніи и пространствѣ своихъ владѣній и чтобы дать этому ученому болѣе точное понятіе о нихъ, велѣлъ подать двѣ сдѣланныя, по его приказанію, рукописныя карты Россіи; потомъ онъ ѣздилъ смотрѣть химическіе опыты, которые производилъ Жофруа (Geoffroy) и былъ въ лавкѣ купца Каллей (Calley), у котораго накупилъ много разныхъ вещей; былъ снова на обсерваторіи, гдѣ провелъ болѣе двухъ часовъ, оттуда ѣздилъ къ г. Гоггеру (Hoggére) смотрѣть принадлежавшій ему небольшой корабль, вечеромъ ужиналъ у герцога д'Антенъ съ графомъ Тулузскимъ, который поднесъ Петру морскую карту.

«Въ 7-й день, по полудни Дукъ де Орлеанъ былъ у царскаго величества, потомъ царское величество ѣздилъ къ королю прощаться», потому что на другой день былъ предположенъ отъѣздъ царя изъ Парижа; по этому случаю отрядъ стрѣлковъ былъ назначенъ сопровождать его. Царь прошелъ къ королю черезъ комнаты маршала Виллеруа и подарилъ королю планъ Петербурга; послѣ Петръ поѣхалъ въ Пале-Рояль къ герцогу и герцогинѣ Орлеанскимъ. Вечеръ этого дня Петръ провелъ у маршала Вилларса, который принялъ его со всевозможнымъ торжествомъ; ужинъ прошелъ очень весело, каждый тостъ сопровождался пушечной пальбой. Того же числа Петръ хотѣлъ видѣть глазную операцію, а потому поручилъ своему медику Арескину отыскать опытнаго и искуснаго глазнаго оператора. Профессоръ анатоміи Дю Верней (Duvernay) указалъ для этой цѣли на англичанина Вулгауза (Woolhause), который при царѣ и сдѣлалъ весьма удачно операцію 65 лѣтнему слѣпому инвалиду. Когда операторъ коснулся иглою глаза больнаго, Петръ невольно отворотился, но любопытство превозмогло, и онъ внимательно слѣдилъ за снятіемъ катаракты и довольный операціей обѣщалъ прислать доктору ученика.

8-го іюня Петръ отправился въ судебную палату, чтобы присутствовать при засѣданіи парламента; предсѣдатель ввелъ его въ залу и помѣстилъ на такое мѣсто, съ котораго Петръ могъ все видѣть. Когда началось засѣданіе, адвокаты Мишо (Michaud) и Геринъ (Guèrin) говорили рѣчи, прокуроръ Ламуаньонъ (Lamoignon) всталъ и изложивъ содержаніе дѣла, которое рѣшалось, заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что присутствіе въ палатѣ столь могущественнаго и отдаленнаго монарха, такое замѣчательное событіе, что должно быть занесено въ парламентскій актъ. Предложеніе это было принято единогласно и тогда же записано на память потомству. Члены палаты въ этотъ день были въ красныхъ эпанчахъ, съ мѣховою опушкой, которыя надѣвались въ подобномъ же случаѣ, при посѣщеніи Карла V.

Въ этотъ день король пріѣзжалъ къ Петру прощаться, послѣ чего царь отправился въ академію наукъ, гдѣ по этому случаю было назначено чрезвычайное засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ аббата Биньона (Bignon). Ученое сословіе старалось показать царю все что̀ было новаго и примѣчательнаго по части опытныхъ наукъ: де Лафей (de Lafey) показывалъ модель водоподъемной машины, Лемери (Lemery) показывалъ химическіе опыты, Реомюръ (Réaumur) приготовленные имъ къ изданію рисунки къ исторіи искусствъ, Далемъ—(Dalesme) дѣйствіе новой подъемной машины. Царь просилъ академиковъ сидѣть въ его присутствіи и все осматривалъ съ большимъ вниманіемъ; въ протоколахъ этого засѣданія записано: «Царь удостоилъ ака-

демію своимъ посѣщеніемъ, и ему показали: машину г. Лафея для подниманія вверхъ воды; кристаллированную сѣрнокислую цинковую соль, подъемную машину г. Далема и карту г. Лекамюса (Lecamus). Академики вышли на встрѣчу царя до самой лѣстницы; вошедши онъ не садился, и всѣ прочіе также стояли; осмотрѣвъ представленныя ему машины, которыя тутъ же были объяснены, онъ вышелъ опять сопровождаемый до самой лѣстницы» ([6]). Въ академіи словесныхъ наукъ ему показывали исторію Людовика XIV, по медалямъ, которыя ему такъ понравились, что онъ на другой день изъявилъ желаніе снова ихъ осмотрѣть; еще съ бо́льшимъ вниманіемъ чѣмъ наканунѣ разсматривалъ онъ ихъ; одна медаль особенно понравилась ему съ изображеніемъ восходящаго солнца и надписью: Jubet sperare, которая тутъ же и была поднесена ему. Въ 6 часовъ онъ возвратился домой и слушалъ всенощную, на канунѣ Духова дня, въ своей походной церкви, въ которой на другой день слушалъ обѣдню.

Въ день отъѣзда изъ Парижа, 9-го іюня, Петръ посѣтилъ и госпожу Ментенонъ. Онъ засталъ ее въ постели; царь открылъ занавѣсъ кровати и долго, пристально смотрѣлъ на нее молча, потомъ сѣлъ у ногъ ея на постели и спросилъ, чѣмъ она больна? Она отвѣчала: „старостію". Петръ всталъ и уѣхалъ. Въ Сорбоннѣ онъ оказалъ больше вниманія статуѣ Ришелье, чѣмъ живой Ментенонъ. Тѣмъ не менѣе его посѣщеніе какъ то оживило лице 82 лѣтней старухи; свидѣтели этого свиданія разсказывали, что въ минуту появленія Петра на лицѣ старухи блеснулъ лучь прежней красоты.

„Въ 9 день іюня, послѣ обѣда царское величество поѣхалъ изъ Парижа и пріѣхали ночевать въ деревню Марки де Ливри, которая называется Ливри, отъ Парижа въ 4 миляхъ и поутру въ 8 часу поѣхали и переѣхали двѣ почты, обѣдали въ мѣстечкѣ Нантели, которая Маршалка д'Етре и переѣхавъ послѣ обѣда 3 перемѣны и ночевали въ городѣ Суазанѣ, гдѣ были въ вечеру у интенданта на дворѣ луминаціи."

Десять стрѣлковъ сопровождали Петра до Суассона (Soisson), за ужиномъ у маркиза Ливри (marquis de Livry) онъ пилъ за здоровье короля и регента.

На другой день послѣ прогулки въ садахъ Ливри, Петръ сѣлъ въ коляску съ Ягужинскимъ и поѣхалъ въ Нантейль (Nanteuil), по дорогѣ въ Спа.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ, Петръ очень любовался живописью на эмали англичанина Боата (Boite) и заказалъ ему нѣсколько своихъ портретовъ, которые, передъ выѣздомъ изъ Парижа, роздалъ осыпанные бриллiантами: герцогу д'Антенъ, маршаламъ Тессе и д'Естре, маркизу Ливри и г. Вертону (Verton), бывшему при немъ гофмаршаломъ отъ короля. Вертономъ Петръ былъ особенно доволенъ, такъ что выпросилъ ему у регента 6000 ливровъ пенсіи въ годъ. Г. Крему (Cresme) пожаловалъ золотые часы, нѣкоторымъ офицерамъ далъ большія золотыя медали; полторы тысячи червонцевъ роздалъ состоявшимъ при немъ офицерамъ и столько же офицерамъ въ Версали, въ Марли, въ Тріанонѣ, въ Медонѣ и въ Фонтенебло. Царю же король поднесъ осыпанную бриллiантами шпагу, которую онъ не принялъ. Выѣзжая изъ Франціи, Петръ съ сожалѣніемъ говорилъ, что она погибнетъ отъ роскоши.

([6]) К. Августинъ Голицынъ нашелъ въ архивѣ Парижской академіи наукъ, въ 1859 году, протоколъ засѣданія академіи, при которомъ присутствовалъ Петръ, грамату за подписью Петра, присланную академіи и протоколъ засѣданія академіи, когда Петръ былъ избранъ въ члены академіи. Всѣ эти документы изданы были к. Голицынымъ *въ Bulletin du Bibliophile* 1859 г. и также отдѣльно на Русскомъ языкѣ.

Въ бытность въ Парижѣ, у себя, царь обѣдалъ очень поздно, не ужиналъ и ложился спать рано, и всякій день купался; съ нимъ садилось за столъ 14 человѣкъ, а всей свиты съ нимъ было 30 человѣкъ; прислугу свою онъ одѣлъ во французское платье изъ зеленой матеріи съ золотымъ галуномъ. Король прислалъ ему для разъѣздовъ свою карету, запряженную въ шесть лошадей, но онъ просилъ оставить только двѣ. Всякій день, съ ранняго утра, вездѣ осматривалъ онъ внимательно все, что̀ ему было любопытно въ научномъ или художественномъ отношеніяхъ. Если какая нибудь вещь привлекала особенно его вниманіе, то ее относили къ нему въ комнату, чтобы на досугѣ онъ могъ разсмотрѣть ее. Но какъ ни казался царь занятымъ окружавшими его предметами, это не мѣшало ему имѣть частыя совѣщанія съ королевскими министрами и особенно съ маршаломъ Тессе.

Нѣкоторые музыканты изъ оперной труппы просились къ царю на службу, но получили отказъ. Счастливѣе ихъ были французскіе купцы, которыхъ предложенія были приняты.

Въ то время, въ Парижѣ полагали, что предметомъ частыхъ совѣщаній съ маршаломъ Тессе былъ торговый трактатъ, а не сѣверный миръ; говорили даже, что царь только и ждалъ подписанія столь выгоднаго для Франціи трактата, чтобы уѣхать.

Любознательность Петра была такова, что онъ неоднократно съ Куракинымъ и другими лицами изъ своей свиты отправлялся къ Бутерфильду (Buterfield), мастеру математическихъ инструментовъ, чтобы видѣть опыты съ магнитомъ и другіе. Бутерфильдъ говорилъ съ Петромъ по голландски, безъ переводчика; царь заказалъ ему нѣсколько инструментовъ. Потомъ отъ Бутерфильда онъ отправлялся осматривать кабинетъ рѣдкостей г. Пажо д'Оземброй (Pajo d'Ozembray); отецъ Себастіанъ (Sebastien), кармелитъ и знаменитый математикъ, дѣлалъ въ присутствіи царя различные опыты, которыми Петръ оставался очень доволенъ.

Петръ былъ высокаго роста, очень хорошо сложенъ, худощавъ, лице было смуглое, оживленное большими глазами, взглядъ которыхъ былъ проницательный, иногда суровый, особенно когда у него дѣлались судороги въ лицѣ, которыя искажали совершенно его выраженіе; при пріемахъ, лице его дѣлалось привѣтливо и красиво, хотя постоянно сохраняло свое величіе. Движенія его были грубы и быстры и показывали пылкость его характера и силу страстей. Его душевная дѣятельность не стѣснялась никакимъ приличіемъ. Величіе, смѣшанное съ дерзостію, обнаруживало въ немъ человѣка, который чувствовалъ себя вездѣ первымъ. Привычка властвовать была причиною, что его желанія, прихоти, приказанія скоро смѣнялись: онъ не терпѣлъ препятствій времени, мѣстности, обстоятельствъ. Иногда наскученный, но никогда не стѣсненный, толпою любопытныхъ, онъ распускалъ ихъ однимъ словомъ или знакомъ или уходилъ, куда его влекла любознательность. Если его кареты не было у подъѣзда, онъ садился въ первую попавшуюся, даже извощичью. Однажды онъ сѣлъ въ карету жены маршала Матиньонъ, которая пріѣхала къ нему съ визитомъ и уѣхалъ въ Булонскій лѣсъ. Одѣвался онъ просто: суконный камзолъ, широкій кушакъ, къ которому пристегнута была шпага, круглый парикъ, безъ пудры, до затылка, рубашка безъ манжетъ. Въ бытность въ Парижѣ онъ заказалъ себѣ новый парикъ; парикмахеръ счелъ лучшимъ сдѣлать его по модѣ, длинный и густой; царь самъ ножницами обрѣзалъ его по образцу, какъ прежде носилъ. Вотъ какимъ описываютъ современники иностранцы великаго Петра.

Русскій Архивъ 37.

По возвращеніи въ Россію, Петръ получилъ извѣстіе объ избраніи его членомъ Парижской Академіи Наукъ. Аббатъ Биньонъ, письмомъ отъ 10 августа 1717 года, увѣдомилъ о томъ лейбъ-медика царскаго Арескина, который отвѣчалъ на это письмо только 17 ноября, извиняясь въ позднемъ отвѣтѣ утомительнымъ путешествіемъ и многотрудными дѣлами. Далѣе Арескинъ говоритъ: „Его величеству весьма пріятно, что ваше знаменитое собраніе удостоило его принятіемъ въ число своихъ членовъ, представляя ему свои благородные труды съ 1699 года, принадлежащіе по праву каждому академику. Онъ при случаѣ постарается засвидѣтельствовать вамъ свою за то благодарность. Его величество также одобряетъ ваше, милостивый государь, мнѣніе, что передъ наукою отличіе состоитъ не столько въ высокомъ званіи, сколько въ геніѣ, талантахъ и трудолюбіи, а тщательными своими изысканіями всѣхъ возможныхъ рѣдкостей и открытій въ своихъ владѣніяхъ и сообщеніемъ оныхъ Академіи, его величество постарается заслужить имя полезнаго члена вашего знаменитаго собранія (7).“

По выслушаніи этого письма, „все собраніе“, говоритъ протоколъ засѣданія (въ среду, 22 декабря 1717 года) бывшаго подъ предсѣдательствомъ аббата Биньона, рѣшило единогласно и безъ балотировки признать царя академикомъ *hors de tout rang* и возложило на президента всепокорнѣйше возблагодарить его величество отъ имени всей Академіи“.

Въ письмѣ отъ 24 декабря 1717 года, на имя государя, Биньонъ изъясняетъ чувства признательности и радости всей Академіи при извѣстіи о принятіи царемъ званія академика, говоритъ, что г. секретарю Академіи Фонтенелю поручено написать благодарственный отвѣтъ и продолжаетъ: „Никто лучше его (Фонтенеля) не въ состояніи того исполнить. Онъ уже показалъ опыты своего искуства во всѣхъ родахъ и особенно богатъ прекрасными и изящными выраженіями; и такъ, предоставляя ему сказать вашему величеству то, что̀ прилично при подобномъ случаѣ, ограничу себя увѣреніемъ, что между нами нѣтъ ни одного, который бы охотно ни приложилъ стараній своихъ къ тому, что̀ можетъ вамъ быть угодно. Вашему величеству стоитъ только повелѣть: вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что нѣтъ науки, въ которой бы кто нибудь изъ членовъ Академіи не могъ васъ удовлетворить. Мы всегда почтемъ особенною милостію, если вашему величеству угодно намъ будетъ что нибудь приказать. Сіе чувство происходитъ не отъ уваженія должнаго вашему сану: оно есть дань удивленія, въ которое насъ приводятъ великія предначертанія, васъ всегда занимавшія, и къ которымъ присоединить можно одно только желаніе, чтобъ въ климатѣ, куда до сего еще съ трудомъ проникали искуства и науки, нашлись люди могущіе соотвѣтствовать блистательнымъ видамъ вашего величества“ и пр. (8).

Благодарственный отвѣтъ Фонтенеля государю былъ написанъ 13 января 1718 года. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ между прочимъ: „Науки, для пользы которыхъ угодно вамъ было сойти къ состоянію частнаго человѣка, движимыя должною признательностію, поставятъ васъ на ряду съ величайшими монархами, съ Августами и Карлами Великими. Умножать число подданныхъ оружіемъ, что̀ исполнено вашимъ величествомъ, есть слава весьма обыкновенная для государей, но гораздо необыкновеннѣе усовер-

(7) Напечатано вполнѣ въ Маякѣ 1840 г. стр. 2.

(8) Это письмо и слѣдующее напечатаны въ подлинникахъ, съ переводомъ, вполнѣ въ Отеч. Запискахъ 1821 г ч. V, стр. 180. Очевидно, Французамъ хотѣлось очень поступить на Русское царское жалованіе. *П. Б.*

шенствовать образованіе народа своего и тѣмъ устроивать его благополучіе и пр.“ Письмо оканчивается обѣщаніями представлять государю отчеты о дѣйствіяхъ Академіи.

Въ слѣдующемъ году, 27 декабря, 1719 года, Фонтенель писалъ еще къ Петру письмо, въ болѣе блестящихъ выраженіяхъ; онъ начинаетъ снова благодарностію Академіи и продолжаетъ такъ: „Побѣда, одержанная вами, государь, надъ невѣжествомъ, которое въ нихъ (владѣніяхъ) царствовало, останется навсегда самою блистательной и удивительной изъ всѣхъ вашихъ побѣдъ. Оружіемъ своимъ и вы, подобно другимъ героямъ, пріобрѣли себѣ новыхъ подданныхъ; но тѣ, которые принадлежали вамъ по праву рожденія, просвѣтясь познаніями, отъ васъ же заимствованными, сдѣлались подданными совсѣмъ новыми, болѣе просвѣщенными, счастливыми, болѣе достойными повиноваться вамъ. Вы завоевали ихъ науками, и этотъ родъ побѣды, столько же полезный для нихъ, сколько славный для васъ, Провидѣніемъ предоставленъ вашему величеству и проч.“ (⁹).

Въ 1721 году 11 февраля, Петръ послалъ Академіи грамоту, въ которой благодаритъ за избраніе въ члены Академіи, проситъ содержать съ нимъ корреспонденцію и сообщать, какія новыя декуверты отъ Академіи учинены будутъ, въ замѣнъ чего лейбъ медикъ Блюментростъ, который по смерти Арескина заступилъ его мѣсто, будетъ сообщать Академіи о томъ, что̀ въ Россіи новаго и разсужденія Академіи достойнаго случится. Грамота подписана собственноручно Петромъ, писана на бумагѣ, въ листъ, и занимаетъ двѣ страницы; на оборотѣ адресъ: *Regiae Galliсae Illustri Scientiarum Academiae*; къ грамотѣ приложена печать. Донынѣ въ кабинетныхъ бумагахъ Петра хранится черновой отпускъ съ этой грамоты, исправленный рукою самаго царя (¹⁰).

При этомъ случаѣ царь послалъ Академіи въ даръ составленную по его порученію карту Каспійскаго моря. Блюментростъ письмомъ, отъ 14 февраля 1721 года, на имя Академіи увѣдомлялъ ее о заботливости и попеченіяхъ, съ какими его царское величество собираетъ все, что̀ только природа и искуство производятъ любопытнаго и рѣдкаго въ его имперіи и объ усиліяхъ государя водворить въ ней науки и художества, которыя, до восшествія его на престолъ, были почти недосягаемы. За симъ онъ подробно исчисляетъ найденныя неточности въ прежнихъ картахъ Каспійскаго моря и сообщаетъ объ отправленныхъ царемъ ученыхъ въ Сибирь, Астрахань и Казань для изслѣдованій трехъ царствъ природы (¹¹).

Съ грамотой посланъ былъ въ Парижъ библіотекарь основанной въ Петербургѣ Петромъ библіотеки, Шумахеръ; ему же поручено было передать Академіи письмо Блюментроста, карту Каспійскаго моря и образцы орнитологическаго описанія, сдѣланныя первымъ ученымъ путешественникомъ по Сибири, докторомъ Мессершмидтомъ (Messerschmidt).

По пріѣздѣ въ Парижъ, Шумахеръ явился съ письмомъ Блюментроста къ аббату Биньону, который просилъ его передать ему царскую грамоту и карту; но Шумахеръ отвѣтилъ, что онъ обязанъ вручить ихъ Академіи въ публичномъ засѣданіи, которое и было назначено на другой день, въ Луврѣ, въ 3 часа. Географъ Делиль былъ посланъ отъ лица всей Академіи просить Шумахера въ засѣданіе, въ которомъ онъ и передалъ цар-

(⁹) Напечатано вполнѣ въ Маякѣ 1840 г. стр. 2.

(¹⁰) Текстъ грамоты напечатанъ въ Отечест. Запискахъ 1821 года, ч V, стр. 186.

(¹¹) Напечатано вполнѣ въ Маякѣ 1840 г.. стр. 4.

скую грамоту *съ обычнымъ комплиментомъ.* По прочтеніи грамоты маркизъ де Торси (marquis de Torcy) выразилъ признательность государю, который изъ любви къ наукѣ принялъ званіе члена ученаго общества. Послѣ этого академики съ большимъ вниманіемъ разсматривали карту Каспійскаго моря, которое было представлено совершенно иначе, нежели какимъ его себѣ воображали до тѣхъ поръ европейскіе географы.

Описанія Мессершмидта возбудили желаніе академиковъ имѣть такія же описанія и изображенія красками изъ всѣхъ областей Россіи. Вообще Шумахеръ былъ очень доволенъ пріемомъ, сдѣланнымъ ему парижскими учеными. Аббатъ Фриже (Frigé) представлялъ его молодому королю, при чемъ маршалъ Виллеруа сказалъ про Петра: „Воистинну великій монархъ, котораго нынѣ всѣ прочіе монархи за совершенный образецъ имѣть могутъ“ ([12]). Письмомъ отъ 15 октября 1721 года, Фонтенель благодарилъ Петра отъ лица Академіи за грамоту и препроводилъ къ нему послѣдніе томы исторіи Академіи ([13]). Впечатлѣніе, оставленное Петромъ во Франціи, было самое благопріятное. Ему отдавали должное. Спустя девять мѣсяцевъ послѣ кончины государя, 14 ноября 1725 года, въ публичномъ собраніи Парижской Академіи Наукъ, Фонтенель прочелъ похвальное слово Петру Великому, которое начинается такъ: „Такъ какъ не было еще примѣра похвальнаго слова, произнесеннаго Академіею какому либо монарху, бывшему вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ ея, то мы считаемъ долгомъ предварить нашихъ слушателей, что о покойномъ царѣ будемъ говорить только, какъ объ академикѣ, но объ академикѣ-вѣнценосцѣ, давшемъ жизнь наукамъ и художествамъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ; даже, если будемъ разсматривать его, какъ воина и побѣдителя, то именно въ томъ отношеніи, что искуство воевать было одно изъ тѣхъ, которымъ онъ научилъ своихъ подданныхъ. Московія или Россія была еще въ такомъ невѣжествѣ, такъ необразованна, какъ почти всѣ народы въ первую эпоху ихъ жизни. Это не значитъ, что въ Русскихъ не было живости, предпріимчивости, генія и смѣтливости подражать тому что̀ видятъ; но всякая промышленность была у нихъ заглушена; крестьяне, рожденные въ крѣпостномъ состояніи и угнетенные безжалостными помѣщиками, довольствуясь тѣмъ, что грубое земледѣліе приноситъ имъ только кусокъ хлѣба, не могли, да и не смѣли обогащаться. Даже сами господа ихъ боялись казаться богатыми, а вѣдь художества дѣти роскоши и кроткаго правленія и т. далѣе» ([14]).

М. Полуденскій.

([12]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, изслѣдованіе П. Пекарскаго т. I, стр. 50.

([13]) Напечатано вполнѣ въ Маякѣ 1840 г. стр. 5.

([14]) Полный переводъ этого похвальнаго слова напечатанъ въ Маякѣ 1840 года ч IV, стр. 102.

А. Я. Полѣновъ, Русскій законовѣдъ XVIII вѣка (*).

Изъ предъидущихъ писемъ мы видѣли, что Полѣновъ всячески старался усвоить себѣ французскій языкъ. Въ концѣ 1765 г. онъ, кажется, достигъ этой цѣли, и началъ вести переписку по французски. Въ Стразбургѣ онъ близко сошелся съ нѣкіимъ Заутерсгеймомъ, о которомъ мы упомянули выше, и который въ это время уѣхалъ въ Парижъ. Съ нимъ то онъ и началъ переписываться по французски. Такъ какъ содержаніе этихъ писемъ не представляетъ особенно любопытнаго и какъ притомъ самый языкъ не отличается ни правильностію, ни легкостію, то мы и будемъ дѣлать изъ этихъ писемъ лишь нѣкоторыя извлеченія въ переводѣ болѣе интересныхъ мѣстъ.

Вотъ что Полѣновъ писалъ къ Заутерсгейму отъ 25 ноября 1765 г., называя его «mon cher ami.»—„Очень радъ буду опять съ вами увидѣться и вѣроятно я буду этимъ обязанъ вашему знаменитому другу, Ж. Ж. Руссо. По пріѣздѣ его въ Стразбургъ, всѣ любопытствовали его видѣть, и всякій судилъ объ немъ по себѣ. Про него много говорили глупостей и неправды. Одни считали его философомъ, другіе глупцомъ и нѣкоторые мизантропомъ. Народъ принималъ его за колдуна, и это больше по его одеждѣ. На дняхъ давали его комедію съ музыкой его же сочиненія. Онъ самъ былъ на этомъ представленіи. Я узналъ автора по піесѣ. Въ ней много чувствъ, достойныхъ человѣка добродѣтельнаго и любящаго человѣчество. Но къ несчастію въ наше время надъ всѣмъ этимъ смѣются. Въ настоящую минуту стремленіе къ нему уже прошло, и его оставляютъ въ покоѣ. Я видѣлъ его нѣсколько разъ, и если вы сюда пріѣдете, то я надѣюсь, что по дружбѣ вашей, доставите мнѣ случай поговорить съ нимъ, что̀ я почту себѣ за особенную честь.“ Кажется, этого случая не было, и Полѣновъ не познакомился съ Ж. Ж. Руссо.

Къ Протасову общее съ Лепехинымъ отъ 3 декабря по н. ст. 1765 года.

„Какъ изъ прежнихъ, такъ и нынѣ посланныхъ нашихъ писемъ можете видѣть, что мы вскорѣ по будущей Пасхѣ совсѣмъ кончимъ наше ученіе, и такъ въ Стразбургѣ не для чего больше оставаться, но неотмѣнно нужно ѣхать въ другіе университеты, отчасти дабы привести въ большее совершенство полученныя въ Стразбургѣ наставленія, отчасти для совершеннаго изученія языковъ, какіе кому надобны, смотря по намѣренію каждаго. Мы не хотѣли не сообщить вамъ сего дѣла и, не испросивъ у васъ совѣта, прямо писать къ его высокородію Ивану Ивановичу, будучи увѣрены, что вы, оказавъ уже столько знаковъ вашей къ намъ благосклонности и въ семъ насъ не оставите, но поможете намъ вашимъ совѣтомъ и стараніемъ. Сія же ваша благосклонность и доброхотство обнадеживаютъ насъ сообщить къ вамъ и слѣдующее наше намѣреніе. Будущее наше состояніе очень насъ безпокоитъ, и мы крайне неизвѣстны, что̀ напослѣдокъ предприметъ съ нами Академія. Хотя мы о покровительствѣ его высокородія ни мало не сумнѣваемся, однако случившіяся съ гг. Козицкимъ и Мотонисомъ ([14]) обстоятельства служатъ намъ примѣромъ быть всегда въ осторожности. Сверхъ сего время, которое намъ остается препроводить въ чужихъ земляхъ, можетъ произвести немалыя перемѣны; и такъ, если мы возвратимся сту-

(*) См. выше, стр. 445—470.

([14]) Къ сожалѣнію я не могъ узнать никакихъ подробностей объ упоминаемыхъ здѣсь обстоятельствахъ, случившихся съ Козицкимъ и Мотонисомъ. *Д. П.*

дентами, смотря по обстоятельствамъ, состояніе наше можетъ случиться сожалѣнія достойнымъ. Мы, не смотря на разстояніе и долготу времени, не перемѣнили и не перемѣнимъ никогда нашего мнѣнія. Главный нашъ законъ состоитъ въ томъ, чтобы по мѣрамъ силъ нашихъ служить съ пользою отечеству и сообщить и другимъ то, чему мы сами научимся, что̀ перемѣна времени, можетъ быть, совсѣмъ истребитъ, ежели мы не въ состояніи будемъ сами себя нѣсколько защищать, будучи съ пріѣзду нашего никѣмъ незнаемы и слѣдовательно безъ всякой подпоры. Мы думаемъ, государь нашъ, по окончаніи нашего ученія просить Академію, чтобы каждаго изъ насъ наградила чиномъ адъюнкта прежде, нежели мы оставимъ Стразбургъ. Сіе тѣмъ наипаче мы за нужное почитаемъ, что, какъ вы сами знаете, назначены для насъ разныя мѣста, и такъ, будучи одинъ отъ другаго отдалены, не въ состояніи будемъ ничего предпріять съ общаго совѣта, и тѣмъ пресѣчена намъ будетъ дорога къ произведенію нашего намѣренія. Естьли Академія какое будетъ имѣть въ семъ сумнѣніе, мы оставляемъ ей самой и обо всемъ въ разсужденіи насъ писать сюда къ своимъ корреспондентамъ.“

Къ Протасову особо отъ 3 декабря 1765 г. „Обѣщанныя мнѣ россійскія книги я еще до сихъ поръ не получалъ; можетъ быть, съ ними подобной дипломѣ г. Шпильмана жребій случился, хотя правда и нечего около ихъ поживиться. Я ихъ съ нетерпѣливостію ожидаю, особливо для того, что окончивъ скоро мой юристическій курсъ, большее на нихъ могу употребить время и стараніе. Я думаю взять на первый случай образцомъ Наставленія императора Юстиніана для ихъ посредственнаго порядка и къ каждому титулу присоединить россійскія, французскія и нѣмецкія права съ показаніемъ ихъ разности или согласія, не упуская причинъ историческихъ и политическихъ, подавшихъ поводъ къ изданію нашего закона. Съ начала невозможно и притомъ одному привести въ совершенной порядокъ такой важности и трудности дѣло и особливо для того, что прежнія узаконенія, или по крайней мѣрѣ большая оныхъ часть, смотря по нынѣшнимъ обстоятельствамъ Россіи, совсѣмъ негодны, и къ рѣшенію дѣлъ не могутъ быть употреблены. Сіе самое причиною, что у насъ нѣтъ ни судовъ, ни судей, которые бы сіе имя по справедливости заслуживали. И притомъ гражданскія, политическія и криминальныя дѣла такъ межъ собою смѣшаны, что ихъ разобрать трудно. Сверхъ сего еще почти не можно знать, гдѣ о какомъ дѣлѣ просить, ибо каждая контора, умалчивая о канцеляріяхъ, присвояетъ себѣ право рѣшать дѣла всякаго рода, хотя противъ всей справедливости.

Что касается до моихъ коллегій, то я очень доволенъ; одно мнѣ дѣлаетъ досаду, что я не могу тотчасъ начать jus feudale для недостатка слушателей. Въ юристическомъ факультетѣ такая оныхъ бѣдность, что иные профессора принуждены отложить до другаго времени свои коллегіи; ибо никто къ нимъ на оныя не явился; однако, какъ бы ни было, я неотмѣнно окончу послѣ Пасхи весь курсъ юристической.“

Къ сожалѣнію въ бумагахъ, оставшихся послѣ А. Я. Полѣнова и донынѣ тщательно сохраненныхъ, не нашлось ничего относящагося къ труду, о которомъ онъ упоминаетъ въ началѣ своего письма.

Вслѣдъ за этими письмами мы находимъ письмо къ Заутерсгейму, на французскомъ языкѣ отъ 1 января 1766 г.

„Графъ Разумовскій, о которомъ вы вѣроятно уже слыхали, когда еще онъ жилъ въ Парижѣ, пріѣхалъ сюда для свиданія съ своими дѣтьми. Узнавъ, что Руссо еще здѣсь, графъ хотѣлъ на другой же день своего пріѣзда посѣтить его. Онъ,

говорятъ, имѣлъ намѣреніе предложить ему въ подарокъ всю свою библіотеку, дать ему пенсію и мѣстопребываніе въ любомъ изъ своихъ многочисленныхъ помѣстьевъ въ Малороссіи. Къ сожалѣнію это великодушное намѣреніе графа не исполнилось, потому что Руссо выѣхалъ изъ Страсбурга въ тотъ самый день, какъ графъ сюда пріѣхалъ" (*).

Въ донесеніи въ академическую канцелярію отъ 24 марта 1766 года, Полѣновъ сообщалъ: „Окончивъ недавно политическія профессора Шепфлина коллегіи о трактатахъ, продолжаю слушать наставленія римскихъ правъ у профессора Ерлена и духовное римской церкви право у профессора Куглера. Сверхъ сего упражняюсь во всемъ томъ, что̀ слѣдуетъ къ моей должности и званію".

Кромѣ Заутерсгейма, къ которому Полѣновъ постоянно писалъ по французски, мы находимъ два письма, писанныя имъ на этомъ языкѣ къ Тауберту и къ Протасову. Письма эти отъ того же числа, какъ и предъидущее донесеніе въ Академію. Въ письмѣ къ Тауберту Полѣновъ писалъ о приготовляемомъ имъ сочиненіи, предметомъ котораго была одна изъ частей римскаго права. Въ этомъ письмѣ находимъ любопытную его замѣтку: „Что касается до нашего законодательства, говоритъ Полѣновъ, то оно имѣетъ много сходства съ римскимъ. Чтобъ удостовѣриться въ этомъ, сто́итъ только прочитать предисловіе къ Уложенію царя Алексѣя Михайловича."

Изъ письма къ Протасову видно, что Полѣновъ сталъ писать къ нему и къ Тауберту по ихъ приглашенію по французски. Въ этомъ письмѣ онъ сообщаетъ

(*) Съ этимъ любопытнымъ извѣстіемъ слѣдуетъ сличить разсказъ Михаила Балинскаго о томъ, какъ въ 1778 г Польскій панъ Антоній Тызенгаузъ убѣждалъ Ж. Жака Руссо поселиться въ Бѣловѣжской пущѣ. См. „День", 1864 г. № 44.

свѣдѣнія о пребываніи графа Разумовскаго въ Страсбургѣ. „На обратномъ пути изъ Парижа, пишетъ Полѣновъ, графъ Разумовскій остановился здѣсь на нѣсколько дней. Мы имѣли честь быть ему представлены г. Шепфлиномъ. Графъ говорилъ со мною нѣсколько минутъ и, какъ кажется, остался очень доволенъ тѣмъ, что́ г. Шепфлинъ объ насъ сказалъ. Посѣтивъ этого профессора, чтобъ видѣть его библіотеку, графъ подарилъ ему золотую медаль на коронацію августѣйшей нашей государыни". Въ заключеніе Полѣновъ сообщалъ, что онъ все еще не получилъ требованныхъ имъ книгъ и просилъ адресовать письма къ нему на имя Лепехина, потому что онъ самъ не зналъ, долго ли онъ останется въ Страсбургѣ.

Такъ до сихъ поръ все шло хорошо и гладко. Полѣновъ занимался юристическими науками, изучалъ французскій языкъ, продолжалъ на немъ вести переписку съ пріятелемъ своимъ Заутерсгеймомъ и 11 іюня 1766 года послалъ къ Тауберту начало предпринятаго имъ сочиненія, самъ находя его еще весьма слабымъ. Даже канцелярія Академіи наукъ сдѣлала Полѣнову и Лепехину прибавку жалованья, „для вящаго ихъ, какъ сказано въ указѣ канцеляріи отъ 23 іюня 1766 года, къ наукамъ поощренія, и чтобъ они какъ въ потребныхъ къ тому средствахъ, такъ и въ пристойномъ ихъ содержаніи недостатка не имѣли". Прибавка эта заключалась въ 50 руб. въ годъ каждому.

Но вмѣстѣ съ этимъ указомъ Полѣновъ получилъ письмо отъ Протасова, которое нарушило существовавшій до сего времени порядокъ и имѣло вліяніе на дальнѣйшее поприще службы Полѣнова при Академіи. Вотъ что писалъ Протасовъ отъ 23 іюня 1766:

„Государь мой Алексѣй Яковлевичъ! Къ вамъ при семъ инаго писать ничего не имѣю, какъ только объявить мнѣніе

профессорскаго собранія о продолженіи вашего ученія, которое, разсматривая репорты ваши, усмотрѣло, что вы много времени употребили на слушаніе такихъ лекцій, которыя къ будущей вашей профессіи, по мнѣнію профессорскаго собранія, служить очень мало могутъ; почему оное и приказало вамъ при семъ объявить, чтобы вы, оставя Genealogicas Germaniae и Specialicas historiae ecclesiasticae et profanae Germaniae lectiones, время все употребили къ слушанію тѣхъ коллегій, которыя точно надлежатъ до юриспруденціи; въ чемъ и его высокородіе г. статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Таубертъ съ собраніемъ профессорскимъ согласенъ; и по сей причинѣ приказалъ вамъ объявить, что ежели вы въ Стразбургѣ не имѣете случая къ скорѣйшему окончанію или къ порядочнѣйшему продолженію всего касающагося до профессіи вашей юристической, справились бы обстоятельно о Тюбинскомъ университетѣ или другомъ какомъ, не лучшей ли порядокъ въ разсужденіи юриспруденціи въ оныхъ предъ Стразбургскимъ наблюдается, чтобъ вы могли посланы быть для лучшаго вашего успѣха въ Тюбингенъ или въ другой университетъ; и о семъ по полученіи нынѣшнихъ писемъ извольте немедленно канцеляріи репортовать.—Впрочемъ его высокородіе г. статскій совѣтникъ приказалъ васъ обнадежить продолженіемъ своей милости; а я остаюсь всегда съ прежнимъ къ вамъ доброжелательствомъ“.

Письмо это глубоко оскорбило Полѣнова. Онъ получилъ его 26 іюля въ то время, какъ выздоравливалъ отъ сильной болѣзни и, можетъ быть, это было отчасти причиною, что первый порывъ своей горячности онъ выразилъ въ письмѣ къ Заутерсгейму (отъ 4 августа) въ весьма жесткихъ словахъ.

Черезъ нѣсколько дней Полѣновъ послалъ свое донесеніе въ академическую канцелярію. До сихъ поръ увѣдомленія свои въ оную онъ озаглавливалъ просто доношеніями или репортами, а въ нынѣшній разъ онъ написалъ *покорнѣйшій* репортъ. Репортъ этотъ былъ отъ 7 августа 1766 г. по н. ст. и по обыкновенію начинался увѣдомленіемъ о полученіи присланнаго векселя. Послѣ этой формальности Полѣновъ продолжалъ: „Ученіе мое, прерванное на нѣкоторое время болѣзнію, теперь опять идетъ порядочно, и я слушаю духовное римской церкви право у г. профессора Куглера, а криминальное духовное право у г. профессора Трейтлингера; такъ же хожу къ г. профессору Ерлену для повторенія первой части Римскихъ правъ, которыя послѣднія для меня коллегіи кончатся несумнѣнно по собственному обнадеживанію и увѣренію гг. профессоровъ, съ коими я о семъ нарочно говорилъ, въ исходѣ сентября мѣсяца.

„Мнѣ дано такъ же знать, что профессорское собраніе, не имѣя ни малой, по справедливости сказать, къ тому причины и основанія, оказало свое неудовольствіе въ разсужденіи долговремяннаго мною слушанія историческихъ коллегій, представляя, будто оныя очень мало могутъ служить къ будущей моей профессіи. Я ни мало не преступилъ данную мнѣ, хотя нарочито недостаточную, инструкцію, самимъ же профессорскимъ собраніемъ сочиненную, въ слѣдствіе которой и по совѣту здѣшнихъ гг. профессоровъ учреждалъ все ученіе, какъ мои репорты ясно свидѣтельствуютъ; и такъ не нахожу я ни малой причины, которая могла бы ихъ подвергнуть къ негодованію. Меня сіе приводитъ въ великое удивленіе, что господа профессоры такъ мало почитаютъ свободныя науки, особливо знатнѣйшую ихъ часть, т. е. историческія знанія, служащія главнѣйшимъ основаніемъ къ моей должности. Не утвердясь прежде въ семъ знаніи, приниматься прямо за юриспру-

денцію столько же безразсудно, какъ, не насадивъ желѣза, рубить дрова однимъ топорищемъ. Пусть только приведутъ себѣ на память примѣръ, служащій здѣсь доказательствомъ, славныхъ въ неблагополучныя для наукъ времена юриспрудентовъ, которые, не имѣя понятія объ исторіи и древностяхъ, въ такое впали заблужденіе, что безъ сожалѣнія о сихъ великихъ въ протчемъ людяхъ и подумать не можно. Кто не знаетъ, что въ прежнія времена Алціатъ, Куяцій, Готоманъ, Бриссоній, Риттерсгузій и многіе другіе великіе мужи, возобновляя юриспруденцію, съ знаніемъ законовъ соединяли твердое познаніе свободныхъ наукъ и тѣмъ самымъ, открывъ и другимъ свободный путь, заслужили себѣ безсмертную славу? Сколько также въ новѣйшія времена принесли пользы и получили себѣ славы Гроцій, Годофредъ, Винній, Бинкерсгекъ, Шультингъ и другіе, которые, почитая свободныя науки за главнѣйшее средство къ изъясненію законовъ, удивили ученый свѣтъ своими успѣхами! Самая отдаленная древность довольно можетъ намъ подать подобныхъ примѣровъ; но, отпуская прочее, возмемъ только здѣсь въ свидѣтельство Цицерона, Геллія, Плинія. Сіи мужи исторію и древности столь за велико почитали, что, упоминая о нѣкоторыхъ славныхъ юрисконсультахъ, ничего такъ много въ нихъ не выхваливали какъ сіи знанія, въ которыхъ дошли они до великаго совершенства. Сверхъ сего я довольно вѣдаю, въ какомъ запущеніи и небреженіи повержена лежитъ Россійская исторія, о приведеніи коей въ порядокъ, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не думалъ. Возвратясь въ отечество, ежели время, случай и способность допустятъ, конечно не премину приложить все возможное стараніе, дабы показать моему отечеству его древность (15).... прежнюю, превосходство и могущество; ибо я, отбросивъ неосновательныя иныхъ мнѣнія, на такой конецъ учусь, чтобы всевозможно онымъ образомъ служить моему отечеству, будучи увѣренъ, что мнѣ за сіе никакого нарѣканія не воспослѣдуетъ, и я смѣло могу сослаться на великихъ людей въ томъ, что они не похулятъ мое мнѣніе и охотно подтвердятъ своимъ изрѣченіемъ порядокъ моего ученія. Я бы могъ привести множество другихъ доказательствъ немалой важности, но канцелярія Академіи наукъ и изъ прежде рѣченнаго ясно усмотритъ справедливость моего мнѣнія и оправдитъ мои поступки, которые, какъ мнѣ кажется, ничего нарѣканія достойнаго въ себѣ не содержатъ.

(15) Здѣсь есть какой нибудь пропускъ. *Д. П.*

Что касается до будущаго моего изъ Стразбурга отъѣзда, то съ покорностію канцелярію Академіи наукъ прошу дозволить мнѣ препроводить нѣкоторое время въ Парижѣ, какъ для французскаго языка, которой, будучи въ нѣмецкой землѣ и не имѣя случая, могу отчасти позабыть, такъ и для высмотрѣнія внутреннихъ въ разсужденіи управленія сего великаго города учрежденій. Въ протчемъ, ежели канцелярія, для извѣстныхъ ей причинъ, не согласится на мое прошеніе, то по крайней мѣрѣ надѣюсь испросить себѣ отъ нея позволеніе ѣхать въ Геттингъ, а не въ Тибингъ. Тибингъ способенъ больше для богослововъ, нежели для юристовъ; при томъ развратное тамошнихъ студентовъ, изъ коихъ я не одного видѣлъ въ Стразбургѣ, житье, великое возбудило во мнѣ презрѣніе къ сему университету. Напротивъ того Геттингскій университетъ, по признанію такихъ, кои сами чрезъ долгое время тамъ учились, какъ въ разсужденіи того, такъ и другаго, великое имѣетъ преимущество, а особливо юристическій факультетъ до такого, какъ сказываютъ, доведенъ совершенства, что никакой другой университетъ въ разсужденіи сего не можетъ съ

нимъ сравниться. О проѣздныхъ деньгахъ за ненужное почитаю упоминать; что̀ канцелярія по своему благоразсужденію и смотря по отдаленію мѣста и по времени соблаговолить опредѣлить, тѣмъ и буду доволенъ“.

Въ концѣ донесенія приложенъ счетъ издержкамъ.

На сколько замѣчаніе профессорскаго собранія о ненадобности изучать юристу историческія науки оскорбило Полѣнова, настолько и даже еще болѣе оскорбилось профессорское собраніе, получивъ подобный рапортъ. Кажется, что тогдашніе академики не могли допустить мысли, чтобы молодой студентъ, хотя и имѣвшій чинъ переводчика, но все таки ученикъ, да притомъ еще и Русскій, осмѣлился такъ свободно выражать свой образъ мыслей, а главное осуждать изнаніе профессоровъ и ихъ распоряженіе.

Изъ немногихъ находящихся у меня документовъ видно, что изъ за этаго рапорта затѣялось нѣчто въ родѣ слѣдственнаго дѣла. Напали и на самаго Протасова, который былъ посредствующимъ лицомъ между профессорскимъ собраніемъ и переводчикомъ Полѣновымъ.

Одновременно съ донесеніемъ въ Академію, Полѣновъ написалъ и къ Протасову отвѣтъ на полученное отъ него письмо. Отвѣтъ этотъ, въ которомъ виденъ тотъ же духъ неудовольствія, какъ и въ предъидущемъ рапортѣ, писанъ по французски.

„Прочитавъ письмо ваше, я не могъ удержаться отъ смѣха. Признаюсь, я никакъ этаго не ожидалъ и ежели эти странныя сужденія сдѣлаются когда нибудь извѣстны, то всѣ будутъ имъ удивляться. Неудовольствіе нашихъ гг. профессоровъ мнѣ кажется такъ смѣшно, что объ немъ даже не сто́итъ болѣе и толковать. Но я все таки нахожу, что эти господа совершенно не правы въ семъ случаѣ. Всѣ коллегіи, которыя я посѣщалъ, были для меня весьма важны и необходимы. Если же и допустить, что профессора наши справедливы, то слѣдовало объ этомъ ранѣе меня предъувѣдомить. Теперь же, когда я почти кончилъ курсъ моего ученія, всѣ ихъ совѣты совершенно безполезны.

„Съ самаго пріѣзда моего въ Стразбургъ до сихъ поръ я былъ совершенно оставленъ на свой произволъ, и чтобъ ни въ чемъ себя не упрекать, я старался такъ расположить мое ученіе, что всѣ здѣшніе профессора были весьма довольны. Къ нимъ то я и обращался обо всемъ, что̀ касалось до моего ученія и не посовѣтовавшись съ ними ничего не предпринималъ. Въ то время мнѣ очень нужны были мудрыя наставленія нашихъ профессоровъ но они хранили глубокое молчаніе. Теперь же я и самъ знаю, что̀ мнѣ нужно и полезно.

„Вотъ мой образъ мыслей, который, будучи простъ и естественъ, не можетъ никого оскорбить. Я пишу къ вамъ вовсе не для того, чтобы упрекать въ чемъ бы то ни было, а единственно для своего оправданія.

„Что касается до выѣзда моего отсюда, я начну приготовляться къ оному, какъ скоро состояніе моего здоровья позволитъ. Я былъ болѣнъ горячкою, которая очень разстроила какъ родъ моего ученія, такъ и средства къ содержанію. Теперь я, слава Богу, поправляюсь и снова принялся за свои занятія. Я много буду вамъ обязанъ, если вы изволите принять участіе въ этомъ дѣлѣ и ускорите его, потому что я опасаюсь ненастнаго и холоднаго времени“.

Спустя около двухъ мѣсяцевъ послѣ этаго письма, Полѣновъ собрался выѣхать изъ Стразбурга. Онъ писалъ къ Заутерсгейму отъ 8 октября 1766 г., что, готовясь оставить этотъ городъ въ самомъ скоромъ времени, онъ однакоже не можетъ сказать положительно, куда именно онъ отправится. Письма, которыя дол-

жны были это разрѣшить, не были еще получены; но предварительно ему дано было знать Протасовымъ([16]), чтобы чрезъ двѣ недѣли онъ былъ готовъ къ отъѣзду. Дальнѣйшія распоряженія должны были вскорѣ за тѣмъ послѣдовать.

Долгое время не получая ожидаемыхъ приказаній, въ которыхъ бы назначенъ былъ срокъ его выѣзда изъ Стразбурга и мѣсто, куда онъ долженъ былъ ѣхать, не желая при томъ терять времени и наконецъ опасаясь наступленія зимняго времени, Полѣновъ рѣшился отправиться въ Геттингенъ. Объ этомъ своемъ рѣшеніи, которое онъ самъ признавалъ самовольнымъ, хотя и вынужденнымъ, онъ предувѣдомилъ Тауберта за три дни до своего отъѣзда въ письмѣ отъ 27 октяб- 1766 г.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, мы находимъ рапортъ Полѣнова въ Академію изъ Геттингена отъ 12 ноября 1766 г.

„Изъ присылаемыхъ мною репортовъ канцелярія Академіи наукъ усмотрѣть можетъ, что мнѣ неотмѣнно должно было оставить Стразбургскій университетъ и избрать другое мѣсто для дальняго продолженія и успѣховъ въ юристическихъ наукахъ. И такъ въ слѣдствіе сего, оставивъ Стразбургъ 30 октября по н. ст., въ девятый день пріѣхалъ я въ Геттингъ и записавшись у г. проректора Кестнера, тотчасъ зачалъ слушать Пандекты у г. профессора Бемера и Jus foeudale у г. профессора Рикціуса.

Я надѣюсь, что канцелярія Академіи наукъ, разсудивъ побудившія меня къ тому причины, не приметъ въ худую сторону мои поступки. Мнѣ самому не безъизвѣстно, что я долженъ былъ ожидать на то позволенія, но многія важныя обстоятельства не допускали меня сему послѣдовать правилу. Въ Стразбургѣ, предъ отъѣздомъ моимъ, коллегіи всѣ кончились, а начала новыхъ должно было ожидать подъ исходъ ноября мѣсяца; сверхъ сего и канцелярія сама намѣрена уже была отослать меня въ другой университетъ, и на такой конецъ предложенъ мнѣ былъ Тибингской университетъ, или ежели онъ къ моему намѣренію не способенъ, то приказано мнѣ самому навѣдаться, какой университетъ въ разсужденіи моей должности за наулучшій почесться можетъ. Я избралъ Геттингское училище, славное теперь юристическимъ факультетомъ, о чемъ также упомянуто было и въ прежнемъ моемъ репортѣ, въ случаѣ ежели мнѣ не дозволено будетъ ѣхать въ Парижъ. И такъ не хотя, въ ожиданіи изъ канцеляріи указа, опустить коллегіи (ибо не смотря на мою поспѣшность, пріѣхалъ я почти однимъ мѣсяцемъ позже), отправился немедленно въ Геттингъ и не тратя нимало времени, приступилъ къ слушанію нужныхъ коллегій. Здѣсь также должно присоединить совокупленныя съ осеннимъ временемъ въ дорогѣ затрудненія, опасности и безпокойства, такъ же не мало способствовавшія къ произведенію принятаго мною намѣренія, которое, по моему мнѣнію, ничего нарѣканія достойнаго въ себѣ не заключаетъ. Въ протчемъ я оставляю все сіе на благоразсужденіе канцеляріи Академіи наукъ, имѣя нѣкоторую надежду, что она соблаговолитъ подтвердить сіе своимъ изрѣченіемъ.

„Что касается до издержанныхъ мною въ дорогѣ денегъ, то число оныхъ простирается до 179 ливр. и 17 су, которые единственно должны были служить къ моему содержанію, и я поѣхалъ въ Геттингъ съ тою надеждою, что канцелярія, смотря по моей бѣдности и по здѣшней дороговизнѣ, опредѣлитъ выдать мнѣ сіи деньги сверхъ моего жалованья, ибо еже-

([16]) Этого письма Протасова не оказалось въ числѣ сохранившихся другихъ документовъ. Оно, какъ увидимъ ниже, было уничтожено вмѣстѣ съ прочими его письмами. *Д. П.*

либъ благосклонность моихъ товарищей и обыкновеніе вѣрить въ долгъ меня не подкрѣпляли, то не знаю, что̀ бы напослѣдокъ со мною сдѣлалось. Я съ покорностію прошу канцелярію Академіи наукъ принять сіе благосклонно; въ разсужденіи другихъ издержекъ не премину по обыкновенію въ скорости репортовать».

Одновременно съ этимъ донесеніемъ, т. е. отъ 12 же ноября, Полѣновъ увѣдомилъ и Тауберта о пріѣздѣ своемъ въ Геттингенъ. Письмо это писано по французски.

«Испытавъ тысячу опасностей, я прибылъ наконецъ въ Геттингенъ почти полумертвымъ. Усталость, ненастное время года, Гессенскія горы привели меня въ такое разслабленіе, что я до сихъ поръ не могу придти въ себя. Но, не смотря на разстроенное состояніе моего здоровья, я тотчасъ началъ посѣщать курсы, которые я считалъ для себя нужными.»

«Геттингенскій университетъ можетъ быть поставленъ наряду съ лучшими университетами и даже можетъ почесться первымъ относительно юридическихъ наукъ. Здѣсь всего десять профессоровъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ по три и по четыре предмета, которые проходитъ въ теченіи 6 мѣсяцевъ. Юристы со всѣхъ сторонъ пріѣзжаютъ сюда для своего образованія и усовершенствованія.

«По случаю переѣзда моего сюда, я издержалъ всѣ свои деньги и теперь, находясь въ крайнемъ недостаткѣ, обращаюсь къ вашей помощи и покровительству. Я увѣренъ, что найдутся многіе, которые захотятъ воспользоваться этимъ случаемъ и постараются повредить мнѣ и въ настоящемъ обстоятельствѣ. Но я надѣюсь, что не буду вами оставленъ.»

Окончаніе письма заключается въ изъявленіи обычныхъ вѣжливостей и всякаго рода почтеній.

Оставляя Страсбургъ, Полѣновъ былъ снабженъ аттестатами отъ тамошнихъ профессоровъ, которые всѣ отозвались съ большою похвалою объ успѣхахъ бывшаго въ ихъ университетѣ русскаго студента.

При поступленіи своемъ въ Геттингенскій университетъ, онъ получилъ грамоту, по которой допускался въ число его слушателей. Тутъ любопытны постановленія, которымъ Геттингскіе студенты должны были подчиняться.

Въ концѣ 1766 года, въ то самое время, какъ Полѣновъ, не выждавъ приказанія, самъ распорядился своимъ перемѣщеніемъ изъ Страсбурга въ Геттингенъ, въ самой Академіи произошла важная перемѣна, которая вѣроятно и была причиною, что онъ не получилъ никакого разрѣшенія на выѣздъ изъ Страсбурга. Начальникомъ Академіи, съ званіемъ директора ея, назначенъ былъ графъ Владиміръ Григорьевичь Орловъ. Канцелярія Академіи, въ которой Таубертъ былъ совѣтникомъ и однимъ изъ главныхъ распорядителей, была упразднена, а вмѣсто ея, для управленія хозяйственными дѣлами, учреждена коммисія. Исходившія отъ нея бумаги (указы) подписывалъ самъ графъ Орловъ. Таубертъ, хотя и остался еще въ Академіи, но былъ отстраненъ отъ всякаго вліянія на дѣла.

Полѣновъ, получилъ извѣстіе объ этой перемѣнѣ, отнесся по прежнему къ Тауберту слѣдующимъ письмомъ отъ 7 января 1767 года:

«Услышавъ о странныхъ перемѣнахъ, пришелъ я въ изумленіе. Словами не могу довольно изобразить, сколь мнѣ сіе прискорбно. Однако, какъ бы то ни было, я имѣю честь васъ увѣрить, что мои мысли не перемѣнились. Я знаю почитать моихъ благодѣтелей и надежду всю возлагаю на Бога. Ненастье не можетъ безпрестанно продолжаться, и слѣдующая свѣтлая погода тѣмъ бо́льшую радость и веселіе въ насъ возбуждаетъ.

«Здѣсь уже насталъ новый годъ, съ

которымъ имѣю честь васъ поздравить, присовокупляя искреннія мои желанія, чтобы всемогущій Творецъ наградилъ васъ всѣмъ тѣмъ, чего можно желать человѣку. Я писалъ къ вашему высокородію изъ Геттинга отъ 12 ноября прошедшаго года и опасаюсь, чтобъ сіе письмо не попалось въ руки такому, къ кому оно не надлежитъ. Я васъ покорнѣйше прошу дать мнѣ знать чрезъ г. Протасова, получили ли вы сіе письмо или нѣтъ. Сіе меня чрезмѣрно тревожитъ, и ваше увѣдомленіе избавитъ меня отъ великаго безпокойства.“

Изъ нижеслѣдующаго письма Полѣнова къ Протасову отъ 7 января 1767 года видно, что рапортъ въ Академію отъ 7 августа 1766 г., не смотря на послѣдовавшую въ ней перемѣну, не былъ забытъ профессорами, и что они приняли къ сердцу сдѣланные молодымъ студентомъ упреки въ непониманіи ими дѣла и плохихъ распоряженіяхъ. Упоминаемая перемѣна, отстранивши съ поприща дѣйствія однихъ лицъ, выдвинула другихъ, и въ числѣ сихъ послѣднихъ на сцену является Штелинъ, принявшій на себя, какъ должно догадываться, роль заступника за честь обиженныхъ профессоровъ.

Вотъ письмо къ Протасову. „Я примѣчаю, что вы чрезмѣрно безпокоитесь по причинѣ моего репорта, а я чрезмѣрно не доволенъ, что для васъ только однихъ посланное отъ меня письмо [17]) читали вы въ профессорскомъ собраніи. Ясный столь великаго презрѣнія знакъ произвелъ бы въ иномъ совсѣмъ другое дѣйствіе, но я, будучи по природѣ больше вспыльчивъ, нежели злобливъ, полагалъ все мое удовольствіе [18]) въ безпрерывномъ молчаніи, которое я намѣренъ былъ наблюдать въ разсужденіи васъ. Что касается до моего репорта, то я въ немъ ничего не нахожу, что бъ могло служить мнѣ въ нарѣканіе и готовъ себя защищать, не токмо собственными моими доказательствами, но и публичнымъ цѣлаго университета свидѣтельствомъ. Съ покорностію прошу васъ, государь мой, представить г. Штелину, что ежели онъ нашелъ въ моемъ репортѣ нѣкоторыя выраженія, то я не премину надлежащимъ образомъ предъ нимъ извиниться; что онъ, взявъ въ разсужденіе тогдашнее мое состояніе и прочія обстоятельства, легко примѣтитъ, что съ моей стороны никакого въ семъ случаѣ худаго намѣренія не было. Мнѣ чрезмѣрно досадно, что для такъ маловажныхъ дѣлъ должно тратить столько времени, бросать ученіе или безпокоиться; и безъ того иногда мало соотвѣтствующее молодымъ моимъ лѣтамъ здоровье по неволѣ заставляетъ откладывать упражненія на другое время. Я ничего не прошу и не желаю кромѣ спокойствія; всѣ мои помышленія клонятся единственно къ оказанію услугъ отечеству; другимъ не завидую и состояніемъ моимъ совершенно доволенъ; да вы и сами можете сіе сказать, разсуждая по нашей посылкѣ и по воспослѣдовавшимъ обстоятельствамъ, въ подтвержденіе чего не услышите вы никогда, чтобъ я сталъ кого утруждать моею просьбою. Въ прочемъ, государь мой, искренность моя недолжна быть вамъ досадна. Будьте напротивъ того увѣрены, что я по возможности силъ моихъ при всякомъ случаѣ и во всякое время буду стараться показать вамъ въ самомъ дѣлѣ, что я не позабылъ оказанныя мнѣ отъ васъ благодѣянія, и память ихъ никогда у меня не истребится. Имѣю честь быть и проч.»

«P. S. Упоминаемыя вами письма сожжены при отъѣздѣ моемъ изъ Страсбурга, однако не опасайтесь; въ случаѣ

---

[17]) Это должно быть то письмо, которое Полѣновъ писалъ къ Протасову въ одно время съ своимъ рапортомъ отъ 7 августа и которое въ соединеніи съ рапортомъ могло только развить негодованіе ученой братіи противъ Полѣнова. *Д. П.*

[18]) Слово „удовольствіе“ употреблено здѣсь въ смыслѣ удовольствованія, удовлетворенія *Д. П.*

нужды я васъ не премину оправдать. Мнѣ чрезмѣрно досадно, что за мой писанный въ Страсбургѣ репортъ пристаютъ къ вамъ такъ, какъ будто я въ немъ изобразилъ ваши мысли. Пусть со мною, что̀ хотятъ, то дѣлаютъ, а до другихъ нужды нѣтъ. При поздравленіи васъ съ новымъ годомъ желаю вамъ здравія и благополучія".

Этотъ post scriptum, даетъ намъ знать о причинѣ недостатка многихъ бумагъ, которыя могли бы объяснить съ большею подробностію эту занимательную исторію.

Сохранился указъ новоучрежденной коммиссіи о пересылкѣ денегъ, находящимся за границею русскимъ студентамъ отъ 8 декабря 1766 г., полученный Полѣновымъ, какъ это означено на самомъ указѣ, только 16 января 1767 г.

Вѣроятно съ этимъ указомъ Полѣновъ получилъ другія письма, относившіяся къ профессорскому дѣлу. Къ сожалѣнію онѣ не сохранились между оставшимися послѣ него бумагами. Но изъ письма его къ самому директору Академіи графу Орлову отъ 25 января 1767 г. н. ст. можно видѣть, что профессора Академіи и между ними особенно Штелинъ, начавшій играть роль Тауберта, горячо преслѣдовали дѣло.

Къ графу Орлову. „Я не могу довольно изобразить, сколь мнѣ прискорбно, что въ первый разъ, какъ я имѣю честь писать къ вашему сіятельству, вмѣсто поздравленія жалобы, а вмѣсто желаній извиненія приносить долженъ; но нужда, которая не признаетъ никакихъ законовъ, довольно меня въ семъ случаѣ оправдать можетъ; однако, не смотря на всѣ сіи печальныя для меня обстоятельства, не могу я опустить, чтобъ не засвидѣтельствовать вашему сіятельству чрезмѣрной моей радости по причинѣ вашего возвышенія. Весь свѣтъ увѣренъ, что наша всемилостивѣйшая монархиня соизволила избрать въ вашей особѣ достойнаго Академіи начальника: для того, поздравляя ваше сіятельство съ благополучнымъ вступленіемъ въ сіе новое достоинство, отъ искренняго сердца желаю, чтобъ наше общее отечество купно съ отвращеніемъ вредныхъ ему недостатковъ увидѣло такъ же въ скорости желаемые вашихъ трудовъ плоды. Оказанная вами любовь и почтеніе къ наукамъ подаютъ несомнѣнную надежду въ вашихъ похвальныхъ предпріятіяхъ, и чѣмъ съ большею трудностію соединены будутъ ваши старанія, тѣмъ сильнѣйшія благодарности изъявленія оказываны вамъ всегда будутъ со стороны тѣхъ, кои знаютъ почитать великія заслуги.

„Что касается до моего съ профессорскимъ собраніемъ дѣла, то оное предавая на благоразсужденіе вашего сіятельства, надѣюсь покорнымъ моимъ прошеніемъ столько получить отъ вашей справедливости, что оное кончено будетъ по вашему собственному разсмотрѣнію и приговору, а не по мнѣнію господъ профессоровъ, кои не могутъ заступить въ одно и то же время и въ томъ же самомъ дѣлѣ мѣсто судей и обиженныхъ. Въ удовольствіе ихъ сдѣлалъ я добровольно все то, что̀ они по справедливости могутъ отъ меня требовать; въ противномъ случаѣ, ежели они хотятъ еще далѣе поступить, то я такъ же прошу дозволить мнѣ представить служащія къ моему оправданію причины.

«Сверхъ сего ставятъ такъ же мнѣ въ виду отъѣздъ мой изъ Стразбурга, не заключающій въ себѣ ничего худаго; но по особливому моему несчастію наибезвиннѣйшія дѣйствія взяты въ противную сторону. Прежде прошедшей еще осени увѣренъ я былъ, что мнѣ неотмѣнно должно оставить Стразбургъ и на такой конецъ велѣно, чтобъ я былъ во всегдашней готовности къ отъѣзду. Ждавъ около двухъ мѣсяцевъ рѣшительнаго приказанія и не зная ничего о перемѣнахъ въ

Академіи, думалъ я, что посланныя ко мнѣ письма утратились въ дорогѣ Сумнительныя сіи обстоятельства, не смотря на недостатокъ въ деньгахъ и неспособное время, побудили меня принять безопасное по моему мнѣнію намѣреніе ѣхать для совершенія моего ученья въ Геттингъ, о чемъ я и прежде просилъ въ моемъ репортѣ. Ежелибъ я остался сію зиму въ Страсбургѣ, то, будучи во всегдашней безъизвѣстности и въ ожиданіи писемъ, потерялъ бы все сіе время, о чемъ я безъ сожалѣнія не могъ и подумать; притомъ Геттингскій университетъ въ разсужденіи юриспруденціи за наилучшій изъ всѣхъ можетъ почесться. И такъ, какъ ваше сіятельство сами изволите видѣть, сіи поступки нимало не могутъ служить мнѣ въ нарѣканіе.

«Между прочимъ г. статскій совѣтникъ Штелинъ приказалъ мнѣ вашимъ именемъ прислать подлинное г. Протасова ко мнѣ писанное письмо; но сіе не состоитъ больше въ моей власти; ибо сбираясь къ отъѣзду и не думая нимало о слѣдствіяхъ, сжегъ съ прочими бумагами и всѣ мои письма.

„Хотя я въ семъ случаѣ къ великому моему сожалѣнію и не могу исполнить вашего повелѣнія, ибо самая невозможность воспрещаетъ мнѣ поступить въ семъ по моей должности, однако вы увидите впредь искренность моихъ мнѣній; при чемъ принимаю такъ же смѣлость увѣрить ваше сіятельство, что я всегда за честь буду себѣ ставить оказывать вамъ послушаніе и покорность, какъ законному моему начальнику. Съ должнымъ почтеніемъ и покорностію прошу васъ, милостивый государь, принять въ разсужденіе всѣ мои обстоятельства и защитить вашимъ покровительствомъ такого человѣка, который, сверхъ засвидѣтельствованія истинной своей благодарности, не преминетъ по возможности силъ своихъ способствовать къ прославленію оказанной ему отъ васъ милости. Имѣю честь быть и проч.“

Въ письмѣ къ Штелину, писанномъ по французски въ одно время съ предъидущимъ письмомъ, Полѣновъ, сознавая поступокъ свой съ профессорами Академіи опрометчивымъ, приносилъ имъ извиненіе; но однако же присовокуплялъ, что ежели и это не смягчитъ ихъ гнѣва, то онъ полагается во всемъ на справедливость рѣшенія самой коммиссіи. О письмѣ Протасова онъ сообщалъ тоже, что̀ и къ графу Орлову, т. е. что не можетъ его прислать, потому что передъ выѣздомъ изъ Страсбурга онъ сжегъ всѣ свои бумаги, за исключеніемъ нѣкоторыхъ указовъ Академіи.

Въ учрежденную при Академіи коммиссію Полѣновъ доносилъ отъ 4 марта 1767 г. Въ этомъ рапортѣ онъ увѣдомлялъ о полученіи указа коммиссіи отъ 8 декабря 1766 съ приложенными копіями съ двухъ имянныхъ указовъ. О содержаніи этихъ послѣднихъ мы не имѣемъ свѣдѣній, ибо ихъ не оказалось между оставшимися послѣ Полѣнова бумагами. Далѣе Полѣновъ писалъ въ коммиссію: «Что касается до моего ученія, то въ прежнемъ репортѣ, отъ 12 ноября прошедшаго года, писалъ я, что началъ слушать пандекты у г. профессора Бемера, а феодальное право у г. профессора Рикціуса. Первый продолжаетъ и до сихъ поръ исправно свои коллегіи, а послѣдній, для глубокой старости и слабаго своего здоровья, отложилъ до будущаго лѣта. Позднее время и незнаніе здѣшнихъ обыкновеній принудили меня довольствоваться тѣмъ, что̀ я могъ имѣть; сверхъ сего у иныхъ профессоровъ не было больше мѣста, другихъ я не зналъ, и такъ по неволѣ должно было отложить, пока снова не начнутъ всѣ коллегіи, что̀ воспослѣдуетъ вскорѣ послѣ пасхи. При новомъ начатіи намѣренъ я слушать феодальное и духовное право, такъ же прак-

тическія коллегіи и всѣми силами буду стараться, чтобъ означенныя коллегіи, а особливо практическія, которыхъ я еще никогда не слушалъ, не опустить и оными пользоваться, сколько можно. А ежели какой случай воспрепятствуетъ поступить по принятому мною намѣренію, то изберу другія нужныя мнѣ части ученія и не премину о семъ увѣдомить коммиссію, на благоразсужденіе которой я совершенно полагаюсь.“

Въ это время Полѣновъ писалъ къ Штелину между прочимъ слѣдующее: „Вамъ извѣстно, что его сіят. графъ Разумовскій опредѣлилъ намъ жалованья по 300 рублей въ годъ, на тотъ конецъ, чтобы мы могли пристойно содержать себя въ чужихъ краяхъ; но въ первый годъ послѣ нашего отъѣзда у насъ удержали 100 рублей, и потомъ, если я не ошибаюсь, еще 50 рублей. Деньги эти, какъ мы слышали, назначались для нашего путешествія (по Европѣ). Не имѣя намѣренія путешествовать, и желая по окончаніи моего ученія возвратиться въ отечество, я обращаюсь къ вамъ съ просьбою не отказать въ вашемъ содѣйствіи о выдачѣ намъ удержанныхъ у насъ денегъ. Я очень въ нихъ нуждаюсь для покупки книгъ, безъ которыхъ не могу обойтись, а получаемыхъ нынѣ 300 рублей для этого не достаточно. Человѣкъ, который предназначаетъ себя къ постоянному ученію, не можетъ успѣть въ немъ безъ пособія книгъ; и такъ какъ здѣсь часто продаются цѣлыя библіотеки, то и я могу воспользоваться подобнымъ случаемъ, если чрезъ ваше посредство помянутыя деньги будутъ мнѣ возвращены“ ([19]).

Послѣдній документъ изъ относящихся до пребыванія Полѣнова въ чужихъ краяхъ есть письмо къ нему Таубера отъ 3 апрѣля 1767.

„Государь мой, не сомнѣвайтесь о вашихъ ко мнѣ письмахъ. Онѣ всѣ до моихъ рукъ вѣрно дошли, и ни единое изъ нихъ не пропало. Хотя я по перемѣнившимся въ Академіи обстоятельствамъ не въ состояніи нынѣ къ продолженію вашихъ наукъ такое вамъ дѣлать подкрѣпленіе и поощреніе, какое вы прежде отъ меня видѣли и какого бы и впредь къ основанію будущаго вашего благополучія и къ истинной пользѣ отечества отъ моего усердія несомнѣнно надѣяться могли; однако будьте увѣрены, что я не меньше готовъ вамъ, сколько моей возможности будетъ, какъ собою, такъ и чрезъ моихъ пріятелей служить и помогать. Предпріятое всемилостивѣйшею нашею государынею великое дѣло о сочи-

([19]) Мы не имѣемъ положительнаго свѣдѣнія, получилъ ли Полѣновъ и когда именно просимыя имъ деньги; но знаемъ, что онъ вывезъ изъ за границы хорошее по тогдашнему времени и по своимъ средствамъ, собраніе книгъ, купленныхъ имъ, какъ означено на самыхъ переплетахъ, изъ библіотеки профессора Шмауса. Привезенныя имъ книги относились большею частію до юриспруденціи, но между ними было нѣсколько замѣчательныхъ, и въ настоящее время рѣдкихъ историческихъ сочиненій. Въ числѣ первыхъ были сочиненія знаменитыхъ юристовъ прошедшаго столѣтія, какъ то: Гейнекція, Бемера, Еверарда Оттона, Маттея, Людвига, Герарда Нодта и превосходное изданіе Corpus juris civilis Romani, съ примѣчаніями Діонисія Готофреда, изд 1756, въ двухъ фоліантахъ. Изъ книгъ историческихъ примѣчательны: „Записки Филиппа Комина“, въ латинскомъ переводѣ, печатанныя въ 1599 г; Олеарій изд. 1656; описаніе Украйны Боплана, 1673; Bellum scythico-cosacicum Насторія, 1652; De bello Tartarico, Мартинія, 1655; Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne, Шевалье, 1663; Moscowitische Zeit-Lands-Staats und Kierchen Beschreibung 1687: Das grosse und mägtige Reich Moscovien 1687; Histoire de Pologne et du grand duché de Lithuanie 1698; Les voyages de Jean Struys 1720; и мн. др Юридическія книги находятся у брата моего Матвѣя Васильевича Полѣнова, служащаго нынѣ оберъ прокуроромъ въ правительствующемъ сенатѣ. Прочія книги вошли въ составъ моей библіотеки.

неніи новыхъ законовъ, при которомъ вы со временемъ употреблены быть можете, естьли прежній вашъ планъ не отмѣненъ, показываетъ вамъ надежный путь къ вашему щастію, и для того совѣтую вамъ, съ крайнѣйшимъ прилежаніемъ окончать тѣ части юриспруденціи, о которыхъ вы не слушали еще профессорскихъ лекцій, и которыя вамъ особливо въ отечествѣ вашемъ нужны и полезны быть могутъ, а при томъ не оставьте выслушать Historiam juris. Знаніе Нѣмецкой имперіи правъ не столько для васъ надобно, сколько Дацкихъ, Шведскихъ и прочихъ къ Варяжскому морю прилежащихъ земель и городовъ; ибо какъ Россія въ древнія времена съ оными имѣла больше сообщенія, нежели съ другими Европейскими народами, такъ и въ законахъ своихъ много сходственнаго съ ними имѣетъ. Но до сего знанія должны вы болѣе доходить собственнымъ прилежнымъ чтеніемъ и дѣланіемъ всегдашняго сравненія съ законами Россійскими. Когда вы, государь мой, курсъ свой юриспруденціи окончаете, и по удостоинству отъ университета захотите, и отъ Академіи дозволено вамъ будетъ, принять градусъ доктора юриспруденціи, тогда къ диспутаціи вашей изберите такую матерію, которая бы соотвѣтствовала великому намѣренію всемилостивѣйшія государыни, какъ на примѣръ: какимъ методомъ поступать должно при исправленіи недостаточныхъ и сочиненіи новыхъ законовъ, и какъ другіе народы въ древнія и новѣйшія времена въ томъ поступали. Есть ли сія тема покажется вамъ трудна, то выберете другую, къ законамъ вашего отечества приличную, и будучи первымъ изъ природныхъ Россіянъ докторомъ юриспруденціи припишите диссертацію свою всемилостивѣйшей государынѣ, переведя оную при томъ либо на россійскій, либо на французскій языкъ. Все сіе предлагаю вамъ только на тотъ случай, когда вы, какъ я уже выше упомянулъ, въ разсужденіи продолжаемыхъ вами наукъ, отъ Академіи отмѣнительнаго приказанія не имѣете, ибо тогда должность ваша требуетъ исполнять по повелѣніямъ команды, и въ чемъ вы какія трудности находите, о томъ представлять заблаговременно. Есть ли я сверхъ сего вамъ или товарищамъ вашимъ въ Геттингѣ могу въ чемъ быть полезнымъ, то какъ себя такъ и ихъ увѣрьте, что съ прежнимъ моимъ усердіемъ пребываю вамъ всегдашній слуга".

Это письмо, какъ мы уже сказали, было послѣднее, которое Полѣновъ получилъ въ чужихъ краяхъ. Вскорѣ послѣ этого онъ выѣхалъ изъ Геттингена, получивъ отъ тамошняго университета аттестатъ, выданный 4 мая 1767 года.

Въ числѣ сохранившихся послѣ Полѣнова вещей находится кожаный карманный бумажникъ, заведенный имъ вѣроятно передъ отъѣздомъ своимъ въ чужіе краи. Въ серединѣ его вложена тетрадка изъ бумаги и нѣсколько листковъ пергамена. На первой бумажной страницѣ записано: „Изъ С.-Петербурга отправился въ Стразбургъ сент. 13 дня по с. ш. 1762 году, и проживъ въ Кронштатѣ 10 дней, отправились въ Любекъ 23 сент. и прибыли въ Любекъ 30 сент., по н. ш. 11 октября". На другихъ листкахъ есть записки расходовъ и нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ, не имѣющихъ особенной важности по ихъ непослѣдовательности и неполнотѣ, на прим. „Покровъ. пресв. Богородицы 1 октября по ст. ш., а по новому 12 октября. День ангела 5 окт. по с. ш., а по новому 16 окт."—Это были дни рожденія и имянинъ Полѣнова. Тутъ же записано: „Протасовъ отъѣхалъ 5 іюля 1763 году по н. ш. изъ Стразбурга въ Санктпетербургъ". — На другомъ листкѣ: „2 числа генваря 1764 года переѣхалъ отъ портнаго Ларуста къ шпрахмейстеру Біенвеню, щитая на мѣсяцъ за

квартиру, за кушанье и за ученье — 42 лив." — Тутъ же: „Ноября 5 числа по н. ст. 1764 года зачалъ ходить къ г. профессору Трейтлингеру на лекціи, которой зачалъ Institutiones juris Justinianae". На одномъ изъ листковъ этой тетрадки записано: „Выѣхалъ изъ Геттинга 8 мая по н. ст. 1767 и пріѣхалъ въ Петербургъ 1 іюня по н. счисл."—Болѣе мы ничего не можемъ сказать о возвращеніи Полѣнова изъ чужихъ краевъ. Но любопытно было бы узнать подробности о пріемѣ, сдѣланномъ ему въ Академіи и объ окончаніи дѣла его съ профессорами. Между тѣмъ изъ помянутой записной книжки или бумажника можно догадываться, что пріемъ, сдѣланный Полѣнову Академіею, былъ не совсѣмъ благосклоненъ. Въ этой книжкѣ Полѣновъ также набрасывалъ нѣкоторыя мысли тѣхъ писемъ, которыя онъ намѣревался писать. Такъ въ ней сохранились отрывки изъ письма, отправленнаго имъ къ графу Орлову. На тѣхъ же листкахъ мы находимъ начало письма слѣдующаго содержанія: „Къ Козицкому. Вы удивитесь, что господинъ Штелинъ не устыдился въ канцеляріи при мнѣ молодому Ейлеру сказать, что я совсѣмъ не годенъ при Академіи, по причинѣ, что у насъ нѣтъ никакихъ тяжебъ; такъ какъ будто юриспруденція состояла въ одной тяжбѣ...." Подобный отрывокъ, кажется, не требуетъ комментарій, и изъ него можно видѣть неблагорасположеніе къ Полѣнову одного изъ сильныхъ въ то время дѣятелей Академіи, — профессора аллегорій Штелина. Не смотря на это, Полѣновъ числился при ней до 1771 года, и хотя не имѣлъ никакой дожности, но не оставался и безъ дѣла.

Императорское Вольное Экономическое общество, по повелѣнію императрицы Екатерины II, предложило въ 1766 году на конкурсъ задачу: „*Что полезнѣе для государства, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или только движимое имѣніе, и сколь далеко на то и другое его право простирается*".—Императрица назначила тысячу червонцевъ въ награду конкурентамъ за удовлетворительныя сочиненія по этому предмету.

Для разсмотрѣнія поступившихъ въ общество отвѣтныхъ сочиненій, въ числѣ 164, составленъ былъ особый комитетъ, и въ представленіи его между прочимъ сказано: „Россійская піеса подъ нум. 148, съ девизомъ „plus boni mores valent, quam bonae leges", хотя отъ нѣкоторыхъ членовъ нашего комитета и признана за лучшую и основательнѣйшую послѣ нумера 154, почему слѣдовало бы ей дать *accessit*; но другіе, разсмотря сверхъ матеріи и самый слогъ, находятъ въ ономъ многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія, и потому за нужное признаютъ, что если кому въ собраніи знаемъ авторъ, то чрезъ него велѣть ему немедленно оное переправить и тогда его піесу также включить во второй классъ и удостоить опредѣленныхъ тому классу преимуществъ, кромѣ печатанія". — Въ засѣданіи общества 23 апрѣля 1768 года положено: означенное сочиненіе признать удовлетворительнымъ, — однако онаго не печатать. Въ засѣданіи 11 іюня того же года читано письмо переводчика Полѣнова, въ которомъ онъ объявилъ себя авторомъ сочиненія, представленнаго подъ девизомъ „plus boni mores valent, quam bonae leges". Въ засѣданіи 30 іюля того же 1768 года положено: „наградить г. Полѣнова за рѣшеніе задачи золотою медалью въ 12 червонныхъ, съ прописаніемъ на оной имени автора ([20])".

([20]) Сообщаемыми подробностями объ этомъ предметѣ мы одолжены обязательному содѣйствію бывшаго непремѣннаго секретаря императорскаго Вольнаго Экономическаго общества *Влад. Мих. Михайлова*. Медаль находится у старшаго внука Алексѣя Васильевича Полѣнова, жившаго посто-

Это изслѣдованіе, замѣчательное само по себѣ, обращаетъ на себя еще большее вниманіе по времени, въ которое оно написано. Излагая въ немъ грустныя послѣдствія крѣпостнаго или рабскаго состоянія крестьянъ, Полѣновъ говоритъ, что первымъ средствомъ для извлеченія ихъ изъ того несчастнаго состоянія, въ которомъ они находятся, должно быть ихъ образованіе. При этомъ онъ указываетъ и на способы, какія слѣдуетъ употребить для достиженія успѣха въ этомъ дѣлѣ. Достойно вниманія, что многія изъ предложенныхъ Полѣновымъ въ его изслѣдованіи мѣръ, введенныхъ съ теченіемъ времени разными вѣдомствами нашего правительства, оказались вполнѣ успѣшными ([21]).

Послѣ этого Полѣновъ переходитъ къ разсужденію о движимой и недвижимой собственности крестьянъ. Отдавая первую въ полное и неприкосновенное ихъ распоряженіе, Полѣновъ говоритъ, что нѣкоторое количество помѣщичьей земли должно быть также уступлено крестьянамъ за опредѣленную повинность и съ ограниченнымъ правомъ, т. е. только въ ихъ наслѣдственное пользованіе, но безъ права отчуждать ее какимъ бы ни было образомъ. Мысль эта, конечно въ болѣе развитой формѣ, положена въ основаніе и нынѣшняго освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостнаго права.

Это разсужденіе написано было Полѣновымъ независимо отъ занятій его по Академіи. По порученію же ея онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Башиловымъ въ изданіи второй части Никоновской лѣтописи, напечатанной въ 1768 году. Вотъ что говоритъ объ этомъ Башиловъ въ своемъ предисловіи. „По отъѣздѣ г. профессора Шлецера императорская Академія наукъ продолженіе сего изданія возложила на меня и на г. переводчика Алексѣя Полѣнова, обязавъ меня, яко трудившагося уже въ изданіи первой части, исполнять въ точность всѣ тѣ правила, какія при ономъ изданіи были наблюдаемы. Во исполненіе повелѣнія императорской Академіи наукъ я и г переводчикъ Полѣновъ прилагали всевозможное стараніе о точнѣйшемъ наблюденіи всего того, что̀ отъ вѣрнаго издателя ни требуется. Печатаніе производилось съ копіи, которую я самъ писалъ своею рукою. Всякой печатной листъ правленъ былъ не меньше четырехъ разъ, и сношенъ отъ слова до слова и отъ буквы до буквы съ подлинникомъ, и каждымъ изъ насъ особливо, и обоими совокупно. Слѣдовательно мы во всемъ изданіи не только сло́ва, но ниже одной буквы не прибавили, не пропустили и не перемѣнили“.

Послѣдующіе труды Полѣнова ограничивались одними переводами, въ числѣ которыхъ были: „Размышленія о причинахъ величества Римскаго народа и его упадка,“ Монтескье. За этотъ переводъ, напечатанный въ 1769 году, Полѣновъ получилъ отъ Академіи награжденіе. Въ этомъ же году онъ перевелъ съ французскаго: „Разсужденіе о причинахъ установленія или уничтоженія законовъ, соч. Фридриха II;“ Спб. 1769. Потомъ онъ перевелъ съ латинскаго, Ѳеофраста: „О свойствѣ нравовъ человѣческихъ“ (издано въ 1772 году, но переведено при бытности Полѣнова на службѣ при Академіи).

Въ 1769 году Полѣновъ пожалованъ былъ чиномъ переводчика трехъ коллегій (равнявшимся по табели о рангахъ 10-му классу) и въ апрѣлѣ 1771 года оставилъ академическую службу, видя, вѣроятно,

янно въ Москвѣ и въ послѣднее время служившаго мировымъ посредникомъ въ Подольскомъ уѣздѣ. Онъ умеръ въ 1863 году. *Д. П.*

([21]) Разсужденіе *А. Я. Полѣнова* напечатано въ 3 выпускѣ Р. Архива 1865 года. И такъ слѣдуетъ смотрѣть на оное, какъ на одинъ изъ прекрасныхъ плодовъ основательнаго образованія, полученнаго Русскимъ юристомъ въ чужихъ краяхъ. *П. Б.*

что ему при ней не было занятій, соотвѣтственныхъ съ полученнымъ имъ образованіемъ, хотя въ выданномъ ему увольнительномъ свидѣтельствѣ и было сказано, что онъ „поручаемыя ему отъ Академіи дѣла исполнялъ со тщаніемъ и ревностію къ совершенному ея удовольствію и потому заслуживаетъ одобренія.“

Изъ Академіи онъ перешелъ въ Сенатъ и прослужилъ въ немъ секретаремъ и оберъ-секретаремъ около 18 лѣтъ. Сверхъ обычныхъ занятій по этимъ должностямъ ему поручено было управленіе сенатскою типографіею, и за успѣшное напечатаніе грамоты о дворянствѣ и городоваго положенія въ 1785 году онъ былъ награжденъ золотою табакеркою.

Между тѣмъ 31 іюля 1783 онъ былъ назначенъ секретаремъ кавалерской думы ордена св. Владимира, учрежденнаго въ 1782 году, оставаясь при прежней оберъ-секретарской должности въ Сенатѣ. Въ то же время (6 августа 1783) ему былъ пожалованъ Владимірскій орденъ 4 степени. Ему хотѣли дать этотъ орденъ 3 степени, но какъ до него были уже пожалованы этою степенью нѣсколько лицъ, то онъ исходатайствовалъ себѣ 4 степень, чтобы только быть первымъ кавалеромъ, хотя и низшей степени [22]).

Получивъ въ 1793 году чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Полѣновъ оставилъ службу при Сенатѣ и въ томъ же году опредѣлился въ правленіе Заемнаго Банка совѣтникомъ. Въ 1796 онъ перешелъ оттуда въ Коммиссію о составленіи законовъ Россійской имперіи. Здѣсь онъ занялся разработкою уголовныхъ законовъ и въ 1798 году представилъ начало своего труда на предварительное усмотрѣніе бывшаго въ то время генералъ-прокуроромъ, князя Алексѣя Борисовича Куракина, который изъявилъ свое согласіе „на мысли и порядокъ, имъ предполагаемый.“ Дальнѣйшихъ занятій Полѣнова по этой части мы не знаемъ.

Около этого же времени А. Я. Полѣновъ предпринялъ еще одинъ трудъ. Это была исторія ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, составленіемъ которой онъ занялся, кажется, по мысли, или даже можетъ быть, по порученію кого-нибудь изъ близкихъ лицъ къ императору Павлу І. Государь этотъ принялъ въ 1798 году подъ свое покровительство разрушавшійся орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Мальтійскаго, и наименовалъ себя великимъ магистромъ этого средневѣковаго учрежденія. Въ концѣ 1798 года Полѣновъ представилъ 1-ю часть своей исторіи завѣдывавшему дѣлами ордена, бальи графу Литтѣ, который, при возвращеніи Полѣнову его рукописи, объявилъ ему высочайшее благоволеніе и приказаніе государя продолжать эту исторію. Для сего понадобились нѣкоторыя книги, которыхъ Полѣновъ у себя не имѣлъ, и онъ обратился къ бывшему тогда канцлеромъ ордена графу Растопчину съ слѣдующею запискою:

„Первая часть исторіи державнаго ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго сочинена и была поднесена его императорскому величеству отъ графа Литты, что̀ свидѣтельствуетъ письменный его отзывъ, приложенный у сего въ копіи. По сему поводу приступилъ я къ сочиненію второй части, но испрашиваю вспоможенія въ томъ, чтобъ дозволено было заимствовать нужныя мнѣ книги изъ библіотеки Академіи наукъ, кои будутъ возвращены во всякой цѣлости.

„Для лучшаго понятія и усмотренія славныхъ дѣяній ордена должно присоединить карту тѣмъ владѣніямъ, какія орденъ нѣкогда имѣлъ въ Азіи и Африкѣ; она есть готовая, сочиненія славнаго гео-

---

(22) Это я слышалъ отъ покойнаго моего отца. *Д. П.*

графа Делиля въ 1726 году. Подъ смотрѣніемъ Академіи наукъ, гдѣ есть географическій департаментъ, можетъ сіе удобно произведено быть въ дѣйство. Портретъ государя императора, какъ Великаго Магистра, придастъ несравненное украшеніе книгѣ, есть ли на то будетъ высочайшее соизволеніе.

„За нужное почитаю упомянуть и о томъ, что разные писатели доводятъ исторію ордена не далѣе какъ до великаго магистра Дела Валетта, при которомъ Турки, по истощеніи всѣхъ усилій, принуждены были съ чрезвычайною потерею въ своемъ войскѣ оставить осаду Мальты. Аббатъ Вертотъ послѣ сего произшествія присоединилъ краткій журналъ до 1725 года, и чтобы съ сего года продолжить исторію, со включеніемъ и нынѣшней знаменитой въ орденѣ перемѣны, нужно собрать потребныя къ тому свѣдѣнія, которыхъ мнѣ, какъ частному человѣку, получить ни откуда не можно.

„Печатаніе книги должно произведено быть на щетъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; въ возвратъ издержекъ орденъ получитъ всю ту прибыль, какая отъ продажи книги произойти можетъ".

Графъ Растопчинъ отвѣчалъ Полѣнову, что онъ отнесся объ этомъ къ президенту Академіи наукъ барону Николаи „и я надѣюсь, присовокуплялъ Растопчинъ, что онъ дастъ повелѣнія свои объ отпускѣ изъ Академіи книгъ и географической карты, нужныхъ вамъ для сочиненія исторіи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, вами издаваемой." Но написанная Полѣновымъ исторія этого ордена не была издана, вѣроятно по случаю внезапной кончины императора Павла I.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1800 года Полѣновъ вышелъ въ отставку. Остальное время жизни онъ провелъ въ тишинѣ и въ большомъ уединеніи. Скончался 10 іюля 1816 года.

Д. Полѣновъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГРАФА В. А. СОЛОГУБА.

(*Читано въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности при императорскомъ Московскомъ университетѣ 28 марта 1865 г.*) (*).

Если есть званіе, на которое я могу заявить нѣкоторое право, то это конечно званіе *любителя Россійской словесности.* Собственно писателемъ, въ строгомъ объемѣ и требованіи слова, я никогда не былъ и никогда себя не признавалъ. Быть писателемъ у насъ слишкомъ трудно.. . или ужъ слишкомъ легко. Иначе оно и не можетъ опредѣлиться тамъ, гдѣ первыя условія искусства подлежатъ еще спорамъ, тамъ, гдѣ критика колеблется еще между философскими воззрѣніями и дешевой удалью, тамъ гдѣ жизнь еще не установилась и не указала прочнаго мѣста для своихъ духовныхъ представителей. Я близко видѣлъ великихъ нашихъ художниковъ, я видѣлъ ихъ страданія; я имѣлъ случай убѣдиться на опытѣ, что чѣмъ сильнѣе въ нихъ было

(*) Означенное кавычками въ чтеніи было опущено. *П. Б.*

дарованіе, тѣмъ горестнѣе терпѣли они отъ разлада съ современнымъ имъ обществомъ. Я не амбра, говорилъ Персидскій поэтъ, но я долго жилъ подлѣ амбры: этими словами могутъ опредѣлиться мои отношенія къ Россійской словесности. Я самъ не художникъ, но я долго жилъ подлѣ великихъ художниковъ: отъ нихъ я и полюбилъ искусство, и слабые мои опыты были не что иное, какъ минутное отраженіе моихъ знакомствъ. Немногимъ даруется радость и скорбь истинныхъ призваній; но каждому дано сердце, каждому открыта любовь, каждый въ любви находитъ свое стремленіе. Мое стремленіе всегда было любить Россійскую словесность и не только любить ее, но и уважать ея призваніе, радоваться ея успѣхамъ, горевать объ ея отступленіяхъ, объ ея ошибкахъ, объ ея болѣзняхъ.

Сегодня, по случаю моего новоселья въ обществѣ, удостоившемъ меня своимъ выборомъ, я рѣшился, на правахъ новопришельца и такъ сказать имянинника, разсказать, по старческому обычаю, кое что изъ моихъ воспоминаній, конечно не съ тѣмъ, чтобъ докучать собранію самохвальствомъ, а потому что съ моимъ прошедшимъ связаны нѣкоторыя мало извѣстныя подробности о личностяхъ, драгоцѣнныхъ всѣмъ ревнителямъ нашего отечественнаго слова. Собраніе извинитъ меня благосклонно, если, говоря о нихъ, я по неволѣ буду принужденъ въ теченіи слѣдующаго разсказа, упоминать и о себѣ.

„Въ моей жизни три дома играли важную роль. Домъ Олениныхъ, домъ Карамзиныхъ, домъ гр. Віельгорскихъ. Въ первомъ я началъ уважать искусство, во второмъ началъ его любить, въ третьемъ началъ его понимать. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я помню себя въ домѣ Олениныхъ, съ которыми мы считались въ родствѣ. Родствомъ. даже отдаленнымъ, въ старину дорожили. Оленинъ былъ строгимъ классикомъ и добродушнымъ меценатомъ; у него я игралъ съ *Крылочкой*, какъ назывался въ домѣ И. А. Крыловъ; у него я глядѣлъ съ нѣкоторымъ страхомъ на величаваго, одноокаго Гнѣдича; у него я въ первый разъ видѣлъ Пушкина, влюбленнаго въ дочь Оленина, и написавшаго для нея, какъ извѣстно, нѣсколько стихотвореній. Мнѣ очень памятно, съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на современныхъ извѣстныхъ писателей и какъ умиленно взиралъ я на бархатные сапоги старичка Нелединскаго-Мелецкаго. Только здѣсь недавно узналъ я, что эти сапоги были ничто иное какъ хитрость. У Нелединскаго подагры никогда не бывало, но онъ себѣ ее придумалъ, чтобъ не надѣвать при дворѣ длинныхъ чулковъ. Нелединскій былъ чрезвычайно любезенъ и остроуменъ, и онъ-то однажды на вопросъ, умна ли такая дама, отвѣчалъ серьозно: „не знаю, я говорилъ съ ней только по-французски“. Живо помню я тоже Грибоѣдова и помню, какъ изумлялся, когда онъ садился за фортепьяно, что такой человѣкъ могъ еще быть музыкантомъ. Изъ этой первой эпохи моего дѣтскаго литературнаго любительства я вынесъ оставшееся мнѣ на всю жизнь чувство уваженія къ чужимъ заслугамъ, къ авторитетамъ и къ классикамъ. За тѣмъ наступила болѣе сознательная пора юности: 15-ти лѣтъ я былъ студентомъ Дерптскаго университета и, подъ вліяніемъ студентскихъ пѣсенъ и бойкаго Языковскаго стиха, началъ кое что писать, сперва весьма неудачно, потомъ немного получше. Въ Дерптѣ я былъ принятъ какъ родной въ семействѣ Карамзиныхъ. Знакомство съ Карамзиными было вторымъ періодомъ моей душевной жизни, и снова, но уже отчетливо, съ понятіемъ о словесности я слилъ всѣ лучшія свои побужденія и наклонности. Карамзинскій кругъ былъ всегда пріютомъ Русской умственной дѣятель-

ности, и въ то же время храмомъ самаго сердечнаго радушія. Гостей тутъ собственно не бывало; тутъ собирались только друзья, родные по сердцу, образующіе одну семью, надъ которой парила всегда присущая, обожаемая тѣнь Русскаго исторіографа. И въ Дерптѣ и потомъ въ Петербургѣ я былъ у Карамзиныхъ каждый день. У нихъ, въ теченіи 20 лѣтъ, я сближался поочередно съ другими душевными родственниками Карамзинскаго дома, съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ, Тургеневыми, Баратынскимъ, Лермонтовымъ и многими другими. У нихъ сблизился я и съ покойнымъ моимъ тестемъ гр. Мих Юр. Віельгорскимъ, принявшимъ меня въ свой домъ. Гр. Віельгорскій прошелъ незамѣченный въ Русской жизни; даже въ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ, онъ былъ оцѣненъ только немногими. Онъ не искалъ извѣстности, уклонялся отъ борьбы и несмотря на то или можетъ быть именно потому былъ личностью необыкновенной: философъ, критикъ, лингвистъ, медикъ, теологъ, герметикъ, почетный членъ всѣхъ масонскихъ ложъ, душа всѣхъ обществъ, семьянинъ, эпикурецъ, царедворецъ, сановникъ, артистъ, музыкантъ, товарищъ, судья, онъ былъ живой энциклопедіей самыхъ глубокихъ познаній, образцомъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ и самаго игриваго ума. У него, въ кругу представителей всѣхъ знаній, я понялъ, что словесность не есть попытка на авось, а тоже искусство или правильнѣе только часть одного общаго, единичнаго, въ своихъ частяхъ тождественнаго искусства, налагающаго одни и тѣ же законы на всѣ свои отрасли. Тогда я началъ искать эти законы въ чужихъ твореніяхъ, и не нашелъ ихъ въ своихъ. Тогда я отказался отъ званія писателя, а принялъ заблаговременно званіе любителя, въ томъ убѣжденіи, что и любить хорошее дѣло, что и любить не всякому дано.

Изложивъ передъ собраніемъ мою литературную исповѣдь и посильныя права на дипломъ, коимъ нынѣ удостоенъ, я позволю себѣ расказать теперь про мои отношенія къ лицамъ, о которыхъ много было уже сказано и никогда не устается говорить. Смѣю надѣяться, что собраніе не утомится моимъ разсказомъ".

Въ 1831 году лѣтомъ я пріѣхалъ на ваканціи изъ Дерпта въ Павловскъ. Въ Павловскѣ жила моя бабушка; и съ нею вмѣстѣ покойная тетка моя Александра Ивановна Васильчикова, женщина высокой добродѣтели, постоянно тогда озабоченная воспитаніемъ своихъ дѣтей (*). Одинъ изъ сыновей ея, нынѣ умершій, къ сожалѣнію родился съ поврежденнымъ при рожденіи черепомъ, такъ что умственныя его способности остались навсегда въ туманѣ. Всѣ средства истощались, чтобъ помочь горю, все было напрасно. Тетка придумала наконецъ нанять учителя, который бы могъ развивать, хотя нѣсколько, мутную понятливость бѣднаго страдальца, показывая ему картинки и бесѣдуя съ нимъ цѣлый день. Такой учитель былъ найденъ, и когда я пріѣхалъ въ Павловскъ, тетка моя просила меня познакомиться съ нимъ, и обласкать его, такъ какъ, по словамъ ея, онъ тоже былъ охотникомъ до Русской словесности и, какъ ей сказывали, даже что-то пописывалъ. Какъ теперь помню это знакомство. Мы вошли въ дѣтскую, гдѣ у письменнаго стола сидѣлъ наставникъ съ ученикомъ, и указывалъ ему на изображенія разныхъ животныхъ, подражая при томъ ихъ блеянію, мычанію, хрюканію, и т. д. „Вотъ это, душенька, баранъ, понимаешь ли? баранъ,—бе, бе... Вотъ это корова, знаешь, корова, му, му". При этомъ учитель съ какимъ то особымъ

(*) См. наше некрологическое извѣстіе объ А. И. Васильчиковой, въ Московск. Вѣдомостяхъ 1855 г., осенніе мѣсяцы. *П. Б.*

оригинальнымъ наслажденіемъ упражнялся въ звукоподражаніяхъ. Признаюсь, мнѣ грустно было глядѣть на подобную сцену, на такую жалкую долю человѣка, принужденнаго, изъ за куска хлѣба, согласиться на подобное занятіе. Я поспѣшилъ выйти изъ комнаты, едва раслыхавъ слова тетки, представлявшей мнѣ учителя и назвавшей мнѣ его по имени: *Николай Васильевичъ Гоголь.*

У покойницы моей бабушки, какъ у всѣхъ тогдашнихъ старушекъ, жили постоянно бѣдныя дворянки, компаніонки, приживалки. Имъ то по вечерамъ читалъ Гоголь свои первыя произведенія. Вскорѣ послѣ страннаго знакомства я шелъ однажды по коридору и услышалъ, что кто то читаетъ въ ближней комнатѣ. Я вошелъ изъ любопытства, и нашелъ Гоголя посреди дамскаго, домашняго ареопага. Александра Николаевна вязала чулокъ, Анна Антоновна хлопала глазами, Анна Николаевна по обыкновенію оправляла напомаженные виски. Ихъ было еще двѣ или три, если не ошибаюсь. Передъ ними сидѣлъ Гоголь и читалъ про украинскую ночь. „Знаете ли вы украинскую ночь? Нѣтъ, вы не знаете украинской ночи!“ Кто не слыхалъ читавшаго Гоголя, тотъ не знаетъ вполнѣ его произведеній. Онъ придавалъ имъ особый колоритъ, своимъ спокойствіемъ, своимъ произношеніемъ, неуловимыми оттѣнками насмѣшливости и комизма, дрожавшими въ его голосѣ и быстро пробѣгавшими по его оригинальному остроносому лицу, въ то время какъ сѣрые маленькіе его глаза добродушно улыбались, и онъ встряхивалъ всегда падавшими ему на лобъ волосами. Описывая украинскую ночь, онъ какъ будто переливалъ въ душу впечатлѣнія лѣтней свѣжести, синей, усѣянной звѣздами выси, благоуханія, душевнаго простора. Вдругъ онъ остановился. „Да гопакъ не такъ танцуется!“ Приживалки вскрикнули: „Отъ чего не такъ»? Онѣ подумали, что Гоголь обращался къ нимъ. Гоголь улыбнулся и продолжалъ монологъ пьянаго мужика. Признаюсь откровенно, я былъ пораженъ, уничтоженъ; мнѣ хотѣлось взять его на руки, вынести его на свѣжій воздухъ, на настоящее его мѣсто. *Майская ночь* осталась для меня любимымъ Гоголевскимъ твореніемъ, быть можетъ, отъ того, что я ей обязанъ тѣмъ, что изъ первыхъ въ Россіи могъ узнать и оцѣнить этого геніальнаго человѣка. Карамзины жили тогда въ Царскомъ Селѣ, у нихъ я часто видалъ Жуковскаго, который сказалъ мнѣ, что уже познакомился съ Гоголемъ и думаетъ, какъ бы освободить его отъ настоящаго мѣста. Пушкина я встрѣтилъ въ Царскосельскомъ паркѣ. Онъ только что женился и гулялъ подъ ручку съ женой, первой Европейской красавицей, какъ говорилъ онъ мнѣ послѣ. Онъ представилъ меня тутъ женѣ и на вопросъ мой, знаетъ ли онъ Гоголя, отвѣчалъ, что еще не знаетъ, но слышалъ о немъ и желаетъ съ нимъ познакомиться.

Послѣ незабвеннаго для меня чтенія, я, разумѣется, сблизился съ Гоголемъ и находился съ того времени постоянно съ нимъ въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ, но никогда не припоминалъ онъ о нашемъ первомъ знакомствѣ: видно было, что, не смотря на всю его душевную простоту (отпечатокъ возвышенной природы), онъ нѣсколько совѣстился своего прежняго званія толкователя картинокъ. Впрочемъ онъ изрѣдка посѣщалъ мою тетку и однажды сдѣлалъ ей такой странный визитъ, что нельзя о немъ не упомянуть. Тетушка сидѣла у себя съ дѣтьми въ глубокомъ траурѣ, съ плёрезами, по случаю недавней кончины ея матери. Докладываютъ про Гоголя.—„Просите“. Входитъ Гоголь съ постной физіогноміей. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, разговоръ начался о бренности всего мірскаго. Дол-

жно быть это надоѣло Гоголю: тогда онъ былъ еще веселъ и въ полномъ порывѣ своего юмористическаго вдохновенія. Вдругъ онъ начинаетъ предлинную и преплачевную исторію про какого то Малороссійскаго помѣщика, у котораго умиралъ единственный, обожаемый сынъ. Старикъ измучился, не отходилъ отъ больнаго ни днемъ ни ночью, по цѣлымъ недѣлямъ, наконецъ утомился совершенно и пошелъ прилечь въ сосѣднюю комнату, отдавъ приказаніе, чтобъ его тотъ часъ разбудили, если больному сдѣлается хуже. Не успѣлъ онъ заснуть, какъ человѣкъ бѣжитъ. „Пожалуйте!"—Что, неужели хуже?—„Какой хуже! Скончался совсѣмъ!" При этой развязкѣ всѣ лица слушавшихъ со вниманіемъ разсказъ вытянулись, раздались вздохи, общій возгласъ и вопросъ: Ахъ Боже мой! Ну что же бѣдный отецъ?—„Да что жъ ему дѣлать, продолжалъ хладнокровно Гоголь, разтопырилъ руки, пожалъ плечами, покачалъ головой, да и свиснулъ: фю, фю."—Громкій хохотъ дѣтей заключилъ анекдотъ, а тетушка, съ полнымъ на то правомъ, разсердилась на эту шутку, дѣйствительно въ минуту общей печали весьма неумѣстную. Трудно объяснить себѣ, зачѣмъ Гоголь, всегда кроткій и застѣнчивый въ обществѣ, рѣшился на подобную выходку. Быть можетъ, онъ вздумалъ развеселить дѣтей отъ господствовшаго въ домѣ грустнаго настроенія; быть можетъ, онъ, самъ того не замѣчая, увлекся бившей въ немъ постоянно струей неодолимаго комизма. Впрочемъ онъ очень любилъ это окончаніе едва внятнымъ свистомъ и кончилъ имъ свою комедію Женидьба. Я помню, что онъ читалъ ее однажды у Жуковскаго въ одну изъ тѣхъ пятницъ, гдѣ собиралось общество (тогда немалочисленное) Русскихъ литературныхъ, ученыхъ и артистическихъ знаменитостей. При послѣднихъ словахъ. „Но когда женихъ выскочилъ въ окно, то уже..." онъ скорчилъ такую гримасу и такъ уморительно свиснулъ, что всѣ слушатели покатились со смѣху. При представленіи этотъ свистъ замѣнила, кажется, актриса Гусева, словами: „такъ ужъ просто мое почтеніе", чтó всегда и говорится теперь. Но этотъ конецъ далеко не такъ комиченъ и оригиналенъ, какъ тотъ, который придуманъ былъ Гоголемъ. Онъ не завершаетъ пьесы и не довершаетъ въ зрителѣ, послѣдней комической чертой, общаго впечатлѣнія послѣ комедіи, основанной на одномъ только юморѣ.

Пушкинъ познакомился съ Гоголемъ и расказалъ ему про случай, бывшій въ г. Устюжнѣ Новогородской губерніи о какомъ то проѣзжемъ господинѣ, выдавшемъ себя за чиновника министерства и обобравшемъ всѣхъ городскихъ жителей. Кромѣ того Пушкинъ, самъ будучи въ Оренбургѣ, узналъ, что о немъ получена гр. В. А. Перовскимъ секретная бумага, въ которой послѣдній предостерегался, чтобъ былъ остороженъ, такъ какъ исторія Пугачевскаго бунта была только предлогомъ, а поѣздка Пушкина имѣла цѣлью обревизовать секретно дѣйствія Оренбургскихъ чиновниковъ. На этихъ двухъ данныхъ задуманъ былъ Ревизоръ, коего Пушкинъ называлъ себя всегда крестнымъ отцомъ (*). Сюжетъ Мерт-

(*) Въ однихъ неизданныхъ запискахъ о жизни Пушкина, это разсказано слѣдующимъ образомъ: „Въ поѣздку свою въ Уральскъ, для собиранія свѣдѣній о Пугачевѣ, въ 1832 г., Пушкинъ былъ въ Нижнемъ, гдѣ тогда губернаторомъ былъ М. П. Б. Онъ прекрасно принялъ Пушкина, ухаживалъ за нимъ и вѣжливо проводилъ его. Изъ Нижняго Пушкинъ поѣхалъ прямо въ Оренбургъ, гдѣ командовалъ его давнишній пріятель гр. Василій Алексѣевичъ Перовскій. Пушкинъ у него и остановился. Разъ они долго сидѣли вечеромъ. Поздно утромъ Пушкина разбудилъ страшный хохотъ. Онъ видитъ: стоитъ Перовскій, держитъ письмо въ рукахъ и

выхъ Душъ тоже сообщенъ Пушкинымъ. „Никто, говаривалъ онъ, не умѣетъ лучше Гоголя подмѣтить всю пошлость Русскаго человѣка". Но у Гоголя были еще другія, громадныя достоинства, и мнѣ кажется, что Пушкинъ никогда въ томъ вполнѣ не убѣдился.

„„Во всякомъ случаѣ онъ не ожидалъ, чтобъ имя Гоголя стало подлѣ, если не выше, его собственнаго имени. Пушкинъ былъ великимъ художникомъ, Гоголь геніемъ. Пушкинъ все подчинялъ условіямъ пластики, эстетики, искусства: Гоголь ни къ чему не готовился, не слѣдовалъ никакимъ правиламъ, никакимъ образцамъ, не зналъ ни грамматики, ни правописанія. Онъ былъ самобытенъ, самороденъ, и часто грѣшилъ противъ эстетическаго вкуса. Онъ обогатилъ Русскую словесность своей личностью, своими произведеніями; но нельзя сказать, чтобъ школа, имъ порожденная, принесла пользу: напротивъ она, за отсутствіемъ генія, принялась подражать недостаткамъ и утратила многія необходимыя условія настоящаго искусства. Вліяніе Пушкина было во многомъ благотворнѣе. Оно облагородило, усовершенствовало, гармонизировало Русскую рѣчь, Русскій слогъ. Оно поддержало и поддерживаетъ понынѣ художественные, вѣчные законы простоты, соразмѣрности, формы, колорита, идеальнаго пониманія истины и разборчиваго изображенія природы. Гоголь еще вѣроятно выростетъ въ мнѣніи Русскаго народа, по созданнымъ имъ живымъ типамъ, не уступающимъ типамъ Мольеровскимъ, но школа его исчезнетъ. Пушкинъ утратитъ, можетъ быть, еще болѣе современной ему свѣжести его произведеній; но какъ образецъ, какъ художникъ, какъ примѣръ и учитель, онъ будетъ оцѣненъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе и укажетъ еще Русской словесности, на какомъ пути, въ силу какихъ правилъ, она можетъ развиваться, окрѣпнуть, и принести настоящую государственную пользу нашему народному образованію"". Отличительнымъ свойствомъ великихъ талантовъ бываетъ всегда уваженіе къ настоящему или даже мнимому превосходству. Гоголь благоговѣлъ передъ Пушкинымъ, Пушкинъ передъ Жуковскимъ. Я слышалъ однажды между послѣдними слѣдующій разговоръ. „Василій Андреевичъ, какъ вы написали бы такое то слово?"—На что тебѣ? (Надо замѣтить что Пушкинъ говорилъ Жуковскому *вы*, а Жуковской Пушкину *ты*.) „Мнѣ надобно знать, отвѣчалъ Пушкинъ, какъ бы вы написали."—Какъ бы написали, такъ и слѣдуетъ писать. Другихъ правилъ не нужно.

Жуковскій былъ типомъ душевной чистоты, идеальнаго направленія и самаго

заливается хохотомъ. Дѣло въ томъ, что онъ получилъ письмо отъ Б. изъ Нижняго, содержанія такого. „У насъ недавно проѣзжалъ Пушкинъ. Я, зная, кто онъ, обласкалъ его, но должно признаться, никакъ не вѣрю, чтобы онъ разъѣзжалъ за документами объ Пугачевскомъ бунтѣ; должно быть ему дано тайное порученіе собирать свѣдѣнія объ неисправностяхъ. Вы знаете мое къ вамъ расположеніе; я почелъ долгомъ вамъ посовѣтовать, чтобъ вы были осторожнѣе, и пр." Тогда Пушкину пришла идея написать комедію: Ревизоръ. онъ сообщилъ послѣ объ этомъ Гоголю, разсказывалъ нѣсколько разъ другимъ и собирался самъ что-то написать въ этомъ родѣ (Слышано отъ самаго Пушкина).

Далѣе разсказываютъ за вѣрное, что и мысль о Мертвыхъ Душахъ тоже принадлежала Пушкину. Въ Москвѣ Пушкинъ былъ съ однимъ пріятелемъ на бѣгу. Тамъ былъ также нѣкто П. (старинный франтъ). Указывая на него Пушкину, пріятель разсказалъ про него, какъ онъ скупилъ себѣ мертвыхъ душъ, заложилъ ихъ и получилъ большой барышъ. Пушкину это очень понравилось. „Изъ этого можно было бы сдѣлать романъ", сказалъ онъ между прочимъ. Это было еще до 1828 года. Гоголь въ оставшейся между его бумагами Исповѣди подтверждаетъ самъ оба эти показанія." *П. Б.*

свѣтлаго, тихаго добродушія, выражавшагося иногда весьма оригинально. Возвратившись изъ Англіи, гдѣ онъ восхищался зеленѣющими тучными пастбищами, онъ говорилъ съ восторгомъ: „Что за край! Что за край! Вотъ такъ и хочется быть коровой, чтобъ наслаждаться жизнью". Когда сгорѣлъ Зимній Дворецъ, половина, на которой жилъ Жуковскій, уцѣлѣла какимъ то чудомъ. Жуковскій былъ этимъ очень не доволенъ и, возвратясь въ свою комнату, обратился къ ней съ досадой: „Свинья, какъ же ты-то смѣла не сгорѣть!" Жуковскій былъ очень друженъ съ Плетневымъ, и по ихъ протекціи Гоголь получилъ мѣсто при Петербургскомъ университетѣ, но, кажется, читалъ только двѣ лекціи. Онъ издалъ тогда *Вечера на хуторѣ*, *Арабески*, *Миргородъ* и сдѣлался уже извѣстнымъ. Впрочемъ я тогда потерялъ его изъ виду и сблизиться съ нимъ мнѣ суждено было уже послѣ, за границей......

Прошло нѣсколько лѣтъ. Изъ Дерптскихъ студентовъ, 20 лѣтъ, я поступилъ на службу и тогда же затѣялъ жениться, что мнѣ не удалось, но послужило поводомъ къ одной странной исторіи, положившей основаніе моему сближенію съ Пушкинымъ. Я рѣшился на время оставить Петербургъ и просилъ какой нибудь командировки по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ числился по департаменту духовныхъ дѣлъ, директоромъ котораго былъ Ф. Ф. Вигель. (Онъ на меня очень сердился за то, что я разъ сказалъ, что ни онъ ни я никогда въ департаментѣ не бываемъ). Командировку мнѣ дали: я былъ назначенъ секретаремъ слѣдственной коммиссіи, отправляемой въ Ржевъ, Тверской губерніи, по случаю совершеннаго тамъ раскольниками святотатства. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ назначенъ только что вернувшійся тогда изъ Іерусалима А. С. Н. Онъ взялъ меня въ свою коляску. Выѣхавъ изъ Царскаго Села, мы вышли для предосторожности, чтобъ спуститься подъ гору пѣшкомъ, и тутъ А. С. обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

„Вы знаете, какъ производятся слѣдствія?"

—Нѣтъ, отвѣчалъ я, не знаю; я служу недавно и о слѣдственыхъ дѣлахъ никакого понятія не имѣю.

„Да и я тоже, сказалъ жалобно А. С. Я вѣдь на васъ надѣялся."

—А я на васъ, ваше пр—во.

Вотъ какъ тогда назначались слѣдствія.

Въ Твери мы достали собраніе законовъ и сѣли учиться, послѣ чего поѣхали въ Ржевъ. Слѣдствіе продолжалось долго и было, къ удивленію, ведено исправно. Оно ознаменовалось разными любопытными эпизодами, о которыхъ здѣсь упоминать впрочемъ не мѣсто. Самымъ же замѣчательнымъ для меня было полученное мною отъ Андрея Карамзина письмо, въ которомъ онъ меня спрашивалъ, зачѣмъ же я не отвѣчаю на вызовъ А. С. Пушкина: Карамзинъ поручился ему за меня, какъ за своего Дерптскаго товарища, что я отъ поединка не откажусь.

Для меня это было совершенной загадкой. Пушкина я зналъ очень мало, встрѣчался съ нимъ у Карамзиныхъ, смотрѣлъ на него какъ на полу-бога и былъ только сильно имъ однажды озадаченъ, когда спросилъ у него на Невскомъ Проспектѣ съ нѣкоторой развязанностью, не проведемъ ли мы вмѣстѣ вечеръ у одного извѣстнаго журналиста. — „Я человѣкъ женатый" отвѣчалъ мнѣ Пушкинъ, „и въ такіе дома ѣздить не могу", и прошелъ далѣе. И вдругъ ни съ того, ни съ сего, онъ вызываетъ меня стрѣляться, тогда какъ передъ отъѣздомъ я съ нимъ даже не видѣлся вовсе. Рѣшительно нельзя было ничего тутъ понять, кромѣ того, что Пушкинъ чѣмъ то обидѣлся, о чемъ то мнѣ писалъ и что письмо его было перехвачено. Слѣдствіе кончилось. Я пере-

ѣхалъ жить въ Тверь, гдѣ былъ принятъ, какъ родной, въ домѣ незабвеннаго для меня умнаго, радушнаго и добродушнаго слѣпаго старика А. М. Бакунина. Сынъ его Михаилъ, надѣлавшій въ послѣдствіи столько шума, скрывался у него тогда отъ артиллерійской службы, и по страсти своей къ побѣгамъ, вдругъ ночью убѣжалъ таинственно отъ кроткаго, любящаго его отца, который его вовсе не задерживалъ и послалъ ему въ погоню шубу и пироговъ на дорогу. Съ Карамзинымъ я списался и узналъ наконецъ, въ чемъ дѣло. Наканунѣ моего отъѣзда я былъ на вечерѣ вмѣстѣ съ Нат. Ник. Пушкиной, которая шутила надъ моей романической страстью и ея предметомъ. Я ей хотѣлъ замѣтить, что она уже не дѣвочка и спросилъ, давно ли она за мужемъ. Затѣмъ разговоръ коснулся Ленскаго, очень милаго и образованнаго поляка, танцовавшаго тогда превосходно мазурку на Петербургскихъ балахъ. Все это было до крайности невинно, и безъ всякой задней мысли. Но присутствующія дамы соорудили изъ этого простаго разговора цѣлую сплетню: что я будто отъ того говорилъ про Ленскаго, что онъ будто нравится Натальѣ Николаевнѣ (чего никогда не было) и что она забываетъ о томъ, что она еще недавно за мужемъ. Наталья Николаевна, должно быть, сама разсказала Пушкину про такое странное истолкованіе моихъ словъ, такъ какъ она вообще ничего отъ мужа не скрывала, хотя и знала его пламенную, необузданную природу. Пушкинъ написалъ тотчасъ ко мнѣ письмо, никогда ко мнѣ не дошедшее, и, какъ мнѣ было передано, началъ говорить, что я уклоняюсь отъ дуели. Получивъ это объясненіе, я написалъ Пушкину, что я совершенно готовъ къ его услугамъ, когда ему будетъ угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины по такимъ и такимъ-то причинамъ. Пушкинъ остался моимъ письмомъ доволенъ и сказалъ С. А. Соболевскому: „Немножко длинно, молодо, а впрочемъ хорошо". Въ то же время онъ написалъ мнѣ по французски письмо слѣдующаго содержанія: „М. г. Вы приняли на себя напрасный трудъ, сообщивъ мнѣ объясненія, которыхъ я не спрашивалъ. Вы позволили себѣ невѣжливость относительно жены моей. Имя, вами носимое и общество, вами посѣщаемое, вынуждаютъ меня требовать отъ васъ сатисфакціи за непристойность вашего поведенія. Извините меня, если я не могу пріѣхать въ Тверь прежде конца настоящаго мѣсяца" и пр. Оригиналъ этаго письма долго у меня хранился, но потомъ кѣмъ то у меня взятъ, едва ли не въ Симбирскѣ. Дѣлать было нечего; я сталъ готовиться къ поединку, купилъ пистолеты, выбралъ секунданта, привелъ бумаги въ порядокъ и началъ дожидаться и прождалъ такъ напрасно три мѣсяца. Я твердо впрочемъ рѣшился не стрѣлять въ Пушкина, но выдерживать его огонь, сколько ему будетъ угодно. Пушкинъ все не пріѣзжалъ, но распрашивалъ про дорогу, на что одинъ мой тогдашній пріятель, нынѣ государственный сановникъ, навѣстившій меня проѣздомъ черезъ Тверь, отвѣчалъ, что до Твери дорога хорошая. Вѣроятно гнѣвъ Пушкина давно уже охладѣлъ, вѣроятно онъ понималъ неумѣстность поединка съ молодымъ человѣкомъ, почти ребенкомъ, изъ самой пустой причины „во избѣжаніе какой-то свѣтской молвы". Наконецъ отъ того же пріятеля узналъ я, что въ Петербургѣ явился новый французъ, роялистъ *Дантесъ*, сильно уже надоѣдавшій Пушкину. (*) Съ другой стороны онъ, по особо-

(*) Баронъ *Жоржъ Дантесъ*, нынѣ богатый Эльзасскій помѣщикъ и Французскій сенаторъ, усыновленный голландскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ барономъ Гекерномъ и присоединившій къ своему фамильному имени его имя, прибылъ въ Россію для поступленія въ нашу службу около 1833 года. Онъ былъ легитимистъ,

му щегольству его привычекъ, не хотѣлъ уже отказаться отъ дѣла, имъ затѣяннаго. Весной я получилъ отъ моего министра графа Блудова предписаніе немедленно отправиться въ Витебскъ въ распоряженіе ген. губернатора Дьякова. Я забылъ сказать, что я завѣдывалъ въ то время принадлежавшей моей матушкѣ Тверской вотчиной. Передъ отъѣздомъ въ Витебскъ нужно было сдѣлать нѣсколько распоряженій. Я и поѣхалъ въ деревню на два дня; вечеромъ въ Тверь пріѣхалъ Пушкинъ. На всякій случай я оставилъ письмо, которое отвезъ ему мой секундантъ князь Козловскій. Пушкинъ жалѣлъ, что не засталъ меня, извинялся и былъ очень любезенъ и разговорчивъ съ Козловскимъ. На другой день онъ уѣхалъ въ Москву. На третій я вернулся въ Тверь и съ ужасомъ узналъ, съ кѣмъ я разъѣхался. Первой моей мыслью было, что онъ подумаетъ, пожалуй, что я отъ него убѣжалъ. Тутъ мѣшкать было нечего. Я послалъ тотъ часъ за почтовой тройкой и безъ оглядки поскакалъ прямо въ Москву, куда пріѣхалъ на разсвѣтѣ и велѣлъ везти себя прямо къ П. В. Нащокину, у котораго останавливался Пушкинъ. Въ домѣ всѣ еще спали. Я вошелъ въ гостинную и приказалъ человѣку разбудить Пушкина. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ ко мнѣ въ халатѣ, заспанный и началъ чистить необыкновенно длинные ногти. Первыя взаимныя привѣтствія были очень холодны. Онъ спросилъ меня, кто мой секундантъ. Я отвѣчалъ, что секундантъ мой остался въ Твери, что въ Москву я только пріѣхалъ и хочу просить быть моимъ секундантомъ извѣстнаго генерала князя Ѳ. Гагарина. Пушкинъ извинился, что заставилъ меня такъ долго дожидаться и объявилъ, что его секундантъ П. В. Нащокинъ.

За тѣмъ разговоръ нѣсколько оживился, и мы начали говорить объ начатомъ имъ изданіи Современника. „Первый томъ былъ слишкомъ хорошъ, сказалъ Пушкинъ. Второй я постараюсь выпустить поскучнѣе: публику баловать не надо.“ Тутъ онъ разсмѣялся, и бесѣда между нами пошла почти дружеская, до появленія Нащокина. Павелъ Войновичъ явился въ свою очередь заспанный, съ взъерошен-

---

и это самое, при тогдашнихъ политическихъ отношеніяхъ, могло облегчить ему его успѣхи въ Петербургѣ. Императрица Александра Ѳеодоровна видала его у графини Фикельмонъ, императоръ Николай Павловичъ случайно встрѣтилъ его у соотечественника его батальнаго живописца Ладюрнера, и дозволилъ вступить въ Кавалергардскій полкъ. Ему выдавалось ежегодное негласное пособіе (см. у Аммосова стр. 5—7). Поразительная случайность: въ памятной книжкѣ Пушкина, гдѣ онъ записывалъ разные анекдоты, встрѣчи и пр., отмѣченъ пріѣздъ въ Петербургъ Дантеса. Вѣроятно онъ много о немъ наслышался отъ гр. Фикельмонъ, съ которою тоже былъ друженъ. Познакомились они въ 1833 г., сидя рядомъ за общимъ столомъ въ извѣстной ресторацiи Дюме. Долгое время, отношенія ихъ не только были сносны, но Пушкинъ даже восхищался острыми словами Дантеса и съ добродушнымъ смѣхомъ передавалъ ихъ. Такъ однажды онъ ѣхалъ на балъ съ женою и двумя свояченицами; встрѣтивъ его у дверей, Дантесъ воскликнулъ: Voila le pacha à trois queues! (Вотъ трехбунчужный паша!) Въ другой разъ Пушкинъ при немъ говорилъ, какъ бы ему назвать журналъ, который ему хочется издавать въ родѣ англійскаго Quarterly Review. — Donnez lui le nom de Kvartalny Nadziratel (назовите его Квартальный Надзиратель), замѣтилъ Дантесъ.— Когда разобраны будутъ всѣ обстоятельства и подробности несчастной исторіи, по всему вѣроятію окажется несомнѣнно, что молодой кавалергардъ былъ только орудіемъ скрытой каверзы другихъ лицъ. Въ Современникѣ 1863 г. (іюль, стр. 317—328) неизвѣстный авторъ, разбирая книжку г. Аммосова о послѣднихъ дняхъ жизни Пушкина, прямо обвиняетъ тогдашнее Петербургское общество и гр. Б. въ гибели поэта, утверждая, что даже и друзья Пушкина только раздражали его своимъ участіемъ, а начальство не приняло нужныхъ мѣръ къ предупрежденію поединка. *П. Б.*

ными волосами, и, глядя на мирный его ликъ, я невольно пришелъ къ заключенію, что никто изъ насъ не ищетъ кровавой развязки, а что дѣло въ томъ, какъ бы всѣмъ выпутаться изъ глупой исторіи, не уронивъ своего достоинства. Павелъ Войновичъ тотъ часъ приступилъ къ роли примирителя. Пушкинъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я передъ нимъ извинился. Обиженнымъ онъ впрочемъ себя не считалъ, но ссылался на мое свѣтское значеніе и какъ будто боялся компрометировать себя въ обществѣ, если оставитъ безъ удовлетворенія дѣло, получившее уже въ небольшомъ кругу нѣкоторую огласку. Я съ своей стороны объявлялъ, что извиняться передъ нимъ ни подъ какимъ видомъ не стану, такъ какъ я не виноватъ рѣшительно ни въ чемъ; что слова мои были перетолкованы превратно и сказаны въ такомъ то смыслѣ. Споръ продолжался довольно долго. Наконецъ мнѣ было предложено написать нѣсколько словъ Натальѣ Николаевнѣ. На это я согласился, написалъ прекудрявое французское письмо, которое Пушкинъ взялъ, и тотъ часъ же протянулъ мнѣ руку, послѣ чего сдѣлался чрезвычайно веселъ и дружелюбенъ. Этому прошло 30 лѣтъ: многое конечно я уже забылъ, но самое обстоятельство мнѣ весьма памятно, потому что было основаніемъ ближайшихъ въ послѣдствіи моихъ сношеній съ Пушкинымъ, и кромѣ того выказываетъ одну странную сторону его характера, а именно его пристрастіе къ свѣтской молвѣ, къ свѣтскимъ отличіямъ, толкамъ и условіямъ.

Моя исторія съ Пушкинымъ можетъ быть немаловажнымъ матеріаломъ для будущаго его біографа. Она служитъ прологомъ къ кровавой драмѣ его кончины; она объясняетъ, какъ развивались въ немъ чувства тревоги, томленія, досады и безсилія противъ удушливой свѣтской сферы, которой онъ подчинялся. И тутъ, какъ и послѣ, жена его была только невиннымъ предлогомъ, а не причиной его взрывочнаго возмущенія противъ судьбы. И не смотря на то, онъ дорожилъ своимъ великосвѣтскимъ положеніемъ. Il n'y a qu'une seule bonne société, говаривалъ онъ мнѣ потомъ, c'est la bonne. Письмо же мое Пушкинъ, кажется, изорвалъ, такъ какъ оно никогда не дошло по своему адресу. Тотъ часъ же послѣ нашего объясненія, я уѣхалъ въ Витебскъ. Къ осени, я вернулся въ Петербургъ и уже тогда коротко сблизился съ Пушкинымъ. Онъ поощрялъ мои первые литературные опыты, давалъ мнѣ совѣты, читалъ свои стихи и былъ чрезвычайно ко мнѣ благосклоненъ, не смотря на разность нашихъ лѣтъ. Почти каждый день ходили мы гулять по толкучему рынку, покупали тамъ сайки, потомъ, возвращаясь по Невскому Проспекту, предлагали эти сайки свѣтскимъ разряженымъ щеголямъ, которые бѣгали отъ насъ съ ужасомъ. Вечеромъ мы встрѣчались у Карамзиныхъ, у Вяземскихъ, у кн. Одоевскаго и на свѣтскихъ балахъ. Не могу простить себя, что не записывалъ каждый день, что̀ отъ него слышалъ. Отношенія его къ Дантесу были уже весьма недружелюбныя. Однажды на вечерѣ у кн. Вяземскаго онъ вдругъ сказалъ, что Дантесъ носитъ перстень съ изображеніемъ обезьяны. Дантесъ былъ тогда легитимистомъ и носилъ на рукѣ портретъ Генриха V-го. „Посмотрите на эти черты, воскликнулъ тотчасъ Дантесъ, похожи ли онѣ на г-на Пушкина?“ Размѣнъ невѣжливостей остался однако безъ послѣдствія. Пушкинъ говорилъ отрывисто и ѣдко. Скажетъ, бывало, колкую эпиграмму и вдругъ зальется звонкимъ, добродушнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, выказавая два ряда бѣлыхъ, арабскихъ зубовъ. Объ этомъ времени можно бы было еще припомнить много анекдотовъ, остротъ и шутокъ. Въ сущности Пушкинъ былъ до крайности несчастливъ, и главное его несчастіе заключалось

въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтской жизнью, его убившей. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ и по достатку, и по значенію въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ, какъ я сказалъ выше, какое то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ еще устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ оффиціальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали: Карету Пушкина!—Какого Пушкина? — Сочинителя! Пушкинъ обижался, конечно не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось къ названію. За это и онъ оказывалъ наружное будто бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ, не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстукѣ, въ дву-бортномъ жилетѣ, съ откидными, ненакрахмаленными воротничками, подражая, быть можетъ, невольно Байроновскому джентельменству; прочимъ же условіямъ онъ подчинялся. Жена его была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и слѣдовательно предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ. Для того, чтобъ приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ, для сопутствованія женѣ-красавицѣ, игралъ роль жалкую, едва ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ глубоко. Къ тому же свѣтская жизнь требовала значительныхъ издержекъ, на которыя у Пушкина часто не доставало средствъ. Эти средства онъ хотѣлъ пополнять игрою, но постоянно проигрывалъ, какъ всѣ люди, нуждающіеся въ выигрышѣ. Наконецъ онъ имѣлъ много литературныхъ враговъ, которые не давали ему покоя и уязвляли его раздражительное самолюбіе, провозглашая съ свойственной этимъ господамъ самоувѣренностью, что Пушкинъ ослабѣлъ, устарѣлъ, исписался, чтò было совершенная ложь, но ложь все таки обидная. Пушкинъ возражалъ съ свойственной ему сокрушительной ѣдкостью, но не умѣлъ пріобрѣсти необходимаго для писателя равнодушія къ печатнымъ оскорбленіямъ. Журналъ его, „Современникъ“ шелъ плохо. Пушкинъ не былъ рожденъ журналистомъ. Въ свѣтѣ его не любили, потому что боялись его эпиграммъ, на которыя онъ не скупился, и за нихъ онъ нажилъ себѣ въ цѣлыхъ семействахъ, въ цѣлыхъ партіяхъ, враговъ непримиримыхъ. Въ семействѣ онъ былъ счастливъ, на сколько можетъ быть счастливъ поэтъ, не рожденный для семейной жизни. Онъ обожалъ жену, гордился ея красотой и былъ въ ней вполнѣ увѣренъ. Онъ ревновалъ къ ней не потому, чтобы въ ней сомнѣвался, а потому, что страшился свѣтской молвы, страшился сдѣлаться еще болѣе смѣшнымъ передъ свѣтскимъ мнѣніемъ. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантесъ, котораго бояться ему было нечего. Когда онъ меня вызывалъ, онъ высказалъ всю свою мысль. „Имя, вами носимое, общество, вами посѣщаемое, принуждаютъ меня просить сатисфакціи“. Слѣдовательно онъ вступался не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы, и съ Дантесомъ было то же самое. Онъ видѣлъ въ немъ не серьознаго соперника, не посягателя на его настоящую часть, а посягателя на его имя, и этого онъ не перенесъ.

*

Я жилъ тогда въ Большой Морской, у тетки моей Васильчиковой. Въ первыхъ числахъ ноября (1836) она велѣла однажды утромъ меня позвать къ себѣ и сказала: „Представь себѣ, какая странность! Я получила сего дня пакетъ на мое имя, распечатала и нашла въ немъ другое, за-

печатанное письмо, съ надписью: Александру Сергѣевичу Пушкину. Что мнѣ съ этимъ дѣлать?" Говоря такъ, она вручила мнѣ письмо, на которомъ было дѣйствительно написано кривымъ, лакейскимъ почеркомъ: *Александру Сергѣевичу Пушкину.* Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что въ этомъ письмѣ что-нибудь написано о моей прежней личной исторіи съ Пушкинымъ, что слѣдовательно уничтожить я его не долженъ, а распечатать не въ правѣ. За тѣмъ я отправился къ Пушкину, и, не подозрѣвая нисколько содержанія приносимаго много гнуснаго пасквиля, передалъ его Пушкину. Пушкинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, распечаталъ конвертъ, и тотчасъ сказалъ мнѣ: „Я ужъ знаю, что такое; я такое письмо получилъ сегодня же отъ Елиз. Мих. Хитровой: это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ понимаете, что безъимяннымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя—ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, что̀ я по сему предмету пишу г-жѣ Хитровой". Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполнѣ сообразное съ его словами. (*) Въ сочиненіи присланнаго ему всѣмъ извѣстнаго диплома, онъ подозрѣвалъ одну даму, которую мнѣ и назвалъ. Тутъ онъ говорилъ спокойно, съ большимъ достоинствомъ, и, казалось, хотѣлъ оставить все дѣло безъ вниманія. Только двѣ недѣли спустя, узналъ я, что въ этотъ же день онъ послалъ вызовъ кавалергардскому поручику Дантесу, усыновленному, какъ извѣстно, Голландскимъ посланникомъ, барономъ Гекерномъ. Я продолжалъ за тѣмъ гулять, по обыкновенію, съ Пушкинымъ и не замѣчалъ въ немъ особой перемѣны. Однажды спросилъ я его только, не дознался ли онъ, кто сочинилъ подметныя письма. Точно такія же письма были получены всѣми членами тѣснаго Карамзинскаго кружка, но истреблены ими тотчасъ по прочтеніи. Пушкинъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ, но подозрѣваетъ одного человѣка. S'il vous faut un troisième, ou un second, сказалъ я ему, disposez de moi. Эти слова сильно тронули Пушкина, и онъ мнѣ сказалъ тутъ нѣсколько такихъ лестныхъ словъ, что я не смѣю ихъ повторить; но слова эти остались отраднѣйшимъ воспоминаніемъ моей литературной жизни. Сколько разъ въ послѣдствіи, когда имя мое, болѣе чѣмъ я самъ, подвергалось насмѣшкамъ и ругательствамъ журналистовъ, доходившимъ иногда до клеветы, я смирялъ свою минутную досаду повтореніемъ словъ, сказанныхъ мнѣ главою Русскихъ писателей какъ бы въ предвѣдѣніи, что и для моей скромной доли не мало нужно будетъ твердости, чтобъ выдержать многія непонятныя, печатанныя на авось и незаслуженныя оскорбленія. Порадовавъ меня своимъ отзывомъ, Пушкинъ прибавилъ: „Дуэли никакой не будетъ; но я, можетъ быть, попрошу васъ быть свидѣтелемъ одного объясненія, при которомъ присутствіе свѣтскаго человѣка (опять таки свѣтскаго человѣка) мнѣ желательно, для надлежащаго заявленія, въ случаѣ надобности". Все это было говорено

(*) „4 Ноября поутру я получилъ три экземпляра анонимнаго письма, оскорбительнаго для моей чести, и чести моей жены." Слова Пушкина въ письмѣ къ гр. Бенкендорфу отъ 21 Ноября 1836 г. (см. въ книжкѣ г. А. Аммосова стр. 45). Изъ послѣдующаго разсказа читатель замѣтитъ важность этого числа (21 ноября): Пушкинъ объявилъ обовсемъ гр. Бенкендорфу въ самый день, какъ отказался отъ поединка вслѣдствіе желанія противника жениться на его свояченицѣ. Стало быть онъ не вѣрилъ нисколько въ искренность Дантеса. Тогда же онъ написалъ и ругательное письмо къ посланнику Гекерну, которое удержалъ у себя мѣсяца на два и которое было поводомъ окончательнаго взрыва.
П. Б.

по французски. Мы зашли къ оружейнику. Пушкинъ прицѣнивался къ пистолетамъ, но не купилъ, по неимѣнію денегъ. Послѣ того мы заходили еще въ лавку къ Смирдину, гдѣ Пушкинъ написалъ записку Кукольнику, кажется, съ требованіемъ денегъ. Я между тѣмъ оставался у дверей и импровизировалъ эпиграмму:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь,
Лишь Сенковскаго толкнешь.

Эти четыре стиха я сказалъ выходящему Александру Сергѣевичу, который съ необыкновенною живостью заключилъ:

Иль въ Б........ наступишь.

Я былъ совершенно покоенъ, такимъ образомъ, на счетъ послѣдствій писемъ, но черезъ нѣсколько дней долженъ былъ разувѣриться. У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына. Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина. Во время общаго веселаго разговора, онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ скороговоркой: „Ступайте завтра къ д'Аршіаку. Условьтесь съ нимъ только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь". Потомъ онъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, не допускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ Австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ трауръ, по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николавны Пушкиной (которой на раутѣ не было) отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ ней любезничалъ Дантесъ-Гекернъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ, запретилъ Катеринѣ Николаевнѣ говорить съ Дантесомъ и, какъ узналъ я потомъ, самому Дантесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ, статнымъ молодымъ секретаремъ Французскаго посольства(*), мы выразительно переглянулись, но разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взялъ въ сторону и спросилъ его, что онъ за человѣкъ. „Я человѣкъ честный, отвѣчалъ онъ, и надѣюсь скоро это доказать". За тѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ; что онъ по неволѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ; но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ. Ночь я, сколько мнѣ помнится, не могъ заснуть: я понималъ, какая лежала на мнѣ отвѣтственность передъ всей Россіей. Тутъ уже было не то, что̀ исторія со мной. Со мной я за Пушкина не боялся. Ни у одного Русскаго рука на него бы не поднялась; но Французу Русской славы жалѣть было нечего.

На другой день погода была страшная, снѣгъ, мятель. Я поѣхалъ сперва къ отцу моему, жившему на Мойкѣ, потомъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться на счетъ матеріальной стороны самаго безпощаднаго поединка, и наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ, отправился къ д'Аршіаку. Каково же было мое удивленіе, когда съ первыхъ словъ д'Аршіакъ объявилъ мнѣ, что онъ самъ всю ночь не спалъ, что онъ, хотя не Русскій, но очень понимаетъ, какое значеніе имѣетъ Пушкинъ для Русскихъ, и что наша обязанность сперва просмотрѣть всѣ документы, относящіеся до порученнаго намъ дѣла. За тѣмъ онъ мнѣ показалъ:

1) Экземпляръ ругательнаго диплома на имя Пушкина.

2) Вызовъ Пушкина Дантесу, послѣ полученія диплома.

3) Записку посланника барона Гекер-

(*) Д'Аршіакъ имѣлъ титулъ виконта. П. Б.

на, въ которой онъ просилъ, чтобъ поединокъ былъ отложенъ на двѣ недѣли.

4) Собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявлялъ, что беретъ свой вызовъ назадъ, на основаніи слуховъ, что г. Дантесъ женится на его невѣсткѣ К. Н. Гончаровой.

Я стоялъ пораженный, какъ будто свалился съ неба. Объ этой свадьбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ и только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухъ-недѣльной отстрочки, причину ухаживанія Дантеса. Всѣ хотѣли остановить Пушкина. Одинъ Пушкинъ того не хотѣлъ. Мѣра терпѣнія преисполнилась. При полученіи глупаго диплома отъ безъимяннаго негодяя, Пушкинъ обратился къ Дантесу, потому что послѣдній, танцуя часто съ Н. Н., былъ поводомъ къ мерзкой шуткѣ. Самый день вызова неопровержимо доказываетъ, что другой причины не было. Кто зналъ Пушкина, тотъ понимаетъ, что не только въ случаѣ кровной обиды, но что даже при первомъ подозрѣніи, онъ не сталъ бы дожидаться подметныхъ писемъ (*). Одному Богу извѣстно, чтó онъ въ это время выстрадалъ, воображая себя осмѣяннымъ и поруганнымъ въ большомъ свѣтѣ, преслѣдовавшемъ его мелкими безпрерывными оскорбленіями. Онъ въ лицѣ Дантеса искалъ или смерти или расправы съ цѣлымъ свѣтскимъ обществомъ. Я твердо убѣжденъ, что еслибы С. А. Соболевскій былъ тогда въ Петербургѣ, онъ, по вліянію его на Пушкина, одинъ могъ бы удержать его. Прочіе были не въ силахъ (**).

„Вотъ положеніе дѣла, сказалъ д'Аршіакъ. Вчера кончился двухъ-недѣльный срокъ, и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ Дантесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что Дантесъ желаетъ жениться, но не можетъ жениться иначе, какъ если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безъ всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. Дантесъ не можетъ допустить, чтобъ о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться, и женился во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что Дантесъ женится, и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе. Этотъ д'Аршіакъ былъ необыкновенно симпатичной личностью и самъ скоро потомъ умеръ насильственною смертью на охотѣ (*). Мое

(*) Кстати замѣтить, что гнусные интриганы для разсылки анонимныхъ писемъ (въ которыхъ Пушкинъ величался рогоносцемъ) воспользовались только что заведенною тогда въ Петербургѣ городскою почтою: иначе было бы легче обличить ихъ навѣрное. *П. Б.*

(**) Въ августѣ 1836 г. С. А. Соболевскій уѣхалъ въ чужіе края. *П. Б.*

(*) Покойный Иванъ Ивановичъ *Панаевъ*, въ своихъ Литературныхъ Воспоминаніяхъ (Соврем. 1861, № 2, стр. 629) разсказываетъ, что недѣли черезъ двѣ по увозѣ тѣла Пушкина изъ Петербурга, Краевскій объявилъ, что ему поручено разобрать книги и бумаги въ кабинетѣ Пушкина, и что онъ приглашаетъ себѣ въ помощники Сахарова, еще кого-то и его Панаева.

«Мы провозились цѣлый вечеръ. Я между прочимъ нашелъ подъ столомъ, на полу, записку *Мегниса*, бывшаго тогда секретаремъ англійскаго посольства въ Петербургѣ. Пушкинъ просилъ его быть своимъ секундантомъ, и Мегнисъ въ своей запискѣ отказывалъ Пушкину въ этой просьбѣ, замѣчая, что по его положенію онъ не можетъ вмѣшиваться въ такого рода дѣла. Записку эту я передалъ Краевскому, который хотѣлъ отдать ее Жуковскому». По разсказамъ современниковъ, Пушкинъ, часто встрѣчавшійся съ Мегнисомъ (впослѣдствіи англійскимъ посланникомъ въ Португаліи) у гр. Фикельмонъ, весьма уважалъ его за твердый и честный характеръ. Приглашая его въ секунданты, Пушкинъ могъ имѣть въ виду именно его дипломатическое значеніе, такъ какъ настоящимъ своимъ противникомъ считалъ Голландскаго посланника барона Гекерна. *П. Б.*

положеніе было самое непріятное: я только теперь узнавалъ сущность дѣла; мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то что̀ я и требовать и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я не имѣлъ порученія вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самаго Дантеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ Дантесъ не участвовалъ, все предоставивъ секунданту. Никогда въ жизнь свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ, потребовавъ бумаги, я написалъ по французски къ Пушкину слѣдующую записку:

„Согласно вашему желанію я условился на счетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21 ноября въ 8 часовъ утра на Парголовской дорогѣ, на 10 шаговъ барьера. Впрочемъ изъ разговоровъ узналъ я, что г. Дантесъ женится на вашей своячепицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ какъ *честный* человѣкъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукой, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться" и пр.

Точныхъ словъ я не помню, но содержаніе письма вѣрно. Очень мнѣ памятно число 21 ноября, потому что 20 было рожденіе моего отца, и я не хотѣлъ ознаменовать этотъ день кровавой сценой. Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку; но не показалъ ея Дантесу, не смотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ: „Я согласенъ. Пошлите." Я позвалъ своего кучера, отдалъ ему въ руки записку и приказалъ вести на Мойку туда, гдѣ я былъ утромъ. Кучеръ ошибся и отвезъ записку къ отцу моему, который жилъ тоже на Мойкѣ и у котораго я тоже былъ утромъ. Отецъ мой записки не распечаталъ, но, узнавъ мой почеркъ, и очень встревоженный, выглядѣлъ условія о поединкѣ. Однако онъ отправилъ кучера къ Пушкину, тогда какъ мы около двухъ часовъ оставались въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ въ общемъ смыслѣ слѣдующаго содержанія: „Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (par le bruit public) я узналъ, что г. Дантесъ женится на моей своячешицѣ. Впрочемъ я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣковъ". Этого достаточно, сказалъ д'Аршіакъ, отвѣта Дантесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда Дантесъ обратился ко мнѣ съ словами: „Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору. Я надѣюсь, что мы будемъ видаться, какъ братья."—Поздравивъ съ своей стороны Дантеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мной. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ. „Съ моей стороны, продолжалъ я, я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться съ своимъ зятемъ, какъ съ знакомымъ". — „Напрасно, воскликнулъ запальчиво Пушкинъ. Никогда этого не будетъ. Никогда между домомъ Пушкина и домомъ Дантеса ничего общаго быть не можетъ".— Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ за тѣмъ немного успокоился. „Впрочемъ, добавилъ онъ, я призналъ и готовъ признать, что г. Дантесъ дѣйствовалъ какъ честный человѣкъ". — Больше мнѣ и не нужно, подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Вечеромъ на балѣ С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкинъ Дантесу не кланялся. Онъ сердился на меня, что, не смотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ. „У него, кажется, грудь бо-

литъ, говорилъ онъ, того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ. Вотъ у васъ тросточька. У меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее". — А вы проиграете мнѣ всѣ ваши сочиненія. — Хорошо.—(Онъ былъ въ это время, както желчно веселъ). „Послушайте, сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней, вы были болѣе секундантомъ Дантеса, чѣмъ моимъ; однако я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ." Онъ заперъ дверь и сказалъ: „Я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Гекерну. Съ сыномъ уже покончено... Вы мнѣ теперь старичка подавайте." Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ Голландскому посланнику(*). Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно Африканскаго происхожденія. Что могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно, и такъ какъ это было въ субботу (пріемный день кн. Одоевскаго), то поѣхалъ къ кн. Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго, и разсказалъ ему про то, что слышалъ. Жуковскій испугался и обѣщалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось: черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что дѣло онъ уладилъ, и письмо послано не будетъ. Пушкинъ точно не отсылалъ письма, но сберегъ его у себя на всякій случай.

Въ началѣ декабря я былъ командированъ въ Харьковъ къ гр. А. Г. Строганову и выѣхалъ совершенно успокоенный въ Москву. Въ Москвѣ я заболѣлъ и пролежалъ два мѣсяца. Передъ отъѣздомъ я пошелъ проститься съ д'Аршіакомъ, который показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпыя званія. Онъ разсказалъ мнѣ, что Вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мистификацій. Тутъ находился тоже печатный образецъ диплома, посланнаго Пушкину. Такимъ образомъ гнусный шутникъ, причинившій его смерть, не выдумалъ даже своей шутки, а получилъ образецъ отъ какого-то члена дипломатическаго корпуса и списалъ. Кто былъ виновнымъ, оставалось тогда еще тайной непроницаемой. Послѣ отъѣзда, Дантесъ женился и былъ хорошимъ мужемъ, и теперь по кончинѣ жены весьма нѣжный отецъ. Онъ пожертвовалъ собой, чтобъ избѣгнуть поединка. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но какъ человѣкъ вѣтреный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Натальей Николаевной, подходилъ къ ней, и балагурилъ съ нѣсколько казарменной непринужденностью. Взрывъ былъ неминуемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площаднаго каламбура. На балѣ у гр. Воронцова, женатый уже, Дантесъ спросилъ Наталью Николаевну, довольна ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ ей его женой. —Le pédicure prétend, прибавилъ онъ, que votre cor est plus beau que celui de ma

(*) Оно напечатано въ брошюрѣ г. Аммосова. Весьма замѣчательно, что это письмо, въ коемъ каждая строка дышетъ пламеннымъ негодованіемъ и жесточайшимъ презрѣніемъ, написано почти во одно время съ извѣстительнымъ письмомъ къ гр. Бенкендорфу (21 ноября). Сіе же послѣднее Пушкинъ счелъ своимъ долгомъ написать, такъ какъ въ теченіи двухнедѣльнаго срока онъ имѣлъ случай видѣться съ государемъ и далъ ему слово ничего не начинать, не предъувѣдомивъ его (слышано отъ кн. П. А. Вяземскаго); по заведенному съ давнихъ поръ порядку Пушкинъ (кромѣ встрѣчь) относился къ покойному государю въ своихъ дѣлахъ и нуждахъ не иначе какъ черезъ гр. Бенкендорфа. Всѣмъ извѣстно милостивое участіе, какое принималъ государь въ судьбѣ поэта. (Подробности см. въ письмѣ В. А. Жуковскаго, Русскій Архивъ 1864, стр. 48—54)

femme(*). Пушкинъ объ этомъ узналъ. Въ письмѣ его къ посланнику Гекерну есть намеки на этотъ каламбуръ (**). Письмо впрочемъ было то же самое, которое онъ мнѣ читалъ за два мѣсяца, — многія мѣста я узналъ; только прежнее было, если не ошибаюсь, длиннѣе и, какъ оно ни покажется невѣроятнымъ, еще оскорбительнѣе.

29 января слѣдующаго (1837) г. Пушкина не стало. Вся грамотная Россія содрогнулась отъ великой утраты. Я понялъ, что Пушкинъ не выдержалъ и послалъ письмо къ старику Гекерну; понялъ, почему, боясь новыхъ примирителей, онъ выбралъ себѣ секунданта почти уже на мѣстѣ поединка; я понялъ, тоже, что такъ было угодно Провидѣнію, чтобъ Пушкинъ погибъ, и что онъ самъ увлекался къ смерти силою почти сверхестественною, и такъ сказать осязательною. 25 лѣтъ спустя, я встрѣтился въ Парижѣ съ Дантесомъ-Гекерномъ, нынѣшнимъ французскимъ сенаторомъ. Онъ спросилъ меня. „Вы ли это были?“—Я отвѣчалъ: Тотъ самый.—„Знаете ли, продолжалъ онъ, когда фельдъегерь довезъ меня до границы, онъ вручилъ мнѣ отъ государя запечатанный пакетъ съ документами моей несчастной исторіи. Этотъ пакетъ у меня въ столѣ лежитъ и теперь запечатанный. Я не имѣлъ духа его распечатать“.

И такъ документы, поясняющіе смерть Пушкина, цѣлы и находятся въ Парижѣ. Въ ихъ числѣ долженъ быть дипломъ, написанный поддѣльной рукою. Стòитъ только экспертамъ изслѣдовать почеркъ, и имя настоящаго убійцы Пушкина сдѣлается извѣстнымъ на вѣчное презрѣніе всему Русскому народу. Это имя вертится у меня на языкѣ, но пусть его отыщетъ и назоветъ не достовѣрная догадка, а Божіе правосудіе! (*)

*

Смерть Пушкина возвѣстила Россіи о появленіи новаго поэта — *Лермонтова*. Съ Лермонтовымъ я сблизился у Карамзиныхъ и былъ въ одно время съ нимъ сотрудникомъ Отечественныхъ Записокъ. Свѣтское его значеніе я изобразилъ подъ именемъ Леонина въ моей повѣсти *Большой свѣтъ*, написанной по заказу Великой Княгини Маріи Николаевны. Вообще все, чтò я писалъ, было по случаю, по заказу, — для бенефисовъ, для альбомовъ и т. п. Тарантасъ былъ написанъ текстомъ

(*) Т. е. мозольщикъ увѣряетъ что у васъ мозоль лучше чѣмъ у моей жены.“ Игра французскими словами *cor*—мозоль и *corps*—тѣло. *П. Б.*

(**) C'est vous probablement qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter... il débite des calembourgs de corps de garde—слова Пушкина въ письмѣ къ б. Гекерну-отцу (у Аммосова, стр. 48 и 49).

(*) Въ книжкѣ г. Аммосова стр. 9 сказано: „Авторомъ записокъ (безъимянныхъ) Пушкинъ подозрѣвалъ барона Гекерна отца, и даже писалъ объ этомъ графу Бенкендорфу. Послѣ смерти Пушкина многіе въ этомъ подозрѣвали князя Гагарина (Ивана Сергѣевича, нынѣ іезуита); теперь же подозрѣніе это осталось за жившимъ тогда вмѣстѣ съ нимъ княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ (извѣстнымъ подъ прозваніемъ le bancal). Поводомъ къ подозрѣнію князя Гагарина въ авторствѣ безъименныхъ писемъ послужило то, что они были писаны на бумагѣ одинаковаго формата съ бумагою князя Гагарина. Но, будучи уже за границей, Гагаринъ признался, что записки дѣйствительно были писаны на его бумагѣ, но только не имъ, а княземъ П. В. Долгоруковымъ“. Сей послѣдній возражалъ противъ этого обвиненія, особымъ письмомъ, напечатаннымъ въ Современникѣ 1863, сентябрь во Внутрен. Обозрѣніи, стр. 199—200. Письмо означено: London, Fulham, 7. Partono—Green, 12 (24) іюня 1863. Онъ отрицаетъ показаніе іезуита Гагарина, а въ собственное оправданіе ссылается на свои знакомства съ друзьями и родными Пушкина. *П. Б.*

къ рисункамъ кн. Гагарина, Аптекарша— подаркомъ Смирдину. Я всегда считалъ и считаю себя не литераторомъ ex professo, а любителемъ, прикомандированнымъ къ Русской литературѣ по поводу дружескихъ сношеній. Впрочемъ и Лермонтовъ, не смотря на громадное его дарованіе, почиталъ себя ничѣмъ инымъ, какъ любителемъ и такъ сказать шалилъ литературой. Смерть Лермонтова по моему убѣжденію была бóльшею утратою для Рос. словесности, чѣмъ смерть Пушкина и Гоголя. Въ немъ выказывались съ каждымъ днемъ новые залоги необыкновенной будущности: чувство становилось глубже, форма яснѣе, пластичнѣе, языкъ самобытнѣе. Онъ росъ по часамъ, началъ учиться, читать, сравнивать. Въ немъ слѣдуетъ оплакивать не столько того, котораго мы знаемъ, сколько того, котораго мы могли бы знать. Послѣднее наше свиданіе мнѣ очень памятно. Это было въ 1841 г.: онъ уѣзжалъ на Кавказъ и пріѣхалъ ко мнѣ проститься. „Однакожъ, сказалъ онъ мнѣ, я чувствую, что во мнѣ дѣйствительно есть талантъ. Я думаю серьезно посвятить себя литературѣ. Вернусь съ Кавказа, выйду въ отставку,—и тогда давай вмѣстѣ издавать журналъ.“(*)—Онъ уѣхалъ въ ночь. Вскорѣ онъ былъ убитъ, а я поѣхалъ за границу, гдѣ жилъ цѣлый годъ съ Гоголемъ, сперва въ Баденъ-Баденѣ, потомъ въ Ниццѣ. Талантъ Гоголя въ то время осмыслился, окрѣпнулъ, но прежняя струя творчества уже не била въ немъ съ привычною живостью. Прежде геній руководилъ имъ, тогда онъ уже хотѣлъ руководить геніемъ. Прежде ему невольно писалось, потомъ онъ хотѣлъ писать и какъ Гёте смѣшалъ свою личность съ независимымъ отъ его личности вдохновеніемъ. Онъ постоянно мнѣ говорилъ: „Пишите,—поставьте себѣ за правило хоть два часа въ день сидѣть за письменнымъ столомъ, и принуждайте себя писать“. „Да чтожъ дѣлать возражалъ я, если не пишется.“—„Ничего .. возьмите перо и пишите: Сегодня мнѣ что не пишется, сегодня мнѣ что-то не пишется, сегодня мнѣ что-то не пишется и такъ далѣе, наконецъ надоѣстъ и напишется“. Самъ же онъ такъ писалъ и былъ всегда недоволенъ, потому что ожидалъ отъ себя чего-то необыкновеннаго. Я видѣлъ, какъ этотъ бойкій, свѣтлый умъ постепенно туманился въ порывахъ къ недостижимой цѣли.

Какъ тревожны были мои отношенія къ Пушкину, такъ же покойны были отношенія мои къ Гоголю. Онъ чуждался и бѣгалъ свѣта; и, кажется, однажды во всю жизнь свою надѣлъ черный фракъ—и то чужой, когда великая княгиня Марія Николаевна пригласила его въ Римѣ къ себѣ. Застѣнчивость Гоголя простиралась до странности. Онъ не робѣлъ передъ посторонними, а тяготился ими. Какъ только являлся гость, Гоголь исчезалъ изъ комнаты. Впрочемъ онъ иногда еще бывалъ веселъ, читалъ по вечерамъ свои произведенія, всегда прежнія и преставлялъ между прочимъ въ лицахъ Нѣжинскихъ своихъ учителей съ такой комической силой, что присутствующіе надрывались со смѣха. Но жизнь его была суровая и печальная. По утрамъ онъ читалъ Іоанна Златоуста, потомъ писалъ и рвалъ все написанное, ходилъ очень много, былъ иногда простъ до величія, иногда причудливъ до ребячества. Я сохранилъ отъ этого времени много писемъ и документовъ, любопытныхъ для опредѣленія его психической болѣзни. Гоголя я видѣлъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ въ 1850 г., когда я ѣхалъ на Кавказъ. Онъ пришолъ со мной проститься и началъ говорить такъ сбивчиво, такъ отвлеченно, такъ неясно, что я

(*) Мы въ правѣ ожидать отъ графа В. А. Сологуба подробностей о его встрѣчахъ, знакомствѣ и дружбѣ съ Лермонтовымъ. *П. Б.*

ужаснулся, смѣшался и сказалъ ему что-то про самобытность Москвы. Тутъ лице Гоголя прояснилось, искра прежняго веселья сверкнула въ его глазахъ, и онъ разсказалъ мнѣ по Гоголевски одинъ, въ высшій степени забавный и типичный анекдотъ, которымъ, къ сожалѣнію, я съ моими слушательницами подѣлиться не могу. Но тотчасъ же послѣ анекдота онъ снова опечалился, запутался въ несвязной рѣчи, и я понялъ, что онъ погибъ. Онъ страдалъ долго, страдалъ душевно, отъ своей неловкости, отъ своего мнимаго безобразія, отъ своей застѣнчивости, отъ безнадежной любви, отъ своего безсилія передъ ожиданіями Русской грамотной публики, избравшей его своимъ кумиромъ. Онъ углублялся въ самого себя, искалъ въ религіи спокойствія и не всегда находилъ; онъ изнемогалъ подъ силой своего призванія, принявшаго въ его глазахъ размѣры громадные, томился тѣмъ, что не причастенъ къ радостямъ всѣмъ доступнымъ и, изнывая между болѣзненнымъ смиреніемъ и болѣзненной, несвойственной ему по природѣ гордостью, умеръ отъ борьбы внутренней, такъ какъ Пушкинъ умеръ отъ борьбы внѣшней. Оба шли разными путями, но оба пришли къ одной цѣли, къ конечному душевному сокрушенію и къ преждевременной смерти. Пушкинъ не выдержалъ своего мнимаго униженія, Гоголь не выдержалъ своего настоящаго величія. Пушкинъ не устоялъ противъ своихъ враговъ, Гоголь не устоялъ противъ своихъ поклонниковъ. Оба не были подготовлены современнымъ имъ общественнымъ духовнымъ развитіемъ къ твердой стойкости передъ жизненными искушеніями. Оба не нашли вокругъ себя настоящей точки опоры, общаго трезваго взгляда на отношенія искусства къ жизни и жизни къ истинѣ. Настоящимъ художникамъ нѣтъ еще мѣста, нѣтъ еще обширной сферы въ Русской жизни. И Пушкинъ, и Гоголь, и Лермонтовъ, и Глинка, и Брюловъ были жертвами этой горькой истины. Тамъ, гдѣ жизнь еще ищетъ своихъ требованій, тамъ искусству неловко, тамъ художникъ становится мученикомъ другихъ и самого себя.

Послѣ кончины почти всѣхъ моихъ учителей, товарищей и пріятелей, я отошелъ отъ литературнаго поприща, какъ покидаютъ домъ, нѣкогда оживленный любимыми собесѣдниками и вдругъ опустошенный рукою всесокрушающей смерти. Я отошелъ въ сторону, но унесъ съ собой свои воспоминанія, и уже привычную любовь къ русскому слову, и твердую увѣренность въ его прекрасной будущности. — Свѣтильникъ, зажженный великими людьми, не можетъ угаснуть. Его обережетъ народный здравый смыслъ. Его оживятъ новые таланты. Дай Богъ, чтобъ они не были новыми жертвами; дай Богъ, чтобъ истинное просвѣщеніе не оставалось утонченною потребностью нѣкоторыхъ личностей, а разлилось потокомъ по всему нашему отечеству; дай Богъ, чтобъ Общество любителей Русской словесности не могло бы болѣе помѣщаться въ этой комнатѣ и чтобъ этимъ обществомъ сдѣлалось все Русское государство!

ПИСЬМО И. И. БЕЦКАГО КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II.

Москва, мая 9 дня 1767 г.

Вижу, что у вашего величества *Н.* великъ человѣкъ, кланяться ему поѣду сегодня, тожъ и другимъ присовѣтую.

Je prends la liberté d'adresser à votre majesté le *manuscript sur la posterité* reçu de Falconet avec une lettre qu'il m'écrit; je ne suis embarassé que de la réponse du buste.

Les gazetes sont rendu à leur destination. Continué moi, madame, en grace toutes ces heureuses nouvelles de votre precieuse santé que du contentement dans laquelle vous vous trouvez et je n'aurais plus rien à desirer dans ce monde.

I. Betzky.

Письмо это писано во время плаванія Екатерины II по Волгѣ передъ извѣстнымъ собраніемъ депутатомъ. Гр. Никита Ивановичъ Панинъ, котораго такъ запросто именуетъ здѣсь Бецкій, оставался тогда въ Москвѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Близости старика Бецкаго къ имп. Екатеринѣ могло содѣйствовать то обстоятельство, что въ царствованіе Елизаветы, живя въ Парижѣ, онъ находился въ большой дружбѣ съ матерью Екатерины, принцессою Цербтскою, которой дѣла были не въ завидномъ положеніи. О какомъ сочиненіи тутъ говорится, намъ неизвѣстно; но съ ваятелемъ Фальконетомъ Бецкій находился въ сношеніяхъ по поводу заказа извѣстнаго памятника Петру Великому.

Переводъ. „Принимаю смѣлость препроводить, къ вашему величеству рукопись о потомствѣ, полученную отъ Фальконета съ его письмомъ ко мнѣ; я недоумѣваю, что̀ отвѣчать о бюстѣ. Газеты дошли по назначенію. Продолжайте, государыня, милостиво сообщать мнѣ благопріятныя извѣстія о вашемъ драгоцѣнномъ здравіи и удовольствіи, въ коемъ вы обрѣтаетесь, и мнѣ ничего не останется желать въ этомъ мірѣ. Письмо доставлено отъ г-на Вл Л., которому мы обязаны также за сообщеніе вышепомѣщенныхъ: записки о бунтѣ Беніовскаго и Разсказа Екатерины II о первыхъ пяти годахъ ея царствованія. *П. Б.*

ЛЮБОПЫТНОЕ НАДГРОБІЕ.

На Больше-охтенскомъ кладбищѣ, въ С.Петербургѣ, находится надпись надгробная, 1776 г., слѣдующая:

«На семъ мѣстѣ положено тѣло рабы Божіи, Анны, которая въ замужествѣ была 16 лѣтъ и 2 мѣсяца за С.Петербургскимъ цѣховымъ мѣдного дѣла мастеромъ Яковомъ Титовымъ. Преставися скоропостижно смертію въ день праздника Александра Невскаго при собраніи гостей, поднося по окончаніи стола сама осьми человѣкамъ, и вышла со стаканомъ въ другую горницу для налитія подносить другимъ. И какъ ставила, сказала: „Господе Іисусе Христе Сыне Божій! Что у меня въ глазахъ темно стало?“ И сказала мужу: „Яковъ Матвѣевичъ, сударикъ! держи меня, я упаду“, — и такъ опустившись, скончалась 1776 г. августа 30, въ три часа по полудни. Отъ роду ея житія было 32 года и 7 мѣсяцевъ».

Въ Чертковскую Библіотеку (чрезъ посредство *М. Н. Лонгинова*) принесена въ даръ отъ *Александра Константиновича Булгакова* большая переплетенная тетрадь писемъ графа Г. И. Чернышева къ А. Я. Булгакову, относящихся къ 1813—1815 годамъ. Приношеніе это тѣмъ для насъ цѣннѣе, что графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ родной дѣдъ нынѣшняго владѣльца Чертковской Библіотеки.

б) Письмо *гр. Орлова* къ Спиридову, в) Письмо *Спиридова* къ Екатеринѣ II.

Черты изъ жизни кн. Е. Р. Дашковой (письма ея и къ ней, ея хозяйственныя распоряженія, ссылка и пр.)

О видахъ добра. (Замѣтки *Екатерины II* и *гр. А. С. Строгонова*).

Записка *Екатерины II* къ ея духовнику И. И. Панфилову о графиняхъ Ефимовскихъ.

Письмо *Екатерины II* къ кн. Потемкину о кн. Зубовѣ. 1789.

Письмо *Александра 1-го* къ Г. П. Милорадовичу о сектѣ Татариновой.

Дополненія къ разсказу Н. В. Шеншина о поѣздкахъ его на Аланскіе острова 1854. *В. В. Романова.*

Свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860, 1861 и 1862 г., собралъ *Г. Н. Генади.*

Описаніе трехъ панагій изъ Чертковскаго собранія. *гр. А. С. Уварова.*

Отвѣтная замѣтка В. И. Собольщикову.

Посланія *протопопа Аввакума* къ боярынѣ Ѳеодорѣ Морозовой, княгинѣ Евдокіи Урусовой и Маріи Даниловой.

Подлинные черты и случаи изъ исторіи раскола (1792—1807): бумаги кн. Прозоровскаго, Архарова и гр. И. П. Салтыкова.

Письма *Н. И. Новикова* къ Я. И. Булгакову. 1779—1780.

Изъ бумагъ князя *В. Ѳ. Одоевскаго*. Письма: *Д. М. Велланскаго, Кн. А. А. Шаховскаго, А. С. Грибоѣдова, Кн. В. Ѳ. Одоевскаго* къ А. С. Пушкину, *А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго, А. Ѳ. Воейкова, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя, М. И. Глинки, В. А. Каратыгина, гр. Е. П. Ростопчиной.*

Сленина лавка, стихи.

О нападеніяхъ Петербургскихъ журналовъ на Пушкина, статья *кн. В. Ѳ. Одоевскаго.*

Анекдоты А. Л. Нарышкина,

Изъ бумагъ Николая Петровича Архарова. (1775—1812.) 105 писемъ къ нему *Екатерины II-й, Павла, Александра Павловича, кнн. А. А. Вяземскаго, М. Н. Волхонскаго, И. П. Елагина. грр. А. А. Безбородки и И. А. Остермана*, съ біографическимъ предисловіемъ и примѣчаніями.

Письма (104) имп. *Екатерины II* къ кн. Н. И. Салтыкову (1763—1796), въ томъ числѣ инструкція, какъ обращаться съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ и письмо къ сему послѣднему по вступленіи его въ совершеннолѣтіе, съ предисловіемъ и примѣчаніями.

Безпечальный монастырь (Легенда о Петрѣ великомъ) *А. Раменскаго.*

О вновь найденныхъ въ Воронежѣ стихотвореніяхъ А. В. Кольцова. *М. Ѳ. де Пуле.*

24 Долбинскихъ стихотворенія *В. А. Жуковскаго* (1814—1815).

Извлеченія изъ писемъ *А. Д. Илличевскаго* къ П. Н. Фусcу (1812—1816).

Стихотворенія *барона А. А. Дельвига.*

Два письма Пушкина къ Н. И. Кривцову.

Два письма *Пушкина* къ кн. Н. Г. Репнину, и письма къ Пушкину *кн. Н. Г. Репнина.*

Изъ воспоминаній молодости *С. М. С-на.*

Два неизданныя стихотворенія *Лермонтова.*

Письмо *Лермонтова* съ неизданными стихами.

Для исторіи народнаго театра. „Аника-воинъ и Смерть", представленіе, разыгрываемое фабричными работниками, съ предисловіемъ *А. А. Котляревскаго.*

Къ исторіи Семилѣтней войны. Записки Прусскаго пастора *Теге.*

Письма митрополитовъ *Гавріила и Платона* къ пресв. Арсенію.

Три старообрядческія стихотворенія.

Письмо гр. Аракчеева къ А. П. М-ой.

Цѣна Рускому Архиву 1864 г. — 4 р. 50 к., съ пер. 6 р. Получать можно тамъ же, гдѣ и Русскій Архивъ 1865 г.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВЫХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ВЫПУСКОВЪ
РУССКАГО АРХИВА.

1. О Чертковской библіотекѣ въ 1864 г.
2. Записки Голштинскаго министра *графа Бассевича* (о Петрѣ Великомъ.)
3. Баронъ Петръ Шафировъ.
4. Изъ бумагъ кн. Потемкина-Таврическаго 1783—1791. (Письма къ нему *В. С. Попова*, секретный рескриптъ *Екатерины II* о Польшѣ и пр.)
5. Нѣмецкій пасквиль на Ломоносова.
6. Княжна Тараканова, *М. Н. Лонгинова.*
7. Изъ воспоминаній о Пушкинѣ (1826—1837). *М. П. Погодина.*
8. Письмо *А. Ѳ. Мерзлякова* къ Ѳ. М. Вельяминову-Зернову о Москвѣ послѣ французскаго нашествія.
9. Свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, умершихъ въ 1863 г. *Г. Н. Геннади.*
10. Отрывокъ изъ Записокъ *гр. А. Х. Бенкендорфа* о путешествіи по Россіи императора Николая Павловича въ 1836 г., и о пребываніи его въ городѣ Чембарѣ, по случаю болѣзни.
11. Случайные люди въ Россіи. Графъ Скавронскій. *М. Н. Лонгинова.*
12. Замѣтка о Гельбигѣ.
13. Изъ бумагъ Потемкинскаго секретаря *В С. Попова*: а) Письмо *Попова* къ В. В. Каховскому 1793 г. б) Письмо и резолюція *Аракчеева.* в) Докладъ *Попова* о публичной библіотекѣ 1796 г. г) Записка *Попова* по доносу на него Кожина 1799 г. д) О памятникѣ Петру Великому въ Полтавѣ. е) Замѣтка о финансахъ. 1810 г. ж) Двѣ политическія записки о Польшѣ 1815 г. з) Письмо гр. *Г. В. Орлова* о Екатеринѣ II. 1820 г.
14. Салтычиха. Изъ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. *П. Г. Кичеева.*
15. Изъ Записокъ *гр. Василія Алексѣевича Перовскаго.*
16. Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянья крестьянъ въ Россіи, записка *А. Я. Польнова.*
17. Староста, стихи *И. С. Никитина.*
18. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ И. В. Попову о выкупѣ крѣпостныхъ людей.
19. Шесть писемъ *А. П. Волынскаго* къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.
20. Черта изъ жизни Елизаветы Петровны.
21. Историческія замѣчанія. *Князя М. А. Оболенскаго.*
22. Десять писемъ *Г. Р. Державина* къ В. С. Попову. 1784—1815.
23. О запискахъ кн. И. М. Долгорукаго и Хронологія его стихотвореній, замѣтки *М. Н. Лонгинова.*
24. Біографическое воспоминіе о гр. А.А. Закревскомъ. ***
25. Изъ воспоминаній о С. П. Шевыревѣ *М. П. Погодина.*
26. Замѣтка объ А. С. Пушкинѣ.
27. Собственноручныя бумаги *кн. Потемкина-Таврическаго.* 1786—1790. (Донесенія имп. Екатеринѣ, политическія замѣтки, хозяйственныя и домашнія распоряженія, письма къ В. С. Попову и къ Я. И. Булгакову).
28. Записка о бунтѣ Беніовскаго въ Камчаткѣ въ пользу великаго князя Павла Петровича.
29. Письмо *Ѳеофана Прокоповича* о Кіевскомъ братскомъ монастырѣ. 1736.
30. А. Я. Полѣновъ, Русскій законовѣдъ XVIII в. Статья *Д. В. Польнова.*
31. Разсказъ *Екатерины II-й* о первыхъ пяти годахъ ея царствованія.
32. О Пензенскомъ помѣщикѣ Н. Е. Струйскомъ (Изъ записокъ кн. *И. М. Долгорукова*).
33. Письмо Шотландцевъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, съ предисловіемъ кн. *А. Б. Лобанова-Ростовскаго.*
34. Къ исторіи 1812 года. О фальшивыхъ Русскихъ ассигнаціяхъ, распространенныхъ Наполеономъ I въ Россіи.
35. Списокъ членамъ ложи св. Георгія Побѣдоносца на востокѣ Мобежа.
36. Хронологія басенъ Крылова. *В. Ѳ. Кеневича.*
37. Отвѣтъ П. А. Безсонову *П. М. Строева.*
38. Библіографическія поправки.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Дозволено цензурой. Москва, 12 апрѣля 1865 года.